

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
MCMLXIII

Ф. БУОНАРРОТИ ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика **В. П. ВОЛГИНА**
Вступительная статья **В. П. ВОЛГИНА**
Перевод с французского **Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ**
Комментарии **В. М. ДАЛИНА**

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2009.
Орфография оригинала сохранена. (*) отмечены примечания Ф.Буонарроти, арабскими цифрами – примечания редакторов русского издания. Наши комментарии обозначены римскими цифрами. Для удобства чтения некоторые наиболее объемные примечания автора вынесены нами как приложения. Прилагаемые документы собраны в [отдельный файл](#).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к второму изданию
В.П.Волгин. Движение «равных» и социальные идеи Ф.Буонарроти
ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА, ИМЕНУЕМЫЙ ЗАГОВОРОМ БАБЕФА
Предисловие
Партии французской революции и их характер
Система эгоизма
Система равенства
Фальшивые друзья равенства
Усилия и успехи партии равенства
Ее торжество
Аристократы в Национальном конвенте до 31 мая 1793 г.
Друзья равенства против того, чтобы заняться конституцией
Заговор 31 мая 1793 г.
Демократия во Франции. Что она собой представляет
Малочисленность искренних друзей равенства в Национальном конвенте
Декларация прав, провозглашенная Робеспьером
Конституция 1793 года
Происхождение и побудительные мотивы революционного правительства
Чудеса революционного правительства
Законодательные мероприятия в пользу равенства и народных обычаев
Фракция, внушавшая народу тревогу за сохранение его суверенитета. Эбертисты
Фракция воинствующих эгоистов, присоединившись к предшествующей, убивает друзей равенства.
Дантонисты
Добродетель названа пороком и тиранией
Революционное правительство становится общественным бедствием
Друзья равенства требуют конституции 1793 года. Они терпят поражение
Тюрьмы Парижа — очаги заговоров во имя равенства
Образ жизни и занятия заключенных патриотов
Конституция III, или 1795 года
Мнение друзей равенства об этой конституции
Протесты друзей равенства
Ложь о принятии народом конституции III года
Проскрипция членов Конвента
Надежды врагов революции
Народ связан обновлением трети депутатов
Друзья равенства защищают преступных членов Конвента
Новое предательство членов Конвента
Освобождение патриотов
Их заблуждение

Раскол среди патриотов
Первые собрания равных
Дух нового правительства
Правительство поощряет собрания патриотов
Настроения патриотов и народа
Осторожность равных
Основание общества Пантеона
Его организация
Расхождения среди членов общества Пантеона
Связь общества с народом
Народные законы
Преследование Бабефа
Комитет на квартире у Амара
Взгляд Комитета на правительство III года
Частная собственность — причина порабощения
Порочность аграрных законов, как и законов против роскоши
Конечная цель общества — равенство в труде и в пользовании благами
Робеспьер был другом такого равенства
Препятствия к установлению равенства
Конституция 1793 года — путь к равенству
Недостатки конституции
Пункты, объединявшие республиканцев
Власть, которой надлежало заменить правительство III года
Насильственный роспуск Комитета
Другие объединения того же рода
В обществе Пантеона проявляется демократический дух
Трудное положение ораторов этого общества
Возрождение демократических принципов в народе
Деятельность общества Пантеона
Раздача защитникам отечества миллиарда из национальных имуществ
Интерес общества к Бабефу
Раскол в обществе Пантеона
Десигнаты, свобода печати, присяжные заседатели
Осторожность общества
Недопущение членов Конвента
Декадные праздники
Ненависть правительства к членам общества Пантеона
Рвение членов общества
Чтение произведения Бабефа
Насильственный роспуск общества Пантеона
Вероломство правительства
Новая проскрипция патриотов
Мужество Бабефа создает ему множество врагов
У Бабефа зарождается план освобождения народа
Создание Тайной директории общественного спасения
Агенты и их инструктирование
Члены Директории и их политическая доктрина
Конечная цель участников заговора
Народ — цель и средство Тайной директории
Тайная директория хотела установить конституцию 1793 года
Мнение Тайной директории об этой конституции
Истина — главная движущая сила народного восстания
В Париже множатся народные общества
Выбор 12 революционных агентов
Военные агенты
Гризель
Демократические произведения
Нищета народа
Рост повстанческих настроений
Деятельность Тайной директории
Власть, которой надлежало заменить существующую
Необходимость власти, которая предшествовала бы конституционному строю
Созыв Конвента
Возражения
Временная власть, подлежащая назначению парижскими повстанцами
Эта система гармонировала с народным суверенитетом
Диктатура отвергнута

Восставшему парижскому народу должен был быть предложен орган из демократов, по одному от каждого департамента
Тайная директория предусматривает способы сделать народ более сильным, чем армия Лионские республиканцы
Сильное брожение в Париже
Две клики в государстве
Фальшивые друзья равенства хотят устранить из органов власти бывших аристократов Они пытаются объединить вокруг себя патриотов и народ
Тайная директория расстраивает эти козни
Комитет из членов Конвента, подвергшихся проскрипции
Тайная директория расстраивает усилия комитета
Фальшивые друзья равенства объединяются с бывшими аристократами против демократии
Обращение Исполнительной директории, направленное против демократов
Законы против свободы слова и печати
Новое преследование демократов
Возмущение друзей свободы
Тайная директория унимает их нетерпение
Некоторые мероприятия, связанные с восстанием
Акт о восстании
Раздача имуществ, предписывавшаяся Актом о восстании, вела к строю общности
Собрание парижского народа вслед за уничтожением тирании
Новое Национальное собрание
Декрет, который надлежало предложить на утверждение восставшему парижскому народу
Восстание полицейского легиона
Роспуск полицейского легиона
Легионеры укрываются у патриотов
Военно-политическое заседание 11 флореаля IV года
Военный комитет
Предложение о содействии роялистов начинанию демократов
Предложение заколоть членов Исполнительной директории
Участники заговора презирали деньги
Россиньоль и Фийон настаивают на введении монтаньяров в состав Тайной директории
Монтаньяры намереваются завладеть восстанием
Друзья связаны с участниками заговора
Нерешительность Тайной директории
Тайная директория постановляет объединиться с монтаньярами
Условия объединения
Посланец от комитета монтаньяров представляется Тайной директории
Отказ монтаньяров
Ответ Тайной директории
Тревога патриотов
Объединение Тайной директории с комитетом монтаньяров
О некоторых вопросах, относившихся к восстанию
Предательство Гризеля
Гризель доносит о существовании заговора
Собрание участников заговора на квартире у Друэ
Доклад Тайной директории
Новое присоединение монтаньяров
Доклад военного комитета
Постановление собрания
Полиция осаждает квартиру Друэ
Гризель успокаивает участников заговора
Собрание агентов на квартире у Массара
Предложения агентов
Военный комитет требует от агентов новых сведений
Силы демократии
Недовольство и нетерпение народа
Силы тирании
Ресурсы народа
Член директории Баррас предлагает участникам заговора свои услуги
Приказ о восстании
Обеспечение неимущих жилищем и одеждой
Наказание изменников
Двусмысленное поведение монтаньяров вынуждает к новым мерам предосторожности
Распоряжения, касавшиеся восстания, должны были получить санкцию народа
Дискуссия относительно участия Повстанческого комитета в новой власти
Обзор положения Парижа после восстания

Провинция
Законодательство равенства и законы переходного характера
Вся собственность имеет одного владельца: она принадлежит народу
Право каждого человека на счастливое существование; одинаковая для всех обязанность трудиться
Сельское хозяйство и ремесла первой необходимости
Распределение граждан
Оно начинается с общего воспитания
Изобилие — цель всеобщего труда
Труд — функция, регулируемая законом
Облегчение тяжелых работ
Равенство в пользовании благами
Преимущества строя общности в применении к стране, занимающей обширное пространство Равное распределение богатств
Внешняя торговля
Право пользования
Старики и немощные
Благоприятные условия для размножения человеческого рода
Превосходство этого установления над установлениями древности
Новое распределение населения
Уменьшение значения больших городов
Простота жилищ
Великолепие общественных зданий
Мебель и одежда
Благие последствия преобразования
Непроизводительные занятия
Добродетельные нравы
Воспитание — источник нравов
Работы, не подлежащие распределению
Управление государством и оборона отечества — дело всех граждан
Опасность образования специального класса людей, сведущих в искусстве управления
Отправление законодательной власти доступно всем гражданам
Возраст и дееспособность, необходимые для пользования избирательным правом
Права гражданства приобретаются с согласия
Народные собрания с целью осуществления суверенитета
Образование и деятельность правительства
Народные собрания — благоприятное условие для отдыха и соревнования
Каждый гражданин является солдатом
Воспитание в детях любви к отечеству и к подлинной славе
Молодежь будет постоянно располагаться лагерем на границе
Военный распорядок
Деятельность, в основе которой лежит военное дело
Легко осуществляемое всенародное ополчение
Непредвиденные случаи и меры предусмотрительности
Содержание армии
Чрезвычайные ресурсы
Предохранительные меры против злоупотребления войной
Уважение к международному праву
Преимущества частых собраний граждан
Четыре рода собраний
Торжества
Цензурные собрания
Суждения об общественных должностных лицах
Суждения об умерших
Годовщины памятных событий
Игры и зрелища
Божественное начало и бессмертие души
Связь между всеми частями республики
Сношения между гражданами
Праздники
Необходимость власти
Законодательная власть пребывает в народе
Иностранцы
Собрания, осуществляющие народный суверенитет
Центральное собрание законодателей
Блюстители национальной воли
Создание закона
Гарантия против посягательств собрания законодателей

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Разделение власти в этом собрании
Преимущество рассредоточения законодательных органов
Народ должен принять меры предосторожности против заблуждений
Сенаты
Первоначальное создание сенатов
Нерушимые принципы
Внесение поправок в конституцию
Народу, пользующемуся благами равенства, достаточно немногих законов
Руководство сельским хозяйством и полезными ремеслами — одна из главных функций суверенной власти
Исполнительная власть
Причины, обуславливающие хорошую исполнительную власть
Дополнение к конституции 1793 года
Природа и цели различных общественных учреждений
Объединение гражданских функций с военными
Должностное лицо обходится не дороже рядового гражданина
Простота нравов — гарантия преданности должностных лиц
Лестница общественных должностей
В начальной стадии преобразования ведомства
должны вверяться только революционерам
Постепенное движение вперед
Воспитание — средство осуществления преобразования и его сохранения
Общество должно руководить воспитанием
Разделение полов
Государственное воспитание
Общественное
Равное
Воспитанием должен руководить высокий орган
Забота о детях
Естественные различия между полами
Цели воспитания
Тело
Распорядок в воспитательных домах
Сердце
Ремесла
Общий дух. Науки
Воспитание девочек
Военное воспитание
Просветительные собрания
Свобода печати
Преимущества искусств и наук
Проистекающие от них бедствия
Возражения
Первые мероприятия после восстания
Воззвание к французскому народу
Генеральные комиссары
Образцовый семинарий
Общественный дух и народные общества
Революционные декреты
Декрет о внутреннем порядке
Военный декрет
Декрет о воспитании
Экономический декрет
Декрет о национальных праздниках
Частичное и последовательное осуществление конституции
Арест участников заговора

ПРОЦЕСС

Тюремное заключение
Друзь отводит меч, готовый поразить подсудимых
Г.Бабеф — Исполнительной директории. Ослепление правительства
Нарушение конституции
Обвинительное заключение
Победы
Перевод заключенных в Вандом. Опротестования
Отводы
Мужественные признания Бабефа

Стойкость подсудимых
Видоизменение защиты
Антонелль
Открытие судебного разбирательства. Дарте
Контрреволюционное умонастроение государственных обвинителей
Помехи, чинимые защите
Подсудимые выступают в защиту революции
Предатель. Он выступает свидетелем
Сумятица
Свидетельские показания предателя
Бабеф оправдывает прериальское восстание
Благородство двух свидетелей
Защита
Попытка освободить подсудимых, которым грозила опасность
Враждебные речи государственных обвинителей
Ответы подсудимых
Призыв к патриотизму присяжных заседателей
Защита революционного правительства
Восхваление конституции 1793 г.
Подсудимые настаивают на законности заговора
Бабеф защищает общность имуществ
Заключительная часть речи Бабефа
Вопросы об установлении фактов
Вопрос относительно намерения
Решение суда присяжных
Приговор
Бабеф и Дарте ранят себя. Смятение
Кровавая казнь
Вадье
Благородство муниципального совета Сен-Ло. Доброта жителей Вандома

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее издание является наиболее полным по сравнению со всеми предшествующими изданиями этой книги, вышедшими на французском языке и в переводах, в том числе с русским изданием 1948 г. Подготавливая к печати свою книгу, Буонарроти намеревался включить в число приложений две изданные бабувистами брошюры: «Le cri du peuple français centre des oppresseurs» и «L'Opinion sur nos deux Constitutions». Ему, однако, не удалось их разыскать. При подготовке настоящего издания обе эти брошюры удалось обнаружить в следственном деле бабувистов¹ и обе они включены в состав приложений.

Издавая свою книгу, Буонарроти вынужден был опубликовать воззвание Бабефа «Un mot pressant aux patriotes» с большим пропуском, так как ему пришлось пользоваться дефектным экземпляром, в котором отсутствовали некоторые страницы. Во всех последующих изданиях книги Буонарроти этот пробел не был восполнен. В настоящем издании воззвание Бабефа публикуется полностью, согласно тексту газеты Бабефа «Le Tribun du peuple», № 42.

В приложениях к настоящему изданию помещено также письмо Буонарроти к чартисту Бронтеру О'Брайену, опубликованное впервые в английском издании «Заговора», вышедшем в Лондоне в 1836 г. В этом письме Буонарроти раскрыл анаграммы, которыми он зашифровал фамилии ряда участников движения, которые, как он предполагал, были еще живы и могли подвергнуться преследованиям. В тексте настоящего издания, как и в последнем французском издании, вышедшем в 1957 г. под редакцией Ж.Лефевра, рядом с анаграммами указываются в квадратных скобках подлинные фамилии участников бабувистского движения.

Текст русского перевода заново проверен и исправлен. Вводная статья и комментарии пересмотрены и дополнены.

Ф. БУОНАРРОТИ ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

* Archives Nationales, W³ 562—563. Публикуется по фотокопии, хранящейся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ф.223).

ДВИЖЕНИЕ «РАВНЫХ» и ИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ

«При каждом крупном буржуазном движении, — говорит Энгельс, — вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»¹. Заговор Бабефа является наиболее ярким примером такого движения, движения, отражающего во время буржуазной революции стремления пролетаризированных масс населения.

Борьба французской буржуазии против феодализма, борьба, достигшая наивысшего напряжения в буржуазной революции конца XVIII в., имела громадное историческое значение. Ликвидируя устаревший феодальный порядок, французская буржуазия делала большое прогрессивное дело, расчищала путь для дальнейшего движения вперед всего человечества. В этом смысле она, борясь за свои классовые интересы, боролась за интересы общества в целом. С другой стороны, грань, отделяющая интересы трудящихся вообще, и рабочих в частности, от интересов возглавлявшей революционные массы буржуазии, была накануне и в начале революции еще не вполне для них ясна.

Своеобразное положение французской буржуазии в общественном движении XVIII в. не могло не отразиться на ее идеологии. Вдохновленная своей ролью всенародного руководителя, буржуазия могла подняться в своем идеологическом творчестве до больших высот. Буржуазные просветители XVIII в. в своей критической работе не оставили камня на камне от старой политической доктрины абсолютизма. В своей борьбе за освобождение умов от обветшалых традиций феодального порядка просветители противопоставили им незыблемые права человеческой природы и свободу человеческого разума. Конечной целью общественного союза они провозгласили благо человека, высшим законом государства — счастье народа. Буржуазное просвещение XVIII в. внесло немало новых и прогрессивных идей в сокровищницу общественной мысли. Немало дало оно и для дальнейшего развития коммунизма.

Радикализм буржуазных идеологов имел, однако, свои пределы. Исключительно смелая во многих своих теоретических построениях, их мысль не могла, однако, выйти за грани буржуазного кругозора в вопросах, затрагивающих непосредственно классовые интересы буржуазии. Этим объясняется характерное для буржуазной идеологии XVIII в. противоречие: выдвигая в теории положения, подрывающие корни всякого порядка, основанного на эксплуатации человека человеком, всякого классового общества, ее представители предлагают на практике лишь идеализированное буржуазное общество, в котором сохраняется эксплуатация, хотя и в новых, не феодальных формах. Противоречие между высокими социальными идеалами (общее благо, наибольшее счастье наибольшего числа людей) и сохраняющимися в обществе эксплуатацией и неравенством составляло проблему, которую были неспособны разрешить даже самые радикальные буржуазные мыслители XVIII в.

Весь глубокий социально-политический смысл отмеченной нами двойственности в построениях предреволюционных мыслителей раскрыла до конца революция. Революция пробудила к политической жизни все слои населения. Без участия широких масс, деревенских и городских, она не могла бы двигаться вперед, она не могла бы победить. Эти вступавшие в борьбу крестьянские, мелкобуржуазные, предпролетарские и пролетарские массы приносили в революцию не только необходимую ей физическую силу, но и свои социальные настроения, свои — пусть еще далеко не ясные — социальные мечты и надежды. В классовой борьбе времен революции теоретические противоречия предреволюционной эпохи выступают как противоречия интересов различных группировок внутри революционного лагеря. Практически эти противоречия, поскольку речь идет о буржуазных революционных группировках, были сняты открытым торжеством буржуазных принципов частной собственности и индивидуального накопления после 9 термидора, после разгрома защитников уравнилельных идей. Теоретический выход из противоречия могла дать лишь идеология растущего нового класса буржуазного общества — коммунистическая идеология пролетариата.

Французские рабочие вступали в буржуазную революцию, не осознав еще себя как особый общественный класс с особыми классовыми интересами. Но напряженная политическая и социальная борьба времени революции не могла пройти бесследно для самосознания пролетарских элементов французского общества. В первый период революции рабочие совместно с мелкобуржуазными слоями населения, не отделяя себя от них политически, боролись против господствовавшей в Учредительном собрании буржуазной верхушки, стремившейся сохранить ненавистные народу остатки старого режима. Рабочие принимали активное участие в борьбе парижских масс против монархии, в борьбе, завершившейся переворотом 10 августа 1792 г.

Из многочисленных клубов, возникавших в годы революции, наибольший интерес к социальным вопросам проявлял «Cercle sociale» Фоше и Бонвилля. Программу этого клуба можно считать умеренно-уравнительной, хотя отдельные его представители в своих выступлениях приближались порой к построениям социалистическим. Фоше признавал право на существование естественным правом человека и выводил из него право каждого на землю. Право общества, утверждал он, выше прав частных лиц, и общество должно пользоваться своим правом в целях достижения равенства. Какое влияние имел «Социальный клуб» в рабочих кругах, сказать трудно.

Когда установилась якобинская диктатура, рабочие в своей массе на первых порах считали, вероятно, ее своим народным правительством. Якобинцы говорили от имени бедноты, от имени санкюлотов; они довели до конца разрушение старого порядка, удовлетворили ряд основных требований крестьянства. Но даже самые радикальные представители якобинского клуба и якобинского правительства не могли пойти в своей идеологии дальше мелкобуржуазного уравниательства со всей его половинчатостью в социальных вопросах. Рабочим якобинская диктатура не могла дать и не дала ничего существенного. «Весьма характерно для Робеспьера, — писал Маркс, — что в то время, когда «конституционность» в духе Собрания 1789 года считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого Собрания *против* рабочих продолжали сохранять свою силу»². Социальные чаяния рабочих масс были еще весьма неопределенны, однако пробуждавшееся сознание того, что эти чаяния не могут быть удовлетворены якобинским правительством, вызывало недовольство и брожение. Парижские рабочие, несомненно, участвовали в движении «бешеных» и оказывали известную поддержку выступлениям левых якобинцев с их радикально-уравнительными лозунгами.

После 9 термидора, после установления ничем не прикрытого господства буржуазии, оглядываясь на пройденный путь революции, рабочие не могли не испытывать глубокого разочарования во всех тех рецептах исцеления общественных зол, какие предлагались политическими группировками, сменявшими друг друга у власти в процессе революции. Под влиянием классовой борьбы 1789—1794 г. начинался процесс идеологического выделения пролетариата как особой социальной группы из той плебейской массы, частью которой он создавал себя до этого времени. В его среде росло сознание того, что те или иные изменения в политическом строе еще отнюдь не обеспечивают улучшения положения рабочих; шла усиленная работа мысли в поисках каких-то новых путей разрешения социальной проблемы; укреплялось убеждение в том, что на этих новых путях нечего ждать помощи от тех социальных сил, в руки которых революция передала власть. Последовательного классового мирозерцания французские рабочие этой эпохи выработать еще не могли, но элементы, зачатки этого мирозерцания были уже налицо.

Бабувистское движение явилось политическим отражением этого процесса идеологического роста пролетариата. Бабувисты попытались выразить в отчетливой форме смутные социальные чаяния рабочих, дать им организационное выражение. Вожди движения в большинстве своем принадлежали к тем представителям французской демократической интеллигенции, которые вступали в революцию с уверенностью в возможности добиться на ее путях реального улучшения социального положения масс. Некоторые из них и до революции, и в ходе революции не раз выступали в качестве сторонников уравнительных или коммунистических идей. Многие еще недавно боролись в рядах якобинцев, считая себя защитниками интересов плебейской массы, соединявшей в себе в нерасчлененном виде и мелкобуржуазные и пролетарские элементы. Процесс политической дифференциации плебейства вызывал соответствующую дифференциацию и в среде его политических руководителей. Их левые, наиболее последовательные группы, разочарованные в достижениях революции, обращались к коммунизму как к единственному радикальному средству исцеления общественных зол, как к единственному лозунгу, могущему найти отклик в пролетаризированных массах населения. Этот поворот революционной интеллигенции к коммунизму составлял как бы идеологическую параллель процессу выделения рабочих из общей плебейской массы.

Как мы знаем, коммунистические идеи не были во время революции чем-то абсолютно новым. Коммунистические теории имели распространение во Франции уже в дореволюционное время. Среди них наибольшей последовательностью отличалась теория Морелли. Нет никакого сомнения в том, что бабувисты во многих отношениях, — и прежде всего в своих представлениях о будущем коммунистическом строе — были учениками предреволюционных коммунистов. Вождь «заговора равных» Бабеф уже в предреволюционные годы питал большой интерес к коммунистическим теориям, хотя, по-видимому, и проявлял иногда колебания, выдвигая предложения уравнительного характера. В 1787 г. в письме президенту Аррасской академии Дюбуа де Фоссе Бабеф ставил вопрос о возможности и целесообразности установления коммунистического порядка. «При общем состоянии имеющихся в настоящее время знаний, — писал Бабеф, — каково было бы положение народа, социальные установления которого обеспечивали бы господство между всеми его гражданами возможно более совершенного равенства, земля которого не принадлежала бы никому в отдельности, а была бы достоянием всех; наконец, все

все было бы общим, вплоть до продуктов всех видов производства? Соответствовали бы подобные установления естественному закону? Возможно ли, чтобы такое общество существовало; имеются ли практические средства достигнуть абсолютно равного распределения?» В одном из последующих писем Бабеф вновь возвращается к той же проблеме. Ссылаясь на некоего неизвестного нам «реформатора», Бабеф пишет: «Реформатор считает необходимым, чтобы все были в абсолютно равной мере обеспечены всем, чем можно пользоваться в нашем мире. Это может быть достигнуто установлением такого порядка, при котором никто не должен ничем владеть частным образом, а все должны пользоваться всем сообща». Такой порядок представляется Бабефу значительно более совершенным, чем современный. В заключение Бабеф выражает горячее желание одним из первых эмигрировать в республику, основанную на началах равенства.

В одном из неопубликованных дореволюционных писем Бабефа содержится интересная мысль о создании крупных сельскохозяйственных коллективов (*fermes collectives*). Бабеф исходит из того, что мелкие фермы препятствуют необходимому развитию сельского хозяйства, задерживают рост его производительности. Бабеф не ставит в рассматриваемом письме вопроса о разделе крупных земельных владений. Он считает, что подобное глубокое преобразование в настоящий момент невозможно. Еще менее возможен был бы, по его мнению, переход к совершенно новому порядку, основанному на общности, хотя такой порядок и представляется ему желательным. Организацию «коллективных ферм» он предлагает, очевидно, как некоторый компромисс, преимущества которого в том, что он может быть осуществлен без радикальной ломки основ существующего порядка. Идеальным, окончательным решением социальной программы он свой проект не считает³.

В 1789 г. в предисловии к своей книге «*Cadastre perpetuel*» Бабеф пытался наметить желательные, по его мнению, преобразования общественного порядка. Великая цель общества, говорит он, счастье народа. Люди имеют разные способности, которыми определяются их занятия. Все в соответствии со своими данными соучаствуют в обеспечении обществу разнообразных выгод. Общество составляет как бы единую семью, члены которой должны пользоваться равным благосостоянием и разными правами. Для того чтобы это равенство было обеспечено, необходимо прежде всего установить новый порядок пользования землей. Земля, говорит Бабеф, могла бы быть разделена на неотчуждаемые участки, предоставляемые пожизненно лицам, ее обрабатывающим. Такая система землепользования, согласно Бабефу, соответствует требованиям разума и законам природы. Как мы видим, в 1789 г. Бабеф наряду с положениями, сближающими его со сторонниками коммунизма, предлагает проект уравнительной аграрной реформы. Но уроки революции не прошли бесследно для Бабефа, как не прошли они бесследно для французского пролетариата. В 1793 г. Бабеф решительно, и даже с некоторой обидой, опровергает представление о нем как об «апостоле аграрного закона». Очевидно, уже до 1793 г. он пришел к твердому убеждению в невозможности компромиссных решений социальной проблемы, в необходимости установления порядка общности. Это убеждение он сохранил до конца своих дней, оно стало руководящим принципом всей его последующей революционной деятельности.

Используя наследие теоретиков XVIII в., с одной стороны, традиции революционного якобинства, — с другой, Бабеф и его соратники попытались дать ответ на запросы нового общественного слоя, начинавшего пробуждаться у к самостоятельной политической жизни пролетариата. Разумеется, эта первая попытка по неизбежности несовершенна. В ней много элементов, отражающих незрелость классовых отношений, в частности незрелость французского рабочего класса. Тем не менее бабувистское движение составило, бесспорно, весьма значительный этап в истории домарксовского коммунизма. Коммунистическая пропаганда бабувистов имела целью не только распространение в узком кругу читателей правильных взглядов на способы разрешения социальных вопросов, эта пропаганда, происходившая в атмосфере, еще насыщенной возбуждением революционной поры, была рассчитана на то, чтобы поднять народные массы на новый революционный переворот во имя коммунизма. В этом коренное отличие коммунизма бабувистов от коммунизма дореволюционных теоретиков.

Поставив перед собой задачу революционным путем свергнуть существующий строй, бабувисты неизбежно должны были, с одной стороны, выдвинуть ряд новых вопросов, вовсе не существовавших для утопистов XVII—XVIII вв., с другой, — пересмотреть многое в их теоретическом наследии. И в том и в другом отношении бабувизм дал много ценного и интересного. Впервые в истории коммунизма бабувисты, наряду с основными контурами будущего коммунистического строя, наметили ряд непосредственных мероприятий, с одной стороны, облегчающих положение бедноты, с другой, — подавляющих сопротивление враждебных революции сил. Впервые в истории коммунизма они сделали попытку разрешить проблему организации власти после победоносной революции, выдвинув идею революционной диктатуры трудящихся, попытались дать характеристику процесса этого преобразования, его основных этапов.

Бабувизм возник в обстановке революции. Бабувисты ставили себе непосредственной целью насильственный переворот, насильственный захват власти. Перед их глазами прошла борьба революционного периода, они сами были не только свидетелями, но и участниками ожесточенных классовых битв. Они не могли представлять себе ход истории так, как представляли его себе дореволюционные просветители. Рационалистическая схема Морелли была явно недостаточна для понимания революционной действительности, она была еще более недостаточна для обоснования революционных планов. Бабувисты, как и их предшественники, верили в то, что будущий общественный строй, за который они борются, есть естественный строй, соответствующий естественным свойствам человеческой природы. Но мы не находим у них характерной для большинства дореволюционных мыслителей идеализации естественного состояния как исходного пункта истории человечества. Первобытное общество, по их представлению, отнюдь не отвечало требованиям естественного права. Естественное состояние — случайное и несовершенное состояние. Это — продукт первых впечатлений и невежества. Естественное Право — результат опыта и рефлексии; его положения вытекают из природы вещей, но для их открытия требуется работа разума⁴.

Природа дала всем людям равное право пользоваться ее благами. Равенство — основной принцип естественного права. Целью общества, сменившего естественное состояние и основанного на законах, должна была стать охрана равенства от сильных и злых; общественный договор должен был обеспечить *общее* благосостояние. «Все люди, — писал Бабеф в своей газете «Трибун народа», — имеют право на счастье, и целью их соединения в общества является прочное обеспечение каждому из них достаточных средств к существованию»⁵. Однако этого нет нигде. Гражданские законы — варварские законы всеобщего грабежа. Естественное право не реализовано в праве положительном. Везде царит неравенство, имеющее своим источником частную собственность⁶. Основной причиной этого разрыва между естественным правом и действительностью является своекорыстный и злонамеренный заговор одной части общества против другой. Невежество масс лишь обеспечивает успех этого заговора. Поэтому, чтобы добиться реализации естественного права, недостаточно просвещения, необходима *борьба* за право. Общественный договор, если он не соответствует естественному праву, должен быть расторгнут силой.

Необходимость борьбы за право бабувисты обосновывали характеристикой исторического процесса, как «непрерывной борьбы между патрициями и плебеями». «Эта борьба между плебеями и патрициями, между бедными и богатыми, — говорит Бабеф, — начинается не только с того момента, когда она открыто объявлена; она идет вечно, она начинается вместе с появлением институтов, стремящихся передать все богатства одним, и отнять все у других»⁷. Одни заинтересованы в сохранении этих институтов, другие — в их разрушения и в установлении естественного права, согласно которому целью общежития является всеобщее благо. Просвещению бабувисты отводят в своей теории большую роль, но оно является для них лишь одним из условий и средств борьбы. Для богатых самым надежным оплотом является невежество бедных, их уверенность в неизменности существующего положения. Но под давлением тяжелых жизненных условий к массам неизбежно приходит в конце концов просвещение — понимание того, что их обкрадывают. «Восстание угнетенных против угнетателей обыкновенно вспыхивает тогда, когда большинство доведено до нестерпимого положения, — писал Бабеф. — Только тогда масса начинает задумываться над естественными правами человека, только тогда людям становится ясным, что природа создала каждого человека равным в правах и Потребностях со всеми его братьями». Только тогда начинают они понимать, что их бедственное положение является результатом господствующих в обществе законов, составляющих ужасный кодекс грабительства.

«Когда народ совершает революцию, — говорил Бабеф в своей защитительной речи, — это значит, что воздействие дурных учреждений так сжало пружины общества, что большая его часть не может более оставаться в прежнем положении...» «В настоящее время гангрена мнимого права собственности распространилась настолько, что не осталось ни одного не охваченного ею места»⁸. Это создает благоприятные условия для торжества естественного права. Настоящая эпоха — наиболее благоприятна для достижения этой цели. Люди, когда они учреждали право собственности, не предвидели всех тех бедствий, к которым она приведет. С течением времени порядок собственности начали считать естественным, неизменным и фатальным» Невежество, предрассудок и власть соединились для утверждения этого мнения. Сейчас, когда пагубные последствия собственности ясны, нет препятствий к тому, чтобы народ, естественно стремящийся к своему благу, торжественно заявил, что он желает жить в единственном мирном и счастливом порядке. Французская революция показала, что даже самые древние злоупотребления не являются неискоренимыми.

Неужели можно думать, что негодование 24 миллионов ничего не в состоянии достигнуть? Правительство принимает все меры, чтобы потушить это негодование. Но этим оно только концентрирует взрыв. Пагубные последствия права собственности достигли крайних пределов. Корни собственности по большей части уже подгнили, все дерево готово рухнуть от первого серьезного толчка. Экспроприируйте массу, отдайте ее во власть кучки прожорливых эксплуататоров — и роковой институт частной собственности уже потерял свою непоколебимую прочность. «Когда масса лишена возможности существовать и не обладает ничем, когда вся сумма общего богатства присвоена немногими... общий переворот в системе собственности становится неизбежным»⁹. Экспроприированная масса не может не стремиться к низвержению существующего порядка и к установлению порядка, при котором плоды будут принадлежать всем, а земля — никому.

С точки зрения исторической концепции Бабефа французская революция есть последний эпизод в вечной борьбе между патрициями и плебеями. «Я различаю,— говорит Бабеф,— две партии, диаметрально противоположные одна другой и по своим системам и по своим кланам общественного управления. Я верю, что обе они хотят республики, но каждая хочет республики на свой лад. Одна хочет республики буржуазной и аристократической. Другая хочет, чтобы республика оставалась народной и демократической. Одна хочет республики одного миллиона граждан, которые неизбежно будут врагами, повелителями, эксплуататорами, угнетателями, кровопийцами для остальных 24 миллионов; этот миллион — тот слой, который в течение веков пребывает в праздности за счет нашего пота и нашего труда. Вторая партия хочет республики для этих 24 миллионов, которые заложили ее основы, которые цементировали ее своей кровью, которые питают отечество, снабжают его всем необходимым, защищают его, умирают во имя его безопасности и славы. Первая партия желает сохранить в республике патрициев и плебеев, небольшое число привилегированных и господ... и большинство, сведенное к уровню илотов и рабов; вторая партия желает для всех не только равенства в правах, но и достойного благосостояния, равного обеспечения всех физических потребностей, всех социальных преимуществ, справедливого вознаграждения за труд, который каждый отдает общему делу»¹⁰.

Французская революция не привела пока к тем результатам, к которым она должна была привести. В то время, как трудящийся класс проявил в революции чудеса самопожертвования и добродетели, прочие слои населения все время противодействовали общественному возрождению. Французская революция шла вперед до 9 термидора; с этого момента она дошла назад. «Она не доведена до конца, так как не сделано ничего для обеспечения блага народа; наоборот, сделано все для того, чтобы заставить народ вечно проливать свой пот и свою кровь, собираемые в золотые сосуды кучкой ненавистных богачей»¹¹. Одна группа тиранов отняла силу и власть у другой. Пока положение останется таким, как сейчас, самая свободная политическая форма пойдет на пользу только тем, кто может обойтись без труда. Масса народа, подчиненная необходимости тяжелого и неизбежного для нее труда, не может разобраться в общественных делах, не может даже участвовать в собраниях, где они обсуждаются. Там, где существует неравенство, использование беднотой ее прав является иллюзией. Революцию нужно продолжить, пока она не станет народной революцией, пока она не найдет своего необходимого завершения. Иногда бабувисты выражают эту мысль иначе: французская революция — предтеча новой, более великой революции, которая будет революцией последней¹².

Те, кто утверждает, что революция окончена, являются врагами народа. На самом деле завершена не революция, а контрреволюция. Революция — благо для всех. Контрреволюция — несчастье для большинства. Истинная революция — революция масс; революция, которую может совершить только сам народ, установив подлинную демократию, навсегда обеспечит счастье народа. Именно такой революции, говорит Бабеф, мы и хотим¹³.

Ясно понимая контрреволюционный характер правительства Директории, Бабеф считает, что несчастья масс дошли до такого предела, что народ в определенный момент готов вступить в бой против правящей касты. Это революционное настроение масс, утверждает он, не может не вызывать страха у буржуазии. Богатые не могут не видеть, до какой степени их ненавидят угнетаемые ими массы. В такой ситуации, с редкой прозорливостью указывает Бабеф, не стоим ли мы перед вероятностью военного правительства, которое в интересах богатых подавило бы и навсегда устрасило санкюлотов?

Правящая каста утверждает, что она грабит массы на законном основании. В действительности ограбление большинства могло быть осуществлено лишь при посредстве отвратительных учреждений, созданных правительствами при помощи основных законов. Патриции-стяжатели и правящая каста являются сообщниками. Законы отдали все общество на разграбление небольшой группе захватчиков; законы составляют как бы кодекс грабительства. Бели наиболее полезная часть общества оказывается экспроприированной, то это могло произойти лишь в результате ряда махинаций, опирающихся на существование законов, благоприятствующих жадности и тщеславию¹⁴. Свои общие положения о грабительской сущности законов Бабеф иллюстрирует примером «принудительного займа у богатых», доказывая, что по существу этот заем является

принудительным займом у бедных¹⁵.

Интересам эксплуатации служит также, по мнению Бабефа, существующая система воспитания, при которой массы коснеют в невежестве и предрассудках. Орудием в руках правительства служит и пресса. Мнения правят миром, напоминает Бабеф формулу просветителей XVIII в. Но видимые властители используют этого невидимого властелина для упрочения своего господства. Можно пожалеть об участи народа, восклицает Бабеф, когда его просвещают те, чьи интересы требуют его гибели¹⁶. Наконец, когда наглость правительств и мера их злодеяний достигают высшей точки, когда долготерпение и легковерие народа истощены, правящие обращают взоры на армию и устанавливают военный режим, чтобы держать массы в покорности.

Резко осуждая, как мы видим, существующий политический порядок, государство, его законы и его политику, Бабеф протестует против обвинения его и его сторонников в анархизме. «О нас говорят, что мы анархисты. Но подлинными дезорганизаторами общества — не мы, а те, кто объявляет контрреволюцию революцией, кто защищает порядок, осуждающий на бедствия и смерть большинство населения. Я называю организацией порядок, противоположный существующему, обеспечивающий благосостояние масс. Организаторами я именую тех, кто трудится над созданием и обеспечением этого благосостояния»¹⁷.

Несмотря на все средства, которыми располагают правительства, они не в состоянии предотвратить рост революционных настроений в народе. «Если вы доводите меня, — говорит Бабеф, — до такого положения, что я не в состоянии приобрести ни хлеба, ни дров, ни одежды... если вы затыкаете мне рот, когда я высказываю справедливые жалобы, вы доводите меня до границ отчаяния, и все вынуждает меня размышлять о причинах моих бедствий. Нетрудно понять, что причина — в вас, в тех, кто всем управляет и всем руководит. Так как каждому ненавистна причина его страданий, я неизбежно буду ненавидеть вас, считать вас своими врагами»¹⁸.

В предвидении народной революции, заявляет Бабеф, друзья народа, глубоко убежденные в том, что без народа нельзя сделать ничего значительного, должны полностью довериться народу, должны со всей откровенностью и прямотой сказать ему правду. Опыт истории учит, что хитросплетения и уловки, применяемые в политике кoterиями, приводят лишь к тому, что народ утрачивает энергию, теряет уверенность, начинает колебаться и в конце концов дает возможность беспрепятственно утвердиться тирании.

Спасение отечества, утверждает Бабеф, нельзя ожидать ни от правителей, ни от каких-либо иных «освободителей». Спасение может принести лишь Союз равных — эта организация добродетельных и мужественных людей. Только они способны вырвать страну из рук партий, составляющих против нее заговоры. Однако, для победы «равных» Бабеф считает необходимым создание своего рода демократического фронта, объединение всех «свободных» людей, разумея под этим, очевидно, демократические группы, не входившие в организацию равных. Эти люди, говорит он, также хотят торжества равенства, уничтожения аристократии 1795 г. и роялизма, хотят счастья для французского народа. Они отличаются от равных лишь в определении пути, по которому следует идти к этим целям. Они могут объединиться во имя низвержения тирании и освобождения народа от угнетателей. Необходимо противопоставить роялизму национальную волю. Это приведет нас к блестящей победе. К сожалению, добавляет Бабеф, друзья свободы не пришли еще к единству, которое должно составлять их силу. Они склонны забывать о великом целом, которое их объединяет, и придают слишком большое значение частностям, которые их разделяют. В заключение этих рассуждений о необходимости единства Бабеф указывает и лозунг, вокруг которого может произойти такое объединение: этот лозунг — восстановление Конституции 93 года¹⁹.

Бабеф не верит в возможность устранения зол общественного порядка на путях компромисса, частичных улучшений. Ожидаемая и подготовляемая им революция не должна останавливаться на полдороге. Она должна довести свое дело до конца. Старый режим угнетения, предрассудков и суеверий необходимо уничтожить, писал Бабеф в письме Жермену 25 июля 1795 г.; если этого не сделать, то народ вынужден будет вновь начать все сначала. Необходимо, чтобы экспроприированные не имели возможности вновь установить режим узурпации. Надо сделать так, чтобы их эгоистические сожаления не смягчались никакими надеждами. Если бы я мог, я бы разбил в прах все прошлое, я бы одним ударом воздвиг все то, чего требует общество равных²⁰.

В будущем обществе, говорит Бабеф в том же документе, характеризуя основные принципы своего общественного идеала, все должны участвовать в производстве и в потреб-мнений, все потребности должны быть удовлетворены, никто не должен страдать ни от нищеты, ни от утомления. В обществе не должно быть ни высших, ни низших, ни первых, ни последних, ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых; усилия всех сограждан будут соединены для достижения великой братской цели общего благосостояния. Во всех отношениях будет царить справедливость, лояльность, честность и искренность. Не будет ни купцов, ни негоциантов, если не считать таковыми агентов системы распределения. Все работники производства будут поставлять продукты своего труда в общие магазины; а работники системы распределения будут доставлять всем гражданам равные, но разнообразные доли общей массы продуктов

производства в компенсацию за то, что они сделали для увеличения этой массы или для ее улучшения. Такой порядок, очевидно, будет выгоден для всех. Следует еще раз отметить, продолжал Бабеф, что все мы — за исключением детей, стариков и инвалидов — каковы бы ни были наши функции, будем агентами этой хозяйственной системы. В ней все будут объединены на основах совершенного равенства: крестьяне, рабочие и ремесленники, артисты и ученые, работники магазинов и агенты распределения. Все объединенные в этой системе профессии будут подняты до некоторого общего уровня. Само собой разумеется, что все это не относится к внешней торговле: внешняя торговля будет существовать поскольку она не вредна для ассоциации. Она будет служить одним из орудий политики, пока высокий принцип равенства и всеобщего братства не станет единственной религией народов и не найдет повсеместного применения. Мало-помалу границы, являющиеся результатом плохого управления, исчезнут, и круг человеческих отношений расширится.

Наши учреждения (т.е. учреждения, предлагаемые равными), всё упорядочивают и разумно направляют и не упраздняют ничего, за исключением того, что противоречит справедливости. Все виды полезного труда будут сохранены. Но ассоциация будет внимательно следить за тем, чтобы ни один из них не производил ни больше, ни меньше необходимого. Она будет определять число граждан, которые должны быть заняты в каждой профессии, и количество молодежи, которая должна к ней готовиться. Все будет соответствовать как существующим потребностям, так и потребностям, предусматриваемым в связи с ростом населения. Все реальные потребности будут учитываться и полностью удовлетворяться; в случае необходимости те или иные продукты будут перебрасываться из одной местности в другую. С того момента, как индустрия начнет служить интересам нации, она потеряет свой характер раздробленной индустрии. Каждая мастерская будет составлять часть большой мастерской, все продукты будут учитываться как части общей массы ресурсов республики. Каждый будет свободно трудиться, выполняя возложенное на него задание. Каждый будет убежден, что его труд обеспечит достаточное удовлетворение его потребностей и потребностей его семьи. Если кто-либо изобрел новую машину или новый прием, упрощающий и сокращающий труд, он не должен бояться, что у него украдут его секрет. Он передаст этот секрет ассоциации для хранения в ее архивах; его использование увеличит досуг не только изобретателя, но всех трудящихся в данной отрасли, причем никто не должен будет бояться безработицы, вызываемой новыми машинами в настоящее время. Общество примет на себя заботу о детях, о стариках и о больных. По отношению к детям это как бы аванс тем, кто в зрелом возрасте будет трудиться на общество. По отношению к старикам и больным это будет выполнением долга гуманности.

Равенство в распределении продуктов, говорит Бабеф, основывается на строгом равенстве в труде с учетом природных, интеллектуальных и физических способностей каждого. Все паразиты, пользующиеся сейчас излишним, обвиняют нас в том, что мы хотим вернуть общество к варварству. Они называют нас вандалами, желающими уничтожить науки, искусства и индустрию. В действительности наука, искусства и индустрия не только не погибнут — они получают новый импульс к своему развитию. Изменится лишь то, что они будут служить общественной пользе. Они не будут более рабски приспосабливаться к желанию меценатов, они поднимутся к грандиозным обобщениям, достойным подлинной цивилизации²¹.

В 1796 г., незадолго до ареста руководителей движения, бабувисты сочли необходимым опубликовать документ, как бы подводивший итоги пропаганде Бабефа и предшествовавшему обсуждению проблем революции. Этот программный документ носил название «Анализ доктрины Бабефа». Он состоял из 15 статей, каждую из которых сопровождали пояснения. «Анализ доктрины» дает наиболее сжатое общее изложение основных принципов бабувизма²².

Дореволюционные коммунисты не представляли себе, какие конкретные задачи встанут перед ними в процессе перехода от существующего строя к строю, который они считали совершенным. Непосредственно, практически, они вопроса о социальном перевороте перед собой не ставили; не задумывались они поэтому ни о его условиях, ни о его этапах. Положение бабувистов, стремившихся путем насильственного захвата власти получить возможность коммунистического переустройства общества в интересах трудящихся, было совершенно иным. Они не могли отмахнуться от Непосредственных интересов тех социальных слоев, которыми и для которых переворот совершался. Французская революция многому научила; ограничиться рассуждениями о необходимости просвещения было в 1795 г. для бабувистов совершенно невозможным.

Бабувисты прекрасно понимали — они узнали это из опыта революции — что для прочности правительства, захватившего власть в результате удачной революции, для того, чтобы это правительство могло удержаться у власти сколько-нибудь длительный период, в который оно могло бы осуществить свою программу общественных преобразований, необходимо закрепить узы, связывающие его с теми общественными слоями, в интересах которых оно действует, посредством мероприятий, дающих немедленный эффект²³. Бабувисты намечают целый ряд таких мероприятий.

Время бабувистского движения было чрезвычайно тяжелым временем для парижской бедноты, страдавшей и от недостатка съестных припасов, и от дороговизны, и от удручающих жилищных условий. Роскошь нажившейся на революции новой буржуазии резко подчеркивала бесплодность революции с точки зрения самых насущных потребностей плебса. С этой обстановкой бабувисты должны были неизбежно считаться, поднимая плебс на новое восстание.

Понимание руководителями заговора всего значения этой проблемы нашло свое отражение в документе, намечающем первые мероприятия революционной власти, так называемом Акте о восстании²⁴. «Народ, — говорится в этом документе, — захватит в свои руки государственное казначейство, почту, дома министров, все общественные и частные магазины, в которых имеются съестные припасы... Съестные припасы всякого рода будут вынесены для раздачи народу на площади, все пекари будут мобилизованы для непрерывной выпечки хлеба, который будет бесплатно распределяться среди народа; им будет заплачено согласно их заявлениям». Далее в том же акте идет мера более длительного значения, в которой проявляется внимание бабувистов к жилищным нуждам бедняков: «Бедняки по всей республике будут немедленно вселены в дома заговорщиков и снабжены мебелью». Затем намечается способ облегчения задолженности бедняков: «Предметы, принадлежавшие народу и заложенные в ломбарде, будут немедленно возвращены ему безвозмездно». В заключение бабувисты обещают провести мероприятия, направленные к частичному перераспределению имущества: «Все имущества эмигрантов, заговорщиков и других врагов народа будут безотлагательно распределены между защитниками отечества и бедняками»²⁵. Один из пунктов приведенной нами программы мероприятий повторяется в другом бабувистском документе, вступительная часть которого дает этому мероприятию общее обоснование. «...Народ, — говорится здесь, — долгое время убаюкивали пустыми обещаниями... Настала, наконец, пора действительно позаботиться о его благе — этой единственной цели революции. Принимая во внимание, что величественное восстание настоящего дня должно навсегда уничтожить нищету — этот постоянный источник всякого угнетения, — Повстанческая директория общественного спасения постановляет:

1. По окончании восстания неимущие граждане, находящиеся в настоящее время в плохих Помещениях, не возвратятся в их обычные жилища: они будут немедленно вселены в дома заговорщиков.

2. У вышеупомянутых богачей будет изъята мебель, необходимая для того, чтобы с удобствами обставить жилища санкюлотов»²⁶.

Таким образом, установившаяся в результате революции власть оказывает немедленную и реальную помощь тому общественному слою, в интересах которого революция совершена и в котором новая власть видит свою опору. В то же время, отбирая имущество у контрреволюционных элементов (у «заговорщиков»), революционное правительство лишает их ряда средств борьбы с революционным преобразованием. Бабувисты прекрасно понимают, как важно обезвредить врагов революции. «Железной рукой нужно подавить всех противников». Это положение революционной тактики Бабеф и его друзья твердо усвоили и не раз формулировали. Экспроприация богатых является, таким образом, для бабувистов составной частью системы террора, направленной против враждебных революции сил.

Старые власти, правившие страной в силу буржуазной конституции III года, — Директория, Совет пятисот и Совет старейшин, — должны быть после переворота не только немедленно низложены, но и преданы суду народа²⁷. Этой теме бабувистами был посвящен особый проект постановления, во вступительной части которого Повстанческий комитет заявляет, что наказание неверных уполномоченных народа и узурпаторов народного суверенитета является долгом восставших по отношению ко всему народу. Исходя из этого положения, документ провозглашает: «Узурпация и тирания членов обоих Советов и Исполнительной директории очевидны. Закон (в сноске указана 27-я статья Декларации прав 1793 г.) карает смертью узурпаторов народного суверенитета»²⁸. Их может помиловать только сам народ решением своих секционных собраний. В дальнейших параграфах намечаются меры, которые должны ускорить наказание изменников. Заслуживает внимания, что бабувисты наряду с категорией заранее Признанных виновными «изменников» — членов правящих корпораций — выделяют также, следуя традиции Конвента, особую категорию «подозрительных»; к ней они относят всех «не трудящихся».

Утописты XVI—XVIII вв. сохраняли в своих построениях государственную власть как политическую форму *сложившегося* коммунистического общества. Но они мало внимания уделяли вопросу о том, как должна быть организована власть в период перехода от существующего порядка к коммунистическому, — власть, строящая коммунизм. В своих рассказах о возникновении изображаемого ими идеального порядка они чаще всего ограничивались ссылкой на деятельность мудрого и доброго законодателя. Для бабувистов, готовившихся к революции во имя коммунизма, вопрос об организации власти в переходное время между переворотом и полным утверждением коммунизма был вопросом самой острой актуальности. Постановка проблемы государства переходного периода составляла значительный шаг вперед в истории коммунистической мысли. Еще существеннее для дальнейшего развития коммунизма было намеченное бабувистами

решение этой проблемы.

Критикуя политический режим, установленный Конституцией 1795 г., бабувисты противопоставляли ему демократическую Конституцию 1793 г. Лозунг возвращения к Конституции 1793 г. был близок и понятен всем, кто оставался в эпоху Директории верен якобинским традициям. Конечно, бабувисты не всё одобряли в Конституции 1793 г., в частности, они осуждали ее отношение к собственности²⁹. Но они рассчитывали, что недостатки этой конституции можно будет легко исправить. К тому же ввести ее в действие сразу же после переворота они, как увидим, не считали возможным. Тот политический режим, который они предполагали установить, свергнув Директорию и захватив власть в свои руки, был весьма далек от Конституции 1793 г.

Пройдя школу революционных лет, считая себя продолжателями дела якобинцев, бабувисты прочно усвоили идею революционной диктатуры. После победы народа, полагали они, должна быть установлена твердая революционная власть. Однако в вопросе о форме этой власти бабувисты отнюдь не повторяли якобинцев; эти формы во многом новы и своеобразны, определяясь новой политической обстановкой и новыми социальными целями.

Народ, говорит Буонарроти в своей истории V заговора, мнения которого образовались в период неравенства и деспотизма, мало способен в начале революции избрать людей, пригодных к тому, чтобы ею руководить и ее завершить... Именно из уважения к реальному суверенитету народа нужно заботиться не столько о том, чтобы собирать голоса, сколько о том, чтобы передать власть в руки мудрых и твердых революционеров³⁰. Принимая во внимание эти соображения, бабувисты предполагали, свергнув старую власть, сначала образовать «Национальное собрание» путем его провозглашения восставшим парижским народом. Список членов этого Собрания должен был составить и предложить народу революционный комитет. Впоследствии, как рассказывает Буонарроти, бабувисты приняли решение заключить союз с группой старых якобинцев — бывших членов Конвента. В связи с этим решением в первоначальные предположения о составе «Национального собрания» были внесены изменения. Было решено восстановить Конвент в составе тех его членов, которые не скомпрометировали себя контрреволюционной деятельностью, лишь пополнив его согласно первоначальному плану.

Эти колебания бабувистов были вызваны явным образом соображениями конъюнктурного характера, политической обстановкой момента. Для понимания политических идей бабувистов в их существо необходимо от рассказа Буонарроти обратиться к приводимому им документу — к составленному руководством движения проекту «Декрета об управлении». Положения этого проекта представляют большой исторический интерес: они, несомненно, вносят новые черты в старую концепцию революционной диктатуры. По словам Буонарроти, руководящий комитет не успел окончательно утвердить проект ввиду последовавшего ареста. Но проект, конечно, отражал мнения, господствовавшие в среде бабувистского руководства.

Первая статья декрета гласит: «Лица ничего не делающие для отечества не могут пользоваться никакими политическими правами; они — иностранцы, которым республика оказывает гостеприимство». Вторая статья разъясняет, что «ничего не делают для отечества те, кто не служит ему полезным трудом». Третья статья перечисляет занятия, которые считаются в республике полезными. Это — земледелие, скотоводство, рыболовство, судоходство, механические и ремесленные мастерства, розничная торговля, транспорт, военное дело, преподавательская и научная деятельность. Преподавание и научная деятельность не случайно поставлены на последнем месте: статья четвертая указывает, что лица, занимающиеся наукой и преподаванием, должны представить удостоверения о своей гражданской честности, и лишь в этом случае их труд будет признан полезным³¹.

Таким образом, политический идеал бабувистов — республика трудящихся, причем только физический труд является в ней бесспорным основанием для приобретения прав гражданина.

Признание человека гражданином или иностранцем имеет весьма существенное значение. Иностранцы находятся под постоянным и прямым надзором администрации, которая может выслать их из места их жительства, может их помещать в случае надобности в исправительные учреждения. В то время как граждане снабжаются оружием, иностранцы должны сдать свое оружие под страхом смерти. Иностранцам воспрещено посещение общественных собраний. Для подозрительных иностранцев приспособляются специальные места заключения. Словом, положение иностранцев (а в этом положении оказываются, очевидно, духовенство, дворянство, значительная часть буржуазии и лиц так называемых свободных профессий) — это положение человека, перед которым плотно закрыты двери собраний, где решаются вопросы политической жизни страны, и всегда раскрыты двери тюрьмы.

В разработке проблемы политического строя переходного к коммунизму периода бабувисты не имели учителей. Революционная диктатура бабувистов, конечно, не есть диктатура пролетариата. До этой идеи они не могли подняться; для этого не было предпосылок ни в социальных условиях Франции их времени, ни в их понимании исторического процесса. Они мечтали установить для переходного периода диктатуру трудящихся вообще. Но и это было большим шагом вперед по сравнению с представлениями их предшественников — утопистов XVI—XVIII вв.

4

Наиболее тщательно была разработана у ранних утопистов (конечно, в плане фантастического построения) проблема структуры идеального коммунистического общества. Готовую схему такого общества бабувисты могли найти у своего непосредственного учителя — Морелли. Тем не менее и здесь бабувисты дали немало нового, и опять-таки потому, что в отличие от Морелли они ставили проблему преобразования общества как проблему практическую, настоятельно требующую своего разрешения. Морелли дает нам изображение коммунистического общества в готовом виде. Таково оно *должно* быть. У Морелли совершенно не показан *путь к* этому обществу от общества современного, динамика общественного переустройства. Для бабувистов вопрос о том, как и в какой последовательности строить новое общество, был не менее важен, чем вопрос о конечной цели этого строительства. В истории социальной мысли и в этом отношении бабувизм является звеном исключительного значения.

Бабувисты считали необходимым немедленно после переворота оформить в виде закона основные принципы коммунистического порядка. Особый декрет должен был провозгласить, что право индивидуальной собственности не основывается на естественном законе, что оно является изобретением гражданских законов и может быть поэтому изменено или отменено; что собственность на все имущество, находящееся на национальной территории, едина и принадлежит народу, который один только имеет право распределять пользование ею.

Порядку, основанному на частной собственности, должен, таким образом, прийти на смену порядок, в котором право собственности будет заменено правом каждого на существование в равных для всех условиях, в котором граждане будут получать от должностных лиц нужные им предметы на правах пользования или usufructa³². Однако бабувисты не находят желательной и возможной немедленную и всеобщую экспроприацию собственников.) Вышедшее из революции государство трудящихся должно, по их мнению, немедленно принять меры к построению коммунистической организации. Но государство никого не принуждает вступать в эту организацию. (Согласно первой статье подготовленного бабувистами экономического декрета в республике учреждается национальная община) (*Une grande commune nationale*)³³. Этой общине, представляющей как бы исходный пункт в организации коммунистического порядка, передаются в первую очередь имущества, объявленные в свое время национальными и не проданные до 9 термидора (сделки, заключенные после дня падения Робеспьера бабувистами не признаются), имущества врагов революции, имущества отошедшие к республике в силу судебных приговоров и т.д. Далее, община получает старые общинные земли и земли, не обрабатываемые владельцами. Наконец, к ней же переходят те помещения, которые заняты беднотой в силу акта о восстании, а также имущества, узурпированные людьми, обогатившимися при исполнении общественных обязанностей или присужденными к принудительным работам за негражданское поведение, лень и роскошь. Ко всем этим видам имущества присоединяется имущество тех, кто пожелает добровольно отдать его общине:

«Республика призывает добрых граждан содействовать успеху преобразования добровольным отказом от своего имущества в пользу общины»³⁴. Следует отметить, что в своей газете «Трибун народа», опровергая направленную против равных декларацию Директории, Бабеф утверждал, что равные стремятся уничтожить лишь колоссальные состояния, что положение мелких собственников и мелких лавочников они стремятся сохранить и упрочить³⁵.

Вначале община состоит из лиц, вступающих в нее добровольно, желающих сообща работать на коммунистических началах. Очевидно, бабувисты рассчитывали, что в общину охотно пойдет беднота, которая мало теряет, отказываясь от собственности, и много выигрывает, вступая в общину, обладающую значительным имуществом. В дальнейшем, однако, ряд мер косвенного принуждения должен был способствовать расширению общины. С известной даты только за членами общины сохраняются права гражданства. Все те, кто не войдет в национальную общину, все, кто пожелает сохранить свое частное хозяйство, будут считаться «иностранными», а положение «иностранных», как мы уже знаем, имеет в системе бабувистов весьма неприятные особенности. Но кроме этого, на всех, не состоящих членами общины, бабувисты налагают весьма существенное хозяйственное бремя. Они платят государству тяжелый налог в натуральной форме — продуктами своего труда. Члены общины от этого налога совершенно свободны. Наконец, частные собственники заинтересованы в собственности лишь постольку, поскольку они могут эксплуатировать чужой труд. Между тем, при существовании рядом с их хозяйствами большой национальной общины они вряд ли найдут рабочих, которые пойдут к ним работать, имея полную

возможность вступить в общину. Таким образом, многое должно толкать собственников к отказу от собственности и к вступлению в общину. Для следующего поколения вступление в общину является уже неизбежным. Право наследования бабувисты в своем государстве трудящихся полностью отменяют. Все имущества, принадлежащие в момент переворота частным лицам, по их смерти отходят к национальной общине³⁶.

Хозяйство национальной общины носит в проектах бабувистов подчеркнуто централизованный характер. Как бы стремясь отмежеваться от сторонников хозяйственного дробления, они называют национальную общину *большой*. Носителем хозяйственного единства общины является центральная администрация, которая собирает сведения о силах и потребностях общины, и на основании этого учета распределяет рабочих по отдельным коммунам республики (раздел 10 «Общественные работы»). Следует в этой связи отметить, что, по мнению большинства бабувистов, большие города должны при коммунистическом порядке исчезнуть, все население республики будет жить в деревнях, в простых домах, построенных в самых здоровых и удобных для жизни местностях. Большие здания будут строиться только для общественных учреждений³⁷.

Иногда Буонарроти называет будущую республику равных «l'etat agricole», а ее население «un peuple agricole»; это давало основание некоторым историкам называть учение равных аграрным коммунизмом. Однако, как мы увидим ниже, в республике равных имеются различные группы ремесленников, не занимающихся сельскохозяйственным трудом. Очевидно, Буонарроти хотел лишь подчеркнуть господствующее положение сельскохозяйственного труда в обществе, в котором нет неравенства и искусственных потребностей. Центральная администрация общины определяет качество и количество продуктов, подлежащих распределению между гражданами, пополняет недостатки в одних районах за счет избытка в других, и в случае надобности производит обмен с границей. Коммуны, входящие в состав большой национальной общины, не являются самостоятельными хозяйственными единицами. Их должностные лица играют чисто служебную роль. Они непосредственно руководят работами в соответствии с общими законами и с указаниями муниципальной администрации, которая доводит до сведения верховной администрации данные о состоянии порученных ей работ³⁸. Труд в идеальной республике бабувистов всеобществен.

«Природа возложила на каждого человека обязанность трудиться, — говорится в «Анализе доктрины Бабефа». — Никто не может избежать труда, не совершая преступления...

Состояние деятельности, которое вызывается умеренным трудом, есть для человека источник здоровья и доброго духа³⁹. Когда все принимают участие в труде, труд каждого оказывается весьма небольшим. Однако, утверждая принцип обязательного труда, бабувисты не забывают о разнообразии способностей трудящихся. Бабеф считал необходимым заставить всех трудоспособных граждан работать, каждого в соответствии с его способностями и навыками. Буонарроти говорит об обязанностях, «пропорциональных силам и тяжести труда»⁴⁰.

Особо тяжелые и неприятные работы должны выполняться в порядке повинностей, падающих на всех граждан в известной очереди. Бабувисты предполагали, впрочем, что успехи механики и химии в недалеком будущем смягчат тяжесть такого труда. Все остальные работы должны производиться трудящимися, специализировавшимися в данной отрасли труда. Бабувисты считают, что человек приносит наибольшую пользу своим трудом в том случае, если он приобрел в нем известные навыки. А для этого необходимо, чтобы каждый имел свою определенную специальность в общей системе разделения труда⁴¹.

В проекте экономического декрета первая статья раздела, посвященного общественным работам, гласит: «Каждый член национальной общины отдает ей труд, на какой он *способен*, работая как земледелец или ремесленник»⁴². Следует обратить внимание и на то, что в этой статье бабувисты объявляют обязательным физический труд (труд земледельца или ремесленника). На каждом члене общины лежат обязанности, говорит Буонарроти, - нести известную долю труда, необходимого для обеспечения существования, процветания и сохранения общества⁴³. Выполнение этого труда есть долг, возлагаемый на гражданина законом. Все прочие функции выполняются гражданами добровольно, по их собственному выбору, в свободное от обязательного труда время. К числу такого рода функций относит Буонарроти не только спорт, бо-гослужение, политическую деятельность, но и преподавание, и усовершенствование искусств.

Вопрос об умственном труде, о положении наук и искусств в будущем обществе, вызывал в среде бабувистов споры. Значительная их часть, следуя за Ж.-Ж.Руссо, доказывала, что рост наук и искусств разрушает равенство. Искусство, говорили сторонники этой точки зрения, развивает вкус к излишествах, портит нравы; люди проникаются высокомерием, их преимущества в знаниях развивают в них тщеславие и создают почву для нарушения прав более простых людей, что может быть им достигнута при помощи лицемерного и опасного красноречия. Эти мысли нашли свое выражение в так называемом «Манифесте равных». По-видимому, самым горячим их пропагандистом был Сильвен Марешаль⁴⁴.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс указывают, что литература, сопутствующая первым движениям пролетариата во время буржуазных революций нового времени, проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность⁴⁵. Эти тенденции, несомненно, сказываются и в пропаганде бабувистов. Их влияние отразилось на отношении бабувистов к науке и искусству. Оно отразилось еще ярче на их учении о распределении. Теория Бабефа насквозь пронизана идеей уравнительного распределения. Различную оценку разного вида работ он считает корнем всех страданий и лишений человеческого рода. «Миф о превосходстве талантов и предприимчивости представляет чистую химеру и благовидную приманку, которая всегда способствовала незаконным козням заговорщиков против равенства. Различия в ценности и почетности отдельных видов человеческого труда основываются только на субъективной оценке, которую придала им часть людей, сумевших доставить господство своим личным взглядам...» По мнению Бабефа, ничем нельзя оправдать притязания на вознаграждение, превышающие норму, строго необходимую для удовлетворения личных потребностей. Всякое чрезмерное удовлетворение личных потребностей одних является результатом ограбления других. Из таких положений Бабеф делает практические выводы. Необходимо, говорит он, обеспечить каждому человеку и его потомству, как бы многочисленно оно ни было, достаток, но не более, чем *достаток*, и закрыть всем людям всякие пути к получению личной доли, превышающей *среднюю долю* продуктов труда, приходящихся на одного человека. Необходимо установить продовольственную администрацию, которая будет вести точную запись всех людей и всех предметов, и распределять их на началах тщательной равномерности⁴⁶. То, что не может быть распределено между всеми, развивает мысль Бабефа Буонарроти, должно быть строжайше воспрещено. Чтобы гражданин видел во всех своих согражданах равных себе, братьев, необходимо, чтобы он не встречал нигде и ни в чем — ни в мебели, ни в одежде, ни в жилище — признаков хотя бы даже кажущегося преимущества⁴⁷.

Четкую формулировку принципа уравнительности распределения находим мы в проекте экономического декрета. Статья 9 его общей части гласит: «Большая национальная община снабжает своих членов всем необходимым, поддерживая среди них равный и умеренный достаток». Эта общая норма находит дополнение и разъяснение в разделах «О распределении» и «Об администрации». «Каждый член национальной общины,— говорится в разделе «О распределении»,— пользуется лишь тем, что предоставляет ему закон, через посредство должностных лиц». Тот же раздел подробнейшим образом регламентирует, что именно предоставляет гражданам закон: «Национальная община обеспечивает с настоящего момента каждому из своих членов: здоровое, удобное и соответственно меблированное помещение, рабочую и праздничную одежду (бумажную или шерстяную), соответствующую национальному костюму, стирку белья, освещение и отопление; достаточное количество предметов питания: хлеба, мяса, рыбы, дичи, яиц, масла, вина и других напитков, потребляемых в различных районах, овощей, фруктов, приправ и других предметов, соединение которых дает умеренный и скромный достаток; врачебную помощь». Раздел «Об управлении» указывает, что размеры и качество этого пайка определяются администрацией общины⁴⁸. Бабувисты были убеждены, что в обществе, осуществившем принцип равенства, не будет более разнообразия противоположных интересов. Наиболее трудные обязанности, говорит Буонарроти, будут выполняться в обществе равных с удовольствием; все будут добровольно подчиняться законам; разумные предложения не будут встречать позиции; в политическом организме будет царить единство интересов, воли и действия. Законодательные и административные функции лишь тогда выполняются с пользой для общества, когда их выполняют люди опытные, знающие и разумные. В существующем обществе народные массы не подготовлены к их выполнению. Передача этих функций особому классу людей, отобранных по их способностям, сопряжена с опасностью возникновения привилегий, установления подлинного рабства, тем более тяжелого, что оно представлялось бы законным и отвечающим общим интересам. При системе равенства руководство общественными делами будет доступно всему народу; просвещение народа никогда не будет противоречить общему благу.

Только установление равенства даст, таким образом, народу возможность стать действительным сувереном. Однако необходимые для этого качества, имея своей исторической предпосылкой равенство, требуют для своего развития сознательного воздействия со стороны революционной власти. Власть имеет своей задачей не только преобразование учреждений, но и преобразование нравов. Этой цели служит прежде всего общественное воспитание в школе, которое находится под непосредственным руководством республики. По окончании школы молодые люди не сразу получают права гражданства. Они должны провести определенное время на военной службе, где продолжается их гражданское воспитание. Они допускаются сначала в общественные собрания без права принимать участие в их решениях, чтобы усвоить здесь политический опыт и навыки старших. Лишь после всего этого они могут претендовать на включение в списки активных граждан⁴⁹.

Воспитательное воздействие государства на граждан в целях укрепления республиканских добрых нравов продолжается и в дальнейшем. Все замечательные моменты в жизни граждан — их поступление в школу, их отправление в армию, получение ими политических прав, чествование героев, погибших за родину, достопамятные события — все это служит поводом для пропаганды преимуществ системы равенства и соответствующих ей гражданских качеств особое место в этой системе пропаганды занимают так называемые «цензурные собрания», на которых народ обсуждает и оценивает поведение должностных лиц, а в случае надобности — и простых граждан. Никто не может быть избран на административный пост, если его предшествовавшая деятельность не получила народного одобрения. Добрые нравы являются в учении бабувистов основной гарантией равновесия будущего общества равных. Однако бабувисты считают необходимым предусмотреть в политическом строе этого общества ряд дополнительных гарантий его устойчивости. Изъявление народной воли, говорит Буонарроти, может исходить только от самого народа, законодательной властью пользуется народ в целом; на народе лежит охрана великого принципа равенства. Но не всякий родившийся на территории республики входит в состав этого народа-суверена. Мы уже знаем, что бабувисты разделяли население республики на две категории: граждан и иностранцев. Буонарроти утверждает, что в революционном комитете при обсуждении вопроса о правах гражданства высказывалось также мнение, что в список граждан должны включаться только те, кто сознательно и добровольно берет на себя обязательства подчиняться законам общества. Те, кто не дает такого обязательства, изгоняются из пределов республики⁵⁰. Таким образом, в собраниях народа-суверена не может быть лиц, открыто выступающих против принципов республики. Но ошибочные суждения возможны и при таком составе народных собраний. Чтобы сделать наименьшей возможность ошибок, бабувисты считают необходимым предусмотреть в политической структуре общества некоторые особые органы.

При каждом окружном собрании суверенного народа бабувисты предлагают учредить Сенат, в котором предварительно обсуждаются все вопросы, подлежащие обсуждению собрания. В принципе Сенат должен состоять из стариков, умудренных опытом. Но можно опасаться, что в первое время после революции старики в силу укоренившихся привычек будут тянуть общество назад, к монархии к религиозным предрассудкам, к восстановлению собственности и т.д. Поэтому, вначале сенаторы должны быть подобраны из людей, известных своей преданностью новым учреждениям⁵¹. Из числа сенаторов народ выбирает особый корпус «Блюстителей национальной воли», главная задача которого — контроль над деятельностью центрального законодательного собрания. «Блюстители» должны следить за тем, чтобы Законодательное собрание не нарушало суверенитета народа и не издавало декретов, противоречащих основным законам республики⁵².

Республиканские учреждения и республиканские нравы должны также, по мнению многих бабувистов, в том числе и по мнению Буонарроти, иметь религиозную санкцию. Религиозные Идеи они считают самой надежной опорой гражданской морали. Никакого религиозного культа в республике равных не предусматривается. Но обновленное общество заинтересовано в том, чтобы граждане сохраняли веру в бытие Верховного Существа, судьбы их мыслей и тайных поступков, в бессмертие души, обещающее вечное блаженство тем, кто проявляет в своей жизни преданность человечеству и родине. Примыкая в вопросах религии к Руссо и Робеспьеру, Буонарроти решительно осуждает «атеизм» эбертистов. Следует, однако, отметить, что эти религиозные идеи разделялись далеко не всеми бабувистами. Многие из них, резко расходясь в этом с Буонарроти, высказывали атеистические взгляды (Сильвен Марешаль).

В коммунизме Бабефа и бабувистов немало черт, которые должны были быть отброшены коммунистической, мыслью с дальнейшим ростом классового самосознания пролетариата. Представления бабувистов о классовом строении общества еще весьма примитивны: беднота «для них — некое нерасчлененное единство. Их учение о проходящей через всю историю борьбе патрициев и плебеев еще очень далеко до научного понимания исторического процесса Их критика существующих общественных отношений носит в основном характер морального осуждения. Бабувисты были не в состоянии правильно поставить и правильно разрешить основные проблемы социальной революции, Подготавливая восстание, они очень заботились о связях с рабочими, считая их участие в революции естественным и необходимым. Но исторической роли пролетариата как ведущей силы социальной революции они не были в состоянии понять. Они ждали, что новая революция будет совершена народом вообще, что означало в их представлении бедноту, плебс. Не понимая классового характера грядущей революции, они не сумели правильно наметить пути и средства переворота. Свою задачу они видели не в организации партии пролетариата, а в создании революционного сообщества, которое должно подготовить восстание плебса и руководить этим восстанием.

Все это не умаляет исторических заслуг бабувистов. В их учениях и в их проектах наряду с положениями, отражавшими социальные условия их времени, недостаточную зрелость пролетариата, имеется немало идей большого исторического значения, идей, резко отличающих их от их предшественников и учителей — рационалистов XVIII в. Сопоставляя теоретические построения и проекты бабувистов с теориями дореволюционных коммунистов, нельзя не отметить, какой большой шаг вперед сделала коммунистическая мысль под влиянием впечатлений революционной борьбы 1789—1795 гг. Бабувистская пропаганда составляет важнейшее промежуточное звено между утопическим коммунизмом предреволюционной эпохи и домарксовскими коммунистическими построениями начала XIX в. Влияние бабувистских традиций на французских утопических коммунистов велико и бесспорно. Без изучения идейного наследия бабувистского движения нельзя полностью понять развитие коммунистической мысли в течение десятилетий, непосредственно предшествовавших возникновению марксизма.

Книгу Буонарроти «Заговор во имя равенства» Энгельс с полным правом считал основной книгой по «делу Бабефа»⁵³. Эта книга, несомненно, принадлежит к числу наиболее значительных произведений домарксовской коммунистической литературы. Написанная одним из самых влиятельных участников бабувистского движения, она является ценным источником для его истории как в той части, которая содержит ряд важнейших бабувистских документов, так и в той части, которую можно рассматривать как личные воспоминания автора. Но этим историческое значение книги не ограничивается. Она была опубликована Буонарроти в 1828 г., много лет спустя после разгрома организации равных и казни Бабефа. Больше, чем какое-либо другое литературное произведение этого времени, содействовала она распространению коммунистических идей среди революционеров нового поколения, их ознакомлению с традициями революционного коммунистического движения конца XVIII в.

Буонарроти излагает в своей книге не только внешнюю историю «Заговора», но и те идеи, которыми вдохновлялись деятели движения, происходившего за 30 с лишним лет до составления книги. В таких случаях всегда приходится считаться с возможностью сознательного или бессознательного привнесения в изображение прошлого положений и оценок, сложившихся у автора за годы, прошедшие после изображаемых им событий. Опасность известного искажения прошлого еще более возрастает, если автор стремится придать книге значение орудия пропаганды своих идей. Буонарроти, несомненно, имел в виду прежде всего цели пропаганды: исторический рассказ является у него удобной формой для изложения коммунистических принципов. И тем не менее книга Буонарроти дает вполне надежный материал для суждения об идейном фонде бабувистского движения. Возможно, что восстанавливаемая Буонарроти по памяти дискуссия внутри бабувистского комитета по вопросу о конечных целях движения и его ближайших задачах передана не с протокольной точностью. Возможно, что Буонарроти, активный участник заговорщических организаций начала XIX в., несколько преувеличил в своем изложении «заговорщические» тенденции бабувистского движения. Возможно, что есть неточности в его рассказе об организационных мероприятиях комитета, о его переговорах с монтаньярами и т.д. Но в основном — в характеристике социальной философии и политических принципов, которыми руководствовались в своей деятельности вожди бабувистского движения. Буонарроти заслуживает полного доверия. Этой философии, этим принципам он оставался верен всю свою жизнь, до конца своих дней он был убежден в правильности пути, который был намечен бабувистами в конце XVIII в. Фальсифицировать историю своего идейного прошлого у него не было никаких оснований.

Тематические материалы в нашей библиотеке:

[Г.Черткова. От Бабефа к Буонарроти: движение во имя равенства или Заговор равных?](#)

[Г.Черткова. Барнав, Бабеф: два взгляда на французскую революцию](#)

[М.Доманже. Бабеф и заговор Равных](#)

[П.Щеголев. Заговор Бабефа](#)

[А.Матьез. Термидорианская реакция \(чч.1, 2\)](#)

[Г.Кунов. Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции](#)

[А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции](#)

[В.Волгин. Французский утопический коммунизм XVIII-XIX вв.](#)

[В.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в.](#)

[К.Добролюбский. Термидор \(полный текст монографии\)](#)

- 1 К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.19, с.191.
- 2 К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные письма. 1947, стр.159.
- 3 Текст письма, хранящегося в архиве ИМЛ, сообщен мне обнаружившим его В.М.Далиным.
- 4 Ph.Buonarroti. Conspiration pour l'egalite, dite de Babeuf. Bruxelles, 1828, II, p.215.
- 5 «Le Tribun du peuple», N 14.
- 6 Ph.Buonarroti. Op.cit., I, p.84.
- 7 «Le Tiibun du peuple», N 34.
- 8 «Le Tribun du peuple», N 31, 34 et 37; V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme d'apres de nombreux documents inedits, v.II, Paris, 1864, p.30.
- 9 V.Advielle. Op.cit., v.II, p.30—31.
- 10 «Le Tribun du peuple», N 29.
- 11 «Le Tiibun du peuple», N 36.
- 12 Ph.Buonarroti. Op.cit., II, p.131.
- 13 «Le Tribun du peuple», N 36.
- 14 «Le Tribun du peuple», N 34.
- 15 «Le Tribun du peuple», N 39.
- 16 «Le Tribun du peuple». N 35.
- 17 «Le Tribun du peuple», N 36.
- 18 «Le Tribun du peuple», N 31.
- 19 Проспект газеты «Le Tribun du peuple»; «L'Eclaireur du peuple», N 5. Цит. по кн.: G.Babeuf. Textes choisis. Preface, commentaires et notes explicatives par G. et Cl.Willard. Paris, 1951, p.64—65, 67—68.
- 20 Babeuf. Lettres a Germain 28 juillet 1795. — Pages choisies de Babeuf. Avec une introduction et une bibliographie critique par M. Dommanget. Paris, 1935, p.207—221; см. также G.Babeuf. Textes choisis, p.83.
- 21 «Lettre a Germain». 28 juillet. 1795 — G.Babeuf. Textes choisis, p.89—93, 94. Этот взгляд на науки и искусства, как мы увидим ниже, разделялся не всеми равными.
- 22 Ph.Buonarroti. Op.cit., II, p.137—150.
- 23 Ph.Buonarroti. Op.cit.. II, p.155—196.
- 24 Документ опубликован в кн. Буонарроти (Ph.Buonarroti. Op.cit., II, p.244 sqq.)
- 25 Ph.Buonarroti. Op.cit., II, p.251—252 Под заговорщиками везде в тексте декрета понимаются правящие круги, контрреволюционеры — заговорщики против общего блага.
- 26 Ph.Buonarroti. Op.cit., II, p.284.
- 27 См. уже упомянутый «Акт о восстании». — Ph.Buonarroti. Op.cit. II, p.250.
- 28 Ibid., II, p.285.
- 29 Ph.Buonarroti. Op.cit., I, p.98.
- 30 Ph.Buonarroti. Op.cit., I, p.253, 282—283,
- 31 Ph.Buonarroti. Op.cit., II, p.301—302.
- 32 Ph.Buonarroti. Op.cit., I, p.207—208.
- 33 Ph.Buonarroti. Op.cit., II, p.375.
- 34 Ibid., II, p.307.
- 35 «Le Tribun du peuple», N 43.
- 36 Ph.Buonarroti. Op.cit., II, p.306, 316—317.
- 37 Ibid., I, p.221, 222, 224.
- 38 Ph.Buonarroti. Op.cit., II, p.305-309.
- 39 Ibid., II, p.142.
- 40 Ibid., I, p.211.
- 41 Ibid., I, p.209.
- 42 Ibid., II, p.308.
- 43 Ibid., I, p.208, 227—228.
- 44 Ph.Buonarroti. Op.cit. I, p.293; II, p.132—136.
- 45 К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.4, стр.455.
- 46 «Le Tribun du peuple», N 35.
- 47 Ph.Buonarroti. Op.cit. I, p.210—225.
- 48 Ph.Buonarroti. Op.cit., II, p.307, 310—313.
- 49 Ph.Buonarroti. Op.cit., I, p.229—233.
- 50 Ph.Buonarroti. Op.cit., I, p.234—235.
- 51 Ph.Buonarroti. Op.cit., I, p.268—269
- 52 Ibid., p.263-266.
- 53 См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр.639.

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

Жизнь Либерта и Век Просвещения, 2009

Ф. Буонарроти

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА, ИМЕНУЕМЫЙ ЗАГОВОРОМ БАБЕФА

ПРЕДИСЛОВИЕ

За мгновение до того, как им был вынесен приговор, Бабеф и Дарте^{1*} получили от меня обещание на скамье подсудимых Верховного суда в Вандоме под занесенным над ними топором аристократов восстановить память о них и опубликовать точное изложение наших общих намерений, до крайности извращенных партийным духом. На склоне лет мне пора выполнить данное мною обязательство, чему ранее мешали многие обстоятельства.

Другие обязанности, продолжительное и тяжелое тюремное заключение, за которым последовал еще более продолжительный и подчас крайне тягостный полицейский надзор на трех разных концах Франции, лишали меня долгое время возможности обменяться мнением с очевидцами о причинах великих событий революции и раздобыть необходимые мне документы, чтобы пролить свет на некоторые факты, которые я намеревался предать гласности. Тем не менее я мог бы гораздо ранее опубликовать эту работу, если бы меня не останавливало опасение дать новые поводы для злобствования и преследований. Ныне вынужденный спешить по причине своего преклонного возраста, я решаюсь опубликовать этот труд, тем более, что уверен, с одной стороны, в том, что люди той эпохи почти все исчезли, а с другой, — что современные политические доктрины бесконечно далеки от доктрин, которые проповедовали демократы IV года Французской республики, и не приходится более бояться какого-либо опасного сопоставления. Справедливость к тому же требует, чтобы демократическую партию узнали, наконец, в ее подлинном свете.

Так как мне предстояло отчитаться в весьма отважном предприятии, то я должен был показать, что привело нас к нему. Мне казалось, что сделать это я смогу лишь напомнив, в каком состоянии находилась в то время революция, какие фазы последовательно привели ее к этому состоянию, какие положительные и отрицательные обстоятельства оказали на нее, как нам казалось, известное влияние. Поэтому я начал свое повествование с беглого обзора революции до того момента, когда произошли излагаемые мною события. Я не претендовал написать историю революции: я хотел лишь описать впечатления, которые она у нас оставила.

Для выполнения задачи, которую я себе поставил, недостаточно было рассказать о том, что сделали или намеревались сделать Бабеф и его друзья, для того чтобы привести свои планы в исполнение. Необходимо было также объяснить, какую конечную цель они себе ставили, и сказать о том, как они доказывали ее справедливость и необходимость. Мне предстояло, следовательно, дать изложение событий и наряду с этим изложение того, как развивались их доктрины и проекты.

Источниками, из которых я черпал свои утверждения относительно заговора, служили мне мои воспоминания, все написанное его участниками, материалы учиненного над ними судебного процесса и некоторые неизвестные до сих пор фрагменты³.

Не все документы были захвачены полицией; некоторые из них, которых не оказалось у Бабефа, были уничтожены слишком осторожными друзьями. Другие мне удалось отыскать, и я публикую их в том несовершенном виде, в каком они были мне переданы.

Мне не безызвестно, что политические и экономические принципы, которые я должен изложить, встретят немалое осуждение. Но это не мотив для того, чтобы воздержаться от их опубликования: иные мнимые заблуждения стали непреложными истинами. Разве не существуют люди, которых не ослепляют мишура цивилизованного общества и системы, проповедуемые теми, кто присваивает себе право руководить общественным мнением? Быть может, они оценят значение этих принципов и с некоторым сожалением вспомнят о мужественных гражданах, которые, будучи убеждены в справедливости этих принципов и гордясь тем, что отдают свою жизнь пади их утверждения, скрепили их своей Кровью.

Крепко связанный с ними соответствием наших взглядов, я разделял их убеждения и их усилия, и если мы заблуждались, то, по крайней мере, до конца: они настаивали на этом заблуждении до самой могилы. А я после долгих размышлений, которым с тех пор предавался, остаюсь убежденным в том, что равенство, которое было им столь дорого, есть единственный институт, способный удовлетворить все истинные потребности, должным образом направить благотворные страсти, обуздать опасные и сделать общество свободным, счастливым, живущим в мире, долговечным.

Филипп Буонарроти

* Для них требовали смертного приговора, а для Жермена, Моруа, Казана, Буэна, Менесье, Блондо и меня приговора к ссылке².

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА, ИМЕНУЕМЫЙ ЗАГОВОРОМ БАБЕФА

Партии французской революции и их характер

Среди партий, придавших французской революции такое множество различных окрасок, существует одна, которая должна особенно обратить на себя взоры ученого благодаря постоянной самоотверженности, с которой она прилагала усилия для подлинного освобождения человечества.

Тогда как властолюбие, зависть, алчность и безрассудная любовь к нововведениям поддерживали прискорбную борьбу между людьми, одни из которых боролись за восстановление былой монархии, другие — за возведение на престол Франции новой династии и, наконец, третьи — за передачу власти от одной касты другой, и все они вместе с исключительной целью присвоения власти и жизненных благ, источником которых она является, создавался мало-помалу класс граждан, которые в силу совершенно иных принципов также желали крупной политической перемены, но перемены, идущей вразрез с взглядами страстями стольких подстрекателей, заинтересованных в гражданской смуте.

В самом деле, многие политические секты⁴, Лак это можно было наблюдать, старались дать Франции новые формы правления; немногие, однако, стремились в интересах народных масс к полному преобразованию общества.

Таким образом, множество лиц, выступавших на арене революции, ограничивали свои усилия тем, что способствовали перевесу одной формы травления над другой, не слишком заботясь об участии тех, в интересах которых должно существовать всякое законное правление; потому-то многие так называемые законодатели полагали, что учреждают республику, на том лишь основании, что они осудили короля⁵ и власть одного лица заменили властью нескольких лиц.

Различие интересов и принципов явилось причиной наших расхождений в период революции. Тогда как одни отстаивали ту или иную систему потому, что считали ее хорошей, другие, которых было гораздо больше, устремились в партию, которая, как им казалось, более благоприятствовала их видам на богатство и власть; первые неуклонно следовали намеченному ими пути, вторые меняли поведение в зависимости от обстоятельств и в угоду страстям.

Только с течением времени стало возможным установить особый характер каждой политической секты, ибо многие из этих сект, пока им приходилось бороться против общих врагов, казалось действовали в одном направлении. Каждый новый шаг по пути к улучшению вызывал появление новой группы оппозиционеров, заинтересованных в сохранении пороков, против которых этот шаг был направлен.

Если на заре революции некоторые дворяне в Учредительном собрании⁶, казалось, действовали в интересах народа, то, как только прозвучали первые требования подлинного равенства, они не замедлили вступить на противоположный путь; если иные восстали против царствующего дома с намерением поставить на его место другой царствующий дом, то как только у всех династий была отнята всякая надежда, они стали под королевские знамена; если священники приветствовали усилия реформаторов, направленные против узурпации высшего духовенства, то как только нация отказалась содержать какой бы то ни было культ, они стали самыми яркими распространителями фанатизма; если лица, желавшие эксплуатировать в свою пользу конституционную монархию, выказывали себя в этих видах республиканцами, то как только народ потребовал, чтобы республика стала всеобщим достоянием, они перешли в открытую оппозицию к самым пылким защитникам республики.

Среди бурь, которые неминуемо вызывались смешением стольких разноречивых элементов, люди, которые с самого начала революции лелеяли надежду установить во Франции царство подлинной справедливости, не упускали случаев, часто представлявшихся им ввиду столь сильного брожения, чтобы приучать своих сограждан к размышлению об их правах и постепенно привести их к тому, чтобы желать падения всех порочных учреждений, препятствующих им пользоваться этими правами.

В Собраниях, которые со времени революции осуществляли высшую власть, были представлены, так сказать, благотворные и опасные страсти, волновавшие французов в различных отношениях; в них нашли себе развитие самые гнусные пороки и самые высокие добродетели; здесь был дан сигнал к стольким битвам; здесь члены различных политических сект пользовались любым случаем, — а то и вызывали его к жизни, — чтобы доставить преобладание системам и интересам этих сект.

Партия, которая неизменно оставалась преданной делу народа, видела, как в определенные периоды от нее отходили и тем самым обрекали себя на уничтожение группировки, которые способствовали торжеству ее проектов до тех пор, пока эти проекты не вступали в противоречие с присущими им взглядами.

Пока во Франции существовала монархия, республиканская партия казалась весьма многочисленной, хотя уже давно наблюдались существенные различия среди тех, кто в ту пору становился под знамена республики. 10 августа 1792 г. против двора сражалось совместно множество людей, которые затем разошлись и среди которых нашлись лица, защищавшие впоследствии интересы королей.

Среди борющихся против королевской власти, как и среди рукоплескавших их торжеству, имелись люди, побуждаемые завистью и обидой, а также такие, у которых вероятность регентства или перемены династии возбуждала надежду на влияние в ближайшем будущем. Однако все заставляет думать, что большинство из них действительно желало тогда республиканского правления, хотя между этими лицами существовали значительные расхождения и в представлении о нем, и в побуждениях к нему.

Все политические и общественно-экономические системы служили мотивом или предлогом к раздорам в Национальном конвенте. Одни превозносили исключительное влияние класса, пользующегося благами богатства и воспитания; другие считали существенным условием прочного общественного блага и спокойствия участие всех в осуществлении суверенитета; первые мечтали о богатстве, роскоши и блеске Афин: вторые желали умеренности, простоты и скромности лучших дней Спарты.

Нельзя, однако, должным образом определить природу этих раздоров одним лишь сравнением их с политическими системами древних; ее надо искать в наших нравах и в наших познаниях в области естественного права. То, что произошло во Франции вслед за созданием республики, является, на мой взгляд, бурным проявлением постоянно существующего раздора между сторонниками богатства и различий, с одной стороны, и друзьями равенства или многочисленным классом трудящихся, — с другой.

Система эгоизма

Если обратиться к более отдаленным причинам, то источник споров, имевших место в эту эпоху, можно отыскать, с одной стороны, в доктрине английских экономистов^{**}, с другой — в доктринах Ж.-Ж.Руссо, Мабли⁷ и некоторых других современных ученых.

Вспомним, что многие писатели усматривали процветание наций в многообразии их потребностей, во все возрастающем разнообразии их материального потребления, в обширной промышленности и неограниченной торговле, в быстром обращении металлических денег и, в конечном счете, в *беспокойной и ненасытной алчности граждан*^{***}. То отдавали предпочтение скоплению земельной собственности в немногих руках, то высказывались за увеличение числа мелких собственников, и между тем как одни считали нищету и огрубение производительной части населения необходимыми для благосостояния и спокойствия всего общества, другие предлагали неограниченную свободу промышленности и торговых сделок в качестве средства избавления от установившегося неравенства, прокладывая путь к новому развращению и к новым формам неравенства.

С тех пор как благо и силу общества стали усматривать в богатстве, неизбежно должны были прийти к отказу в политических правах всем тем, кто своим имуществом не гарантирует преданности такому порядку, признаваемому наилучшим.

Во всякой социальной системе подобного рода значительное большинство граждан, обреченное на постоянный тяжелый труд, на деле осуждено томиться в нищете, невежестве и порабощении^{****}.

^{**} Под этим наименованием я подразумеваю писателей и правителей, которые хотели подвергнуть регламентации промышленность и торговлю, как и тех, кто высказывался за предоставление им самой широкой свободы.

^{***} Людям всегда было трудно договориться между собой об установлении разумного социального строя. При помощи торговли предметами роскоши наши предки без применения насилия вырвали у феодальной знати часть ее богатств. Так как хозяевам, таким образом, понадобились рабы, то тем самым было ослаблено могущество феодалов. Зло, служившее на пользу другому, было признано высшим благом до такой степени, что для многих людей свобода есть не что иное, как неограниченная возможность стяжания.

^{****} Наличие большого числа наемных рабочих и небольшого числа людей, пользующихся наемным трудом, имеет необходимым следствием нищету первых. Невежество является неизбежным для людей, чрезмерно обремененных работой, и одновременно мерой предосторожности со стороны тех, кто взвалил на них свое собственное бремя. Нужда и невежество порождают среди нас порабощение, которое существует всюду, где люди не могут или не способны проявить волю. Стоит ли говорить о том, что экономисты нашли, наконец, исцеление от зол, являющихся результатом чрезмерно большого числа людей наемного труда: они советуют рабочим не производить так много детей. *Risum teneatis!..* (Погодите смеяться!..)

Система равенства

Руссо провозгласил неотъемлемость природных прав человека; он ратовал за всех людей без различия; благоденствие общества он усматривал в счастье каждого его члена, его силу — во всеобщей преданности законам. Богатство общества, по его мнению, заключается в труде и в умеренности граждан, а свобода — в могуществе суверена, каковым является весь народ; при этом каждая из составных частей общества, вследствие беспристрастного распределения жизненных благ и просвещения, сохраняет влияние, необходимое для существования социального организма.

Этот общественный строй, подчиняющий воле народа частные действия и частную собственность, поощряющий общепользные профессии и упраздняющий те из них, которые служат лишь интересам незначительного меньшинства, способствующий без всякого предпочтения умственному развитию каждого, заменяющий алчность любовью к отечеству и доблести, превращающий совокупность граждан в единую мирную семью, подчиняющий каждого человека общей воле и никого воле одного какого бы то ни было лица, был во все времена предметом скрытых желаний истинных мудрецов и имел во все века выдающихся защитников. Таковыми были в древности Минос, Платон, Ликург и законодатель христианства, а в более близкие к нам времена — Томас Мор, Монтескье^{****}, Мабли.

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

^{****} Дух законов, кн.4, гл.6.

Строй, провозглашенный экономистами, назван *строем эгоизма*, или *аристократическим*^{*****}, строй, провозглашенный Руссо, — *строем равенства*^{*****}.

***** Принципы законодательства⁹ и др. passim. Мабли рассматривает *общность имуществ* как единственный строй, находящийся в соответствии с подлинной целью общества, заключающейся в прочной благоденствии всех его членов. Он считает, что поскольку все бедствия, постигающие человеческое общество, являются следствием жадности и честолюбия, то политика сводится к искусству действенного подавления этих страстей: жадность можно подавить только общностью имуществ, которая разрушает частную собственность и в то же время умалляет притягательную силу власти, служа плотиной, преграждающей путь честолюбию, которое должно быть обуздается также нравами и учреждениями. Это наименование имеет целью дать понять, что в данной системе единственным побудительным мотивом чувств и действий граждан является чисто личный интерес, не связанный с общим благом.

***** Равенство, идея которого служит основой общения между людьми и утешением для бедняков является химерой лишь в глазах людей, развращенных страстью к богатству и власти. Какой человек при любой системе и любой страсти, которой он движим, не признает в глубине своего сердца равного себе в любом человеческом индивидууме, каким бы он ни был? Точно так же, какой человек не содрогнется от жалости при виде страданий себе подобных, если сам он был поставлен в такое же положение? Это чувство, следствие наших первых опытов, оправдывается разумом, который учит нас, что природа сотворила людей равными; но каким образом и в чем именно? Вот что важно осознать.

Люди, одобряющие социальное неравенство, утверждают, что оно неизбежно, ибо, по их мнению, оно ведет свое происхождение от неравенства, которое природа установила между отдельными человеческими индивидами. Естественно отличаясь друг от друга по полу, внешности, цвету кожи, чертам лица, возрасту и силе организма, люди, как заявляют они, не могут быть равными ни в отношении власти, ни в отношении богатства; равенство, будь то природное или социальное, существует, следовательно, лишь в нашем рассудке. Следует ли, однако, из того, что различия, о которых мы только что говорили, реально существуют, необходимость неравенства учреждений? Если так судить, то богатство и власть всегда идут рука об руку с силой, величием, красотой, что далеко не верно.

Между людьми, заявляют сторонники неравенства, существует другое природное различие, которое неизбежно приводит к различию в образовании и в общественном положении; это — различие интеллекта. Они дошли до утверждения, будто более или менее выступающие выпуклости черепа являются верными показателями наших склонностей и наших страстей.

Между тем скрытое чувство словно напоминает нам о том, что вещи не были устроены таким образом творцом природы и что если люди, живущие в правильно организованном обществе, не все обладают одними и теми же интеллектуальными способностями, то различие, существующее между ними в этом отношении, является в меньшей мере следствием различия их организмов, чем различия условий, в которые они были поставлены. Кто может усомниться в том, что многие невежественные люди не были бы таковыми, если бы им представился благоприятный случай получить образование? Разве самый неотесанный пастух не проявляет в своем деле и при отстаивании своих интересов такой же тонкий ум, какой понадобился Ньютону для открытия законов притяжения? Все зависит от объекта, на который направлено наше внимание. Впрочем, если бы неравенство в отношении интеллектуальных способностей и было столь естественно, как это утверждают, то все же невозможно усмотреть в нем источник существующего в обществе неравенства имущественного положения и власти. Ибо не верно, что богатство и власть обычно являются в нем уделом знания и мудрости.

Но разве в данном случае речь идет о свойствах, о которых мы говорили? никоим образом. Естественное равенство, которое имеется в виду, есть единообразие потребностей и ощущений, свойственных нам от природы, либо развивающихся вместе с первым применением наших чувств и органов.

Потребность в пище, как и потребность в размножении; любовь к самому себе; сострадание, способность чувствования, мышления, проявления воли, передачи своих мыслей и понимания мыслей других людей, способность сообразовать свои действия с установленным порядком, ненависть к принуждению и любовь к свободе почти в равной степени присущи всем здоровым, нормально созданным людям. Таков закон природы, из которого проистекают одинаковые для всех людей естественные права.

Каждый, признающий себя носителем двух субстанций различной природы, извлекает новый довод в пользу естественного равенства из духовной природы принципа мышления. Этот принцип, который я себе одним содержит все человеческое Я, будучи неделим и безусловен и проистекая всегда из одного и того же источника, неизбежно одинаков у всех индивидов человеческого рода.

Несомненно, что физическое неравенство не может помешать пользоваться, по крайней мере на данный отрезок времени, естественным равенством. Вероятно, с целью предотвращения этого зла стали прибегать к договорам, и было установлено гражданское общество.

Вследствие недостатка предусмотрительности люди оказались ввергнутыми в еще большее несчастье, чем то, которое хотели предотвратить. Равенство, установленное природой и признанное разумом, было нарушено в обществе последовательным рядом договоров, — тех самых, которые предназначались для того, чтобы его сохранить. На место временных затруднений, порожденных физическим неравенством, встали другие, более прискорбные, более постоянные и неизбежные затруднения вследствие неравенства имущественного положения и влияния, явившегося результатом договоров. Таким-то образом самым глупым, порочным, слабым и малочисленным удалось в силу странной метаморфозы обременить тяжелыми обязанностями и лишить природной свободы массу наиболее сильных, добродетельных и образованных людей.

Неравенство в распределении собственности и власти порождает всевозможного рода беспорядки, на которые резонно жалуются девять десятых населения цивилизованных стран. Отсюда проистекают для них лишения, страдания, унижения и порабощение. Отсюда проистекает также неравенство в образовании, которое из своекорыстных побуждений неправильно приписывают интеллектуальному неравенству, преувеличивая его. Учреждения подлинного общества должны, следовательно, стремиться к строгому ограничению богатства и власти отдельных лиц: власти — посредством одинакового подчинения всех граждан закону, в создании которого участвуют все; богатства — путем такой организации вещей, при которой каждый был бы в достаточной мере обеспечен и ни у кого не было бы излишка. Вот в чем заключается равенство, о котором идет речь в этом произведении. В действительности же на данной стадии это равенство сводится почти только к равенству в богатстве, которое в настоящее время является почти исключительным условием власти в глазах тех, кто повелевает, как и тех, кто подчиняется.

Как только оказалось возможным уловить тенденции различных политических сект, пришедших в движение на поприще революция умы, введенные в заблуждение развращенными сердцами, примкнули к инициаторам *строа эгоизма*; чистые же сердца, направляемые честными умами, непременно должны были оказаться заинтересованными в полном торжестве *строа равенства*.

Фальшивые друзья равенства

Но среди сторонников системы, основанной на эгоизме, помимо тех, кого привязывали к ней старые предрассудки, были и такие, которые стремились сохранить, а иные завоевать исключительное право пользования жизненными наслаждениями и привилегированным положением. Эти люди, лишённые всякой добродетели, афишировали свою любовь к равенству и с виду выказывали любовь к искренним его друзьям, пока они могли льстить себя надеждой, что воспрепятствуют его установлению и обратят в свою пользу всеобщее брожение, которое они сами вызвали.

Усилия и успехи партии равенства

С первых дней революции друзья равенства, иначе говоря, — справедливости, прилагали усилия к тому, чтобы подготовить его торжество, заранее выступая против взглядов враждебных ему партий. Во время существования Учредительного собрания они боролись против несправедливого разделения граждан на активных и пассивных, против имущественного ценза как условия избрания в состав национального представительства¹⁰, против королевского *вето* и чрезвычайных военных судов. Они метали громы и против отъявленных роялистов и против лиц, скрывавшихся под маской патриотизма; они предложили прогрессивный налог; восстали против реабилитации короля после его вынужденного возвращения из Варенна¹¹; они поддержали мужество патриотов, которое готово было исчезнуть после резни на Марсовом поле¹², и раскрыли аристократические заговоры тех, кто злоумышленно требовал республики¹³. Во время Законодательного собрания первого созыва они разоблачили смысл увольнения патриотов, находившихся на военной службе; выявили ловушку, скрывавшуюся под объявлением войны Австрии¹⁴; заставили присудить награды швейцарским солдатам Шатовье¹⁵, разоблачили тайные козни двора, преступления министров, предательство Нарбонна¹⁶, изворотливые ходы Жиронды. Они уберегли священный огонь, который при помощи клеветы и преследования хотели погасить власть имущие и богачи.

Главным образом после 10 августа 1792 г вышеуказанные люди начали питать самые радужные надежды и удвоили усилия для обеспечения торжества своего великого дела. Достоинства концепций Жан-Жака они соединили со смелостью применения их к 25-миллионному населению. В этот именно период борьба между друзьями равенства и сторонниками *строа эгоизма* становится более определенной и настойчивой. Публично отстаивался проект с виду республиканского образа правления, в то время как государство было бы организовано по типу монархии. К этому проекту присоединились люди, которые боялись лишиться во время политических кризисов того, чем они пользовались до сих пор, и так как то же опасение привязывало их к роялизму, то вождям такой республики предъявлялось обвинение в заговоре с целью восстановления монархии.

Ее торжество

Число и влияние искренних друзей равенства, не сраженных еще кинжалами аристократов, были в то время так велики, так велика была активность масс, поддерживаемая надеждой на близкое облегчение, как и сила тех, которые в расчете стать на место прежней знати сделались лицемерными апостолами ненавистного им равенства, что приверженцы эгоистического порядка, подвергшиеся атаке, были побеждены и вынуждены умолкнуть. Это-то обстоятельство и вызвало расхождения в Национальном конвенте до 31 мая 1793 г. и гражданскую войну после этого памятного дня.

Непосредственным следствием победы 10 августа были некоторые успехи народного дела. Вскоре после падения трона всем гражданам были предоставлены политические Права; все были объявлены избираемыми на общественные должности, и было торжественно признано, что никакая конституция не может быть навязана народу без его согласия. В то же время брак был по закону освобожден от пут безнадежной нерасторжимости, которая часто делает его столь

* Среди них находились лица, которые действительно были преданы королевской власти; другие приспособлялись в равной мере ко всем режимам, при помощи которых они надеялись сохранить уважение и власть; заинтересованность тех и других в сохранении жизни королю, представшему перед Конвентом, привело направленному против них обвинению в роялизме большую весомость.

противоречащим счастью отдельных лиц и семей, как и пагубным для нравов и свободы. Рост или ослабление энергии нации в деле защиты революция в зависимости от того, поощряют ли законы равенство или же уклоняются от него, является фактом, достойным внимания. Столь несправедливо презираемый класс трудящихся проявил чудеса самопожертвования и доблести; почти все остальные постоянно только тормозили возрождение общества.

Аристократы в Национальном конвенте до 31 мая 1793 г.

Нет никакого сомнения, что эгоистический или аристократический строй^{**} имел в Национальном конвенте многочисленных и искусных защитников. Доказательством тому служат коварные речи и писания всех этих Верньо, Гаде, Рабо, Бриссо, Горса, Кондорсе, Ланжюинэ, Луве, Барбару¹⁷ и многих других лиц той же окраски; их сделки с двором; их постоянные выпады против всех друзей равенства; их ненависть к подлинным руководителям восстания 10 августа; их связи с Нарбонном, Дюмурье¹⁸, Кюстином¹⁹ и другими генералами-изменниками; их постоянное противодействие установлению прогрессивного налога^{***}; интерес, который они проявляли к королю, представшему перед судом нации; враждебные мероприятия, предпринимавшиеся ими против сторонников демократии; их старания запугать богачей и развращенных людей; пламя раздоров, которое они навлекли на всю Францию; их упорное домогательство узаконить свои антинародные принципы^{****}.

Речь шла о том, чтобы дать рождающейся республике конституцию; всеми чувствовалась потребность в регулярно функционирующей части, и довольно обычной была мысль, что вполне достаточно правильного разделения частей, чтобы обеспечить народу столь желанные им блага равенства и свободы.

Друзья равенства против того, чтобы заняться конституцией

Однако наиболее пронизательные из друзей равенства не разделяли такого образа мыслей. Что бы там ни говорили, а аристократическая часть Конвента более торопилась с выработкой конституции, чем друзья равенства; их было меньше, и они чувствовали, что без события, которое способно было бы устроить их противников, невозможно добиться не только гражданского преобразования общества, но даже установления организации, основанной на равенстве политических прав. Поспешность аристократов являлась, таким образом, частью обширного заговора против естественных прав людей, и для того чтобы можно было рассчитывать на успех усилий, прилагавшихся горсткой честных людей, необходимо было предварительно удалить главных подстрекателей заговора^{*****}.

^{**} Аристократический строй, или верховная власть, осуществляемая одной частью нации над всей нацией в целом, есть неизбежное следствие неравенства, обычного для эгоистического строя.

^{***} Прогрессивный налог отличается от пропорционального налога тем, что соотношение между пропорциональным налогом и доходом, как бы он ни был велик, всегда остается неизменным, в то время как при прогрессивном налоге соотношение между ним и доходом возрастает вместе с увеличением дохода. Прогрессивный налог препятствует созданию крупных состояний и щадит незначительные состояния.

^{****} Свобода нации является результатом: 1) одинаковых условий существования граждан и одинакового пользования ими всеми благами; 2) наиболее широкого использования ими своих политических прав. Проект первого конституционного комитета Национального конвента, почти целиком состоявшего из жирондистов, совершенно игнорировал первое условие и таким образом отдал народ во власть богачей, тунеядцев и интриганов ввиду значения, которое он, казалось, придавал второму условию.

^{*****} Эта фракция была названа *жирондистской*, так как почти все ее признанные вожди были депутатами главные органы управления республики; он был составлен во имя защиты неотъемлемых прав человека, против гордыни и алчности, которые приносят горе человечеству. В то время как аристократы, находившиеся в составе Конвента, давали сигнал к изгнанию всех друзей равенства, которых они называли *анархистами*, народ в Париже навел ужас на вероломных депутатов и принудил их (31 мая 1793 г. и в следующие дни) выдать национальному правосудию главарей их заговора. Свобода Конвента была нарушена во имя спасения свободы народа; полномочия депутатов были ущемлены, для того чтобы заставить уважать суверенную власть нации, которую большинства из них бесстыдно превратило в предмет игры.

Несмотря на отсутствие письменного изложения, устных речей и фактов, свидетельствующих о реальности этого заговора, его легко обнаружить в коалиции почти всех богачей против революции 31 мая 1793 г., как и в быстрое, с какой распространились после этого демократические истины.

Заговор 31 мая 1793 г.ⁱ

Заговор был направлен против многочисленных заговорщиков, которые проникли из департамента Жиронды как в Законодательном собрании, так и в Конвенте. Уже тогда, когда Учредительное собрание провозгласило первую декларацию прав, люди, введенные в заблуждение ложной наукой, либо развращенные пороками цивилизации, почувствовали отвращение к полному и открытому применению принципов естественной справедливости, которые частично были закреплены в декларации; с тех пор они придумывали способ обойти эти принципы, делая вид, что приветствуют их.

Отсюда и ведут свое происхождение те фракции, которые при первых трех национальных собраниях старались остановить поступательное движение французского народа к его полному освобождению и сосредоточить революцию на тех политических системах, которые они считали наиболее благоприятными для их страстей или наиболее соответствующими их доктринам. Они наносили установлению свободы гораздо больший вред, чем открытая оппозиция привилегированных каст, ибо они обманывали народ, заимствуя у патриотов их язык.

К концу существования Учредительного собрания дух этих фракции преобладал в нем, а партия, оставшаяся верной делу народа, была бы в нем вовсе незаметной, если бы не ее решительные требования благодаря которым она обращала на себя внимание. Именно этому духу и следует приписать реакционные шаги и противоречивые действия данного собрания.

Вопреки декретированному равенству в правах миллионы граждан были лишены избирательного права, как и права быть избранными. Кровавый закон был противопоставлен жалобам, которые вызывались тяжелым положением народа и двусмысленными действиями Законодательного собрания. Это Собрание, вопреки здравому смыслу и воле нации, упорно настаивало на том, чтобы снова передать охрану конституции в руки короля, который совсем недавно объявил себя открыто его противником, и тем самым увеличить его власть, вместо того, чтобы ограничить ее; по вине Собрания на Марсовом деле пролилась кровь граждан, намеревавшихся добиваться противоположного решения; оно вынудило народ прибегнуть к насилию, чтобы добиться справедливости, которую мог тогда осуществить мирным путем простой декрет; оно посягнуло на право собраний и хотело навсегда привязать нацию к колеснице аристократии.

Презрение, которое Учредительное собрание в действительности испытывало к народным массам, внушило ему эти меры предосторожности; ими оно весьма нерешительно подрывало королевскую власть, стремясь нанести ей ущерб, но вместе с тем превратить в свой оплот против демократического брожения. Отсюда проистекает также и то, что Учредительное собрание не воспользовалось народным энтузиазмом и ошибками двора для уничтожения монархии или для ограничения ее в таких рамках, при которых она могла бы превратиться почти в подлинную республику.

Таковы причины подозрений, которые возникли в отношении Ламета²⁰ Лафайета²¹, дворянского меньшинства и ряда видных лиц третьего сословия. Те же взгляды разделял знаменитый Мирабо, крайняя развращенность которого привела его к тому, что он за деньги превратился в борца за монархию, против которой он еще недавно боролся²².

Но страсть к роскоши, жажда золота и желание блистать и властвовать были свойственны не одному только дворянству. Между дворянством и классом людей труда существовал еще один многочисленный класс не принадлежавших к знати людей, блиставших богатством учтивыми манерами, тонким умом, умением разглагольствовать, распущенностью и безбожием. Класс этот также относился с пренебрежением к народным массам считал себя созданным для того, чтобы повелевать ими, претендовал на то, чтобы считаться наиболее здоровой частью нации, и пороки дворянства, место которого он стремился занять, он соединял в себе с пронырливостью и завистью.

Этот класс состоял в значительной части из адвокатов, прокуроров, врачей, банкиров, богатых торговцев, еще более богатых буржуа, а также ученых, превративших науку в предмет торговли и в средство преуспевания. Алчный, тщеславный и беспокойный, он отдался первым движениям революции и привел к участию в ней массы, которых нужда и отсутствие образования ставили в зависимость от него. Лица, принадлежавшие к этому классу, являвшиеся во многих местах хозяевами трибуны и управления, пользуясь голосами своих друзей, проникли в Законодательное собрание и в Конвент, в которых они образовали ядро жирондистской фракции.

ⁱ Подборка материалов и дискуссия о жирондистах

Жирондисты вообще были противниками старого режима со всеми его уродствами, но они были также противниками того, чтобы новый режим довел дело до смешения их с теми, кого они называли чернью, и лишил их преимущественного положения, которое являлось для них столь выгодным. Их в сущности несколько не тревожило, будет ли Франция представлять собой монархию или республику, только бы они сами и близкие к ним люди оставались обладателями и раздатчиками благ, истекающих от обладания властью; народовластие же в действительности являлось лишь удачно придуманным термином, для того чтобы лучше обеспечить подчинение и послушание народа законам, придуманным и осуществляемым ими. Поэтому в период Законодательного собрания они выступали то против личных интересов Людовика XVI, то в их пользу, в зависимости от того, намеревался ли он следовать планам его старых придворных или руководствовался советами этой фракции. Личные намерения ее главарей, вступивших в тайные сношения с королем²³, услужливо дававших ему советы, как ему укрепить свою власть, были доказаны документами и живыми свидетелями. Жирондисты, пользовавшиеся видным положением в своей партии, не побоялись признаться в своих мемуарах в преданности монархии и в стремлении восстановить ее в тот период, когда она не существовала более.

Грубой ошибкой, как мне кажется, является вера в то, что жирондисты были истинными друзьями свободы и искренними республиканцами. Если бы они действительно были таковыми, то разве они с таким ожесточением поносили бы и преследовали созданную 10 августа Парижскую коммуну²⁴, которой была главным образом обязана победа этого дня? Разве в то время, когда борьба еще продолжалась, они помышляли бы о том, чтобы под предлогом восстановления порядка охладило энтузиазм народа, который так важно было поддержать и усилить? Разве они выступали бы так рьяно против ужасных, непоправимых казней 2 и 3 сентября²⁵, на которые решились с явным намерением упрочить революцию и которые явились прискорбным следствием открытых и тайных враждебных действий, врагов свободы, серьезных и близких опасностей, угрожавших в то время французскому народу? Разве они превратили бы храм законов в арену для гладиаторов своими неистовыми и клеветническими обвинениями против тех, кто более всего способствовал поддержанию мужества в народе? Разве они запугивали бы богачей, сеяли бы раздор и говорили бы об устройстве Франции на федеративных началах²⁶ в такой момент, когда народу необходимо было наибольшее единство, чтобы отразить вооруженную коалицию королей? Разве стали бы они даже после их изгнания из Конвента восстанавливать алтарь против алтаря, разжигать гражданскую войну и стараться вооружить провинцию против той самой Парижской коммуны которую главным образом так ненавидел внешний враг? Наконец, разве могли бы они игнорировать тот факт, что единственным средством упрочить революцию и увековечить свободу, счастье и мир являлась помощь народу в удовлетворении сокровенных чаяний стольких миллионов угнетенных и в распространении общественных благ в равной мере на всех его членов?

Злополучная Жиронда! Не без основания тебе приписывают также намерение восстановить трон. Разве не было известного числа роялистов среди тех жирондистов, которые в Лионе сражались против республики под начальством королевского офицера и приняли в свои ряды эмигрантов, извлеченных ими из тюрем, как и лиц, которые во множестве устремились в этот мятежный город? Разве не было роялистов и среди жирондистов, сдавших врагу Тулон и восстановивших в нем в тот же день королевскую власть²⁷?

Раболепие Жиронды открыто проявлялось в предложении, которое она с таким упорством защищала, — представить на утверждение первичных собраний приговор, вынесенный Людовику. Напрасно она уверяла, что тем самым воздает должное суверенитету народа: дело шло о судебном акте, а вовсе не о законе. Могла ли она, вводя новую привилегию в пользу пленного короля, обольщаться тем, что запечатлевает в сердцах французов ненависть к королевской власти, на которой должна была зиждиться республика? И как только не опасалась она подвергнуть Францию проволочкам и распрямам, которые могли похоронить свободу? Неужели такая нерешительность, трепет и раболепие перед низвергнутым тронном были пригодным средством для укрепления в сердцах граждан мужества и доблести, столь необходимых им для того, чтобы избежать насилий и козней врагов революции? Разве путем уловок делают нравы более возвышенными? Разве трепеща можно разбить цепи, сковывающие нацию? Если уж во что бы то ни стало хотят видеть в жирондистах республиканцев, необходимо по крайней мере признать, что их поведение было нелепым, и что если они и хотели республики, то такой, которая ложилась бы бременем на народ и заставила бы его вскоре пожалеть о прежнем рабстве.

Злополучная Жиронда! Предмет игры собственного тщеславия, ты не сумела стать ни открыто роялистской, ни подлинно республиканской, ты причиняла нам тем больше зла, что свои ошибки прикрывала видимостью патриотизма и умеренности и сделала настоятельно необходимой жестокость, которая на первых порах спасала республику, но потом доставила так много помощников тем, кто постепенно подрывал ее основы и разрушал ее.

Злополучная Жиронда! Ополчившись против лиц, искренне преданных счастьем народа, ты предала их, беззащитных, в руки порочных людей, которые 9 термидора покончили с ними. Внимая лишь голосу мщения, ты в последующий период спровоцировала истребление республиканцев; твоим аристократическим духом создана конституция III года²⁸, которой мы обязаны тиранией Бонапарта, явившегося в значительной мере твоей креатурой. Пусть другие превозносят красноречие жирондистов, мы не можем их восхвалять ни в каком отношении, ибо мы убеждены в том, что их влияние явилось одной из наиболее действенных причин спада революции, падения республики и гибели свободы.

Демократия во Франции. Что она собой представляет

Не следует думать, что французские революционеры придавали демократии, которую они требовали, тот же смысл, какой придавали ей в древности. Никто во Франции не имел в виду призывать весь народ к обсуждению действий правительства.

Для французских революционеров демократия представляет собой *такой общественный строй, при котором равенство и добрые нравы дают народу возможность с пользой осуществлять законодательную власть*,

Малочисленность искренних друзей равенства в Национальном конвенте

Позднейшие события, я полагаю, в достаточной мере доказали, что демократы никогда не были многочисленны в Национальном конвенте. Восстание 31 мая передало верховное влияние далеко не одним искренним друзьям равенства; вместе с восстанием восторжествовали фальшивые и корыстные защитники равенства. Но деятельно разрушая все в собственных интересах, они пригнули к системе, против которой боролись, когда потребовалось все перестроить в интересах народа.

В числе людей, блиставших на революционной арене, были такие, которые с самого начала высказывались за действительное освобождение французского народа. Марат, Максимилиан Робеспьер и Сен-Жюст, наряду с некоторыми другими, доблестно фигурируют в почетном списке защитников равенства. Марат и Робеспьер открыто нападали на антинародную систему, преобладавшую в Учредительном собрании; они руководили до и после 10 августа выступлениями патриотов. Попав в Конвент, они оказались в нем предметом ненависти и клеветы для партии эгоизма, которую они приводили в замешательство; во время суда над королем они поднялись до философских высот и активно участвовали в событиях 31 мая и последующих дней, благотворное влияние которых было в итоге уничтожено фальшивыми друзьями равенства.

Декларация прав, провозглашенная Робеспьером

До падения жирондистской клики Робеспьер полагал, что Конвент, в котором она господствовала, неспособен создать хорошие законы. Он считал, впрочем, что в критических условиях этого периода первая забота уполномоченных народа должна состоять в уничтожении многочисленных внутренних и внешних врагов, угрожавших существованию республики. Но увидя, что жирондисты спешат узаконить свои аристократические принципы, он противопоставил их проектам свою *Декларацию прав*, в которой совершенно открыто проявились его демократические замыслы. Сопоставляя политические доктрины, содержащиеся в этом произведении и в речах, произнесенных Робеспьером в последнюю пору его жизни, с его моральной безупречностью, самопожертвованием, мужеством, скромностью и редким бескорыстием, нельзя не воздать дань глубочайшего уважения столь высокой мудрости. Точно так же нельзя не испытать отвращения к испорченности и не скорбеть по поводу непостижимого ослепления людей, задумавших и осуществивших его убийство^{**}.

* Разумная и смелая политика, последовавшая за этими событиями, вызвала во Франции мужественный и всеобщий порыв, благодаря которому она в короткое время сокрушила внутренних мятежников и объединившиеся против свободы королевские армии, которым аристократические воззрения и двусмысленное поведение Жиронды подготовляли верную победу. Это был акт мужества и стойкости монтаньяров, противостоявших жирондистам в Национальном конвенте; в этот период Гора состояла из подлинных друзей равенства, но также из тех, кто афишировал эти принципы из личных побуждений.

** На этого знаменитого мученика во имя равенства так много клеветали, что долг каждого честного писателя посвятить свое перо тому, чтобы восстановить добрую память о нем. Я не нахожу лучшего способа для этого как переписать здесь его проект Декларации прав: это замечательное произведение бросает яркий свет на подлинную цель, которую ставили перед собой люди, с такой яростью преследовавшиеся после смерти этого прославленного законодателя²⁸. Восхищение вызовет определение в нем права собственности, которое не ставится более в число основных прав, уступая место праву обеспечения своего существования; границы, поставленные этому праву собственности; введение прогрессивного налога; всеобщее участие в создании закона; искоренение нищеты; обеспеченное всем гражданам образование; право сопротивления угнетению, причем это право определяется таким образом, что оно становится непреодолимым препятствием своеволию государственных чиновников и тирании самих законов. **Полный текст, приведенный в издании в сноске, что не очень удобно для чтения, мы перенесли в раздел «документы» данной публикации. – Ped.Vive Liberta.**

Конституция 1793 года

Однако конституция 1793 г., составленная вслед за восстанием 31 мая частью Конвента, которую тогда именовали Горой, не вполне отвечала пожеланиям друзей человечества. К сожалению, в ней можно найти старые, приводящие в отчаяние взгляды на право собственности³¹. Впрочем, политические права граждан в ней ясно изложены и прочно гарантированы; всеобщее обучение поставлено в ней в число обязанностей общества; она легко допускает изменения в интересах народа; суверенитет в ней обеспечен народу в большей мере, чем когда-либо ранее.

Благоразумной ли осмотрительности, диктовавшейся враждебной позицией взбудораженных жирондистами богачей, или влиянию эгоистов на совещаниях Национального конвента следует приписать осторожность, проявленную в ней, как и вынужденное сокрытие депутатами, друзьями равенства, их дальнейших намерений. Как бы то ни было, верно то, что провозглашение права народа обсуждать законы, подчиненные уполномоченных народа его предписаниям и почти единогласное утверждение конституции 1793 г. способствовали тому, что эта конституция рассматривалась как *палладиум* французской свободы^{***}.

Происхождение и побудительные мотивы революционного правительства

Однако некоторые из тех, кто принимал участие в составлении этой конституции, которую патриоты с тех пор называли демократической, понимали, что она одна не может обеспечить французам счастье, которого они требовали. Они считали, что пользование свободой должно наступить лишь после реформы нравов; им было известно, что прежде, чем вверить народу суверенитет, следует сделать всеобщей любовью к добродетели;

бескорытием и скромностью заменить алчность, тщеславие и честолюбие, поддерживающие постоянную войну между гражданами; уничтожить существующее по вине наших учреждений противоречие между потребностями и любовью к независимости и вырвать у подлинных врагов равенства средства обмана, запугивания и сеяния раздора; они знали, что принудительные и чрезвычайные меры, необходимые для осуществления столь счастливой и великой перемены, несовместимы с формами упорядоченной организации; они, наконец, знали,— и опыт впоследствии вполне подтвердил их точку зрения, — что устанавливать конституционный порядок выборов без этих предварительных мер значит отдать власть в руки любителей всяких злоупотреблений и навсегда утратить возможность упрочить общественное благо^{**}. Поэтому по просьбе 8 тысяч посланцев народа они до заключения мира заменили конституцию 1793 г. такой формой власти, которая сохраняла за теми, кто начал это великое дело, возможность завершить его и одновременно вместо превратностей открытой войны против внутренних врагов свободы применяла быстрые и законные способы для того, чтобы их обессилить. Эта форма была названа революционным правительством³² и имела руководителями членов Комитета общественного спасения, которому человечество чуть было не оказалось обязанным полным исклупением.

Чудеса революционного правительства

Честные люди не могут не признать глубокой мудрости, с какой французская нация направлялась тогда к такому государственному устройству, при котором она существовала бы в условиях равенства и мирно пользовалась бы свободной конституцией. Выше всякой похвалы благоразумие, с каким знаменитые законодатели, искусно использовав поражения и победы, сумели внушить огромному большинству нации самую возвышенную самоотверженность, презрение к богатству, к удовольствиям и к смерти и побудить его провозгласить, что все *люди имеют равные права на произведения земли и промышленности*.

Кто может стереть со страниц истории удивительную метаморфозу, в силу которой так много людей, еще недавно падких на наслаждения, алчных, легкомысленных и надменных, добровольно отказались от множества противоестественных наслаждений, стали наперебой слагать свои излишки на алтарь отечества, массами обрушивались на королевские армии и за все это требовали лишь хлеба, оружия и равенства?

^{***} См. Документы, № 1.

^{**} Пока положение вещей останется таким, каково оно есть, самая свободная политическая форма будет выгодна лишь для тех, кто может обходиться без труда. Поскольку народные массы обречены, вследствие нужды, на тяжелый, непрерывный труд и лишены возможности быть осведомленными в общественных делах, как и присутствовать на собраниях, на которых эти дела обсуждаются, и поскольку они ради своего существования становятся в зависимость от богачей, то одни богачи и распоряжаются совещаниями, которым правительства обманным путем так ловко придают вид запросов к народу. Следует ли предполагать, что эти добропорядочные люди забудут о своих интересах? Что если бы от них потребовали, чтобы они сами отказались от своего высокого положения?

Эти факты, засвидетельствованные бесчисленными воззваниями, донесениями и декретами, публичными постановлениями, летописями Франции, еще неугасшим ужасом аристократических классов и нашими собственными воспоминаниями, сами по себе служат ответом на ложь, клевету и софизмы, при помощи которых старались очернить этот блистательный отрезок французской истории.

Какая великая участь могла ожидать народ, которому оказалось возможным внушить столь благородную самоотверженность! Какие мудрые учреждения ожидали Францию и весь мир благодаря советам людей, руководивших столь великими, столь изумительными делами!

Со времени обнародования конституционного акта 1793 г. и декрета, создавшего революционное правительство, власть и законодательство становились с каждым днем все популярнее. Французский народ был охвачен священным, сколь и беспримерным энтузиазмом; словно по волшебству возникали бесчисленные армии; республика превратилась отныне в обширную военную мастерскую, молодежь, люди зрелого возраста и даже старики соревновались в патриотизме и храбрости; грозный враг был в короткое время отброшен от границ, захваченных им силой или вследствие измены.

Мятежные фракции внутри страны были подавлены; каждый день появлялись в свет законодательные мероприятия, направленные к тому, чтобы воскресить надежды в многочисленном классе неимущих, к поощрению добродетели и к восстановлению равенства. Избыток предназначался для неимущих и на оборону отечества. Путем реквизиций съестных припасов и товаров, путем принудительных займов, революционного установления твердых цен и чрезвычайной щедрости добрых граждан обеспечивалось существование 1400 тысяч воинов и людей из народа, республиканское дерзание которых богачи рассчитывали обуздать измором.

Устройство складов, где хранились запасы, законы против спекулятивных скупок, провозглашение принципа, в силу которого народ становился собственником предметов первой необходимости, законы об уничтожении нищенства, о распределении государственного вспомоществования, а также общность, господствовавшая тогда среди большинства французов, являлись одними из предварительных условий нового порядка, проект которого начертан неизгладимыми буквами в знаменитых докладах Комитета общественного спасения и главным образом в тех из них, которые произносили с национальной трибуны Робеспьер и Сен-Жюст^{***}.

^{***} *Робеспьер. Доклад от 18 плювиоза II года*³³. Мы хотим такого порядка вещей, при котором законы обуздывали бы все низкие и жестокие страсти и пробуждали все страсти добродетельные и благородные, при котором честолюбие означало бы желание удостоиться славы и служить отечеству; при котором различия рождались бы из самого равенства; гражданин подчинялся бы должностному лицу; должностное лицо — народу, а народ — справедливости; при котором отечество обеспечивало бы благосостояние каждому индивиду, а каждый индивид с гордостью наслаждался бы процветанием и славой отечества; при котором души облагораживались бы постоянным общением между республикански настроенными людьми и потребностью удостоиться уважения великого народа; при котором искусства являлись бы украшением облагораживающей их свободы, торговля — источником общественного изобилия, а не чудовищного обогащения нескольких торговых домов.

Мы хотим заменить эгоизм в вашей стране нравственностью; честь — безукоризненной честностью; привычки — принципами; благопристойность — долгом; тиранию моды — царством разума; презрение к несчастью — презрением к пороку; заносчивость — гордостью; тщеславие — величием души; любовь к деньгам — любовью к славе; дурную кампанию — хорошими людьми; интриги — заслугами; острословие — талантом; блеск — правдивостью; пресыщенность наслаждениями — прелестью счастья; незначительность видных людей — величием человека; любезный, фривольный и жалкий народ — благородным, могучим, счастливым народом; иными словами, все пороки и нелепые черты монархии заменить всеми добродетелями и чудесами республики.

Словом, мы хотим осуществить волю природы, претворить в жизнь судьбы человечества, сдерживать обещания, данные философией, снять вину с провидения за долгое господство преступления и тирании. Пусть некогда знаменитая среди поработанных стран Франция, затмевая славу всех существовавших доньше свободных наций, станет образцом для народов. Ужасом для поработителей, утешением для угнетенных, украшением вселенной; пусть, скрепив наше творение своей кровью, мы сможем по крайней мере увидеть сияющую зарю всеобщего счастья.

Робеспьер. Речь от 7 прериала II года: Сущность республики — не в пышных наименованиях, не в победе, не в богатстве, не в преходящем энтузиазме; ее сущность — в мудрости законов и в особенности в добрых нравах; в чистоте и прочности устоев правления.

Сен-Жюст. Доклад от 8 вантоза II года: Богатство находится в руках значительного числа врагов революции; нужда ставит трудящийся народ в зависимость от его врагов. Мыслимо ли, чтобы могла существовать империя, если гражданские отношения таковы, что противоречат существующей форме правления? Люди, совершающие революцию наполовину, только роют себе могилу. Революция ведет нас к признанию того принципа, что всякий, кто проявил себя врагом своей страны, не может в ней являться собственником. Для нашего спасения необходимы еще несколько гениальных ходов.

Неужели народ проливает кровь на фронтах и все семьи носят траур по своим детям для того, чтобы оберегать утехи своих тиранов? Вы должны будете признать принцип, в силу которого только тот обладает правами в нашем отечестве, кто содействовал его освобождению. Упраздните нищенство, которое позорит свободное государство; собственность патриотов священна; имущество же заговорщиков переходит в распоряжение всех неимущих. Неимущие — производительная сила земного шара; они вправе приказывать правительствам, которые относятся к ним пренебрежительно.

И в конце той же речи: Во имя ваших интересов уничтожьте мятежную партию; закалите свободу, отомстите за патриотов, жертв интриги; поставьте в порядок дня здравый смысл и скромность; не допускайте, чтобы в государстве был хотя бы один несчастный или бедняк. Только такой ценой вы осуществите подлинную революцию и установите подлинную республику.

Сен-Жюст. Доклад от 13 вантоза: Пусть узнает Европа, что вы не хотите больше иметь ни одного несчастного, ни одного угнетателя на французской территории; что этот пример приносит плоды на земле; что он распространяет на ней любовь к добродетели и к счастью. Счастье — это новая идея в Европе

Сен-Жюст. Доклад от 23 вантоза II года: Если народ полюбит добродетель, умеренность, если с лиц исчезнет бесстыдство; если в обществе вновь появится целомудрие, контрреволюционеры, умеренные и плуты будут повергнуты в прах; если будет наведен ужас на врагов революции, а по отношению к патриотам будут проявлены любовь и мягкосердечие; если должностные лица засядут в кабинетах, чтобы, призывая в свидетели лишь собственное сердце, творить добро, не гоняясь за известностью; если вы наделите землей всех неимущих и отнимете ее у всех мерзких людей, тогда я признаю, что вы совершили революцию.

Законодательные мероприятия в пользу равенства и народных обычаев

Чтобы по достоинству оценить революционное правительство французской республики, следует отрешиться от предрассудков, порожденных предшествовавшими революции политическими системами, приносившими миру во все времена несчастья и преступления. Мудрость, с которой оно подготовило новый порядок распределения имущества и обязанностей, не может ускользнуть от взоров здравомыслящих людей. Они не ограничатся тем, чтобы рассматривать как выражение народной признательности раздачу земельных владений, обещанных защитникам родины, а также декрет, предписывавший раздел между неимущими имущества врагов революции, подлежавших изгнанию из пределов Франции. В конфискации имущества осужденных контрреволюционеров они усмотрят не фискальное мероприятие, а обширный план реформатора. И когда они примут во внимание, с какой заботой распространялись чувства братства и благожелательства, как искусно сумели изменить наши понятия о счастье, с каким благоразумием был зажжен во всех сердцах благородный энтузиазм во имя защиты отечества и свободы; когда они вспомнят, как почитались простые, добрые нравы, как были осуждены завоевания и излишества, когда они вспомнят о многочисленных народных собраниях, о проектах общественного воспитания, о Марсовом поле, о национальных празднествах; когда они подумают об установлении возвышенного культа, который отождествлял законы отечества с предписаниями божественного начала, удваивая тем самым силы законодателя и давая ему средства для искоренения в короткий срок всех суеверий и для претворения в жизнь всех чудес равенства; когда они вспомнят, что, взяв в свои руки внешнюю торговлю, республика в корне пресекла всепожирающую алчность и истощила самый обильный источник искусственных потребностей; когда они учтут, что при помощи реквизиций она получила в свое распоряжение большую часть сельскохозяйственной и промышленной продукции и что забота о продовольствии и торговля составляли уже две крупные отрасли общественного управления, — они будут вынуждены воскликнуть: *еще немного времени, и счастье и свобода людей были бы обеспечены учреждениями, которых они непрерывно требовали!*

Фракция, внушавшая народу тревогу за сохранение ею суверенитета. Эбертистыⁱⁱ

Но судьба решила иначе, и дело равенства, которое никогда не одерживало таких больших успехов, снова должно было потерпеть неудачу в результате объединенных усилий всех антисоциальных страстей.

Те, кто имел благородную смелость взять на себя столь славное начинание, должны были одновременно бороться против заблуждений слабовольных людей, как и против интриг людей недобросовестных, жертвами которых они в конце концов и явились.

Одни считали, а другие делали вид, что считают, будто революционное правительство, при котором часть граждан не пользовалась временно политическими правами, существенным образом угрожало свободе нации; эти люди в большей мере вредили отечеству софизмами, вводившими в заблуждение массу добрых граждан, чем кознями, которые они строили против главных руководителей преобразования.

К несчастью люди, проникнутые теориями о свободном и мирном социальном строе, обычно с трудом постигали природу чрезвычайной и необходимой власти, при посредстве которой нация может полностью овладеть свободой, несмотря на коррупцию, являющуюся следствием ее прежнего порабощения, вопреки козням и враждебным действиям внутренних и внешних врагов, замышляющих заговоры против нее.

Фракция воинствующих эгоистов, присоединившись к предшествующей, убивает друзей равенства. Дантонистыⁱⁱⁱ

Фальшивые друзья равенства, распространявшие его принципы с намерением приберечь для себя возможность удовлетворить свою алчность, ступали при наступлении дня, когда все должно было покориться нивелировке и склониться под бременем морали.

ⁱⁱ См., например: *М.Славин. Эбертисты под ножом гильотины; ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг.: монтаньяры, эбертисты, дантонисты «бешеные»; Я.Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры; С.Моносов. Очерки по истории Якобинского клуба.*

ⁱⁱⁱ См., например: *Ж.-Ж.Дантон. Избранные речи; ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг.: монтаньяры, эбертисты, дантонисты «бешеные»; Я.Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры; С.Моносов. Очерки по истории Якобинского клуба; М.Робеспьер. Заметки против дантонистов.*

Одни злоупотребляли широкими полномочиями, которыми они пользовались в провинции и в армии; другие помышляли о переходе богатств в руки революционеров, которых они хотели превратить в новый класс привилегированных; третьи обвинялись в том, что за свои преступные махинации получали деньги из-за границы^{****}.

Ф. БУОНАРРОТИ ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

^{****} Эбер и Дантон дали свои имена двум фракциям, которые, хотя и были обе враждебны революционному правительству, установлению которого они содействовали, существенно отличались одна от другой и с точки зрения цели, к которой они стремились, и характера людей, из которых они состояли.

Вожаки этих фракций замыслили опасные махинации, и революционное правительство, не без серьезных оснований, обвинило их в том, что они действуют заодно с иностранными правительствами, объединившимися против французской республики. Как бы ни обстояло дело с тайными смещениями вожаков, верно то, что обе фракции старались все ниспровергнуть и что они приветствовали трагические события 9 термидора и содействовали им. Но они поступали так в совершенно различных видах: дантонисты хотели избавиться от равенства, которое они ненавидели, и от стеснявшей их республиканской суровости, в то время как эбертисты безумным образом считали, что свобода и республика тем самым находят себе освобождение и упрочиваются. Их заблуждение длилось недолго; выведенные постепенно из него, они вскоре присоединились к тем, поведение коих они недавно осуждали, и разделили преследования, которым подверглись все честные сердца со стороны этого грязного сообщества, непрерывно стремившегося вследствие своей возмутительной безнравственности уподобиться приверженцам деспотизма.

В рядах эбертистов обычно находились только люди труда, прямые, искренние, отважные, мало склонные к усидчивым занятиям, чуждые политических теорий, чувством любившие свободу, энтузиасты равенства, горевшие нетерпением насладиться им.

Их, добрых граждан в упрочившейся народной республике, негодных кормчих во время штормов, предшествующих ее установлению, нетрудно было настроить против дальнейшего существования революционного учреждения, рисуя его в их глазах как преступное покушение на народный суверенитет. Точно так же нетрудно было убедить их в том, что для того, чтобы навсегда устранить причину суеверия и власти духовенства, необходимо изгнать все религиозные идеи. Между тем эти люди, скорее расположенные разрешать трудности одним ударом, нежели здраво взвешивать полезность и последствия политического кризиса, имели в виду тот же результат, к которому стремились благоразумные друзья равенства; но эбертисты не составили себе, подобно тем, ясного представления ни об учреждениях, при посредстве которых можно добиться этого равенства, ни о пути, по которому надо следовать для его достижения³⁴. Не им, стало быть, надо приписать пагубный раскол и несчастья, причиненные фракцией, к которой они принадлежали. Столь тяжелая ответственность ложится полностью на влиятельных людей, которые, ссылаясь на народное благо, внушили им несправедливые подозрения, и которым, к прискорбию, нельзя простить преступного ослепления.

Дантонисты не имеют права на подобную снисходительность, ибо преобладающей чертой этой фракции была смесь тщеславия, интриги, дерзости, фальши, продажности и испорченности. Те, кого она признавала своими вождями, публично проповедовали устои, противоречившие чистоте нравов, на основе которой французское правительство этого периода намеревалось установить республику. Рабски имитируя распущенность, отличавшую до революции двор и привилегированные классы, они вели борьбу против прежней знати, чтобы занять ее место, и выступили против религии не с целью освобождения людей от ига предрассудков и суеверий, не с целью лишения тирании ее самого страшного помощника, а с тем, чтобы избавиться от стеснявшей их мысли о судьбе, чтобы спокойнее предаваться неистовству своих низких страстей и изгладить из сознания людей утешительные мысли о справедливости, честности и добродетели.

Дантонисты смотрели на революцию как на игру случая, в которой победа достается тому, кто более хитер и плутоват. Они сострадательно усмехались словам бескорыстия, добродетели, равенства и открыто заявляли, что революционерам в конечном счете должны принадлежать все преимущества богатства и власти, которыми пользовались дворяне при старом режиме. Поэтому многие из тех, кто умножил их ряды, не остановились впоследствии перед тем, чтобы позаимствовать самые различные окраски, чтобы потворствовать всем видам тирании и пойти на самые гнусные происки с целью стяжания богатства и удержания в своих руках хотя бы призрака власти.

Эта фракция находилась также в заговоре против тех, кто вызвал к жизни демократические учреждения. Она потерпела неудачу и была свидетелем гибели некоторых из ее вождей; однако те из них, кто остался в живых, благодаря тому, что они присоединились к голосу угрожавшего им национального правосудия, угождали врагам революции всех оттенков, найдя поддержку у введенных в заблуждение патриотов, которым они внушили опасение в утрате народного суверенитета, ловко вводя в игру зависть, которую вызывает заслуга, объявили добровольное уважение, оказываемое добродетели, признаком нестерпимой тирании. С помощью самой бессмысленной клеветы им удалось добиться 9 термидора II года^{iv} умерщвления депутатов, которым французский народ был обязан большей частью успехов, достигнутых в процессе завоевания им своих прав^{*****}.

^{iv} Ц.Фридлянд. Девятое термидора; ТЕРМИДОР: ДО и ПОСЛЕ; ПОСТТЕРМИДОРИАНСКИЙ КОНВЕНТ: ликвидация революционного порядка управления; К.Добролюбский. Термидор (полный текст монографии); А.Матьез. Термидорианская реакция (чч.1, 2); К.Добролюбский. Термидорианская реакция (общественная жизнь по свидетельствам очевидцев); Е.Киселева. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора; Я.Захер. Девятое термидора; П.Щеголев. К характеристике экономической политики термидорианской реакции.

Некоторые члены Национального конвента, известные растратами, которыми они запятнали себя во время осуществления ими своих полномочий, по-видимому, являются главными подстрекателями этого прискорбного дня³⁵. Приведенные в ужас казнью заговорщиков и суровыми правилами правительства, они легко запугивали себе подобных и своими воплями возродили уверенность и дерзость врагов равенства.

Множество различных мотивов, вызванных корыстью, завистью, тщеславием, аристократичностью и мстительностью, усиливали грозу, разразившуюся в этот день над республикой; их можно было распознать по нелепости обвинений, по противоречивости обвинителей и по ожесточению, с каким преследовались все те, кто считал своим долгом защищать республиканца Робеспьера.

Тайные виды тех, кто незаконно послал его на смерть, скрывались под туманным обвинением в тирании. Но не оправдано ли существование тирана, не обладавшего богатством, солдатами, имевшего друзьями лишь врагов всяких тиранов; тирана, который не только не шел на низкую лесть толпе, потворствуя ее капризам, но часто имел мужество, рискуя вызвать недовольство толпы, отговаривать ее от соблазнительных планов, которые ей предлагали другие? Скажут, что это был тиран общественного мнения... О, на этот раз приговор вынесен... Тирания Робеспьера заключалась, следовательно, не в чем ином, как в силе его мудрых советов и влиянии его добродетели. ...Он был тираном для дурных людей.

Да и каким образом могли бы вы доказать, что Он был тираном, вы, которые после его смерти только и знали, что поносили друг друга и губили нас. В то время как одни обвиняли его в том, что он погубил Дантона, другие упрекали его в желании спасти его; люди, которые еще накануне называли его Катонем Франции, либо сравнивали его с Орфеем, просвещающим дикие народы, составляют обвинительный акт против него; то ему вменяют в вину ошибки некоторых депутатов во время их командировок, то жалуются на преследования, которым он хотел их подвергнуть. Вы заявляли, что он обладал несколькими миллионами, а Франция доньше называет его *неподкупным*; хорошо известно, что распродажа всего, что у него было найдено, дала не более 460 ливров деньгами. Вы заявляли, что он был лишен знаний и здравого смысла, утверждая в то же время, что он в течение 15 месяцев подчинял вас своему господству. В то время, как вы называли его жестоким, другие упрекали его в том, что он продлил дни 73 заключенных жирондистов³⁶. Вы все еще толкуете о его неистовом властолюбии, но вы ничего не говорите введенному в заблуждение вашими лживыми рассказами миру, что если бы не его героические советы, члены Парижской коммуны во главе большинства секций и артиллеристов подвергли бы вас заслуженной вами каре. Подобно школьникам, взбунтовавшимся против своего учителя, вы осыпали его бранью у его смертного одра и позволили растравлять то кровоточащие раны.

С ничем несравнимым иступлением комитеты³⁷ по примеру самых ярых аристократов древнего Рима восстановили народ против его защитников, изображая их в его глазах властолюбцами, находящимися в заговоре с целью восстановления трона и стремящимися его занять, комитеты, которые 10 термидора не постеснялись заявить Конвенту, что своим триумфом он обязан измышлениям, при помощи которых они ввели в заблуждение доброе и простодушное население Антуанского предместья.

«Вы, быть может, этому не поверите, говорил докладчик комитетов Общественного спасения и Общественной безопасности, — в помещении Коммуны, в котором происходило контрреволюционное заседание, на столе была новая печать с оттиском лилии, и уже этой ночью в Тампле появились двое лиц, чтобы потребовать оттуда его обитателей. Я должен здесь указать на одну характерную черту, свидетельствующую об общественном настроении: тайные эмиссары хотели совратить народ в Антуанском предместье, но как только народные представители заговорили об эмблемах королевской власти, обнаруженных в помещении Коммуны, республиканские секции разразились возгласами возмущения».

Робеспьер хочет пристыдить своих обвинителей, ему затыкают рот; Сен-Жюста бросают в тюрьму при первых словах его речи, которую ему не дают произнести; лишают свободы Кутона³⁸ за намерение оказать сопротивление несправедливости; Леба³⁹ подвергается проскрипции за одно заявление о своем нежелании разделить позор несправедливого декрета; брат Робеспьера⁴⁰ хочет его защитить и также подвергается аресту; на другой день все они предаются мученической смерти, а Давид⁴¹, заявивший Робеспьеру: «Вместе с тобой я выпью цикуту», — долго томился в заключении и остался в живых только благодаря брэнной славе, которой он пользовался как художник.

Чтобы как можно скорее их погубить, вы использовали тревогу, поднятую Коммуной, и их присутствие на ее последних заседаниях.

Не говоря уже о подозрении в том, что вы расставили им сети, сами раскрыв их тюрьмы, одни их намерения и ваши намерения, то, что сделали они и что сделали вы, блага, которые предвещали нам времена, предшествовавшие их смерти, и множество бедствий, которые за ней последовали, — все это с очевидностью доказывает, что никогда еще восстание не было более священным и сопротивление более настоятельно необходимым.

Добродетель названа пороком и тиранией

С этого времени все было потеряно. Чтобы оправдать свое преступление, лица, содействовавшие событиям этого дня, вынуждены были в основных пунктах обвинения представить в искаженном виде принципы, поведение и добродетели своих жертв. Корыстолюбивые проповедники демократии и старые приверженцы аристократии пришли к соглашению. Отдельные голоса, напоминавшие о доктринах и институтах равенства, стали рассматриваться как непристойные вопли анархии, разбоя и терроризма. Власть была захвачена теми, кто во имя всеобщего блага был прежде ущемлен, и чтобы отомстить за унижение, до которого они были доведены, они подвергли долготу и кровавому преследованию заодно с искренними друзьями равенства также и тех, кто проповедовал его из личных выгод, и даже тех, кто вследствие измены, зависти или ослепления так активно содействовали контрреволюции 9 термидора.

Революционное правительство становится общественным бедствием

Лишь только революционное правительство перешло в руки приверженцев эгоизма, оно стало настоящим бичом общества. Его поспешная и ужасная деятельность, которую могла бы сделать законной только добродетель его руководителей и демократический дух их намерений, отныне становится не чем иным, как страшной тиранией по цели и по форме. Она все деморализовала; она вернула вновь роскошь, изнеженность нравов, хищничество; она растратила общественное достояние, извратила принципы революции, а всех, кто искренно и бескорыстно защищал ее, отдала на растерзание ее врагам. Старания господствующей партии были со всей очевидностью направлены в это время к поддержанию неравенства и к установлению аристократического строя. Отняв у народа надежду на справедливое законодательство, ввергнув его в неуверенность и упадок духа, люди, пришедшие к власти, замыслили вырвать у него последние остатки его суверенитета.

Друзья равенства требуют конституции 1793 года. Они терпят поражение

Насколько друзья равенства до 9 термидора желали сохранения революционного правления во всей его чистоте*, настолько

* Чтобы оттолкнуть народ от всякой идеи о реформе, отвратить его от мысли о пользовании своими правами и сделать ненавистными для него его истинных друзей, старые и новые аристократы старались более всего подействовать на него преувеличением числа тюремных заключений и приговоров, имевших место при революционном правительстве до 9 термидора; они представили их так, словно они являлись угрозой для всех классов общества без различия, представляя затем как окончательно установленное то, что в действительности являлось лишь печальной необходимостью переходного периода, они старались уверить народ, будто строй равенства есть не что иное, как нескончаемый ряд насилий, избиений, казней, актов ненависти и мщени.

Между тем достаточно немного здравого смысла, чтобы распознать в этих разглагольствованиях неистовство пристрастия, которое их диктовало. Стоит только рассуждать беспристрастно, чтобы быть вынужденным согласиться с тем, что друзья равенства после чрезмерно долгого и пагубного терпения решились прибегнуть к суровости по отношению к их неисправимым врагам только из любви к отечеству и из сознания своих настоятельнейших обязанностей.

Поскольку признана справедливость и необходимость революционного учреждения, речь идет уже не о том, чтобы исследовать, как далеко доводила возглавлявшая его власть суровость, к которой она была вынуждена прибегнуть; важно лишь знать, отвечала ли эта власть цели, ради которой она была учреждена. Она должна была установить царство равенства и законов, и она беспрестанно, вплоть до 9 термидора II года, прилагала усилия в этом направлении, преобразовывая нравы и дух законов и устраняя препятствия, которые непрерывно ставились на пути осуществления столь величественного начинания. Этими препятствиями являлись вооруженная оппозиция, обман и неизменно возобновлявшиеся заговоры, замышлявшиеся партией, предпочитавшей погибнуть в пламени пожара, который она зажгла, чем склонить свою высокомерную голову перед нивелирующим строем равенства и отказаться от своих порочных привычек. Таких врагов приходилось не наказывать, а уничтожать.

Следует вспомнить, с какой быстротой сменялись с самого начала революции заговоры аристократов против власти народа с момента провозглашения республики, и особенно после восстания 31 мая, среди оппозиционеров обнаружилось столь сильное, всеобщее и характерное возбуждение, что можно было безошибочно распознать врагов преобразования по их поведению, повадкам и взглядам. Был период, когда опасность для общества была столь угрожающей, что народ мог обрушиться на класс, которого он страшился, не допуская несправедливости. Правительство от имени народа делало то, что вправе был сделать народ, но оно делало это с гораздо большей пользой. Дело дошло до того, что пришлось выбирать между уничтожением нескольких оппозиционеров и безусловной утратой прав народом. Именно эту цель следует иметь в виду: была ли она справедлива? Суровость, необходимая для ее достижения, является, правда, прискорбной, но тем более необходимой обязанностью, что на исправление взбесившейся надменности не приходится рассчитывать.

Желание привести к справедливости и равенству — не прибегая к суровым мерам — нацию, среди которой существует множество людей, усвоивших привычки и имеющих притязания, непримиримые с благосостоянием и правами всех прочих людей, — столь же несбыточный, сколь заманчивый замысел. Предпринять такое преобразование и остановиться перед твердостью, которой оно требует, значит сознаться в своей непредусмотрительности; значит пожертвовать всеобщим благом ради пороков небольшой части; значит быть лишенным мужества. Разве Ликиургу в античные времена была вменена в вину смерть нескольких лакедемонских аристократов? Разве Бруту было поставлено в укор осуждение им своих детей? Разве порицалась сугубо революционная суровость, с которой сам Моисей безжалостно раздавил всех, кто противился успеху учрежденного им строя? Не жаждут ли те, кто поработает земной шар, крови страждущего народа, когда он возмущается бедствиями, которые они заставляют его претерпевать?

Революции являются необходимым следствием долготлетних несправедливостей; они служат мгновенной карой за вековые преступления. Отчего же люди, которые их страшатся, непрерывно способствуют приходу новых революций? Отчего люди, которые любят преувеличивать то, что они называют эксцессами французской революции, не предотвращают их путем добровольного отказа от своих несправедливых притязаний, явившихся единственными причинами революций?

Немало разглагольствований было по поводу многочисленных арестов по подозрению, как и по поводу чрезмерной краткости судебных процедур против обвиняемых в заговоре. В этом отношении следует заметить, что в такой период, когда заговоры рождаются вследствие сильного возбуждения страстей, разделяемых большим числом влиятельных и ловких людей, и когда заговорщики считают удобным обстоятельно обдумать свои замыслы, не выказывая никаких признаков их существования, случается, что опасность, угрожающая обществу, становится вдруг очевидной, и что в государстве разгорается всеобщий пожар, прежде чем становится возможным собрать против кого бы то ни было вещественные улики. В подобном положении, когда все возвещает о наличии близкой опасности, разве не благоразумно и справедливо уберечь народ от возможностей внутренней войны, приняв решительные Меры против тех, кого их страсти, привычки и интересы ставят явным образом вне народной партии? В этом случае общее благо зависит от того, наведен ли страх на злостных людей молниеносным ударом по некоторым надменным головам. Возможно, что необходимо лишь еще одна суровая мера, и дело человечества навсегда одержит во Франции полную победу. Но к чему изощряться в рассуждениях для оправдания идеи и действий революционного правительства, предшествовавшего 9 термидора II года? Подстрекатели этого рокового дня, навлекшие столько бедствий на французский народ, целиком выполнили эту задачу. Напрасно они взывали к законам гуманности, которые они осквернили, насильственно приостановив близкую к завершению спасительную деятельность, чтобы начать в пользу безнравственности, аристократии и королевской власти другую, во много раз более кровавую и ужасную.

после 9 термидора они желали его падения, с тем чтобы заменить его конституцией 1793 г., против которой были направлены происки аристократии. Потеряв надежду на торжество равенства, они хотели по крайней мере вернуть народу его политические права.

Такова была побудительная причина движения 12 жерминаля III года и парижского восстания 1 прериала⁴². Неудача этих дней удвоила ярость врагов свободы и значительно увеличила число добрых граждан, запятанных в тюрьмы и перебитых на всем пространстве республики .

Тюрьмы Парижа — очаги заговоров во имя равенства

Массовое тюремное заключение друзей свободы и их частые перемещения из одной тюрьмы в другую дали им возможность лучше узнать друг друга и теснее связаться между собой. Тюрьмы Парижа, и в частности тюрьмы Плесси и Четырех наций, являлись тогда очагами большого революционного брожения.

Там встретились главные действующие лица заговора, события которого я намереваюсь описать. В флореале III года в тюрьме Плесси были заключены: *Бедон* [Дебон]^{***}, *Ложан де Доримель* [Жюльен де ла Дром], Бертран, бывший мэр Лиона, Фонтенель, Фион, *Аннак* [Шанан], Симон Дюпле, Сомбо [Бодсон], Клод Фике, Массар, Буэн, Моруа, *Шентрар* [Треншар], *Гларту* [Гулар], *Ла Тильм* [Майе], *Велор* [Револь], *Гольскен* [Солиньяк], *Ривагр* [Гравье], Жюльен Дезарм⁴⁵, *Лео де Ла Нэтл* [Далэр Тенай], Бабеф, Жермен, Буонарроти, члены Народной комиссии в Оранже, члены революционных трибуналов Арраса, Камбре, Анжера, Ренна, Бреста, члены революционных комитетов Парижа, Нанта, Невера, Мулена и многие другие демократы из всех департаментов.

Из этих домов скорби взвились электрические искры, которые не раз заставляли бледнеть новую тиранию. Мне достоверно известно, что восстание 1 прериала III года было в значительной мере делом рук некоторых граждан, заключенных в Плесси, в числе которых называли, в частности Леблана, впоследствии комиссара Директории в Сан-Доминго, и Клода Фике^{****}.

Что касается средств к существованию, то никогда еще парижане не испытывали более жестокого голода. Между тем урожай был обильный и сельские местности имели самый благоприятный вид. Откуда же явился ужасный голод, окосивший такое множество граждан? Он был следствием попятного движения Конвента, следствием коварства аристократов и алчности богачей.

Чтобы расстроить преступные махинации, поощрявшиеся алчностью. Конвенту давно следовало установить твердые цены на съестные припасы, заставить тех, кто держал эти припасы в своих руках, снабжать рынки и при помощи суровых мер удерживать курс бумажных денег в соответствии с их номинальной стоимостью. После 9 термидора, когда реквизиции и твердые цены были сразу запрещены, а бумажные деньги предоставлены торговцам для свободной спекуляции ими, цены на предметы первой необходимости так сильно возросли, что в результате приобрести провизию можно было только на звонкую монету; рабочие массы, которые ее не имели, были при наличии изобилия лишены всего. В условиях величайших народных страданий правители непрестанно утверждали, что продовольствие обеспечено; они обещали народу более счастливое будущее в качестве вознаграждения за пагубную покорность, которой они от него требовали.

^{**} Движение 12 жерминаля было вызвано преследованиями против членов прежних комитетов Общественного спасения и Общественной безопасности — Барера, Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа и Вадье⁴³, из ненависти к ним за твердость, с какой они подавляли врагов революции Убежденный ими Национальный конвент принимал и одобрял все те акты, которые ставились им в вину; но ярость аристократов, составлявших в то время большинство в этом Собрании, была так слепа, что, не имея в виду их оправдать, не принимая в расчет участие, которое они, к несчастью, принимали в событиях термидора, и не решаясь осудить их на глазах у парижского народа, Собрание произвольно осудило их на ссылку.

Граждане, преданные политической системе Робеспьера, как и лица, которым злостно внушили правоту за сохранение народного суверенитета, в прериале примкнули к конституции 1793 г., немедленного введения которой они единодушно требовали.

^{***} Имена, напечатанные курсивом, являются во всей этой работе анаграммами имен лиц, о которых можно предполагать, что они еще живы⁴⁴.

^{****} *Конституции 1793 г. и хлеба!* — таков был в этот день лозунг парижского народа, справедливо обеспокоенного за свои права и за свое существование. Что касается прав, то угрожавшие им опасности были вполне реальны, ибо усилия партии, преобладавшей в Конвенте, бы ни по всей видимости, направлены именно к уничтожению конституции 1793 г., что и было осуществлено некоторое время спустя.

Если этот неоспоримый факт сопоставить с печатным актом, который явился сигналом к восстанию, с требованиями восставших и с политической физиономией поддерживавших их депутатов^{****}, то этого достаточно будет, чтобы стереть пятно роялизма с главных зачинщиков этого злополучного дня, которым даже писатели-патриоты старались их клеймить с целью сохранения жизни друзьям равенства, подвергавшимся самым кровавым преследованиям^{*****}. Это преследование было настолько всеобщим и настолько яростным, что в числе тысяч граждан, брошенных в тюрьмы Парижа, находилось много индифферентных и даже противников торжества той партии, в принадлежности к которой их обвиняли.

Оценить по заслугам институты и намерения тех, кто был их инициаторами, можно лишь приняв во внимание обстоятельства, при которых они были установлены.

Образ жизни и занятия заключенных патриотов

Трогательное и небывалое зрелище представляли в то время эти тюрьмы. Люди, ввергнутые туда аристократией, жили там просто, в самом тесном братстве, гордились своими оковами и своей бедностью, последствием их патриотической самоотверженности; предавались труду и учению и вели между собой разговоры только о бедствиях отечества и о способах их прекращения. Гражданские песни, которыми они дружно оглашали воздух, собирали по вечерам вокруг этих печальных обиталищ толпу граждан, привлекаемых туда любопытством или сходством их чувств с чувствами заключенных. Люди этой закалки, горевшие патриотизмом, воспламененные преследованием и укрепившиеся в общих им чувствах благодаря длительному и частому общению, естественно, готовы были предпринять все для того, чтобы вновь вызвать революцию и добиться, наконец, постоянной цели их желаний. Поэтому тюрьмы в этот период являлись колыбелью демократических заговоров, вспыхнувших в третьем и четвертом годах республики.

Конституция III, или 1795 года

Уничтожение закона, данного народу, было, наконец, совершено той самой комиссией, которой была притворно поручена забота о его выполнении. Проект новой конституции, который эта комиссия предложила 5 мессидора III года Национальному конвенту, явился для заключенных патриотов предметом глубоких размышлений; они обсуждали все ее постановления с большей зрелостью, чем в любом первичном собрании. Вот мнение, которое они составили о ней.

Мнение друзей равенства об этой конституции

Если предложенная конституция, — говорили они, — сама по себе еще может оставить сомнения относительно умонастроения ее авторов, то предшествующий ей доклад⁴⁷ их полностью рассеивает. Это умонастроение целиком выражается в словах: *сохранить богатство и нищету*. Поэтому произведение это рассматривалось как конечный результат покушений эгоистической клики.

Проект комиссии за исключением статьи, ставившей наличие земельной собственности условием для избрания в национальное представительство, как и статьи, запрещающей избрание на высшую должность лиц, не занимавших предварительно более низкой должности, был принят и вплоть до 18 брюмера VIII года⁴⁸ являлся для французской нации основным законом.

Достаточно самого поверхностного рассмотрения, чтобы убедиться, что принцип сохранения богатства и нищеты явился основой для всех частей этого здания.

Прежде всего, чтобы подавить все требования и навсегда закрыть все пути к благоприятным для народа нововведениям, у него обнимают или урезают его политические права. Законы вырабатываются без его участия и без возможности какой-либо критики с его стороны; конституция связывает навсегда как его, так и его потомство, ибо ему запрещено вносить в нее изменения; она охотно провозглашает народ сувереном, однако всякое обсуждение со стороны народа объявляется в ней мятежом; туманно поговорив о равенстве прав, конституция отнимает права гражданства у множества граждан, а право назначения на главные государственные должности сохраняет исключительно за имущими; наконец, чтобы навсегда сохранить это злополучное неравенство, источник безнравственности, несправедливости и угнетения, авторы этой конституции с величайшей тщательностью устранили из нее всякое учреждение, способное в

^{****} Гужон, Ромм, Субрани, Дюруа, Дюкенуа, Бурбот, Приер де ла Марн, Пейссар, Форестье, Альбит⁴⁶ и т.д. Первые шестеро были ужасным образом принесены в жертву неистовству так называемых порядочных людей, которые стремились установить свою власть на руинах общественной свободы, проливая реки народной крови.

^{*****} Мои современники, несомненно, не ошибаются относительно характера этих восстаний. Но грядущие поколения, которые будут читать то, что написано об этих восстаниях, не будучи свидетелями событий, должны быть предупреждены о том, что патриоты, выступавшие в периодической печати, прибегали к этой хитрости каждый раз, когда попытки республиканцев терпели неудачу.

достаточной мере просветить всю нацию, создать республиканскую молодежь, сократить опустошения, вызванные алчностью и честолюбием, исправить общественное мнение, улучшить нравы и высвободить народные массы из-под жестокого господства праздных и властолюбивых богачей*.

Эти позорные нарушения общих прав и пренебрежение основными обязанностями народного законодателя были разоблачены перед французским народом Антонеллем⁴⁹ в сочинении, носящем название «Рассуждения о правах гражданства», и Феликсом Лепелетье⁵⁰ в его «Мотивированном мнении о конституции III года».

Негодование, но отнюдь не удивление вызвала дерзость, с которой тогдашние вожаки осмелились нарушить торжественно выраженную волю суверенного народа, как и их собственные недавние обещания**. Конституция 1793 г. была бесстыдно оклеветана и доктрина равенства отдана на поругание при помощи самых ужасных софизмов теми самыми людьми, которые еще недавно превозносили ее справедливость.

Протесты друзей равенства

Заклученные республиканцы направили в первичные собрания многочисленные протесты против принятого Конвентом проекта, однако их пример не нашел единодушного подражания у тех, кто в то время приписывал себе честь называться демократами.

В результате прерияльских событий вместе с непреклонными республиканцами в тюрьмах оказались также люди, остававшиеся равнодушными или нерешительными, те, кто оплатил свою свободу трусливой покорностью воле аристократии; они приняли новую конституцию. Другие, потерявшие надежду на торжество демократии и рассматривавшие тогдашнее революционное правительство как величайшее зло, льстившие себя надеждой, что широкое распространение конституционного порядка может иметь своим результатом некоторую благоприятную для народа перемену, видевшие в предложенной конституции единственный якорь спасения против близкого, по их мнению, возврата монархии и особенно боявшиеся грозивших им опасностей и преследований, — также приняли аристократический закон, но не смогла поколебать тех, кто считал, что ничто не должно их заставить входить в сделку с врагами равенства вопреки справедливости и в ущерб всеобщим правам.

* Вследствие непреклонной надменности наших вельмож очень скоро пожалели об этой конституции, с которой, вероятно, возможно было, несмотря на ее крупные недостатки, примирить друзей равенства путем внесения в нее некоторых изменений. Однако аристократы предпочли быть осыпанными золотом и разукрашенными галунами, пресмыкаться перед железным скипетром наглого и вероломного солдата, чем жить в свободе и равенстве с народом; они превратили эту конституцию в революционное правление, окрашенное монархизмом.

** В жерминале III года ужасный закон «О государственной безопасности» осудил как мятежные раздававшиеся со всех сторон протесты против контрреволюционного направления правительства. Однако этот же закон с целью скорейшего успокоения общественного возбуждения лицемерно угрожал всякому, кто будет высказываться устно или письменно против конституции 1793 г., ближайшее осуществление которой Конвент обещал 2 прерияля того же года.

*** Единственная забота комиссии, созданной для подготовки органических законов конституции 1793 г., состояла в том, чтобы упразднить эту конституцию, заменить ее конституцией, более соответствовавшей намерениям господствовавшей в то время клики.

После долгих разглагольствований против самого священного из прав народа, права одобрения законов, под властью которых он должен жить, докладчик этой комиссии перечислил пробелы, которые эта комиссия — по ее утверждению — в них обнаружила; он заявил, что конституционный акт 1793 г., который — как он добавил — должен быть уничтожен уже по одному тому, что Робеспьер и Сен-Жюст работали над его составлением, оставил не определенными административную иерархию, назначение генералов и послов, как и право объявления войны и заключения мира. Между тем по данным вопросам все точно указано в этой конституции в статьях 54, 55, 69, 70, 83, 107, 118, 119.

С другой стороны, комиссия в подтверждение своего взгляда ссылалась на насилие, коррупцию и террор, господствовавшие, по ее мнению, во время принятия конституции, которую она хотела упразднить. Но кого же можно заставить поверить, что четыре миллиона человек, принявшие ее, могли быть подкуплены или принуждены к этому силой? Разве неизвестно, что во время принятия этой конституции суровые меры, необходимость которых была признана впоследствии, не применялись против врагов равенства, которые свободно могли вмешиваться в работу первичных собраний и даже выступать в них с требованием восстановления королевской власти? Несмотря на ухищрения, применявшиеся с целью сокрытия истины, осталось достаточно следов для того, чтобы суровая критика могла когда-нибудь признать, что почти единодушное содействие, оказанное французами восстанию 31 мая, свидетельствует об их присоединении к нему и об оппозиции лишь со стороны тех, против кого оно согласно воле нации было направлено. Эта воля проявлялась еще долгое время спустя как внутри страны, так и в армии, вплоть до того момента, когда народ, преданный своими уполномоченными, обманутый в своих надеждах и лишенный в результате убийств и арестов самых верных своих защитников, впал в растерянность и апатию и не проявлял больше никакого интереса к общественным делам.

Ложь о принятии народом конституции III года

Конвент объявил, что новая конституция была принята народом. При подсчете голосов царила чрезвычайная путаница; поэтому результатом этой операции, а также других общественных событий было то, что голосующих оказалось крайне мало, что множество граждан было изгнано из собраний и что наиболее рьяно принимали конституцию именно те, кто отличался своим эгоизмом и нередко обвинялся в заговорах с целью восстановления королевской власти.

Не следует забывать вполне реально существовавшего разделения эгоистов на консерваторов и воинствующих; вспомним, что последние вплоть до 9 термидора II года почти всегда шли за искренними друзьями равенства и тем самым навлекли на себя ненависть контрреволюционеров. Члены Конвента, называвшие себя тогда патриотами, почти все принадлежали к последней группе.

Проскрипция членов Конвента

Ненависть к революции зашла так далеко, что проскрипция, тяготевшая сначала только над бескорыстными друзьями революции, нависла в конце концов даже над теми, кто эту проскрипцию спровоцировал и чьи недавние преступления не могли заставить забыть их прежнюю внешнюю добродетель. Добропорядочные люди, люди хорошего происхождения, добрые буржуа гнушались садиться рядом с бывшими приверженцами террора, нажившимися за счет имущества аристократии.

Все без различия члены Конвента, обвинявшиеся в применении террора или в попустительстве ему, стали жертвами неистовства врагов революции, и если были сделаны некоторые исключения, то только в отношении лиц, отличавшихся настойчивой защитой *привилегий благородных против бунтарских притязаний бедняков, которых они называли чернью.*

Надежды врагов революции

Казалось, что создание новой конституции и нового законодательного органа вселило в сердца врагов революции надежду на некоторое участие во власти, а кой-кому из них— надежду на восстановление королевской власти, в чем они обольщали себя каждый раз, когда верховная власть уклонялась от пути равенства и блуждала по извилистой стезе эгоизма, — причине и следствию всех видов тирании.

Народ связан обновлением трети депутатов

Чтобы упрочить дух новой конституции, ее авторы придумали ежегодное обновление только одной трети Законодательного собрания и введение в первоначальный состав этого Собрания двух третей членов Конвента по выбору избирательных органов. Эта мера, продиктованная беспокойной осторожностью нескольких преступных законодателей и придуманная для того, чтобы навсегда связать народ, особенно потворствовала страстям членов Конвента. Те из них, кто упивался властью, кто опасался преследований за порочившие их преступления по должности, кто страшился равенства и приходил в ужас от одной мысли о демократических принципах, поспешили присоединиться к этой мере*. В Конвенте фальшивые друзья равенства, одинаково ненавистные как истинным республиканцам, так и роялистам, выказывали себя самыми страстными сторонниками этого способа обновления

Прибегая к хитрости, которой они часто пользовались, они обвиняли в заговоре с целью восстановления монархии тех, кто оказывал им противодействие и кто в данном случае представлял собой тех самых людей, которые всегда отвергали народные учреждения.

Боязнь способствовать победе роялистов, заинтересованность корыстолюбцев и необходимость выбирать между двумя одинаково преступными партиями, перед которой оказались искренние друзья равенства, сильно повлияли на общественное мнение. Результатом этого явилось известное количество избирательных голосов, которое, будучи крайне незначительным сравнительно с численностью населения и весьма путанно подсчитанным, послужило, однако,

* Все депутаты, оставшиеся еще преданными политическим правам, освященным конституцией 1793 г., были удалены из Конвента путем казней и арестов.

** Эта мера, подсказанная духом аристократизма, преобладавшим при редактировании конституции III года, и при помощи которой хотели удалить из нового законодательного органа бывших роялистов, как и искренних друзей равенства, не имела того успеха, которого от нее ожидали ее авторы. Обманутые в своих надеждах и страшась то монархии, то народа, они неоднократно и по противоположным мотивам опустошали ряды национального представительства, которому они 18 брюмера VIII года, побуждаемые неприязнью к равенству, нанесли последний удар, прибегнув к самому мерзкому из покушений.

предлогом для преступных членов Конвента, чтобы придать силу закона своим декретам об обновлении состава Законодательного собрания, которые они ввиду всеобщего недовольства были вынуждены представить на утверждение народа.

Друзья равенства защищают преступных членов Конвента ^v

Обнародование этого декрета породило сильное возбуждение, беспорядки и, наконец, вооруженный мятеж парижских секций

13 вандемьера IV года⁵¹, в день, когда погибло бы большинство членов Конвента, если бы не мужественная самоотверженность тех, кого они незадолго перед тем предали неистовству врагов свободы. Любовь к отечеству, подвергавшемуся угрозе полного порабощения, и надежда на то, что назревающее столкновение приведет к благоприятному для дорогого им дела положению вещей, побудили горстку республиканцев защитить своих недавних врагов в борьбе против многочисленной армии секционеров.

Существовало мнение, что раз члены Конвента, деморализовавшие революцию, окружив себя многими развращенными людьми, объявляют себя врагами этих людей, то эти члены Конвента будут вынуждены примкнуть к демократам и уступить их желаниям.

Этот образ мыслей вооружил наиболее решительных и просвещенных, к которым присоединились люди, движимые желанием мщения и надеждой снова завладеть властью. Из этого объединения, пополнившегося и другими людьми, подобными находившимся под угрозой членам Конвента, образовался вооруженный корпус, получивший название *батальона патриотов 1789 г.*

Это наименование весьма знаменательно;

оно показывает, до какой степени пало общественное мнение после 9 термидора II года;

оно свидетельствует также о крайней испорченности членов Конвента, которые, едва осмеливаясь называть себя республиканцами, взывали о помощи к друзьям равенства, опасаясь, однако, быть заподозренными в примирении с ними ^{***}.

Новое предательство членов Конвента

После битвы 13 вандемьера люди, которых любовь к равенству привела к победе, требовали от вожakov этого дня выполнения их обещания о восстановлении прав народа. Напрасно. По тону, с каким эти вожаки рекомендовали крайнюю осторожность, было совершенно ясно, что нечего рассчитывать на выполнение обязательств, которые принимались под воздействием одного лишь страха.

Меж тем как подавляющее большинство Конвента искало лазеек, чтобы увильнуть от требований друзей равенства, те из них, которые находились еще в заключении, продолжали настойчиво побуждать своих освобожденных товарищей использовать победу в интересах демократии. Они говорили, что кровь окажется пролитой совершенно напрасно, если будет упущен момент, когда хорошие люди находятся в силе, а напуганные сенаторы обязаны им жизнью. Они желали, чтобы у Конвента настоятельно потребовали кассации последних выборов, отмены новой конституции и немедленного введения конституции 1793 г.

Собрались уже было потребовать кассации выборов⁵², и уже должна была быть подана подписанная петиция, когда участвовавшие в термидорианском заговоре депутаты, страшившиеся народных законов более чем королевской власти, действуя совместно с другими лицами, которых 31 мая покарало национальное правосудие, сумели расколоть многочисленных людей, подписавших петицию. Она так и не была представлена.

^v П.Щеголев. После Термидора; А.Матьез. Термидорианская реакция (чч.1, 2); Г.Кунов. Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции.

Немало восхваляли почти полное единодушие, с каким, казалось, была осуществлена революция 1789 г. Полагаю, что те, которые воздали этим честь общественной добродетели, не были достаточно знакомы с характером этой революции. Представьте себе различные слои властолюбцев, тяготеющих над массой народа и стремящихся подняться на высшие ступени дворянства, расположенное на вершине лестницы, всех их подавляло; все они, следовательно, должны были приветствовать его крушение, к чему были направлены первые революционные движения. Таким образом, эта видимость единодушия не была следствием добродетели, а следствием беспокойной зависти слоев, промежуточных между дворянством и народом. К тому же, поскольку класс трудящихся ставился ни во что законами этого периода, то видные патриоты 1789 г., за небольшими исключениями, относились благожелательно ко всем злоупотреблениям, за исключением злоупотреблений наследственного дворянства.

^{***} Как только прозвучали первые ружейные выстрелы, правительственные комитеты предложили Конвенту разоружить вооружившихся для его защиты республиканцев и вновь бросить их в тюрьмы.

Между тем в результате доклада Барраса⁵³, разоблачившего широкие проекты мятежников, соучастники которых находились в составе самого Конвента, был создан Комитет общественного спасения, предполагаемые намерения которого одно время вновь возбудили у республиканцев надежды, вскоре рассеявшиеся. Действительно, считали, что этот Комитет намерен внести предложение о кассации последних выборов; но потому ли, что его переоценили, или потому, что он позволил запугать себя резкой критикой Тибодо⁵⁴, он ограничился предложением незначительных паллиативов, которые ничему не помогли, и конституция III года почти тотчас стала проводиться в жизнь членами Конвента, снова восплавленными ненавистью к равенству, именующая его террором и анархией.

Освобождение патриотов

В промежуток времени между битвой 13 вандемьера и амнистией 4 брюмера⁵⁵ были освобождены все патриоты, еще находившиеся в заключении; они были обязаны свободой не торжеству народного дела, а трусливой политике его врагов. Выйдя из тюрем, где они познали всю глубину народных бедствий, они стали угрожать предателям, разбившим их цепи.

Их заблуждение

В этот период убежденные друзья равенства были глубоко удручены испорченностью, проскальзывавшей даже во взглядах значительного числа революционеров и угрожавшей вечным забвением демократических доктрин. Вообще же патриоты, большинство которых часто действовало скорее в силу увлечения, чем вследствие здравого размышления, возгордились победой в вандемьере; они относили назначение Барраса и Карно⁵⁶ в Исполнительную директорию к числу счастливых событий революции и утешались в своих долгих несчастьях мыслью о должностях и милостях, которые они рассчитывали получить.

Можно было бы сказать, что они забыли то дело, за которое боролись, и что, равнодушно наблюдая, как совершается захват у народа его прав, они свели спасение отечества к облегчению их собственных бедствий.

Не все, однако, разделяли эту точку зрения. Если люди, о которых только что шла речь, думали или делали вид, будто думают, что реформа новой конституции придет лишь со временем и что ее следует готовить, умело пробираясь на общественные должности, то другие, напуганные прочностью, которую придавали принципам тирании укрепление нового правительства и все возрастающее охлаждение республиканского энтузиазма, полагали, что долг истинных друзей равенства бить тревогу и повести народ к восстановлению его прав.

Раскол среди патриотов

Это расхождение в мнениях среди республиканцев привело к следующему: те, кто часто поступался принципами справедливости ради своих личных удобств, приняли название *патриотов 1789 г.*; другие, отличавшиеся своей настойчивостью в деле защиты демократии, назвали себя *равными*.

Первые собрания равных

После своего освобождения патриоты, и особенно равные, беспокоясь о судьбах свободы, стремились объединиться и сговориться между собой, чтобы противопоставить мощную плотину росту новой тирании. Они часто собирались в кафе, в парках и на площадях. Но так как все там обсуждалось с чрезвычайной и необходимой осторожностью, то эти общие рассуждения о положении вещей не позволяли предвидеть какой-либо быстрый и решительный результат в пользу общего дела.

В начале брюмера IV года Бабеф*, Дарте, Буонарроти, *Аоржан де Дуамель* [Жюльен де Ла Дром] и Фонтенель попытались создать руководящий центр, вокруг которого могли бы объединиться разобщенные патриоты, чтобы затем действовать единообразно в интересах общего дела. На состоявшихся с этой целью собраниях был сделан ряд предложений; одни хотели, чтобы все искренние патриоты были включены в ассоциацию типа масонской, повинующуюся указаниям, которые будут исходить от ее руководителей; другие настаивали на немедленном формировании повстанческого комитета, согласно акту, который подлежит подписанию лично каждым членом. Так как на этих собраниях не было ни единства взглядов, ни взаимного доверия, необходимых для достижения полезного результата, то сговориться не удалось, и собрания вскоре прекратились.

Ф. БУОНАРРОТИ ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

* **Графх Бабеф** родился в 1762 г.⁵⁷ в Сен-Кантене в департаменте Эн. Он был чуток по характеру, образован и неутомим, обладал пронизательным и точным умом, писал ясно, пламенно и красноречиво.

Французская революция застала Бабефа молодым, поглощенным занятиями, ведущим скромный образ жизни, ненавидящим тиранию и размышляющим над средствами избавления от угнетения своих несчастных соотечественников. С раннего возраста он ощущал потребность посвятить себя делу общественной свободы. В начальный период революции Бабеф как приверженец свободы выступал против феодального режима и фискальной системы, что навлекло на него преследования и приказ об аресте, действие которого было приостановлено благодаря энергичным настояниям Марата. Позднее он вошел в секретариат администрации одного из дистриктов, где его речи и сочинения, обращенные к народу, создали ему многочисленных врагов, пользовавшихся достаточным влиянием, чтобы подвергнуть его преследованиям и осудить как фальсификатора документов. Но вынесенный ему приговор был аннулирован Конвентом, торжественно признавшим его несправедливость. Позднее Бабеф служил в бюро Парижской коммуны, где подружился со многими мужественными республиканцами.

После роковых событий 9 термидора Бабеф одно время приветствовал снисходительность, проявленную к врагам революции; его заблуждение было непродолжительным, и тот, кто принял Графхов за образец для своего поведения, скоро заметил, что никто так мало не походил на этих знаменитых римлян, как послетермидорианские правители. Величие Бабефа сказалось в том, что он признал свои заблуждения, потребовал возвращения народу его прав, сорвал маску с тех, кем народ был обманут, и зашел так далеко в своем рвении в пользу демократии, что аристократы, управлявшие республикой, не замедлили заключить его в тюрьму.

Из тюрьмы Плесси, где он вначале содержался, его перевели в тюрьму в Аррас. Именно там он и познакомился с гусарским капитаном из Нарбонны Жерменом, о котором часто будет идти речь в этой работе, и со многими республиканцами департамента Па-де-Кале⁵⁸. Бабеф был среди них неутомимым проповедником народных учреждений; он разжигал их ненависть к новым тиранам; приучал их к мысли о великой революции в области собственности и склонял их к образованию плебейской Вандеи⁵⁹, чтобы вернуть силой то, что ему казалось невозможным более получить путем требований.

После своего возвращения в Плесси вслед за прериальским восстанием III года Бабеф весь ушел в свои проекты. Зрело обдумать их ему помогли его частые беседы с некоторыми из заключенных в тюрьме граждан; он познакомился там с *Бедоном* [Дебон] (я, к сожалению, не могу написать его подлинного имени), который провел всю свою жизнь в изучении причин общественных бедствий и лучше чем кто-либо воспринял глубокие взгляды Робеспьера.

Из дальнейшего изложения станет видно, какое развитие получили идеи Бабефа и как велико было его участие в заговоре, с которым он связал свое имя. Этот необыкновенный человек, наделенный крупными дарованиями, непоколебимый друг справедливости, всегда был бескорыстен и беден; хороший муж, нежный отец, он был любим своей семьей; мужество, с каким он в присутствии своих судей обрушивался на сильных мира сего, требовавших его головы, спокойствие, с которым он взирал на славную смерть, уготованную ему аристократией, еще более усиливают блеск добродетелей и патриотических трудов этого знаменитого мученика во имя равенства.

Однако от обоих проектов — объединить патриотов и свергнуть тиранию — не отказались. В этом заключалась настоятельная потребность каждого истинного республиканца. Поэтому несколько времени спустя снова собрались с целью учреждения нового народного общества. В первом заседании, происходившем на квартире у Буэна, среди прочих приняли участие Дарте^{**}, Жермен, Буонарроти, Массар, Фонтенель, *Липпи* [Филип] *Лоржан де Дуамель* [Жюльен де Ла Дром], Бертран^{***}, *Тисмио* [Миттуа], *Шентрар* [Треншар],

Дарте рано усвоил убеждения Робеспьера и всеми силами способствовал их осуществлению; со своей стороны Робеспьер весьма дорожил им; поэтому враги равенства питали к Дарте непримиримую ненависть. Высокую образованность и пламенную страсть к подлинной справедливости Дарте сочетал со строгим образом жизни и отзывчивым сердцем. Представ перед верховным судом в Вандоме, он упорно отказывался его признать, отказывался от защиты; приговоренный к смерти, он и последний свой вздох посвятил отечеству⁶⁰, Шапель⁶², *Люссорилон* [Русийон], Лакомб; *Реф* [Ферю], *Юлажено* [Куланж], Буан и *Сомбо* [Бодсон]. Эта встреча была очень трогательна; сердца вновь прониклись надеждой, почти угасшей в результате стольких несчастий; люди клялись соблюдать по-прежнему единство и содействовать торжеству равенства.

Внимание этого собрания было устремлено на выяснение того, не лучше ли создать ряд обществ в разных округах Парижа, нежели иметь только одно общество. После длительного обсуждения решение этого вопроса было отложено до более многочисленного собрания, которое условились созвать в месте, менее подверженном надзору полиции; оно состоялось в небольшом помещении, расположенном в парке бывшего аббатства св.Женевьевы.

Дух нового правительства

В то время, как остатки демократической партии старались объединиться, правительство, учрежденное конституцией III года, закладывало основы политической системы, которой оно с тех пор постоянно придерживалось. Дух партии Конвента, воспользовавшейся бедствиями 9 термидора, разгромившей демократов в прериале и одержавшей при их помощи победу в вандемьере, был полностью воспринят людьми, вошедшими в состав Исполнительной директории. Он может быть сведен к следующему: *сохранение и приобретение богатства и власти; подавление, с одной стороны, роялистов и высокопоставленных, с другой, — друзей*

^{**} **Огюстен Александр Дарте**, уроженец Сен-Поля в департаменте Па-де-Кале, человек образованный, справедливый, отважный, постоянный, деятельный, непреклонный, способный умело разьяснять и страстно заинтересовать своими взглядами близких к нему людей. Он изучал в Париже право, когда вспыхнула революция, в которую он бросился с рвением человека, беззаветно защищающего истину, едва увидев ее сияние.

В 1789 г. Дарте участвовал в освобождении французской гвардии, во взятии Бастилии; при этом он схватил неизлечимую болезнь. Он участвовал также в осаде Венсенского замка. Затем он был членом директории своего департамента и в качестве такового оказал республике при весьма трудном положении столь значительные услуги, что был вознагражден за них особым декретом, отмечавшим, что он *оказал важные услуги отечеству*. Выдвинутый затем на должность общественного обвинителя при революционных трибуналах Арраса и Камбрэ, суровости которых мы в значительной мере обязаны сохранением этой границы, он проявил себя здесь неподкупным республиканским должностным лицом и неустрашимым воином. Преследование в результате термидора, которого он не сумел избежать, застало его в почетной бедности.

^{***} **Бертран**, уроженец Лиона, был мэром этой коммуны до того, как в ней вспыхнул 29 мая 1793 г. мятеж, и затем после возвращения этой коммуны под законы Республики.

Бертран отдал в пользу революции большое состояние. Он был справедлив, честен, благороден, преисполнен мужества и приветливости в обращении. Образ жизни его был прост, и лицо его носило отпечаток душевной чистоты.

Лионские богачи уготовили Бертрану ту же участь, что и его другу Шалье⁶¹, но их старания были тщетны: народ отвечал громкими рыданиями и благословениями на призывы Бертрана, напоминавшего о своих жертвах и об услугах, оказанных им обездоленным, и потому судьи, которым надлежало предать его смерти, были вынуждены несколько раз отсрочить приговор и отправлять подсудимого обратно в тюрьму, где он оставался в течение долгой осады его коммуны. В самый день 9 термидора был отдан приказ об аресте Бертрана и ряда других лионских демократов и об отправке их в Париж. Они были настолько известны своей чистотой и твердостью, что были освобождены из заключения только после 13 вандемьера IV года.

Бертран, страстно любивший людей, свое отечество и свободу, строгий защитник равенства, популярный и неподкупный на посту должностного лица, хороший сын, превосходный друг был умерщвлен военной комиссией Тампля вслед за резней в Гренелльском лагере⁶³; он спал, когда за ним пришли, чтобы повести его на казнь.

Этот прекрасный, доблестный гражданин, который был арестован безоружным и далеко от Гренелльского лагеря, был бы, согласно заключению докладчика, приговорен только к тюремному заключению или к ссылке, если бы Исполнительная директория не спешила предупредить комиссию о желательности его смерти.

Получив свидетельство о подаче Бертраном и теми, кто разделял с ним мученическую судьбу, кассационной жалобы, генерал Фуасак Ла Тур приостановил исполнение вынесенного им смертного приговора; доложив об этом Директории, он немедленно получил от нее приказ перейти к делу. Жертвы были убиты... Несколько месяцев спустя кассационный суд отменил все приговоры, признавшие их виновность.

равенства.

С тех пор как пятеро главарей исполнительной власти заняли свои посты, они всячески старались столкнуть бывших роялистов с демократами, чтобы разбить одних при помощи других каждый раз, когда те или иные из них одерживали верх и становились опасны.

Правительство поощряет собрания патриотов

В то время, когда патриоты намеревались сорганизоваться в общество, правительство казалось благосклонным к их намерениям: Все еще ощущая потребность наводить страх на тех, кто восстал в вандемьере, и желая пугалом террора заставить богачей содействовать мероприятиям, при помощи которых оно рассчитывало восстановить расстроенные финансы республики, оно через своих агентов поощряло открытие патриотических собраний, полное решимости остановить их развитие, как только они попытаются снова призывать к демократическим принципам.

Настроения патриотов и народа

Этот обман не ускользнул от внимания патриотов, которые, видя, как 13 вандемьера была напрасно пролита кровь, не принеся ничего народу, утвердились в мнении, что ничто действительно полезное не может исходить от нового правительства.

Демократическая партия была немногочисленна, и масса слабовольных патриотов, едва пришедших в себя от ужаса, была готова опять поддаться страху при малейшей видимости нового преследования.

Что касается парижского народа, обманутого в своих надеждах, введенного в заблуждение клеветой и тайными происками роялистов и иностранцев, то он покинул демократов и прозябал в глубоком безразличии; часть народа обвиняла даже революцию в бесчисленных бедствиях, обрушившихся на него.

Осторожность равных

Граждане, собиравшиеся в парке монастыря св.Женевьевы, чувствовали, какая опасность угрожает вследствие двуличия правительства тем, кто осмелится из преждевременного рвения открыто напасть на власть, узурпировавшую права народа. Они говорили, что прежде всего следует изменить взгляды многих патриотов, вновь вызвать у народа уважение к этим взглядам и вернуть ему былое сознание его прав и его силы; пока же следует прикрываться конституцией и даже покровительством правительства до того момента, когда они станут достаточно сильны, чтобы обрушиться на правительство и уничтожить его.

На этих принципах и было решено учредить новое общество. Ввиду необходимости сохранить его дух и централизовать его, пришлось отклонить предложение о том, чтобы разбить его на множество секций; несмотря на то, что их легче было бы укрыть от глаз полиции, они представляли, однако, то неудобство, что были более подвержены отклонениям от плана организации и скорее могли стать орудием в руках интриганов и врагов республики.

Было решено привлекать в это единое общество только безупречных людей и дружески внушать им осторожность, усвоенную основателями общества.

Основание общества Пантеона ^{vi}

Общество было тотчас открыто в бывшей трапезной монастыря св.Женевьевы, право пользования которой им предоставил бесплатно патриот Кардино, снимавший часть монастыря. Когда же этот зал был отведен для иного рода собраний, общество поместилось в обширном подвале того же здания. Здесь слабый свет свечей, глухой гул голосов и неудобные позы присутствующих, которые стояли или сидели на полу, напоминали им о величии и опасности этого начинания, как и о необходимости мужества и осторожности. Вследствие близости этого места к Пантеону новое общество было названо именем этого храма. После открытия общества в него стало стекаться множество патриотов, созданных или вступивших в него в силу влечения к этой организации; вместе с ними сюда вступили люди, рабски преданные членам правительства, которые сводили все обязанности друзей свободы к поддержке власти в борьбе против роялистов.

^{vi} *С.Моносов. Очерки по истории Якобинского клуба; К.Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9 термидора; Дж.Туган-Барановский. На пути к брюмеру: буржуазия и политическая борьба в 1797-1799 г.*

Его организация

Сначала общество занялось своей организацией. Однако крайняя осторожность и нерешительность большинства его членов были так велики, что приходилось преодолевать в этом отношении большие препятствия. Опасаясь в чем-либо походить на прежние общества, они умножили преграды, установленные новой конституцией в отношении права собраний. Иметь устав, председателя, секретарей, протоколы, придерживаться известного порядка приема в общество означало в их глазах слишком заметно походить на якобинцев и дать повод для новых преследований.

Наконец, удалось договориться, и общество получило устав, не допускавший ни списков, ни протоколов и ставивший единственным условием приема рекомендацию двух его членов, сделав тем самым почти невозможным какой-либо порядок и открыв доступ в общество множеству сомнительных личностей, часто искажавших дух общества и поднимавших в нем опасные пререкания. Один из ораторов занимал место председателя, другой — место секретаря, а необходимые издержки покрывались лишь добровольными взносами членов общества.

Расхождения среди членов общества Пантеона

Через некоторое время общество Пантеона насчитывало более двух тысяч членов. В условиях того времени и при наличии существовавшего в обществе устава было неосторожно и нелегко исключать из него лиц, не заслуживавших быть в рядах равных. Пришлось принять большое число патриотов, страдавших некоторыми заблуждениями, и в частности таких, которые намеревались восстановить демократию путем захвата общественных должностей.

Легко было заметить наличие в обществе этих разнообразных элементов. Равные бросались в глаза своим ревностным стремлением просветить народ и восстановить уважение к догматам равенства; патриотов 89 г. можно было узнать по их старанию оказать влияние на правительство в интересах их собственного спокойствия и их выгод. Попеременное преобладание то одной, то другой из этих двух партий заставляло общество предпринимать противоречивые шаги.

Одни часто склоняли общество добиваться мест для граждан, к которым они были расположены; другие развешивали перед ним прискорбную картину испорченности общественного мнения и заблуждений, которыми враги свободы старались сбить с пути народ; они указывали ему на торжество равенства как на единственную цель, достойную его чаяний, и призывали принять меры, способные пробудить почти угасшее мужество народа и вновь зажечь священный энтузиазм, которому народ был обязан столькими победами, одержанными над всеми видами тирании.

Связь общества с народом

Особой комиссии было поручено предложить порядок работы общества, а также быстрый и легкий способ общения с народом.

Афиши, озаглавленные «*Истина, возвещаемая народу патриотами 1789 г.*», вскоре привлекли общественное внимание к положению дел в стране; однако в них не содержалось прямых нападок на правителей, так как было бы неблагоприятно возбуждать их месть. Действие этих письменных обращений сказалось прежде всего в том, что они привели в новое общество большое число людей труда, которые, обретя вновь надежду, повсюду старались повторять многочисленные истины, услышанные ими в этом обществе.

Народные законы

Так как учредители общества ставили своей целью поскорее облегчить положение народа и заслужить этим его доверие, чтобы затем использовать его силу для восстановления его прав, то комиссия посоветовала добиваться осуществления двух законов, преданных забвению по вине контрреволюции: закона, обещавшего защитникам отечества один миллиард из национальных имуществ, и закона об уничтожении нищенства, изданного во II году.

* См. в прилагаемых документах за № 2 одну из этих афиш, рисующую положение Французской республики после 9 термидора и вместе с тем предосторожности, которые были вынуждены соблюдать равные в обществе Пантеона.

Преследование Бабефа

Меж тем как общество Пантеона осторожно возрождало к жизни демократические принципы и во многих пунктах Парижа создавались другие общества такого же характера, а писатели аристократии забили тревогу по поводу новых покушений так называемых *террористов*, Бабеф смело разоблачал в своем «Трибуне народа» преступления лиц, управлявших республикой, указывал на достоинства и законность конституции 1793 г. и, не колеблясь, объявил *частную собственность* главным источником всех бедствий, тяготеющих над обществом. Такое мужество стоило ему новой проскрипции, избегнуть которой он смог, лишь скрываясь у некоторых демократов .

Комитет на квартире у Амара⁶⁴

В то же время на улице Клери, на квартире Амара, формировался тайный комитет для подготовки восстания против тирании, железная рука которой все более тяжело ложилась на французский народ. Амар, Дарте, Буонарроти, Массар и Жермен вошли в него первыми; к ним последовательно присоединились *Бедон* [Дебон], *Суань* [Женуа], *Филип Ле Рекселе* [Феликс Ле Пелетье, или Лепелетье], Клеман⁶⁶ и Маршан⁶⁷ .

Глубоко страдая за народ, друзья свободы, словно по вдохновению, объединили свои усилия против ненавистного ига, угнетавшего его, просвещенные демократы считали участие в этом деле строго обязательным для себя.

Взгляд Комитета на правительство III года

Лица, входившие в состав Комитета, собиравшегося у Амара, единодушно считали правительство, установленное конституцией III года, незаконным по своему происхождению, угнетательским по своему характеру и тираническим по своим намерениям; все они сходились на том, что спасение республики и свободы настоятельно требует его уничтожения.

Было, однако, желательно, чтобы прежде чем заняться способами осуществления этого уничтожения, каждый член не только убедился в справедливости этого предприятия, но имел также полное представление о политическом строе, которым надлежало заменить строй, уничтожение которого было задумано.

Люди искренно желали блага народу и сознавали, что было бы несовместимо с его подлинными интересами легкомысленно предаваться волнениям, которые в результате могли бы привести к возведению новой тирании на развалинах существующей, к созданию новых привилегий и к потворству новому честолюбию.

Комитет был прежде всего политической школой, где, разобравшись в причинах бедствий, омрачавших жизнь народов, можно было с точностью установить принципы общественного порядка, которые казались наиболее способными освободить народы от этих бедствий и воспрепятствовать их возобновлению.

Частная собственность — причина порабощения

Никогда еще — говорили здесь — народные массы не достигали уровня просвещения и независимости, необходимого для пользования политическими правами, существенно важными для их свободы, самосохранения и счастья. Самые разумные народы древности имели рабов, постоянно угрожавших им опасностью, и никогда еще человеческое общество, исключая перуанцев, парагвайцев и некоторых малоизвестных племен, не могло добиться исчезновения из его среды массы людей, озлобленных и несчастных от мысли о благах, которых они лишены и которыми обладают другие. Повсюду масса народа сгибается под бичом деспота или привилегированных каст. И если затем обратить взгляд на французский народ, то можно увидеть, что и он поработчен вследствие происков воинствующих эгоистов, корпорации богачей и тех, кто разбогател.

Что касается причины этих неурядиц, то ее усматривали в неравенстве имуществ и условий и в последнем счете в частной собственности, при посредстве которой наиболее ловкие и удачливые непрерывно обирали и обирают массу народа, обреченную на долгий и тяжкий труд, плохо питающуюся, плохо одетую, живущую в плохих жилищных условиях, лишенную радостей,

** Бабеф оказался тогда обязанным свободой рыночным носильщикам. Когда к нему на улицу предместья Оноре № 29 явился судебный пристав с мандатом об аресте, мотивированным подстрекательским характером его сочинений, то после продолжительной борьбы Бабефу удалось убежать. Судебный пристав погнался за ним, крича: «Держите вора». Дважды рыночные носильщики задержали Бабефа и дважды отпустили его при одном имени писателя, отстаивавшего права народа. *Эридди*⁶⁵ [Дидье] и Дарте предоставили ему убежище в бывшем монастыре Успения.

которыми на ее глазах в избытке пользуются другие, физические и моральные силы которой надорваны нуждой, невежеством, завистью и отчаянием, — массу народа, видящую в обществе только врага и лишённую всего, вплоть до возможности иметь отечество.

История французской революции служила подтверждением размышлений Комитета. Он видел, как в революции класс, который был прежде богат, как и класс, который разбогател в ней, всячески старались обеспечить себе преобладание; он видел, как честолюбивые претензии шли в ней всегда рука об руку с ненавистью к труду и стремлением к богатству; что преданность народа правам гражданства ослабевает по мере того, как учреждениям, благоприятствующим равенству, наносится удар и по мере того, как вся политика аристократов сводится к тому, чтобы ввергать в нищету, вносить рознь, внушать отвращение ко всему, запугивать и угнетать класс трудящихся и представлять его требования наиболее действенными причинами упадка общества.

Из этих наблюдений следовало заключить, что только неравенство является постоянно действующей причиной порабощения народов и что до тех пор, пока это неравенство существует, для многих людей, человеческое достоинство которых унижено нашей цивилизацией, осуществление их прав будет оставаться почти иллюзорным.

Таким образом, уничтожение этого неравенства — задача добродетельного законодателя — вот принцип, вытекавший из размышлений Комитета. Каким же образом добиться этого? Вопрос этот стал предметом нового рассмотрения. Амар, видевший, как Национальный конвент выражал заботу о неотложных нуждах отечества установлением твердых цен на товары, революционных обложений и реквизиций у богачей, превозносил этот способ изъятия излишков, загромождающих, — как он выражался, — переполненные каналы, и передачу их тем, кто лишен необходимого. Другие последовательно предлагали раздел земель, законы против роскоши и прогрессивный налог.

Порочность аграрных законов, как и законов против роскоши

Бедон [Дебон], Дарте, Филип Ле Рекселе [Феликс Лепелетье] и Буонарроти указывали на то, что законодатели, прибегавшие с целью уменьшения опустошений, причиняемых неравенством, к разделу земли и к законам против роскоши, предоставляя при этом жадности и соперничеству распределение работ и имуществ, противопоставляли тем самым бурному потоку лишь слабые преграды, постоянно подрываемые и опрокидываемые действием алчности и надменности, носителям которых сохранение права собственности постоянно доставляет тысячи способов преодоления всех препятствий.

Реквизиции, говорили они, твердые цены, революционные обложения применялись с пользой для удовлетворения неотложных потребностей момента и для того, чтобы расстроить злые козни богачей, но они не могут стать составной частью обычного общественного порядка, не подрывая самого его существования, ибо, помимо невозможности их установления без риска изъятия необходимого, они повлекли бы за собой серьезное и непоправимое истощение источников воспроизводства, так как, оставляя за собственниками бремя обработки земли, они лишали бы их поощрения в виде пользования доходами; они, наконец, были бы недостаточны для противодействия скрытому накоплению денег, неизбежному результату торговли, к которой, естественно, обратились бы все расчеты алчности .

Конечная цель общества — равенство в труде и в пользовании благами

Согласно закону природы, устанавливающему зависимость производства от труда, труд, как это очевидно, является для каждого гражданина существенным условием общественного договора; и так как каждый, вступая в общество, вносит в него одинаковый вклад (совокупность своих сил и средств), то отсюда следует, что повинности, предметы производства и выгоды должны распределяться поровну. Кроме того, отмечалось, что в действительности цель общества заключается в предотвращении последствий естественного неравенства и что если бы было и верно, будто неравенство в пользовании благами ускорило успехи поистине полезных ремесел, то в настоящее время, когда новые успехи ничего не могут прибавить к действительному благополучию людей, неравенство это должно прекратить свое существование. Они отмечали также, что равенство, подсказываемое основателям общества просто здравым смыслом, еще настоятельнее диктуется нам нашими возросшими знаниями и повседневным постижением на опыте тех зол, которые влечет за собой неравенство.

*** Прогрессивный налог явился бы действенным способом дробления земельной собственности, воспрепятствования скоплению богатств и уничтожения праздности и роскоши, если бы не было так трудно достигнуть точного определения состояний, которого он требует. Можно точно определить размеры дохода недвижимого имущества; но каким образом установить размер капиталов, легко скрывааемых от глаз посторонних? Этот способ установления налога явился бы, самое большое, лишь дорогой к лучшему, Он сгладил бы зло, но не искоренил бы его.

Люди, рассуждавшие таким образом, усматривали в *общности имуществ и труда*, т.е. в равном распределении обязанностей и благ, подлинную цель и совершенство общественного строя, единственный общественный строй, способный навсегда изгнать гнет, сделать невозможным опустошительное действие честолюбия и алчности и гарантировать всем гражданам наибольшее благо, какое только возможно. Бедон [Дебон] написал работу, в которой показал несправедливость права собственности и развернул картину длинного ряда бедствий, являющихся естественным следствием этого права.

Амара словно осенил луч света. После первого же изложения этой системы он стал ее восторженным защитником; думая отныне только о том, чтобы доказывать ее справедливость и распространять ее принципы, он в короткое время развил такую энергию, что открыто стал неистовым апологетом этой системы.

В Комитете было признано, что законы свободы и равенства никогда не получают полезного и длительного применения без радикального преобразования строя собственности; пришли к соглашению, что патриоты будут казаться в глазах народа лишь беспокойными и своекорыстными интриганам до тех пор, пока они открыто не станут проповедниками такой политической системы, которая способна ощутительно гарантировать всем членам общества одинаковые преимущества.

Робеспьер был другом такого равенства

Развивая эти идеи, часто говорили о философах и особенно о деятелях революции, которые признавали их справедливость. К числу таких деятелей принадлежал Робеспьер и его товарищи по мученической смерти, которые, по мнению тех, чью доктрину я изложил, явно стремились к равному распределению обязанностей и благ⁶⁸. Амар, который 9 термидора был одним из наиболее свирепых преследователей Робеспьера, чье имя его, признал свою неправоту, засвидетельствовал свое раскаяние и старался найти оправдание своей ошибке лишь ссылками на то, что ему якобы были неизвестны благотворные взгляды человека, на которого он клеветал и которого погубил.

Препятствия к установлению равенства

Однако пути истины и справедливости с трудом становятся видимыми для масс. Для них недостаточны мотивы, убеждающие мыслящие умы. Мудрецы, которые хотели сделать счастливыми своих поработанных, несчастных и невежественных сограждан, часто получали в награду смертный приговор по банальному обвинению во властолюбии, которое им лицемерно предъявляли ловкие и неизменные враги равенства^{****}.

Комитет отдавал себе отчет в том, насколько катастрофа 9 термидора и явившиеся ее последствием трагические события были пагубны для общего дела и для добрых нравов: он знал, что после 9 термидора множество граждан предалось самому постыдному хищничеству; ему было небезызвестно и то, что мелкие собственники, убежденные в том, что законодательство утратило всякую идею общественной пользы и что оно отныне отдано во власть самого необузданного эгоизма, вновь ухватились за свою собственность, от которой еще недавно они готовы были отказаться. Комитет, следовательно, сознавал всю трудность немедленной и полной замены законодательства, основанного на собственности, законодательством, основанным на *равенстве имуществ и труда*, несравненно более мягким и справедливым.

Конституция 1793 года — путь к равенству

Ничто, однако, не было так далеко от равенства, как социальный строй, установленный кодексом III года, утверждение которого должно было лишить народ права пользования его естественными правами. Но чтобы побудить народ высказаться по поводу постоянного предмета его сокровенных желаний — достигнуть этого ему всегда мешал недостаток просвещения и надлежащего руководства,— необходимо было, как казалось Комитету, начать с возврата ему права собраний, дискуссий, совещаний и сознания собственной силы. Путь к лучшему Комитет

^{****} Трудно убедить массы в преимуществе нововведений без помощи опыта, который может последовать лишь позднее. Поэтому самые мудрые законодатели древности прибегали к религиозным вымыслам, поражая толпу, которую им не удалось убедить. Это небезопасное средство не может быть с успехом применено среди народов, которые к счастью или к несчастью культивируют философию. В этом случае можно чего-либо достигнуть только благодаря привлекательности удовольствия, либо силой.

Если бы христианство не было искажено людьми, которые обманывают, чтобы поработить, оно могло бы оказать большую помощь законодателям, желающим добра своим ближним. Подлинное учение Иисуса, изображаемое проистекающим из естественной религии, от которой оно не отличается, могло бы послужить опорой для разумного преобразования и источником поистине социальных нравов⁶⁹. Такие нравы несовместимы с материализмом, который низводит множество людей до того, что они руководствуются в своем поведении лишь своими прямыми интересами и пренебрегают всякой добродетелью.

видел в конституции 1793 г. и поэтому, а также по мотивам, заставлявшим по справедливости уважать в этой конституции свободно и торжественно выраженную волю французов, он пришел к решению сделать ее первым связующим звеном между патриотами и народом.

Недостатки конституции

Никто не скрывал от себя недостатков этой конституции. Их находили главным образом в статьях Декларации прав, которые при определении права собственности освящают его во всей его ужасающей полноте. Тем не менее признавалось, что никогда еще подобного рода произведение не было столь близко к совершенству, и приветствовались положения конституции, представлявшие широкое поле для всевозможных улучшений.

С другой стороны, было принято во внимание, что к этой конституции присоединились равные, менее требовательные демократы и значительная часть народа; что легко будет осуществить все изменения, как только вновь разовьется дух равенства, и что можно подвергнуться слишком большой опасности, если предаваться идейным разногласиям в такой момент, когда важно объединить все силы для успешного наступления на могущественного врага.

Пункты, объединявшие республиканцев

После длительного и серьезного рассмотрения Комитет свел обязанности друзей народа к следующим двум кардинальным пунктам:

1. Восстановить принятую народом конституцию 1793 г., закон, открыто освящающий пользование народом своей властью; средство быстрого достижения равенства, необходимый связующий пункт для свержения существующей власти, уличенной в тирании.

2. Подготовлять исподволь установление подлинного равенства, указывая на него народу как на единственное средство, способное навсегда устранить причины общественных бедствий.

Власть, которой надлежало заменить правительство III года

Так как замышлявшаяся революция должна была начаться с уничтожения конституции III года, то было естественно, чтобы Комитет занялся способами осуществления этого, а также той государственной формой, которой следовало сразу заменить подлежащее свержению правительство. Было очевидно, что сами обстоятельства, как и успех предприятия, требовали промежутка времени между падением аристократической власти и окончательным установлением народной конституции.

Атаку на узурпаторское правительство предполагалось осуществить при помощи силы народа; эту силу рассчитывали привести в действие только влиянием истины, любви к свободе и ненависти к гнету.

Так как я должен в ходе данной работы вернуться к форме временной власти, которой участники заговора намеревались сразу заменить конституционный строй III года, то я ограничусь здесь кратким изложением различных мнений, разделявших Комитет.

Одни предполагали призвать оставшихся членов Национального конвента, который все еще рассматривался ими существующим по праву; другие хотели вверить временное управление республикой органу, назначенному восставшим парижским народом; иные, наконец, придерживались мнения, что необходимо вручить на известное время верховную власть и заботу об учреждении республики одному человеку, который был бы назван диктатором или лицом регулирующим.

В дальнейшем будут изложены мотивы, которыми каждый обосновывал свое мнение. Сейчас же достаточно сказать, что созыву Конвента, предложенному Амаром, и диктатуре, выдвинутой *Бедоном* [Дебоном], предпочли временную власть, назначенную восставшими.

Между тем как Комитет обстоятельно обдумывал свои проекты, общество Пантеона и сочинения Бабефа становились для него рычагами замышлявшегося им движения. Чтобы направить деятельность этого общества, Комитет внушал его ораторам, — из которых он рассчитывал образовать основное ядро восстания, — чтобы они осторожно сдерживали преждевременные порывы к восстанию, не давая, однако, угаснуть энтузиазму. Вместе с тем Комитет побуждал Бабефа бороться с удвоенным рвением против угнетателей и без обиняков призывать народ к полному завоеванию им своих прав.

Собирались разбиться на секции, чтобы подготовить восстание, заложить основы временного законодательства, которое должно было за ним последовать, и выработать окончательные учреждения равенства. Но тут недоверие приостановило работы Комитета, и он вскоре распался.

Насильственный роспуск Комитета

Амар стал предметом общего беспокойства, Он был ненавистен многим из друзей равенства, как и сторонникам аристократии; последние упрекали его за участие, которое он принимал в преследованиях жирондистов, и за суровость по отношению к врагам республики; первые же обвиняли его в том, что он являлся одним из наиболее ярых преследователей жертв 9 термидора, по отношению к которым — как утверждали — он проявил страшную жестокость; его считали тщеславным, наглым, мстительным, интриганом. Но ему удалось войти в доверие к Дарте и Массару, а через них с ним вступили в связь и другие члены Комитета. Их удерживало возле Амара горячее желание служить делу народа, как и мнение об искренности проявляемого им рвения, но их отталкивали от него горькие воспоминания, самая готовность, с которой он высказывался за систему равных вплоть до несправедливого опасения измены.

Эрон⁷⁰, бывший одним из главных агентов Комитета общественной безопасности при Конвенте, питал в Комитете самую непримиримую ненависть к Амару. Как только он узнал, что республиканцы относятся к Амару с некоторым доверием, он, больной, умирающий, спешно вызвал к себе *Филипа Ле Рекселе* [Феликс Лепелетье] и именем отечества заклинал его отдалить республиканцев от Амара; Эрон поручил ему представить им Амара в самых ужасных красках; Комитет, перенесший из предосторожности свои заседания на улицу Нев-Эгалите, был тотчас распущен.

Другие объединения того же рода

В это время не существовало ни одного истинного республиканца, который не являлся бы заговорщиком или не был бы готов стать таковым; все испытывали сильнейшую потребность объединиться и договориться между собой, чтобы добиться уничтожения тирании. Поэтому когда Комитет, о котором идет речь, был распущен, то во многих пунктах Парижа образовались подобные же объединения, в которых обращали на себя внимание Дарте, Буонарроти, Массар, Буэн, *Эридди* [Дидье], Антонелль, Жермен, Бодеман, *Шентрар* [Треншар], *Реди* [Дерэ], *Тисмио* [Миттуа], Дюфур и Шапель.

Эти новые общества просуществовали недолго, ибо надзор полиции и скрытое воздействие, стремившееся связать усилия демократов с другим центром, вскоре заставили эти общества прекратить существование. Как раз этими обществами и был разработан проект о том, чтобы разбить всех патриотов на мелкие, незаметные клубы, представители которых должны были составить окружные общества, подчиненные центральному комитету; в его состав должно было входить небольшое число испытанных демократов, на которых возлагалась обязанность придать всей организации в целом один и тот же импульс.

В обществе Пантеона проявляется демократический дух

С большим трудом удавалось сдерживать порывы численно возросшего общества Пантеона против конституционной тирании III года. Горячие дискуссии, вызывавшиеся чтением газет всех партий, и еще более оживленные споры, поводом к которым служило предложение добиваться введения в действие закона о предоставлении защитникам отечества миллиарда из национальных имуществ, как и закона, жаловавшего неимущим гражданам почетное вспомоществование, пробудили в демократах этого общества былую энергию и вместе с тем осведомили правительство о наиболее преданных и красноречивых друзьях демократических принципов.

Трудное положение ораторов этого общества

Хотя среди членов общества Пантеона было признано, что разумная скрытность является необходимой предосторожностью, облегчающей выполнение их чаяний, нельзя было помешать передаче из уст в уста отважных речей и даже тому, чтобы иной раз эти речи прозвучали с трибуны общества — то от избытка рвения, то вследствие интриги, стремившейся спровоцировать уничтожение этой полезной организации. Впрочем, невозможно было воодушевить народ, не говоря ему об его интересах и об его правах; необходимость предоставлять прениям некоторый простор, вместе с осторожностью, которой следовало вооружиться, чтобы не насторожить преждевременно тиранию, ставили ораторов общества Пантеона в трудное положение как с точки зрения общественных интересов, так и с точки зрения доверия, которое им важно было к себе сохранить.

* Амар сделал несколько денежных пожертвований в пользу демократического заговора, в котором не переставал косвенно участвовать вплоть до момента, когда он оказался причастным к обвинению предъявленному инициаторам заговора.

сохранить.

Возрождение демократических принципов в народе

Между тем как общество настораживало друзей и врагов равенства, а его дискуссии повторялись и комментировались патриотическими газетами, искажались, критиковались и подвергались клевете контрреволюционными писателями, и между тем как старые демократы с надеждой взирали на общество Пантеона, парижский народ постепенно выходил из состояния безразличия, в которое он был ввергнут долгими несчастьями; во всех департаментах создавая множество обществ тайно сносившихся с столичным обществом через посредство своих членов, принятых в состав общества Пантеона

Деятельность общества Пантеона

Деятельность общества Пантеона заключалась в следующем: чтение газет, сообщение о корреспонденции членов; сборы в пользу неимущих патриотов; меры с целью возвращения свободы людям, которые по вине аристократии были брошены в тюрьмы.

Далее следовали дискуссии по поводу законодательства и поведения правительства, предложения обращений к властям и их рассмотрение. В горячих прениях часто выявлялись благородные чувства людей, стремившихся вернуть народу всю полноту его прав, корыстные и ограниченные взгляды некоторых Других, рассчитывавших сделать общество базой для гнусного господства.

Среди замечательных событий, происшедших в лоне этого общества, заслуживают особого внимания следующие два события.

Раздача защитникам отечества миллиарда из национальных имуществ

Два закона подготовили до 9 термидора II года крупное преобразование в распределении земельных богатств.

Согласно первому, защитникам отечества был обещан миллиард из национальных имуществ.

Согласно второму, имущество врагов революции предоставлялось неимущим патриотам .

Почти все члены общества Пантеона рассматривали осуществление первого закона как дань признательности; но наиболее преданные делу равенства видели в нем, кроме того, первый шаг к проведению второго закона и к тому, чтобы приучить нацию к принципу, предоставляющему суверенному народу право распоряжаться [национальным] имуществом; к тому же они сознавали, что только путем такого рода дискуссий можно было пробудить в народе энергию, благодаря которой он совершил столько чудес и без которой все усилия, предпринятые с целью установления разумного общественного строя, окажутся тщетными.

Поэтому предложение добиваться фактической раздачи миллиарда было встречено с восторгом, и обращение, содержащее такое требование, было вначале принято без изменений. Однако подача его была на следующем заседании отложена на неопределенный срок под влиянием некоторых правительственных агентов, которым удалось вновь нагнать на большинство членов общества такой страх, от которого они с трудом освободились ** .

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

* Декреты от 8 и 14 вантоза II года⁷¹.

** Национальные имущества, предназначавшиеся с самого начала для погашения старого государственного долга, выражавшегося в государственной ренте, и нового, представленного в бумажных деньгах, известных под названием ассигнатов, начали подвергаться ужасному расхищению после 9 термидора, когда было разрешено покупать их не с публичного торга и без необходимости объявлений, а просто по письменному заявлению, и платить за них почти обесцененными бумажными деньгами, по оценке, сделанной прежде в звонкой монете. Отсюда, а также вследствие хищений лиц, снабжавших армию провиантом, возникли те колоссальные состояния и та безудержная роскошь, которые так сильно способствовали затем полному разорению республики.

В своем обращении члены общества Пантеона указывали на то, что если такой беспорядок будет продолжаться, то для уплаты долга защитникам отечества не останется ни арпана земли. Уже Робеспьер в своих последних речах жаловался на снисхождение, оказываемое богатым рантье в ущерб беднякам, и особенно на то, что комитет финансов мирится с сокращением общего числа национальных имуществ, выделенных для народа.

Интерес общества к Бабефу

Отвага, с которой Бабеф нападал в своем «Трибуне народа» на действующую конституцию, как и на членов правительства, являлась причиной сурового молчания, которое общество Пантеона так долго хранило по отношению к нему. Лица, одобрявшие взгляды трибуна, опасались все погубить поспешностью; люди робкие боялись скомпрометировать себя; враги доктрины Бабефа боялись усилить его влияние.

В начале вантоза IV года проскрипция, тяготевшая над Бабефом, распространилась и на его жену⁷²; она была арестована по обвинению в распространении сочинений своего мужа, в действительности же из одного только желания узнать от нее местонахождение его тайной квартиры. При сообщении в обществе Пантеона об этой чрезвычайной жестокости раздалось множество негодующих возгласов; друзья равенства подняли голос в защиту мужественного Бабефа; они добились, чтобы общество возбудило ходатайство об освобождении его жены и чтобы ему была послана в тюрьму денежная помощь.

Раскол в обществе Пантеона

Рвение, с которым народ снова воспринимал истины, которые он недавно с таким блеском защищал, дух равенства, вновь распространившийся по всей Франции, новый порыв к демократии, а более всего известные всем качества многих членов общества Пантеона восстановили против этого общества всех антинародных писателей, к которым присоединились многие ораторы из Совета пятисот. Правительство, вначале приветствовавшее общество, рассчитывая сделать из него пугало для роялистов, начало уже страшиться его влияния.

Тайные агенты тирании, используя нерешительность слабых людей, парализовали энергию общества, посеяв в нем ужас; они то указывали ему на шайку аристократов, готовых наброситься на него с оружием в руках, то расписывали перед ним гнев правительства, якобы взбешенного смелостью его дебатов. Выход из положения, по их словам, заключался только в покорности и в изъявлениях преданности установленной системе правления.

Увлеченное подобными советами общество позволило внести предложение о том, чтобы направить Исполнительной директории обращение, изобиловавшее низкой лестью, в котором его заставляли клясться в верности конституции III года. Это обращение подверглось сильным нападкам. Принятое, однако, большинством, оно явилось основанием для открытого раскола между теми, кто его подписал, и теми, кто трусливому вероломству предпочел вероятность нового преследования. Эта шумная развязка обнажила все чувства, и узурпаторская власть с достоверностью узнала тех граждан, принципов и твердости которых ей надлежало более всего опасаться.

Ассигнаты, свобода печати, присяжные заседатели

В ходе своей деятельности общество сосредоточило внимание на покупательной способности ассигнатов, на свободе печати и на создании суда присяжных.

Ассигнаты теряли в то время свою ценность с такой быстротой, что заработная плата не могла держаться на уровне стоимости съестных припасов, которая удваивалась не по дням, а по часам. Всем, кто жил своим трудом, не на что было более существовать, и они продавали свою утварь и лохмотья, чахли в нищете и умирали от истощения. Петиция членов общества Пантеона обращала внимание Законодательного собрания на эти серьезные беспорядки.

В другой петиции опровергались софизмы, при помощи которых голоса недоброжелателей спровоцировали Законодательное собрание на ограничение свободы печати с целью подавления — как они говорили — дерзости демократов, которых новая аристократия лицемерно отождествляла с роялистами.

Согласно новому законодательству, лица, не платившие избирательного ценза, лишались права быть внесенными в списки присяжных заседателей судов по предъявлению обвинения и по судебному разбирательству; таким образом, неимущие классы при судебном разбирательстве утратили гарантии, вытекавшие из этого права; отсюда суровость суда по отношению к ним и снисходительность по отношению к привилегированным. Это опасное, сколь и вопиющее злоупотребление общество разоблачило перед народом и перед Законодательным собранием, но Законодательное собрание продолжало хранить молчание.

Осторожность общества

Люди, с самого начала предполагавшие превратить общество Пантеона в опорный пункт для восстановления демократии, никогда не упускали случая возбуждать энергию народа и в то же время щадили конституционную власть до того момента, когда перестройка общественного мнения позволит говорить без обиняков и сделает бесплодными усилия угнетателей. Они,

следовательно, хотели ограничиться обсуждением прав людей и народов, без прямого применения их к существующим ныне тиранам; именно по их советам общество постоянно порицало, как опрометчивую и, возможно, притворную, горячность лиц, выступавших в обществе с серьезными обвинениями против членов Исполнительной директории и провозглашавших в нем необходимость восстания.

Недопущение членов Конвента

По тем же мотивам предосторожности было отказано в приеме в общество изгнанным монтаньярам, в лице которых правительство безосновательно усматривало опасных заговорщиков; был принят один Друэ^{***}.

Наплыв в общество Пантеона людей из народа, здоровый дух возникших во многих кварталах Парижа мелких демократических обществ, как и живой интерес, который народ питал к восстановлению своих прав, показали основателям общества Пантеона в плювиозе IV года, что их чаяния начинают сбываться и что настало время открыть для их усилий более широкое поле деятельности.

До сих пор они ограничивались объединением и воодушевлением наиболее активных элементов революции; теперь же они осознали, что настало время оказать такое же влияние на парижский народ.

Декадные праздники

Стараясь согласовать необходимость публичности заседаний с полицейскими правилами и особенно с предосторожностями, диктовавшимися осмотрительностью, они пришли к убеждению, что, поскольку их политическая доктрина является неоспоримым следствием законов природы, легко и разумно представить ее как божественный кодекс, т. е. как предмет естественной религии.

В самом деле, отправление культа, представлявшего Верховное существо творцом, законодателем и покровителем равенства⁷⁴, представляло огромное преимущество для привлечения людей, придерживавшихся христианства только из-за его морали и отвергавших атеизм, как и тех, кто ненавидит суеверие. Оно было, кроме того, основано на мнении мудрецов, которых человечество почитает, как и на неопровержимых рассуждениях; оно могло стать в руках преобразователей мощным рычагом установления демократических учреждений; оно являлось единственным легальным средством обращения к большим народным собраниям.

Таким образом, было решено появляться публично в храмах, именуя себя деистами и проповедуя в качестве единственного догмата естественную мораль.

И так как было полезно приучить массы к замене обрядов католической церкви другими обрядами, — что само правительство старалось в то время осуществить введением декадных праздников⁷⁵, — то было решено отмечать эти праздники публично и для этой цели испросить у Исполнительной директории просторный храм.

Директория, разгадавшая цель этой просьбы и опасавшаяся ее последствий, отказалась ее выполнить под тем предлогом, что она сама займется предложенными торжествами.

Тогда стало необходимо заговорить с обществом более ясным языком и открыть ему часть тайных намерений, которые было бы неблагоприятно сообщить ему полностью. Хотелось убедить общество в необходимости прикрыться религиозными формами, чтобы пользоваться гласностью и храмами, которые гарантированы законом приверженцам всех культов.

Начавшаяся по этому поводу дискуссия была оживленной и продолжалась на нескольких заседаниях. Авторам проекта пришлось оспаривать мнение ораторов, старавшихся помешать его осуществлению, то советуя осмотрительно обратиться с ним к правительству, то настаивая на рассмотрении всякой религиозной формы как источника нового суеверия.

Наконец, были устранены все препятствия, и общество постановило, «что оно использует декадные торжества для того, чтобы публично чтить божество путем проповеди естественного закона». Особой комиссии было поручено снять храм и подготовить катехизис и устав нового культа.

Ненависть правительства к членам общества Пантеона

Исполнительная директория в это время страшилась общества Пантеона, дискуссии которого беспокоили многочисленных эгоистов столицы. Полиция была с тех пор всецело занята слежкой за речами и действиями ораторов-пантеонистов, публичное поведение которых не давало никакого серьезного повода для преследования. Между тем их гибель была предreshена; ждали

^{***} Он задержан в Варенне бежавшего короля-бунтовщика и стал в Конвенте под знамена демократии; взятый в плен при осаде Мобежа вследствие своей пламенной самоотверженности, он во время роковых событий термидора, которые он открыто бичевал, находился в тюрьмах Австрии⁷³.

только повода, чтобы разогнать общество, которое получило уже кличку *разбойничьего логова*.

Рвение членов общества

К началу вантоза IV года члены общества Пантеона, выйдя из прежнего оцепенения, были преданы делу торжества демократии. Вместо того, чтобы возбуждать в них рвение, приходилось умерять его, ибо оно могло оказаться роковым.

Проникшие в общество эмиссары правительства, презираемые, опозоренные, не имевшие более возможности обманывать, стали гнусными доносчиками.

Чтение произведения Бабефа. Насильственный роспуск общества Пантеона

Предлог, которого искало правительство, предоставил ему Дарте. Желая позондировать настроение общества, он устроил в нем чтение одного из выпусков «Трибуна народа», в котором не щадились члены Директории и некоторые депутаты, так же как и их угнетательская конституция и тиранические законы.

Чтение было покрыто аплодисментами. А вскоре после этого* Директория издала приказ о роспуске общества Пантеона; он был приведен в исполнение лично генералом Бонапартом.

По многим чертам характера этого генерала, прославившегося уже взятием Тулона и событиями 13 вандемьера, новая аристократия должна была признать в нем человека, способного оказать ей в один прекрасный день основательную поддержку в борьбе против народа. Его высокомерие и аристократические взгляды и послужили причиной того, что он был призван 18 брюмера VIII года на помощь этой партии, напуганной быстрым возрождением демократического духа. Бонапарт достиг высшей власти в результате попятного движения, которое сообщил революции роковой день 9 термидора II года, после которого власть, управлявшая останками республики, оторвавшись от народа, должна была непрерывно бороться, с одной стороны, против роялистов, а с другой,— против изувеченной демократической партии. И мы действительно видим, как эта власть в прериале III года борется против демократической партии, в вандемьере IV года наносит удар монархистам, в флореале и фрюктидоре того же года подвергает проскрипции демократов, в фрюктидоре V года преследует роялистов, в прериале VI года срывает народные выборы⁷⁷. В последние месяцы VII года, когда народная буря бушевала сильнее, чем когда-либо, и когда вражеские армии стали еще более угрожающими, узурпаторы национального суверенитета почувствовали себя в тисках между мстью старого режима и правосудием народа. Но будучи слишком яркими врагами равенства, чтобы пойти на капитуляцию перед народной партией, о чем они легко могли с ней договориться, они предпочли предоставить себя всем случайностям военного деспотизма, передав 18 брюмера VIII года французскую республику в неограниченную власть надменного солдата, напрасно льстя себя надеждой сдержать его честолюбие и дерзость.

Точно так же в результате политики, одержавшей верх 9 термидора II года, лица, вершившие судьбами Франции, должны были рассматривать наступательную войну как могучее средство поглощения внимания нации, отвлечения ее от забот о своих правах, постепенного изгнания из армии демократических настроений, деморализации граждан и предоставления пищи честолюбию генералов; иначе трудно объяснить поведение в Италии и в Швейцарии и особенно неразумную и преступную экспедицию в Египет.

Консульство и империя явились, таким образом, следствием захватнической войны, из которой вышел Бонапарт, как и следствием внутренней политики; обе эти причины имеют своим общим источником заговоры, жертвой которых пал Робеспьер.

Бонапарт, в силу твердости его характера и авторитета его военных подвигов, мог бы стать восстановителем французской свободы, но, будучи вульгарным честолюбцем, он предпочел нанести ей последние удары; он держал в своих руках благо Европы, а стал бичом для нее вследствие систематического гнета, которому он ее подвергал, как и вследствие еще более ужасного гнета, элементы которого он подготавливал и который после падения Бонапарта поглотил именем самой свободы столько народов этой части земного шара. Чем более размышляешь над последовательным развитием событий, тем более убеждаешься в том, что контрреволюция началась 9 термидора.

* 9 вантоза IV года.

** Бонапарт⁷⁶, командовавший в то время внутренней армией, был подлинным творцом этой меры. Выяснив с помощью многочисленных агентов тайные намерения членов общества Пантеона, он запугал ими Директорию и добился приказа о ликвидации общества; он лично присутствовал при исполнении приказа и велел вручить ему ключи от зала, где происходили заседания общества.

Вероломство правительства

Правительство французской республики, как и все аристократические правительства, было по своему духу в равной мере враждебно власти одного лица, как и власти народа. Однако горячность, с которой доктрина народного суверенитета была еще недавно принята большинством нации и даже проповедовалась некоторыми из основателей новой аристократии, не позволяла аристократии ставить эту доктрину в вину демократам, изображая их в подлинном свете. Поэтому она старалась навлечь на них ненависть народа, объявив их замаскированными роялистами, стремящимися окольным путем вернуть нацию к монархическому режиму при помощи *анархии*, с которой аристократия притворно смешивала демократические принципы.

Такое политическое надувательство можно найти во всех действиях новой власти по отношению к народной партии. Доказательством тому служит приказ Директории о закрытии заодно с обществом Пантеона многочисленных роялистских обществ, которые почти тотчас были вновь открыты. Помимо этого существуют и другие, еще более убедительные доказательства, о которых я буду иметь случай говорить при отчете о знаменитом законе 27 жерминаля^{78**}.

Эти зловредные люди ни перед чем не останавливались, чтобы уничтожить своих беспокойных противников. Самые бескорыстные друзья равенства были представлены миру чудовищными хищниками и честолюбцами, людьми, не скупившимися ни на насилие, ни на клевету, чтобы удержать власть, превратившую их из бедняков, какими они были недавно, в богачей. Подобные же обвинения во множестве предъявлялись Директорией членам общества Пантеона, которых она обвиняла в открытом требовании конституции 1793 г. и диктатуры. Что касается последней, то о ней никогда не было и речи, и хотя каждый из членов общества хранил в своем сердце конституцию 1793 г., все они были всегда достаточно осторожны, чтобы не допускать разговоров о ней с трибуны общества.

Новая проскрипция патриотов

Этот насильственный акт встревожил все сердца, даже и мало привязанные к свободе; он явился сигналом для новых преследований. Многих патриотов прогнали с занимаемых ими государственных должностей; производились расследования их революционной деятельности; подвергались усиленному преследованию писатели, защищавшие дело народа.

Все, от самого страстного друга равенства до самого умеренного патриота, были возмущены ударом, нанесенным Исполнительной директорией, докладом депутата Майль⁷⁹ о народных обществах, чрезвычайно ограниченным правом собраний, предоставленным народу конституцией III года. Последствием тирании, принимавшей тем самым еще более угрожающий и гнусный характер, явилось объединение против нее патриотов всех оттенков, возымевших единодушное желание ее быстрейшего уничтожения. Насильственно разогнанные члены общества Пантеона сначала собирались в кафе, содержавшихся республиканцами, а затем с наступлением теплой погоды — на площадях.

Несколько писателей энергично выступили против этого акта Директории; другие по примеру Бабефа воспользовались случаем, чтобы громче чем когда-либо призвать народ к восстановлению своих прав.

Среди сочинений, получивших в то время распространение в Париже, выделялось воззвание под заглавием *«Солдат, останись и прочти»*, написанное Филипом Ле Рекселе [Феликсом Лепелетье]⁸⁰ и *«Речь к французам о собраниях граждан»*, анонимным автором которой был Антонелль .

Мужество Бабефа создает ему множество врагов

Бабеф неустанно продолжал проповедовать в своем «Трибуне народа» доктрину подлинного равенства и упрекать в узурпации основателей нового правления и тех, кто пользовался при нем властью. Его суровый язык создал ему могущественных врагов и возбудил против него недовольство граждан, державшихся за высших чиновников вследствие полученных, либо ожидаемых от них милостей, а также недовольство тех, кто считал правильной политикой казаться сочувствующим власти, чтобы затем с большей легкостью ее уничтожить, и кто обвинял его в опрометчивом разглашении того, что они называли тайной демократов.

Их недовольство было столь велико, что некоторые из них решили погубить этого мужественного гражданина. Они попытались вызвать против него взрыв негодования народной партии путем преувеличения его былых связей с подстрекателями термидорианских преступлений и злостного напоминания о его писаниях, направленных против некоторых агентов

** См. ниже, стр.234 и сл.

*** Мне не удалось раздобыть это сочинение.

агентов революционного правительства.

Между тем убежденные друзья равенства сознавали, что политические принципы, касающиеся общих интересов, являются единственным средством, способным поддержать и поднять в народе энтузиазм, который аристократы старались погасить. Они видели, какие услуги могли оказать общему делу дарования и смелость Бабефа, и открыто выступили в его защиту, способствуя тем самым развитию его планов.

У Бабефа зарождается план освобождения народа

Желание просветить своих сограждан Бабеф с давних пор соединял с желанием активно помочь им вернуть свои права. С этой целью он привлек к себе страстных поборников демократии. Знакомясь с усилиями демократов, собиравшихся у Амара на улице Паийон, в предместье Дени и в других местах, он старался их направлять. Квартиры *Филипа Ле Рекселе* [Феликса Лепелетье], *Эри* [Рейса] и *Крекसेля* [Клере] служили одна за другой убежищем для Бабефа; здесь он при содействии и помощи Антонелля, Буонарроти, Симона Дюпле, Дарте, *Эридди* [Дидье], Жермена, Сильвена Марешаля⁸⁰ и *Сомбо* [Бодсона] выполнял взятые на себя обязательства и обстоятельно подготавливал свое предприятие.

Повстанческая организация, речь о которой будет ниже, возникла только к началу жерминаля IV года. До этого времени между Бабефом, *Филипом Ле Рекселе* [Феликсом Лепелетье] и Сильвеном Марешалем существовало соглашение, имевшее вначале единственной целью согласовать содержание и тон их политических произведений. Представляется несомненным, что Бабеф, стремившийся централизовать все движения, способствовал, пользуясь влиянием своих друзей, роспуску комитетов, с деятельностью которых мы уже ознакомились и многие воззрения которых можно обнаружить в актах нового повстанческого органа.

Создание Тайной директории общественного спасения

В первые дни жерминаля Бабеф, Антонелль, Сильвен Марешаль и *Филип Ле Рекселе* [Феликс Лепелетье] организовались в Тайную директорию общественного спасения и приняли благородное решение связать в одно целое разрозненные нити демократического движения для единого руководства ими в целях восстановления народного суверенитета.

Агенты и их инструктирование

Первой заботой этой Директории было объединить и взять под свое руководство всех друзей свободы, рассчитать их силы и настроить их в пользу всеобщего просвещения и освобождения, избегая опасности скомпрометировать изменой или несоблюдением тайны как само дело, так и причастных к нему лиц. Тайная директория приняла меры к этому, издав организационное постановление^{*}, устанавливавшее в каждом из 12 округов Парижа главного революционного агента, а также агентов-посредников, предназначенных для поддержания связей между Директорией и ее революционными агентами. Этот акт сопровождался инструкцией, в которой Тайная директория объясняла своим агентам мотивы и правоту данного начинания и намечала путь, по которому они должны следовать для обеспечения его успеха^{**}.

Никогда не существовало лучшего агента связи, чем *Эридди* [Дидье]; его усердие, активность, находчивость и скромность были всегда выше всякой похвалы. Хотя согласно введенному уставу, этот агент не должен был быть знаком ни с членами Директории, ни с их действиями, безупречность его патриотизма, его благоразумие и испытанная преданность снискали ему полное их доверие; это доверие было беспредельно, и *Эридди* [Дидье] воспользовался этим, чтобы склонить членов Тайной директории к принятию в свой состав Дарте и Буонарроти, которые в свою очередь добились принятия *Бедона* [Дебона].

Члены директории и их политическая доктрина

Таким образом, к 10 жерминаля IV года в Париже существовала Тайная директория общественного спасения, созданная с целью восстановления народа в его правах; в нее входили Антонелль, Бабеф, *Бедон* [Дебон], Буонарроти, Дарте, *Филип Ле Рекселе* [Феликс Лепелетье] и Сильвен Марешаль^{****}. Ее собрания происходили в помещении, занимаемом *Крекселем* [Клере], у

* См. Документы, № 4.

** См. там же, № 5.

*** См. там же, № 6.

**** Сильвен Марешаль составил знаменитый манифест равных, который Тайная директория не хотела предать гласности, так как она не одобряла ни выражения: «Пусть погибнут, если это необходимо, все искусства, только бы для нас осталось подлинное равенство», ни другого выражения: «Пусть исчезнет, наконец, возмутительное разделение на управляющих и управляемых». См этот манифест: Документы, № 7.

которого в то время находил убежище Бабеф.

Среди них не существовало никаких разногласий относительно политической доктрины, обсуждавшейся на квартире у Амара; их объединяло полное единодушие; все они рассматривали равенство в труде и в пользовании его плодами как единственную цель, достойную истинного гражданина, и только в этом видели законный мотив для восстания.

Их теории имеют столь важное значение для общественного прогресса, для чести французской революции и для ознакомления с замыслами Тайной директории, что я считаю необходимым поместить в числе документов прилагаемых к этой работе, одно произведение, составляющее сущность этих теорий. Напечатанное по распоряжению Тайной директории, оно носит название: *«Анализ доктрины Бабефа, трибуна народа, преследуемого Исполнительной директорией за то, что он высказывает правду»*^{*****}.

Конечная цель участников заговора

Ничем не ограниченное равенство, максимальное счастье для всех, уверенность в том, что оно никогда не будет отнято, — таковы были блага, которые Тайная директория общественного спасения хотела обеспечить французскому народу; она хотела возобновить дело, которое было погублено 9 термидора и по примеру жертв этого рокового дня дополнить революцию властей и авторитетов несравненно более справедливой революцией, конечным результатом которой явилось бы беспристрастное распределение собственности и просвещения.

Народ — цель и средство Тайной директории

Хотя Тайной директории было известно, что благоразумие в соединении с авторитетом послужат для нее гарантией успеха, она была убеждена в том, что самая благонамеренная власть не может рассчитывать на полный и длительный успех без любви и содействия народа. На него-то она главным образом и рассчитывала.

До того как французская революция явила миру небывалое зрелище многих миллионов людей, провозгласивших и скрепивших своей кровью истины, которые в предшествующие времена были видны лишь немногим мудрым людям, — намерение поднять народ одной лишь силой этих истин могло показаться несбыточным. Иначе обстояло дело в период создания Тайной директории; в то время речь шла не столько о том, чтобы вызвать к жизни новое общественное мнение, сколько о том, чтобы сделать единым существовавшее еще недавно общественное мнение, которое клевета и преследование раскололи и подавили.

Во время революции был такой период, когда надежда на близкое осуществление равенства привязала к новому общественному строю сердца широких масс населения; обманутые в своих ожиданиях, они после 9 термидора сожалели о принесенных ими жертвах и, считая обманом обещанное им счастье, начали питать неприязнь к революции и к ее защитникам. Это настроение умов предоставило роялистам случай дискредитировать республиканский строй, а аристократам — посеять ужас перед нововведениями и политическую индифферентность.

С другой стороны, в результате преследований значительно поредели ряды убежденных республиканцев. Те из них, которые уцелели, насильственно разогнанные или разобщенные клеветой, не внушали более того доверия, при помощи которого они в прежние времена повели народ на завоевание своих прав.

При таком положении вещей Тайная директория, которая хотела действовать только в интересах и при посредстве народа, должна была осознать, что ей прежде всего надлежит просветить впавших в заблуждение, ободрить слабых, заставить массы узреть действительные причины их бедствий, наметить для мужественных апостолов демократии единообразный план действий и предложить всем единый руководящий центр.

Далекие от мысли действовать в тени, как преступные заговорщики, члены Тайной директории ожидали успеха своего начинания только от прогресса общественного разума и от сияющего света истины.

То, что общество Пантеона сумело наметить лишь в общих чертах, взялась завершить Тайная директория; она имела перед обществом Пантеона то двойное преимущество, что менее бросалась в глаза и могла более зрело обдумать свои планы и следовать им. Насильственное прекращение деятельности этого общества немало способствовало — вследствие вызванного этим недовольства — укреплению в Тайной директории сознания своей силы.

^{*****} См. Документ, № 8.

Тайная директория хотела установить конституцию 1793 года ^{vii}

Помимо того, что было справедливо и необходимо представить народу действительное равенство как подлинную и законную цель революции, важно было привлечь его внимание к такой форме правления, которая способна сохранить это равенство.

Ввиду этого Тайная директория более внимательно, чем когда-либо ранее, подвергла рассмотрению конституцию 1793 г., к которой, казалось, присоединились в этот период все искренние друзья республики; и так как она в то же время обсуждала вопрос об учреждениях, при посредстве которых надлежало установить равенство, то она тем более имела возможность распознать недостатки конституции и выявить добавления, в которых та нуждалась,

Мнение Тайной директории об этой конституции

По примеру комитета, заседавшего на квартире у Амара, наши заговорщики видели неоспоримый порок этой конституции в статьях Декларации прав, касающихся собственности. В отношении самой конституции они считали, что она недостаточно гарантировала народ от узурпации Законодательного собрания, как и от заблуждений, в которые он сам может быть введен. В конце этой работы станет видно, при помощи каких добавлений они намеревались предотвратить эти опасности.

Несмотря на эти недостатки, Тайная директория была полна решимости поддерживать уважение, которое республиканцы питали к этой конституции, по двум решающим мотивам: одним из них была *почти единодушная санкция нации, которую получила конституция, а другим — право народа, закрепленное самой конституцией, — обсуждать законы*. Особенно в этом последнем положении Тайная директория усматривала отличительную черту конституции 1793 г.; все прочие части конституции представлялись ей лишь регламентарными статьями.

Было, таким образом, условлено принять эту конституцию в качестве объединяющего пункта и рекомендовать ее установление как средство достижения дорогого сердцу равенства, неустанно доказывать при этом ее справедливость, требовать ее осуществления и излагать ее основные законы.

Истина — главная движущая сила народного восстания

Тайная директория намеревалась сокрушить узурпаторское правительство не при помощи горстки мятежников, взбунтовавшихся из корыстных побуждений или вследствие безрассудного фанатизма, — она не хотела прибегать ни к какой другой побудительной силе, кроме силы истины.

Ясное и всестороннее изложение прав народа и преступлений его угнетателей являлось единственным средством, при помощи которого Тайная директория намеревалась поднять против тирании массу парижан; в момент, когда негодование усилилось бы и стало всеобщим, она собиралась выступить и дать сигнал к восстанию.

В Париже множатся народные общества

Поэтому первая забота Тайной директории состояла в том, чтобы заняться убеждением и вовлечением. Она не скупилась ни на речи, ни на письменные выступления; и для того чтобы плодотворно пустить их в обращение, она основала в Париже большое число мелких, неизвестных друг другу обществ; всеми ими руководили демократы, сами получавшие импульс от 12 революционных агентов.

Следует прочесть в инструкции, данной этим агентам, о предосторожностях, которыми Директория общественного спасения старалась предохранить демократов от неблагоприятия и вероломства.

Революционные агенты с самого начала предназначались для того, чтобы стать рычагами, в результате действия которых парижский народ должен был обрушиться на своих тиранов; пока же они создавали объединения, руководили народными дискуссиями, распространяли письменные обращения и отчитывались перед Тайной директорией в успехах общественного мнения, докладывали о происках аристократии, численности, дееспособности и энергии демократов.

Не следует удивляться тому, что мероприятия наших заговорщиков касались главным образом Парижа: надо было поразить аристократию в самое сердце; движение многочисленного населения этой коммуны легко сообщилось бы демократическим элементам во всей республике.

^{vii} КОНСТИТУЦИЯ 1793 года: альтернативные проекты и прения; Ф.Саньяк. Гражданское законодательство Французской революции.

Выбор 12 революционных агентов

Выбор революционных агентов был исключительно важным делом; столь значительные функции могли быть доверены только таким людям, которые сочетали в себе неизменную любовь к равенству, испытанную осторожность и доверие к ним народа с большой активностью и известным образованием. Они были назначены Тайной директорией большинством голосов после тщательного рассмотрения мотивов, приведенных в пользу каждого из них теми, кто предлагал их кандидатуру.

* Список революционных агентов

Округ	Секции	Агенты	Рекомендующие
1	Тюильри, Пик Шанз-Элизе, Ре-публик	<i>Роменкольсель</i> [Никола Морель]	Бабеф
2	Лепеллетье, Бют-де-Мулен, Мон-блан, Фобур-Монмартр	Бодеман	Дарте
3	Брютос, Контра-Сосналь, Мэзь, Пуассоньер	Менеесье	Бедон [Дебон]
4	Аль-о-Бле, Мюзезум, Гард Франсез, Марше	Буэн	Буонарроти
5	Бонди, Бон-Нувель, Нор, Бон-Консей	<i>Ле-Иму</i> [Гилем]	Жермен
6	Гравильер, Ломбар, Тампль, Ами де ла Патри	Клод Фике	Жермен
7	Рейньон, Ом-Арме, Друа де Лам, Арси	Пари	Дарте
8	Кенз-Вен, Эндивизибилите, Попенкур, Монтрей	Казен	Бабеф
9	Фиделите, Фратерните, Арсенал Сите	<i>Адери</i> [Дерв]	Дарте
10	Фонтен-де Гренелль, Уэст, Эивалид, Юните	<i>Реприно</i> [Пьеррон]	Буэн
11	Театр Франсэ, Люксембур, Пон неф, Терм	<i>Сомбо</i> [Бодсон]	Бабеф и Буонарроти
12	Пантеон, Финистер Жарден де Плант, Обсерватуар	Моруа	Бедон [Дебон]

С тех пор, как верховная власть сошла с пути справедливости, ее декреты не встречали более поддержки в общественном мнении и утратили любовь народа. Насколько раньше они легко и быстро исполнялись, настолько позднее они встречались холодно и вызывали сопротивление. Пришлось тогда вместо народной любви прибегнуть к силе; пришлось запугивать массы, справедливой вражды которых опасались. После того как возглавлявшие аристократический строй окружили себя множеством врагов революции, в низости и недобросовестности которых они скоро убедились, они поняли, что их безопасность может покоиться только на штыках, слепо подчиняющихся их ставленникам. Под предлогом сохранения общественного спокойствия они постарались превратить национальный представительный орган, единственной защитой которого еще недавно была преданность граждан, в вооруженный лагерь, угрожавший их свободе и жизни.

Армия, стоявшая вокруг Парижа и внутри его, помогавшая в жерминале и прериале III года врагам свободы установить свое господство, была сохранена и численно увеличена конституционным правительством; во главе ее можно было видеть бывших дворян, лиц, содержавшихся в тюрьме во II году, и вообще людей, открыто засвидетельствовавших свою ненависть к народному суверенитету. Наличие многочисленных сил, преданных тирании, и наряду с ними наличие народа, лишенного правительством оружия, под предлогом его изъятия то у роялистов, то у террористов, должно было обескуражить народ и вызвать в нем страх перед малейшим столкновением.

К числу препятствий, которые могли помешать успеху ее начинания, Тайная директория относилась сопротивление войск и даже самую мысль об этом, которая могла возникнуть у народа. Поэтому она заблаговременно подумала о том, чтобы свести на нет такое сопротивление, пробуждая в сердцах солдат любовь к демократам, напоминая им о великих интересах, ради которых они проливали свою кровь, и незаметно высвобождая их от рабского повиновения своим начальникам, предписывавшегося им тиранами как самый настоятельный долг. Чтобы соединить в

едином порыве силы армии с силами народа, участники заговора стремились еще и воздействием истины зажечь в армии ненависть к аристократическому правительству.

Военные агенты

С этой целью Тайная директория постепенно добавила к окружным агентам военных агентов, возложив на них аналогичные функции в отношении батальонов, расположенных в Париже и в его окрестностях. Она оказала свое доверие: Фиону — для работы среди солдат, расположенных в Доме Инвалидов; Жермену — в Полицейском легионе. *Sacemi* [Массе] — в отрядах, расквартированных во Франсиаде; Ваннеку⁸¹ — среди войск в целом. Жоржу Гризелю — в Гренелльском лагере. Роль, которую этот Гризель сыграл в развязке заговора, заставляет нас широко осветить обстоятельства и мотивы, открывшие ему доступ к руководящим защитникам равенства.

Кроме вышеупомянутых нами гражданских и военных агентов, Тайная директория назначила наблюдателей, изучавших их поведение, корректировавших его и придававших их деятельности новую силу.

Эта важная забота была возложена на Дарте и Жермена. Оба они оказали в то время делу равенства крупные услуги: именно благодаря им Директории было подробно известно о том, что происходит на собраниях; им она давала самые трудные поручения, которые они выполняли с точностью и мужеством, показавшими их глубокую убежденность и полную самоотверженность

Дарте, неутомимый и бесстрашный, умевший зажигать души своих слушателей пламенем своей души, сдерживать слишком стремительные порывы и примирять различные оттенки мнения, старался ободрить и объединить друзей равенства и выявить тех из них, кто мог наилучшим образом служить делу. Именно в этих целях он посещал кафе «Китайские бани», где ежедневно появлялись многие демократы, и там сблизился с Жоржем Гризелем из Абевилля, бывшим в то время капитаном в составе 3-го батальона 38-й линейной полубригады, стоявшей лагерем на Гренелльской равнине близ Парижа.

Гризель

Гризель, который, должно быть, подобно многим другим, видел в революции лишь удобный случай для личного возвышения, искал знакомства с патриотами. Ему удалось путем подражания их языку прослыть среди них пылким революционером, и после этого ему было нетрудно снискать благосклонность некоторых демократов, представивших его Дарте как ценного для их партии человека. Опробочившие похвалы, расточавшиеся по адресу Гризеля представившими его лицами, его речи, а также готовность, с какой он взялся распространять в войсках обращения Тайной директории, причем сам он составил инсurreкционную брошюру, имевшую целью вызвать неподчинение в армии, убедили чрезмерно доверчивого Дарте в безупречности его намерений и побудили его решиться предложить Гризеля Директории, нуждавшейся в военном агенте для Гренелльского лагеря. Он был назначен, и 26 жерминаля Дарте вручил ему инструкции относительно его миссии .

Демократические произведения

Как только учрежденная агентура была достаточным образом организована. Тайная директория занялась неустанным распространением произведений, назначение которых состояло в том, чтобы вывести народ из заблуждения. Надо было доказать народу, что его суверенитет узурпирован существующей властью, что конституция 1793 г. является единственной законной конституцией, что всеобщее благо может проистекать лишь из истинного равенства и что бедствия, которые народ приписывал революции, происходят исключительно оттого, что она не достигла своей цели.

Демократы пустили в ход свои перья. Бабеф развивал в своем «Трибуне народа» идею повстанческой организации. Симон Дюпле пропагандировал те же доктрины среди трудящихся классов посредством небольшого листка под названием «Разведчик». Республиканцы, руководившие «Газетой свободных людей»⁸², также оказали демократии серьезные услуги, не побоявшись вести дискуссии о форме правления и о великой системе равенства, справедливость которого они показывали путем неопровержимых ответов на выдвинутые возражения.

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

* Эта брошюра называлась «Свободный Франк — своему другу Террору». См. Документы, № 9.

** Эти инструкции см. там же, № 10.

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Одна из первых забот Тайной директории состояла в том, чтобы обоснованно указать народу положения, к которым ему надлежит присоединиться. Она сделала это посредством «Анализа доктрины Бабефа», который 20 жерминаля был в большом количестве роздан по рукам и расклеен; хотя правительство старалось скрыть это произведение от народа, но оно до такой степени поразило все умы, что аристократы перепечатали его в своих газетах, как шедевр экстравагантности и дерзости, а патриоты сделали его предметом своих разговоров и надежд.

23 жерминаля появилось «Мнение о двух наших конституциях»^{***}; 24-го было опубликовано «Письмо свободного Франка своему другу Террору»; 25-го было пущено в обращение сочинение под заглавием «Следует ли подчиняться конституции 1795 г.»^{****}. 27-го было роздано *Обращение* Трибуна к армии^{*****}; 29-го распространено «Ответное письмо М.В.»^{*****}; 1 флореаля обнародован «Вопль французского народа против его угнетателей»^{*****}.

Нищета народа

Стараниям Тайной директории оказывали огромную помощь преследования, продолжавшие обрушиваться на массу патриотов, и все возрастающая нужда, испытываемая трудящейся частью нации. Это был момент, когда вследствие прогрессирующего падения курса ассигнатов приходилось сокращать снабжение продовольствием, что вынудило рабочих лишать себя необходимого или продавать последнее имущество и одежду^{*****}.

Эта нужда, а также письменные обращения Тайной директории, в которых она показывала причину такой нужды и способ ее радикального устранения, вызвали столь сильное и всеобщее брожение, что вскоре недовольство, распространявшееся тайными обществами, вспыхнуло открыто и вызвало к середине жерминаля IV года многочисленные скопления народа на улицах, площадях и на мостах Парижа.

Тогда-то узурпаторы народного суверенитета с достоверностью узнали, что их враги, объединяясь, превращаются в силу, и что народ, взывая к равенству и к демократической конституции, выражает сожаление о лицах, принесенных в жертву коррупции и аристократии в термидоре II года и в прериале III года.

Рост повстанческих настроений

Все происходившее в Париже, высказывавшиеся мнения, речи, дискуссии народа и солдат, ежедневно передавались Тайной директории путем донесений ее агентов и устных сообщений наблюдателей, принятых в ее состав; ее осведомляли об этом также многие демократы, ловко проникшие в состав правительственной полиции.

Вскоре Тайная директория обнаружила, что воздействие ее внушений превзошло ее ожидания, и осознала необходимость применения всех средств, при помощи которых она рассчитывала содействовать, направлять и сделать полезным народное движение, предвестники которого были уже налицо.

Деятельность Тайной директории

Участники заговора собирались почти каждый вечер в убежище Бабефа, у которого постоянно хранились главные документы заговора и его печать. На этой печати, по которой революционные агенты опознавали приказы Директории, значились по краю слова: «Общественное опасение». На заседаниях рассматривались: донесения агентов и проекты ответов на них; письменные обращения, подлежащие напечатанию; предложения о форме восстания; законодательные распоряжения, которые должны были последовать за восстанием; учреждения республики и ее организация.

*** Этот документ утерян. (Документ обнаружен нами в следственном деле бабувистов, хранящемся в Национальном архиве в Париже; фотокопия в Центральном партийном архиве ИМЛ См т. II, Приложения — *Ред.*)

**** См. Документы № 11.

***** Там же, № 12.

***** Там же, № 13.

***** Этот документ не разыскан. (Документ обнаружен нами в следственном деле бабувистов, хранящемся в Национальном архиве в Париже; фотокопия в ЦПА ИМЛ. См. т. II, Приложения. — *Ред.*)

***** Это возмутительное наступление на уже и без того ничтожное достояние трудящегося класса было следствием отмены твердых цен на съестные припасы и обложения натурой богачей — двух способов, которые до 9 термидора устраняли необходимость прибегать к чрезмерному выпуску ассигнатов. После 9 термидора, когда продовольственное снабжение населения было сдано на попечение алчных собственников и торговцев, в большинстве своем враждебно относившихся к преобразованиям в интересах народа, неимущий люд был лишен необходимого, служившего увеличению излишеств и роскоши богатых людей.

Все решения, принимавшиеся Тайной директорией большинством голосов, регистрировались и служили основой для переписки и подготовительных работ, распределявшихся между участниками заговора. Все было без подписи. Бабеф, вынужденный вследствие преследования скрываться, был почти единственным составителем писем и инструкций; необходимая их отправка производилась секретарем, а доставка революционным агентам — Эридди [Дидье].

Власть, которой надлежало заменить существующую

Постановив, что действия народа следует направить против существующего правительства, к установлению конституции 1793 г., Тайная директория должна была решить вопрос, который в силу обстоятельств оказывался весьма трудным: речь шла о том, чтобы установить, какой формой правления следует сразу заменить власть, которую задумали уничтожить.

Существовало убеждение, что невозможно и небезопасно немедленно созвать первичные собрания для назначения законодательного органа и правительства в соответствии с конституцией 1793 г. Прежде всего было очевидно, что между восстанием и установлением новой конституционной власти должен существовать некоторый промежуток времени; не менее ясно было и то, что было бы крайне неблагоразумно оставить народ хотя бы на мгновение без власти и без руководства. Другие соображения побуждали Тайную директорию полагать, что этот промежуток времени должен быть продолжительнее, чем время, которое потребуется на одни выборы и на прибытие новых депутатов. Эти соображения заслуживают более подробного изложения.

Необходимость власти, которая предшествовала бы конституционному строю

Изменение формы общественного управления не было единственной целью, которую ставили перед собой наши заговорщики; они хотели — и в этом заключалась важнейшая часть их намерений — дать Франции хорошие и устойчивые законы. Тайной директории было небызвестно, что способ издания и исполнения закона может оказать известное влияние на учреждения, которые надлежит установить, однако история и опыт французской революции учили тому, что неоспоримым следствием неравенства является разделение гражданского населения, создание противоположных интересов, разжигание враждебных страстей и подчинение массы народа, которая остается невежественной, легковверной жертвой чрезмерного труда, горстке образованных и ловких людей, злоупотребляющих достигнутым ими привилегированным положением и старающихся лишь сохранить и укрепить порядок распределения богатств и преимуществ, благоприятствующий им одним. Отсюда Тайная директория заключала, что народ, до такой степени устранный от естественного порядка, совершенно не способен сделать полезный для себя выбор и нуждается в необычайном средстве, которое сможет поставить его снова в такое положение, при котором он получит возможность на деле, а не фиктивно пользоваться всей полнотой суверенитета.

Этот образ мыслей породил проект замены существующего правительства временной революционной властью, составленной таким образом, чтобы навсегда высвободить народ из-под влияния настоящих врагов равенства и сообщить ему единство воли, необходимое для установления республиканских учреждений.

Какова же будет эта власть? — таков был деликатный вопрос, который Тайная директория подвергла тщательному рассмотрению. Снова приводились три предложения, поднимавшиеся на собраниях у Амара. Согласно первому, созывалась часть Национального конвента; согласно второму, создавалась диктатура; согласно третьему, устанавливался новый орган, на который возлагалось довести революцию до счастливого завершения.

Созыв Конвента

В первом комитете Амар предлагал созвать Национальный конвент. По его словам, этот орган, который мог быть заменен только властью, угодной народу, хотя и являлся властью в силу конституции и законов, противоречащих суверенной воле народа, все еще остается, однако, единственной законной властью. С другой стороны, продолжал Амар, декреты могут быть законными только при наличии свободы депутатов, гарантируемой установленными формами преследования тех из них, против кого могут быть возбуждены серьезные обвинения. Отдельные члены Конвента показали, что народ, взгляды которого формировались при режиме неравенства и

* Опыт французской революции и в особенности беспорядки и перемены, происходившие в период Национального конвента, достаточно, как мне кажется, были в жерминале и в прериале III года арестованы, сосланы, лишены своих политических прав без суда и следствия. Следовательно, акты Конвента, совершенные после этих насилий, недействительны, редакция конституции III года должна рассматриваться как несуществующая, и подлинными уполномоченными народа по-прежнему являются лица, непричастные к этим злоупотреблениям властью или же являющиеся их жертвами.

и деспотизма, мало способен в начале возрождающей революции своим голосованием указать людей, на которых можно было бы возложить руководство революцией и ее завершение. Эта трудная задача может быть выполнена только мудрыми и мужественными гражданами, питающими большую любовь к отечеству и к человечеству, долгое время изучавшими причины общественных зол и освободившимися таким образом от общих предрассудков и пороков, опередившими познаниями своих современников и, презирая пошлость золота и власти, почитающими за счастье обесмертить себя путем обеспечения торжества равенства. Быть может, необходимо в начале политической революции, из одного уважения к действительному суверенитету народа, заниматься не столько собиранием избирательных голосов нации, сколько обеспечением того, чтобы высшая власть как можно менее произвольным путем попала в руки разумных и стойких революционеров.

Возражения

Сообразно с этим рассуждением Амар предлагал вернуть к осуществлению руководящей власти членов Национального конвента, которых Конвент объявил не подлежащими избранию, а также тех членов, которые были исключены из состава Законодательного собрания и, следовательно, непричастны к узурпации.

Между тем многим из этих членов Конвента ставилось в укор участие, которое они принимали в преступлениях 9 термидора: преследование демократов, названных *анархистами, непримиримыми, террористами* и т.д.; закрытие народных обществ; введение в Конвент 73 жирондистов и освобождение всех аристократов; то, что они по слабости позволили погубить многих из их коллег; что они ответили молчанием на предложение изменить конституцию; их большое властолюбие, обогащение некоторых из них и вообще крайнее малодушие в деле защиты прав народа*. Могли ли люди, проникнутые сознанием необходимости вручить судьбы отечества только наиболее разумным и мужественным, решиться вновь призвать к высшей власти лиц, заслуживших при ее исполнении столь тяжелые упреки?

Тайная директория считала, что столь веские основания должны быть поставлены ею выше весьма сомнительных преимуществ, которые могла дать видимость законности, с помощью которой надеялись смягчить старую вражду и преодолеть сопротивление.

Она, напротив, полагала, что, поскольку она основывает успех своих планов исключительно на влиянии демократов во всей республике, которые по всем предложениям поддержат толчок, данный парижскими демократами, благоразумно будет отбросить всякие ухищрения и предпочесть путь, дающий более всего гарантий против ошибок и слабости людей, облеченных властью.

Временная власть, подлежавшая назначению парижскими повстанцами

Отклонив, таким образом, созыв Конвента, Тайная директория остановилась на мысли о назначении восставшим населением Парижа временной власти, которой необходимо вверить управление нацией. В самом деле, при физической невозможности немедленно устроить выборы с участием всех французов это был единственный способ воздать народному суверенитету все допустимое обстоятельством уважение. К этому преимуществу присоединялось преимущество большей вероятности удачного выбора со стороны людей, преданность которых принципам новой революции подтверждалась бы мужеством, с которым они стали бы ее защищать.

Эта система гармонировала с народным суверенитетом

Тайная директория предвидела, что вероломные враги равенства попытаются поднять население провинции против того, что они не преминут назвать *захватом парижскими разбойниками прав суверенного народа*. Желая действовать только по справедливости, она рассмотрела это возражение. Вот каким образом она его опровергла: «Когда налицо тирания, то каждый гражданин имеет право и обязанность приложить старания к ее уничтожению. Однако всем гражданам обширной республики невозможно обрушиться с этой целью на власть, подлежащую свержению; первыми, следовательно, должны взяться за оружие те, кто близко стоит к ней; и так как важно, чтобы новая власть тотчас заступила место старой, то позаботиться об этом должны восставшие.

К тому же, так как право свержения тиранической власти возлагается самой природой вещей на ту часть народа, которая близко стоит к ней, то ей же дается также право, которым никому другому не дано пользоваться, — временно заменить старую власть формой правления, соответствующей, насколько это будет возможно, принципам народного суверенитета».

** Хотя Тайная директория считала, что она имеет основание отказывать в доверии многим из этих членов Конвента, она в равной мере отдавала многим из них вполне заслуженную ими дань уважения и почитания.

После этого речь шла о том, чтобы определить, какова должна быть та временная форма правления, которую следует предложить восставшему парижскому народу. По этому вопросу существовали различные мнения: одни члены Тайной директории высказывались за единоличный образ правления; другие отдавали предпочтение новому органу, состоящему из небольшого числа испытанных демократов. Одержало верх последнее мнение.

Диктатура отвергнута

Бедон [Дебон] и Дарте, предлагавшие диктатуру, связывали с этим термином идею чрезвычайной власти, вверяемой одному лицу, на которое возлагается двойная функция: во-первых, предложить народу простое законодательство, способное обеспечить ему равенство и реальное пользование суверенитетом, и, во-вторых, временно диктовать подготовительные меры, имеющие целью подготовить народ к принятию такого законодательства. По их мнению, столь важная и столь смелая задача, которая может быть хорошо выполнена только при совершенном единстве мысли и действия, должна быть задумана и осуществлена одним и тем же лицом. В подкрепление своего взгляда они приводили в пример древние народы и напоминали о пагубных последствиях плюрализма, доказательства которых они усматривали в недавних разногласиях, имевших место в Комитете общественного спасения.

Им казалось, что опасность злоупотреблений, возможных при подобном правлении, может быть легко устранима, если всем будут хорошо известны достоинства гражданина, облачаемого такой властью, если будет ясно и в соответствии с законом изложена цель, которой эта власть должна достичь, и если будет заранее установлена продолжительность этой власти.

При такой системе задача Тайной директории сводилась к начертанию в немногих пунктах цели преобразования, к установлению срока действия нового органа власти, к отысканию наиболее достойного гражданина республики, как и к тому, чтобы восставшие парижане приняли ее план^{***}.

Однако Тайная директория судила об этом иначе. Это не значит, что она не признавала правильности доводов, приводимых в пользу диктатуры. Но трудность выбора, боязнь злоупотреблений, внешнее сходство этого образа правления с монархической властью, а главным образом общее предубеждение, казавшееся непреодолимым, заставили отдать предпочтение немногочисленному органу, которому можно было бы вверить те же полномочия, не подвергаясь перечисленным опасностям и не будучи вынужденными преодолевать столько препятствий.

Восставшему парижскому народу должен был быть предложен орган из демократов, по одному от каждого департамента

Результатом этого важного обсуждения было решение о том, что после уничтожения тирании парижскому народу будет предложено учредить облеченное верховной властью Национальное собрание, состоящее из демократов, по одному от каждого департамента^{****}; тем временем Тайная директория тщательно исследует, кого из демократов надлежит предложить после того как революция будет осуществлена. Директория не прекратит своей деятельности, а будет осуществлять надзор над образом действий нового Собрания.

Одновременно с тем как участники заговора согласовывали таким образом эти важнейшие вопросы, они внимательно следили за всеми настроениями народа: они не пренебрегали ничем, для того чтобы обеспечить себе победу в день восстания, который мог оказаться днем вооруженной борьбы. И в самом деле, было основание полагать, что армия присоединится к народному движению, но было бы крайне неблагоприятно не принимать в расчет влияния, которое офицеры, будучи плохими гражданами, могли оказать на привыкших к повиновению невежественных солдат.

Тайная директория предусматривает способы сделать народ более сильным, чем армия

Умножая усилия для привлечения правительственных солдат к народному делу, Тайная директория старалась сделать демократов сильнее этих солдат на случай, если бы пришлось попасться к ним в руки. Она намеревалась немедленно создать народную армию и для этой цели собирала сведения о численности, качествах и способностях демократов, о силе их врагов и о местах, где народ мог добыть себе оружие и снаряжение. Она подготовляла в Париже квартиры

^{***} Чему иному — если рассуждать разумно — следует приписать гибель демократии и свободы во Франции, как не различию взглядов, противоположности интересов, недостатку добродетели, единства и твердости в Национальном конвенте. Твердая и непоколебимая власть нужна — как мне кажется — не для сохранения, а для установления равенства среди развращенного народа. Надо полагать, что если бы во II или III году имели благоразумие облечь диктатурой, которую предлагали *Бедон [Дебон] и Дарте*, человека такого склада характера, как Робеспьер, то революция достигла бы своей подлинной цели.

^{****} Французская республика была в то время разбита на 97 департаментов.

для республиканцев, которых созывала со всех концов Франции в подкрепление друзьям свободы, и заботливо намечала склады продовольствия, чтобы в великий день искупления голод не вынудил народ, как это было в преиале III года, покинуть поле битвы.

Лионские республиканцы

Из провинциальных патриотов особое внимание Тайной директории привлекали лионцы. Среди них в Париже были такие, которые заслужили доверие Робеспьера; те же, которые оставались в Лионе, проявили себя там таким образом, что имелись основания ожидать от них самых крупных услуг. Бывшему мэру этого города Бертрану Директория доверила объединить их и руководить ими в духе повстанческой организации.

Сильное брожение в Париже

20 жерминаля IV года среди парижского населения появилось сильнейшее возбуждение, которое преступные клики, соперничая с демократами, старались использовать.

Две клики в государстве

С этого времени в государстве существовали две основные клики. Люди, ловко завладевшие под флагом равенства богатством и властью и названные мною *фальшивыми друзьями равенства*, или *воинствующими эгоистами*, образовали клику, признанными вождями которой были: Баррас, Тальен, Лежандр, Фрерон, Мерлен из Тионвиля, Ребель⁸³ и т.д. Другая составила из друзей старого строя неравенства, которых я имел в виду под названием *эгоистов-консерваторов*, или *старых аристократов*. Она объединяла остатки Жиронды, авторов новой конституции и даже роялистов, надеявшихся на некоторые выгоды от направления, которое эта клика придавала общественному мнению, и вообще от всего, что имело тенденцией уничтожить равенство. В ее рядах находились Буасси д'Англа, Ларивьер, Тибодо, Дюмоляр, Камилл Жордан, Ларевейер-Лепо, Ланжуинэ, Порталис, Пасторе, Симеон и т.д.⁸⁴

Первая из этих клик признавала конституцию лишь постольку, поскольку она помогала ей удержать за собой превосходство; вторая ожидала от точного выполнения конституции новых успехов для себя. Не столь многочисленная, но более предприимчивая и смелая, она замышляла насильственные действия против первой клики, которую она обвиняла в расчетах на восстановление монархии; последняя, со своей стороны, будучи многочисленнее, но лицемернее и трусливее, намеревалась одолеть своих противников оружием конституции. Аристократия, какова бы она ни была, отвергает заодно с равенством и всякую иную аристократию, соперничества которой она опасается; она готова использовать любой предлог для устранения своих соперников. Так как ничто так не вредит общественным деятелям в мнении масс, как беспорядочность действий и алчность, то старые аристократы старались такого рода упреками возбудить против истинных и фальшивых друзей равенства негодование народа, которое последние более чем заслужили.

Фальшивые друзья равенства хотят устранить из органов власти бывших аристократов

Такого рода нападкам воинствующие эгоисты противопоставляли всю ту массу людей, которая принимала то или иное участие в революции. Они ловко представили врагами республики всех без различия критиков их преступлений; они запугивали республиканцев всех оттенков опасностью близкого возврата королевской власти; они утверждали, что права народа забыты ради помыслов о роялистских заговорах, подавить которые, по их словам, были способны только они одни; они, наконец, пустили в ход все средства, чтобы стать центром народного движения, в нарастании которого они отдавали себе ясный отчет.

Согласно плану этой клики восстание, которое она рассчитывала взять в свои руки, должно было иметь единственной целью устранение из Законодательного собрания и из правительства негодных ей людей, таких, как Буасси д'Англа, Инар, Кадруа, Ровер, Ларивьер⁸⁵ и т.д.

Они пытаются объединить вокруг себя патриотов и народ

С этой целью в стенах законодательных советов раздавались неистовые напыщенные речи против убийств, происшедших незадолго перед тем на юге Франции⁸⁶, в подстрекательстве к

* По этим чертам легко распознать и клику, одержавшую верх, и ту, которая пала 18 фрюктидора V года. События этого дня запоздали вследствие непреклонности республиканцев, настроенных как против одной, так и против другой из этих клик и тем самым вынудивших их объединить свои усилия против их общего врага — демократии.

которым обвинялись некоторые из этих лиц, в то время как в действительности эти убийства долгое время провоцировались нынешними врагами этих лиц.

Лицемерные отступники, рассеявшись по общественным местам, преувеличивали численность роялистских заговорщиков и их покушения, отвлекая этим внимание народа от преступлений фальшивых друзей равенства, стараясь вернуть им доверие народа.

Таким образом, малопроницательные республиканцы оказывались под воздействием соблазнов вероломных революционеров, как и советов истинных демократов.

Это двойное воздействие порождало опасные препятствия для деятельности Директории, вскоре почувствовавшей необходимость положить им конец.

Тайная директория расстраивает эти козни

Тайная директория все еще искала исцеления в истине; она разоблачила эти козни, и они были расстроены. Один из номеров «Трибуна народа»^{**}, посвященный разоблачению преступлений перебежчиков из народной партии, привел в замешательство их эмиссаров, и можно безошибочно сказать, что среди людей, искренно принимавших то или иное участие в революции, у них не осталось ни одного сторонника; скорейшее низвержение тирании, установленной конституцией III года, стало общим стремлением.

Комитет из членов Конвента, подвергшихся проскрипции

Директория одновременно узнала, что Рикор, *Аллиноже* [Лэньело], *Эдюшуа* [Шудьё], Амар, Юге и Жавог^{***87} — все они были монтаньярами в Конвенте, подвергшимися проскрипции в жерминале и в прериале III года, — сговариваются о том, чтобы возглавить восстание, которое они предвидели, с целью восстановления Национального конвента и вслед за ним конституции 1793 г. Эти попытки, причастность к которым неосновательно приписывали Бареру и Вадье, являлись в глазах Директории столь важными, что она сочла необходимым сделать их предметом серьезного обсуждения.

Тайная директория расстраивает усилия комитета

Следует ли уступить место подвергшимся проскрипции монтаньярам? Попытаться ли объединиться с ними? Оказать ли противодействие их попыткам? Таковы были вопросы, поднятые по этому поводу внутри Тайной директории.

Чтобы отвергнуть комитет монтаньяров, наряду с мотивами в пользу отклонения созыва Конвента, мотивом служили также сведения о том, что у некоторых его членов были недостаточно демократические взгляды, а другие отличались крайней бесхарактерностью. Но так как за ними признавались услуги, оказанные ими прежде республике, то ограничились тем, что предложили революционным агентам внушить народу недоверие к шагам, которые могут быть предприняты по подстрекательству этих монтаньяров. В то же время агентам было предписано позаботиться о безопасности монтаньяров и предупреждать их о мерах, предпринимаемых против них правительством; об этих мерах ежедневно сообщали Директории несколько главных агентов министерства полиции.

Фальшивые друзья равенства

объединяются с бывшими аристократами против демократии

Перед лицом опасности, угрожавшей в равной мере всем преступным кликам, стоявшим на первых порах у власти в республике, они не замедлили объединить свои усилия против демократии.

Быстрота, с которой снова распространялись демократические принципы, смелость произведений, призывавших к новой спасительной революции, многочисленные собрания, на которых предавались гласности преступления узурпаторов и во всеуслышание раздавались требования конституции 1793 г., согласованность единодушных пожеланий, Свидетельствовавшая о широком замысле, руководителей которого трудно было обнаружить, нетерпение масс и отвага участников заговора навели ужас на врагов равенства; они поняли необходимость прекратить свои распри и направить все свои усилия против неисправимых проповедников народных учений,

^{**} См. Документы, № 14.

^{***} Юге и Жавог были убиты военной комиссией Тампля вслед за резней в Гренелльском лагере

Обращение Исполнительной директории, направленное против демократов

Тем временем всех врагов общественного преобразования насторожило обращение Исполнительной директории. В нем на демократов возводилась ужаснейшая клевета и против них предлагались декреты о проскрипции и смертной казни.

При таких обстоятельствах лицемерие, с помощью которого рассчитывали оправдать насильственное закрытие общества Пантеона, стало еще более злобно метать свои отравленные стрелы. Правительство, желая внушить всеобщую ненависть к демократам, обвиняло их в стремлении свергнуть государство в страшную анархию якобы с двойным намерением: восстановить королевский деспотизм и одновременно разбогатеть путем грабежа.

Подобными обвинениями послетермидорианскому Конвенту удалось навязать Франции иго новой аристократии. Но был ли здравый смысл в обвинении в продажности людей, вышедших из революции бедняками, хотя они и занимали должности, предоставлявшие им столько случаев к обогащению? Подобало ли лицам, совершившим столько насилий после 9 термидора, указывать как на анархистов на тех, кто в конечном счете требовал лишь исполнения закона, санкционированного народом? Подлинная и единственная анархия, заявляли демократы, заключается в мнимых законах, нарушающих естественные права людей и осуждающих нации на постоянно возобновляющиеся беспорядки, либо на смертельную летаргию. Их постоянный образ действий и неизменные требования установления подлинной республики были достаточным ответом на обвинение в скрытом роялизме, чему никто более не верил. Роялисты приветствовали эту мошенническое образование. Если послушать их, то инициаторами и руководителями революционного действия являлись лица, которые главным образом от него же и пострадали. Братья Людовика XVI требовали его осуждения; роялисты, погибшие 2 и 3 сентября, были принесены в жертву глубокой политике их друзей, а народный энтузиазм, спасший Францию от нашествия, был делом рук тех лиц, которые сами хотели вторгнуться во Францию! Несомненно, европейская аристократия подготовила немало заговоров против французской революции; но усматривать следы заговоров во всем том, что наносило столь большой вред революции, есть, на мой взгляд, верх нелепости.

Столь основательные доводы не смутили наглости Исполнительной директории. Поднятая к власти путем нарушения прав народа, она помышляла только об их уничтожении, и это гнусное решение заглушало в ней всякое чувство стыда. Она думала, что, упорствуя в клевете, она сумеет задушить истину, и лестила себя надеждой привлечь к себе все классы общества, неустанно изображая своих врагов в самых ужасных красках.

Это вероломное обращение заключало в себе, однако, одну истину, заставлявшую бледнеть от страха злобствующих людей; оно подтверждало существование отважной ассоциации, ставившей себе целью свержение новой конституционной тирании.

Законы против свободы слова и печати

Коррупция и трусость депутатов были в то время столь велики, что среди них не нашлось ни одного, кто осмелился бы взять на себя открыто защиту прав народа. Все члены Совета пятисот, за исключением 12, поспешили принять злополучные законы 27 и 28 жерминаля IV года, которые в тот же день были единогласно санкционированы их достойными коллегами в другом Совете⁸⁸.

Эти акты, недостойные названия законов, являлись покушением на общественную свободу. Согласно им, всякое мирное собрание граждан могло быть разогнано как мятежное сборище; любая дискуссия о преимуществах и неудобствах различных форм правления могла караться смертью; всякое улучшение государственной конституции становилось почти невозможным; наконец, у французов, уже лишенных права обсуждать законы и объединяться в политические общества, отнималось право свободного выражения своего мнения о делах нации.

⁸⁸ С такой же недобросовестностью была притворно приписана роялизму и внешнему врагу идея всех великих мероприятий, благодаря которым был раздавлен королевский режим и побежден внешний враг; людей же, чьи самоотречение и бескорыстие свидетельствуют о высшей преданности делу равенства и свободы, старались превратить в замаскировавшихся роялистов. Этот маневр, первый пример которого дала Жиронда с целью оправдания своего поведения во время суда над королем и своей ненависти к подлинным основателям республики, был после этого усовершенствован политическими евнухами, которые, будучи неспособны на благородные движения, спасающие и обновляющие нации, мстят за ничтожность, на которую они осуждены, умалением великих людей, достоинства которых кажутся им химерическими, при помощи низких интриг, составляющих все их политическую проделку, избавлявшую их от самых страшных их врагов и даже зарождавшую в них тщетную надежду превратить их в своих помощников.

Новое преследование демократов

С этого времени второстепенные агенты тирании удвоили свои наглые выпады против ораторов, писателей и разносчиков литературы демократической партии. Малейшие замечания, самый слабый ропот превращались в подстрекательство к мятежу и постоянно служили предлогом для тюремного заключения лучших граждан; против мирных людей, отправлявшихся в общественные места искать в изливаниях дружбы некоторое утешение в скорби, причиняемой им бедствиями отечества, выставлялась военная сила.

Возмущение друзей свободы

Все искренние друзья свободы были охвачены священным гневом, побудившим их принять решение об оказании сопротивления угнетению; они открыто говорили, что настало время сдержать клятву; *жить свободными или умереть*,

Тайная директория унимает их нетерпение

Но Директория общественного спасения, занимавшая позицию, откуда она могла соразмерить силы своей партии с силами ее врагов, считала, что время для битвы еще не настало. Опасаясь одного из тех плохо согласованных выступлений, которые так способствовали установлению аристократического владычества, и рассматривая свое предприятие как последнее усилие, неудача которого совершенно погубила бы демократию, она не могла решиться дать сигнал к атаке, прежде чем будут разумно координированы все элементы восстания, казавшиеся ей необходимыми для одержания победы.

Хотя имена членов Тайной директории были покрыты спасительным покровом, об их объединении и их деятельности знали все демократы; эта осведомленность, поддерживая в демократах надежду, делала их восприимчивыми к уведомлениям, с которыми к ним обращались через революционных агентов или через посредство «Трибуна народа» и «Разведчика».

Столь длинный ряд превратностей убедил, наконец, всех, что истинная республика может ждать спасения только от содействия и помощи всех ее друзей, питающих доверие к задуманным планам и тайно руководимых небольшой группой лиц, достаточно сильных, чтобы не впасть в отчаяние от того, что их дело столько раз подвергалось гонениям и почти уничтожению.

Благодаря этому доверию Тайная директория оказалась в состоянии сдержать преждевременный взрыв, вызванный законами 27 и 28 жерминаля, которые даже самые умеренные люди сравнивали с прежним военным законом. Но в то время как одной рукой она сдерживала опасный взрыв возмущения, она другой спешно собирала воедино все нити, которые должны были привести ее к быстрой развязке и к верной победе. Медлительность, которая могла ободрить ее врагов, расколоть и охладить ее друзей, казалась ей не менее опасной, чем неосторожная стремительность. Решившись как можно скорее спасти свободу или погибнуть вместе с ней, она торопила революционных агентов в их операциях, с удвоенным рвением старалась присоединить к себе армию, в которой она не была еще уверена, и усердно занималась установлением форм восстания и законодательства, которое должно было за ним последовать.

Некоторые мероприятия, связанные с восстанием

Первый вопрос, естественно подлежавший обсуждению, касался способа низложения незаконной власти и лишения ее членов возможности предпринять что-либо против равенства. Единодушное намерение Тайной директории состояло в достижении этой двойной цели великим примером справедливости, способным запугать изменников и внушить уважение к тем, кого народ облечет в будущем своим доверием.

Члены обоих Советов и члены Исполнительной директории были явно повинны в таких преступлениях, как возмутительная измена и явная узурпация. Обагранные кровью лучших граждан, они отняли у народа его суверенитет и пожертвовали большинством нации во имя притязаний кучки ненасытных и честолюбивых богачей. Суровое наказание было необходимо, но вслед за днем справедливого и спасительного террора, который оставил бы после себя лишь воспоминание о законном и слишком запоздалом взрыве, должны были последовать снисходительность и забвение.

Большинство парижан, недовольных, встревоженных, неимущих, обращали свои взоры к прошлому и жалели о временах, предшествовавших 9 термидора; для свержения тиранов они нуждались лишь в руководстве неустрашимых республиканцев, в свою очередь ждавших сигнала от наших заговорщиков.

При таком положении вещей участникам заговора стало ясно, как важно вырвать массу трудящихся из-под влияния существующего правительства и поставить их под исключительное влияние демократов. Поэтому они постановили, что в день восстания все связи, существующие между правительством и гражданами, должны быть порваны, что народ встанет под знамена, которые Тайная директория вручит избранным ею лицам, и что отдача приказа от имени тиранической власти или его исполнение явится в этот день преступлением против нации, караемым немедленно смертной казнью.

Акт о восстании

Для внесения порядка в подготавливавшееся великое движение Тайная директория считала необходимым открыто объявить себя его вождем и в качестве такового указать народу, какие требования он должен предъявить, по какому пути следовать, какие препятствия преодолеть и какие козни расстроить.

С этой целью она после длительного и серьезного обсуждения приняла знаменитый «Акт о восстании», обнародование которого должно было послужить сигналом к новой революции^{*}.

Помимо распоряжений, относившихся непосредственно к ниспровержению тирании, этот акт содержал в себе зародыши ряда законодательных мер, предназначавшихся для того, чтобы доказать народу пользу намерений Тайной директории и законность ее начинаний. Этими мерами были следующие: раздача защитникам отечества и беднякам имущества эмигрантов, заговорщиков и врагов народа; немедленное вселение бедняков в дома заговорщиков против отечества; безвозмездный возврат принадлежащих народу вещей, заложенных в ломбарде; взятие народом под свое покровительство детей, отцов, матерей, братьев, сестер и других лиц, находившихся на иждивении граждан, погибших во время восстания.

Раздача имуществ, предписывавшаяся Актом о восстании, вела к строю общности

Было бы неправильно рассматривать обещание широкой раздачи имуществ как нечто противоречащее духу строя общности, которого хотели достигнуть. Главное было — одержать победу, и Тайная директория, которая обдуманно приняла свой Акт о восстании, понимала, что для достижения успеха ей не следует проявлять ни чрезмерной осторожности, что могло обескуражить ее подлинных друзей, ни слишком большой стремительности, что чрезмерно увеличило бы число ее врагов.

Обещанием раздачи имуществ Директория привлекала внимание и поддерживала надежду в рабочем классе, не вызывая неудовольствия тех, кто, ненавидя новую аристократию, не любил тем не менее и фактического равенства. Раздача имуществ не означала дробления земельной собственности, ибо подлинным имуществом является не земля, а приносимые ею плоды; поэтому распределением плодов обещание было бы целиком выполнено, и именно это — как увидим ниже — намеревалась сделать Тайная директория.

Собрание парижского народа вслед за уничтожением тирании

Тотчас после уничтожения тирании парижский народ должен был быть созван на генеральное собрание на площадь Революции. Здесь Тайная директория должна была отчитаться перед ним в своих действиях, показать ему, что все бедствия, на которые он жаловался, были следствием неравенства, напомнить о преимуществах, которые он вправе ожидать от конституции 1793 г., и призвать его одобрить Акт о восстании. Затем восставшему народу было бы предложено немедленно создать временное правительство и возложить на него завершение революции и управление до начала деятельности народных учреждений.

Новое Национальное собрание

Чтобы заручиться от победившего народа постановлением, соответствующим его подлинным интересам. Директория полагала поставить на его голосование имена демократов, которых она считала наиболее достойными столь высокого доверия. Новое Собрание должно было поклясться перед лицом неба, что оно обязуется посвятить себя делу всеобщего блага и верно исполнять приказы, которые предполагалось предписать ему следующим декретом.

^{*} См. Документы, № 15.

Декрет, который надлежало предложить на утверждение восставшему парижскому народу

«Парижский народ, свергнув тиранию и пользуясь правами, полученными им от природы, признает и объявляет французскому народу:

что неравенство в распределении собственности и труда является неиссякаемым источником порабощения и общественных бедствий;

что всеобщий труд является существенным условием общественного договора;

что обладание всей собственностью Франции принадлежит по существу французскому народу, который один только и может устанавливать ее и вносить изменения в ее распределение;

он повелевает Национальному собранию, созданному им в интересах и от имени всех французов, усовершенствовать конституцию 1793 г., подготовить ее быстрое исполнение и при помощи разумных учреждений, основанных на вышепризнанных истинах, обеспечить французской республике неизменное равенство, свободу и счастье;

он предписывает названному Собранию не позднее чем через год отчитаться перед нацией в исполнении настоящего декрета;

он обязуется, наконец, внушать уважение к декретам этого Собрания, которые будут наводиться в соответствии с вышеназванными предписаниями, и карать как изменников тех из его членов, которые уклонятся от предписываемых им обязанностей».

Мы увидим в дальнейшем, какими законами Тайная директория предполагала определить судьбу республики, но прежде проследим ход развития заговора, так как важно знать все его детали.

Восстание полицейского легиона

Между тем как наша Директория обстоятельно обдумывала втайне все детали своего великого начинания, результаты ее внушений начинали сказываться в воинских частях, расквартированных в Париже и в его окрестностях, особенно в полицейском легионе⁸⁹ и среди гренадеров, охранявших Законодательное собрание.

Ничто так не тревожило правительство, как этот дух оппозиции, многочисленные симптомы которого уже были заметны среди военных; тем самым на его глазах исчезал единственный оплот, который оно рассчитывало противопоставить народному гневу. Поэтому, исчерпав в отношении полицейского легиона средства соблазна, оно было вынуждено отдать приказ о выводе из Парижа двух наиболее непокорных батальонов этой воинской части, которая, согласно своему уставу, должна была нести службу только в Париже. За этим приказом, подписанным 9 флореаля, последовали прямое неповиновение, непосредственным результатом чего явилось возросшее волнение в народе; казалось, что близок момент, когда можно будет разделаться с тиранией.

Тайная директория хотя прямо и не вызывала сопротивления легионеров, но непрерывно распространявшимися ею положениями способствовала тому, что такое сопротивление вспыхнуло. Она также полагала, что близок момент успеха, и хотя еще не имела в своем распоряжении всех необходимых сведений, решила бы дать сигнал к восстанию, если бы у нее была уверенность, что в полицейском легионе она найдет достаточную силу, для того чтобы дать отпор первым ударам правительства и таким образом увеличить доверие народа.

Все было пущено в ход для создания этой точки опоры, и на миг явилась надежда, что восстание распространится и на всю внутреннюю армию. Революционные агенты частью рассеялись по войскам, частью держались наготове, чтобы вызвать движение в народе; быстро организованный в полицейском легионе комитет уже вошел через посредство Жермена в сношения с Тайной директорией; воззвание легиона к народу и ответ, составленный от имени народа** участниками заговора, указывали добрым парижанам задачу, которую им предстояло выполнить; демократы были во всеоружии; все начало уже приходить в движение, когда вследствие неожиданного изъявления покорности восставшими батальонами пришлось приостановить движение из опасения нанести отечеству непоправимый удар.

* Так называлась армия, которая после 9 термидора была расположена лагерем вокруг Парижа, чтобы внушить страх друзьям свободы.

** См. Документы, № 16.

Роспуск полицейского легиона

Декрет о роспуске задушил восстание в самом зародыше. Довольно значительное число легионеров подчинилось ему с радостью; это давало возможность убедиться в том, что для многих легионеров страх перед отправкой на границы был действительным мотивом сопротивления, которое республикански настроенные солдаты слишком легковерно приписали благородному патриотизму.

Легионеры укрываются у патриотов

Но каковы бы ни были, — быть может, и неустановленные — причины этого неповиновения, демократы извлекли из него то преимущество, что могли располагать, благодаря расквартированию их у себя, не только хорошо настроенными легионерами, но и почти всеми, кто подчинился правительственным приказам. Из этой многочисленной массы беглецов сформировалась воинская часть, которую Тайная директория рассчитывала поставить в авангарде повстанческой армии. Это наделавшее шум событие удвоило нетерпение народа, все возрастающая горячность которого служила для Тайной директории предупреждением о том, что дальнейшее промедление с развязкой заговора крайне опасно. Следовало ожидать частичных, явно бесплодных выступлений, а с другой стороны, казалась неизбежной утрата некоторого числа легионеров, которые будут арестованы за подстрекательство своих товарищей к сопротивлению; надо было предупредить ложные шаги и обезоружить тиранов. Эти обстоятельства побудили Тайную директорию ускорить момент восстания. Было 10 флореаля.

Нашим заговорщикам представлялись необходимыми две вещи: осторожность, без чего невозможен никакой успех, и смелость, преодолевающая никем не предвиденные препятствия. Они руководствовались первой и считали своим постоянным долгом вторую. Желая ускорить развязку, рассчитывая на энергию демократов, которые приведут в движение парижан, осведомленные о нетерпении народа, в достаточной мере успокоенные насчет настроения войск и имея в своем распоряжении дезертировавших легионеров, они хотели наилучшим образом расположить свои силы и именно для достижения этого считали необходимым окружить себя гражданами, соединявшими с любовью к демократии опытность в военных делах. 11 флореаля днем Тайная директория вызвала к себе Фиона, Жермена, Россиньоля⁹⁰, Массара и Гризеля — все они были офицерами либо генералами. Гризель был туда допущен потому, что он — как полагали — пользовался влиянием в Гренелльском лагере.

Военно-политическое заседание 11 флореаля IV года

На этом собрании присутствовали Бабеф, Буонарроти, Бидон [Дебон], Дарте, Марешаль, Эридди [Дидье] и пятеро вышеназванных военных^{***}. Тайная директория прежде всего ознакомила последних с целью своей деятельности, с тем, что уже было достигнуто и что еще оставалось сделать; затем она познакомила их с Актом о восстании, который они одобрили, и в заключение призвала их принять участие в обсуждении совместно с ней вопроса о средствах, которые должны быть предприняты для обеспечения торжества народа.

Было решено, что Тайная директория, сохраняя за собой замысел всех мероприятий верховное руководство движением, поручает военному комитету подготовку наступления и обороны и передает ему относящиеся к этому сведения и планы.

Вышеуказанные пятеро военных были названы членами этого нового комитета, первое заседание которого было назначено на следующий день у Эри [Рейс] на улице Монблан.

На этом общем собрании, о котором мы поведем речь, Жермен показал себя пламенным демократом. Массар не изменил чертам характера, проявленным им у Амара, Гризель превосходно играл роль республиканца, Фион и Россиньоля, приветствуя намерения Тайной директории, высказывали вместе с тем сожаление по поводу отсутствия некоторых *монтаньяров*, бывших членов Конвента.

Через несколько часов после этого собрания убежище Бабефа и заседания Тайной директории были перенесены в предместье Монмартр, в дом Урекля [Лекёра], где укрывался также редактор «Разведчика народа», который, зная уже отчасти о заговоре, принимал в то время некоторое участие в связанной с ним работе.

^{***} Созывая это собрание. Тайная директория нарушала статью III постановления о ее создании, и эта ошибка, не будь которой Гризель не знал бы вождей заговора, явилась главной причиной гибели их планов,

Военный комитет

Жермен был единственным лицом, через которое новый комитет сносился с Тайной директорией. Этот комитет, перенесенный несколько дней спустя из дома Эри [Рейс] к Крекселю [Клере] близ Хлебного Рынка, быстро ознакомился с доверенным ему делом и 15-го числа доложил Тайной директории о результатах своего рассмотрения.

Предложение о содействии роялистов начинанию демократов

Среди многочисленных предложений, полученных со всех сторон участниками заговора, два предложения обратили на себя их особое внимание.

Одно склоняло их к тому, чтобы при низвержении правительства прибегнуть к прямому содействию враждебным правительству роялистов, которые были бы затем обмануты в своих надеждах, когда им сообщили бы о подлинной цели восстания. Это предложение было отвергнуто, так как считали крайне опасным дать вначале оружие в руки тех, против кого вскоре придется бороться, и так как сознавали, что достаточно будет одного присутствия роялистов среди восставших, чтобы обескуражить республиканцев и уничтожить в них доверие к мероприятиям Тайной директории****.

Предложение заколоть членов Исполнительной директории

В другом предложении два офицера из полицейского легиона***** вызвались заколоть в ту же ночь членов Исполнительной директории; один из них с отрядом солдат-патриотов находился в ее охране. Они просили дать им в помощь отряд демократов и таким образом начать восстание; чтобы облегчить выполнение их проекта, они сообщили пароль. Это предложение было также отвергнуто из тех соображений, что не следует предпринимать никаких попыток до того момента, когда одновременное действие всех мероприятий сделает победу почти несомненной.

В сущности, главные приготовления были уже сделаны; выработка законодательства подвигалась с каждым днем; активные патриоты были известны и сгруппированы; Акт о восстании и указатели (guidons), около которых должен был собираться народ, были напечатаны и розданы агентам; нетерпение народа достигло крайнего предела.

Но помимо того, что военный комитет не высказался еще по поводу способов повсеместного и одновременного осуществления великого народного выступления, у Тайной директории не было еще необходимых денежных средств, чтобы обеспечить существование нескольких весьма полезных для дела, но лишенных состояния людей; она не могла также обеспечить себя порохом, которым крайне важно было снабдить повстанцев.

Участники заговора презирали деньги. Крайний недостаток в деньгах являлся, быть может, самой характерной чертой нашего заговора; пристрастие к богатству считалось участниками заговора преступлением, и Тайная директория старалась добывать сборами среди патриотов лишь необходимое для печатания ее сочинений и для содержания неимущих патриотов, услугами которых она пользовалась. Между тем такие средства были необходимы как для подкупа некоторых агентов тирании, так и для предоставления демократам возможности привлечь и образумить сбитых с толку солдат. Были предприняты некоторые шаги для получения средств, но самая крупная сумма, которую имела в своем распоряжении Тайная директория, составляла 240 франков звонкой монетой, присланных посланником одной союзной республики. Эта сумма была захвачена полицейскими агентами, проникшими 21 флореаля в помещение, где происходили собрания участников заговора.

Как трудно творить добро одними лишь средствами, признанными разумом! Как дорого стоит строгому республиканцу отступить от обязанностей, диктуемых разумом, и пользоваться людьми, не признающими этих обязанностей — и все это только для того, чтобы не допустить провала своих попыток и не быть свидетелем новых бедствий! Таково было тяжелое положение, в котором находились члены Тайной директории со времени создания военного комитета.

Россиньоль и Фион настаивают на введении монтаньяров в состав Тайной директории

Жермен вскоре заметил, что Россиньоль и Фион неискренне соглашались с образом действий Тайной директории. Сильно привязанные к депутатам-монтаньярам, они с огорчением смотрели на то, что монтаньяры не вошли в состав Тайной директории. Скоро эта мысль всецело завладела ими, что дало повод усомниться в их преданности в случае, если их идея не встретит одобрения.

**** См. Документы, № 17.

***** Пеш и Стев.

Монтаньяры, о которых идет здесь речь, были осужденными после 9 термидора членами Конвента; они, как мы видели, объединились в комитет с целью восстановления конституции 1793 г., и Тайная директория считала необходимым пресечь их деятельность.

В глазах Фиона и Россиньоля мотивы, по которым эти монтаньяры были отстранены, не имели никакого веса; личные привязанности брали у них верх над политическими соображениями, и они, казалось, были убеждены, что появление этих бывших законодателей произведет магическое действие, сгладит разногласия среди республиканцев, поведет быстрее пропаганду восстания и преодолет всякое сопротивление в провинции.

Многие граждане разделяли это мнение, и если бы даже Фион и Россиньоль не имели подражателей, то предупредительность, которая была проявлена по отношению к ним, и услуги, которых от них ожидали благодаря влиянию, которое главным образом Россиньоль имел на жителей Антуанского предместья, вынуждали Тайную директорию чрезвычайно внимательно отнестись к их мнению.

Монтаньяры намереваются завладеть восстанием

Между тем нашей Директории сообщили, что комитет монтаньяров, к которому присоединился Робер Ленде⁹¹, отнюдь не упускал из виду цели, ради которой он сформировался, и рассчитывал осуществить ее при помощи подготовленного демократами движения, которым он надеялся завладеть, вводя своих членов в среду повстанцев и изобразив их в глазах народа как его единственных представителей.

Друз связан с участниками заговора

С другой стороны, Друз, известный своей преданностью и мужеством, знал о планах Бабефа, был близко связан с Дарте и также желал революции в пользу равенства. Тайная директория рассчитывала сделать его популярность рычагом восстания. Но Друз не был безучастен к деятельности его бывших коллег-монтаньяров и, казалось, склонялся к тому, чтобы слить оба заговора в один общий.

Нерешительность Тайной директории

Наконец, Жермен довел до крайности растерянность Директории. Он проявил большое беспокойство по поводу намерений Фиона и Россиньоля и казался встревоженным препятствиями, возникшими из-за честолюбия монтаньяров, о намерениях которых ему сообщили Рикор и Аллиноже [Лэньело], сделавшие ему одновременно прямое предложение объединиться. Он не сомневался в том, что они связаны с двумя вышеназванными членами военного комитета.

Бедон [Дебон], всегда принимавший активное участие в деятельности Тайной директории, не мог хладнокровно выслушивать предложение о допуске к участию в ней монтаньяров, которых он считал виновниками бедствий, обрушившихся на Францию. «Оскверните ли вы, — воскликнул он, — ваше благородное начинание, призвав к славному делу спасения свободы людей, которые погубили эту свободу вследствие властолюбия, тщеславия, зависти и невежества? Разве не среди них находятся люди, погубившие 9 термидора самых стойких защитников отечества, вернувшие аристократии утраченную ею власть и возродившие надежды у роялистов? Можете ли вы забыть, что они первые натравили контрреволюционеров на друзей равенства? Будьте осторожны! Не предоставляйте им ни малейшего влияния — они используют его для обмана и раскола республиканцев. Будете ли вы говорить с уважением о Робеспьере и тех, которые вместе с ним пали жертвой, — они щедро наделят вас эпитетами *непримиримых, кровопийц, диктаторов, сателлитов тирании*; отдадите ли вы дань уважения добродетели, морали, святости — они назовут вас *фанатиками, умеренными, софистами*; дадите ли вы народу разумные советы — они будут утверждать, что они одни способны все предвидеть и всем руководить... С ними вы будете иметь лишь оппозицию и раздоры. Вам скажут, что они лишь заблудшие; я полагаю, что они сами никогда с этим не согласятся; пусть их простят, пусть забудут об их проступках, но пусть их заставят навсегда умолкнуть, ибо невозможно идти совместно с ними по стезе правды и справедливости».

Бедону [Дебону] представлялась столь очевидной невозможность каким бы то ни было образом побудить этих монтаньяров содействовать восстановлению дела народа, что он склонялся к мысли о предпочтительности полного бездействия предлагаемому союзу. Эта мысль об отказе от заговора не понравилась Тайной директории, и один из ее членов был ею настолько поражен, что, выйдя из себя, обвинил *Бедона* [Дебона] в малодушии. Последовавшая за этим ссора была вскоре улажена, но породившая ее точка зрения глубоко врезалась в сознание участников заговора; более чем когда-либо они почувствовали, какая осторожность от них требуется, чтобы не пожертвовать лучшими демократами без всякой пользы для народа и даже в ущерб ему.

Никто не скрывал от себя, что союз с монтаньярами приведет к такому положению вещей, которое окажется менее благоприятным для преобразования, чем это имелось в виду; но дерзость монтаньяров и в особенности взгляды Фиона и Россиньоля казались препятствиями, способными затормозить движение заговора.

Участникам заговора то и дело приходили на ум ошибки монтаньяров и вызванные ими ужасные бедствия, и им было ясно, что нельзя ожидать от произвольных решений этих бывших членов Конвента столь желанного установления нерушимого равенства.

Продолжать оставаться в заговоре, отказавшись от равенства, значило бы признать свою непоследовательность и честолюбие;

порвать нити заговора в момент, когда все предвещало ему скорый успех, значило бы стать преступниками в глазах патриотов и будущих поколений; следовательно, надо было настойчиво держаться первоначальных решений и извлечь из обстоятельств наибольшую пользу для народного дела.

Тайная директория постановляет объединиться с монтаньярами

После долгих и горячих прений Тайная директория согласилась с предложением об объединении и одновременно решила принять большие предосторожности, чтобы сдерживать честолюбие монтаньяров и заставить их содействовать выполнению ее намерений.

Согласно объяснениям, данным одновременно с согласием на такое объединение, Тайная директория брала на себя восстановление Национального конвента, имея в виду ту часть этого органа, которая рассматривалась Амаром как единственно законная и все еще существующая по праву. Если бы это было осуществлено без всяких изменений, то Франция оказалась бы отданной на произвол людей, которым предъявлялись такие серьезные обвинения. Во избежание столь большого несчастья Тайная директория решила, что созыв Конвента будет иметь место в зависимости от того, примут ли предварительно монтаньяры:

Условия объединения

1. Ввести дополнительно в состав Национального конвента, состоящего исключительно из депутатов, подвергшихся проскрипции, по одному демократу от департамента, назначенному восставшим народом по представлению Тайной директории.

2. Обеспечить выполнение без ограничений и незамедлительно положений статьи 18 Акта о восстании.

3. Подчиняться декретам, которые будут изданы парижским народом в день восстания.

Как только это решение было принято, Жермен получил разрешение привести на следующий день одного из членов комитета монтаньяров в Тайную директорию, немедленно переведенную на квартиру Тиссо, на улице Гран-Трюандри, где и раньше происходили некоторые ее заседания.

Посланец от комитета монтаньяров представляется Тайной директории

Утром 15 флореаля Жермен привел в Тайную директорию Рикора, посланного комитетом монтаньяров. Он был встречен речью, в которой его ознакомили с положением дел, с мотивами, заставившими отбросить всякую мысль об объединении с его доверителями, как и с мотивами, побудившими затем пойти на такое объединение. Депутату монтаньяров дали ознакомиться с Актом о восстании, и тотчас началось обсуждение изменений в пункте, касавшемся временной власти, которую необходимо было создать. Было легко достигнуто соглашение о том, чтобы призвать к верховной власти членов Национального конвента, подвергшихся проскрипции, но в то же время их посланцу дали понять, что в случае, если монтаньяры не дадут неопровержимых гарантий их народолюбивых намерений, всякие переговоры с ними будут прекращены. С ним говорили не церемонясь и без уверток и заявили об отсутствии доверия к тем, кто его уполномочил; им предъявлялись тяжкие упреки.

Рикор не был в состоянии оправдать всех своих товарищей, в числе которых, как он говорил, были и такие, которые не заслуживали порицания народа. Ему были изложены три вышеприведенных условия, к которым заодно были присоединены следующие:

1. Приостановка действия всех законов и постановлений, изданных после 9 термидора II года.

2. Изгнание всех вернувшихся эмигрантов.

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

* См. Документы, № 18.

Отказ монтаньяров

Рикор согласился на все при условии, если это утвердят его коллеги; на другой день он явился с сообщением об их отказе.

По мысли комитета монтаньяров, непосредственным и единственным следствием восстания должен был явиться возврат к власти около 60 членов Конвента, подвергшихся проскрипции, на которых следовало слепо полагаться при всех последующих мероприятиях.

Присоединение к монтаньярам по одному демократу от департамента было отвергнуто ими как покушение на народный суверенитет, единственными носителями которого они себя считали. Приказы, которые должны были быть предписаны им повстанцами, являлись в их глазах покушением на права французского

народа, поскольку им одним надлежало его представлять; они соглашались передать народу квартиры и имущество, обещанные ему Актом о восстании, однако они понимали под этим тактическую уступку чувству великодушия, а вовсе не исполнение приказа или признание права; наконец, они предлагали членам Тайной директории ввести их в состав Исполнительного комитета, который они намеревались учредить.

Ответ Тайной директории

Несомненно, приятно будет прочесть ответ, который был дан посланцу *монтаньяров*. Он гласил:

«Содействуя временному восстановлению части Конвента, мы имеем в виду лишь служение народу. Единственной наградой, к которой мы стремимся, явится для нас полное торжество равенства. Не щадя своей жизни, мы будем бороться за возврат народу всей полноты его прав, но нам непонятно, как можно претендовать на великодушие по отношению к верховному повелителю. Если вы действительно хотите работать совместно с нами на пользу того великого начинания, которым мы заняты, не делайте таких предложений, которые бросают тень подозрения на ваши намерения.

Многие из твоих коллег обманули доверие народа, но мы были бы несравненно более, чем они, достойны порицания, если бы согласились снова принести народ в жертву их страстям и их слабостям. Непостижимо, чтобы для восстановления суверенитета народа надо было употребить средства, погубившие этот суверенитет. Нация, безусловно, вручает право на принятие необходимых временных мер именно тем лицам, от которых она ожидает свержения тирании.

Мы желаем уничтожения одного деспотического правительства не для того, чтобы заменить его другим, не менее деспотическим. Прощать ошибки похвально, но было бы безумием снова поверить судьбу отечества тем, чьи ошибки его погубили.

Лучше погибнуть от руки возмущенных нашим бездействием патриотов, которые смогут обвинить нас в трусости и измене, либо от руки правительства, которое узнает, наконец, о наших попытках, чем снова отдать народ на произвол тех, кто 9 термидора погубил лучших его друзей и после этого трусливо позволил подвергнуть проскрипции республиканцев и разрушить демократическое здание».

Уходя, Рикор заявил, что сообщит Тайной директории окончательное решение своих доверителей.

Тревога патриотов

В то время как все это происходило между Тайной директорией и комитетом монтаньяров, зловещие слухи вызывали тревогу у патриотов и обескураживали их. Главные участники заговора подвергались подозрениям и клевете, и затишье, последовавшее за столь сильным возбуждением, рассматривалось всеми как предвестник новых бедствий. Эти зловещие предчувствия постепенно дошли до слуха революционных агентов, которым было поручено сдерживать преждевременные порывы, чтобы выиграть время для координации действий; самих агентов это начинало смущать, и они дали знать Тайной директории, что дальнейшее промедление лишит ее доверия наиболее решительных людей, готовых взять в руки оружие.

Чтобы рассеять всякую тревогу. Директория решила изложить агентам, в каком положении она оказалась и какие препятствия мешают ей двигаться вперед. Но предназначенные для них циркуляры не были еще написаны, когда Тайной директории стало известно, что монтаньяры готовы принять ее предложения.

** См. Документы, № 19.

Объединение Тайной директории с комитетом монтаньяров

В самом деле, вечером 18 флореаля Дарте доложил Тайной директории, что на собрании комитета монтаньяров, на котором он присутствовал, после бурных прений согласились на присоединение по одному демократу от департамента, на благоприятные для неимущего класса мероприятия и на приведение в исполнение декрета, который предполагалось испросить у восставшего парижского населения. В то же время он рассказал, что возражения, о которых говорил Рикор, были удачно опровергнуты Амаром и главным образом Робером Ленде, который считал правильным недоверие Тайной директории и долго говорил о необходимости придать революции истинно народный характер, без чего она — по его словам — является лишь игрой партий. Это известие было тотчас сообщено агентам, и с тех пор все помыслы были устремлены только к тому, чтобы ускорить развязку заговора.

О некоторых вопросах, относившихся к восстанию

Во время переговоров, происходивших между комитетом монтаньяров и Тайной директорией, сношения Директории с военным комитетом были весьма часты. Они пришли к соглашению о том, что восстание произойдет днем;

что генералы поведут народ против его врагов, повинувшись приказам Тайной директории;

что повстанцы будут разбиты по округам и подразделены та секции;

что во главе округов будут стоять начальники, а во главе секций — помощники начальников;

что будет прекращено всякое повиновение существующим властям, а всякое такое повиновение — караться немедленно смертью.

Чтобы лучше сговориться, чтобы установить между главными действующими лицами полное доверие и согласовать все предстоящие меры с принципом только что заключенного союза, на вечер 19-го было назначено общее собрание Директории и обоих комитетов на квартире у Друэ, неподалеку от площади Пик.

Предательство Гризеля

Рядом со столькими мужественными защитниками прав человечества находился гнусный лицемер, который с целью погубить дело, которому они себя посвятили, коварно заимствовал у них их принципы и их язык: этим бесчестным человеком был Жорж Гризель.

С намерением ли проложить себе путь к богатству, всякой надежды на которое его лишали известные ему планы участников заговора, с целью ли оказать прямую услугу тирании, Гризель постарался снискать к себе доверие демократов. Побудив Дарте передать ему инструкцию, предназначавшуюся для военных агентов, он пустил в ход все средства, чтобы сохранить составленное о нем благоприятное мнение. Допущенный затем на одно из заседаний Тайной директории и назначенный членом военного комитета, Гризель выказал себя там самым крайним и нетерпеливым демократом. Он хотел все знать и одним ударом избавить тиранию от всех друзей равенства и открыть ей все замыслы демократии .

Гризель доносит о существовании заговора ^{viii}

Узнав, наконец, главных участников заговора и ознакомившись с частью их плана, он 15 флореаля донес на них правительству, которому обещал выдать их вместе с документами заговора ⁹².

К этому вероломному поступку Гризель с тех пор ежедневно присовокуплял новые измены; усердно работая в военном комитете, он торопил своих доверчивых коллег, устранял затруднения, подсказывал новые мероприятия и никогда не забывал поддерживать мужество окружающих преувеличенным изображением преданности Гренелльского лагеря демократии.

Согласно сведениям, полученным от Гризеля, был разослан приказ схватить участников заговора 18-го во время собрания на квартире у Рикора; однако там никого не нашли. Тогда были приняты новые меры к тому, чтобы на следующий день вечером окружить квартиру Друэ, где, согласно имевшимся у предателя сведениям, должны были собраться участники заговора.

^{***} См. письма Гризеля к Повстанческой директории (Документы, № 20 и 21).

^{viii} И.Эренбург. Заговор Равных.

Собрание участников заговора на квартире у Друэ

Это собрание, действительно, состоялось с 8 час. 30 мн. до 10 час. 45 мин. На нем присутствовали Бабеф, Буонарроти, Дарте, *Эридди* [Дидье], Фион, Массар, Россиньоль, Робер Ленде, Друэ, Рикор, *Аллиноже* [Лэньело] и Жавог. Гризель также отправился туда. Предатель! Он явился, чтобы предать *тирании* своих товарищей, он дожидался там их палачей, а сам обнимал их, приветствовал и, не краснея, расточал уверения в самой искренней дружбе.

Участники заговора, собравшиеся на квартире у Друэ, чувствовали себя в полнейшей безопасности; пылкость их чувств и святость их дела отгоняли всякое недоверие; уверения и словоохотливость Гризеля устраняли от него всякое подозрение.

Доклад Тайной директории

Тайная директория устами одного из своих членов изложила мотивы, побудившие ее стать центром действий демократов против новой тирании. «Вспомните ваши клятвы,—говорил оратор участникам заговора, — вспомните бедствия, вызванные забвением принципов, которые вы клялись скрепить своей кровью. Настало время сдержать ваши обязательства; надо вступить в борьбу. Торжество благороднейшего дела, свобода французского народа, доверие, оказываемое им вам, ярость его врагов и ваша собственная безопасность настоятельно вменяют вам это и обязанность. Никогда не было более законного заговора, дело идет не о том, чтобы выбрать новых повелителей; никто из нас не стремится к богатству или власти; предатели заставляют нас взяться за оружие; только во имя права на существование, во имя свободы и счастья наших сограждан тайно собранная нами армия освободителей ждет лишь нашего сигнала, чтобы обрушиться на горстку тиранов, угнетающих народ.

Всё до сих пор было в оцепенении. После бесплодной победы 13 вандемьера аристократия не встречала никаких препятствий; большое число демократов, утративших веру в завоевание свободы, пошли на мировую с гнусными олигархами, упившимися кровью ваших друзей.

Наш призыв возродил надежду, вновь появилась былая энергия; благодаря неумолимому рвению стольких мужественных республиканцев, теряющий терпение народ уже во всеуслышание требует сигнала к битве.

Нам известны все достойные люди; бесчестные трепещут. В назначенный вами день оружие, которое тирания напрасно старается у вас отнять, окажется в руках наших братьев. Вы пожелали, чтобы подготовляемая нами революция была завершена и чтобы народу не приходилось больше довольствоваться отвлеченной свободой и смехотворным равенством. Фактическое и законное равенство — вот то великое свойство, которым должно отличаться ваше возвышенное начинание от всех предшествовавших ему.

Все трудности преодолены; любовь к отечеству объединила нас. Условия, подписанные людьми, представлявшими прежде нацию, и единодушно принятые положения Акта о восстании возвестят народу и гарантируют ему правоту и полезность его восстания.

Время не терпит; нетерпение народа достигло крайнего предела; не станем же дальнейшим промедлением рисковать тем, что упустим случай, который, быть может, нам не представится больше.

Мы просим вас:

Добавить к принятым нами мерам те меры, которые вы сочтете необходимыми.

Назначить время восстания.

Мы либо погибнем в бою, либо завершим столь долгую и кровавую революцию победой и равенством».

Робер Лендэ показал правоту восстания, оправдал созыв Конвента и долго настаивал на необходимости придать предстоящей революции, путем осуществления строжайшего равенства, особо ей свойственный, абсолютно народный характер.

«Что касается меня, — заявил Гризель, — то я ручаюсь вам за моих храбрых товарищей из Гренелльского лагеря; и чтобы показать вам, как близко я принимаю к сердцу торжество святого равенства, я вам скажу, что нашел способ вырвать у моего дяди-аристократа сумму в 10 тысяч ливров, предназначенную мною для приобретения питания восставшим солдатам».

Новое присоединение монтаньяров

Новый Акт о восстании был вторично утвержден членами Конвента, которые обещали отправиться в день восстания со своими коллегами к указанному Тайной директорией месту для установления Конвента и искренне содействовать осуществлению утвержденных мероприятий, а также декретов, которые будут провозглашены восставшим народом.

Доклад военного комитета

Массар от имени военного комитета дал отчет об основах плана атаки, казавшегося ему наиболее отвечающим целям Тайной директории. По мнению комитета, 12 округов Парижа, объединенных в три дивизии, должны были направиться под предводительством такого же количества генералов к Законодательному собранию, к Исполнительной директории и к генеральному штабу внутренней армии. Первые отряды должны были быть сформированы из наиболее пылких демократов. Общее нетерпение было так велико, что казалось вполне возможным поднять по призыву революционных агентов и деятельных друзей равенства все трудовое население. Массар добавил, что для того, чтобы высказаться относительно срока восстания, комитету необходимы некоторые новые разъяснения относительно численности демократов и способностей некоторых из них, как и о местах хранения оружия и снаряжения, которыми необходимо завладеть в начале действия. Собрание постановило:

Постановление собрания

«Тайная директория должна ускорить развязку заговора; она должна снабдить своих агентов инструкциями, соответственно с планом военного комитета; она должна собраться через два дня, чтобы заслушать окончательный отчет о положении дел и назначить день для выступления».

Полиция осаждает квартиру Друэ

Собрание едва успело разойтись, как в квартиру Друэ насильственно и противозаконно^{****} ворвался министр полиции в сопровождении отряда пехоты и кавалерии. Он надеялся застичь здесь участников заговора, но застал только Друэ и Дарте, арестовать которых он считал неблагоприятным. Таким образом, плохо задуманные или плохо отданный приказ привел к временной неудаче черных замыслов стоявшей у власти тирании.

Гризель успокаивает участников заговора

Однако это событие, вместо того чтобы внушить участникам заговора недоверие, только увеличило их беспечность. Гризель, сумевший убедить их в своей искренности, рассеял их тревогу, уговорил их, что всякие новые предосторожности излишни.

Сначала Тайная директория приписала угрожающую ей опасность измене, и при расследовании, которое она поспешила произвести, чтобы обнаружить виновника, она на миг остановила свои подозрения на одном из самых искренних друзей народного дела. На собрании, происходившем у Друэ, не было Жермена, и это отсутствие, на которое он был осужден вследствие начавшихся уже против него преследований, бросило на него некоторую тень, но память о его нравственности, его поведении, о принесенных им жертвах и о его искренности вскоре рассеяла это подозрение. Всякие дальнейшие подозрения отпали в результате рассуждения, подсказанного Дарте самим Гризелем. Если бы, говорил он, среди участников заговора был предатель, то он одновременно привел бы полицию и к Друэ, где мы находились вчера вечером, и в то место, где мы собирались псе 11-го числа, так как там хранятся документы заговора^{*****}. Так как этого не было, то отсюда следует, что измены нет и что поведение полиции является лишь следствием возникших у нее подозрений, как и чрезвычайной бдительности, которая ей свойственна. Этим были рассеяны все тревоги, и Тайная директория сочла ненужным принять какие-либо меры предосторожности, благодаря которым ей было бы так легко избежать несчастий, вскоре обрушившихся на нее.

Собрание агентов на квартире у Массара

Во исполнение предписаний Тайной директории 20-го вечером состоялось новое собрание, в котором участвовали Дарте, Эридди [Дидье], Жермен, Фион, Массар, Россиньоль, Гризель и все окружные агенты. Цель этого собрания, состоявшегося у Массара, заключалась в том, чтобы посоветоваться с каждым из этих граждан, известных своей опытностью, относительно наиболее пригодных способов одновременного начала восстания, как и относительно обеспечения его успеха. Нужно было также узнать у каждого революционного агента, каковы в точности его людские ресурсы, запасы оружия и снаряжения и *НАСКОЛЬКО* велика преданность.

**** Конституция в то время запрещала ночные обыски.

***** Гризель впоследствии заявил перед судом, что он не мог вспомнить место, где 11-го числа происходило собрание.

Предложения агентов

Клод Фике, агент 6-го округа, подал мысль о забаррикадировании Антуанского предместья, чтобы прикрыть расквартированные в Венсенне войска, если они будут настроены благожелательно, или помешать им проникнуть в город, если у них будут дурные намерения.

Пари, агент 7-го округа, изложил план атаки, предложенный генералом, с которым ему было поручено Тайной директорией посоветоваться; он рассказал, каким образом можно легко арестовать Исполнительную директорию, и предложил захватить подземные ходы Люксембургского дворца, которые могут помочь членам Исполнительной директории избежать правосудия.

Казен, агент 3-го округа, предложил обеспечить плавучим мостом сообщение между Сент-Антуанским предместьем и предместьем Марсо и с самого начала завладеть высотами Монмартра, чтобы громить оттуда аристократов, которые осмелятся сопротивляться, как и для того, чтобы соединиться там в случае неудачи.

Сомбо [Бодсон], агент 11-го округа, выразил желание, чтобы восстание произошло в день, когда декадный праздник совпадет с воскресеньем, для того чтобы легче было собрать рабочих, которые еще привязаны к христианским обрядам, как и тех, которые от них отказались. Он предложил воспользоваться помощью женщин и детей, чтобы прорвать ряды солдат и увлечь их на соединение с народом.

Относительно общественного настроения революционные агенты повторили то, что уже сообщали Тайной директории. Они заявили, что нетерпение носит всеобщий характер и достигло крайних пределов и что падение тирании несомненно, если только солдаты не решатся выступить против народа. В этом случае они рассчитывали на численность и мужество демократов и на зрело согласованные военные распоряжения.

Военный комитет требует от агентов новых сведений

Однако сообщенные агентами сведения показались недостаточными военному комитету, который хотел иметь более точные сведения, а также чтобы были запрошены граждане, которым предстояло сыграть важную роль в восстании, во избежание всяких заблуждений относительно их намерений. Эти новые донесения должны были быть переданы Массару и сообщены им общему собранию, назначенному на утро следующего дня у Дюфура в предместье Пуасоньер.

Между тем как все возраставшее возбуждение предвещало повсеместно близкий взрыв, Тайная директория подсчитывала силы, которые она объединила вокруг себя, взвешивала как ими распорядиться и обдумывала планы, при помощи которых она рассчитывала достигнуть великой цели революции, а именно — равного распределения благ и труда.

Силы демократии

Оглядываясь вокруг, она видела себя во главе армии, состоящей из большого числа пламенных друзей революции, объединенных ее стараниями одной общей целью и горящих нетерпением померяться силами с тиранией;

из лиц, стоявших у власти до 9 термидора;

из парижских артиллеристов, широко известных своими демократическими настроениями; из отставленных от должности офицеров;

из провинциальных патриотов, вызванных ею в Париж, либо прибывших туда, чтобы избежать преследований; из военных, подвергшихся заключению за преданность отечеству или за неповиновение; из гренадеров, охранявших Законодательное собрание, почти из всего полицейского легиона и из всей воинской части Дворца Инвалидов^{*****}.

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

***** Можно без преувеличения считать, что число находившихся в то время в Париже людей, готовых взять на себя инициативу восстания, доходило до 17 тысяч, не считая многочисленного класса рабочих, недовольство и нетерпение которых проявлялось повсюду. Вот перечень, служивший базой для решений Тайной директории:

Недовольство и нетерпение народа

Тайная директория отмечала, кроме того, сильное возбуждение среди солдат, расположенных лагерем вокруг Парижа. До ее слуха доносился также ропот трудовых масс, негодование которых открыто прорывалось на тайных заседаниях, как и на многочисленных собраниях, происходивших ежедневно под открытым небом.

К тому же существовало убеждение, что пыл пролетариев, единственной подлинной опоры равенства, возрастет вдвое, когда они с самого начала восстания увидят осуществление так много раз откладывавшихся мероприятий, которые должны облегчить ил участь. Тайная директория была тем более уверена в силе своей партии, что ее агенты, рисовавшие перед нею возбуждение народа, смело требовали от нее сигнала к бою.

Силы тирании

Наряду с картиной собственных сил Тайная директория имела перед собой картину сил, которые могла противопоставить ей тирания. Директории было известно, что и слабые вооруженные отряды тирании могли стать на пути народного движения; что роялисты, по всей вероятности, встанут на защиту ненавистного им правительства, чтобы не испытать на себе закона равенства, внушавшего им еще большую ненависть; что большинству богачей, державших исключительно в своих руках командование национальной гвардией, тяжело будет видеть победу демократии; что их главари располагали оружием и что государство сможет снабдить им остальных.

Ресурсы народа

Участники заговора, со своей стороны, имели в своем распоряжении оружие и снаряжение, которыми были снабжены гренадеры Законодательного собрания и легионеры; кроме того, они рассчитывали захватить оружие, имевшееся у оружейных мастеров, в центральных пунктах секций, в Тюильри, у фельянов и во Дворце Инвалидов, при помощи наиболее отважных граждан и при сочувствии лиц, которым была поручена охрана оружейных складов. Они, кроме того, рассчитывали на артиллерию преданного им Венсенского лагеря и надеялись, что войска присоединятся к народу, что внезапная вспышка среди массы населения поразит ужасом сторонников тирании и что народ найдет могучего союзника в трусости, столь присущей любимцам фортуны, на которых правительство возлагало свои главные надежды.

Член директории Баррас предлагает участникам заговора свои услуги

Для того ли, чтобы избежать справедливой ненависти народа, для того ли, чтобы оказать содействие участникам заговора или для того, чтобы узнать их имена и погубить их, член Директории Баррас имел 30 жерминаля длительную беседу с уполномоченным Тайной директорией Жерменом; во время беседы Баррас выпытывал у него причины брожения в народе. 20 флореаля вечером он через посредство Россиньоля и Луэля предложил главным участникам заговора либо стать со своим главным штабом во главе восстания, либо сделаться заложниками в Антуанском предместье.

Те, которые хотели бы интерпретировать эти факты в пользу члена Директории Барраса, должны были бы также объяснить, почему он не предупредил о доносе, сделанном в Исполнительную директорию 15 флореаля на лиц, по отношению к которым он 20-го числа внешне засвидетельствовал столько сочувствия и доверия^{*****}.

Отдав себе отчет в силах демократии в Париже, установив взгляды наиболее просвещенных патриотов и заслушав военный комитет, Тайная директория сочла своим долгом наметить способ осуществления восстания с тем, чтобы все усилия были равным образом направлены к единой цели и чтобы предпринятое дело не потерпело крушения из-за недостатка осторожности.

***** Один факт, имевший место после нашего заговора, как будто разъясняет эту тайну. После насильственного пресечения деятельности Тайной директории и заключения в тюрьму многих ее членов остальные демократы взяли себя освободить их из тюрьмы и продолжить их дело. Двое друзей члена Директории Барраса втерлись к ним в доверие и убедили их в том, что Баррас разделяет их желания и хочет на деле содействовать их усилиям⁹³. Именно по их совету и был составлен проект братания между демократами и военными Гренелльского лагеря, вместе с которыми они должны были вслед за тем направиться в Исполнительную директорию, чтобы произвести желаемые перемены. Обещания, данные от имени Барраса его друзьями, розданная ими сумма — около 24 тысяч франков — и уверения некоторых офицеров лагеря побудили в самом деле демократов явиться туда толпой, без оружия, с возгласами «Да здравствует республика!» и с пением патриотических гимнов. Вместо обещанного им братания они нашли там смерть. Кто расставил эти сети? Кто хотел одним ударом уничтожить демократическую партию?

Историческая точность требует, чтобы здесь были приведены пункты, на которые Тайная директория дала свое согласие, не считая изменений, которые могли стать необходимыми в силу обстоятельств.

Приказ о восстании

Уже давно признали, что лучше всего начать восстание с публичного уведомления о нем, сделанного Повстанческой директорией, к которой все должны примкнуть и следовать ее указаниям.

Это уведомление должно было выразиться в обнародовании Акта о восстании, принятого по соглашению с комитетом ^{*****}монтањьяров

В этом Акте, как и в актах, которые должны были появиться во время восстания и после него, Тайная директория именовалась Повстанческим комитетом общественного спасения, чтобы таким образом приблизиться к формам подготовки равенства, существовавшим до 9 термидора, и во избежание всякого сходства с формами, установленными аристократией.

Было принято решение о том, чтобы разбить повстанческую армию на три дивизии. Ими должны были командовать три генерала, подчиненные главнокомандующему, который, в свою очередь, должен был быть подчинен генералам, входившим в состав Повстанческого комитета; каждому дивизионному генералу подчинялись окружные начальники, а им — начальники секций, подразделявшихся на взводы.

Что касается генералов, то Комитет имел в виду Фиона, Жермена, Россиньоля и Массара. Назначенные тем же комитетом начальники и командиры взводов должны были явиться, чтобы построить народ в момент, когда обнародование Акта о восстании, набат, труба и клич друзей свободы призовут его к отвоеванию своих прав.

Весьма важно было, чтобы с каждой секцией были связаны просвещенные демократы, на обязанности которых лежало бы разъяснение народу положений Акта о восстании и показ его справедливости и полезности.

После того как благодаря восстанию, которым рассчитывали полностью охватить трудящиеся классы, была бы таким образом сформирована народная армия, она должна была быть направлена против тирании и противопоставлена силам этой тирании. Колонны войск должны были двинуться к зданиям Законодательного собрания, Исполнительной директории, генерального штаба и к особнякам министров, чтобы поддержать республиканцев, которым поручалось арестовать узурпаторов

Наиболее закаленные и лучше вооруженные секции должны были направиться к складам оружия и боеприпасов, а главным образом к Гренелльскому и Венсенскому лагерям, где имелось не более 8000 человек, которых считали готовыми присоединиться к народу.

Чтобы ускорить это присоединение, предполагалось пустить в ход решительные меры, так же как и язык убеждения. Ораторы должны были напомнить солдатам о преступлениях правительства и об их долге перед отечеством; женщинам надлежало преподнести им венки и прохладительные напитки: ветераны призывали бы их следовать своему примеру. На случай неудачи были приняты меры к заграждению улиц и к тому, чтобы обрушить на войска потоки кипящей воды, смешанной с купоросом, и осыпать их градом камней, черепицы, шифера и кирпичей.

Остальная часть народной армии должна была быть использована для охраны выходов из Парижа, для поддержания связи между различными народными частями, для обеспечения снабжения города продовольствием, недопущения каких бы то ни было антинародных собраний, пресечения переписки аристократии, воспрепятствования ^{*****}всяким попыткам к грабежу и приведения в исполнение приказов повстанческих властей

Непредвиденные обстоятельства, схожие с теми, которые вызвали прериальские бедствия, могли поставить под сомнение успех данного предприятия, если бы не подумали о том, чтобы их предупредить. Среди этих обстоятельств больше всего приходилось опасаться недостатка продовольствия, который помешал бы народу оставаться все необходимое время под ружьем; поэтому Повстанческий комитет подумал о том, какими способами обильно снабдить провизией все те места, где мог собраться народ; главным образом с этой целью он постановил ввести в каждую секцию с самого начала восстания трех членов революционного комитета, действовавшего 9 термидора, и возложить на них срочную передачу повстанцам провизии, в которой те могут нуждаться, предварительно захватив съестные припасы, хранящиеся во всех общественных и частных магазинах, а также немедленное оказание первой помощи, обещанной

***** См. Документы, № 22.

***** Было бы ошибочно смешивать упорядоченное распределение жилищ и одежды с грабежом, несоместимым с каким бы то ни было улучшением, вследствие непоправимых потерь, причиняемых им обществу, вызываемых им новых форм неравенства, сохраняемой и увеличиваемой им развращенностью нравов, как и вследствие затруднений, чинимых им принятию хороших законов. Равенство должно быть восстановлено исключительно законодательным путем.

неимущим.

Обеспечение неимущих жилищем и одеждой

Чтобы дать народу осязаемое представление о новой революции и укрепить в нем рвение, Повстанческий комитет намеревался обнародовать во время восстания два постановления, в силу которых бедняки безотлагательно получали одежду за счет республики и в тот же день вселялись в дома богачей; последним были бы оставлены только самые необходимые им жилые помещения

Наказание изменников

Следует сообщить, как представлял себе Повстанческий комитет суд народа, которому он хотел предать главных преступников, а именно членов обоих Советов, как и членов Исполнительной директории. Преступление было налицо, карой должна была быть смертная казнь — необходим был великий пример.

Было, однако, желательно, чтобы этот пример носил печать строгого правосудия и глубокого сознания общественного блага. Решено было, что восставший народ заслушает подробное сообщение о преступлениях каждого из обвиняемых, жертвой которых он явился, и что он будет призван не подвергать преследованию тех из обвиняемых, которым можно будет простить их политические ошибки вследствие извинительности заблуждения, простоты и демократичности их образа жизни, либо вследствие выдающейся услуги, оказанной ими во время восстания делу равенства. В Повстанческом комитете существовали и такие взгляды, согласно которым осужденные должны были быть погребены под развалинами своих дворцов, обломки которых напоминали бы самым отдаленным поколениям о справедливой каре, понесенной врагами равенства.

Обо всех наступательных и оборонительных мероприятиях должны были быть даны указания окружным агентам и генералам, которых комитет собирался назначить

Удачно завершённое восстание с необходимостью должно было привести к новому порядку вещей; благоразумие требовало, чтобы были заранее установлены некоторые его основы с целью подготовки наиболее необходимых мероприятий. Повстанческий комитет сделал это предметом своих размышлений.

Мы видели, каким образом Повстанческий комитет до своего объединения с монтаньярами рассчитывал установить при помощи восставшего народа новую власть и правила ее поведения; к переменам, ставшим необходимыми в силу этого объединения, присоединились еще и другие, вызванные недоверием, порожденным двусмысленными действиями монтаньяров.

Восторжествовать над тиранией было бы нетрудно, если бы существовала уверенность в том, что она будет заменена руководителями, воодушевленными самой чистой любовью к равенству. Нужны были люди, чьи доктрины, склонности и весь образ жизни находились бы в полной гармонии с духом учреждений, которые они были призваны создать.

В этом случае Повстанческий комитет был уверен, что воодушевлявший его дух будет полностью воспринят новым Национальным собранием, и именно в этом заключалась величайшая гарантия ближайшего установления равенства и народной конституции, которую он мог дать народу.

Двусмысленное поведение монтаньяров вынуждает к новым мерам предосторожности

Но как только было решено вновь призвать часть Конвента, Повстанческий комитет счел своим долгом оградить народ от промахов новой власти. Его упреки по адресу монтаньяров в достаточной мере свидетельствуют, что он был далек от того, чтобы питать к ним полное доверие.

Недавнее поведение этих членов Конвента прибавило к прежним мотивам недоверия новые. Комитет был поражен ухищрениями, с помощью которых они старались отдалить предложенное пополнение, высокомерием, которое они вносили в обсуждения, и аристократической надменностью, с какой они называли восстановление народа в его правах безосновательной уступкой.

Комитет был к тому же осведомлен, что они втайне прибегали к маневрам, чтобы обойти условия, относительно которых договорились, и обеспечить сосредоточение верховной власти в республике исключительно в руках монтаньяров. Комитет же был до такой степени убежден, что они не могут творить добро, что считал непростительным преступлением малейшее движение,

***** См. Документы, № 23.

***** См. Документы, № 24.

***** Там же, № 25.

которое передаст в их руки власть и приведет лишь к замене одного вида тирании другим.

Комитет, стало быть, думал о том, какими способами заставить вновь призванных членов Конвента сдерживать свои обещания и не чинить препятствий установлению действенного и прочного равенства. Именно при помощи народа участники заговора надеялись сокрушить тиранию; благодаря воздействию истины они получили поддержку народа; с помощью истины, как и при помощи народа, они и решили расстроить новые козни.

Распоряжения, касавшиеся восстания, должны были получить санкцию народа

Невзирая на предписания Акта о восстании, в силу которых часть членов Национального конвента вновь призывалась к несению власти, Комитет хотел, чтобы эта часть Конвента была восстановлена ясно выраженной волей восставшего народа, чтобы обусловленное пополнение было им торжественно декретировано и чтобы народ сам назвал депутатов, которых следует ввести дополнительно. Комитет, кроме того, хотел, чтобы тот же народ предписал должностным лицам, находившимся 9 термидора на службе, немедленно вновь занять свои должности; чтобы он утвердив все распоряжения о восстании, предписал быстрое исполнение постановлений Комитета, касающихся обеспечения неимущих жилищем и одеждой, и сам установил новый Конвент вслед за провозглашением великого декрета, о котором мы говорили выше ^{*****}.

С этой целью Повстанческий комитет поручил своим агентам приложить все старания к тому, чтобы тотчас после сокрушения тирании собрать всю массу граждан у того места, где будут происходить его заседания. Здесь Комитет должен был отчитаться перед народом во всем, что им сделано, чтобы сломить новое иго, навязанное нации, и испросить у него декреты, которые он считает необходимыми для блага республики. Была составлена речь, которую должен был произнести по этому выдающемуся случаю один из членов Комитета; она должна была быть скоро представлена на обсуждение ^{*****}.

Дискуссия относительно участия Повстанческого комитета в новой власти

Один весьма щекотливый вопрос подвергся обстоятельному обсуждению в Повстанческом комитете. Речь шла о том, чтобы определить, какое участие должны будут принять его члены в отправлении новой власти. Комитет намеревался говорить с народом без недомолвок и уверток и воздать его суверенитету дань величайшего уважения. Если бы Комитет нашел необходимым для полного успеха восстания временно принять на себя всю полноту национальной власти, он, не колеблясь, испросил бы ее. Но так как всякое подобие такого установления было заранее отвергнуто, то оставалось лишь рассмотреть, подобало ли склонять восставший народ к тому, чтобы учредить немногочисленный орган, который подсказывал бы законодательные мероприятия новому Конвенту, декреты которого народ будет приводить в исполнение, или, если это было более полезно, предоставить эту важную заботу Конвенту.

Каково бы ни было решение Повстанческого комитета, необходимо было еще ответить на вопрос, не требуется ли для успеха новой революции, чтобы одни лишь его члены вошли в состав органа, о котором идет речь. На этот счет ничего не было постановлено, и я могу лишь сообщить о рассуждениях, в которых Комитет сопоставлял преимущества и неудобства различных проектов, которые могли быть им приняты.

Прежде всего было учтено, что превращение инициативного Повстанческого комитета в постоянно действующую в силу необходимости власть, наделенную широкими полномочиями, навлекло бы на членов Повстанческого комитета подозрения в честолюбии и своекорыстии. Опасались, как бы подобные обвинения вследствие легкости, с какой они приобретают доверие и распространение, не послужили препятствием для деятельности членов Повстанческого комитета и не помешали им осуществить то благо, которое они поставили себе целью; ставился и вопрос о том, не достаточно ли наличия в новом Конвенте участников заговора, их тесного единения и доверия, которым они будут облечены, чтобы сообщить законам дух всего начинания и возвести на высшие должности граждан, достойных нести власть.

С другой стороны. Повстанческий комитет видел мало людей, в которых чистота принципов соединялась бы с мужеством, твердостью и умом, необходимыми для осуществления этих принципов. Он понимал, до какой степени опасно было отнять заботу о завершении дела у тех, кто имел смелость его начать, и опасался двуличия некоторых лиц, с которыми ему предстояло вступить в соперничество. После долгих колебаний наши заговорщики почти решились испросить у народа декрет, который вверял бы законодательную инициативу и исполнение законов исключительно им одним.

***** См. стр.242—243.

***** См. Документы, № 26.

Немало проектов осталось незавершенными, немало работ было прервано изменой, предавшей мести аристократов тех, кто в силу обстоятельств был поставлен во главе демократической партии. Рассказ об их заговоре мог бы здесь и окончиться, если бы не было необходимости для ознакомления со всеми их намерениями пролить некоторый свет на их представление о том, в каком положении оказалась бы нация непосредственно после восстания, на конечную цель, которой они добивались, и на средства, которые они рассчитывали применить для ее достижения.

Обзор положения Парижа после восстания

Среди ужаса, который столь радикальная революция должна была внушить аристократам всех оттенков, и радости, которую столь популярные в народе перемены возбудили бы в многочисленном классе трудящихся и неимущих, возник бы новый Конвент^{*****}, намерением которого было бы прочно утвердить равенство в соответствии с принципами почти всех его членов, как и пожеланиями сплотившегося вокруг него народа.

Наряду с Конвентом Повстанческий комитет, поддерживаемый должностными лицами, назначенными в результате восстания, ведал бы, по крайней мере временно, выполнением предписаний Акта, который должен был привести народ в движение. По его слову огромная масса бедняков Парижа была бы сразу извлечена из своих лачуг и переселена в здоровые и удобные жилища; беднякам была бы роздана одежда и безвозмездно возвращены вещи, заложенные ими в ломбарде.

В то же время был бы установлен тщательный надзор за обеспечением народа продовольствием; на возобновленных собраниях гражданам разъяснялись бы принципы новой революции; многочисленная народная гвардия сдерживала бы злоумышленников и облегчала бы осуществление всех действий, которые были бы признаны необходимыми для упрочнения новой системы.

Невозможно с точностью определить, какие силы необходимо было бы развернуть; участники заговора были намерены любой ценой одержать верх и твердо решили победить или похоронить себя под развалинами отечества. За исключением случаев, когда было бы оказано сопротивление, суровость, которую пришлось бы применить, не шла бы далее наказания главных узурпаторов и ареста опасных людей, список которых был заранее составлен по предписанию Повстанческого комитета.

К подготовительным мероприятиям, признанным необходимыми для сокрушения здания, сооруженного новой аристократией, следовало присовокупить мероприятия, которые казались наиболее пригодными для распространения парижской революции на всю республику и для установления в ней учреждений равенства и народного суверенитета.

Провинция

Повстанческий комитет с самого начала своего существования занимался провинцией и армией. Он повсюду распространял все написанное им; повсюду демократам были известны его планы, и они готовы были им содействовать. У одного из членов Комитета была обширная переписка, в которой указывались местности, где демократы были сильны, а также люди, внушавшие наибольшее доверие. Со всех сторон поступали сведения о том, что революционеры отказываются от разделявших их оттенков во взглядах и единодушно присоединяются к партии подлинного равенства.

Что касается армии, то Комитету было известно, насколько трудно было комиссарам Конвента подавить в ней после 9 термидора то, что они называли *духом анархии и неповиновения*; ему было также небызвестно, что Конституция III года вызывала ропот в целых армиях; он был осведомлен и о том, что солдаты с трудом переносят командование офицеров, восстановленных в должности после 9 термидора, и что среди начальствующего состава армии, часть которого находилась в сношениях с ним, был ряд лиц, все еще сильно привязанных к принципам демократии^{*****}; кроме того, он имел основание рассчитывать на содействие некоторых членов Конвента, направленных Исполнительной директорией в армии республики⁹⁴.

К тому же было вполне вероятно, что пример Парижа даст народу всей Франции импульс, который знание истины сделало бы непреодолимым. С целью распространения среди солдат этого знания, на котором Повстанческий комитет и основывал главным образом свои надежды, к ним должны были направить комиссаров и обратиться к ним с прокламациями^{*****}, сходными с теми, при посредстве которых готовились сообщить французскому народу весть о его искуплении.

***** В состав которого должно было войти около 170 депутатов.

***** Они не были еще запятнаны добычей, захваченной в Италии, Швейцарии, Египте, Германии и Испании.

***** С духом этих прокламации можно ознакомиться по прокламации, напечатанной в разделе «Документы» за № 27.

Законодательство равенства и законы переходного характера

Размышляя над способами сокрушения тирании, Комитет непрестанно занимался также окончательным законодательством равенства, как и законодательством, при посредстве которого рассчитывали постепенно достигнуть этого равенства. К этой важной отрасли его работ относились докладные записки и проекты, которые в момент, когда была захвачена часть документов заговора, находились у одного из членов Комитета, в таком месте, которое полиция не сумела обнаружить. К несчастью, почти все эти документы были уничтожены вследствие смертельного страха, охватившего умы, и я могу воспользоваться лишь несколькими фрагментами, сданными на хранение в другое место. При помощи этих обрывков, а также воспоминаний, сохранившихся у ряда лиц о событиях и дискуссиях, свидетелями которых они являлись, я попытаюсь дать приблизительное, но вместе с тем, насколько это для меня возможно, верное представление о цели и намерениях участников заговора. Прежде всего я изложу сущность гражданского и политического строя, к которому они хотели привести постепенно французов; далее я сообщу о некоторых учреждениях переходного характера, при посредстве которых они рассчитывали подготовить к этому строю французов и привести их к нему.

Вся собственность имеет одного владельца: она принадлежит народу

Из декрета, который Повстанческий комитет хотел испросить у парижского народа, должен был проистечь новый общественный строй. Судя по его смыслу, в нем прежде всего признавалось, что частная собственность отнюдь не имеет своим происхождением естественный закон, а изобретена гражданским законом и так же, как и гражданский закон, может быть видоизменена либо отменена. Далее в нем выставлялось в качестве принципа положение о том, что вся собственность, сосредоточенная на национальной территории, едина, она неизменно принадлежит народу, только он вправе распределять пользование ею и ее плодами.

Провозглашение этих истин было бы, конечно, весьма приятно народной массе, страдания и порабощение которой издавна являются неизбежным следствием противоположной системы. Но оно явилось бы лишь жестокой насмешкой, если бы не были приложены упорные усилия к тому, чтобы оно имело полезные для человечества практические результаты.

Из признания того, что право регулировать в общих интересах распределение собственности и создающий ее труд принадлежит обществу и что из неравномерности этого распределения, словно из неиссякаемого источника, проистекают все бедствия, тяготеющие над нациями, следует, что общество должно принять меры к безвозвратному уничтожению этого неравенства.

Остается решить вопрос, следует ли искать исцеления от этих бедствий в видоизменениях права собственности или в его полном упразднении.

Мы видели в ходе данной работы, по каким мотивам участники заговора решились принять в качестве конечной цели их начинания упразднение частной собственности и каким образом они рассчитывали достигнуть этого установлением общности имущества и труда, являющейся единственным средством навсегда устранить причину всякого неравенства и искоренить все проистекающие из него предрассудки и бедствия. Наученные уроками и примерами великих людей древности, как и периода революции, и поощряемые настроениями, еще недавно проявившимися во Франции, они возымели намерение дать французам иные нравы и превратить их в народ, страстно любящий свое отечество и его законы, счастливый у себя в стране, пользующийся любовью, уважением и вызывающий подражание за ее пределами.

Право каждого человека на счастливое существование; одинаковая для всех обязанность трудиться

В условиях этого социального строя исчезнут частные богатства, и право собственности будет заменено правом каждого индивида на такое же счастливое существование, каким пользуются все другие члены общественного организма, гарантией этого священного права, которое стало бы принципом для всех учреждений, явилась бы вменяемая каждому члену общества обязанность взять на себя часть труда, необходимого для того, чтобы обеспечить содержание, процветание и сохранение общества — обязанность, которая в силу естественного закона, давшего всем одинаковое право на счастье, является одинаковой для всех.

Сельское хозяйство и ремесла первой необходимости

Основными и важнейшими занятиями граждан должны — быть те, которые обеспечивают им придыхание, одежду, жилище и предметом которых являются сельское хозяйство и ремесла, служащие для обработки земли, постройки зданий, производства мебели и выделки тканей. И так как не все земли в равной мере пригодны для выращивания одних и тех же сельскохозяйственных культур, то одна из главных забот общественной администрации должна состоять в том, чтобы установить для каждого кантона те виды производства, которые наиболее соответствуют характеру почвы и климата и наиболее благоприятствуют достижению изобилия и равенства.

Распределение граждан

Подобно тому, как не все земли способны с одинаковым плодородием производить все виды пропитания, так и люди неспособны с пользой заниматься несколькими видами труда. Для того чтобы общество извлекало из равного и умеренного труда каждого из его членов всю пользу, которую оно должно ждать от него, и чтобы привычка к труду уменьшала его тяжесть, необходимо, чтобы занятия были различны, чтобы у каждого была своя профессия и чтобы, например, люди, плавящие металл, не были обязаны обрабатывать дерево, ткать материю и т.д. Отсюда при системе общности разбить граждан на несколько разрядов, каждому из которых закон предназначает особый вид труда в соответствии с потребностями нации согласно высшему принципу равенства.

Оно начинается с общего воспитания

Это распределение начинается в общественных воспитательных домах, речь о которых будет ниже. В этих домах по распоряжению должностных лиц, на которых возложено руководство ими, выполняются все виды работ, предписываемые законом. К каждому из них прикрепляется пропорциональное потребностям количество учеников, сообразно с их силами и склонностями.

Изобилие — цель всеобщего труда

Великая цель этой всеобщей деятельности, уклониться от которой не вправе никто, кроме тех, кто вследствие старости или недуга нетрудоспособен, состоит в том, чтобы в изобилии снабдить всех всем необходимым и доставить им развлечения, не осужденные общественными нравами. Развлечения, не распространяемые на всех, должны быть строжайшим образом запрещены.

Труд — функция, регулируемая законом

В условиях строя, о котором идет речь, работы, необходимые для существования народа и для его развлечения, представляют собой функцию, распорядок которой предписывается законом с тем, чтобы они никогда не вырождались в утомительный труд, не причиняли ни малейшего страдания, никогда не загружали одного гражданина больше, чем другого, и чтобы всех призывали и побуждали к труду привычка, любовь к отечеству, привлекательность удовольствия и одобрение со стороны общественного мнения.

Таким образом, в то время как большинство занималось бы вспашкой, севом, жатвой, засыпкой в амбары, одни строили бы и чинили жилые дома, общественные здания, дороги, порты, каналы; другие занимались бы разведением и содержанием скота, иные производили бы пряжу, шерсть, кожу, изготовляли мебель, кареты, суда, либо занимались бы обработкой металлов и т.д.

Длительность обязательных работ устанавливалась бы законом. Щадя слабых, он путем поощрения со стороны общественного мнения и похвалы должностных лиц, побуждал бы к большей активности наиболее крепких. Таким образом, все в равной мере обязаны были бы трудиться сообразно своим силам и тяжести возложенного на них труда.

Облегчение тяжелых работ

Опасаясь, как бы разнообразие работ не создало для некоторых групп чрезмерный труд, считали: 1) что следовало бы призвать науки к облегчению человеческого труда путем изобретения новых машин и усовершенствования старых^{*}; 2) что хорошо было бы нагружать всех трудоспособных граждан поочередно наиболее обременительными занятиями, которые, как надеялись, будут постепенно терять свой неприятный характер, благодаря здоровому воспитанию и

^{*} Только при системе общности применение машин явится подлинным благом для человечества, тяготы которого эти машины сократят, увеличивая при этом изобилие необходимых и приятных предметов. В настоящее же время машины, вытесняя большую массу ручного труда, лишают хлеба множество людей и служат интересам немногих алчных спекулянтов, прибыль которых они увеличивают.

при помощи механизации и химии.

Быть может, следовало бы разделять работы первой необходимости на *легкие* и *тяжелые* и обязать каждого гражданина выполнять одну работу одного порядка и одну другого. Быть может, было бы также правильно установить другое деление граждан, — по возрасту, для того чтобы соразмерить тяжесть труда с ростом и убыванием физических сил; ибо в этом отношении равенство должно соизмеряться не столько с интенсивностью труда, сколько с трудоспособностью работающего.

Беспристрастное распределение труда между всеми, сведение занятий лишь к таким, которые необходимы для всеобщего благосостояния, более правильное применение животных и усовершенствование орудий и машин привели бы к двоякого рода последствиям, весьма благоприятным для счастья человечества:

1) к применению с пользой всех земель и к увеличению числа подлинно необходимых предметов; 2) к уничтожению праздности и тем самым к значительному облегчению труда каждого человека в отдельности.

Равенство в пользовании благами

Поскольку все будут в равной мере способствовать обработке земли и ее оплодотворению, то, безусловно, справедливо, чтобы все в равной мере пользовались ее благами, с которыми природа связывает сохранение и благополучие человеческого рода.

Для того чтобы ничье пристрастие не нарушало общественного спокойствия, необходимо, чтобы все произведения земли и промышленности хранились в общественных складах, откуда они будут отпускаться для равного их распределения между гражданами под надзором ответственных за это должностных лиц.

Если бы устроенное таким образом общество было ограничено небольшой территорией коммуны или округа, то его управление отличалось бы крайней простотой^{**}, ибо население данной территории имело бы право лишь на предметы, которые производились бы на ней. Но в обширной республике из нескольких миллионов человек, обеспечивающих ее силу и долговременное существование, право собственности на богатства каждой из ее частей принадлежит всему народу, и население каждой отдельной части имеет одинаковое право на потребление предметов продовольствия и пользование прочей продукцией всех других частей республики; местности, располагающие излишками, обязаны снабжать те, которые нуждаются в необходимом. Отсюда при управлении обществом, населяющим обширное пространство, возникает известная сложность, приводящая в крайнее затруднение тех, кто относится к этому поверхностно. По существу же все это лишь дело простого вычисления, поддающееся самому точному упорядочению и самому правильному регулированию, при котором благодаря созданию названных учреждений продовольствие перестало бы быть предметом алчности и не приходилось бы больше опасаться потерь, неизменно причиняемых при современном строе взяточничеством начальников и хищениями подчиненных.

Преимущества строя общности

в применении к стране, занимающей обширное пространство

Впрочем, чем большая территория охвачена строем общности, тем большая гарантия существует для каждой из ее частей от всякого рода нехваток. С другой стороны, из этого широкого и частого общения людей и связи вещей необходимо должно возникнуть ощущение счастья, братства и преданности, столь общее и сильное, что никакая человеческая сила — надо полагать — не сможет вторгнуться в страну, уничтожить в ней учреждения равенства, как только они будут прочно установлены.

Равное распределение богатств

Такая многочисленная ассоциация людей, рассеянных по столь обширной территории, требует иного рода функций, без которых братский союз, крепко сплавляющий все части республики, был бы нарушен, и излишек одного округа оказался бы бесполезным для него и не приносил бы пользы другим. Эти функции состоят в перевозке произведений земли и

^{**} При наличии раздела общенациональной земельной собственности на столько частичных владений, сколько на ней имеется населения, каждое из них могло бы себя обеспечить только путем обмена своих излишков на предметы, в которых оно нуждается; те же, которые по причине бесплодия почвы либо непогоды, оказались бы без излишков, испытывали бы невзгоды голода. Таким путем исчезли бы всеобщее братство и широкая взаимопомощь, которую хотели установить, и эгоистический суетный дух торгашества, который вскоре получил бы преобладание в отношениях всех этих сообществ (*communautes*), не замедлил бы пробудить в сердцах граждан былую алчность.

промышленности из мест, где они превышают потребности, в места, где в них ощущается недостаток. Функции эти двоякие:

1) верховное управление соразмеряет все, чем располагает страна, с потребностями каждой из ее частей и указывает предметы, подлежащие перевозке, места, откуда их следует взять, как и места, откуда их надо перевезти;

2) подчиненные агенты следят за перевозкой и осуществляют ее.

Мы скоро увидим, какими средствами верховная администрация нашей республики могла бы легко способствовать непрерывному общению между всеми частями; здесь мы ограничимся замечанием о том, что при таком порядке вещей население неплодородных районов, крайне тяжелый труд которого всегда приносит ему лишь крайнюю нищету, нашло бы частичное облегчение от своих невзгод и смогло бы воспользоваться частью богатств более плодородных земель.

Что касается перевозки, то Повстанческий комитет полагал, что общество должно рассматривать ее не только как необходимый способ снабжения продовольствием, но и как благоприятный случай для каждого отдельного человека подтвердить свою любовь к отечеству путем ознакомления с его красотами, учреждениями и благами равенства, которое должны установить в нем законы. Вследствие этого члены Повстанческого комитета хотели, чтобы все трудоспособные граждане попеременно призывались заняться этим делом, как и к выполнению обязанностей курьера, разносчика приказов и т.д.

Пусть те, кто будет читать эти страницы, помнят о том, что у меня нет перед собой всех документов, в которых участники заговора изложили свои сокровеннейшие мысли. Следовательно, я не смогу описать в деталях все части здания, которое они намеревались построить, и вынужден ограничиться изложением их основных идей и их главных проектов в той мере, в какой я в состоянии это сделать по памяти и с помощью некоторых фрагментов, которые мне удалось получить.

Внешняя торговля

Мы приобрели столь порочные привычки и опрометчиво создали себе столь разнообразные потребности, что придется также — надо полагать — вывозить из других стран некоторые виды сырья, которые во Франции не производятся; по крайней мере придется прибегнуть к этому в отношении тех видов сырья, которые все климаты доставляют искусству врачевания.

Поскольку народ является единственным владельцем всех богатств, ему одному и надлежит вступать в переговоры с иностранцами относительно обмена своего излишка на их излишек. Впрочем, такого рода переговоры должны быть доверены лишь ответственным должностным лицам, дабы не подвергнуться снова бедствиям, которые влечет за собой частная собственность, и не подвергнуть государство новой коррупции. Отсюда следует, что торговыми сношениями с иностранцами должно руководить верховное управление республики .

Право пользования

Из этих разъяснений следует также, что там, где будет установлен строй общности, ни один гражданин никогда не приобретет так называемого права собственности на что бы то ни было; он будет иметь лишь право пользования вещами на основе передачи их ему должностным лицом. При таком экономическом строе собственность**** неизменно остается за республикой, которая может в любое время располагать вещами, не разрушающимися от пользования ими. Установление такого режима максимально обеспечит удовлетворение потребностей благодаря всеобщему труду, как и благодаря весьма ощутительной заинтересованности каждого. Исчезнут основания для алчного стремления к собственности, исчезнет всякий мотив к беспокойству за будущее, будет устранена причина наибольшей части забот и печалей, терзающих сердце цивилизованного человека. Два чувства волнуют людей, живущих своим трудом, либо располагающих незначительным состоянием: боязнь нищеты, следствия старческих недугов, и опасение за участь своих детей. В условиях строя общности эти прискорбные чувства будут незнакомы людям.

*** Общество подвержено коррупции, когда составляющие его элементы разобщены различием и противоположностью интересов. Следовательно, нация развращена, когда в ней существуют люди, притязания которых непримиримы со всеобщим благосостоянием.

**** Иными словами, абсолютная власть или право располагать по своему усмотрению, *jus utendi atque abutendi* (право пользования и владения. — *Ред.*).

Старики и немощные

Обязанность трудиться, вменяемая трудоспособным, связана с правом на счастливое существование, как и с правом на освобождение от труда и на более заботливое отношение к себе, когда немощи или ослабление организма делают труд тягостным либо невозможным; поэтому при строе общности отдых стариков и немощных и облегчение их жизни ставятся в число основных обязанностей общества. Зато республика получала бы от стариков уроки опыта и сделала бы их предметом подражания для молодежи; они предназначались бы стать блюстителями морали и законов, судьями нравов и хранителями добродетели.

Эти установления, надо полагать, вызвали бы к себе столь сильную привязанность граждан, что любовь к отечеству стала бы их преобладающей страстью. При помощи воспитательных мер законодатель мог бы подчинить этому чувству все семейные и родственные привязанности; он мог бы сделать его столь сильным, что поистине братское единение всех французов было бы, вероятно, его счастливым и разительным следствием. Эта мысль была отрадна для наших заговорщиков и составляла существо всех их планов. Мне вспоминается, что во время одной из дискуссий о преимуществах и неудобствах семейных уз было внесено категорическое предложение запретить детям носить имя отца, который не будет отличаться большими добродетелями.

То, что должно было украсить последние дни стариков, укрепляло бы доблесть молодежи, и от этого взаимного блага в соединении со счастливыми результатами общественного воспитания, осуществляемого всецело на средства общества, возросло бы могущество отечества благодаря росту народонаселения, которому не препятствовала бы ни одна моральная причина.

Благоприятные условия для размножения человеческого рода

Все в этом общественном строе благоприятствует размножению человеческого рода. Строй общности устраняет причины, препятствующие более частому сближению полов; он дает неведомый нам душевный покой, укрепляет тело приятной и разнообразной деятельностью, увеличивает общепользную продукцию путем устранения роскоши и праздности.

Превосходство этого установления над установлениями древности

Подобными путями наиболее знаменитые законодатели древности давали своим согражданам возможность вкусить в различной степени свободу и счастье. В особенности Ликург почти достиг конечной цели общества, намеченной природой. Однако применявшееся в древности международное право и, возможно, также несправедливый эгоизм привнесли во все их учреждения бесчеловечный обычай, которым наши заговорщики никогда себя не запятнали бы. Замечательное отличие состояло бы в том, что свобода одних не повлекла бы за собой, как это было в Греции и Риме, рабства других.

Новое распределение населения

С тех пор как неравенство состояний обрекло одних на тяжкий труд, а других на развращающее безделье, в сельских местностях сохранилось мало населения, и оно часто не удовлетворяет потребностей сельского хозяйства, зато постоянно обременено изнурительным трудом. Избыток населения скопляется в городах, чтобы в изнеженности промотать в них произведенные сельскими жителями богатства либо для того, чтобы обеспечить себе легкое существование благодаря наслаждениям, которыми пользуются богачи, как и благодаря усложнению общественного управления.

По мере приближения к равенству в обществе непременно исчезнут эти значительные скопления населения, оказывающие разрушительное действие на нравы и на население. Люди, которых по справедливости следует вернуть к труду, возвратятся туда, где люди им перегружены, чтобы помочь им; люди искусные украсят жизнь тех, кто их кормит, вследствие несложности управления из него будет удалено множество чиновников, отнятых у сельского хозяйства и у полезных ремесл. Сохранение порядка, который будет зависеть от точного исполнения каждым его подлинных обязанностей, станет тогда несовместимо с сутолокой, при которой так легко скрывать свои действия от общественного порицания.

Уменьшение значения больших городов

Не будет больше столицы, как и больших городов^{****}; страна постепенно покроется сельскими поселениями, построенными в наиболее здоровых и удобных местностях, расположенных таким

**** Существование больших городов — если не ошибаюсь — есть симптом общественного недуга и непреклонный предвестник гражданских потрясений. Крупные землевладельцы, крупные капиталисты и богатые негоцианты составляют их ядро, вокруг которого начинает группироваться множество живущих на их счет людей, заботящихся об их потребностях, потворствующих их вкусам, подчиняющихся их капризам и поощряющих их пороки. Чем населеннее город, тем более в нем слуг, выбитых из колеи женщин, изголовавшихся писателей, поэтов, музыкантов, художников, людей острого ума, актеров, танцоров, священников, сводников, воров и разного рода скоморохов.

Постоянный обмен услугами и вознаграждениями за них рождает у одних привычку к власти и командованию, у других — к подчинению и прислужничеству. Пресмыкаясь, последние приобретают нравы, важный вид, спесь и манеры первых и приучаются также выказывать превосходство над теми, кому судьба менее благоприятствует. Те и другие, пренебрегая настоящим счастьем, хотят быть, и в особенности казаться, богатыми, могущественными и пользоваться предпочтением перед другими

Эти роскошные дворцы, обширные парки, богатая меблировка, блестящие экипажи, многочисленные лакеи и шумные салоны, являющиеся, как говорят, украшением больших городов, оказывают пагубное воздействие на душу людей, чьи взоры они привлекают. С одной стороны, они раздувают надменность у тех, кто ими обладает, и располагают их видеть в людях, лишенных всего этого, врагов, которых зависть и нищета беспрестанно толкают на то, чтобы лишить всего этого их обладателей и отомстить им за унижение и нужду, до которых они доведены. С другой стороны, те, которые всего этого лишены, либо развращаются алчным желанием и ненавистью, либо, став гнусными и низкими, становятся опорой честолюбия и тирании. Все это составляет подлинное несчастье как для тех, кто этим пользуется, так и для тех, кто этого жаждет, ибо в то время как одних томят скука и подозрения, других снедает завистливое желание воображаемых благ, которыми обладают более счастливые — как им кажется — смертные.

Люди, которые в больших городах ищут развлечений, роскоши и почестей, могут обходиться без работы и уже взвалили на других часть труда, которую природа возлагает на каждого человека. В таком случае обязанности тех, кто остается на полях, переходят естественные границы, и сельскохозяйственные работы, как и необходимые ремесла, становятся для них более тягостными и мучительными. Зло, все возрастая, доходит до того, что положение земледельца и рабочего мало чем отличается от положения каторжника, становится в конце концов позором, и от него отказываются. Любой крестьянин обращает тогда свои взоры к большому городу и, если только может, мчится туда в поисках богатства, привлекательность которого преувеличивается его воображением. Раз уже совершено безумие и он отправился туда, надо там существовать. Примеры соблазнительны; сутолока укрывает порок от критики; чувства воспаляются; то, что казалось отвратительным, мало-помалу превращается в признак хорошего тона и умелости; деньгам и рукоплесканиям скоро отдается предпочтение перед долгом и добродетелью; посредством изворотливости и лощености становятся лицемерными, лживыми и плутоватыми и, если судьба улыбнется, достигают той высоты, когда кажутся счастливыми, не будучи на деле таковыми, когда становятся объектом стремления для множества неблагоразумных людей, устремляющихся навстречу несчастью, по пути просчетов и иллюзий. Между тем число конкурентов, скопившихся в больших городах в силу привлекательности богатства, наслаждений и легкомысленного образа жизни, до такой степени возрастает, что большинство из них, получающее незначительное жалованье, истощенное излишествами и обремененное детьми, вливается в толпу неимущих, оскорбляющих зрение и удручающих сердце повсюду, где существуют большие города.

Поскольку сельское хозяйство и ремесла первой необходимости являются подлинными кормильцами общества, то люди, естественно, и призваны жить именно там, где ими занимаются, обрабатывать землю или доставлять удобства и отдохновение земледельцам.

Огромные размеры государств, централизация управления, чрезмерные налоги, государственные долги, роскошь обихода и обманчивый блеск дворцов прибавляют к бедствиям, являющимся непосредственными следствиями неравенства, множество других бедствий, неотделимых от этих крупных столиц, в которых женщины, по выражению Жан-Жака, не верят более в честь, а мужчины — в доблесть.

Чем значительнее эти скопления населения, тем большее неравенство состояний и условий существования они предполагают, и так как вместе с неравенством возрастает общественное неблагополучие и недовольство, то там, где имеют место эти скопления, существует больше причин для раздора и потрясений: именно там приходится преодолевать больше препятствий при установлении подлинной свободы.

Обычно жалуются на надувательство священников, на необузданность военщины, двуличие придворных, вероломство шпионов. Выразим гораздо большее недовольство по поводу чудовищного неравенства, делающего все это необходимым. Как можно обольщать себя надеждой на сохранение без обмана и запугивания видимости мира среди этого множества людей, чьи обычаи, учреждения и законы вынуждают завидовать друг другу, ненавидеть и вести борьбу друг с другом?

Простота жилищ

Надо полагать, что под властью высшего закона равенства пышные дворцы уступят место благоприятным для здоровья, удобным и чистым жилищам, расположенным в изящной симметрии, радующим глаз и поддерживающим общественный порядок.

Великолепие общественных зданий

С исчезновением дворцов, исчезнут и хижины; дома будут отличаться простотой, и великолепие архитектуры и искусств, придающих им еще больше блеска, будет сохранено для общественных магазинов, амфитеатров, цирков, водохранилищ, мостов, каналов, площадей, архивов, библиотек и в особенности для мест, отведенных для совещаний должностных лиц и для осуществления народного суверенитета.

Эти столицы, порождаемые неравенством, где куются элементы революций, эти столицы, так много раз служившие орудием тирании, были иной раз также очагами свободы; они могли бы оказать существенную помощь в деле установления подлинного порядка, если бы разумным людям удалось взять в них движение в свои руки, и если бы эти люди сумели затем избавить их от переполнения и пустого тщеславия.

В хорошо устроенном обществе ничто не должно ускользать от пронизательного взора законодателя; в подлинной республике ничто не должно противоречить принципу равенства, составляющему ее цель, связующее начало и силу. Стоит только гражданам вкусить прелести равенства, и все стороны гражданской жизни будут им скоро охвачены.

Мебель и одежда

Те же правила применимы к одежде и мебели. Для блага людей и для поддержания общественного порядка важно, чтобы каждый гражданин встречал обычно в своих соотечественниках равных ему людей, братьев и чтобы он ни с чьей стороны не встречал ни малейшего признака хотя бы видимого превосходства, предшественника господства и рабского подчинения. Равенство и простота не исключают изящества и опрятности; разнообразные цвета и формы могли бы служить отличием для возрастов и занятий, и НИЧТО не помешало бы тому, чтобы гражданин не носил в мастерской тот же костюм, что на собраниях и празднествах, чтобы девушки были одеты не так, как женщины, и чтобы у молодого человека, подростка, старика, должностного лица и воина был у каждого свой особый костюм.

В этом отношении Повстанческий комитет придерживался мнения, что необходимо во всем сообразоваться с тем, что полезно для здоровья и что развивает тело, и ни в чем не сообразоваться с модой и легкомыслием; он хотел также, чтобы французский народ избрал костюм, который отличал бы его от всех других народов.

Благие последствия преобразования

Чтобы должным образом почувствовать полезность такой большой перемены, те, которые будут читать это произведение, должны время от времени вновь обращаться к рассуждению, при помощи которого Комитет доказывал себе справедливость своего предприятия и побуждал себя настаивать на нем. Остановливая взор — заявлял он — лишь на том классе людей, который привлекает внимание публики своим богатством, пустословием, зубоскальством, безделием и заносчивостью и выдает себя за самую здоровую и заслуживающую интереса часть нации, надо признать, что этому классу людей придется испытать немало лишений при переходе к новой жизни социального организма; те ид нас, которые в результате порочного воспитания усвоили пагубные привычки, будут подчас удивлены тем, какому перерождению они подвергнутся. Но если, напротив, принять во внимание усталость, нищету, страдания и поражение, до которого доведены в наиболее значительной своей части наши сограждане, если подумать о том, что для богача не существует ни одного наслаждения, которое не стоило бы им страданий и лишений, то легко убедиться в том, что возврат к равенству предотвращает возобновление бесконечного множества печалей и открывает обширное поле для благословений, возможно, не столь шумно выраженных, но не могущих идти ни в какое сравнение с ропотом кучки развращенных узурпаторов, которых, хотя бы они того или нет, необходимо вернуть к более разумным чувствам во имя их истинного блага и блага всех прочих людей, как и будущих поколений.

Непроизводительные занятия

Труд, необходимый для поддержания общества, равномерно распределенный между всеми работоспособными людьми, является для каждого из них обязанностью, выполнения которой требует закон. Однако в человеческой жизни остается длительный промежуток времени, в течение которого человеком может овладеть дряблость и скука, чему необходимо воспрепятствовать. От разумного и свободного использования этого времени зависит благо граждан и, следовательно, свобода, процветание и длительное существование общества. Укрепить дух, оздоравливая тело, закрыть все пути к коррупции, не прибегая к принуждению, придать привлекательность всем мгновениям жизни, возбудить энтузиазм доблести и сделать отечество единственно приемлемым для его детей местопребыванием — таковы великие результаты, извлечению которых из занятий,

свободно заполняющих этот промежуток времени, способствует подлинно народный законодатель. Напрасны попытки привить вкус к таким занятиям там, где порочные учреждения, делающие любовь к богатству главным двигателем государства, ставят способность к приобретению богатства в разряд почетных достоинств; попытка сочетать такие занятия с духом алчности и плутовства приведет к тому, что эти занятия вскоре вызовут к себе крайнее презрение, и тот, кто во имя их станет пренебрегать своими делами, прослышет глупцом и безусловно поплатится за свои добрые намерения.

Добродетельные нравы

Эти занятия, целью которых является физическое развитие, умственная культура, воспитание молодежи, всеобщее просвещение, умение обращаться с оружием, военные передвижения, почести, воздаваемые божеству, прославление великих людей, общественные игры, украшение празднеств, совершенствование полезных ремесл, изучение законов, управление и народные совещания, отличаются от других занятий тем, что они не являются ни необходимыми для существования людей, ни предписанными в значительной своей части законом. Отдаваться им следует добровольно, без принуждения. Чтобы достигнуть в этом отношении хорошего результата, искусный законодатель привлекает к этим занятиям граждан по их свободному выбору. В данном случае мастерски осуществляемая политика состоит в том, чтобы путем воспитания, примером, рассуждением, при помощи общественного мнения и привлекательностью удовольствия изменить сердце человеческое таким образом, чтобы у него никогда не могло появиться иных желаний, кроме тех, которые способствуют более свободному, счастливому и долговечному существованию общества. Нация, достигшая этой ступени, располагает добрыми нравами; в этом случае самые тяжкие обязанности выполняются с удовольствием; люди свободно подчиняются законам; границы, поставленные естественной независимости, рассматриваются как благодеяния; разумные предложения не встречают сопротивления; внутри политического организма существует единство интересов, воли и действия.

За несколько дней до насильственной ликвидации Повстанческого комитета в нем состоялось продолжительное совещание по поводу этой части новых учреждений, всех подробностей которого я, к великому сожалению, не в состоянии передать. Чтобы выполнить, насколько это от меня зависит, долг, который я на себя возложил, я расскажу обо всем том, следы чего сохранила моя память, не пытаясь заполнить пробелы из опасения, что вместо идей Комитета изложу свои собственные.

Воспитание — источник нравов

Согласно плану участников заговора, образцом нравов являлось общественное воспитание, которое они ставили под непосредственное руководство республики; впоследствии эти нравы должны были упрочиться в обществе, где молодые люди встретились бы с теми же чувствами, взглядами и привычками, которые их приучили любить в первые годы их жизни. Я еще буду говорить об этом воспитании после того, как дополню мысль о здании, вечным фундаментом которого оно должно было явиться.

Работы, не подлежащие распределению

Мы видели, что работы, необходимые для сохранения общества, должны распределяться между различными классами трудящихся. Существуют и другого рода работы, к которым также важно призвать всех граждан для поддержания свободы, — это те работы, целью которых является управление республикой и ее оборона.

Управление государством и оборона отечества — дело всех граждан

Повстанческий комитет полагал, что равенство и свобода могут существовать в обществе лишь постольку, поскольку все граждане участвуют в выработке законов, поскольку на них может быть возложено управление государством и поскольку они всегда готовы носить оружие для защиты территории и закона.

Опасность образования специального класса людей, сведущих в искусстве управления

Если — говорил Комитет — в государстве создастся класс, который один только будет сведущ в принципах социального искусства, в законах и управлении, то этот класс скоро найдет в своем умственном превосходстве и особенно в неосведомленности своих соотечественников секрет того, как создать для себя отличия и привилегии. Путем преувеличения важности оказываемых им услуг ему легко удастся заставить смотреть на себя как на необходимого

отечеству покровителя. Прикрывая свои дерзкие начинания предлогом общественного блага, он все еще будет твердить о свободе и равенстве своим мало проницательным согражданам, уже подверженным тем более жестокому порабощению, что оно будет казаться законным и добровольным.

Отравление законодательной власти доступно всем гражданам

Для государства недостаточно иметь основные законы; эти законы не могут все предвидеть, как и не могут быть применимы во все времена; для поддержания духа учреждений, как и в непредвиденных случаях, часто бывают необходимы новые законы.

К тому же совершенствование своей деятельности на опыте лежит в природе человека, и для полного осуществления конечной цели общества необходимо, чтобы законы последовательно применяли его результаты к общественному управлению.

Раз государству нужна постоянная законодательная власть, раз эта власть, как мы скоро увидим, может и должна принадлежать всему народу, то одна из важнейших обязанностей основателя республики должна, следовательно, заключаться в том, чтобы сделать всех граждан способными к ее отправлению, т. е. дать возможность народу стать действительно сувереном. Компетентные решения народа по общим вопросам не будут противоречить ни равенству, ни счастью в обществе; но эти решения могут быть таковыми лишь постольку, поскольку существует равенство в полном значении этого слова.

Из этой основной обязанности проистекают для всех граждан три рода занятий которые, в силу их важности, требуемого ими внимания и их облагораживающего влияния на умы, придадут прелесть значительной части жизни; эти занятия заключаются в сохранении и распространении принципов социальных учреждений и законов, в обучении в практической деятельности.

В другом месте я буду говорить о ведомствах, на которые будет возложено воспитание и народное просвещение, а также о режиме для молодежи; здесь же ограничусь указанием на то, к чему предназначались молодые люди по их выходе из общественных воспитательных домов, через которые все они должны пройти.

Возраст и дееспособность, необходимые для пользования избирательным правом

Из всех общественных прав нет более важных, чем права, касающиеся создания законов, ибо именно по этим законам общество живет и приводится в движение. За ними следуют функции должностных лиц, на которых возложено обеспечение выполнения суверенной воли. Эти права могут с пользой осуществляться и эти функции в точности исполняться только людьми образованными, опытными и благоразумными; поэтому, согласно плану Повстанческого комитета, законодатель должен указать возраст, начиная с которого приобреталось право участия в осуществлении суверенитета, как и занятия должностей; стоял даже вопрос о том, чтобы запретить пользование гражданскими правами всякому, кто не представит доказательств своей дееспособности. Однако опасение дать этим повод к недопущению на суверенные собрания слишком большого числа граждан склонило Комитет к тому, чтобы отказаться от этого, тем более, что он был уверен, что раз будет установлено подлинное равенство, то исчезнут множественность и противоречивость интересов, и искусство регулирования общественных дел упростится и скоро станет доступным для всех.

Юных французов по выходе их из воспитательных домов не станут неразумно бросать и избирательные собрания. Рассчитывали заставить их в течение некоторого времени присутствовать на этих собраниях, занимая определенные места, без участия в них, чтобы познакомиться с формой и порядком обсуждений и свыкнуться с их серьезностью и чинностью. Было также желательно, чтобы, до приобретения этого высшего права человека в обществе, молодежь посещала собрания, на которых каждому дозволялось бы высказывать свое мнение. На этих собраниях они слушали бы людей, наиболее сведущих в науке о законах, и размышляли бы над книгами, которые рекомендовала бы им республика.

Кроме того, пользоваться правом голосования можно было бы, лишь прожив известное время в сельской местности и побывав на военных занятиях; молодые люди были бы всегда на виду у отечества, которое, не теряя никогда из виду их будущее предназначение, осведомляло бы их постоянно о благодеяниях и законах родины и об их обязанностях.

Права гражданства приобретаются с согласия

Комитет считал крайне порочным обычаем включать в число граждан без обсуждения всех, кто в силу случайности родился в данной стране, и таким образом исходить из того, что гражданами дано согласие, которое должно иметь столь большое влияние на всю их жизнь. Комитет считал, что подчинение законам общества, часть которого составляешь, должно быть определено выраженным результатом просвещенной и свободной воли.

Для этой цели Комитет полагал установить торжественную церемонию, при которой были бы официально констатированы взаимные обязательства общества по отношению к гражданам и граждан по отношению к отечеству.

В определенные дни молодые люди надлежащего возраста, прошедшие предписанные законами стадии гражданского и военного обучения, являлись бы на собрание граждан, чтобы испросить у него внесения их в списки. После обсуждения этого вопроса собранием им были бы разъяснены природа общественного договора, даруемые им права и вменяемые кандидатам обязанности; их попросили бы заявить, согласны ли они составить часть французского общества на условиях, о которых они услышали и с которыми они познакомились в процессе их воспитания. Те, которые ответили бы отказом, были бы навсегда изгнаны из пределов республики; их препроводили бы до границы, снабдив на известное время необходимым для существования.

Что касается остальных, то между ними и народом-сувереном был бы заключен торжественный договор, после чего они получили бы отличительные знаки их нового гражданского состояния. Облаченные должностными лицами в гражданскую одежду, они были бы встречены приветствиями в качестве французских граждан и их имена были бы внесены в книгу записей гражданского состояния, торжественно пронесенную среди народа; затем каждому новому гражданину вручалась бы военная одежда и полное вооружение, на котором было бы выгравировано его имя для того, чтобы опасение обесчестить себя в случае его утраты вселило в него большую отвагу во время сражений и побудило его ценою жизни защищать то, что доверено ему отечеством.

Народные собрания с целью осуществления суверенитета

Каждый гражданин с момента его внесения в книгу записей гражданского состояния и вплоть до смерти призывается обычно на собрания, на которых народу предстоит осуществлять свою верховную власть. Из разъяснений, которые я намереваюсь сделать относительно теорий Повстанческого комитета касающихся формы власти, долженствовавшей стать последним результатом его достижений, видно, что цель этих собраний — обсудить, принять либо отвергнуть законы, предложенные народу его уполномоченными; обсудить законы, испрашиваемые известным числом граждан, либо другими частями народа-суверена; ознакомиться с законами, одобренными всем народом, и опубликовать их.

Образование и деятельность правительства

Такие же разъяснения знакомят также с деятельностью, которая будет иметь место в связи с избранием должностных лиц, их введением в должность и исполнением ими своих функций.

Существенно было сделать эту деятельность приятной и желанной. Наши преобразователи надеялись достигнуть этого воспитанием, тщательно сохраняемым воспоминанием о бесконечных бедствиях, от которых равенство избавило французов, а также уважением и признательностью, которыми законы, обычаи и общественное мнение в конечном счете окружили бы людей, посвятивших себя ведению государственных дел.

Народные собрания — благоприятное условие для отдыха и соревнования

Прилагались бы старания, чтобы украшать места, где происходят эти собрания, всем наиболее привлекательным, что могут дать искусства, величие, порядок и свобода. Если к тому же принять во внимание, что на этих собраниях не будет беспорядка, вызываемого в настоящее время противоречивостью интересов и нередко превращающего эти собрания в толчею; если, кроме того, подумать о том, что ввиду чрезвычайной простоты политического строя все смогут легко оценить полезность этих собраний, то придут к убеждению, что раз установлено подлинное равенство, то эти собрания неизбежно становятся предметом интереса, вдохновения и полезного соревнования.

Каждый гражданин является солдатом

Защита отечества от всегда возможных агрессий чужестранцев — существенная часть мудрости законов; ибо наилучшие внутригосударственные учреждения не смогут предохранить неспособный к ведению войны народ от вторжения неправого, воинственного соседа. Однако если, с одной стороны, оружие полезно республике, то с другой — оно обычно доверяется исключительно одной части граждан, и те, соблазненные добычей или ложной славой, направляют его в угоду честолюбию и тирании против свободы других. Во избежание столь опасного злоупотребления правильно будет раздавать оружие всем гражданам и всех их сделать одинаково способными пользоваться им.

Подобное установление не только предохранит республику от опасности, о которой мы только что говорили, но и даст ей то преимущество, что заставит соседей больше уважать ее и не менее ценное преимущество — приучит граждан к установленному законом повиновению и увеличит их жизненные силы благодаря труду, как и благодаря презрению к боли и смерти.

Воспитание в детях любви к отечеству и к подлинной славе^{ix}

Поэтому, как только дети окрепнут, их будут приучать к военным занятиям. Когда я буду говорить о воспитании в раннем возрасте, я расскажу, каким образом хотели выработать в них твердость и отвагу. Здесь же ограничусь указанием на то, что, по мысли членов Комитета, относящиеся сюда учреждения имели бы своим результатом то, что молодые люди приобщались бы к общественной жизни лишь после того, как они оказались бы подготовленными к соблюдению дисциплины и к походным лишениям, проникнутыми пламенной любовью к отечеству и горячим желанием служить ему.

Молодежь будет постоянно располагаться лагерем на границе^x

Увеличивая оборонную мощь нации, новые учреждения в равной мере внушали бы ей чувства справедливости по отношению к чужеземцам и отвращения к завоеваниям. Народ, занимающийся сельским хозяйством, не пользующийся денежными знаками и живущий без всякой роскоши, народ, граждане которого являются его солдатами, вкушающий сладость равенства, свободы и изобилия, не имеет ни желаний, ни возможности браться за оружие, чтобы угнетать своих соседей или продолжать войну, когда он оказался вовлеченным в нее для самообороны.

Так как, однако, уважение к международному праву не предохраняет его от беспокойных соседей и от посягательств завоевателя, то он должен быть начеку. Его армия, в которую входят все граждане, годные к военной службе, не замедлит покарать дерзких захватчиков. Но не благоразумнее ли остановить их на границе, уберечь страну от опустошений, причиняемых нашествием, и дать время народу взяться за оружие? Поэтому Комитет полагал, что при том состоянии, в каком находилась тогда Европа, необходимо будет, до тех пор пока разум и свобода не достигнут новых успехов, постоянно держать французскую молодежь в лагерях или расквартированной у границ республики.

Прежде чем приступить к главе о военном воспитании, следует бегло остановиться на вопросе о создании национальной армии, ее мощи и передвижениях.

Мы видели, что эта армия должна была состоять из всех французов, способных носить оружие. Законы должны были определить возраст для начала и окончания военной службы.

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

^{ix} Сравните с проектами, выдвигавшимися в годы Революции: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (речи и доклады Талейрана, Мирабо, Кондорсе, Арбогаста, Ромма, Ле Пеллетье, Лаканалья, Сийеса, Ассенфракца, Лавуазье).

^x Сравните: Л.-А. Сен-Жюст, фрагмент Республиканских установлений - об образовании.

Военный распорядок

Все граждане, разбитые на одинаковые по силе воинские части, готовы выступить в поход, как только будет дан клич: «Отечество в опасности!» В военной службе отводится специальное время для выполнения приказаний начальства; начальники назначаются народом на время*. Некоторые члены Повстанческого комитета полагали, что было бы полезно призвать гражданских должностных лиц к занятию высших должностей в армии. Мы вернемся к этому мнению, когда поведем речь о правительстве.

Деятельность, в основе которой лежит военное дело

В мирное время военные учреждения будут стремиться подготовить граждан к труду и к военным действиям, укрепить физическое и моральное состояние людей, открыть народу широкое поприще для развлечений и соревнования.

Будут организованы частые собрания с целью:

включения в списки новых защитников;

избрания и провозглашения начальников;

осуществления военных маневров;

присутствия на упражнениях в беге, верховой езде, плавании и т.д.;

создания крупных военных лагерей;

распределения наград и почестей, присуждаемых за усердие и доблесть.

Легко осуществляемое всенародное ополчение

Военные функции до сих пор приятно заполняют часть времени, остающегося в человеческой жизни свободным от необходимых занятий, распределения и гармонии которых они не нарушают. Но как только наступает война, эти военные функции переходят в разряд работ, существенно необходимых для сохранения общества, потребности которого с этого времени значительно возрастают.

Власть, на которую возложено верховное управление, должна призвать граждан ко всеобщей обороне, а также наметить, соответственно установленным законом правилам, тех граждан, которые должны выступать в поход в том случае, когда нет необходимости в участии всех граждан.

Поскольку списки, оружие, экипировка и военное обучение будут всегда находиться в хорошем состоянии во всех пунктах республики, созыв всенародного ополчения представит не больше трудностей, чем выступление одного полка. Какая нация в состоянии противопоставить своим врагам такую грозную силу?

Однако когда народ в целом или частично берется за оружие и покидает свои очаги, когда производительный труд прерывается либо сокращается, создается нехватка в обычных предметах потребления, если только разумная власть не находит в повседневном ходе общественной жизни средств, предохраняющих против непредвиденных случаев.

* Пожизненность военных чинов является, как мне кажется, одним из наибольших зол для общественной свободы, и именно вследствие этого на развалинах законов вырастает известный деспотизм. Офицеры, некогда добрые граждане, будучи навсегда поставленными над рядовыми солдатами, незаметно отделяют свои интересы от интересов народа; создают себе новые потребности; заслуги, оказанные ими отечеству, служат для них основанием, чтобы завладеть отличиями, богатством и властью; они носят оружие, словно выполняют ремесло, и кончают тем, что создают в государстве аристократическое сословие, которое в угоду своему начальству, которому оно всем обязано, внедряет доктрину слепого повиновения и стремится задушить в своих подчиненных самую память об их правах

В интересах тирании убедить народы в том, что война может вестись успешно только людьми, превратившими ее в свою исключительную профессию; это — заблуждение, опровергаемое опытом. Свободные натуры содержат в себе более могучую силу, чем все правила тактики. Связанный воедино и разумно устроенный народ всегда сумеет в достаточной мере расстроить дерзновенные поползновения своих врагов и найдет старых и достаточно опытных должностных лиц для руководства его военными операциями.

Разве у Спарты были несменяемые офицеры? Разве греки, разгромившие несметную армию Ксеркса, имели во главе постоянных начальников? Разве Рим в лучшие свои времена имел пожизненных командиров? Разве не с армиями крестьян и пастухов швейцарцы, голландцы и американцы изгнали дисциплинированные, приученные к рабской покорности и находившиеся под начальством профессиональных офицеров войска своих угнетателей? Горстка необученных корсиканцев постоянно разбивала дисциплинированных солдат гнуззских аристократов и в течение долгого времени оказывала сопротивление многочисленной и цивилизованной армии французов. Наконец, именно необученным солдатам и их новым начальникам Франция обязана была — в эпоху, когда она большими шагами шла вперед по пути свободы, — чудесами храбрости, благодаря которым была отброшена и разбита солдатня всех владык Европы.

Непредвиденные случаи и меры предусмотрительности

Эти непредвиденные случаи не ограничиваются военными опустошениями и временной приостановкой работ; бывают случаи, которые человеческая предусмотрительность не в состоянии предвидеть и которым она не в состоянии помешать. Таковы наводнения, засуха, град, бесплодие, поражающее в результате частых революций землю, оплодотворяемую человеческой рукой. Вследствие отсутствия удовлетворительных общественных учреждений цветущие края весьма часто подвергаются в результате такого рода событий обезлюдению, и, что гораздо прискорбнее для всякого честного человека, неурожаи приводят к гибели от нищеты класс трудящихся не вследствие действительного недостатка в продовольствии, а по той причине, что для рабочих, спрос на труд которых в это время уменьшается, недоступна диктуемая богачами высокая цена на продовольствие, накопить которое в годы изобилия смогли только они одни.

У народа, устроенного на основе принципа справедливости, блага и бедствия должны быть равномерно распределены между всеми его членами. Недостаток необходимых предметов в тех случаях, когда он имеет место, должен чувствоваться повсюду в равной мере. Однако испытывать лишения должны лишь после того, как исчерпаны все меры предусмотрительности, осуществляемые в условиях обычного плодородия почвы и привычной деятельности населения.

Трудом всех дееспособных граждан, несомненно, создается много больше того, что требуется обществу, так как при строе, ныне господствующем в обществе, существует великое множество праздных людей и столько полезных вещей становятся избыточными. Для предотвращения непредвиденных случаев достаточно лишь собрать и сохранить излишки плодородных лет, почти полностью растрачиваемые в настоящее время путем легкомысленного потребления, потворствующего надменности, тщеславию и извращенным вкусом и делающего нас злыми и несчастными.

Легко получая сведения о размерах производства и потребностях, верховная администрация делает заключение о том, какие распоряжения необходимы для повсеместного обеспечения продовольствием в настоящем и для удовлетворения непредвиденных потребностей в будущем.

В настоящее время точность исчисления является весьма редкой, так как каждый отдельный человек, считая себя тем более гарантированным от бедствий, чем больше накоплений он сделал, старается при помощи ложных заявлений избавить свое имущество от государственных обложений. Но там, где частные владения заменяет единая собственность отечества, и каждый может быть спокоен за будущее, если только республика богата, и распоряжаться плодами общего труда и по справедливости их распределять, то же беспокойство, которое побуждает в настоящее время людей думать только о себе, призывает их к сближению, к слиянию, к взаимопомощи и к правдивому сообщению о своих потребностях и ресурсах. Стоит взвесить — говорил Повстанческий комитет — все обстоятельства, и станет видно, что благоденствия общественного строя почти уничтожены введением частной собственности и что только тогда, когда она исчезнет, каждый почувствует, насколько он заинтересован в благосостоянии всех, кто принадлежит к одному с ним обществу.

Искусство управления, которое столкновение множества противоречивых интересов делает столь трудным, сводится благодаря общности имуществ к вычислению, которое под силу самым неспособным нашим торговцам.

При помощи крупных хранилищ, заполняемых во времена изобилия, республика избежала бы непредвиденных случайностей. При малейшей опасности извне необходимые вооруженному народу съестные припасы были бы из них извлечены и перевезены в пункты его сосредоточения.

При современном строе самое большое затруднение во время подготовки к войне заключается не в том, какое направление следует дать передвижениям вооруженных людей, а в том, как их собрать и содержать.

Если и удастся до некоторой степени преодолеть противодействие, оказываемое вялостью и эгоизмом, то еще многое остается сделать, чтобы собрать денежные средства, которые даются с сожалением, и обеспечить наличие всякого рода продовольствия путем прямых закупок, которые неожиданное вздорожание и неизбежные хищения служащих делают весьма дорогостоящими, либо при помощи закупок через поставщиков, ненасытную и изворотливую алчность которых ничто не может утолить.

Иной раз страх перед иноземным игом, оживляя по крайней мере на некоторое время любовь к отечеству, благоприятствует введению чрезвычайных обложений, однако средства отражения иноземного нападения обеспечиваются лишь путем нанесения пагубного удара сельскому хозяйству и промышленности и создания множества недовольных.

Содержание армии

В политической системе наших заговорщиков все эти трудности исчезают. Поскольку запасы провианта созданы, вооруженные части могут в любой момент двинуться к границам без всякой необходимости урезывать малейшую долю обычных средств существования граждан. Так как их численность остается неизменной, потребление нигде не увеличивается.

Чрезвычайные ресурсы

Однако если бы понадобилось повторять военные кампании, то, поскольку масса необходимого труда и число потребителей не сократились бы, между тем как часть граждан не занималась бы производительным трудом, создался бы в итоге недостаток в продовольствии, дефицит, который мог бы стать причиной бедствий и беспорядков.

Тогда новое применение принципов равенства предоставит новые ресурсы. Поскольку воюющие граждане несут бремя, которое невозможно увеличить, то справедливость требует того, чтобы путем нового распределения общей повинности был увеличен труд тех, кто не носит оружия. Лишних полчаса или час труда в день составят *максимальную* нагрузку, которой при самой злосчастной войне будет обременен народ. Пусть нам укажут — восклицали иной раз участники заговора — такой общественный строй, при котором столь крупные результаты достигались бы более простыми и более легко претворяемыми в действие средствами!

Предохранительные меры против злоупотребления войной

Из того, что организованный таким образом народ легко мог бы развернуть свои силы, было бы неправильно заключить, что народ этот был бы всегда расположен причинять беспокойство своим соседям; напротив, надо полагать, что он сам поставил бы себе за правило избегать поспешности и несправедливости при объявлении войны, как и руководить поведением воинов во время военных действий.

Такой народ, вероятно, будет вести войну только для того, чтобы отразить нашествие, или чтобы поддержать несправедливо угнетаемого соседа; удовлетворенный богатствами плодородной земли и не имея в своей среде ни неимущих, ни плутов, станет ли он пытаться оспаривать у своих соседей предметы производства, которые ему некуда будет девать? Ему, занятому сельским хозяйством, ведущему простой образ жизни, счастливому, привязанному к своим обычаям и законам, будет чужда страсть к грабежу и завоеваниям; его торговые учреждения никогда не будут предрасполагать его к тому, чтобы втягиваться в распри купцов, этой незнакомой ему породы людей.

В Повстанческом комитете считали, что всякая агрессивная война должна быть запрещена законом; закон должен вменить в обязанность армии выжидать на территории республики нападения врага. В Комитете было желание, чтобы с целью предохранения нации от коррупции, которую влечет за собой нажива победителей, была запрещена всякая добыча в индивидуальном порядке и чтобы каждый солдат был обязан доставлять в общественный склад все, что могло попасть в его руки. Однако никто не скрывал от себя и того, что лучшей гарантией против военной распущенности будет презрение к богатствам поработанных народов, которое запечатлеет во всех сердцах общественное воспитание. В походной палатке, среди сражений солдат-гражданин будет питать только одну страсть — любовь к равенству и отечеству, будет иметь только одного путеводителя — законы своего отечества.

* Поскольку мир является первым из благ после свободы, прибегать к оружию полезно и справедливо только тогда, когда существует угроза миру. Во всех других случаях самая удачная война является преступлением против человечества и источником зла для самого победителя. История учит нас тому, что военная слава не раз служила ступенью к установлению тирании. Военный дух тем более необходимо обуздать при помощи законов и обычаев, что завоевания и грабежи развращают граждан, приводят в отчаяние побежденных и побуждают их к мщению, вводят в обиход общественного мнения рыцарскую честь властолюбцев и ставят выше законов вышедших из повиновения начальников, осмеливающихся осуществлять в отечестве деспотизм, к которому они приучили солдат под предлогом их дисциплинирования. Эти предатели с помощью ловко разжигаемой ими в своих неосторожных товарищах по оружию страсти к золоту и отличиям сеют повсюду коррупцию, изгоняют добродетель, нагло объявляют себя спасителями народов, которых они поработают, и, издеваясь над человечностью, насмехаясь над всякой религиозной идеей, доходят в своем бесстыдстве до того, что ставят свою преступную власть под покровительство бога и правосудия.

Уважение к международному праву

Любовь к своей республике участники заговора сочетали с любовью к человечеству, с благом которого были связаны в сущности все их проекты. Они придавали большое значение тому, чтобы в случае, если бы их чаяния исполнились, тот же дух равенства и справедливости, который должен был господствовать среди граждан, руководил образом действий республики по отношению к иностранцам; они хотели, чтобы французский народ рассматривал себя членом великого общечеловеческого общества, содействовал своей мудростью и примером обеспечению всеобщего мира и внушал повсюду уважение к правам, которые природа даровала всем людям.

Управление государством и его оборона имеет не менее существенное значение, чем занятия, способствующие удовлетворению потребностей людей, ибо без них невозможно сохранить внутренний строй и предотвратить опасности извне. Оно, кроме того, обязательно для всех, ибо если бы было иначе, оно скоро перестало бы иметь единственным своим предметом общественный интерес.

Дело, о котором я поведу речь, отличается тем, что, будучи не менее необходимым для сохранения свободы и для блага общества, оно тем более плодотворно, что, вместо того чтобы быть вменяемым приказом, оно является добровольным и желанным, превращает удовольствие в источник добродетели и усиливает ощущение равенства и любовь к нему.

Преимущества частых собраний граждан

Комитет желал, чтобы граждане республики делали сообща все, что им надлежит делать. Наличие многочисленного и неспорченного народа — говорил он — подавляет тайные побуждения эгоизма, делает более ощутимой потребность во взаимопомощи и поддерживает в сердце каждого отдельного человека желание, чтобы точное выполнение его обязанностей получило всеобщее одобрение.

Как обстоит дело с отдыхом? Вполне в духе равенства, чтобы людям лишь тогда было приятно вкушать удовольствие, когда оно разделено с другими. Поэтому у свободных народов имеют место частые собрания, а у народов поработанных их совершенно не бывает. Счастье в государстве существует в большей или меньшей мере в зависимости от того, предпочитают ли в нем общественные развлечения или замыкаются в себе и остаются бесчувственными к страданиям и огорчениям народной массы.

Под водительством мудрого законодателя явления природы, жизни, как и общественные явления становятся предметом просвещения и развлечения. При помощи одних законодатель обращает внимание граждан на божественные творения и на чудеса общественного порядка; при посредстве других он воздает хвалу достоинствам великих людей и создает им подражателей; то он зажигает в них мужество, то воспламеняет любовь к равенству; занимая постоянно души людей возвышенными предметами, он предохраняет их от порочных вождлений и страстей, которые их расслабляют и развращают.

Четыре рода собраний

Повстанческий комитет, если не ошибаюсь, различал четыре рода народных собраний. К первому он относил собрания, предметом которых является осуществление верховной власти, судебные приговоры и управление, — я кое-что о них уже говорил и скажу еще, когда сообщу о форме правления. Собрания второго рода касались военного распорядка, о котором я упоминал. К третьему роду принадлежали собрания, посвященные исключительно вопросам просвещения. Я буду говорить о них при изложении вопроса о воспитании и о развитии интеллектуальных способностей. Наконец, посредством четвертого рода собраний Комитет намеревался поддерживать и укреплять в сердцах французов любовь к доблести. Я попытаюсь вкратце описать, как он себе это представлял.

Торжества

Комитет стал присматриваться к наиболее примечательным событиям гражданской жизни и пришел к заключению, что его установления по духу своему таковы, что их можно превратить в сюжеты для такого же числа народных праздников. *Бракосочетания, регистрация новорожденных, вступление детей в воспитательные дома, отправление молодежи на границу, ее возвращение и принятие ее в число граждан* могли бы дать повод для всенародных торжеств, празднуемых во всех концах Франции.

В случае войны *отправка воинов, их возвращение, оказание почестей защитникам родины, павшим в боях, и присуждение наград наиболее доблестным* — служили бы поводом для другого рода торжеств, способных возвысить души и сохранить боевой дух.

Цензурные собрания

Другого порядка собрания были, по плану Комитета, предназначены для того, чтобы развивать желание общественного одобрения и опасение общественного порицания. В определенные периоды на этих собраниях осуществлялась бы своего рода цензура образа действий граждан и главным образом должностных лиц. Как мы видели, для занесения молодежи в списки лиц гражданского состояния необходимо согласие народа; то же было бы необходимо для оказания почестей старикам, как и для того, чтобы почтить славную память умерших.

Согласно взглядам Комитета, старики должны были играть большую роль в управлении республикой, внося ясность в обсуждения, бдительно следя за соблюдением обычаев и, наконец, руководя воспитанием молодежи. Им, которых можно было бы отличать по их особому костюму и по определенному месту на публичных собраниях, должна была всецело принадлежать инициатива в выражении мнения о всех сделанных народу предложениях; за ними должны были быть сохранены важные функции и главное влияние на критику; вознаграждая их за безупречную жизнь сыновним уважением, полным почтительности, предохраняли бы публичные обсуждения от поверхностности и поспешности, свойственных менее зрелому возрасту.

Суждения об общественных должностных лицах

Наши заговорщики хотели также ввести обсуждения, которым подлежали бы все должностные лица, срок полномочий которых истекал; никто не мог бы быть призван на новую должность, пока не будет одобрена ею предшествующая деятельность.

Суждения об умерших

Для того чтобы и наиболее прославленному гражданину всегда оставалось что-либо желать или чего-либо опасаться, предполагали ввести во Франции обычай древнего Египта, согласно которому жизненный путь умерших подвергался суду, жаловавшему их погребальными почестями либо отказывавшему им в них.

Для принятия бранных останков добрых граждан должны были отводиться места, украшенные природой и искусством. Памятники, воздвигаемые народом наиболее достойным, и надписываемые на них имена и добродетели каждого предоставили бы потомству широкое поле для просвещения и патриотизма, а старики, на которых должна была быть возложена охрана этих священных мест, призывали бы всю нацию по их примеру достойным образом чтить память добродетельных людей.

Годовщины памятных событий

Чествованию памятных событий, наиболее способствовавших установлению и упрочению республики, должны были быть посвящены празднества. Обращая внимание народа на причины, породившие эти события, на сопровождавшие их обстоятельства и проистекшее из них добро или зло, ему преподносили бы тем самым урок национальной истории, морали и политики; он научился бы распознавать подводные камни, о которые при отсутствии мудрости может разбиться корабль республики.

Игры и зрелища

Существовало также желание, чтобы некоторые из этих событий были представлены в действии, а для этого законодатель мог прекрасно использовать поэзию, музыку, танцы и живопись, чтобы глубоко запечатлеть в сердцах чувства, которые он намеревался внушить. С помощью наград, присуждаемых общественным мнением, он воздавал бы почести мужеству, ловкости, трезвости, скромности, трудолюбию и всем физическим и моральным качествам, составляющим украшение и опору равенства и свободы.

Комитету казалось, что в надлежаще устроенном государстве развлечения, не разделяемые всем народом, должны быть упразднены из опасения, как бы воображение, избавленное от надзора строгого судьи, не породило вскоре ужасных пороков, столь противоречащих всеобщему благу.

Божественное начало и бессмертие души ^{xi}

Все эти установления и республиканские нравы, ими созданные и хранимые, должны были

^{xi} Об идеях деизма см., например: *А.Олар. Христианство и Великая французская революция 1789-1802; А.Олар. Культ Разума и культ Верховного существа во время Великой французской революции; А.Матвеева-Леман. Праздник Верховного Существа: критический очерк (дискуссия и полный текст).*

быть заложены в умах законами и воспитанием. Не признавая откровения, французская республика не приняла бы никакого особого культа; но она сделала бы равенство единственной удобной божеству догмой, благоденствия которой провозглашались бы на народных торжествах и запечатлели бы в сердцах добрых граждан надежду на счастливое бессмертие .

Связь между всеми частями республики

Повстанческому комитету казалось наиболее трудным поддерживать в общественном строе, который он хотел установить, невидимую связь, тесно объединяющую все части республики и способствующую тому, чтобы каждая из частей отнюдь не рассматривала себя как нечто совершенно обособленное, независимое и безразличное к участи других, а сознавала, что ее процветание зависит от их процветания и что лишь при помощи общей воли и общих действий она может сохранить свое цветущее состояние и укрепить его.

В любой сколько-нибудь обширной стране существуют плодородные местности, где земля приносит обильный излишек, и другие местности, где она едва удовлетворяет потребности населения. Вполне ощутимый интерес свяжет при строе общности одни из этих местностей с другими. Но каким образом помешать тому, чтобы коммуны, которым благоприятствует природа, не считали обременительным для себя союз с теми, которым природа не благоприятствует, и не претендовали бы — нарушая закон равенства — сохранить за собой более благоустроенное, чем у других, существование.

Быть может, основатель нового сообщества людей увидит в возможности такого нарушения порядка мотив для расширения или сокращения его территории. Это будет, вероятно, предотвращено путем варьирования предметов производства так, чтобы каждая коммуна могла ожидать чего-либо от других. Однако связь, о которой идет речь, может стать нерасторжимой главным образом благодаря взаимности услуг и сознанию преимуществ общественного строя. Когда житель юга республики осознает, какую пользу приносят ему жители севера, доставляющие ему наслаждения, обороняющие имеющую важное значение территорию и разделяющие братские чувства, порождаемые в них согласованностью обычаев и законов, он почувствует, как душа его облагораживается; он проникнется восхищением общественным механизмом, при посредстве которого столько миллионов людей способствуют тому, чтобы он был счастлив, и убедится, что интересы самого равенства, которым он дорожит,* требуют, чтобы, переступив границы его коммуны, оно охватило все пространство республики .

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

* В Комитете считали, что догмы о существовании верховного существа и бессмертии души являются единственными, веру в которые возрожденное общество поистине было бы заинтересовано сохранить⁹⁵, так как, — говорили они, — для общества важно, чтобы граждане признавали непогрешимого судью их тайных помыслов и деяний, которые не могут быть постигнуты законом, и чтобы они считали достоверным, что необходимым следствием их преданности человечеству и родине будет вечное счастье. Что касается культа, то хотели, чтобы он был ограничен уважением к общественному договору, защитой равенства и известными публичными празднествами. Все так называемые откровения должны были быть изгнаны законами вместе с болезнями, зародыши которых должны были быть постепенно искоренены. До того, как это должно было произойти, каждый волен был сумасбродствовать, только бы общественный строй, всеобщее братство и власть законов не были нарушены. Такова была религиозная доктрина главных защитников равенства во время французской революции, такова была религиозная доктрина Робеспьера, который в значительной мере навлек на себя кровавую проскрипцию, жертвой которой он пал, из-за мужества, с каким он эту доктрину защищал. Заблуждение атеистов, ошибки эбертистов, безнравственность дантонистов, ущемленная гордость жирондистов, тайные происки роялистов и английское золото обманули 9 термидора ожидания французского народа и всего человечества⁹⁶.

** Реально существующий или подразумеваемый договор, на котором покоится общество, обязательно содержит обобществление всех сил и всех способностей индивидуумов, в противном случае, поскольку эти силы и способности будут с самого начала неравномерно распределены, все пойдет на пользу одним и во вред другим. Из этого основного договора следует, что территория, какова бы ни была ее протяженность, целиком составляет первоначальную собственность народа, который занимает ее; народ же не может сделать, чтобы одни были поставлены в более благоприятные условия, чем другие, и обязательно хочет, осуществляя полностью свои права, чтобы неодинаковая продукция при одинаковом труде была компенсирована беспристрастным распределением.

Сношения между гражданами

Ничто не способно в такой степени зародить и поддерживать эти чувства, как частые сношения между жителями различных частей государства; эти сношения удваивают их усердие, доказывая им всеобщую готовность служить отечеству. В настоящее время коммерсанты с целью обогащения делают то, что следовало бы делать, во исполнение своего долга, для получения образования и самосовершенствования. Но когда воодушевляющая их страсть будет подавлена вследствие упразднения частной собственности, то законодатель, который не захочет запереть свою республику в пределах одного города, должен будет заменить эту страсть невинными побуждениями, чреватými положительными результатами. Перевозка продовольствия, передача распоряжений, функции управления и военные функции заставляют большое число граждан объезжать страну. Мало того. К сношениям обязательного порядка следует прибавить другие, вызванные исключительно любовью к умственным и душевным развлечениям. Казалось, ничто не способно лучше поддерживать и изыскивать эти развлечения, нежели частота и разнообразие общественных праздников.

Праздники

У каждой коммуны, у каждого департамента существовали бы свои особые праздники; отмечались бы только в присутствии правительства республики; третьи, наконец, украшали бы попеременно ряд мест, которые поочередно удостоивались бы чести обратить на себя взоры всей нации^{***}.

Необходимость власти

Члены Повстанческого комитета считали, что с помощью такого рода учреждений можно прочно основать свободу и путем постепенного преобразования нравов сделать французов счастливыми, сплоченными, любимыми, уважаемыми и непобедимыми. Однако стараний реформаторов было бы недостаточно, если бы они не подумали о средствах предохранения их творения от покушений грубой силы и от коррупции и не позаботились о его постепенном усовершенствовании.

Как бы мудро ни были устроены учреждения, они при своем падении скоро увлекли бы за собой установленное ими равенство, если бы законодатель не предоставил им поруки, более действенной, нежели усилия эгоизма. В данном случае нет ничего более верного, чем объединение всех индивидуальных сил в единую великую общую силу, всегда готовую подчинить общему интересу тех, кто уклоняется от этого правила. Это означает создание единого политического целого.

Законодательная власть пребывает в народе

Но сама эта сила опасна и вредна, когда она подчиняется воле, противоречащей благу и свободе народа, когда она не исходит непосредственно от народа. Необходимо, следовательно, чтобы закон, провозглашение воли нации, был творением народа. Поэтому-то

Повстанческий комитет и намеревался предоставить народу заботу о поддержании великого принципа равенства путем своего волеизъявления.

Если первоначальные учреждения и задуманы разумно, они все же не могут ни предвидеть всех будущих опасностей и потребностей общества, ни примениться ко всем условиям, в которых может оказаться общество. Наша республика, следовательно, нуждалась, как и все политические корпорации, в последовательном законодательстве, и, стало быть, в постоянной законодательной власти, которая, как мы видели, может пребывать только в народе.

Установив основы социальной экономии, способной сохранить равенство. Повстанческий комитет намеревался устроить дело таким образом, чтобы принцип народного суверенитета никогда не был нарушен, т. е. сделать так, чтобы ни одно обязательство не могло быть возложено на народ без его фактического согласия, чтобы народ мог легко выразить свою волю и чтобы он вносил в свои обсуждения всю ту зрелость, которая желательна.

Для достижения этой цели необходимо было определить элементы, из которых состоит народ, какие формы следует соблюдать, чтобы побудить его выразить свою волю, как и для того, чтобы быть осведомленным о его постановлениях и о том, какие меры предосторожности

^{***} Божественное начало, великие явления природы, полезные ремесла, добродетели, политические революции, благоприятные для человечества, и великие люди, служившие ему и прославившие его, — таковы сюжеты, которые эти праздники должны были запечатлеть в сознании народа и первое представление о которых было дано декретом Национального конвента, принятым в результате достопамятного доклада Робеспьера о религиозных идеях.

необходимо принять, чтобы заставить должностных лиц подчиниться им.

Прежде чем дать верный отчет о проектах Комитета относительно общественной власти, насколько это позволяют прошедшее с тех пор время и слабая, единственная помощь моей памяти, я должен предупредить, что все они стремились обеспечить выполнение основной догмы, освященной конституцией 1793 г.: *народ обсуждает законы* — догмы, составляющей отличительное свойство этой конституции. Впрочем, я далек от того, чтобы представить эти проекты как окончательно принятые.

Народ — говорил Комитет — есть совокупность лиц, живущих по-братски под одним политическим законом. Так как природа ставит счастье отдельных индивидов и прочное спокойствие общества в зависимость от равенства прав, то в лоне нации не может быть хотя бы одного неправильно наделенного индивида без того, чтобы тотчас не обнаружилось в ней семена беспорядка и разложения. Следовательно, все лица, достигшие того возраста, когда развились их интеллектуальные способности, и изъявившие согласие жить в стране и подчиняться постановлениям суверенного народа, являются гражданами и членами законодательной власти.

Иностранцы

Говоря о взглядах Повстанческого комитета на внешнюю торговлю, я указал, что он рассчитывал доверить руководство ею должностным лицам. Тем самым он не только последовательно высказывался в пользу принципа общности имуществ, но намеревался этим же путем устранить распространение вредных примеров, способных ослабить силу обычаев и любовь к равенству, составляющих гарантию всеобщих прав и всеобщего блага. Таким образом, между Францией и ее соседями были бы воздвигнуты колючие изгороди препятствий. Однако они не были бы непроницаемыми; любовь к человечеству раскрыла бы их перед несчастными друзьями свободы, перед благодетелями наций, привлеченными желанием ознакомиться с французскими учреждениями, как и перед изнуренными порабощением людьми, которые пришли бы с чистым сердцем искать в нашей республике равенства и счастья^{****}. Ни перед чем не остановились бы, чтобы безжалостно удалить любого, кто стал бы вводить чужеземные фривольности и манеры; любопытствующие были бы подвергнуты суровым испытаниям и строгому надзору, а что касается искренно стремящихся к получению прав гражданства, то закон потребовал бы, чтобы национальному акту, который должен наделить их этими правами, предшествовал длительный и тщательно соблюдаемый испытательный срок.

Многочисленный народ, населяющий обширную территорию, не может созвать на единое собрание всех граждан, чтобы в один прием установить волю нации. Это порождает необходимость единообразным и удобным способом регулировать секции, на которые разделится весь народ, и изыскать быстрый и легкий способ сопоставления пожеланий, для того, чтобы они не оказались непризнанными или извращенными. Комитет полагал, что великий пример, уготованный миру, необходимо тщательно устранить из нового социального строя все, что может замедлить его установление, либо воспрепятствовать ему, и, следовательно, строжайшим образом удалить с французской территории массу иностранцев, которых враждебные государства, якобы с филантропическими целями, не преминут разбросать по французской земле с вероломным намерением посеять в ней раздор и создать оппозиционно настроенные клики. К тому же опыт II года был слишком свеж, чтобы пренебречь им и не быть начеку. До тех пор, пока другие нации не примкнут к политическим принципам Франции, с ними не могут быть установлены тесные сношения; до этого времени Франция будет усматривать лишь опасность для себя в их нравах, учреждениях и, главным образом, в их правительствах.

Цель эта может быть достигнута при помощи трех нижеследующих учреждений:

1. Собраний, с целью осуществления народного суверенитета.
2. Центрального собрания законодателей.
3. Корпорации блюстителей национальной воли.

Первые два учреждения введены конституцией 1793 г.; третье, как это считал необходимым Комитет, должно было быть введено дополнительно.

^{****} Эта мера предосторожности в отношении иностранцев продиктована не злой волей, стремящейся к обособленности, а желанием как можно лучше выполнить долг человечности и братства, которым обязаны друг другу все народы. Первейший долг — тот, который заставляет один народ прийти на помощь другим народам в деле восстановления и защиты их естественных прав, и Повстанческий комитет считал, что Французская республика должна выполнить его, дав прежде всего миру яркий пример мощного учреждения, основанного на равенстве и свободе. Согласно его точке зрения, столь великое благодеяние не может быть привнесено силой оружия, потому что вторжение с необходимостью несет с собой идею завоевания и господства, а также потому, что проявления братских чувств плохо сочетаются с насилиями, являющимися спутниками войны. Чтобы сделать действенным

Собрания, осуществляющие народный суверенитет

Для устройства собраний, осуществляющих народный суверенитет, надо было разбить республику на округа такой протяженности, какую могло позволить удобство проведения собраний. В каждом округе должны были иметь место:

собрание, осуществляющее народный суверенитет, состоящее из всех граждан;
сенат старейшин, назначаемых вышеупомянутым собранием;
председатель и секретари, избираемые тем же собранием;
декорированный, удобный амфитеатр для народных собраний;
архивы;
должностные лица, обязанные созывать собрания и поддерживать на них порядок.

Центральное собрание законодателей

Согласно конституции 1793 г., центральное собрание законодателей состояло из делегатов, назначенных непосредственно народом, с возложением на них двойной миссии — внесения законопроектов и издания декретов, чтобы обеспечить их исполнение, а также для руководства государством и его охраны. Заметное различие между положениями вышеназванной конституции и проектами Повстанческого комитета заключалось в том, что в некоторых случаях законодатели несли ответственность за свои мнения.

Блюстители национальной воли

Корпорация блюстителей национальной воли представляла собой новое установление, назначением которого являлось собирание актов собраний, осуществляющих народный суверенитет и провозглашение суверенной воли.

Кроме того, намеревались превратить эту корпорацию законодателей в своеобразный трибунал, на который был бы возложен надзор за тем, чтобы законодатели, злоупотребив правом издания декретов, не посягнули на законодательную власть.

Не помню, было ли принято решение относительно количества блюстителей и продолжительности их функций. Но я хорошо помню, что было решено призвать народ выделить их путем неотложного голосования из состава сенаторов.

Создание закона

После того как все это было установлено, были задуманы два способа создания закона: он мог зародиться либо на центральном собрании законодателей, либо на каждом из собраний, осуществляющих народный суверенитет.

В первом случае центральное собрание направляло собраниям, осуществляющим суверенитет, свои проекты с изложением их мотивов. Результаты народных обсуждений пересылались блюстителям, оглашавшим волю нации путем публикации результатов голосования каждой из частей суверенного народа^{****}. Во втором случае любое собрание, осуществляющее суверенитет, могло предложить новый закон, либо упразднение старого закона; если такое же предложение было сделано большинством нации, то блюстители оповещали об этом законодателей, которым вменялось в обязанность сформулировать и представить на утверждение народа требуемый им закон.

Гарантия против посягательств собрания законодателей

Если бы случилось, что собрание законодателей посягнуло на суверенную власть, издавая под видом декретов законодательные акты, находящиеся в противоречии с существующими законами, то явилась бы необходимость в действиях блюстителей, для того чтобы вызвать суждение народа. Относительно этих действий в Комитете существовало разногласие или, по крайней мере, неопределенность мнений, ибо если все и признавали необходимость возвести

^{****} Согласно конституции 1793 г., молчаливое согласие 1/10 первичных собраний половины департаментов с прибавлением одного было тождественно всеобщему согласию. Это положение имело целью не утомлять народ слишком частыми собраниями и явилось следствием права частной собственности, охранявшегося Декларацией прав, предшествовавшей этой конституции. Поскольку это право уничтожилось, либо значительно ограничивалось, опасность, что народ отвернется от общественных дел во имя личных, отпала, и, таким образом, справедливо быть более требовательным в отношении доказательств согласия нации, предположение о котором часто могло быть основано на молчании, являющемся результатом неосведомленности и преступных махинаций. Неправильно было бы опасаться множества политических собраний в стране, где равенство упрощает законодательство, если к тому же принять во внимание, что акты, не выносящие решений по вопросам общего порядка, не являются законами.

преграду против поспешности или честолюбия собрания, облеченного большой властью, то не все были согласны между собой относительно полномочий, которыми надлежало облечь блюстителей: одни считали, что их вмешательство должно ограничиваться призывом к народу; другие полагали, что было бы полезно уполномочить их на то, чтобы до решения суверенного народа приостанавливать действие декретов, подвергающихся нападкам.

Разделение власти в этом собрании

Всё в этом отношении оставалось неопределенным, за исключением реального опасения узурпации со стороны центрального собрания — опасения, породившего также проект о разделении этого собрания на две части, одна из которых ограничивалась бы составлением законов, между тем как другая, сдерживаемая в ее функциях блюстителями, при посредстве своих декретов руководила бы правительством и обуздывала его.

Преимущество рассредоточения законодательных органов

Легко заметить, что рассредоточение суверенной власти на столь большое число собраний имеет крупное преимущество перед ее сосредоточением в единой корпорации, более предрасположенной к тому, чтобы стать игрою фракций и фальшивого красноречия. При системе, в которой обсуждения проходят через такое количество ступеней, прежде чем превратиться в законы, нечего более опасаться непостоянства и поспешности, вменяемых в вину демократиям. В этом отношении такой способ создания закона тем предпочтительнее всякого другого, что он основывается на простоте нравов и единстве интересов и что благодаря упомянутому созданию сенатов он представляет весьма успокоительную гарантию против человеческих заблуждений.

Народ должен принять меры предосторожности против заблуждений

Поскольку суверенная власть, согласно естественному праву, принадлежит народу, то он не может ни подчинять свои действия какой бы то ни было воле, ни признавать когда бы то ни было над собой кого-либо высшего, не нанося самому себе вреда. Его подлинно законодательные решения, безусловно, продиктованы честными намерениями. Однако поскольку он состоит из людей, он может ошибаться, и потому благоразумие и его собственные интересы требуют, чтобы им были приняты меры предосторожности для гарантирования себя от заблуждений.

Вот почему, если лишение народов права пользования суверенной властью или осуждение их на молчание, как и подчинение проявлений их воли особой санкции противоречит их неотъемлемым правам, то справедливо и необходимо во имя сохранения этих самых прав просвещать народы и давать им советы, для того чтобы они выносили лишь ясные и полезные решения.

Сенаты

Повстанческий комитет искал эту опору в природе и по примеру древних законодателей нашел ее в опыте и житейской мудрости старческого возраста. Комитет хотел, чтобы собрание, осуществляющее народный суверенитет, могло законно заниматься обсуждением только в том случае, если оно предварительно заслушало мнение своего сената, функции которого сводились к даче советов, после чего сенаторы голосовали бы совместно с гражданами. Мы видели, что блюстители должны выделяться из состава сенатов, и стоял вопрос о том, чтобы выделить из их состава также совет старейшин, на который возлагалось бы исключительно просвещать своими советами центральное законодательное собрание.

Первоначальное создание сенатов

Однако никто не скрывал от себя того, что это учреждение могло лишь со временем стать полезным и действенным. Все сознавали, что та же сила привычки, которая привяжет когда-нибудь стариков к учреждениям равенства, привязывала бы их в то время, как и сейчас, к иллюзиям наследственной монархии, к религиозным заблуждениям, к престижу собственности и к понятиям рабской морали.

Сенаты, которые хотели учредить, должны были быть блюстителями равенства и демократических нравов, а большинству наших старцев незнакомо ни то, ни другое. К тому же необходимо было, чтобы вначале эти корпорации являлись распространителями нового строя, после чего они явились бы его блюстителями.

Таким образом, Повстанческий комитет рассчитывал сначала ввести в состав сенатов лишь самых добродетельных, самых ревностных граждан, наиболее дружелюбно относящихся к новым учреждениям; некоторое время они привлекали бы самых почтенных старцев, пользующихся наибольшей благосклонностью населения своих округов.

Нерушимые принципы

Из всего предшествующего следует, что в глазах Повстанческого комитета счастье и свобода в гораздо большей степени зависели от сохранения равенства и от привязанности граждан к учреждениям, которые его устанавливают, чем от распределения общественных полномочий. Их республика *была государственным установлением и определенным устройством власти*; в том и в другом имеются основы, которые сам народ не вправе ни нарушать, ни видоизменять, ибо стоит только их тронуть, чтобы тотчас привести общество к распаду. Таковыми являются в первом *строгое равенство*, а во втором — *народный суверенитет*. Нерушимость этих догм должна была быть торжественно признана законом, долженствовавшим разрешать сопротивление и восстание в том случае, когда часть граждан, не признающая этих пунктов, попыталась бы присвоить себе право поработить другую часть.

Внесение поправок в конституцию

За исключением этих основных пунктов естественно-правового порядка все остальное подчинялось воле народа, который мог видоизменять и сменять по своему усмотрению установленную им власть. Чтобы воздать должное этой доктрине и в то же время предохранить республику от опасностей, которым она могла подвергнуться вследствие интриг и волнений, желательно было, чтобы собрания, осуществляющие суверенитет, периодически призывались высказываться по поводу конституции и чтобы в случае, если эти собрания выскажутся за изменения, небольшому числу мудрых людей было бы поручено регулярно вносить на рассмотрение требуемые преобразования. Желательно было также, чтобы в определенные сроки положение нации изучали специальные комиссары, которые предлагали бы народу меры, способные искоренить злоупотребления, наличие которых было бы признано ими.

Народу, пользующемуся благами равенства, достаточно немногих законов

Чтобы оценить преимущества, предоставляемые организованной таким образом законодательной властью, необходимо прежде всего помнить о том, что народ, у которого нет ни частной собственности, ни пороков и преступлений, ею порождаемых, ни торговли, ни денежных знаков, ни налогов, ни финансовой системы, ни гражданских процессов, ни нищенства, не будет испытывать потребности в большом количестве законов, под властью которых стонут цивилизованные общества Европы.

Руководство сельским хозяйством и полезными ремеслами — одна из главных функций суверенной власти

Прежде чем покончить с тем, что относится к суверенной власти, считаю полезным отметить, что верховное руководство сельским хозяйством и ремеслами должно было явиться одной из главных ее функций. Общие правила, начертанные законами, должны были быть развиты центральным собранием и введены в действие исполнительной властью, о которой мы побеседуем с нашими читателями.

Исполнительная власть

Раз приняты все предосторожности, для того чтобы была всегда известна воля народа, раз уполномоченные, на которых возложена подготовка и оглашение его постановлений, к счастью, лишены возможности заменить волю народа своей волей, то остается лишь назначить власть, на которую возлагалось бы осуществление воли народа, с тем, чтобы должностные лица ни в коем случае не могли принудить граждан к подчинению любой другой воле, кроме воли законов, и чтобы их образ действий постоянно служил примером добрых нравов и преданности отечеству.

Каждое должностное лицо, заставляющее уважать волю народа, должно быть поддержано всей властью нации, но как только вследствие заблуждения или нарушения долга оно попытается отступить от воли народа, оно должно встречать лишь трудности и препятствия.

Причины, обуславливающие хорошую исполнительную власть

Такая администрация является результатом способа назначения ее членов, их численности, разделения и продолжительности их функций, надзора, осуществляемого над членами администрации, требуемых от них отчетов, налагаемых на них наказаний, предоставляемых им вознаграждений и главным образом результатом национальных обычаев и сознательной привязанности граждан к отечеству и к его законам.

Дополнение к конституции 1793 года

Повстанческому комитету казалось, что положения конституции 1793 г., касающиеся исполнительного совета, хотя и хороши, но недостаточны. Он одобрял статью, ограничивающую его деятельность исполнением законов и декретов, как и статью, возлагающую на него ответственность за их выполнение. Он одобрял вводимое этой конституцией разделение административных функций, исходивших от этого совета, и судебных функций, признаваемых за судами, и присоединялся к тому, что конституция устанавливала число высших должностных лиц и продолжительность исполнения ими их обязанностей. Комитет, однако, считал, что следовало установить порядок рассмотрения их образа действий, определить наказание за каждое невыполнение ими своих обязанностей, установить формы распределения среди них наград или порицаний, которые они могут заслужить, и ввести быстрые и легко осуществимые способы преследования уполномоченных и высших должностных лиц, которым будет предъявлено обвинение в вероломстве по отношению к народу.

Природа и цели различных общественных учреждений

Безопасность, оборона и самое существование народа, согласно системе Комитета, настоятельно требуют, чтобы импульс, данный главными блюстителями законов, быстро и равномерно распространился вплоть до отдаленных пунктов республики; необходимо, следовательно, чтобы страна была охвачена длинной цепью, каждое звено которой немедленно давало отзвук на сотрясение, происходящее наверху. Этими звеньями являются низшие должностные лица, которые вводятся для того, чтобы напоминать гражданам во всех пунктах территории об их подлинных интересах и позаботиться о нуждах народа, выраженных в законах.

Таким образом, в республике существует нисходящая лестница общественных учреждений с различными степенями полномочий — от исполнительного совета до должностных лиц, составляющих точки соприкосновения между суверенным народом и его подчиненными.

Такая же, но чисто судебная лестница восходит вверх от должностных лиц, на которых возлагается установление нарушений законов и их преследование, до верховного суда, задача которого — поддерживать повсеместно единообразие законодательства.

Одни должностные лица руководят производительным трудом и регулируют беспристрастное распределение получаемых от него благ; другие — поддерживают согласованность между гражданами; одни заботятся об обороне государства и закладывают в души людей семена мужества и доблести; другие обрушивают всю суровость законов на тех, кто их нарушает; одни поддерживают слабых и вразумляют заблуждающихся; другие непрерывно доставляют новую пищу для любви к отечеству при помощи свободы, величия, благопристойности и жизнерадостности, способствуя их преобладанию на собраниях и на народных празднествах.

Было бы слишком долго и бесполезно входить во все детали этого строя, основы которого заложены конституцией 1793 г.; она учреждает, с одной стороны, трибуналы, а с другой — промежуточные управления и муниципальные органы, в подчинение которым ставились другие должностные лица, на которых возлагалась забота о национальной экономике.

Объединение гражданских функций с военными

С этими же муниципальными органами был связан военный распорядок, который они обязаны были создать и наблюдать за его выполнением. Желательно было, чтобы высшие должности в армии занимались гражданскими должностными лицами для того, говорили в Комитете, чтобы войны всегда велись только в духе правительства и народа, чтобы невозможен был никакой конфликт и чтобы меньше можно было опасаться честолюбия генералов.

Предоставляя здравомыслящему читателю рассмотреть все виды власти, являющиеся следствиями вышеустановленных принципов, я ограничусь разъяснением того, какими средствами надеялись удержать в рамках законности такое большое число должностных лиц.

В самом деле, никогда еще нация не имела их в таком количестве. Помимо того, что в известных отношениях каждый гражданин являлся бы должностным лицом, надзирающим за самим собой и за другими, не подлежит сомнению, что общественные должности были бы весьма разнообразны и должностные лица весьма многочисленны.

Поскольку совокупность функций составляет из всей деятельности, необходимой для пропитания, снабжения одеждой, жилищем, для воспитания, обучения, руководства народом и для его обороны, то, собственно говоря, каждый гражданин является, либо являлся должностным лицом. Различие, существующее между функциями, в которых все участвуют, и функциями, которые законы признают за должностными лицами, состоит в том, что последние имеют исключительно целью руководство другими и их защиту; мы именуем их общественными функциями.

Должностное лицо обходится не дороже рядового гражданина

Напрасно, однако, пугаются столь большого числа должностных лиц. Они почти все обязаны заниматься тем видом труда, которым руководят, не имея иных средств воздействия, кроме силы своего собственного примера, или же вербуются из того разряда людей, которых возраст освобождает от тяжелой работы. Ни одно из должностных лиц не стоит республике дороже, чем самый безверный гражданин.

Простота нравов — гарантия преданности должностных лиц

Чудесной чертой общественного строя является то, что должностное лицо, на которое возлагается применение законов великого народа к одной из его частей, когда оно строго придерживается их, вызывает к себе такое уважение и любовь этой части народа, что, лишь нарушая законы, оно может вызвать недовольство с ее стороны. Эта чудесная черта может проявиться лишь там, где простота нравов сообщает всем частям государства одно и то же сознание, одни и те же интересы. Именно к этой цели и были направлены усилия Повстанческого комитета.

Лестница общественных должностей

С точки зрения Комитета народ является творцом, надзирателем и опорой для своих должностных лиц. Желая предохранить народ от сожалений о том, что он ошибся в своем доверии, Комитет обращал его внимание на законы, согласно которым никто не мог подняться с помощью народного голосования до высших должностей, не дав доказательств великой любви к равенству и не пройдя постепенно через все низшие должности того же рода. Это положение, которое Комитет ни в коем случае не относил к осуществлению суверенитета, в отношении которого он считал необходимым предоставить народу неограниченную свободу, казалось ему дополнительным преимуществом к тому, в силу которого к наиболее важным должностям должны были призываться лишь люди зрелого возраста, преимуществом, способствовавшим лучшему сохранению духа преобразования, которое, кроме того, могло привести к полному успеху лишь при условии отказа от тщеславия, надменности и алчности, как и в результате отрадной перемены в области морали и нравов граждан.

В начальной стадии преобразования ведомства должны вверяться только революционерам

Здесь, естественно, снова приходит на ум соображение, высказанное тогда, когда речь шла о сенатах. Люди пожилые, способные в будущем сохранять уже установленное равенство, неспособны и опасны, когда дело идет о его установлении. Основать подлинную республику должны лишь те бескорыстные друзья человечества и родины, разум и мужество которых опередили разум и мужество их современников. Прочно установившаяся республика создает дух граждан и должностных лиц, но вначале лишь самые мудрые и горячие инициаторы преобразования способны создать республиканский строй.

Поэтому Комитет твердо придерживался того, чтобы общественные учреждения, составившиеся вначале исключительно из лучших революционеров, обновлялись лишь постепенно и по мере успехов общественного возрождения путем полного применения конституционных законов.

Всякий, кто прочтет до сих пор данное сочинение, надеюсь, составит себе достаточное представление о политических принципах наших заговорщиков и о способах, при посредстве которых они имели в виду применить их к Французской республике.

Постепенное движение вперед

Никто, я полагаю, не оскорбит их предположением, что они питали безумную надежду осуществить эти политические принципы по мановению волшебной палочки путем акта, подобного акту сотворения мира. Они не скрывали от себя, какие препятствия им предстоит преодолеть, но они были убеждены, что проектируемое ими преобразование является единственным способом основания жизнеспособной и прочной республики, и видели в развитии общественного духа, в возрождающейся активности революционных элементов, в объединении демократов*, в крайнем недовольстве народа и в мужестве преданных граждан достаточные элементы, чтобы начать и постепенно укреплять революцию, основы которой они заложили.

* Эбертисты и робеспьеристы объединились под одним знаменем.

Воспитание — средство осуществления преобразования и его сохранения

В числе мыслимых средств, способных побороть тщеславие и алчность, внушить новые нравы и придать свойственной народу доброте весь размах, на который она способна, имеется одно средство, которое, хотя и сказывается медленно, является безошибочным, если только люди, преобразующие государство, сумеют применить его во всей широте: этим средством является воспитание.

Воспитание, переданное в руки преобразователей, полностью изменило бы облик нации, сделало бы священными любовь к отечеству, принципы свободы и равенства. Это великое сооружение, будучи воздвигнуто, подверглось бы путем воспитания усовершенствованию, укреплению и стало бы бессмертным.

Нам предстоит, таким образом, рассмотреть воспитание с двух точек зрения: сначала как вполне установившийся институт в условиях уже учрежденной республики; затем как средство возрождения в руках преобразователей.

Существует возраст, в продолжение которого наши чувства и разум видоизменяются под воздействием всего того, что нас поражает. В этом воздействии и состоит наше воспитание; оно делает нас добрыми или злыми, гражданами или рабителями.

Общество должно руководить воспитанием

Поскольку свобода, счастье и цветущее состояние общества зависят от чувств и сил его членов, совершенно ясно, что общество вправе непосредственно осуществлять надзор за всем тем, что может оказать на их воспитание какое-либо влияние; оно должно это делать потому, что от этого зависит его будущая судьба.

Разделение полов

Естественное разделение человеческого рода порождает две отрасли воспитания: одну для мальчиков, другую для девочек. Цель, которую общество должно себе ставить, остается той же, однако различия, установленные природой между полами, предупреждают нас о том, что нельзя применять для одного и для другого пола без различия одни и те же приемы, не нарушая законов природы. К тому же в интересах жизнеспособности и сохранности индивидов важно, чтобы любовь, ускоряемая в своем развитии объединением полов, замедлялась; стало быть, хорошо, чтобы они воспитывались раздельно.

Государственное воспитание

Согласно взглядам Повстанческого комитета, воспитание должно быть *государственным, общественным, равным*^{**}.

Государственное воспитание, т.е. руководствующееся законами и находящееся под надзором должностных лиц. Воспитание должно служить дополнением к преобразованию, поддерживать и укреплять республику; республика — единственный компетентный судья нравов и знаний, которые ей важно привить молодежи. С другой стороны, главная цель воспитания должна состоять в том, чтобы глубоко запечатлеть во всех сердцах чувства всеобщего братства, находящиеся в противоречии с исключительным и эгоистическим семейным режимом и отвергающие его.

Общественное

Общественное, т.е. предписанное одновременно всем детям, живущим в условиях одной и той же дисциплины. Важно, чтобы молодежь с раннего возраста приучалась видеть во всех своих согражданах только братьев, связывать свои удовольствия и свои чувства с удовольствиями и чувствами других людей и находить свое счастье лишь в счастье других людей. Общественные воспитательные учреждения должны быть отображением большой национальной общины, с которой каждый добрый гражданин должен связывать свои действия и свои радости.

^{**} Мишель Лепелетье⁹⁷, на долю которого выпала слава кровью своей скрепить новорожденную республику, прославил себя также и тем, что он первый со времени революции внес план государственного, общего и равного воспитания. Этот план, являющийся вечным памятником доблести его автора, должен был, однако, мириться со всеми бедствиями, в изобилии проистекающими из частной собственности, подлинного «ящика Пандоры», и, следовательно, должен был содержать в себе предосторожности, значительно ограничивающие его преимущества. Лепелетье предлагал воспитывать детей в возрасте от 5 до 12 лет со-обща, а затем возвращать их в семьи. Не следовало ли опасаться, что еще слабые в этом возрасте впечатления сотрутся в значительной своей части под воздействием ложных взглядов и других примеров, влияние которых, безусловно, скажется на молодежи, которая будет ввергнута таким образом в водоворот пороков и предрассудков.

Равное

Равное, ибо все в равной мере являются любимыми детьми отечества; ибо все обладают равными правами на счастье, неизбежно нарушаемыми неравенством; ибо из равенства в воспитании должно проистекать самое полное политическое равенство.

Воспитанием должен руководить высокий орган

Чтобы создать себе представление о проектах Повстанческого комитета в этом отношении, представим себе верховный орган, состоящий из старцев, посевших при исполнении важнейших в республике обязанностей, который руководит при помощи подчиненных должностных лиц всеми воспитательными учреждениями и обеспечивает через посредство выделенных из его состава инспекторов выполнение законов, как и его собственных предписаний, а также располагает семинарией учителей, об обучении которых он заботится.

Забота о детях

В задуманном Комитетом общественном строе отечество завладевает человеком со дня его рождения и не покидает его до самой смерти. Оно наблюдает за первыми мгновениями его жизни, обеспечивает ему молоко и заботы той, которая дала ему жизнь, устраняет все, что может вредно отразиться на его здоровье и ослабить его организм, предохраняет его от опасностей ложной нежности и рукою его матери отводит его в государственное учреждение, где он приобретает добродетели и знания, необходимые истинному гражданину.

В каждом округе предполагали создать два воспитательных дома — один для мальчиков, другой для девочек; предпочтение отдавалось бы местностям с хорошим воздухом — деревне, местам, удаленным от городов, расположенным близ рек.

Естественные различия между полами

Мужчина, предназначенный природой к движению и действию, обязан содержать и оборонять свое отечество; женщина должна давать ему крепких граждан. Физически более слабая, чем мужчина, подверженная недомоганиям беременности, родовым мукам и нередко следующим за ними болезням, одаренная чарами, имеющими столь великую власть над противоположным полом, женщина кажется предназначенной для менее тяжелой и менее сопряженной с шумом работы; она словно получила в удел от природы дар умиротворения буйства страстей и смягчения бедствий человечества и более способна ценить проявление доблести. Из этих глубоких различий следует, что воспитание обоих полов не может быть во всем одинаковым. Сперва поговорим о воспитании мальчиков.

Цели воспитания

Согласно воззрениям Повстанческого комитета, государственное воспитание должно было ставить перед собой три цели:

- 1) силу и ловкость тела;
- 2) доброту и энергию сердца;
- 3) развитие разума.

Тело

Здоровье и сила граждан являются условиями, от которых главным образом зависят благо и безопасность республики; они приобретаются и сохраняются путем деятельности органов и устранения причин, нарушающих функции, свойственные живым существам. Отсюда необходимость труда, исполнения обязанностей, умеренного образа жизни и воздержания. Молодежь, надежда отечества, должна, следовательно, быть приучена к самым тяжелым работам в области сельского хозяйства и механических ремесел, приобретать навыки к наиболее тяжелым передвижениям и жить в строжайшей умеренности. Военные упражнения, бег, верховая езда, борьба, кулачный бой, танцы, охота и плавание — таковы развлечения и виды отдыха, которые Повстанческий комитет готовил для грядущего поколения; он хотел, чтобы лень и безделье были изгнаны из государственных воспитательных домов и чтобы дряблость характера и любовь к сладострастию не нашли себе никакого пути к сердцам молодых французов.

Распорядок в воспитательных домах

Были задуманы воспитательные дома, разбитые на такое количество помещений, сколько различных возрастных групп в них содержалось бы: в одном месте залы для совместной еды; в другом — мастерские, где каждый ученик мог бы приобретать навыки в мастерстве, которому он

отдавал предпочтение; с одной стороны, обширные сельские местности, в которых можно было бы видеть молодежь, то занимающуюся сельскохозяйственным трудом, то располагающуюся на военный лад в палатках; с другой, — гимнастические залы для игр; в иных местах — амфитеатры для обучения.

Сердце

Постоянно возобновляющиеся занятия нашей молодежи должны были в результате привить ей чувства, отвечающие принципам государства. Молодежь приучалась бы считать, что красотами, свидетелем которых она является, она обязана родине, владычице всех людей, и свое здоровье, благополучие и удовольствия приписывать влиянию священных законов родины. Живя постоянно сообща, молодежь в конце концов не отделяла бы своего счастья от счастья других людей, и, будучи предохранена от своекорыстия и тщеславия, как и убеждена по опыту и понаслышке в нежной любви к ней родины, она имела бы в качестве единственного стимула своих действий желание служить родине и заслужить ее одобрение.

Все было бы пущено в ход для того, чтобы предохранить молодежь от представлений о превосходстве и преимущественном положении. В этих местах простоты нравов и покоя ничто не могло бы возбуждать жажду золота и власти. Пламенная любовь к равенству и справедливости была бы здесь связана с первыми восприятиями молодых граждан, которым скоро стали бы свойственны добродетели, внушенные этим учреждением и рекомендованные от имени столь милой сердцу родины.

Ремесла

Некоторые ремесла необходимы для блага общества, порядок и сохранность которого требуют, чтобы его члены были сведущи в нескольких областях.

Будет ли допущено, чтобы человеческий разум блуждал без руля и без ветрил по обширным пространствам воображения? Будет ли допущено вводить в общество под предлогом его украшения и улучшения бесконечное множество искусственных потребностей, неравенство, пререкания, ложные взгляды на счастье? Или промышленность будет введена в определенные границы и из воспитательных домов будет устранено все, что не является строго необходимым для благосостояния республики?

Желая избавить своих сограждан от неудобств, связанных с расслабляющими людей излишествами и любовью к наслаждениям, ценность которых состоит лишь в отличиях, показателями чего они являются, наш Комитет единодушно постановил ограничить в воспитательных домах ремесленное обучение лишь изготовлением доступных всем предметов обихода; он хотел, чтобы так называемое изящество мебели и одежды уступило место сельской простоте. Порядок и чистота — говорил он — являются потребностями разума и тела; важно, чтобы принцип равенства, которому все должно уступать, привел к исчезновению пышности и изысканности, потворствующих нелепому тщеславию рабов.

Общий дух. Науки

Что касается умозрительных познаний, то члены Повстанческого комитета, предупрежденные мудрецами древности, просвещенные некоторыми подлинными философами новейшего времени и убежденные в том, что ничто не имеет столь малого значения для нации, как возможность блистать и заставить говорить о себе, хотели отнять у фальшивой науки всякий предлог к уклонению от общественных обязанностей, всякий повод к тому, чтобы потворствовать спеси, вводить в заблуждение чистосердечие и доставлять страстям чисто личное счастье, отличное от общественного.

В упразднении собственности они усматривали упразднение многотомной юриспруденции, приводящей в отчаяние людей, ее изучающих, как и людей, интересы которых она претендует защищать; они твердо решили пресекать любую теологическую дискуссию и сознавали, что упразднение заработной платы скоро исцелило бы нас от мании выставления напоказ своего ума и фабрикования книг.

Познания граждан — говорили они — должны побуждать их любить равенство, свободу и отечество и сделать их способными служить ему и оборонять его. Необходимо, следовательно, говорили они далее, чтобы каждый француз умел говорить, читать и писать на своем языке, ибо в столь обширной республике письменные знаки являются единственно возможными средствами общения между ее частями, как и потому, что отсюда проистекают и другие познания. Необходимо, чтобы каждый был знаком с наукой о числах, ибо каждый может быть призван охранять и распределять национальные богатства; чтобы каждый приучался правильно рассуждать, кратко и точно выражаться; чтобы все знали историю и законы своей страны, — историю, для того чтобы знать о бедствиях, которым республика положила конец, и о благах,

источником которых она является; законы, чтобы благодаря их изучению каждый был осведомлен о своих обязанностях, приобрел способность занимать государственные должности и высказывать свое мнение по поводу государственных дел; чтобы все были знакомы с топографией, естественной историей и статистикой республики с тем, чтобы получить правильное представление о державе, которая их охраняет, и о мудрости учреждений, благодаря которым все части столь крупного организма способствуют благоденствию каждого отдельного индивида; чтобы с целью украшения праздников все были искусны в танцах и в музыке.

Вот приблизительно какое воспитание Повстанческий комитет предназначал для французской молодежи. Он отдавал предпочтение такому воспитанию, так как рассматривал его как самый прочный фундамент социального равенства и республиканского строя.

Приученная таким образом к труду, обученная сельскому хозяйству и необходимым ремеслам, наделенная полезными познаниями, молодежь станет постепенно надеждой и утешением для всех граждан, которые получают от нее большое облегчение в своем труде; она будет также доставлять приятные и трогательные развлечения во время общественных празднеств.

Чем больше внимания уделяется домашнему воспитанию, тем сильнее отцовская власть. Однако ту долю личной власти, которую закон отнял бы у отцов, он возвратил бы им сторицей в виде власти общественной. Сенаты, о которых упоминалось, должны были в каждом округе осуществлять надзор за воспитательными домами; под их руководством и женщины должны были также быть призваны следить за осуществляемым совместно воспитанием девочек до их замужества.

Воспитание девочек

Для того чтобы гражданское население состояло только из крепких и трудолюбивых мужчин, необходимо обеспечить хорошим телосложением тех, кого природа предназначает давать государству граждан. Необходимо, следовательно, закалять их тело до усталости трудом и физическими упражнениями. Движение и труд, говорили участники заговора, являются великими средствами республиканского воспитания; наряду с отсутствием собственности и различий, они будут способствовать ослаблению склонности к кокетству и более позднему проявлению порывов любви.

Девушек, продолжали они, будут обучать наименее тяжелому сельскохозяйственному труду и ремеслам, ибо труд, являющийся обязанностью всех людей, служит также обузданием страстей, потребностью и очарованием домашней жизни; девушки будут целомудренны, ибо целомудрие сохраняет здоровье и служит украшением любви; они будут любить отечество, ибо важно, чтобы они внушили эту любовь мужчинам; следовательно, они будут принимать также участие в исследованиях, способных вызвать в них восхищение мудростью законов отечества; они будут обучаться пению национальных гимнов, долженствующих украсить наши праздники; они, наконец, будут участвовать на глазах у народа в юношеских играх для того, чтобы веселье и невинность преобладали при первых движениях любви и являлись предвестниками предстоящих браков.

Я лишен возможности входить во все детали столь нового учреждения, план которого был едва набросан Комитетом в общих чертах; к тому же достаточно знать, что великой целью общего и равного государственного воспитания являлось создание здоровых граждан, которые самоотверженно служили бы республике благодаря привычке все делать хорошо и ради удовольствия содействовать благу столь любимого отечества.

Военное воспитание

Согласно системе Комитета, юноши из воспитательных домов переходили в лагеря, устроенные вблизи границ. Здесь они должны были совершенствоваться в военном искусстве и быть всегда готовы отразить нападения извне. Живя в лагерях в условиях полной общности труда и развлечений, они приобрели бы трудом, прилежанием и умеренностью необходимые качества для того, чтобы по возвращении домой пользоваться гражданскими правами.

От успеха первых попыток такого рода зависел, по мнению участников заговора, успех их проекта преобразования; этого одного, говорили они, достаточно будет для того, чтобы упрочить равенство и завершить революцию, ибо одно это будет свидетельствовать о наличии республиканских нравов и воззрений, которые лишь несовершенно усвоены современным поколением.

Просветительные собрания

Для того чтобы лучше сохранить дух новых законов и принципы общественной морали, должны были быть введены просветительные собрания, на которых всякому гражданину дозволялось бы разъяснять публике предписания морали и политики и вести с ней беседу о делах нации. При таких собраниях власти должны были устроить типографии и библиотеки.

Свобода печати

При таком порядке вещей наиболее действенным средством общения, как и лучшей помехой узурпации народного суверенитета является печатное слово. Оно одно может сделать граждан обширного государства способными зрело высказываться по поводу предлагаемых ему законопроектов; оно одно улучшает постепенно общественный строй; оно одно расстраиивает происки честолюбцев.

Но как только частная собственность будет упразднена и всякий денежный интерес станет невозможен, необходимо будет подумать о том, какими средствами извлечь из печати всю ту помощь, которую от нее можно ожидать, без риска снова увидеть справедливость равенства и права народа поставленными под вопрос, а республику — отданной во власть нескончаемых и роковых дискуссий

По вопросу о свободе печати рассмотрению Повстанческого комитета подверглись следующие пункты:

1. Никто не может высказывать взгляды, находящиеся в прямом противоречии со священными принципами равенства и народного суверенитета.
2. Всякое письменное выступление по поводу формы государственного устройства и его управления должно быть напечатано и разослано по всем библиотекам по требованию собрания, осуществляющего народный суверенитет, либо определенного числа граждан старше 30 лет.
3. Воспрещается публикование любого сочинения, носящего мнимо разоблачительный характер.
4. Любое сочинение печатается и распространяется лишь в том случае, если блюстители воли нации считают, что его опубликование может принести пользу республике.

Мы видели, говоря о воспитании, что Повстанческий комитет был намерен воспротивиться тому, чтобы утонченность искусств и изучение наук ввели в республике изнеженные нравы, ложные взгляды на счастье, опасные примеры и стимулы для спеси и тщеславия. Мы вернемся к этому пункту, который, как и многие другие, не был до конца разработан, когда Комитет оказался вынужденным отказаться от своего начинания.

Преимущества искусств и наук

Благодаря успехам искусств, говорили они порою, необходимые работы могут быть облегчены, сухопутные и водные сообщения могут стать более легкими и к массе общественных развлечений могут прибавиться новые развлечения.

Чем были бы эти искусства, продолжали они, без наук, устанавливающих их теорию и освещающих их практику. При помощи наук порой исцеляются либо предупреждаются болезни; они учат человека познать самого себя; они предохраняют его от религиозного фанатизма, настораживают его против деспотизма, придают очарование его досугу и облагораживают его душу.

Проистекающие от них бедствия

Однако при рассмотрении вещей в других аспектах можно было увидеть, что утонченность искусств породила вкус к излишествах, отвращение к простоте нравов, пристрастие к изнеженности и легкомыслию; опасались, как бы для людей, которые посвятят себя науке, их действительные или предполагаемые познания не послужили основанием для постепенного присвоения себе прав на отличия, для преимущественного положения, для освобождения от общего труда, и как бы мнение, которое сложится об их учености, питая их тщеславие, не толкнуло их в итоге на пагубные действия, направленные против прав простых и менее образованных людей, доверие которых будет ими обмануто при помощи лицемерного и опасного красноречия. К бременю этих грустных размышлений присоединилось соображение Ж.-Ж.Руссо, который говорил, исходя из опыта истории, что нравственность и свобода никогда не шли рука об руку с расцветом искусств и наук.

Во время дискуссий, имевших место несколько раз по этому вопросу, было обращено внимание на то, что поскольку большая часть бедствий, в которых повинны искусства и науки, имеют своей побудительной причиной жадность и прибыли, то вероятно, что эти бедствия исчезнут и что число учащихса значительно сократится как только установление строя общности уничтожит нищету, как и возможность удовлетворения алчности. Ничего не было постановлено по следующим предложенным пунктам:

1. Никакие знания не дают права на освобождение от общего труда.
2. Должностным лицам должно быть поручено хранить и умножать сокровищницу человеческих познаний.
3. Юноши, обнаружившие крупные дарования, будут по выходе из воспитательных домов направляться в распоряжение этих должностных лиц для продолжения обучения.

Возражения

Таковы первые очертания гражданского и политического строя, к которому были направлены усилия Повстанческого комитета. Против него приводились возражения то о неправоте его проектов, то о невозможности их осуществления. Что касается неправоты, то на протяжении этой работы мы предоставили нашим читателям возможность судить о ней; что же касается неосуществимости, — банального возражения людей, которым неприятно малейшее преобразование, — то мы ограничимся замечанием, что правильное представление о положении Франции в первые два года республики приводит к убеждению, что преданность французского народа делу равенства и его вера в своих руководителей были в то время так велики, что во Франции не существовало ни одного демократического учреждения, которое не было бы принято народом с энтузиазмом. Эти благие настроения были, правда, ослаблены ужасными событиями 9 термидора^{**}, но они в значительной степени все еще проявлялись открыто в период деятельности Повстанческого комитета и даже много времени спустя. Кроме того, являясь естественными для народа, они не замедлят проявиться полностью как только перестанут действовать причины, их подавляющие. Препятствия радикальному преобразованию исходят не от большинства; все они кроются в развращенности людей, нашедших секрет того, как свалить на других свою долю труда; заставьте их умолкнуть — и все остальные будут приветствовать вас и оказывать вам помощь.

Впрочем, повторяю, Комитет, будучи далек от претензии дать нам фактическое равенство, на другой день после восстания, хотя и решительно настроенный не пренебрегать ничем, что могло бы ускорить его полное установление, не считал себя в состоянии точно указать срок установления равенства. Он признавал необходимость постепенного движения вперед соответственно прогрессу общественного мнения и успеху первых мероприятий, о которых мы еще скажем; если бы он прочно учредил хотя бы только общественное воспитание, он сделал бы многое для человечества.

То, чего не сумели осуществить во Франции демократы IV года, попытался недавно провести иными средствами один благородный человек на Британских островах в Америке. Шотландец Роберт Оуэн после того, как он на свои средства основал у себя на родине несколько общин, базировавшихся на принципе равного распределения материальных благ и труда, основал в Соединенных Штатах ряд аналогичных учреждений, в которых несколько тысяч людей живут спокойно и мирно в условиях полного равенства.

Согласно советам этого друга человечества, основанное в Лондоне кооперативное общество с некоторых пор работает над распространением принципов строя общности, как и над показом на практических примерах возможности их применения.

Бабеф пытался объединить многочисленный народ в единую крупную общину. Оуэну, поставленному и иные условия, хотелось бы во множестве распространить по стране мелкие общины, которые, будучи затем объединены, превратились бы в такое же количество членов единой большой семьи. Бабеф хотел, чтобы его друзья завладели верховной властью, с помощью которой он надеялся осуществить проектируемое ими преобразование. Оуэн рассчитывает добиться успеха проповедью и примером. Пусть он покажет миру без помощи власти, что мудрость может принести столь великое благо! А главное, пусть он не испытает горечи от того, что все его благородные усилия потерпят неудачу и что его безуспешная попытка даст противникам равенства аргумент против всякой возможности установления общественного порядка, которому бурные страсти оказывают ужасное сопротивление и который может явиться лишь результатом сильного политического потрясения среди цивилизованных наций!

Против системы Оуэна выставлялся ряд возражений, относящихся в равной мере и к системе Бабефа. Мы изложим их вместе с ответами, показывающими их маловажность.

Первое возражение. Физические различия, существующие между людьми, не позволяют установить в области распределения труда и предметов потребления совершенное равенство, являющееся целью строя общности.

Ответ. В данном случае равенство должно измеряться способностью трудящегося и потребностью потребителя, а не интенсивностью труда и количеством произведенных предметов. Тот, кто, будучи наделен одной степенью физической силы, поднимает тяжесть в 10 фунтов, трудится столько же, сколько тот, кто, обладая в пять раз большей силой, передвигает тяжесть в 50 фунтов. Человек, который для утоления жгучей жажды выпивает бутылку воды, не испытывает большего наслаждения, чем другой, который при меньшей жажде проглатывает поллитра воды. Целью строя общности, о котором идет речь, является равенство в пользовании материальными благами и в труде, а отнюдь не равенство в количестве потребляемого или в мере труда тех, кто работает.

Второе возражение. Неодинаковая доброкачественность однородных предметов, как, например, фруктов, овощей, молочных продуктов, мяса, напитков и т.д. и т.п., внесет в область распределения фактическое неравенство, которое породит зависть и пререкания и превратит общество в место раздоров и вражды.

^{**} Результаты этого дня были тем более роковыми, что они привели к утрате веры в благо отечества и всего человечества многими людьми, поднявшимися до самых высот доблести.

Ответ. Рассуждают таким образом только потому, что о людях, воспитанных в условиях братского режима, судят по нам самим, которых дурные учреждения делают тщеславными, завистливыми и враждебными друг другу. Оскорбительным для творца природы является предположение, будто люди имеют естественную склонность к взаимной зависти, ненависти и раздорам из-за вкуса плода или приятного запаха цветка, в то время как у них имеются в изобилии плоды и цветы. Отнимите у людей частную собственность — и вы уймете самые пагубные их страсти, вы лишите их почти всех средств нанесения вреда друг другу. Впрочем; разве нельзя будет сделать еще менее чувствительным то незначительное неравенство, о котором идет речь, путем жребия, либо путем чередования в порядке распределения? В области морали, политики и экономики равенство вовсе не является математическим тождеством; оно не нарушается вследствие незначительных различий. В Спарте здравый смысл, как и дух равенства и согласия, сглаживали все незначительные трудности, которые даже и в настоящее время не нарушают мира в многочисленных семьях, пансионатах и воинских постоях.

Третье возражение. Поскольку общество возьмет на себя заботу о нуждах каждого отдельного человека, то никто не будет испытывать потребности трудиться, чтобы обеспечить себе существование, и люди, естественным образом склонные к лени, впадут в общую беспечность, которая сделает невозможным всякий труд.

Ответ. Человек, обладающий хорошим телосложением, испытывает потребность в движении и, чтобы рассеять скуку, изыскивает работу, которая внушает ему отвращение только потому, что эта работа чрезмерна, и потому, что он несет одну лишь ее тяжесть. Ни тому, ни другому из этих случаев нет места при строе общности, где все работают и, следовательно, труд каждого наивозможно легок.

К этим причинам активности следует прибавить всеобщее убеждение в необходимости труда, позор, которым общественное мнение клеймит лентяев, как и строгость закона, который будет карать своевольную праздность наказаниями, налагаемыми в настоящее время на воров.

Четвертое возражение. По той же причине не будет более никакого интеллектуального и промышленного прогресса.

Ответ. Жалкая продукция, выпускать которую заставляет нужда в нищенской заработной плате и которая имеет цену лишь в глазах пустых и праздных людей, исчезнет безвозвратно. Конечно, это не будет злом. Однако несомненно, что так не будет обстоять дело с изучением и изысканиями, имеющими тенденцией упрочить любовь к отечеству и улучшить участь всех людей; таким изысканиям будут предаваться с тем большим жаром, что для этого обычно будет свободное время и что людей поощрит к этому общественная признательность и будет привлекать разумно присуждаемая слава, которая во все времена являлась движущей силой великих деяний и поистине полезных изобретений.

Пятое возражение. Точно и во всех деталях осуществленный режим общности превратит гражданское общество в монастырь и нанесет вред свободе.

Ответ. Монахи, как землевладельцы, так и нищенствующие, не занимаются ни сельским хозяйством, ни промышленностью, в то время как при строе общности Бабефа и Оуэна каждый служит обществу своим трудом. Монахи не состоят в браке, а в строе общности не отказываются от брачных союзов. Монахи слепо подчиняются своим начальникам; в условиях строя общности существует подчинение одному лишь закону, созданию, изменению и упразднению которого способствуют все. Праздные монахи оглашают воздух бесполезными молитвами, в то время как при режиме равенства путем применения подлинного милосердия осуществляется единственный достойный божества культ. Наконец, монахи принуждены сообразовать все свои действия со строгими правилами; люди, живущие при режиме общности, напротив, располагают своим временем, не считая времени на непродолжительный труд, сообразно их наклонностям и желанию.

Чтобы решить вопрос о том, уважается ли свобода действий при режиме общности более, чем при режиме частной собственности, достаточно принять во внимание, что при режиме частной собственности большинство населения, по необходимости занятое долгим и тяжелым трудом, всегда в большей или в меньшей степени лишено возможности свободно применять свою волю даже тогда, когда закон, казалось, обеспечивает ему пользование этим правом. В стране, где все работают по 3—4 часа в день, будет, безусловно, существовать *большая* свобода, нежели в стране, где 4/5 населения принуждены работать 10—12 часов в день, для того чтобы остальная, пятая часть утопала в насаждениях и развращалась в праздности.

Шестое возражение. Жизнь на началах общности приведет общество в состояние варварства.

Ответ. Отсутствие наук и искусств в соединении с грубостью нравов и необузданностью характеров создает то, что обычно называют варварством. А ведь ничто из всего этого не будет с необходимостью вытекать из строя общности, как его понимают Бабеф и Оуэн. Научные исследования и мастерство, на деле способствующие благу и поддержанию общества, не будут устранены при строе общности, а будут поощряться благодаря общей заинтересованности в них благодаря общественному мнению и свободному времени. Поскольку науки и искусства не будут более служить алчности и тщеславию, они будут отбрасывать все то, что не является истиной и не служит общей пользе. С другой стороны общественное воспитание и постоянная взаимопомощь, обмен услугами породят в области чувств братское отношение друг к другу, которое смягчает нравы и умеряет буйность характеров. Благодаря устранению нищеты и подлости, неизбежного следствия частной собственности, будут изгнаны из общества утаивание и лицемерие, превращающие его в поле битвы, в подлинный ад. Люди будут добры без притворства и горды без грубости. Отнюдь не впадая снова в варварство, мы, благодаря установлению строя общности, найдем тогда возможность достижения прочного счастья, подлинной и законченной цивилизации.

Первые мероприятия после восстания

Первой заботой восставших после победы было бы снискать расположение народа, передать всюду власть в руки лиц, преданных принципам новой революции, и не дать времени известным врагам равенства подготовить заговоры, к которым они не преминули бы прибегнуть.

Воззвание к французскому народу

С этой целью Комитет утвердил план воззвания к французам, первые строки которого писались одним из его членов как раз в тот момент, когда он был схвачен сателлитами тирании*. В этом воззвании должен был быть показан народу длинный ряд преступлений, которыми был бесчестно нанесен ущерб равенству и правам граждан; в нем должно было быть показано, что причины общественных бедствий, еще не искорененные революцией, которую эти бедствия вызвали, заключались всегда в неравенстве и в порождаемых им пороках; воззвание должно было указать нации на поведение парижского народа, как на образец, которому она должна следовать, во всеуслышание призвать французов к осуществлению равенства и торжественно взять на себя обязательство обеспечить за ними это равенство путем нескольких месяцев спокойствия, мужества, терпения и повиновения.

В том же воззвании был бы провозглашен в качестве законодательного принципа декрет восставшего парижского народа[†] и была бы подтверждена конституция 1793 г., как окончательное выражение нового политического строя. В нее были бы только внесены некоторые добавления и, кроме того, были бы предварительно установлены такие учреждения, без которых самая демократическая конституция останется всегда телом без души и будет служить мишенью для неистовства фракций.

Вот некоторые из положений, которые должны были сопутствовать этому воззванию:

- немедленное смещение всех гражданских и судебных властей и объявление вне закона всякого, кто осмелился бы выполнять функции таковых;
- немедленное восстановление исполнительных комиссий администрации департаментов и дистриктов, муниципалитетов, революционных комитетов, мировых судов и уголовных судов в том виде, в каком они существовали до 9 термидора II года;
- приказ всем гражданам, занимавшим в то время какие-либо должности в вышеназванных органах власти, немедленно занять их вновь, за исключением тех случаев, когда имеются законные препятствия;
- устранение от всякой общественной должности под страхом смертной казни любого, кто известен тем, что он обогатился при исполнении какой-либо общественной должности;
- опубликование Акта о восстании по всей республике;
- применение ко всей республике статей 1, 2, 18 и 19 названного Акта;
- опечатание всех государственных касс: освобождение от всех прямых и торгово-промышленных налогов, начиная с 1 вандемьера IV года, граждан, лично выполняющих земледельческие и ремесленные работы первой необходимости и обладающих лишь самым необходимым для себя и для своей семьи;
- прогрессивное размещение среди богачей всей суммы ранее установленных прямых налогов;
- взыскание этих налогов натурой;
- оплата натурой аренды национальных имуществ;
- устройство в каждой коммуне общественных складов, а также крупных военных складов в 20 лье от границ, где расположены войска;
- призыв ко всем гражданам предоставить отечеству одежду для его защитников;
- приказ муниципалитетам позаботиться о том, чтобы ни одна часть территории не оставалась невозделанной;
- отнятие у землевладельцев в пользу народа земель, обработкой которых, как это установлено в стране обычаем, они пренебрегли;
- прекращение продажи национальных имуществ;
- немедленная отмена в пределах республики всякой выплаты денежного жалованья;
- снабжение натурой общественных агентов, нужда которых в самом необходимом будет доказана;
- подобное же снабжение неимущих семей защитников отечества, как и всех стариков и немощных бедняков;
- призыв к богачам добровольно уступить властному требованию справедливости, уберечь отечество от междоусобиц, а себя самих от многих бедствий и ограничиться самым необходимым, великодушно уступив народу свои избыток;
- забвение всех поступков и мнений, противоречивших равенству, в отношении лиц, которые в течение определенного срока недвусмысленно докажут, что они искренно вернулись к истине и отечеству;
- возвращение в тюрьмы под страхом объявления вне закона всех лиц, содержащихся в них 8 термидора II года, в том случае, если они не подчинились призыву ограничиться необходимым в

* Вот эти строки: «Повстанческий комитет общественного спасения. Народ одержал победу, тирании больше не существует, вы свободны...» На этом писавший был прерван и схвачен.

[†] См. выше, стр.242—243.

великодушно уступив народу свои избыток;
забвение всех поступков и мнений, противоречивших равенству, в отношении лиц, которые в течение определенного срока недвусмысленно докажут, что они искренно вернулись к истине и отечеству;
возвращение в тюрьмы под страхом объявления вне закона всех лиц, содержащихся в них 8 термидора II года, в том случае, если они не подчинились призыву ограничиться необходимым в пользу народа;
отмена всех декретов, изданных после 9 термидора в пользу эмигрантов и лиц, обвиненных в эмиграции, а также в пользу заговорщиков и их наследников;
арест всех лиц, о которых известно, что они после 9 термидора совершали или провоцировали убийства республиканцев.

Это было бы только началом великих преобразований, задуманных Повстанческим комитетом; это было бы не чем иным, как насильственным переходом государственной власти в руки народа.

Рассчитывая сохранить после восстания полезное влияние на ход обсуждений, Комитет занялся планом неотложных подготовительных мероприятий к окончательному законодательству, которого он желал добиться. Я дам о нем некоторое представление.

Генеральные комиссары

Безотлагательно должны были быть направлены во все департаменты и войска генеральные комиссары не из числа членов нового Конвента, облеченные широкими полномочиями с возложением на них обязанное и подавлять силами республиканцев всякое сопротивление, прибегать в нужный момент к суровости или к снисходительности; наделенные властью смещать с должности, предавать суду, вознаграждать; обязанные, прежде чем приступить к исполнению своих функций, сообщить о своем имущественном положении и ответственные за свое поведение перед особым судом, учрежденным специально для того, чтобы получать отчеты об их действиях и карать тех из них, кто перестал считаться с целью своей миссии.

Образцовый семинарий

Чрезвычайно большое значение придавалось быстрому созданию при повстанческой власти образцового семинария, в котором граждане из провинции, прибывающие в определенном распорядке, постигали бы принципы новой революции, проникались духом преобразователей и учились руководить путем воздействия на общественное мнение исполнением законов, которые должны были изменить облик нации.

Общественный дух и народные общества

Генеральным комиссарам доверялась бы важная забота — просвещать и объединять республиканцев, в особенности побуждать их к тому, чтобы они разделяли взгляды и настроение руководителей восстания; они должны были привлечь их к себе благоразумием своих мероприятий, своим пламенным рвением, бескорыстием и безупречным образом жизни. Как истинные апостолы они вносили бы светоч равенства во все коммуны и особенно в народные общества, которые им надлежало открыть и в отношении которых желательно было, чтобы их взгляды предвосхищали преобразовательные мероприятия законодателя.

Революционные декреты

Пять проектов революционных декретов были представлены на обсуждение Повстанческого комитета к моменту его насильственной ликвидации, а именно:

Проект декрета о внутреннем порядке;

- военного декрета;
- декрета о воспитании;
- экономического декрета;
- декрета о национальных празднествах.

Декрет о внутреннем порядке

Введением в действие декрета о внутреннем порядке намеревались устрашить и внести смятение в ряды людей, которые попытались бы воскресить события, обогрившие кровью республику после 31 мая 1793 г. Такова была цель создания в стране военных лагерей, всеобщего вооружения граждан и воссоздания национальной гвардии. Все незаинтересованные в полном успехе преобразования должны были быть лишены всякой силы. Точно так же каждый, кто не служил обществу полезным трудом, подлежал исключению из него. Наконец, намеревались

облегчить выполнение общего плана с помощью самих недовольных, которые во имя своей же защиты были бы вынуждены искать в нем единственный путь к спасению*.

Военный декрет

Военный декрет должен был иметь результатом своего рода республиканское воспитание молодежи, которая не могла больше пользоваться благами такого воспитания в воспитательных домах; декрет этот содержал среди многих других статей следующие:

каждый француз находится на действительной службе в армии с 20 до 25 лет;

каждый, кто не прослужил в армии рядовым солдатом в течение ... лет, не может занимать в ней командных постов;

в каждой воинской части подчиненные участвуют в назначении своих начальников, которые периодически сменяются;

в войсках отменяется выплата денежного жалования;

республика организует ежедневную выдачу воинского рациона каждому, кто входит в состав армии;

республика равным образом обеспечивает квартирой, одеждой, освещением, отоплением;

стиркой белья и содержанием всех защитников отечества;

военный паек является таким же, как для лиц, занимающих гражданские должности;

защитники отечества живут совместно под руководством своих начальников и согласно правилам, которые будут установлены;

мародерство воспрещается; каждый защитник отечества до выступления в поход обязуется доставлять военному начальству вес, что он сможет отнять законным образом у неприятеля;

по окончании чрезмерного труда лица, на долю которых выпал такой труд, получают более обильное довольствие;

неподчинение карается смертной казнью;

такой же каре подвергаются генералы и офицеры, уличенные в воровстве, пьянстве, насилии, азартных играх, в пренебрежении к законам и в произволе по отношению к своим подчиненным;

в армии вводится труд, обучение и празднества;

республика присуждает награды за выдающиеся поступки;

все граждане обучаются владению оружием и проходят строевую службу.

Декрет о воспитании

Декрет о воспитании предназначался для того, чтобы немедленно привести в исполнение план, о котором мы говорили. В самом деле, нет нужды ни в какой особой предосторожности в отношении детей, которые, не имея установившихся привычек, готовы усвоить все те, которые им хотят привить.

Вся трудность в этом отношении сводилась к тому, чтобы преодолеть сопротивление некоторых семей и подыскать достаточное количество людей, способных руководить воспитательными домами в духе преобразования.

Первое препятствие надеялись преодолеть благодаря влиянию республиканцев, благодаря энтузиазму, который должно было пробудить распространение принципов равенства, благодаря облегчению, которое это мероприятие должно было незамедлительно принести неимущему классу, и благодаря очевидности преимуществ, которые оно должно было обеспечить детям.

Что касается разносторонности ума, нравственных качеств и способности лиц, которым должно было быть доверено руководство воспитательными домами, то заручиться этим рассчитывали с помощью образцового семинария, где нужно для формирования этих людей время следовало употребить таким образом, чтобы суметь потом привить народу новую систему и подготовить места, где должна была быть собрана молодежь.

Добьемся того, говорил Повстанческий комитет, чтобы молодые люди и солдаты привязались к обычаям равенства, и тогда самое главное будет сделано, ибо по истечении нескольких лет эти молодые люди и эти солдаты составят почти всю нацию. Однако чтобы не сделать бесполезными добрые предрасположения, которыми наделит их государственное воспитание, не допустим, чтобы, вступив в общество, они нашли в нем порядок, находящийся в противоречии с результатами этого воспитания; пусть с этого же момента начинается уничтожение духа собственности, и пусть оно идет в ногу с успехами молодежи и армии в области теории и практики равенства. Для этого и предназначался Комитетом экономический декрет.

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

* См. Документы, № 28.

Экономический декрет

Декрет этот охватывал все области государственного управления; он распространялся на сельское хозяйство, ремесла, торговлю, судоходство, финансы и общественные работы, которые должны были получить благодаря ему новую жизнь.

Известно, что конечной целью работ Комитета было установление великого, совершенного строя общности. Комитет, однако, крайне остерегался бы вводить этот строй путем приказа на другой день после своей победы и принуждать сопротивляющихся принимать в нем участие; всякое личное насилие, всякое изменение, не предписанное законами, было бы воспрещено и наказуемо. Комитет считал, что законодатель должен вести себя таким образом, чтобы побудить весь народ упразднить частную собственность в силу потребности и в собственных интересах.

Но каким образом заставить стольких людей, развращенных праздностью, неестественными наслаждениями и тщеславием, желать простоты, которой они оказывали такое сильное противодействие? Законодательным установлением такого общественного строя, отвечал Комитет, при котором богачи, сохранившие свое имущество, не нашли бы больше ни изобилия, ни удовольствий, ни уважения. Устроим так, продолжал он, чтобы трудящиеся при весьма умеренном труде, не получая заработной платы, пользовались честно приобретенным неизменным достатком, и тогда спадет завеса с глаз граждан, заблуждающихся вследствие предрассудков и рутины; тогда наступит момент, когда обладатели богатств и отличий, будучи вынуждены предлагать более высокую оплату, чем удобное и бесплатное содержание, обеспечиваемое республикой, и расходовать большую часть своих доходов на обработку земли, на подготовительные работы и на налоги, не имея больше возможности пользоваться ни развлечениями, ни прислужгой, отягченные бременем прогрессивных налогов, устраненные от дел, лишены всякого влияния, презираемые, составляющие отныне в государстве лишь внушающий подозрение класс чужаков, — либо во множестве эмигрируют, бросив свое имущество, либо поспешат скрепить собственным присоединением мирное и всеобщее установление строя общности*.

Призовем к себе, говорил далее Повстанческий комитет, мелких собственников, малосостоятельных торговцев, поденных рабочих, земледельцев, ремесленников, всех неимущих, которых наши порочные учреждения обрекают на жизнь, отягощенную чрезмерным трудом, лишениями и печалью. Пусть они вновь родятся для человечества; пусть отечество немедленно обеспечит всем людям, которые чистосердечно посвятят ему свои способности и свой труд, благоустроенное существование, не подверженное превратностям; пусть оно избавит их от опасений и забот, являющихся следствием частной собственности не в меньшей мере, нежели следствием нищеты; создадим отныне большую национальную общину, наделим ее обширной территорией, включим в нее все недвижимое имущество, право пользования которым имеет вся нация или коммуны; предоставим тем, кто ради нее проявит самоотверженность, кто полностью откажется от своего состояния, непрерываемое право на все то счастье, которое может быть уделом всех; будем следить за тем, чтобы это счастье было реальным и быстро осуществилось на деле; воспрепятствуем резонерам нарушить его софизмами и преувеличениями; заставим все виды власти следовать по пути равенства; примем в лоно отечества всех, кто будет искренно стремиться к равенству; искореним все источники, откуда спесь может еще черпать средства для того, чтобы блеснуть перед народом обманчивой пышностью; сделаем золото более тяжелым, нежели песок и камни; смело нанесем первые удары и предоставим естественному стремлению к счастью, благоразумию последовательно завершить при поддержке общественного энтузиазма столь возвышенное начинание.

Когда эта подготовительная работа была бы осуществлена, носителями интересов нации были бы только участники строя общности. Однако все склоняло Повстанческий комитет к мысли, что эта система не замедлит распространиться на всю нацию путем последовательного вхождения в нее защитников отечества, как и путем включения имущества умерших лиц, не примкнувших к ней, а также благодаря счастливой перемене в общественном мнении, которая явится неизбежным следствием такого преобразования. Скоро наступил бы день, когда обязательность и принуждение можно было бы без опасений заменить увещанием, примером и силой необходимости; с этих пор слово *собственник* скоро стало бы для французов дикостью.

Декрет о национальных праздниках

Говоря о народных собраниях, мы упомянули о национальных праздниках и о принципах, на основе которых Комитет рассчитывал их ввести. Тем же духом был проникнут революционный проект, который он обсудил незадолго до его насильственной ликвидации.

* Чтобы правильно все это понять, необходимо тут же прочесть фрагмент экономического декрета, напечатанный в прилагаемых Документах, № 29.

Эти праздники должны были быть многочисленными и разнообразными: каждый день отдыха должен был иметь свой особый праздник. По мнению Комитета, для дела равенства было настоятельно необходимо непрерывно держать граждан в состоянии подъема, привязывать их к отечеству, внушая им любовь к своим праздничным церемониям, играм и развлечениям, изгонять скуку в часы досуга и поддерживать путем частого общения чувства братства между всеми частями республики.

Согласно точке зрения Комитета, осуществление революции и полнота применения народного суверенитета зависели от укрепления этих учреждений и в особенности тех из них, которые создавались в силу экономического декрета; иными словами — день, когда народ стал бы мирно наслаждаться равенством, был бы также днем, когда он мог бы пользоваться во всей полноте освященным конституцией 1793 г. правом обсуждения законов.

Частичное и последовательное осуществление конституции

До этого момента суверенная власть должна была передаваться в руки народа лишь постепенно и по мере прогресса нравов. Сенаты, умеряя своей властью влияние большинства путем различных приемов во время осуществления преобразования, предохраняли бы народ от потрясений и опасностей, которым его неминуемо подвергали бы старые привычки и козни злобных людей.

Множество подробностей изгладилось из моей памяти; она сохранила лишь воспоминание о самых выдающихся чертах и ясное представление о постепенном и одновременном прогрессивном развитии учреждений и конституции. Легко понять, что сам Повстанческий комитет не мог ни предвидеть всех мероприятий, которые могли стать необходимыми в силу обстоятельств, ни заранее определить время, когда задача преобразователя будет завершена.

Кто мог учесть всю силу сопротивления охваченных ужасом страстей? Кто мог предсказать, до какой степени умножат внешние враги республики свои усилия в борьбе против нового преобразования, которое, несомненно, вызовет у них большую ненависть, чем все предшествующие. Эти расчеты и эти предвидения зависели от того, с какой быстротой демократическое общественное мнение вновь приобретет свое прежнее влияние.

Можно лишь с уверенностью заявить, судя по хорошо известному образу мыслей участников заговора, что военные действия против внешних врагов ни на один день не были бы продлены из-за тщеславного стремления к завоеванию и господству, как и в силу торгового соперничества.

Арест участников заговора

Все эти усилия, которым нельзя отказать в известной доблести, оказались тщетными вследствие предательства Гризеля. Используя хитросплетения этого изменника, угнетатели Франции арестовали утром 21 флореаля IV года большинство руководителей заговора^{*}.

Бабеф и Буонарроти были схвачены вместе с некоторыми документами в комнате, где они провели ночь над обдумыванием и подготовкой восстания и преобразования. Одновременно Дарте, Жермен, *Эридди* [Дидье], Друэ и ряд других были схвачены на квартире у Дюфура, где они собрались, чтобы установить день народного выступления. Внутренние войска с оружием в руках содействовали походу против демократии, а население Парижа, которое уверило, что арестованы воры, оставалось пассивным зрителем лишения свободы тех самых участников заговора, оковы которых оно некоторое время спустя безуспешно пыталось разбить.

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

^{*} В это время открылась блестящая итальянская кампания, проложившая дерзновенному солдату путь к высшей власти. Отныне любовь к свободе начала уступать место в сердцах французов любви к военной славе и завоеваниям, которая затем стала самой действенной причиной их невзгод и неполного порабощения. По всей видимости, успех изложенного нами заговора, вырвав власть из рук слабых и испорченных людей, пользовавшихся ею со времени 9 термидора, вернул бы республике силу, которая была ей присуща в первые годы ее существования, и надо полагать, что французский народ, избегнув тем самым заговоров аристократов, которые его сломили, был бы предохранен от честолюбия Бонапарта и от роковых последствий дальних экспедиций, из которых вступившие в коалицию короли извлекли столь большую выгоду и вновь подчинили французский народ игу его прежних господ, натравив на него с помощью коварных обещаний свободы многие народы, пробужденные взрывом революции и озлобленные бедствиями захватнической и грабительской войны.

ПРОЦЕСС

Тюремное заключение

Тюремное заключение участников заговора и весть о заговоре вызвали различные чувства: скорбь и оцепенение у угнетенных, трепет ужаса и свирепое ликование среди высших классов, завопивших о смертной казни для *бабувистов*. Многочисленные документы, захваченные у Бабефа⁹⁸, указали аристократии способ уничтожения партии, наводившей на нее страх.

Темницы Аббатства мгновенно заполнились подсудимыми, которых приволокли туда при проявлении живейшего участия к ним со стороны народа и солдат. В течение нескольких дней прилегающие к этой тюрьме улицы были запружены народом; но вскоре подсудимых разъединили, и те из них, которые казались наиболее скомпрометированными, были запряты в башни Тампля. Все они ожидали в любой момент гибели от руки военной комиссии; Друэ уберег их от этого.

Друэ отводит меч, готовый поразить подсудимых

Согласно конституции III года депутат мог быть предан суду только по обвинению Законодательного собрания и судим только верховным судом, присяжные заседатели которого назначались провинциальными избирательными собраниями. Требовалось несколько месяцев для создания этого чрезвычайного трибунала, который не мог заседать в той же коммуне, где заседало правительство.

Подсудимый Друэ был депутатом, и суд над остальными пришлось по необходимости отложить до выяснения того, не вовлечет ли в свое дело Друэ в качестве обвиняемого лиц, сообщником которых, как это представлялось, он являлся.

Два дня спустя после своего ареста Бабеф направил Исполнительной директории следующее послание:

Г.Бабеф — Исполнительной директории

Париж, 23 флореаля IV года республики.

Неужели, граждане члены Директории, вы сочтете ниже своего достоинства говорить со мной как с *равным*? Вы увидели теперь, средоточием какого широкого доверия я являюсь! Вы увидели, что моя партия может вполне померяться силами с вашей. Вы увидели, какие у нее огромные разветвления!

Я более чем уверен, что это зрелище *привело вас в трепет*.

В ваших ли интересах, в интересах ли отечества предавать огласке раскрытый вами заговор? Не думаю. Поясню, почему мое мнение стоит вне всяких подозрений.

Что произошло бы, если бы это дело получило огласку? Я играл бы в нем самую славную роль; со всем величием души, со всей известной вам энергией я показал бы святую заговора, *своего участия в котором я никогда не отрицал*. Не став на недостойный путь отрицаний, которым пользуются подсудимые в целях самооправдания, я нашел бы в себе мужество изложить великие принципы и выступить перед судом с защитой вечных прав народа со всем преимуществом, которое дает глубокая убежденность в том, насколько прекрасен этот сюжет. Заявляю: я нашел бы в себе смелость показать, что этот процесс — не осуществление правосудия, а процесс сильного против слабого, угнетателей против угнетаемых и их благородных защитников. Меня могли бы приговорить к ссылке, к смерти; но приговор надо мной был бы тотчас признан приговором всемогущего преступления над бессильной добродетелью; мой эшафот почетно стал бы рядом с эшафотом Барнвельта и Сиднея⁹⁹. Неужели вы хотите на следующий же день после моей казни воздвигнуть мне алтарь рядом с алтарями Робеспьера и Гужона, которых сейчас благоговейно чтут как великих мучеников. Это отнюдь не тот путь, который упрочивает правительства и правителей.

Вы видите, граждане члены Директории, что, налагая на меня руку, вы ничего не выигрываете; один я далеко не представляю собой всего заговора; я лишь одно из звеньев длинной цепи, из которой он слагается. Так же как меня, вам следует опасаться и всех остальных его участников. Между тем у вас имеется доказательство того, как они во мне заинтересованы; карая меня, вы нанесли бы удар всем им и вызвали бы их гнев.

Заявляю, вы вызвали бы гнев всей демократии Французской республики; а вам должно быть также известно, что это не такой пустяк, как вы могли вначале вообразить. Признайте же, что демократия прочно существует не в одном только Париже; посмотрите, нет ни одного пункта в провинции, где бы она не была сильна. Вы судили бы о ней гораздо правильнее, если бы ваши клеветы *захватили огромную переписку*, которая дала бы вам возможность составить список лиц, лишь некоторые

отрывки которого вы обнаружили. Можно сколько угодно желать погасить священный огонь; он пылает и будет пылать; чем более он кажется иной раз угасшим, тем более сильным и способным вызвать взрыв грозит стать его пламя при новой *внезапной вспышке*.

Решитесь ли вы полностью избавиться от многочисленных санкюлотов, которые отнюдь не хотят еще признать себя побежденными?

Следовало бы сначала допустить возможность этого; но куда бы это вас привело? Ваше положение отнюдь не похоже на то, которое позволило после смерти Кромвеля сослать несколько тысяч английских республиканцев. Карл II был королем, а вы, что бы там ни говорили, не пользуетесь еще такой властью; *вы нуждаетесь в партии, которая оказала бы вам поддержку; стоит вам убрать партию патриотов, и вы очутитесь лицом к лицу с роялизмом*. Как по вашему, каких хлопот наделал бы он вам, если бы вы оказались одни против него?

Но, скажете вы, патриоты так же опасны для нас, как и роялисты, а, возможно, еще опаснее. Вы ошибаетесь; вникните в существо того, что предпринято патриотами, и вы увидите, что они не желали вашей смерти; это клевета, что они об этом заявляли публично. Что касается меня, то я могу вам заявить, что смерти вашей они не хотели. Они хотели пойти иными путями, нежели Робеспьер: они вовсе не хотели крови; у них было лишь желание заставить вас самих признать, что вы использовали власть для угнетения, что вы устранили из нее все народные формы и гарантии, и они хотели отобрать ее у вас. Они не дошли бы до этого, если бы вы сумели править в интересах народа, как вы, казалось, обещали это после вандемьера. Я сам в первых номерах моей газеты хотел открыть вам путь к этому: я указывал, каким образом, по моему мнению, вы могли бы снискать благословение народа; я объяснял, каким образом мне представлялось возможным, чтобы вы изгнали из вашего конституционного образа правления все то, что в нем противоречит истинным республиканским принципам.

Что ж, еще не поздно: оборот, который приняло последнее событие, может оказаться полезным и спасительным для вас и для дела народа. Неужели вы пренебрежете моим мнением и моими выводами о том, что интересы отечества и ваши собственные заключаются в том, чтобы не давать огласки настоящему делу? Мне казалось, что вы и сами пришли уже к тому мнению, что в этом деле следует быть политичным: полагаю, что вы поступите правильно. Не думайте, что этот шаг принят мною в собственных интересах; необычайная откровенность, с которой я непрестанно объявляю себя виновным в том, в чем вы меня обвиняете, показывает вам, что я действую так отнюдь не вследствие слабости. Смерть или ссылка послужат мне дорогой к бессмертию, и я пойду по ней с героическим и благоговейным пылом; но гонение против меня, как и против всех демократов, не при» несет вам успеха и не обеспечит спасения республики. Я пришел к мысли, что в конечном счете вы все же не всегда являлись врагами этой республики; вы, очевидно, были даже добросовестными республиканцами; почему бы вам не быть ими и сейчас? Почему не допустить, что вы, подобно другим людям, временно заблуждались, под вполне неизбежным влиянием ожесточения, к которому, в отличие от нас, вас привели обстоятельства? Почему бы, наконец, всем нам не отказаться от наших крайностей и не найти разумного выхода? Сердца патриотов, как и сердца народных масс, истерзаны; надо ли раздирать их еще более? Каков был бы конечный результат этого? Не заслужили ли патриоты, чтобы подумали, наконец, о том, как залечить их раны, вместо того чтобы их растравлять? Вам, когда вы того захотите, будет принадлежать инициатива добра, ибо в ваших руках пребывает вся сила государственного управления. Граждане члены Директории, управляйте в духе народа; вот все, о чем вас просят патриоты. Говоря так от их имени, я уверен, что они не остановят меня, уверен, что они не станут меня опровергать. Я вижу лишь одно приемлемое и разумное решение: объявите, что никакого серьезного заговора не существовало. Пятеро человек, проявив величие и благородство, могут сейчас спасти отечество. Я ручаюсь вам также за то, что патриоты станут грудью за вас, и у вас не будет больше нужды в целых армиях, чтобы обороняться. Патриоты не питают к вам ненависти; они ненавидели только ваши антинародные действия. Под мою личную ответственность я также дам вам тогда гарантию столь же широкую, сколь широка моя постоянная искренность. Вам известно, каким влиянием я пользуюсь среди этого класса людей, я хочу сказать — среди патриотов: я употреблю это влияние, чтобы убедить их в том, что раз вы заодно с народом, то они должны быть заодно с вами.

Как было бы хорошо, если бы результатом этого скромного послания явилось умиротворение Франции. Предотвращая огласку дела, предметом которого является Франция, не предотвратите ли вы тем самым и нарушение спокойствия Европы?

Подписано: Г. Бабеф.

Ослепление правительства

Давно было ясно, и раскрытие заговора дало новые доказательства этого, что преследование демократических учений вызвало большие расхождения среди старых друзей революции и что под влиянием этого преследования все более и более угасало рвение народа ее защищать.

Такое положение вещей, увеличивавшее благоприятные условия для роялистской партии, находившей поддержку за границей, должно было, казалось, умерить надменность вожаков новой аристократии и побудить их внести в законодательство изменения, которые привязали бы к ним демократов, а через них народ, и тем самым уберегли бы республику от столь пагубной для нее борьбы, а их самих от поразивших их в конечном итоге несчастий. Именно это и предлагал Бабеф как в целях сохранения жизни своим друзьям, так и для того, чтобы вернуть республиканскому духу покидавшую его силу. Но способна ли впадая в ужас спесь прислушаться к советам благоразумия? Новое правительство оставалось слепое, и, не считая нужным разумно отступить на шаг, снискав тем самым любовь народа, которой оно никогда не пользовалось, оно безрассудно отдалось слепой ярости и, вопреки здравому смыслу и общественному мнению, довело ее до того, что стало приписывать роялистские намерения также гражданам, которым роялизм внушал омерзение, и преследовать в их лице единственных людей, от которых республика с полным основанием могла ожидать подлинной и необходимой ей преданности.

Революционеры, ставшие аристократами, помышляли лишь о том, чтобы сейчас же воспользоваться победой, которой они обязаны были гнусному предательству, и раздавить партию, осуждавшую их узурпацию. Друэ было предъявлено обвинение, и он должен был предстать перед верховным судом, местопребыванием которого был определен Вандом.

Нарушение конституции

«Никто, — гласила конституция III года, — не может быть никаким решением комиссии или иными определениями, кроме установленных предшествующим законом, лишен судьей, назначаемых ему законом». Тем не менее закон, изданный после раскрытия заговора, постановил, что обвиняемые по тому же делу, что и депутат, должны предстать вместе с ним перед верховным судом, который не являлся судом, назначаемым им законом.

Та же конституция также гласила: «Для всей республики существует кассационный суд, который выносит решение по окончательным приговорам всех судебных инстанций». Между тем, согласно предписанию вышеуказанного закона, решение верховного суда, который безусловно являлся судебным органом, не подлежало кассации.

Эти противоречившие букве конституции предписания соучастники по делу Друэ приписывали тому, что правительство боится публичного судебного разбирательства на глазах у парижского населения. Они рассматривали эти предписания как следствие враждебности, проявившейся во время обсуждения данного вопроса и побудившей одного рассвирепевшего законодателя воскликнуть: «Незачем так церемониться с мятежниками», — а другого, не менее пристрастного: «Для того чтобы действовать против мятежников с соблюдением всех формальностей, понадобится слишком много времени».

Обвинительное заключение

В Париже обвинение было предъявлено 59 гражданам, из них 17 заочно; многим из них обвинение предъявлялось с непростительной легкостью. В то же время по всей республике выискивались малейшие предлоги, чтобы увеличить число обвиняемых, средством массового избиения которых, как воображали власть имущие, послужит верховный суд. Подсудимые, доставленные из Шербурга, Арраса, Рошфора, Бурга и Сента, были столь явно непричастны к делу, что им не смогли предъявить ни малейшего обвинения.

Побеги

Между тем как в Париже готовилась трагедия, которая должна была разыграться Вандоме, парижские демократы пришли в движение, чтобы освободить своих товарищей. Друэ бежал из тюрьмы Аббатства при содействии привратника-республиканца; однако побег заключенных из Тампля, относительно которого имелась договоренность с приставленными к ним солдатами, провалился из-за отсутствия необходимой согласованности в действиях.

Паш¹⁰⁰ был единственным оставшимся на свободе человеком, который в опубликованном им сочинении открыто защищал взгляды и дело подсудимых. Слабую преграду потоку сыпавшихся на заключенных оскорблений противопоставили и некоторые участвовавшие в периодической печати писатели. Однако они сделали это неуклюже и нерешительно, то отрицая очевидные факты, то давая понять, что заговор был тайно спровоцирован правительством. Они ни разу не осмелились рассмотреть вопрос о законности усилий участников заговора и найти оправдание их действительным намерениям¹⁰¹.

Перевод заключенных в Вандом

В ночь с 9 на 10 фрюктидора IV года все содержавшиеся в Париже подсудимые были переведены в Вандом. Начальник крепости приказал тщательно обыскать их у него па глазах и сам поместил их в спешно построенные клетки с решетками, чтобы выставить, как диких зверей, напоказ врагам равенств? и людям обманутым, которых те восстанавливали против подсудимых. Они проследовали через Париж среди многочисленных войск, и всю дорогу их сопровождал большой отряд жандармерии и кавалерийские войска. Шедшие за ними пешком жены, дочери и сестры, часто вынуждены были переносить непогоду» и насмешки аристократов. Да и сами подсудимые так натерпелись от грубости командовавшего их эскортом офицера, что не могли нахвалиться радушным приемом, оказанным им муниципальными властями Шартра и Шатодена.

В Вандоме был специально создан суд и обширная тюрьма, в которую вечером 13 фрюктидора были заключены все бывшие налицо подсудимые; некоторое время спустя туда же попали Антонелль и Фион, арестованные после предъявления им обвинения, а также подсудимые, прибывшие из Рошфора, Шербура и Арраса.

Войска всех родов оружия строго охраняли подступы к тюрьме и улицы города, подход к которым на десять лье в окружности был запрещен тут же изданным законом. Предстоявшие «судебные заседания намеревались лишить всякой гласности.

Время, прошедшее между прибытием подсудимых и открытием заседаний суда, было употреблено судом на то, чтобы сформироваться, произвести допрос и расследовать причины неявки в суд, созвать присяжных и вынести суждения по поводу предъявленных подсудимыми требований и отклонений. Подсудимые воспользовались этим временем для опротестований, для отклонений, на которые они имели право, а также для согласования и подготовки своих защитительных речей.

Опротестования

Мало согласовывавшиеся с конституцией декреты, о которых шла речь выше, открыли подсудимым широкую возможность опротестования. Многие из них усмотрели в оспариваний компетенции верховного суда возможность возбудить между ним и Законодательным собранием спор, который мог привести к благоприятным для народного дела событиям. Напрасная надежда! Верховный суд объявил себя правомочным.

Отводы

Из общего количества присяжных, назначенных провинциальными избирательными собраниями, тридцать человек могли быть подвергнуты подсудимыми немотивированному отводу. Это была весьма важная процедура, от которой могла зависеть участь многих из них.

Основываясь на неполных и часто неточных сведениях, собранных в провинции, подсудимые на общем совещании пришли к соглашению относительно лиц, подлежащих отводу. Эти лица были распределены между тридцатью подсудимыми с тем, чтобы каждый из них мог отвести одного.

Однако ввиду того, что выборы IV года производились во многих местах в отсутствие подвергавшихся преследованиям или насильственно изгнанных из собраний республиканцев и на выборы влияли враги революции, оказалось невозможным оставить в списке присяжных одних только истинных друзей свободы; пришлось довольствоваться лишь менее плохими. Из лиц, заслуживавших полное доверие, одни были исключены судом как родственники эмигрантов; другие, поддавшись страху, прикинулись больными, и это было признано уважительной причиной. На судебном разбирательстве присутствовали только трое¹⁰².

Мужественные признания Бабефа

Первой мыслью Бабефа, как только его лишили свободы, было сознаться в заговоре и отстаивать его законность. Это видно из его ответов министру полиции, допрашивавшему его, имел ли он намерение свергнуть правительство и вступал ли он для достижения этого в союз с некоторыми лицами. Вот эти ответы: «Глубоко убежденный, что существующее правительство является угнетательским, я готов был сделать все, что в моих силах, для его свержения. Я вступил

в союз со всеми демократами республики; долг не позволяет мне назвать хотя бы одного из них». Допрошенный тем же министром о том, какие средства он рассчитывал употребить, он ответил: «Все средства законны против тиранов». И вслед за тем: «Мне незачем сообщать подробности о средствах, которые были бы употреблены. Впрочем, они зависели не только от меня, мне принадлежал только один голос в совете борцов против тирании».

Несколько дней спустя, на допросе у председателя суда он следующим образом ответил на обвинение в том, что он является зачинщиком заговора: «Я утверждаю, что мне оказывают слишком много чести, увенчивая меня званием руководителя заговора; заявляю, что я занимал в нем лишь второстепенное место, в границах, которые я укажу: я одобрял этот заговор, так как считал его законным, так как считал и сейчас считаю, что нынешнее правительство является в высшей степени преступным: оно узурпировало власть, нарушило все права народа, довело его до самой тяжкой нищеты, до самого жалкого порабощения; оно повинно, наконец, главным образом, в оскорблении нации. Я одобрял этот заговор потому, что верил и сейчас верю в святость принципа, согласно которому организация заговора против такого правительства есть настоящий долг всех свободных людей. Потому-то я охотно согласился содействовать всеми доступными мне средствами вождям и руководителям образовавшегося против него заговора».

Определив, какую роль он играл в заговоре, он добавил: «Вот подробности, которые, несомненно, опровергнут нелепое предположение, будто я являюсь главой заговора; оно основывалось на том единственном обстоятельстве, что в момент ареста при мне оказалась часть бумаг участников заговора. Повторяю, я вовсе не хочу этим умалить свою виновность; я хочу лишь быть добросовестным и не выступать в более яркой роли, чем я того заслуживаю, в роли, которую я не играл. Однако после этого я согласен понести самое тяжкое наказание за преступление в том, что я находился в заговоре против угнетателей; ибо снова признаю: что касается намерений, то никто не мог конспирировать против угнетателей решительнее меня. Я убежден, что это преступление присуще всем французам, по крайней мере всем честным французам, всем, кто является противником ужасной системы, обеспечивающей благополучие немногим, основанной на позоре и крайней нищете масс; я объявляю себя полностью причастным к преступлению и уличенным в нем и заявляю, что я служил преступлению, к которому причастны все участники заговора».

В продолжение долгого следствия, учиненного председателем суда присяжных, главные подсудимые содержались все время в одиночном заключении. Не имея возможности сговориться с Бабефом, считавшимся наиболее осведомленным в деле, остальные подсудимые, из опасения дать противоречивые показания или подвести друг друга, были вынуждены предоставить ему одному давать объяснения, а самим держаться в рамках строгой осмотрительности. Одни отрекались от собственного почерка, другие измышляли небылицы. Дарте беспрерывно опротестовывал законность судебной процедуры.

Если бы не слабость Пийе¹⁰³, арестованного вместе с Бабефом и Буонарроти, почерк Бабефа, как и почерк еще некоторых заключенных, остались бы неузнанными. Безумно боясь, как бы сделанные им многочисленные копии актов Повстанческого комитета, секретарем которого он являлся, не навлекли на него обвинения в активном соучастии в проекте, Пийе поспешил заявить о том, что было им сделано и свидетелем чего он являлся, а также назвать авторов переписанных им рукописей. Этот подсудимый, трусливое поведение которого имело роковые последствия, ловко разыграл в тюрьмах и на суде роль слабоумного. Представ перед верховным судом, он заявил, что злой дух толкнул его к Бабефу; он утверждал, что можно вступить в соглашение с дьяволом, чтобы заручиться его покровительством или чтобы нанести кому-нибудь вред, и попросил слова — как он заявил — для приведения подробностей. Среди действительно замешанных в деле подсудимых никто не дрогнул перед угрожавшей им смертельной и неминуемой опасностью. Все остались непоколебимы в своей преданности защищаемой ими доктрине, как и в решимости скрепить ее своей кровью. В своих показаниях они никого не выдали.

Стойкость подсудимых

К тому времени, когда они прибыли в Ван-дом, они уже сговорились о том, чтобы отказаться от всяких недомолвок, уверток, от всякого отрицания, сознаться в заговоре и при защите ограничиться указанием на его законность. Они считали своим долгом засвидетельствовать таким образом в последний раз правоту своего дела и показать отечеству незабываемый пример упорства и стойкости. Но другие подсудимые, менее скомпрометированные и более осторожные, были встревожены этим планом защиты и сочли своим долгом помешать его осуществлению. «Если вы сознаетесь в существовании заговора, — говорили они своим товарищам, — то каким образом суд сможет объявить его неустановленным? Возможно ли, чтобы среди наших присяжных заседателей оказалось хотя бы четверо, которые найдут в себе мужество оправдать ваши намерения или ответить святой ложью на вопросы о фактах, которые им будут предлагаться? Это значило бы слишком многого ожидать от выборных лиц в пору коррупции и испорченности. Не

Не приведете ли вы к гибели вместе с собой, в случае если заговор будет признан действительно существующим, также и нас, ваших друзей, и многочисленных республиканцев, которые уже являются жертвой клеветы и преследований? Не подвергайте добродетель наших судей слишком суровому испытанию и дайте им, по крайней мере, повод для вашего оправдания».

Видоизменение защиты

Оттого ли, что эти увещания внушили главным подсудимым опасение, как бы во время судебного разбирательства не вспыхнул пагубный разлад; оттого ли, что они отступили перед мыслью об ударе, который они нанесут отечеству, повредив своим друзьям; оттого ли, наконец, что сердца их поддались чувству самосохранения, но только первоначальный план был отвергнут. Условились, что существование заговора следует отрицать, что его цель будет защищаться предположительно и что надо стараться давать объяснения в соответствии с содержанием захваченных документов и уже доказанными фактами.

Однако свидетельские показания доносчика были подробны и точны, и хотя они были единственными, на которых базировалось обвинение, но их до такой степени подтверждали многочисленные уличавшие подсудимых документы, что казалось невозможным, если отбросить всякие политические соображения, чтобы добросовестный человек при самом поверхностном рассмотрении мог отрицать реальность заговора.

Поэтому подсудимые, которые были серьезно скомпрометированы, решили защищаться, настаивая на том, что сговор, существование которого считали якобы установленным, на деле не существовал и что если бы даже он и существовал, то в нем не было бы ничего преступного как в силу отсутствия средств для его осуществления, так и в силу того, что при самом неблагоприятном предположении цель, которая ему приписывалась, являлась законной и правомерной.

Антонелль

То, что готовилось к заседаниям суда, было до этого совершено Антонеллем на глазах у народа. Этот мужественный гражданин нашел в то время самое благородное применение своим дарованиям и состоянию. Несмотря на то, что в отношении его не возникало никакой юридической презумпции, он открыто присоединился к делу своих заключенных в тюрьме друзей. Многочисленными печатными выступлениями¹⁰⁴ он расположил общественное мнение к тому, чтобы благосклонно встретить их защиту, и из недр своей темницы выступал с беспощадными обвинениями против правительства, восхвалял конституцию 1793 г., оправдывал намерения участников заговора и нашел в себе мужество объявить себя почти их сообщником.

В это злополучное время почти все силы республиканцев были заключены в Вандомской тюрьме. Здесь подсудимые вдохновляли друг друга на служение народу примером непоколебимой твердости; они жили в самом демократическом братстве. Известные оттенки, которые можно было различить между *равными* и бывшими членами Конвента¹⁰⁵, не помешали установлению полного согласия; оно росло с каждым днем благодаря сближению во взглядах и преданности, с которой каждый выполнял свой долг перед судом.

По вечерам далеко вокруг разносилось пение республиканских песен, в котором принимали участие все заключенные, и жители Вандома, привлекаемые интересом и любопытством на соседний холм, нередко присоединяли к пению свои голоса и аплодисменты.

У людей, дерзнувших на столь многое ради дела, которому они были так преданы, судьба республики была, безусловно, постоянным предметом разговоров и беспокойства. Одно ужасное несчастье дало новую пищу тому и другому. Едва подсудимые прибыли в Вандом, как они узнали о роковом событии в Гренельском лагере, где лишились жизни многие безупречные демократы, попавшие в отвратительную ловушку вследствие желания разбить цепи узников и восстановить права народа. Эта гнусная резня способствовала тому, что силы аристократии выросли за счет силы, насильственно вырванной у демократической партии.

Вскоре после этого некоторые уличенные роялистские заговорщики, эмиссары осужденной законом династии, встретили скандально снисходительное отношение со стороны покровительствовавшего им большинства законодателей, как и со стороны судившей их военной комиссии.

Около того же времени суды, «а которые было возложено заочно судить обвиняемых по делу 13 вандемьера, объявили недоказанным заговор, залитый в этот день кровью Париж».

Эта снисходительность суда возбудила недовольство правительства. «Я опасаясь, — говорил один из его членов, — как бы она не оказалась спасительной для подсудимых в Вандоме». От них правительство особенно хотело отделаться.

Открытие судебного разбирательства

2 вантоза V года началось, наконец, судебное разбирательство. Налицо было 47 подсудимых: 18 человек судили заочно*. Бабеф, Дарте, Буонарроти, Жермен, Казен, Клод Фике, Буэн, Фион, Рикор, Друэ, Ленде, Амар, Антонелль, Россиньоль и еще десять человек действительно активно участвовали в заговоре; пятеро были причастны к нему косвенно¹⁰⁶; все же остальные были совершенно к нему непричастны и предстали перед верховным судом лишь благодаря неистовству партии, желавшей сделать этот суд истребительным для демократии.

Здание суда охранялось многочисленной военной силой. Около каждого подсудимого стояло по два жандарма. Зал заседаний был обширен; часть его, отведенная для публики, была постоянно полна народа, часто аплодировавшего подсудимым и ни разу обвинителям. Было несколько защитников. Они затянули заседание многочисленными возбужденными ими инцидентами и иной раз расходились во взглядах с подсудимыми, намерения которых они ни разу не осмелились оправдать¹⁰⁷. Подлинными защитниками дела были Бабеф, Жермен, Антонелль и Буонарроти.

Следовавшие за подсудимыми отважные женщины присутствовали все время на всех заседаниях суда.

Дарте

Из числа серьезно скомпрометированных подсудимых один Дарте, более последовательный, чем все другие, настойчиво выражал протест. Он ни разу не признал за верховным судом права его судить, постоянно отказывался отвечать и давать объяснения и позволил осудить себя без защиты. После того как он снова выразил суду свой протест, он произнес следующие слова: «Что касается меня, то если провидение приурочило к этому времени конец моего жизненного пути, я закончу его доблестно, без страха и сожаления. Увы! О чем мне сожалеть?.. Когда гибнет свобода, когда камень за камнем рушится здание республики; когда само ее название стало ненавистным; когда друзья, поклонники равенства, подвергаются преследованиям, лишаются пристанища, предаются ярости убийц и треволениям самой ужасающей нужды; когда народ, жертва всевозможных ужасов голода и нищеты, лишен всех своих прав, унижен, презираем, изнемогает под железным ярмом; когда величественная революция, надежда и утешение угнетенных народов, стала лишь призраком; когда защитники отечества, согбенные под бременем гнуснейшего деспотизма, выносят тяжкие поношения, когда в награду за свои жертвы, за пролитую ими во имя защиты общего дела кровь их обзывают злодеями, убийцами, грабителями, а их лавры превращают в тернии; когда роялизм повсюду обнаглел, находит покровительство, почет и даже вознаграждается кровью и слезами несчастных; когда фанатизм с новым неистовством извлекает из ножен свои кинжалы; когда преследование и смерть витают над головами всех добродетельных людей, всех друзей разума, принимавших какое-либо участие в великих и благородных усилиях на пользу нашего возрождения; когда в довершение ужаса злодеи, прикрываясь именем всего, что есть наиболее священного, наиболее почитаемого на земле, именем святой дружбы, уважаемой добродетели, безукоризненной честности, благодетельного правосудия, кроткой гуманности, именем самого бога, несут за собой страдание, отчаяние и смерть; когда официально почитаются, превозносятся и называются священным именем добродетели глубокая безнравственность, ужасающее предательство, гнусная клевета, бесчестное клятвopепреступление, разбой и убийство; когда порваны все социальные узы; когда Франция покрыта траурным крепом; когда она скоро будет представлять испуганному взору путника одни лишь груды трупов и дымящиеся пустыни; когда нет более отечества, — тогда смерть является благом.

Я не завещаю моей семье и моим друзьям ни бесчестия, ни позора; они смогут с гордостью назвать мое имя в числе имен защитников величественного дела человечества и его мучеников. Я с уверенностью утверждаю, что весь свой революционный путь прошел незапятнанным; ни разу мысль о преступлении или подлости не осквернила моей души. Бросившись еще молодым в революцию, я вынес все тяготы, перенес все опасности, ни разу не пав духом, испытывая одну лишь радость надежды увидеть когда-нибудь прочно заложенное царство равенства и свободы. Поглощенный исключительно возвышенностью этого человеколюбивого дела, я пошел на полное самоотречение; личный интерес, семейные дела — все было забыто, пренебрегаемо; сердце мое билось всегда только для моих ближних и для торжества справедливости».

* Налицо были подсудимые: Бабеф, Дарте, Жермен, Бловдо, Корда, Фроссар, вдова Мунар, Буонарротти, Софи Лапьер, Гулар, Мюнье, Массар, Рэбуа, Фион, Коше, Нейе, Буден, Жанна Бретон, Вадье, Лэньело, Тулот, Ламбер, Ламберте, Поттофе, Морель, Дюфур, Моруа, Клере, Амар, Филип, Казен, Николь Мартен, Таффуро, Друэн, Руа, Пийе, Бретон, Дидье, Антонелль, Антуан Фике, Рикор, Тьерри, Аделаида Ламбер, Вернь, Дюпле-отец, Дюпле-сын, Крепен. Судились заочно: Друэ, Лавде, Вакре, Клод Фике, Гилем, Кретьен, Монье, Рей, Менесье, Мунар, Вод, Буэн, Парен, Бодсон, Лепелетье, Россиньоль, Жорри, Кордебао.

Контрреволюционное умонастроение государственных обвинителей

Государственные обвинители с самого начала старались возбудить ожесточенную ненависть не только к подсудимым, но и ко всему, что было сделано в пользу демократии в ходе революции. Устанавливая прежде всего факт существования воображаемого сообщества *зловредных лиц, никому прежде неизвестных чудовищ, лицемерных, безбожных, честолюбивых, мстительных, взбесившихся, клеветников, человекоубийц, сынов анархии, рожденных в лоне ее, не ведающих ничего кроме нее, беспрестанно призывающих ее и только ее одну приветствующих*, они приписывали этому сообществу все движения и все революционные акты и не отступили перед тем, чтобы еще до разбора дела отнести к его членам обвиняемых, судить которых предстояло верховному суду.

В изобращении обвинителей, влияние этой крамольной партия было так велико, что слушавшие их не могли разобраться в том, какие же события революции они удостоивали своим одобрением. Судя по их определению законного восстания, они в глубине души распространяли анафему, которой они предавали великие национальные движения, даже на движение 14 июля — единственное, которое они, казалось, одобряли.

При помощи многочисленных документов, захваченных у подсудимых, обвинителям нетрудно было доказать наличие сговора, который они называли преступным заговором; во что касается вопроса о намерении, существенного элемента преступления, то они старались уклониться от его обсуждения; в том немногом, что ими было сказано о нем, они исказили его ложными утверждениями, рискованными абсурдными выводами. Их неизменной целью было изобразить подсудимых презренными и гнусными созданиями и воспрепятствовать им убедить Францию в том, что их взгляды благотворны, что их оппозиция конституции III года законна, а их намерения справедливы и находятся в соответствии с общими интересами. Что же надо думать об этих обвинителях, которые, получив задание возбудить преследование от имени республики против творцов неосуществленного плана, позволили себе оправдать заговор и вооруженный мятеж, приведшие к тому, что 13 вандемьера IV года была пролита кровь многих тысяч граждан и имевшие конечной целью восстановление королевской власти?

Помехи, чинимые защите

Заодно с обвинителями судьи тоже стремились ограничить судебное разбирательство узкими рамками факта и несколько раз пользовались своей властью, чтобы запретить подсудимым всякую, даже предполагаемую дискуссию о существовании заговора, всякое обсуждение их сочинений, представленных, между тем, обвинением как главные и почти единственные средства, которыми пользовались участники заговора.

Таким образом, суд, который, казалось, был обязан защищать права нации и обуздывать власть имущих, в действительности служил только орудием в руках лиц, которые, пренебрегая народным суверенитетом, захватили в свои руки путем насилия верховную власть.

Подсудимые выступают в защиту революции

Хотя подсудимые, серьезно замешанные в заговоре, отказывались признать его существование, они упорно продолжали защищать его принципы. Революция была в их глазах святым делом; они добросовестно оставались верны народному суверенитету и утвердившей его конституции 1793 г.; гордые тем, что они сделали для их восстановления, они принимали как почесть свои кандалы и угрожавшую им опасность.

Сильное раздражение, необходимое следствие выявившейся противоположности между взглядами обвинителей и чувствами обвиняемых, неоднократно прорывалось в злобных декламациях прокуроров, в пристрастии, с каким судьи прерывали подсудимых, и в бурных протестах заключенных.

Могли ли подсудимые хладнокровно выслушивать клеветнические выпады по адресу основателей республики и отказывать в талантливости, мужестве и нравственных качествах наиболее стойким защитникам равенства?

Могли ли они молча выслушивать, как им приписывались низкие, корыстные чувства — им, большинство которых множество раз рисковало жизнью ради отечества и уходило с государственных должностей в почетной бедности? Им, по адресу которых в ходе столь длительного судебного процесса не раздалось ни одного упрека в каком-либо бесчестном поступке?

Подсудимые ни разу не изменили себе во время судебного разбирательства. При каждом удобном случае они во всеуслышание воздавали хвалу республике и равенству; много раз они успешно опровергали политические софизмы обвинителей и почти на каждом заседании оглашали своды здания суда пением республиканских песен.

Предатель

Предатель, донесший и выдавший доверчивых людей, которым он льстил, которых зажигал и с которыми был ласков... Гризель! он фигурировал в списке свидетелей, в числе которых были и другие полицейские шпионы, все время отказывавшиеся сидеть с ним рядом, испытывая ужас перед его глубоким нравственным падением.

Подсудимые надеялись отвести этого свидетеля, ибо закон запрещал выслушивать доносчика при разборе таких преступлений, донос на которые по закону вознаграждается деньгами, или когда доносчик *может каким-либо иным путем извлечь выгоду из своего доноса*.

По мнению подсудимых и их защитников, слово *может* означало неограниченную возможность и подразумевало вознаграждение, которого доносчик мог с основанием ожидать от правительства.

Придуманная государственными обвинителями уловка, чтобы выйти из затруднительного положения, в которое их ставила настойчивая аргументация подсудимых, вызвала всеобщие насмешки; они осмелились утверждать, что квалификация *доносчик* неприменима к Гризелю, так как — заявляли они — свое первое показание он сделал Директории, а не полицейскому чиновнику, и, следовательно, являлся просто разоблачителем.

Он выступает свидетелем

Эта уловка оказалась неудачной; тем не менее суд решил, что смысл слова *может* должен быть ограничен правами, приобретаемыми доносчиком в результате доноса, и постановил выслушать Гризеля, что вызвало у многих сильное негодование.

На процессе фигурировало около пятисот уличающих документов, и ряд заседаний был посвящен предъявлению этих документов опознававшим их подсудимым, а также установлению экспертами достоверности документов, которые приписывались тем из них, кто отказывался отвечать или был предан суду заочно.

Сумятица

Обвинители строили всевозможные догадки относительно того, на какие именно слова в документе, которому они придавали большую важность, Бабеф, подписывая свои показания у министра полиции, поставил большое чернильное пятно¹⁰⁸. Затяжной спор, происходивший по этому поводу, привел к бурным нападкам с той и с другой стороны и закончился страшной сумятицей. Заседание было внезапно прервано среди криков обвинителей защитников и подсудимых. Удаляясь, подсудимые спели с жаром строфу из гимна «Марсельеза»: «Трепещите, тираны, и вы, предатели!» Суд составил протокол о случившемся; он был поставлен на повестку дня Законодательного собрания.

После того как подсудимые бросили укор в адрес председателя, обвинители стали жаловаться на то, что подсудимые хотят путем нагромождения инцидентов бесконечно продлить ведение процесса. «Столько голосов раздается против медлительности действий верховного суда!» — заявили они. «Друзья народа, — воскликнул Бабеф, — вы догадываетесь, что это за многочисленные голоса. Это голоса одной только ничтожной по сравнению с массой народа касты, неправильно называемой почтенной, которая нагло претендует на то, чтобы быть всем, жить, ничего не делая, выжимая пот у большинства, ставить эту, исключительно полезную массу народа ни во что, терзать ее, морить голодом в награду за постоянное пользование плодами ее рук, ее ума и мастерства. Такова, республиканцы, та горстка вампиров, от имени которой заявляют, что все голоса восстают против медлительности лиц, задумавших умертвить нас. Таковы люди, которым стираются угодить. Добропорядочные люди, вы будете удовлетворены! Читайте протоколы первых заседаний верховного суда, и вы убедитесь, какая услуга вам здесь оказана. А вы, основная и важнейшая часть народа, вы увидите, как обращаются с вами в лице тех, кто непрестанно заботился о ваших интересах. И вы также, друзья, защитники народа, товарищи по славе, вы все это слышали; это золотой телец требует вашего заклятия. Сквозь вой хищной орды вы различите голоса двадцати четырех миллионов угнетенных, чье правое дело вам надлежит защищать. Они стонут втихомолку под тяжестью цепей, лишены всего, нагие, падающие от истощения, обращая свое преклонение и свои жалобы к теням овечьих славой мучеников, — наших предшественников в деле установления общественного блага. Вам завещали они эту высокую апостольскую миссию, точно так же как вы передадите ее другим праведникам, столь же ревностным и, быть может, более счастливым, чем вы и ваши предшественники. Добродетель не умирает; тираны обольщают себя своими свирепыми преследованиями; они уничтожают одно лишь тело; душа добродетельных людей меняет лишь оболочку; вслед за прекращением жизни одного существа она дает жизнь другим, которым она продолжает внушать благородные побуждения, никогда не оставляющие в покое господствующее преступление.

В соответствии с этими последними мыслями и ввиду все новых мер, которые, как я вижу, принимают ежедневно, чтобы ускорить мою голгофу, я готов предоставить моим угнетателям всю свободу действий, которой они так желают. Я отказываюсь от бесполезных частностей моей защиты. Пусть они нанесут мне удар, не ожидая ничего в ответ; я мирно усну в лоне добродетели».

Свидетельские показания предателя

Гризель говорил в течение двух заседаний и подробно рассказал обо всем, что им было сделано, чтобы разузнать, соучаствовать, обмануть и предать подсудимых. Он говорил правду, не считая нескольких продиктованных тщеславием добавлений, из-за которых он иной раз сам себе противоречил. Но если в нем и нельзя было усмотреть лжеца, то это, однако, не уменьшало возмущения наглостью, с которой он выставлял напоказ свое вероломство и хитросплетения, при помощи которых ему удалось снискать благосклонность тех, кого он задумал погубить.

Побуждаемый естественным порывом негодования, Антонелль ярко обрисовал лицемерие предателя и заклеил его неизгладимой печатью позора.

Говоря о некоторых подсудимых, Гризель заявил: «Я вижу здесь только агентов — ни один из них не был действительным вождем заговора; за кулисами стояли люди, которые приводили их в движение и заставляли их действовать». В ответ на это у Жермена вырвались следующие слова: «О, если нас так мало, ступай на берег Оды и вырой труп моей жены из песка; ступай, оспаривай пищу у червей, менее тебя заслуживающих того, чтобы его пожирать; ринься, как голодный тигр, на мою мать; к этому гнусному пиру добавь моих сестер и их детей; вырви моего сына из слабых рук его кормилицы и сожри его нежные члены своими хищными зубами. Шестьдесят наших семейств предлагают тебе столь же отвратительную добычу; ступай, хватай ее, ступай! Ну что! Эта приманка тебя не соблазняет? Значит, ты, несомненно, еще притворяешься». Не менее замечательны слова, которыми Жермен закончил свою красноречивую защитительную речь: «Без всякого страха и слабости, — заявил он, — жду я вашего приговора; каков бы он ни был, мне нечего бояться, не от чего падать духом. В самом деле, если я умру, свобода не будет иметь более преданного мученика; если я останусь в живых, она не будет иметь более неустрашимого защитника».

Бабеф оправдывает прериальское восстание

Гризель говорил о восстании 1 прериаля III года, приписывая его анархистам, причем делал вид, что под этим наименованием он, подобно обвинителям, подразумевает всех искренних друзей равенства. «Прериаль! — воскликнул Бабеф. — Ужасное время, роковые, но священные и благоговейно чтимые дни, никогда не возникающие в мыслях добродетельных французов без умиления и скорби, дни, вызывающие воспоминание о величайших преступлениях, как и о благородных усилиях добродетели, о величайших несчастьях Народа... Прериаль! Бедственные, но почетные дни, когда народ и верные ему представители исполнили свой долг, когда его вероломные уполномоченные, те, кто морит его голодом, его злодеи, узурпаторы его суверенитета и всех его прав довели до крайности беспримерные в истории зверства... Одни вы, о Гракхи, о бессмертные французы, остаетесь благородными. Одни вы имели смелость объявить себя опорой и защитой народа; на одну вашу беспредельную преданность могли опереться его более чем справедливые требования: хлеба и законов! Гужон, Дюруа, Ромм, Субрани, Дюкенуа, Бурбот... — славные жертвы! Вы, чьи прославленные навеки имена уже звучали в этом зале и еще не раз будут звучать! Чьи тени мы неустанно воспеваем ежедневно в наших песнях! Чья стойкость перед судьями-палачами, несмотря на цепи, послужит для нас примером и поможет нам выдержать самую долгую и суровую неволю! Вы, наконец, кого злодеи умертвили, но ни на один день не смогли очернить! Доблестные мученики! Бесстрашные защитники святого равенства! Свободу, суверенитет народа, все принципы, гарантирующие ему счастье, вы спасли от позора быть отнятыми без мужественного сопротивления... Нашим долгом было заменить вас после вашей гибели; став, подобно вам, жертвой, мы обязаны быть похожими на вас и предстать перед нашими гонителями непоколебимыми, как вы. Каждый истинный республиканец должен чтить время, когда вы пали жертвою самых мерзких врагов республики...»

На этом суд заставил Бабефа замолчать.

Полицейские сыщики пришли дать показания против рабочих, уличенных в том, что после ареста Бабефа они объединились, чтобы освободить его и осуществить его планы. Эти бесстыжие люди, в числе которых можно было увидеть фальшивомонетчика, спешно освобожденного из тюрьмы, чтобы сделать из него шпиона, согласованностью своих действий только усиливали решимость тех, против кого они давали показания

Благородство двух свидетелей

Среди стольких порочных субъектов оказались два несчастных молодых человека, которые своими бедствиями, благородством и мужеством вызвали у зрителей слезы умиления. Жан-Батист Менье и Жан-Нозль Барбье — оба солдаты — были приговорены к десяти годам тюремного заключения за действия, связанные с восстанием полицейского легиона. Судившая их военная комиссия вырвала у них признания против некоторых подсудимых; их доставили в Вандом для подтверждения этих признаний. Однако, не оправдав ожиданий обвинителей, Менье и Барбье во всеуслышание отказались от всего, что имели слабость признать, и предпочли навлечь на себя новое обвинение в лжесвидетельстве, чем произнести хотя бы единое слово против людей, которых предали суду.

Мало того, они склонились перед подсудимыми и приветствовали их пением республиканских песен; они назвали их друзьями народа и попросили разрешения разделить с ними славу. Столь великая доблесть была вознаграждена новым осуждением на каторгу... О, времена!..

Защита

Вследствие принятого сообща решения отрицать существование заговора Бабеф более чем кто-либо из подсудимых был стеснен в своей защите. Из пятисот, приблизительно, уличающих документов, которые почти все были захвачены у него и в которых совершенно явственно говорилось об организации, плане, действиях Повстанческого комитета и содержалась его переписка, более ста были написаны его рукой. Донос был целиком направлен против него; пять долгих заседаний занял его допрос.

Как можно было давать столь мало правдоподобные объяснения многочисленным фактам, вытекавшим из этих документов и подтвержденным доносчиком? Главные подсудимые попытались это сделать; иной раз им это частично удавалось, но в целом они добились лишь того успеха, что несколько приободрили тех из присяжных, которые уже разделяли их взгляды. При таком положении их защита представляла собой мало связанное сплетение всевозможных ухищрений, которые были им не по душе и чему они подчинялись, уступая лишь своим товарищам по несчастью.

Подлинная защита этих подсудимых целиком выражалась в признании ими своих демократических доктрин, в торжественном восхвалении ими конституции 1793 г. и в настойчивости, с какой они оправдывали цель предполагаемого заговора.

Этот заговор весь исчерпывался актом о создании Повстанческой директории*, который обвинители называли *узурпацией суверенитета*; на этом документе и базировалось главным образом обвинение. Бабеф доказывал справедливость мотивов заговора, его намерений и средств.

«Перед нами, — заявил он, — отнюдь не процесс отдельных лиц, а процесс республики; вопреки инакомыслящим, к нему необходимо отнестись со всем благородством, величием и преданностью, которых требуют столь огромные интересы... Этот акт, — продолжал он, — принадлежит перу нескольких республиканцев; в это дело вовлечены все республиканцы, следовательно, оно принадлежит республике, революции, истории... Мой долг его защищать».

Сравнивая вслед за тем свое настоящее положение с положением демократов, оставшихся на свободе, он воскликнул: «Гений свободы, какую хвалу должен я воздать тебе за то, что ты поставил меня в положение, при котором я пользуюсь большей свободой, чем все другие люди, именно в силу того, что я закован в цепи! Как прекрасно мое положение! Как прекрасно мое дело! Оно позволяет мне говорить исключительно языком правды... Хотя я и закован в цепи, язык мой поставлен в более привилегированное положение, чем язык каждого из бесчисленного множества угнетаемых и неимущих, местопребыванием которых не смогли сделать тюрьму. Они страдают, терпят притеснения, изнурены налогами, подавлены самой острой нуждой, их согнуло гнуснейшее унижение, и в довершение жестокости им не разрешают более жаловаться... Если родина обречена на смерть в лице тех ее сынов, которые замешаны в этом деле, пусть, по крайней мере, будет сказано во всеуслышание, что, погибая, они не совершили измены и что они мужественно исповедовали заветы своей матери... Я обращаюсь к добродетельным людям, они одни способны увидеть в нас людей справедливости; если бы не существовало более таких людей, готовых выслушать меня, о, тогда, несомненно, не оставалось бы ничего иного, как воздвигнуть эшафот».

Но когда Бабеф с любовью заговорил о конституции 1793 г., когда он стал напоминать о том, при помощи каких насилий ее отняли у народа, то государственные обвинители набросились на подсудимых, утверждая, что они находятся в заговоре также против правительства. Бабефу пришлось тотчас умолкнуть.

* См. Документы, № 4.

Буонарроти также принялся доказывать справедливость этого документа. Он заявил, что орган, учрежденный конституцией, имел единственной целью распространение демократических доктрин. Он настаивал на том, что если бы даже этот орган и подготавливал законопроекты для их представления на рассмотрение народа, недовольство которого было общеизвестно и взрыв открытого возмущения которого можно было предвидеть, то этим был бы только совершен акт предосторожности, нисколько не противоречащий законам. Исходя далее из предположения, что Тайная директория хотела побудить народ к рассмотрению вопроса о форме правления, он показал, что такое воздействие есть право каждого гражданина в любой стране, управляемой такой конституцией, как конституция III года, признающей, что суверенитет пребывает в совокупности всех граждан.

Позже Бабеф искусно вернулся к этому вопросу, и после нескольких предварительных осторожных замечаний ему удалось во всеуслышание заявить: «Пробудить подлинный народ, создать царство счастья, царство равенства и свободы, изобилие для всех, равенство и свободу для всех, счастье для всех — таковы чаяния этих так называемых отъявленных мятежников, которых изобразили в глазах всей Франции в таких ужасных красках».

Перейдя затем к вопросу о средствах, он показал, что они на деле сводились к тому, чтобы произвести революцию во взглядах, всеобщий сдвиг в умах; воздействие этого авторы учредительного акта, по его мнению, преувеличивали. «Ибо, — как он весьма здраво добавил, — слишком ясно, что духовная революция, необходимый результат преобразования значительного большинства людей и отказа от всех обуревающих их страстей, является делом, отнюдь не легко выполнимым путем одной лишь проповеди добродетели. С тех пор как у различных народов существуют просветители, благородные люди, посвящающие себя проповеди истин высшего разума и указанию пути к подлинной справедливости, никогда почти не было видно, чтобы они имели успех; почти все они оказывались жертвами своей просветительской деятельности».

Мало того. Он доказывал, что, когда народ угнетен, восстание, хотя бы осуществленное частично, справедливо и необходимо; опираясь на свои рассуждения и на авторитет Мабли, он полностью опроверг нежизненную доктрину государственных обвинителей, заявивших: «Восстание справедливо лишь тогда, когда его осуществляет вся совокупность граждан». Лучше уж было сказать, что оно *никогда* не бывает справедливым.

Бабефу было дважды предложено назвать своих сообщников и он дважды с ужасом отверг эту провокацию.

С таким же негодованием он отверг систему лжи, при помощи которой некоторые подсудимые и один защитник хотели вести защиту, а именно, приписывая тирании идею о заговоре и представляя ее агентов подстрекателями наиболее опасных для нее действий. Речь шла об Акте о восстании, по поводу которого Рикор воскликнул: «Это Гризель его составил». «Нет! — гордо возразил Бабеф, — не он его составил. Это не такой документ, который должен заставить покраснеть его автора. Гризель слишком большой злодей, чтобы составить такой Акт».

Все уличающие документы были представлены обвинителями в том порядке, в каком они составлялись в действительности, и естественно, что, собрав их вместе, они легко выудили из них подлинную историю заговора.

То, что обвинители объединяли, подсудимые, будучи связаны договоренностью о системе отрицания, старались разъединить, относя написанные ими документы к не связанным между собой причинам, к случайным обстоятельствам и к разному времени. Анализируя эти документы, они не упускали ни одного случая провозгласить свои демократические принципы, найти им оправдание и показать, что конституция, которой управлялась тогда Франция, не являлась той конституцией, которую принял французский народ.

Так, Буонарроти, разъясняя проект обращения к солдатам, автором которого он являлся^{**}, рассказал, почему он активно служил французской революции. Несмотря на то, что суд прерывал его, он подробно изложил мотивы, по которым он защищал конституцию 1793 г., обвинял правительство в узурпации и тирании и восхвалял намерения и действия революционного правительства. «Из моего сердца, — воскликнул он, — не могла изгладиться данная мною клятва — защищать Кодекс, единодушно санкционированный огромным народом в дни его единения и славы, и, подобно рабам, сохраняющим верность своим господам, я сохранил верность благородному народу, великодушно принявшему меня в свое лоно и торжественно предписавшему мне в дни свободы свою волю».

Попытка освободить подсудимых, которым грозила опасность

Глубоко взволнованные толпы граждан Вандома и окрестностей усердно посещали заседания суда. Часто повторявшиеся пылкие нападки на правительство, настоятельные доводы, которые не всегда успешно разбивались обвинителями, открытая защита наиболее популярных событий

^{**} См. Документы, № 23.

революции, горячая преданность правам и интересам народа, насильственно Привлеченные свидетели, отказавшиеся давать показания против подсудимых и засвидетельствовавшие свое уважение к тем, против кого их заставляли выступить, эти преданные семьи, присутствовавшие при битве, исхода которой они с трепетом ожидали, — все это внушило зрителям глубокое сострадание к подсудимым. Интерес к подсудимым *еще* более возрос благодаря ежедневным статьям местной газеты¹¹⁰, как и благодаря волкам населения, почти полностью поглощенного тем, что происходило на суде.

К этому доброжелательному расположению вскоре присоединилось желание предохранить наиболее замешанных в деле подсудимых от опасности, которая — как чувствовалось — *угрожала* им. С одной стороны, были тайно предприняты попытки вызвать в их пользу восстание среди части охранявших их солдат; эти попытки не имели успеха. С другой стороны, существовало намерение способствовать тайному побегу.

При помощи нескольких инструментов, украдкой внесенных в тюрьму, заключенные в короткий срок проделали широкое отверстие, через которое собирались скрыться от своих палачей те из них, у кого было основание опасаться. Однако неосторожное поведение одного из подсудимых возбудило подозрение и рассеяло все надежды на побег.

Враждебные речи государственных обвинителей

После судебного разбирательства государственные обвинители в пространных речах потребовали смертной казни приблизительно для тридцати человек. Захваченные документы были так многочисленны и так убедительны, что им очень легко было установить правдивость доноса и доказать существование заговора. Им, однако, не удалось также доказать, что заговор был преступен.

Подсудимые многократно утверждали, что если даже и допустить существование заговора, то в нем не было состава преступления, ибо конституция, против которой он, якобы, был направлен, не является подлинным законом, так как она упраздняет народный суверенитет и не утверждена народом. На этот главный и решающий пункт обвинители ничего не ответили и, ограничившись фактом, старались избежать всякой дискуссии по поводу правоты намерений. Оставляя в стороне самое серьезное возражение, они занялись опровержением тех возражений, которые казались им наиболее слабыми, и особенно старались устрашить пугливых людей преувеличенным изображением способов осуществления заговора, клеветническим изложением намерений подсудимых и фантастической картиной последствий, ложно выведенных из их планов. Действительно, ничто не казалось более нелепым, чем это заключение, утверждавшее не допускающим возражения тоном, что практика народного суверенитета и равенства с необходимостью должна привести Францию к опустошению, сокращению народонаселения и к разорению, и в результате к *постепенному* возврату монархической власти.

Было бы так же бесполезно, как и скучно, подробно излагать вынужденные объяснения подсудимых по поводу предъявленных им документов, отрицания, с помощью которых они отвергали показания доносчика, и незначительные противоречия, в которые тот впадал вследствие недостатка памяти или в силу желания казаться более предусмотрительным, более хитрым, чем он являлся в действительности.

В целом донос был верен, заговор в действительности существовал и главные подсудимые отрицали его существование лишь в силу святой лжи, от которой они не ожидали никакого успеха и за которую в душе краснели.

Ответы подсудимых

Но чего не следует обойти молчанием, так это той части их общей защиты, в которой высказывались суждения о принципах государственного права французов. Революция была здесь оправдана в своем величайшем стремлении к равенству и народному суверенитету. Мы дадим поэтому краткое резюме этой части защиты в целях ознакомления с чувствами, которым подсудимые остались верны до последней минуты.

Согласно системе обвинителей и суда, присяжные заседатели должны были ограничиться рассмотрением вопроса о том, действительно ли имелось налицо нарушение конституции III года, причем они стремились помешать подсудимым обсуждать вопрос о ее законности,

Однако наиболее замешанные в деле подсудимые с неменьшей настойчивостью старались развить и оправдать признаваемые ими с таким пылом принципы, так как считали их правильными и согласующимися со всеобщим благом; именно в этом видели они истинные средства к защите себя в глазах народа и народных заседателей.

Призыв к патриотизму присяжных заседателей

Сначала они звали к добродетели присяжных заседателей с целью пробудить в их душах

благородное чувство независимости. Они попытались убедить их, что высокая миссия обязывает их глядеть в корень вещей, подняться выше конституции III года, подвергнуть строгому рассмотрению вопрос о ее происхождении и сущности и руководствоваться в своих решениях подлинными правами народа, а не притязаниями существующей власти, которая в действительности не была создана народом.

«С этим процессом, — заявил один из подсудимых, — дело обстоит иначе, чем с обычными судебными процедурами. Могущество обвинителей, бессилие и безвестность обвиняемых должны привлечь пристальное внимание присяжных заседателей верховного суда к мотивам, совершенно несвойственным обычному судопроизводству. Граждане, угнетаемые не напрасно будут протестовать перед вами против жестокости их угнетателей. Не напрасно святой энтузиазм свободы будет настойчиво требовать от вас уважения и справедливости к священным принципам, которым мы обязаны уничтожением привилегий, падением трона и успешным движением общественного разума к равенству прав... Народ возложил на вас обязанность признавать добро, а не приспособлять сухие юридические формулы к планам честолюбцев и глупцов... Представители народа! воплощайте же его самого! Чтобы выразить его волю, надо обладать его сердцем».

Прежде чем приступить к доказательству того, что подлинным законом французов была конституция 1793 г. и что конституция III года является лишь актом грабежа и насилия, подсудимые старались рассеять ужас, которым государственные обвинители пытались окружить демократический закон и людей, которые оставались ему верны, путем преувеличенного изображения суровости революционного правительства, с именем которого они этот закон притворно соединяли.

Защита революционного правительства

«Вы постоянно напоминаете о мероприятиях 1793 г., — заявили подсудимые, — но вы обходите молчанием то, что предшествовало злополучной необходимости, заставившей к ним прибегнуть. Вы забываете напомнить Франции о бесчисленных предательствах, приведших к гибели тысяч граждан; вы забываете сказать ей об ужасающем развитии войны в Вандее, о сдаче наших пограничных крепостей, об измене Дюмурье и о возмутительном покровительстве, которое он нашел даже в самом Национальном конвенте; вы забываете напомнить о неслыханных жестокостях кровожадных вандейцев, раздиравших на части и заставлявших умирать в самых ужасных мучениях защитников отечества и всех тех, кто сохранял какую-либо привязанность к республике. Если вы призовете тени жертв прискорбной суровости, вызванной все возраставшими для отечества опасностями, мы выроем трупы французов, злодейски убитых контрреволюционерами в Монтобана¹¹¹, Нанси, на Марсовом поле, в Вандее, Лионе, Марселе, Тулоне; мы воскресим тени миллиона республиканцев, перебитых у границ сторонниками тирании, беспрестанно замышлявшими в ее интересах заговоры даже в самой Франции; мы положим на одну чашу весов кровь, пролитую из холодного расчета вашими друзьями, а на другую — кровь, к прискорбию, пролитую патриотами в пылу защиты отечества и в порыве любви к свободе...! Кого же, нас или свободу, взялись преследовать государственные обвинители?... Их ожесточение будет нам бесполезно; в их пристрастных описаниях и в притворстве, с каким они искажают историю и взваливают на головы подсудимых действия, к которым те непричастны, члены верховного суда, без сомнения, различат тайную ненависть, которую враги республики, более ловкие, чем, мы, питают к бесстрашным и слишком доверчивым ее друзьям».

Двумя главными пунктами обвинения, против которых подсудимым надо было защищаться, были сговор с целью низвержения конституции III года и замены ее конституцией 1793 г., как и сговор с целью покушения на собственность путем установления общности имущества.

«Мы, — заявили они, — любим, конечно, конституцию 1793 г.; мы любим ее потому, что она гарантирует народу неотъемлемое право обсуждения законов; мы любим ее потому, что она была торжественно принята почти единогласно французским народом».

Восхваление конституции 1793 г.

«Конечно, — добавляли они, — мы чтим также эту конституцию как подлинный основной закон Франции, так как конституция III года фактически лишила народ права на суверенитет и так как неверно, будто народ принял и эту конституцию».

Доводы и соображения, при помощи которых подсудимые доказывали правдивость своих утверждений, были так убедительны, что после долгой аргументации с той и с другой стороны обвинитель Вьелар признал себя побежденным, заявив: «Впрочем, я уступаю».

Подсудимые настаивают на законности заговора

«Вы утверждаете, — продолжали подсудимые, — что мы обратили внимание народа на это

странное нарушение его прав? В этом отношении мы только воспользовались правом свободы слова, устного и печатного, которое конституция III года гарантирует всем французам.

Вы, кроме того, утверждаете, что мы объединились для того, чтобы мирно либо насильственно восстановить конституцию 1793 г., которую мы считаем священной, считаем, что она является охраной общественной свободы. Прежде всего существование этого сговора, которое мы отрицаем, не доказано; чтобы устранить всякое подозрение в наличии опасного и преступного заговора, достаточно одного отсутствия средств для его осуществления. Но если бы мы действительно и составили заговор с целью восстановления конституции 1793 г., мы следовали бы только побуждениям чистой совести; мы повиновались бы только истинному закону; мы сделали бы только то, что обязан сделать каждый истинный гражданин; мы выполнили бы только клятву сохранить верность свободе, народному суверенитету и республике».

Меж тем как обвинители и суд настаивали на том, чтобы присяжные ограничились рассмотрением того, имелось ли намерение совершить покушение на конституцию III года, подсудимые показывали, что если хотят любой ценой представить их заговорщиками, то их заговор не являлся преступлением, ибо власть, против которой он якобы был направлен, не являлась законной, так как не была одобрена народом.

Подсудимые как раз и призывали присяжных подвергнуть обсуждению это отсутствие законности.

Бабеф защищает общность имущества

Что касается намерения установить общность имущества, то подсудимым не было необходимости долго его оспаривать, так как письменные документы, содержавшие последовательные проекты законодательства, не были захвачены и ничего из этой области в присутствии доносчика не было предложено, а потому эта часть обвинения была слабой. Однако Бабеф, часто делавший эту общность темой своего «Трибуна народа», не упустил случая заговорить о ней; он изложил свои демократические взгляды на этот вопрос и доказывал их правоту путем рассуждений, как и описанием неизбежных бедствий, потрясающих общество, и ссылками на крупные авторитеты.

«Собственность, — заявил он, — является причиной всех бедствий на земле. Проповедью этой доктрины, давно провозглашенной мудрецами, я хотел снова привязать к республике население Парижа, уставшее от революций, павшее духом вследствие несчастий и почти роялизованный вследствие происков врагов свободы».

Заключительная часть речи Бабефа

Бабеф следующим образом закончил свою длинную защитительную речь: «Если моей голове грозит топор, ликторы найдут меня совершенно готовым; смерть за дело добродетели почетна... Приговор судей решит следующую проблему: останется ли Франция республикой*, или же станет добычей злодеев, которые раздерут ее на части, и она вновь превратится в монархию... Граждане судьи, осудите ли вы людей, которые руководствовались лишь любовью к справедливости? Хотите ли вы ускорить контрреволюцию и гибель патриотов от меча торжествующих роялистов?.. Но если наша смерть решена, если прозвучал для меня роковой колокол, то я давно покорился своей участи. Постоянная жертва в этой долгой революции, я свыкся со страданиями. Тарпейская скала всегда стояла перед моими глазами, и Грахх Бабеф очень счастлив умереть за свою страну. Что ж, если внимательно все взвесить, то чего не хватает мне для моего утешения? Могу ли я рассчитывать закончить мой жизненный путь в более прекрасный момент славы?.. Я испытаю перед смертью ощущения, редко, сопутствовавшие смерти людей, пожертвовавших собой ради человечества... Власть, оказавшаяся достаточно сильной, чтобы нас так долго угнетать, оказалась бессильной нас опозорить. Мы увидели, как повсюду кисть художника отражает истину, чтобы еще при нашей жизни запечатлеть факты, которые делают нам честь и послужат вечным позором для тех, кто нас преследует. История отметит наши имена почетом. Кто же те люди, вместе с которыми меня рассматривают как преступника? Это Друэ, это Лепелетье!.. О дорогие для республики имена!.. Так вот кто мои сообщники!.. А вы, друзья, ближе всех сидящие возле меня на этих скамьях, кто вы?.. Я узнаю вас: почти все вы основатели, стойкие защитники этой республики; если вас осудят, если осудят меня, — о, я это вижу, — мы явимся последними французами, последними деятельными республиканцами... Ужасный королевский террор пройдет повсюду со своим мечом!.. Не лучше ли унести с собой славу о том, что мы не пережили порабощения, что мы умерли за то, что хотели предохранить от него наших сограждан?.. О, дети мои (слезы заструились из его глаз), лишь одно горькое сожаление я должен выразить вам: как ни старался я оставить вам в наследие свободу, этот источник всех благ, я и после себя вижу рабство, я покидаю вас жертвами всевозможных бедствий. Мне нечего вам завещать!!! Я не хотел бы даже

* Четыре года спустя от республики не осталось и следа.

завещать вам свои гражданские добродетели, свою глубокую ненависть к тирании, свою горячую преданность делу равенства и свободы, свою пламенную любовь к народу: я сделал бы вам слишком пагубный подарок. Что делали бы вы с ним под гнетом королевской власти, которая неминуемо утвердится? Я покидаю вас поработченными, и это единственная мысль, которая будет терзать мою душу в последние мои мгновения. В данном случае мне следовало бы посоветовать вам, каким образом более терпеливо сносить ваши цепи, но я чувствую, что совершенно неспособен на это».

Вопросы об установлении фактов

К первоначальным вопросам, подлежавшим обсуждению присяжных и касавшимся только наличия заговора и причастности к нему каждого из подсудимых, суд по ходатайству председателя присвокупил новые вопросы, касавшиеся письменных и устных подстрекательств к восстановлению конституции 1793 г. Это добавление внесло в процедуру обвинения изменение, тем более противозаконное, что на рассмотрение присяжных были неожиданно переданы такие рукописи, о которых сторонам никогда не разрешалось давать объяснения^{**}. Жалобы по этому поводу со стороны некоторых подсудимых, поддержанных в данном вопросе государственными обвинителями, не были приняты во внимание.

Вопрос относительно намерения

Подсудимые горячо, но так же безуспешно, восстали против формы, в какой был поставлен вопрос относительно намерения; в ней они видели доказательство злобного пристрастия. Закон предписывал судье под угрозой аннулирования его решений, чтобы он, объявив факт установленным и обвиняемого уличенным, во всех случаях добавлял: «Мне кажется, или мне не кажется, что такой-то поступок совершен злостно и преднамеренно»¹¹². Подсудимые как раз и настаивали на сохранении термина *злостно*, ибо они усматривали в этом призыв к суду присяжных рассмотреть законность тех мотивов, которыми они условно оправдывали заговор.

Обращаясь к присяжным, подсудимые следующим образом высказались по вопросу о намерении: «Загляните в ваши сердца, и вы услышите в них глухой, взывающий к вам голос: ведь эти люди мечтали только о счастье себе подобных, ведь эти люди мечтали только о счастье своих близких... Не для всех революция являлась игрой личных интересов. Поймите же, граждане, что были люди, рассматривавшие ее как событие большой важности для всего человечества; убедитесь же в том, что она сделалась для них новой религией, ради которой они, совершенно забывая себя, пожертвовали условностями, состоянием, покоем и жизнью... Поразить друга свободы значит протянуть руку королям... Вы судите свободу; она изобиловала мучениками и людьми, мстившими за них. Свобода погибает, когда благородные чувства подавляются, когда воодушевленным ею людям показывают окровавленные головы тех, кто во имя нее пожертвовал собою... Обвинители хотели, чтобы даже в случае, если наши доводы справедливы, присяжные не стали останавливаться на мотивах, которые могли побудить подсудимых, и рассматривали их намерения лишь как желание низвергнуть конституцию 1795 г. Если будет принято это странное притязание, то во Франции не существует более ни института присяжных, ни отечества. Прежде всего следовало бы обратить внимание присяжных не на низвержение действующей конституции, а на низвержение законной власти; ибо могут ли они объявить виновным того, кто, действуя против нынешнего правительства, твердо верил, что действует в пользу истинного закона? К чему свелось бы тогда внутреннее ощущение добра и зла, которое делает столь ценным для чистых сердец институт присяжных? К чему свелась бы забота закона о примирении путем вопросов относительно намерения, как и относительно смягчающих обстоятельств, столь частых противоречий между предписаниями естественного закона и предписаниями позитивных законов? К чему свелся бы высший закон народного интереса, повелевающий его уполномоченным считать главным в сердце подсудимых любовь к отечеству и преданность ему?»

Несколько присяжных присоединились к требованию подсудимых, чтобы согласно предписываемой законом формуле были поставлены вопросы относительно намерения; но тщетно. Верховный суд, действуя по своей системе, свел эти вопросы к следующему:

«Участвовал ли подсудимый в заговоре или подстрекал к нему, имел ли намерение участвовать в нем или подстрекать к нему?». Таким образом, был наложен запрет на всякое рассмотрение моральной стороны дела.

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная статья В. П. ВОЛГИНА

^{**} Впоследствии было торжественно признано постановлением Верховного уголовного суда департамента Сены, что вопросы относительно подстрекательства, о которых идет речь, были поставлены Верховным судом противозаконно.

Решение суда присяжных

Всего было шестнадцать присяжных. Для оправдания достаточно было заявления четырех, но только трое были постоянно на стороне подсудимых. В их числе был Готье Биоза¹¹³, имя которого мы называем, так как нам известно, что его нет более в живых; он «остался верен народу, но не в его было власти, чтобы никто не был осужден».

Между тем все вопросы, связанные с заговором, были решены отрицательно. Но, к несчастью, тринадцатью присяжными было признано, что имелись устные и письменные подстрекательства к восстановлению конституции 1793 г. и что Бабеф, Дарте, Буонарроти, Жермен, Казен, Моруа, Блондо, Менесье и Буэн были к ним причастны, двое первых — без смягчающих вину обстоятельств, все прочие — со смягчающими обстоятельствами.

На рассвете 7 прериала V года барабанный бой, артиллерийский грохот и необычайное движение войск дали знать жителям Вандома о печальной развязке драмы, зрителями которой они являлись.

Приговор

Все предвещало бывшим налицо семи вышеназванным подсудимым их близкий конец. В последний раз появились они перед судом, заседавшим среди мрачного молчания. Многочисленная, встревоженная толпа заполняла зал, все проходы которого охранялись большой военной силой.

Вслед за роковым постановлением, зачитанным взволнованным голосом председателем суда присяжных, обвинители потребовали смертной казни для двух подсудимых и ссылки для всех других.

Тогда была сделана последняя попытка: один из подсудимых при поддержке защитника потребовал от суда оправдания для всех на том основании, что закон от 27 жерминаля IV года, запрещавший свободу печати, применения которого добивались государственные обвинители, не имел силы, так как одна из статей конституции гласила, что всякий подобный закон действителен не более одного года.

Суд не обратил на это никакого внимания. Бабефу и Дарте было заявлено: «Умрите», а семи остальным: «Влачите жизнь, полную несчастий, вдали от родины, в знойном и убийственном климате».

Бабеф и Дарте ранят себя. Смятение

Тут начинается большое смятение. Бабеф и

Дарте ранят себя; со всех сторон раздаются крики: «Их убивают!». Буонарроти протестует и призывает к тому же народ. Среди зрителей начинается движение, которое тотчас пресекается сотней направленных на них штыков; жандармы хватают приговоренных к ссылке, грозят им саблями и уводят вместе с их умирающими товарищами от глаз публики.

Двое приговоренных к смерти не смогли лишиться себя жизни из-за непрочности кинжалов, которые сломались. Они провели ночь в жестоких страданиях от ран, которые они нанесли себе. В ране Бабефа кинжал так и остался вонзенным у самого сердца.

Кровавая казнь

Мужество не изменило им, и, сильные духом, они шли на казнь, как на торжество. Перед принятием рокового удара Бабеф заговорил о своей любви к народу; ему он поручал свою семью.

Вандом весь оделся в траур, когда эти благородные защитники равенства были лишены жизни. Их изуродованные тела, которые варвары велели бросить на свалку, были благоговейно погребены окрестными крестьянами.

Вадье

Пятьдесят шесть подсудимых были оправданы; в их числе был бывший член Конвента Вадье, по отношению к которому верховный суд применил меру, явная несправедливость которой должна быть отмечена. Этот несчастный старик, благодаря честности, с которой он нес до злополучного термидора тяжелые обязанности председателя Комитета общественной безопасности, навлек на себя слепую ненависть врагов революции и справедливости. Едва избежал он их кровавого преследования, как был найден новый предлог опять подвергнуть его преследованию. Несмотря на то, что ему ничего не было известно о заговоре и он был вне всяких подозрений, его арестовали и со множеством опасностей насильно доставили из Тулузы в Париж; ему было предъявлено обвинение и затем его перевезли в Вандом. В продолжение заседаний суда он тщетно пытался оправдать свою общественную деятельность, он был лишен слова. Однако его

вынуждены были оправдать. Но хотя его и оправдали, все же было постановлено держать его и в дальнейшем в тюрьме, поскольку — такой был приведен довод — имелся декрет Конвента о его ссылке. Можно ли было этому верить? Этот декрет был отменен, и его не существовало более. Таким образом, вследствие фактической ошибки, которую так легко было проверить, члены верховного суда республики, наделенные законом даром непогрешимости, произвольно, не допросив заинтересованную сторону, наложили крайне тяжкое наказание, которое долго оставалось в силе и длилось бы пожизненно, если бы преступление 18 брюмера не положило ему конец.

Благородство муниципального совета Сен-Ло

Вскоре после этого пятеро оказавшихся налицо ссыльных были брошены вместе с Вадье в крепость на лишенном растительности острове у входа на рейд Шербура. Этот долгий путь они проделали в кандалах, заключенные в клетки с решетками, то подвергаясь проклятьям и угрозам, то встречая самые трогательные проявления любви и уважения. В Фалезе, Кане и в Валони им грозили большие опасности. Но зато в Мелеро, Аржантане и в Сен-Ло их встретили дружелюбно и с почетом. В Сен-Ло мэром города во главе муниципального совета приветствовал их и, обняв, назвал их: *наши несчастные братья*. «Вы защищали, — заявил он, — права народа, и каждый добрый гражданин обязан вам любовью и признательностью». По постановлению генерального совета они были размещены в зале его заседаний, где им оказали материальную помощь и осыпали утешениями.

Доброта жителей Вандома

Долгое время после этого добрые жители Вандома с умилением показывали путникам последнюю обитель мучеников во имя равенства.

Ф. БУОНАРРОТИ

(биографическая справка; подборка материалов о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#phbuon>)

Буонарроти, Филипп-Мишель (Buonarroti Filippo Michele) родился 11 ноября 1761 г. в дворянской семье, находившейся в родстве с Микель-Анджело. Учился в Пизанском университете. По окончании его жил во Флоренции, уже тогда отличался своими передовыми взглядами. Огромное влияние оказал на него Руссо. В 1786 г. у него был произведен обыск и изъята антирелигиозная литература.

Осенью 1789 г., вскоре после первых известий о французской революции, Буонарроти отправился на остров Корсику. Там он стал издавать на итальянском языке «Патриотическую газету Корсики». Активная деятельность Буонарроти на острове вызвала ненависть к нему со стороны реакционных элементов. В июне 1791 г., во время мятежа в Бастии Буонарроти был изгнан оттуда «за распространение учений, враждебных религии и направленных к тому, чтобы вызвать презрение к священнослужителям». Его насильственно посадили на корабль и отправили в Ливорно. После подавления волнений в Бастии он возвратился на Корсику, где работал в администрации департамента. 2 сентября 1791 г. Генеральный совет Корсики возбудил ходатайство о присвоении ему французского гражданства. Возобновляя свое ходатайство в 1792 г., Совет указывал в своем решении, что «Филипп Буонарроти, тосканский уроженец, поселившийся в департаменте с начала революции, оказал большие услуги родине..., своими сочинениями и речами чрезвычайно сильно послужил делу свободы и равенства и... во всех отношениях заслужил включение в число иностранных философов, которых собрание удостоило звания французских граждан».

В конце 1792 г. Буонарроти отправился в сардинскую экспедицию. Его мужественное поведение было засвидетельствовано командующим экспедицией адмиралом Трюге. «Я отправляюсь в Сардинию, — писал Буонарроти Конвенту 17 ноября 1792 г., — с мечом в одной руке и Декларацией прав в другой». Высадившись на острове Сен-Пьер, он выработал проект конституции для Сардинии и получил полномочия ходатайствовать перед Конвентом о присоединении острова к Франции.

Неудача сардинской экспедиции явилась результатом двусмысленной тактики Паскаля Паоли, защищавшего в свое время независимость Корсики от французов, вернувшегося на родину после революции, но оставшегося сепаратистом и готовившегося изменить революционной Франции в пользу Англии. С этого момента вся деятельность Буонарроти была направлена к разоблачению Паоли. По дороге в Париж он провел в тулонском якобинском клубе (март 1793 г.) резолюцию с требованием ареста Паоли и Поццо ди Борго, генерального прокурора-синдика Корсики (ставшего позднее русским министром иностранных дел). Благодаря настойчивости Буонарроти, Конвент 2 апреля принял декрет о вызове Паоли и Поццо для объяснений. Признанием заслуг Буонарроти явилось присвоение ему Конвентом 27 мая 1793 г. французского гражданства. Тогда же он был принят в якобинский клуб и познакомился лично с Максимилианом Робеспьером, которого чрезвычайно высоко ценил.

Летом 1793 г. Буонарроти был послан с миссией на Корсику, но пробраться туда ему не удалось. Некоторое время он пробыл на юге Франции, помогая Саличетти — члену Конвента, своему близкому другу. По возвращении в Париж Буонарроти продолжал борьбу против Паоли, издал новый памфлет против него «Окончательное разоблачение заговора в Корсике» (Conspiration de Corse, entièrement dévoilée) и по настоянию корсиканских членов Конвента Мальтедо и Казабьянки был отправлен на Корсику как комиссар Конвента с чрезвычайными полномочиями. Английская блокада задержала Буонарроти в Тулоне, где он

блестяще выполнил ряд заданий представителей Конвента — Робеспьера младшего, Саличетти, Рикора, высоко оценивших деятельность Буонарроти.

В это время с ним старался сблизиться Наполеон. Буонарроти познакомился с ним и со всей семьей Бонапартов еще на Корсике. Жозеф Бонапарт сотрудничал в его газете. Буонарроти оказывал всей семье Бонапартов материальную поддержку, и Наполеон в письмах к матери и Жозефу упрекал их в том, что они не платят долга Буонарроти. Уже тогда у Буонарроти сложилось мнение о Наполеоне как об опаснейшем честолюбце и мнимом республиканце.

С апреля 1794 г. до марта 1795 г. Буонарроти выполнял обязанности национального агента в Онелье на территории, состоявшей из присоединенной к Франции части Сардинии и из временно оккупированной части Генуэзской республики, причем он непосредственно участвовал в ряде боев. Его деятельность носила ярко выраженный якобинский, демократический характер. Буонарроти вступил в конфликт с маркизом Палестрино, крупнейшим землевладельцем, и конфисковал его поместье. В результате Комитет общественной безопасности, перешедший уже в руки термидорианцев, принял 1 вантоза III года решение об аресте Буонарроти «как сторонника террора и истребления населения». 5 марта 1795 г. Буонарроти был арестован и препровожден в Париж, где находился в заключении в тюрьме Плесси до 9 октября. Здесь он познакомился с Бабефом, который оказал на него сильнейшее влияние. После выхода из тюрьмы Буонарроти из последовательного якобинца-робеспьериста превратился в коммуниста.

Роль Буонарроти в бабувистском движении освещена им самим в «Заговоре во имя равенства». Он был одним из руководителей общества «пантеонистов» и председательствовал на его последнем заседании 28 февраля 1796 г.; вошел в состав Тайной директории общественного спасения, организованной Бабефом в жерминале IV года (март 1796 г.). Он не прекращал в это время и своих связей с Италией. Саличетти немедленно же после своего назначения представителем Директории при итальянской армии в начале 1796 г. обратился за помощью к Буонарроти. 1 вантоза IV года он представил Директории докладную записку, в которой наметил план создания в Турине революционного правительства, базы для распространения движения на всю Италию. Директория дала Буонарроти официальные полномочия, о чем министр иностранных дел Делакруа поставил в известность Како, французского представителя в Италии. Однако отъезд Буонарроти в итальянскую армию не состоялся в связи с подготовкой бабувистского выступления в Париже. На вандомском процессе Буонарроти заявил, что «должен был выехать в связи с делами, о которых известно правительству».

На суде Буонарроти держался мужественно. Вместе с еще четырьмя осужденными к ссылке, а также с Вадье, бывшим членом Конвента, он был отправлен на остров Пеле, около Шербура, причем их перевозили в железной клетке. В 1800 г. Буонарроти был отправлен на остров Олерон, на западном побережье Франции (департамент Нижней Шаранты), где он находился под наблюдением полиции.

В декабре 1802 г. Наполеон лично подписал распоряжение о высылке Буонарроти под наблюдение на остров Эльбу. Этому предшествовал отказ Буонарроти от сделанного ему наполеоновским правительством предложения о полной амнистии и предоставлении должности при условии признания нового режима. До Эльбы Буонарроти не доехал. С 1803 по 1806 г. он находился в Соспелло (департамент Приморских Альп) под полицейским наблюдением. Ему ставилось в это время в вину, что в письмах он продолжает применять «стиль, напоминающий эпоху, которую мы все должны стараться забыть».

В 1806 г. Буонарроти получил разрешение на переезд в Женеву, входившую тогда в состав Леманского департамента. В этот период он был связан с тайной организацией «филадельфов», в частности, имел отношение к выступлению генерала Мале в 1812 г. Администрация департамента в донесениях министру полиции Савари требовала изгнания из Женевы Буонарроти, «самого сумасшедшего» из всей «кучки мятежников-якобинцев». «Буонарроти, — указывалось в одном из донесений, — и сейчас такой же, каким он был, когда конспирировал с Бабефом. В течение шести лет он не переставал возбуждать ненависть к правительству». В 1813 г. Буонарроти был выслан в Гренобль, причем хотя и дал обещание воздерживаться от политической деятельности, но, как указывала администрация, для этого «необходимо было бы переделать его голову».

Первая реставрация Бурбонов застала Буонарроти в Женеве. Но с началом «ста дней», он обратился к Фуше с просьбой, чтобы «Наполеон, явившийся, чтобы вернуть Франции независимость и свободу», отменил вандомский приговор и разрешил ему возвратиться во Францию. Ответа он не получил. Впоследствии, уже на о. Святой Елены, Наполеон вспоминал о Буонарроти: «Это был очень умный человек, фанатик свободы, но честный, чистый, террорист и все же хороший и простой человек. Кажется, что он не изменил своего характера... Он был поразительно талантливый человек, потомок Микель-Анджело, итальянский поэт, как Ариосто; он писал по-французски лучше меня, рисовал, как Давид, играл на пианино, как Паэзиелло».

С 1815 г. по 1824 г. Буонарроти жил в Женеве. Внешне он вел замкнутый образ жизни, давал уроки музыки и математики, в действительности же он занимался интенсивной революционной деятельностью. «Величайший конспиратор XIX века», по определению М.А.Бакунина, Буонарроти стоял во главе тайной международной революционной организации, имевшей своеобразную иерархическую структуру, причем только высшие звенья были посвящены в основную коммунистическую цель этих обществ. Форма и наименование этой организации менялись в связи с провалами и полицейской слежкой, но ее коммунистическая цель оставалась неизменной. Этим она отличалась от тайных мелкобуржуазных карбонарских организаций, ставивших перед собой только политические задачи и не шедших дальше борьбы за республику. В 1822 г. Буонарроти направил в Италию своего последователя А.Андриана. Его провал и арест послужили поводом для изгнания из Женевы Буонарроти, переселившегося в Брюссель.

* A.Andryane. Memoires dun prisonnier d'Etat. 1837, v.1.

В 1828 г. Буонарроти удалось осуществить свой давний замысел — закончить «Историю заговора во имя равенства, именуемого заговором Бабефа». Книга вышла в издательстве «Librairie romantique», имела большой успех, была переиздана уже в 1830 г. и переведена на английский язык Бронтерром О'Брайеном. В этот период Буонарроти сблизился с Ш.Тестом, ставшим с 1828 г. его ближайшим единомышленником.

После июльской революции 1830 г. Буонарроти в августе получил паспорт на имя Райбиа и отправился в Париж. Он был в это время тесно связан с бельгийскими республиканцами и пытался организовать помощь бельгийскому революционному движению. Один из ближайших сторонников Буонарроти де Поттер входил одно время в состав бельгийского правительства.

Последние семь лет жизни Буонарроти провел во Франции. В этот период, сохраняя, по-видимому, свою собственную организацию («Le Monde»), Буонарроти был вместе с тем причастен к деятельности тайных республиканских обществ («Общество Друзей народа» и «Общество Прав человека»). Он оказал влияние на формирование взглядов и деятельность О.Бланки. Личное влияние Буонарроти испытали на себе в разной степени виднейшие представители французского социализма 30—40-х годов — Тест, Вуайе д'Аржансон, Распайль, Кабе, Луи Блан. Последний в своей «Истории десяти лет» охарактеризовал Буонарроти как «крупнейшую фигуру» того времени.

К помощи Буонарроти прибегал ряд историков французской революции, в частности Бюше и Ру пользовались его советами при составлении своей «Парламентской истории революции».

Буонарроти не порывал связей и с итальянским революционным движением. В 1830 г. он организовал в Париже вместе с П.Борромео, Бьянко, Мурри, Салфи комитет для вторжения в Пьемонт через Савойю. Этому предприятию воспротивилось французское правительство. Экспедиция, организованная в феврале 1831 г., потерпела поражение.

До 1834 г. Буонарроти поддерживал связи с Мадзини. Между ними, однако, обозначились глубокие принципиальные расхождения. Буонарроти осуждал связи Мадзини с буржуазными кругами в Ломбардии. В противоположность Мадзини он считал, что революционная инициатива сохраняется за Францией. Он расходился с Мадзини и в понимании задач будущего революционного правительства Италии. Буонарроти в статье «О народном правительстве в освободительной революции» («Молодая Италия», 1833) высказывался за создание диктаторского правительства, «состоящего из небольшого числа энергичных людей», облеченного чрезвычайными полномочиями и имеющего целью создание новых политических, экономических, военных и педагогических учреждений. Мадзини возражал против диктатуры, совершенно неправильно приписывая Буонарроти защиту взглядов о необходимости личной диктатуры. Он доказывал также, что в Италии не требуется террор, так как у итальянской революции нет внутренних врагов. В 1834 г. Буонарроти осудил организованную Мадзини экспедицию в Савойю как авантюру и решительно порвал с ним.

Образ жизни Буонарроти в Париже оставался исключительно скромным. Вуайе д'Аржансон дал ему приют в своем доме. В 1836 г., в первом номере пушкинского «Современника» А.И.Тургенев описал свою встречу с ним: «Старец Буонарроти (потомок Микель-Анджело) обедал у нас. Он живая хроника последнего полувека; вот вкратце жизнь его. Он был в молодости другом тосканского преобразователя Леопольда; и до революции еще, оставив отечество, приехал во Францию. Здесь обольстили его первые идеи революции: он написал к Леопольду, отсылая ему тосканский орден, что он душою и помышлениями принадлежит тогдашней Франции и не может ужиться в отечестве. С тех пор действовал он в сфере, в которой кружилась тогда Франция; Директория посадила его в тюрьму. Наполеон его не освободил; но во все время его владычества он жил или по тюрьмам, или по городам под присмотром, где и застал его 1814 год. В заговоре, Бабеном описанном, его едва не повесили. После 1814 года он скитался в бедности, жил трудами и не принимал никакой помощи ни от богатого сына, в Саене живущего, ни от приятелей: теперь Voyer d'Argenson дает ему конурку, где он философом проживает век, один, воспоминаниями. Дряхлая жена его в бедности, в Женеве. Он характеризует многих прекрасно и рассказывает подробности о происшествиях и лицах, не многим известных. В молодости и после коротко знал Наполеона. В Корсике жил в доме его матери и, когда Наполеон приезжал повидаться с нею, то в последнюю ночь, которую подпоручик Буонапарте провел в доме родительском, Буонарроти спал с ним на одной постели. С тех пор они иногда ссорились, но никогда не мирились. Буонапарте попал на трон, Буонарроти — в тюрьму».

16 сентября 1837 г. в газете «National» было напечатано следующее объявление о кончине Буонарроти: «Филипп Буонарроти, бывший комиссар Конвента, умер сегодня вечером у своего друга Вуайе д'Аржансона после 76 лет жизни, полной добродетели». В похоронах на Монмартрском кладбище участвовало около 1500 человек. На могилу был возложен венок из дубовых листьев с надписью: «Буонарроти, великий гражданин, друг равенства, народ присуждает тебе этот венок; история и потомство одобряют это».

По поводу надписи на могильном памятнике Ш.Тесту пришлось вести продолжительную борьбу с парижской полицией. На одной стороне памятника было написано: «Ф.Буонарроти, родился в Пизе (Тоскана) 11 ноября 1761 г.; получил французское гражданство по декрету Национального конвента 27 мая 1793 г.; умер в Париже 16 сентября 1837 г.». На другой — высечена надпись из речи Буонарроти на вандомском процессе: «Вам предстоит судить мою бурную жизнь, полную жертв и страданий во имя горячего стремления к общему благу». Надпись на третьей стороне гласила: «Осужденный на изгнание, подвергшийся гражданской казни в тюрьме, в ссылке, среди самых тяжелых преследований, он, тем не менее, продолжал свое дело. Ничто не могло поколебать его мужества. Он жил для человечества». Префект полиции граф Рамбюто категорически потребовал удаления двух последних фраз. Даже на могиле Буонарроти полиция продолжала преследование неспасаемого революционера, длившееся свыше сорока лет.

Личный архив Буонарроти сохранялся долгое время у его друга бабувиста Бодемана. В 1910 г. он был передан в рукописное отделение Парижской национальной библиотеки, после чего началось интенсивное изучение биографии Буонарроти и его деятельности. Фотокопии этого архива находятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ГРАКХ БАБЕФ

(биографическая справка; подборка материалов о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>)

Бабеф, Ноэль-Франсуа (Babeuf, Noel-Francois, в 1790 г. переименовал себя в Камилла, а в 1793 г. — в Гракха) родился 23 ноября 1760 г. в Сен-Кантене (Пикардия). Отец его дезертировал из армии и отправился за границу, служил в Австрии. В 1755 г. был амнистирован и вернулся во Францию. Последние годы жизни провел в нужде, работал в качестве надсмотрщика по сбору соляной подати у «генеральных откупщиков». Гракх Бабеф рано покинул семью, работал одно время на сооружении пикардийского канала. Получив небольшое начальное образование, данное ему отцом, Бабеф упорно работал над расширением своих знаний. С 1781 г. он стал февдистом и поселился в г.Руа (Пикардия). Приводя в порядок феодальные архивы, Бабеф проникся ненавистью к феодализму и стал проявлять большой интерес к социальным проблемам, внимательно изучать Руссо и Мабли. В переписке с секретарем Аррасской академии Дюбуа-де-Фоссе (в годы революции ставшим руководителем либеральной директории департамента Па-де-Кале) в 1785—1788 г. Бабеф высказывался за «великую революцию, которая должна принести великие изменения», внес проект создания «коллективных ферм» и предложил тему для конкурса: «Каково будет положение народа... общественные учреждения которого будут таковы, что между всеми его членами будет установлено самое совершенное равенство, земля, которую он населяет, будет принадлежать всем, всё будет общим, вплоть до продуктов всех отраслей промышленности. Будут ли подобные учреждения оправданы естественными законами? Возможно ли существование подобного общества и осуществимы ли мероприятия, при помощи которых будет достигнуто абсолютно равное распределение?»

«Архивист и землемер» до 1789 г., Бабеф, по его словам, сразу же после начала революции стал «пропагандистом свободы и защитником угнетенных». При составлении наказов Бабеф выступил за уничтожение феодальных Повинностей и против «слишком большого неравенства имуществ». Уже 17 июля Бабеф приехал в Париж, где представил Учредительному Собранию (в октябре) работу «Постоянный кадастр», в которой он высказался за уничтожение земельной собственности и наделение землей равными участками в пожизненное пользование. Бабеф принял участие в движении 5—6 октября. Вернувшись в Руа, он начал настойчивую борьбу против косвенных налогов, взимавшихся «генеральными откупщиками». В 1790 г. Бабеф составил петицию «о том, что налоги с напитков, соляной налог, пошлины при въезде в города не должны больше, даже временно, сохраняться у французов, ставших свободными». Петиция имела огромный успех в Пикардии. В связи с этим в мае 1790 г. Бабеф по постановлению податного суда в Париже (Cour des Aides) как «главный подстрекатель всех беспорядков», «как мятежник, способный на любые крайности», был арестован и препровожден в Париж, в тюрьму Консьержери, где он пробыл около двух месяцев. В его защиту выступил Марат, который, по словам Бабефа, был его «официальным защитником», называл его «в своих газетах братом, другом и с триумфом вывел... из Консьержери». После освобождения Бабеф издавал в Нуайоне газету «Пикардийский корреспондент» и повел борьбу против крупной земельной собственности за ликвидацию феодальных повинностей без всякого выкупа, вопреки законодательству Учредительного собрания, и за раздел общинных земель. Уже в 1790 г. Бабеф поставил вопрос о необходимости не распродажи конфискованных церковных имуществ, а раздачи их в долгосрочную аренду, с соблюдением интересов не только государства, но и «частных лиц», имея в виду деревенскую бедноту.

В связи с возглавленным им весной 1791 г. в Руа движением за раздел общинных владений Бабеф был вновь арестован, но вскоре освобожден, так как арест вызвал огромное возмущение и никто из вызванных обвинением свидетелей не осмелился дать против него показания.

Летом 1791 г. Бабеф взял на себя защиту крестьян коммуны Давенекур, арестованных в связи с их выступлением против владелицы замка, графини Ламир. В опубликованной им петиции он характеризовал процесс как «одно из дел, которое должно быть отнесено к числу знаменитых, из изложения которого видно, как чудовищно велики еще остатки феодального могущества». Бабеф добился освобождения всех арестованных по Давенекурскому процессу. Во время бегства короля в Варенн Бабеф занимал ярко выраженную республиканскую позицию.

Считая недостаточно решительной деятельность левых депутатов (в том числе Робеспьера) в Учредительном собрании, Бабеф пытался оказать влияние на Законодательное собрание через депутата департамента Уазы аббата Купе. В сохранившихся письмах к Купе^{***} Бабеф подчеркивал, что революция до сих пор ничего не сделала для «неимущих классов», и настаивал на необходимости проведения «аграрного закона». Одновременно Бабеф требовал отмены цензовой избирательной системы, ежегодного переизбрания Собрания, допуска всех граждан в национальную гвардию, установления «народного вето» для утверждения всех законов и т.д.

После восстания 10 августа 1792 г. Бабеф в сентябре был избран в департаменте Соммы в Генеральный совет, в котором большинство составляли жирондисты, стремившиеся возможно скорее избавиться от «Марата департамента». В ноябре 1792 г. Бабеф был избран членом директории дистрикта Мондидье, где настойчиво добивался быстрой конфискации имущества эмигрантов.

* G. Deville. Notes inedites de Babeuf sur lui-meme («La Revolution Francaise», 1905, t.49).

** В № 53 «Друга народа» (4 июля 1790 г.) Марат призывал демократов навестить Бабефа в тюрьме, чтобы «поддержать его мужество, обеспечить ему помощь».

*** Одно из этих писем было опубликовано А. Эскиросом в 1898 г. в кн. «La philosophic sociale du XVIII s.». Другое письмо опубликовано М. Домманже в 1935 г. в сб. «Pages choisies de Babeuf».

Воспользовавшись незначительным промахом Бабефа, не выполнившего некоторых формальностей, администрация дистрикта Мондидье, в частности прокурор-синдик Лонгекан, преследовавший Бабефа еще по делу о налогах, обвинила его в «подлоге» и добилась отстранения его от должности и предания суду. В августе 1793 г. уголовный суд департамента Соммы приговорил Бабефа к 20 годам заключения «в кандалах».

Добиваясь реабилитации, Бабеф отправился в Париж. В марте 1793 г. он выступил против Марата в защиту Фурнье-Американца (один из организаторов мартовского выступления парижских секций против Дюмуре и жирондистов). Бабеф упрекал Марата в том, что он не уделяет достаточного внимания вопросу о «благополучии неимущего класса». В письме к Шометту в мае он критиковал первый максимум (4 мая). Поддерживая проект Декларации прав человека, выдвинутый Робеспьером, за его предложение об ограничении собственности, Бабеф нападал на Конвент, считая, что за немногими исключениями в его составе нет «подлинных санкюлотов». Тогда же Бабеф начал разработку проекта «Законодательство санкюлотов, или совершенное равенство».

При содействии Сильвена Марешаля и Шометта Бабеф получил место секретаря продовольственной администрации Парижа, которой руководил тогда Гарен. Добиваясь последовательного проведения максимума, Бабеф сыграл большую роль в конфликте между продовольственной администрацией Парижа и министром внутренних дел Гара — скрытым противником твердых цен на продовольствие. В этот период Бабеф принимал ближайшее участие в движении парижских секций против дороговизны.

По настоянию администрации департамента Соммы Бабеф был вновь подвергнут заключению. После первого кратковременного ареста (14 ноября—7 декабря 1793 г.) он был временно освобожден на поруки. В этот период Бабеф выступал с критикой религиозной политики и Робеспьера, и «дехристианизаторов». 1 января он был вновь арестован, но добился через несколько месяцев постановления Конвента о новом пересмотре дела в кассационном суде департамента Эны (г.Лан). Здесь он был 30 мессидора II года (18 июля 1794 г.) освобожден, хотя дело не было прекращено.

Вернувшись в Париж, Бабеф не сразу разобрался в контрреволюционной сущности переворота, происшедшего 9 термидора. Однако уже через несколько недель он понял свою ошибку. Позднее, в 1796 г., он писал по этому поводу: «Я признаюсь чистосердечно, что очень зол на себя за то, что когда-то видел в черном свете революционное правительство, и Робеспьера, и Сен-Жюста и др.»

Бабеф приступил к изданию «Газеты свободы печати», переименованной им с октября 1794 г. в «Трибуна народа, или защитника прав человека». Он был одним из руководителей «Электорального клуба», объединившего сохранившихся эбертистов и «бешеных». Газета Бабефа за ее решительную борьбу против термидорианцев вскоре была лишена материальной поддержки ее первоначального издателя Гюффруа. Уже в октябре 1794 г. Бабеф был подвергнут кратковременному аресту. 3 февраля 1795 г., после резкого выступления против него Тальена в Конвенте, Бабеф был снова арестован за призыв «к мятежу, убийствам и роспуску национального представительства». Его арест произошел как раз накануне выступлений парижских предместий в жерминале и прериале, подготовке которых пропаганда Бабефа, несомненно, чрезвычайно содействовала.

В парижской тюрьме, особенно же в аррасской, где Бабеф находился до осени 1795 г., он усиленно вел теоретическую организационную работу, связался с рядом работников революционного правительства, привлекавшихся по процессу представителя Конвента в департаментах Севера и Па-де-Кале Жозефа Лебона. В Аррасе он особенно сблизился с арестованным гусарским капитаном Шарлем Жерменом, ставшим в дальнейшем одним из виднейших организаторов движения бабувистов. Сохранившееся письмо Бабефа к Жермену и первый вариант «Манифеста плебеев» свидетельствуют, что к этому времени у него выработалась уже более или менее последовательная система коммунистических взглядов, проникнутых, правда, грубым уравнильством.

10 сентября 1795 г. Бабеф был снова переведен в парижскую тюрьму Плесси, где он познакомился с Буонарроти. Во время попытки контрреволюционного мятежа 13 вандемьера Бабеф, поддержанный другими арестованными республиканцами, добивался от термидорианского Конвента хотя бы временного освобождения для участия в защите Республики.

Амнистированный и освобожденный 18 октября 1795 г., Бабеф сейчас же возобновил издание «Трибуна народа» (6 ноября), в котором решительно выступал против Директории, несмотря на ее попытки (через Фуше) добиться с ним примирения. Бабеф явился одним из вдохновителей клуба Пантеон, а после его роспуска создал нелегальную революционную организацию и приступил к подготовке вооруженного восстания против Директории. Его деятельность за этот период подробно освещена в книге Буонарроти. В декабре 1795 г. и феврале 1796 г. Директория пыталась арестовать Бабефа, которому удалось, однако, скрыться от преследований. 21 флореаля IV года (10 мая 1796 г.), после доноса предателя Гризеля, Бабеф вместе с Буонарроти был арестован на нелегальной квартире у портного Тиссо.

Очень стойко державшийся на судебном процессе в Вандоме и мужественно отстаивавший свои коммунистические взгляды, Бабеф был присужден к смертной казни. После оглашения приговора Бабеф пытался покончить с собой при помощи кинжала, который пронес в зал заседания суда его сын Робер-Эмиль. 27 мая 1797 г. он был казнен.

Литературное наследство Бабефа до сих пор полностью не собрано и не издано. Наиболее полная коллекция собрана в Москве в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

КЛЮЧ к АНАГРАММАМ

Бедон (Bedon)	Дебон (Debon)
Ложан де Доримель (Laujen de Dorimel, Laurgen de Doimel)	Жюльен де ла Дром (Jullien de la Drome)
Атак (Hannac)	Шанан (Chanan)
Сомбо (Sombod)	Бодсон (Bodson, Bodsom)
Гларту (Clartou)	Гулар (Goulard), печатник
Ла Тильм (La Tilme)	Майе (Maillet), адвокат
Шентрар (Chintrard)	Треншар (Trinchard), плотник
Гольскэн (Colscain)	Солиньяк (Solignac), дубильщик кож
Велор (Velor) Гольскэн (Colscain)	Реваль (Revol), печатник
Ривагр (Rivagre)	Гравье (Gravier), виноторговец
Липпи (Lihppi)	Филп, Филип (Philp, Philip), моряк
Тисмио (Tismiol)	Миттуа (Mittois), журналист
Люссорийон (Lussorillon)	Руссийон (Roussillon), хирург
Реф (Reuf)	Ферю (Peru), из Тулона
Эридди (Eriddy)	Дидье (Didier), слесарь
Филип ле Рекселе (Filipe le Rexelet)	Феликс ле Пелетье, Лепелетье (Felix le Pelletier, Lepelletier)
Адери (Adegy, Ready) Эри (Eris)	Дерэ (Deray) Рейс (Reys), седельщик
Крексель (Crexel)	Клере (Clerex), портной
Ле Иму (Le Himug)	Гилем (Guilhem), курьер
Перрино (Perrino, Reprino)	Пьеррон (Pierron)
Аллиноже (Allinoget)	Лэньело (Laignelot), бывший член Конвента
Эдюшуа (Euduchoi)	Шудье (Choudieu), бывший член Конвента
Сасеми (Sasemy)	Массе (Massey), ошибочно указанный как бывший член Конвента

КЛЮЧ к ДРУГИМ АНАГРАММАМ, КОТОРЫМИ ПОЛЬЗОВАЛСЯ БУОНАРРОТИ, НО КОТОРЫЕ ОН НЕ РАСШИФРОВАЛ в 1836 г.

Ромэнкольсель (Romaincolsel)	Далэр Тенай (Dalaire-Tenaille)
Урекль (Owecle)	Лекёр (Lecoeur)
Юлажено (Ulagenoc)	Куланж (Coulange)
Лэр де ла Нэтль (Laire de la Naitle)	Никола Морель (Nicolas Morel)
Суань (Soigne)	Женуа (Genois)

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Суду по делу Бабефа было предано 65 человек, из которых 18 судилось заочно. Судебный процесс в Вандоме начался 20 февраля 1797 г. (2 вантоза V года); приговор был вынесен 26 мая (7 прериала) того же года по обвинению в подстрекательстве к восстановлению конституции 1793 г., что по закону 27 жерминаля IV года каралось смертью, Бабеф и Дарте были признаны виновными полностью, а 7 человек — Буонарроти, Жермен, Казен, Блондо, Буэн, Моруа, Менесье — со смягчающими обстоятельствами, в силу чего смертная казнь была заменена для них ссылкой. 55 человек, в том числе Друэ (бежавший до суда), Вадье, Амар, Феликс Лепелетье, Антонелль, Робер Ленде, Россиньоль, Фион, Рикор, Лэньело, оба Дюпле и др., были признаны невиновными.

2 **Жермен, Шарль** — гусарский капитан; во время термидорианской контрреволюции арестован; находясь в 1795 г в Аррасской тюрьме одновременно с Бабефом, сблизился с ним; один из руководителей бабувистской организация; после ссылки вернулся в 1804 г., не принимал участия в политической жизни. Моруа — рабочий; бабувистский агент XII округа (Сен-Марсельское предместье) Казен — во время якобинской диктатуры был инспектором Арсенала; агент VIII округа. Менесье, Клод (род. 1757) — до революции садовник; член совета Парижской коммуны после 10 августа 1792 г.; во время якобинской диктатуры один из руководителей парижской полиции; бабувистский агент II округа; скрылся от преследований; был осужден в Вандоме заочно, а затем оправдан Сенским судом; при Наполеоне подлежал высылке по проскрипционному списку 9 нивоа, но снова ушел от преследований. Блондо хотя и был осужден, но не имел отношения к движению; был оговорен Гризелем для того, чтобы скомпрометировать Барраса, с которым Блондо был близко связан.

3 Судебный процесс был стенографирован и издан («Debats du Procès instruit par la Haute Cour de justice contre Drouet, Baboeuf, et autres, recueillis par les stenographes a Paris. De l'Imprimerie Nationale»). Архив Буонарроти после его смерти хранился у его друга, участника тайных обществ времен империи, Бодемана, собиравшегося написать биографию Буонарроти, и у республиканцев-демократов 30-х годов XIX в. Ш.Теста и Вуайе д'Аржансона. В 1910 г. этот архив поступил на хранение в Парижскую национальную библиотеку.

4 В оригинале Буонарроти пользуется выражением «секты» (sectes), подразумевая, однако, под этим термином политические группы

5 Людовика XVI в декабре 1792 — январе 1793г. судил Конвент. 366 депутатов голосовало за смертную казнь и 319 — за тюремное заключение и изгнание. Предложение жирондистов об отсрочке исполнения приговора было отклонено большинством 380 против 310. Приговор был приведен в исполнение 21 января 1793 г. **«Часовая стрелка революции подошла к полдню». 21 января 1793 года: процедура и ход голосования, документы, дискуссия.**

6 Буонарроти имеет в виду графа Мирабо (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#mirabeau>), маркиза Лафайета (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#lf>), Ламетов (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#lameth>) и других представителей дворянства, игравших в начале революции руководящую роль в Учредительном собрании, до вскоре тайно или открыто перешедших в лагерь ее врагов.

7 О влиянии на Бабефа идей Руссо свидетельствует уже переписка накануне революции Бабефа с Дюбуа де Фоссе, секретарем Аррасской академии в 1785—1788 г. Бабеф говорит в своих письмах о своей «беспредельной вере в Жан-Жака». Наибольшее влияние оказала на Бабефа «Речь о происхождения неравенства» и «Исповедь». Более критически отнесся он к «Общественному договору», хотя высоко ценил некоторые его мысли, в частности об английском парламентаризме. Бабеф неоднократно ссылался также на Мабли. В письмах к Купе, ставшему членом Законодательного собрания, Бабеф осенью 1791 г. вспоминал, как они вместе читали Мабли. При переименовании своей газеты в «Трибуна народа» в 1794 г. Бабеф указывал, что между его трибунством и римским «нет никакой аналогии», хотя вместе с Мабли он восхищался последним «как одним из прекраснейших учреждений, столько раз спасавших римскую свободу».

М.Доманже. Бабеф и заговор Равных

8 В личном архиве Буонарроти сохранился составленный им список «великих людей» древности и современной ему эпохи. В списке этом указаны следующие имена: Минос, Моисей, Пифагор, Ликург, Сократ, Платон, Агис, Тиберий и Кай Гракхи, Иисус («друг народа и равенства, враг богатства, деспотизма и суеверия»), Т.Мор, Иоанн Лейденский («создал в Мюнстере общность имущества»), Руссо («своей речью о происхождении неравенства среди людей показал, что собственность является источником большинства несчастий, угнетающих человечество»), Мабли, Робеспьер («он хотел ограничить право собственности... вместе с ним погибла французская революция»), Сен-Жюст, Кутон, Бабеф («пылкий апостол равенства»), Дарте, Уде («основатель общества филаделффов»), Мале («из глубины тюрьмы восстал против императорского деспотизма»), Мишель Лепелетье.

9 G.V.Mably. De la legislation ou principes de loi. Amsterdam, 1776. Книга эта была известна Бабефу, по-видимому, до революции и оказала на него большое влияние. Он ссылался на нее в своей защитительной речи на вандомском процессе. В рус.перевод: **Мабли. О законодательстве, или принципы законов.**

10 Впервые в Учредительном собрании мысль о разделении граждан на активных и пассивных была высказана Сиейсом еще в июле 1789 г., через две недели после взятия Бастилии. 31 августа того же года в докладе Мунье был изложен проект введения имущественного ценза, лишавший прав большую часть граждан. Буржуазные депутаты Собрания, сочувственно принявшие эти предложения, не решились, однако, вотировать статьи, прямо противоречившие Декларации прав человека и гражданина, утвержденной лишь за 5 дней до этого. Народные выступления 5—6 октября придали им решимость, и законодательством октября—декабря 1789 г. Учредительное собрание юридически оформило установление имущественного ценза и разделение граждан на активных и пассивных. К числу активных граждан относились мужчины, достигшие 25 лет, прожившие не менее года в данной местности (кантоне), платившие прямой налог в размере местной трехдневной заработной платы. В число выборщиков допускались только лица, платившие налог в размере десятидневной заработной платы. Кандидаты в депутаты должны были платить Прямой налог в размере не меньше марки серебром (около 54 ливров) и владеть какой-либо земельной собственностью. Из 26 миллионов тогдашнего населения Франции к числу активных граждан было отнесено только 4298360. В Собрании против введения ценза выступили лишь несколько депутатов во главе с Робеспьером. Вне Собрания, в Париже и стране, введение имущественного ценза вызвало резкие протесты революционно-демократических элементов, в особенности Марата; «Друг народа» боролся против стремления законодательством о цензе создать новую аристократию — аристократию богачей. Уже в ноябре 1789 г. Бабеф резко высказался против введения ценза в своих «Лондонских корреспонденциях», а в 1790 г. — в «Пикардийском корреспонденте».

11 В ночь с 20 на 21 июня 1791 г. Людовик XVI с семьей бежал из Парижа, но через сутки был задержан вблизи границы, в местечке Варенн почтмейстером Друз (привлекавшимся впоследствии по делу Бабефа). Побег и возвращение пленного короля вызвали широкое движение против монархии в столице и стране, возглавленное клубом кордельеров. Правое большинство Учредительного собрания 15 июля, несмотря на возражения Робеспьера и других депутатов, приняло постановление, реабилитировавшее Людовика XVI, представляя его побег как якобы имевшую место попытку «похищения» короля. **Хроника вареннского бегства. ВАРЕННСКИЙ КРИЗИС (подборка документов). Н.Владимирова. Якобинский клуб в дни вареннского кризиса лета 1791 г.**

12 «Резня на Марсовом поле» — расстрел 17 июля демонстрации, устроенной клубом кордельеров, собравшейся для подписания петиции об отрешении короля от власти и о созыве нового Учредительного собрания (см. примеч. 11). События 17 июля завершили превращение крупной буржуазии в контрреволюционную силу, ставшую на путь вооруженной борьбы против народа. Марат, Робеспьер, Дантон и другие демократы, вынужденные скрываться после 17 июля, призывали народ к продолжению борьбы. Марат в «Друге народа» прямо говорил, что спасенье — в «восстании всей нации». **Вареннский кризис и его последствия (июнь-июль 1791 г.)**

13 Наиболее левые руководители якобинцев и кордельеров, в том числе Робеспьер и Марат, считали преждевременным выдвигать требование провозглашения республики во время вареннского кризиса. Это требование совершенно неожиданно выдвинула более умеренная группа деятелей, в том числе Кондорсе, Бриссо, Н.Бонвилль, маркиз Дюшатле и т.д., за спиной которых, как предполагали, стоял Лафайет. Поведение этой «аристократической», как ее характеризует Буонарроти, группы казалось очень подозрительным наиболее передовым демократам Бабеф, находившийся тогда в департаменте Соммы и не знавший о существовавших в Париже разногласиях, выступал в качестве решительного республиканца.

14 Зимой и весной 1792 г., когда жирондисты усиленно пропагандировали необходимость войны с Австрией, — к чему также стремилась в надежде осуществить контрреволюционные планы и партия двора, — Робеспьер и его единомышленники разоблачали тайные цели, преследуемые сторонниками войны. Робеспьер предостерегал, что «хотят затеять притворную войну», чтобы с ее помощью задушить революцию; он угадывал тайные намерения короля, Марии-Антуанетты и их сообщников, связывавших с началом войны свои контрреволюционные планы. Действительно, после объявления Францией войны Австрии (20 апреля 1792 г.) военные действия развернулись крайне неудачно для французов. Командующие армиями и многие офицеры-дворяне сознательно облегчали противнику ведение военных операций. Как и предвидел Робеспьер, внутренняя контрреволюция помогала внешней контрреволюции.

15 В августе 1790 г. произошли волнения в швейцарском полку Шатовье, расквартированном в Нанси. Командующий войсками в Меце генерал Буйе с боем завял город и жестоко расправился с солдатами: 20 человек было повешено, 41 — сослан на каторжные работы. В 1792 г. они были освобождены. День их возвращения — 15 апреля — торжественно праздновался.

16 **Нарбонн, Луи** (1755—1813) — граф; при поддержке жирондистов был назначен в декабре 1791 г. военным министром. Им был послан с тайной миссией к герцогу Брауншвейгскому сын генерала Кюстина, тесно связанного с жирондистами. Нарбонн предлагал герцогу принять командование французской армией, намереваясь в дальнейшем с помощью армии разогнать собрание и укрепить королевскую власть. После 10 августа Нарбонн эмигрировал в Англию, позднее служил при Наполеоне, пользовался его большим расположением.

17 **Верньо** (1753-1793), **Гаде** (1755-1794), **Рабо де Сент-Этьенн** (1743—1793), **Бриссо** (1754—1793), **Горса** (1752—1793), **Кондорсе** (1743—1793), **Ланжюинэ** (1755—1827), **Луве** (1760—1797), **Барбару** (1763—1793) — руководители жирондистской партии, ставшие после свержения монархии на путь борьбы против дальнейшего развития революции, а затем скатавшиеся к прямой контрреволюции. 2 июня 1793 г. в результате победоносного народного восстания Конвент декретировал арест 29 депутатов-жирондистов, в их числе и всех перечисленных. Некоторые из них, бежав из-под ареста, пытались поднять в провинции мятеж против власти якобинцев. За исключением Ланжюинэ и Луве, скрывавшихся в период якобинской диктатуры и вернувшихся в Конвент во время термидорианской контрреволюции, а также Кондорсе, покончившего с собой в тюрьме, все остальные жирондистские вожди, названные Буонарроти, были казнены в разное время по решениям революционных трибуналов. Подборки материалов о каждом из названных и о других жирондистах см. на сводных страницах (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm>, <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm>, <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm>, <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm>).

18 **Дюмурье, Шарль-Франсуа** (1739—1823) — генерал. До революции выполнял секретные миссии Людовика XVI за границей; сохранял тайные связи с двором и после того, как примкнул к революции, сблизился сначала с Мирабо, затем с жирондистами, в марте 1792 г. вошел в состав жирондистского правительства в качестве министра иностранных дел; позже стал командующим северной армией. В марте 1793 г. Дюмурье вступил в переговоры с герцогом Кобургским, сообщив ему свой план разгона Конвента и восстановления монархии и обещав противнику очищение Бельгии. Пытался двинуть свою армию на Париж, но потерпел неудачу и бежал к австрийцам. (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dmr>)

19 **Кюстин, де, Адам-Филипп** (1740—1793) — граф, генерал, участник войны североамериканских колоний за независимость. С 1792 г. — командующий Вогезской, затем Рейнской армиями; после первых успехов, в 1793 г. потерпел неудачу на фронте. Был близок к жирондистам. Казнен по обвинению в измене. (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#custn>)

20 **Ламет, де, Александр** (1760—1829), **Шарль** (1757—1832), **Теодор** (1756—1854), **Огюстен** — братья (последний политической роли не играл) из аристократической семьи. Александр и Шарль — участники войны североамериканских колоний за независимость, члены Учредительного собрания, руководители клуба фельянов Теодор — член Законодательного собрания. Наибольшее политическое влияние имели Александр и Шарль, вместе с Барнавом и Дюпором ставшие в 1791—1792 гг. лидерами контрреволюционной уже к тому времени крупной буржуазии. После свержения монархии эмигрировали. (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#lameth>)

21 Лафайет, Мари-Жозеф (1757—1834) — маркиз, участник североамериканской войны, член Учредительного собрания, начальник Национальной гвардии, пользовался большой популярностью в начале революции. По мере углубления классово-политической борьбы переходил на все более правые, а затем и прямо контрреволюционные позиции. После 10 августа 1792 г. пытался двинуть войска на Париж, но потерпел неудачу. В период Реставрации и июльской революции 1830 г. снова играл активную политическую роль.

22 Мирабо предложил свои услуги двору уже в январе 1790 г. Документы, сохранившиеся в «железном шкафу» Людовика XVI, и опубликованная переписка с графом де ла Марк полностью выявили его Продажность. Марат первым стал разоблачать Мирабо еще в расцвете его популярности.

23 Руководители жирондистов Верньо, Жансонне, Гаде в июле 1792 г., стремясь предотвратить низвержение монархии, вступили в переговоры с Людовиком XVI через его камердинера Тьери и художника Боза. Гаде имел тайное свидание с королем и королевой. Во время процесса короля жирондисты прилагали все старания для спасения его жизни и в частности предполагали вывезти его в Соединенные Штаты Америки.

24 Жирондисты, преобладавшие в Законодательном собрании, стремились распустить Парижскую коммуну — революционный муниципалитет, образовавшийся накануне 10 августа 1792 г. из представителей секций и возглавивший народное восстание, свергнувшее монархию. 30 августа Законодательное собрание приняло решение о роспуске Парижской коммуны и назначении перевыборов. Коммуна не подчинилась этому решению. Законодательное собрание до самого своего роспуска продолжало вести борьбу против Парижской коммуны.

25 2—3 сентября 1792 г. в критические дни республики, когда пруссаки после падения Лонгви и осады Вердена продвигались к Парижу, народные массы столицы, опасаясь контрреволюционного мятежа в Париже, подварили казни часть заключенных в тюрьмах контрреволюционеров. Наблюдательный комитет Парижской коммуны указал в своем обращении к Франции, что «часть кровожадных заговорщиков, со-державшихся в тюрьмах, уничтожена народом. Этот акт правосудия оказался неизбежным, чтобы сдержать путем террора легионы предателей, содержащихся в стенах Парижа в тот момент, когда народ уходил на врага». См. «Под шорох прусских виселиц» (<http://vive-liberta.livejournal.com/22860.html>).

26 Не имея опоры в Париже, жирондисты пытались противопоставить столице департаменты, где их поддерживала буржуазная администрация, избранная на основе цензового избирательного права. Ряд жирондистов высказывался за превращение Франции в федерацию по типу Соединенных Штатов Америки, создание «республики юга», перенесение столицы из Парижа и т.д. Отсюда появилась кличка «федералистов», которую якобинцы применяли к жирондистам, возглавившим после 31 мая—2 июня 1793 г. контрреволюционные восстания в департаментах. **А.Гордон. Федералистский мятеж**

27 Мятеж в Лионе, организованный жирондистами, начался 29 мая 1793 г. Командование мятежниками перешло в руки роялиста графа де Преси. Жирондистское восстание в Тулоне началось 12 июля. В августе город был сдан англичанам и Людовик XVII провозглашен королем.

28 Конституция III г., принятая термидорианским конвентом 22 августа 1795 г., восстанавливала цензовую избирательную систему. В то время как Учредительное собрание отказалось от двухпалатной системы, конституция III года вводила ее. Законодательный корпус должен был состоять из двух палат: Совета пятисот и Совета старейшин, лишённого законодательной инициативы, но утверждавшего законы, принимавшиеся Советом пятисот. Исполнительная власть вручалась директории из пяти человек, избравшихся Советом старейшин по списку кандидатов, намечавшихся Советом пятисот.

29 Сразу после выступления Робеспьера в якобинском клубе со своим проектом Декларации Бабеф дал ему самую положительную оценку в своем письме к Шометту 7 мая 1793 г. и в неоконченной рукописи «Законодательство санкюлотов». Уже позднее, в феврале 1796 г., в одном из последних номеров «Трибуна народа» он писал: «Когда 21 апреля 1793 г. Робеспьер вызвал аплодисменты и заслуженные восторги народа, определив право собственности как право каждого гражданина пользоваться всеми благами, которые гарантированы ему законом, право, ограниченное обязанностью уважать права всех остальных членов общества и не наносить ущерба их безопасности их свободе, их существованию и их собственности; это определение было моим манифестом и эта редакция прав человека и гражданина вовсе не была произведением лицемера».

30 Воспроизводимая Буонарроти Декларация прав человека и гражданина, предложенная Робеспьером, была оглашена последним в его речи на заседании якобинского клуба 21 апреля и на заседании Конвента 24 апреля 1793 г.

31 В окончательном тексте Декларации прав пункт о собственности, предложенный Робеспьером, подвергся значительным изменениям. Собственность была определена как право располагать по своему усмотрению своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и промысла. Бабеф решительно осудил это изменение. «Декларация прав Робеспьера, — писал он в «Трибуне народа», — претерпела только одно это существенное изменение, после которого она заняла место в начале конституции 93 года. Разумеется, после этого искажения она перестала быть моим манифестом».

32 Якобинская конституция 1793 г., принятая Конвентом 24 июня и утвержденная первичными собраниями департаментов в июне — июле, в период самой ожесточенной войны с внутренней и внешней контрреволюцией, не была введена в действие. Уже 12 августа делегаты первичных собраний, прибывшие в Париж на празднование дня 10 августа и провозглашения конституции, явились в полном составе в Конвент и потребовали, ввиду угрожающего положения республики, отсрочки применения конституции и сохранения власти за Конвентом и его комитетами. 10 октября 1793 г. (19 вандемьера II г.) Конвент, по докладу Сен-Жюста от имени Комитета общественного спасения, принял декрет, устанавливавший во Франции Временное революционное правительство до заключения мира.

4 декабря 1793 г. (14 фримера II г.) Конвент дополнительно принял декрет об организации революционного правительства, определивший структуру органов власти, порядок исполнения законов и т.п. Декреты Конвента о революционном правительстве оформляли установление якобинской революционно-демократической диктатуры. **А.Гордон. Классовая борьба и конституция 24 июня 1793 г. Т.Черноверская. Первый опыт осмысления происходящего: «Дух Революции и Конституции во Франции» Л.-А.Сен-Жюста. КОНСТИТУЦИЯ 1793 года: альтернативные проекты и прения.**

Буонарроти приводит все даты по революционному календарю. Декретами 5 октября и 24 ноября 1793 г. Конвент установил новое республиканское летоисчисление и новый календарь. Первым днем первого года республики было установлено 2.2 сентября 1792 г. — дата провозглашения Конвентом республики. С этого дня начиналось и исчисление первого из 12 месяцев, состоявших каждый из 30 дней (3 декад). Остающиеся 5—6 дней, названных санкулотидами, считались праздниками. Наименование месяцев: вандемьер (сентябрь—октябрь), брюмер (октябрь—ноябрь), фример (ноябрь—декабрь), нивоз (декабрь—январь), плювиоз (январь—февраль), вантоз (февраль—март), жерминаль (март—апрель), флореаль (апрель—май), прериаль (май—июнь), мессидор (июнь—июль), термидор (июль—август), фрюктидор (август—сентябрь). Соответственно: доклад Робеспьера 18 плювиоза II г.—6 февраля 1794г., речь Робеспьера 7 прериала II г. — 26 мая 1794 г. и т.д. **Доклад Фабра д'Эглатина Конвенту о реформировании календаря (октябрь 1793 г.) Декрет о датировании государственных актов Декреты о новом летоисчислении Инструкция к декрету**

34 Бабеф разделял эту оценку эбертистов, данную Буонарроти. В феврале 1796 г. он писал бабувистскому агенту, бывшему эбертисту Жозефу Бодсону: «Я не занимаюсь при этом вопросом, были ли Эбер и Шометт невиновны. Если даже и так, я все-таки оправдываю Робеспьера. Путаники, люди... жаждавшие славы я преисполненные самомнения, как, например, Шометт, могли быть расценены нашим Робеспьером как желающие вырвать у него руководство колесницей... Тот, кто видел, что все эти смешные соперники даже при самых лучших своих намерениях все испортят, мог, как мне кажется, сказать: отстраним... этих докучливых гномов вместе с их добрыми намерениями. И, по моему мнению, он поступил правильно... Судьба 25 миллионов людей не должна зависеть от поведения нескольких сомнительных личностей». Еще в 1793 г. Бабеф критиковал позицию эбертистов в вопросах религиозной политики. **М.Славин. Эбертисты под ножом гильотины.**

35 В заметках Буонарроти о французской революции приведен список «главных участников заговора 9 термидора». К числу их Буонарроти относил: Сиейеса, Ребеля, Мерлена из Тионвиля, Паниса, Барраса, Тюрио, Камбона, Фрерона, Бентабола, Леонара Бурдона, Ровера, Ленде, Мерлена из Дуэ, Эшассерию, Тальена, Гупийо, Феро, Лежандра, Лакоста, Гюффрау, Лекуантра, Фуше, Дюбуа-Крансе, Вадье, Амара, Карно, Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа, Барера, Вуллана, Бэйля и др. Подборки материалов о каждом из названных персонажей см. на сводных страницах (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm>, <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm>, <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm>, <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm>).

36 3 октября 1793 г. Конвент принял решение об аресте 75 жирондистских депутатов, подписавших протест против событий 31 мая — 2 июня. Вследствие допущенной опечатки в ряде изданий, где цифра 75 была заменена цифрой 73, стали говорить о 73 депутатах; эту цифру — 73 — называет и Буонарроти. Некоторые из них еще до ареста бежали на юг к мятежникам. Робеспьер неоднократно возражал против предания этой группы жирондистов суду революционного трибунала, как сделано было в отношении других жирондистских депутатов, участвовавших в организации мятежа. После контрреволюционного переворота 9 термидора по постановлению Конвента от 18 фримера III г. (8 декабря 1794 г.) члены этой группы были восстановлены в правах депутатов.

37 Речь идет о Комитетах общественного спасения и общественной безопасности, в которых с июня 1794 г. термидорианские заговорщики оказались в большинстве. С 15 мессидора (13 июля 1794 г.) Робеспьер перестал участвовать в работе Комитета. **М.Булуазо. Комитет общественного спасения. Е.Таланян. Переворот 9 Термидора глазами члена Комитета общественного спасения.**

38 **Кутон, Жорж** (1755—1794)—видный якобинец, член Законодательного собрания, примыкавший к ее крайней лавой, депутат Конвента, член Комитета общественного спасения, один из руководителей революционного правительства, близкий сподвижник Робеспьера и его политический единомышленник. Кутон вместе с Сен-Жюстом оставался в составе Комитета общественного спасения до контрреволюционного переворота, ведя борьбу против термидорианских заговорщиков. Казнен вместе с Робеспьером, Сен-Жюстом и др. 10 термидора. О нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#ctn>.

39 **Леба, Филипп-Франсуа** (1764—1794)—якобинец, депутат Конвента, член Комитета общественной безопасности; друг и сподвижник Робеспьера; сыграл значительную роль как комиссар Конвента в армиях. Казнен вместе с Робеспьером 10 термидора. О нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#flb>.

40 **Робеспьер, Огюстен-Бон-Жозеф** (1763—1794) — младший брат Максимилиана Робеспьера, якобинец, член Конвента, комиссар Конвента в армиях. Казнен термидорианцами. О нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#aug-rob>.

41 **Давид, Жак-Луи** (1748—1825) — знаменитый французский художник, якобинец, член Конвента, член Комитета общественной безопасности, сторонник Робеспьера. После контрреволюционного переворота 9 термидора заключен в тюрьму; впоследствии был амнистирован; при Наполеоне стал его официальным живописцем. О нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dvd>.

42 12 жерминаля III г. (1 апреля 1795 г.) и 1—2 прериала (20—21 мая) произошли последние революционные массовые выступления парижских предместий, направленные против резкого ухудшения продовольственного положения после отмены максимума (4 нивоа III года) и против контрреволюционной политики термидорианского Конвента. 12 жерминаля демонстрация ворвалась в Конвент с требованием «хлеба и конституции 1793 года». Прериальское выступление имело гораздо более организованный и решительный характер. Для подавления восстания впервые с 1789 г. в Париж были введены войска. 3—4 прериала сорокатысячная армия окружила и разоружила Сент-Антуанское предместье. После жерминаля и прериала были арестованы свыше 60 депутатов Конвента и тысячи виднейших деятелей времен якобинской диктатуры.

43 Вскоре после казни Робеспьера правыми термидорианцами было выдвинуто требование репрессий против так называемых левых термидорианцев — членов Комитетов общественного спасения и общественной безопасности, в первую очередь **Барера** (1755—1841; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#BB>), **Бийо-Варенна** (1756—1819; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#BV>), **Колло д'Эрбуа** (1750—1796; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#CHrb>) и **Вадые** (1736—1828; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#vd>). 7 нивоа III г. была создана комиссия по расследованию их деятельности. 12 вантоза Конвент принял решение об их аресте. После 12 жерминаля все четверо без суда были высланы на остров Олерон. После прериала Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенн были отправлены в Гвиану, где Колло умер. Барер был освобожден по амнистии IV г. В своих мемуарах он очень тепло отзывался о Буонарроти, с которым Барер и Вадые часто встречались в Брюсселе, где они жили в качестве эмигрантов до июльской революции 1830 г. **Неточность: Барер бежал из тюрьмы в Сенте осенью 1795 года, после роспуска Конвента, которому он присягал; несколько лет скрывался в Бордо и в Париже, пока не получил амнистию в связи с установлением режима Консулата, в 1799 г. — ред. Vive Liberta.**

44 Расшифровка анаграмм сделана на основании письма Ф.Буонарроти к Бронтеру О'Брайену от 3 мая 1836 г. (см. Приложение 1). В этом списке были расшифрованы не все анаграммы, встречающийся в книге Буонарроти.

45 **Дебон** — член бабувистской Тайной директории общественного спасения. **Жюльен, Марк-Антуан младший** (1775—1848; http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#m_a_jul) — сын члена Конвента Жюльена из Дромы; был агентом Комитета общественного спасения, выполнял ответственные миссии, особенно в Нанте и Тулузе; пользовался особым доверием Робеспьера; после 9 термидора был арестован. Находился в тюрьме Плесси вместе с Бабефом; после освобождения принимал сперва участие в бабувистском движении, был редактором газеты «Плебейский оратор»; отошел от бабувизма и с 1796 г. находился при армии Наполеона в Италии и Египте; в 1813 г. был арестован; позднее был редактором «Энциклопедического обозрения», перешел на позиции буржуазного либерализма. **Фион, Жан-Жозеф** (1755—1818) — бельгийский революционер, бургомистр Льежа; получил чин генерала как участник похода в Бельгию; отступил вместе с французскими войсками; в 1796 г. после присоединения Бельгии был избран в Совет пятисот от Льежа; участник якобинских организаций 1798—1799 гг.; после взрыва «адской машины» в январе 1801 г. был выслан Наполеоном. **Дюпле, Симон** — секретарь Робеспьера, сын плотника Мориса Дюпле, члена революционного трибунала, у которого жил Робеспьер; оба, отец и сын, привлекались по вандомскому процессу, но были оправданы; впоследствии был связан с Фуше и стал осведомителем министерства полиции. **Бодсон, Жозеф** (р.1765) — по профессии ювелир и гравер; был одним из администраторов парижской полиции и судьей 1-го округа до 9 термидора; близок к эбертистам; один из руководителей «Электорального клуба», составитель петиции о восстановлении выборности парижских властей (30 термидора), за которую был арестован; друг Варле и Бабефа, протестовавшего в 1794 г. против ареста Бодсона. **Фике, Клод** — бабувистский агент 11-го округа. До термидора один из администраторов парижской полиции; был в числе организаторов прериальского восстания; участник якобинского клуба 1799 г.; был сослан сейчас же после переворота 18 брюмера. **Майе** — бывший председатель революционного трибунала в Марселе. **Гравье** — деятель лионского революционного движения, близкий к Шалье; видный член парижского трибунала Буэн, **Матурен** — активный деятель парижского санкюлотского движения; участник движения 31 мая—2 июня; во время якобинской диктатуры был мировым судьей секции Рынков; после 9 термидора защищал Каррье в якобинском клубе; на вандомском процессе приговорен заочно к ссылке; при пересмотре дела уголовным судом департамента Сены Буэн и Менесье были оправданы; после взрыва «адской машины» сослан на остров Анжуан, где и умер. **Треншар** — присяжный заседатель революционного трибунала; председатель одной из комиссий, созданных для проведения вантозских декретов, арестованный сейчас же после 9 термидора. **Гулар** находился в 1795 г. совместно с Бабефом и Жерменом в Аррасской тюрьме; после освобождения был комиссаром полиции секции Обсерватории и благодаря этому оказывал ценные услуги движению; **Жюльен Дезарм** — один из руководителей оружейной мануфактуры в Париже. О ряде других участников бабувистского движения, упоминаемых Буонарроти, сведения недостаточно достоверны.

46 **Гужон, Александр** (1776—1795) — якобинец, член Конвента, весной 1794 г. недолгое время министр внутренних дел, затем иностранных дел; **Ромм, Шарль-Жильбер** (1750—1795; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#romm>) — якобинец; сын прокурора; до революции был в России гувернером в доме гр.Строгановых; член Конвента; автор революционного календаря; выполнял ответственные миссии в армии; **Субрани** (1753—1795) — якобинец; аристократ по происхождению, до революции был офицером, член Законодательного собрания и Конвента; 1793—1794 г. провел на фронтах в качестве народного представителя при армиях республики. **Дюруа** (1753—1795) — якобинец, адвокат, член Конвента; народный представителе ль в армиях республики; **Дюкенуа** (1748—1795) — якобинец; до революции монах; член Законодательного собрания, где примыкал к крайней левой; член Конвента; народный представитель при армиях республики. **Бурбот** (1773-1795) — якобинец; член Конвента, народный представителе ль при армиях. Все шестеро способствовали или сочувствовали перевороту 9 термидора, но вскоре, в связи с раскрытием термидорианцами их контрреволюционных целей, признали ошибочность своего поведения и возглавили так называемую вершину — объединение, «последних монтаньяров» в Конvente. Приговоренные к смертной

казни по делу 1 прериаля, они закололи себя кинжалом, передаваемым из рук в руки. Субрани, Дюруа и Бурбот, ранившие себя тяжело, но не на смерть, были гильотинированы **Приер из Марны, Пьер-Луи** (1756—1827; http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#prieur_marn), видный якобинец, член Конвента, член Комитета общественного спасения, и **Альбит**, якобинец, член Конвента, привлеченные по прериальскому делу, бежали до суда. **Пейссар** и **Форестье** — депутаты-монтаньяры, привлеченные по тому же прериальскому делу; первый был приговорен к ссылке; второй был признан невиновным и возвращен в тюрьму — в распоряжение Комитета безопасности

47 5 мессидора III года (23 июня 1795 г.) с докладам о принципах новой конституции выступил от имени комиссии **Буасси д'Англа** (http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bs_an), заявивший: «Вы должны, наконец, гарантировать богатым их собственность. Абсолютное равенство является химерой... Нами должны управлять лучшие; лучшие являются наиболее заинтересованными в сохранении законов наиболее образованными; за немногими исключениями вы найдете подобных людей только среди тех, кто владеет собственностью... Страна, управляемая собственниками, находится в состоянии общественного порядка... Если вы безоговорочно дадите политические права людям, лишенным собственности... они увлекут нас к насильственным потрясениям, от которых мы с таким трудом избавляемся».

48 18 брюмера VIII г. — государственный переворот Наполеона Бонапарта 9 ноября 1799 г.

49 **Антонелль, Пьер-Антуан** (1747—1817) — по происхождению маркиз; член Законодательного собрания; был послан в августе 1792 г. комиссаром в армию Лафайета; председатель присяжных заседателей на процессе жирондистов; был арестован и освобожден 19 термидора, однако занял позицию, враждебную перевороту. Редактировал «Газету свободных людей» («Journal des hommes libres»). Входил в состав бабувистской Тайной директории, хотя, по-видимому, отрицательно относился к программе коммунистических преобразований. Его поведение после первых арестов в флореале вызвало критику со стороны Бабефа (см. его письмо к Эзину от 16 декабря 1796 г. — «Вопросы истории», 1961, № 1, стр.114—115). Привлекался по вандомскому процессу, но был оправдан. Активно участвовал во всех попытках возрождения якобинских организаций в последние годы Директории. После 18 брюмера подвергался преследованиям. Во время Реставрации высказался в пользу Бурбонов

50 **Лепелетье, Феликс** (1767—1837) — брат Мишеля Лепелетье (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#LSF>), члена Конвента. По происхождению граф, с самого начала революции примкнул к ней. Близкий друг Бабефа, завещавшего ему, накануне казни, воспитание своего старшего сына. По-видимому, снабжал Бабефа средствами на издание газеты. В намечавшемся после победы восстания представительном органе должен был стать депутатом Соны и Луары. Был оправдан на вандомском процессе. Принимал активное участие в якобинском клубе 1799 г. Подвергся преследованиям сейчас же после 18 брюмера и был в ссылке два года на острове Олерон по делу о взрыве «адской машины». В 20-х годах жил в Брюсселе, сохранял близость с Буонарроти.

51 Поводом для роялистского мятежа 13 вандемьера (5 октября 1795 г.) послужил декрет об обязательном переизбрании 2/3 членов Конвента. Для подавления мятежников термидорианский Конвент, наряду с войсками, руководимыми Бонапартом, пытался использовать также и левые элементы; в частности, были созданы три батальона из Сент-Антуанского предместья, руководимые республиканскими офицерами и получившие название «патриотов 1789 г.».

62 Выборы на основании новой, цензовой конституции привели к усилению правого крыла Законодательного корпуса. Из числа бывших членов Конвента были переизбраны наиболее умеренные. Вновь избранная треть членов собрания почти целиком состояла из скрытых монархистов. В Конвенте после оглашения результатов выборов была создана чрезвычайная комиссия, руководимая Тальеном, предполагавшая поставить вопрос о кассации выборов.

53 **Баррас, Поль** (1755—1829; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#brs>) — термидорианец, один из руководителей Директории. По происхождению родовитый дворянин, виконт, Баррас присоединился к революции; став якобинцем, был избран депутатом Конвента. Действуя в 1793—1794 гг. в качестве представителя Конвента в Марселе, Тулоне и т.д., вместе с Фрероном производил огромные хищения, брал взятки, злоупотреблял властью и т.п. Беспринципный делец, казнокрад и стяжатель. Баррас заискивал перед Робеспьером, но, ожидая с полным основанием с его стороны удара, стал одним из организаторов контрреволюционного термидорианского переворота. После падения якобинской диктатуры — один из руководителей термидорианской реакции, затем член Директории. **Из мемуаров Барраса: Робеспьер перед термидором, Визит к Робеспьеру (перевод Т.Черноверской)**

64 **Тибодо, Антуан-Клер** (1764—1854) — после 9 термидора один из наиболее реакционных руководителей правого крыла Конвента. Префект и граф при Наполеоне; сенатор при Наполеоне III. Умер послед-Рим из всех членов Конвента. В последнем заседании Конвента был принят закон об амнистии (4 брюмера IV г.), которая не распространялась только на участников вандейского восстания, эмигрантов и неприсягнувших священников. Амнистия коснулась главным образом лиц, арестованных после 9 термидора. Бабеф был освобожден еще до общей амнистии, 26 вандемьера, Буонарроти—17 вандемьера (9 октября 1795 г.).

56 **Карно, Лазар-Никола-Маржери** (1753—1825; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#carnot>) — военный инженер по специальности, крупный математик, член Учредительного собрания и Конвента, член Комитета общественного спасения — один из руководителей и организаторов военных сил республики; с весны 1794 г. — противник Робеспьера и Сен-Жюста в Комитете общественного спасения, термидорианец; позднее член Директории, затем министр Наполеона. В первый состав Директории, помимо Барраса и Карно, вошли Ларевейер-Лепо, Ребель и Летурнер.

57 Точная дата рождения Бабефа — 23 ноября 1760 г.

58 В числе республиканцев, находившихся в Аррасской тюрьме и ведших в ней переписку с Бабефом, были Коше, Таффуро и Тулот (из Сент-Омера), впоследствии привлекавшиеся по вандомскому процессу, но оправданные (см. L.Jacob. Correspondance avec Babeuf. — «Annales Historiques de la Revolution francaise», 1934).

59 Идею создания «плебейской Вандеи» Бабеф выдвинул впервые во время своего пребывания в Аррасской тюрьме. В сохранившемся письме к Жермену он предлагал закрепиться в каком-нибудь центре и оттуда постепенно расширять свое влияние. В первых номерах «Трибуна народа» после освобождения Бабеф призывал к образованию «плебейской Вандея» в каком-нибудь пункте или «в каждом МЗ 86 департаментов».

60 Автобиографические заметки Дарте, опубликованные в 1841 г. Шарлем Лабиттом, целиком совпадают со сведениями, сообщаемыми Буонарроти.

61 **Шалье, Жозеф** (1747—1793; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#chaliier>) — руководитель лионских якобинцев, близко связанный с наиболее демократическими элементами, требовавший установления твердых цен, создания революционной армии, обложения богачей и т.д. Лионские жирондисты, организовавшие восстание 29 мая 1793 г., разогнала муниципалитет, руководимый Шалье. 16 июля, несмотря на все попытки Конвента, и особенно Марата спасти Шалье, он был казнен. Прах Шалье был перенесен в Пантеон и удален оттуда во время термидорианской контрреволюции.

62 После переворота 18 брюмера и установления консульства, когда начались преследования якобинцев и бабувистов, Шапель был арестован вместе с Франсуа Дюфуром по обвинению в организации покушения на Наполеона и казнен в 1800 г. (см. F.Masson. Les complots jacobins au leudemain de Brumaire. — «Revue des etudes Napoleonniennes», 1922).

63 В ночь с 23 на 24 фрюктидора IV г. (9—10 сентября 1796 г.) несколько сот бабувистов пытались проникнуть в расположение Гренельского лагеря, рассчитывая на поддержку солдат. Директория была заблаговременно оповещена об этом выступлении и сознательно его провоцировала. Подготовленные войска устроили подлинную резню. 20 человек было убито, 132 арестовано. Суд вынес 32 смертных приговора, в том числе Бертрану и трем бывшим членам Конвента — Жавогу, Юге (Huguet) и Кюссе.

64 **Амар, Жан-Пьер Андре** (1755—1816; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#amar>) — якобинец, адвокат; депутат Конвента от департамента Изеры; один из руководителей Комитета общественной безопасности. Принимал участие в организации переворота 9 термидора, в чем впоследствии раскаивался, заявив: «Я горжусь тем, что разделял труды Робеспьера; народ имел тогда хлеб. Его хотят представить кровожадным человеком, но судить будет потомство» (Kuscinski. Dictionnaire des conventionnels). Судился на вандомском процессе, но был оправдан. Впоследствии отошел от политической деятельности.

65 **Дидье, Жан-Батист** — слесарь по профессии; присяжный заседатель революционного трибунала; был близок к Робеспьеру. В период термидорианской реакции сблизился с Бабефом; агент связи Тайной директории общественного спасения. На вандомском процессе был оправдан. В годы империи участвовал в тайных обществах, был арестован в 1807 г.

66 **Клеман, Жан-Батист-Анри** — в начале революции студент-юрист; участник восстания 14 июля и 10 августа; был в числе 24 комиссаров, разосланных в департаменты после свержения монархии, один из членов Центрального комитета в Епископстве, [руководившего движением 31 мая—2 июня; член Комитета общественного спасения Парижского департамента; после 9 термидора был арестован и привлекался по делу Паша, Бушотта и других видных деятелей якобинской диктатуры в Париже; после амнистии был близок к бабувистам; участник клуба в Манеже в 1799 г.; благодаря заступничеству Люсьена Бонапарта спасся от преследований; при Наполеоне еще в 1813 г. занимал должность начальника заставы в Монтобане.

67 **Маршан, Гильом-Симон** (род. в 1768 г.) — до революции и в первые ее годы служил солдатом; активный участник движения 10 августа; весной 1793 г. просил у Конвента разрешения убить Дюмурье; накануне 31 мая один из руководителей Центрального комитета в Епископстве, член Комитета общественного спасения Парижского департамента; после 9 термидора вместе с Клеманом был арестован и привлечен по делу Паша. Амнистирован в 1795 г.; был причастен к бабувистскому движению. Бабеф предполагал в случае победы восстания поставить Маршана и Клемана во главе администрации Парижского департамента. Участник клуба в Манеже. При Наполеоне подлежал высылке, но скрылся. Еще в 1804 г. находился под наблюдением.

68 Бабеф, за исключением первого периода после 9 термидора, когда он выступал против Робеспьера, в общем вполне разделял эту оценку Буонарроти. Еще в 1791 г. в переписке с Купе он высказал предположение, что Робеспьер является скрытым сторонником «аграрного закона». В 1796 г. в «Трибуне народа» он писал, что не должен «высокомерно оспаривать у Максимилиана Робеспьера инициативу создания во время революции плана действительного равенства, к которому, как видно из сотни мест в его сочинениях, тяготели его подлинные желания».

69 Эта оценка Иисуса совершенно расходится с взглядами Бабефа, который в своей неопубликованной рукописи «Новая история Иисуса Христа» подверг резкой критике взгляды Руссо и Эбера на Христа, как на защитника новой социальной доктрины. «Я беспощадно нападаю, — писал Бабеф, — на главного идола, которого до сих пор чтит и боялись наши философы, осмеливавшиеся нападать только на его свиту и на его окружение... Христос не был ни санкюлотом, ни честным якобинцем, ни мудрецом, ни моралистам, ни философом, ни законодателем».

70 **Эрон, Луи-Жюльен-Симон** (1748— 1795 ?) — до революции моряк; был капитаном брандера; участник всех важнейших народных движений в годы революции: 14 июля, 5—6 октября, 10 августа. Скрывал у себя Марата, был одним из основных работников в Комитете общественной безопасности. После прерииальского восстания был арестован и привлечен к суду вместе с Пашем, Бушоттом, Одуэном, Клеманом, Маршаном. Освобожденный по амнистии 4 брюмера, вскоре умер.

71 Вантозские декреты (26 февраля — 4 марта 1794 г.), принятые Конвентом по докладу Сен-Жюста, предусматривали создание шести комиссий для разбора дел «подозрительных» с целью передачи их в революционный трибунал, ссылки или освобождения. Имущество первых двух групп подлежало конфискации и передаче неимущим патриотам. Вантозские декреты встретили на практике сопротивление правобуржуазных групп якобинского блока и не были проведены в жизнь до термидорианского контрреволюционного переворота. Сохранилось письмо Дарте, в котором он настоятельно просил о включении его в одну из этих комиссий. **Н.Чупрун. Сен-Жюст и вантозские декреты. Текст в формате pdf: [1](#), [2](#), [3](#)**

72 Бабеф, рожденная **Лангле, Виктория** (род. 1766 г.) — дочь амьенского скобянщика: была домашней служанкой, в 1782 г. вышла замуж за Бабефа. Мужественно разделяла с ним все невзгоды. Неоднократно подвергалась преследованиям и при жизни Бабефа, и после его смерти — в 1801 г., после взрыва «адской машины», и в 1808 г., после первого заговора генерала Мале.

73 **Друз, Жан-Батист** (1763—1824; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#druet>) — в 1796 г. был освобожден из австрийской крепости Шпильберг в обмен на дочь Людовика XVI. По возвращении он заявил, что если бы жил эти годы во Франции, то следовал бы за Маратом и Робеспьером. Арестованный вслед за Бабефом, бежал из тюрьмы при содействии Барраса и направился в Индию. Узнав об оправдании на вандомском процессе, вернулся с Канарских островов, где участвовал в боях против Нельсона. Входил в якобинский клуб 1799 г.; супрефект при Наполеоне; после реставрации подлежал аресту, но скрывался, вплоть до смерти, работая в течение восьми лет садовником в Маконе у одного из местных монархистов.

74 18 флореаля III г. (7 мая 1794 г.) во докладу Робеспьера Конвент принял декрет о культе «верховного существа», первый пункт которого гласил: «Французский народ признает верховное существо и бессмертие души». При подготовке контрреволюционного переворота 9 термидора этот декрет пытались использовать в целях дискредитации Робеспьера. В заметках о Вадье и Барере Буонарроти указывает: «Вадье прилагал все усилия, чтобы осмеять этот декрет... и обвинял Робеспьера в том, что он хочет взойти на трон при помощи религиозного фанатизма». Заметки Буонарроти опубликованы в статье А.Матьеа «Le role de Barere et de Vadier au 9 thermidor juge par Buonarroti» (A.Mathiez. Etudes sur Robespierre Paris, 1958).

75 Декрет 5 октября 1793 г. о республиканском календаре вводил разделение месяца на декады, новое наименование дней, в том числе десятый день (decade), который заменял воскресенье. По декрету о культе верховного существа в дни декад должны были устраиваться праздники. При Директории была введена обязательная замена воскресенья как праздничного дня днем декады. Католическим священникам предписывалось совершать богослужения только по десятым дням.

76 Буонарроти лично хорошо знал Наполеона, с которым он познакомился еще во время своего пребывания на Корсике. Буонарроти был вместе с Наполеоном под Тулоном в 1793 г. и уже тогда составил неблагоприятное мнение о его властолюбии. Сам Наполеон позднее вспоминал о Буонарроти: «Он мог бы оказаться мне очень полезным в Италии. Он скомпрометировал себя в заговоре Бабефа. После 13 вандемьера я закрыл общество Пантеона. Эта партия хотела погубить меня как командовавшего гарнизоном в Париже. Я заявил тогда Буонарроти, что вовсе не собираюсь пожертвовать ему свою голову» — Bertrand. Cahiers de Sainte-Helene. Journal. 1816— 1817. Paris, 1951, p.177—178 (см. также Bertrand. Cahiers de Sainte-Helene. 1818—1819. Paris, 1959, p.225, 295: «После вандемьера, он был бабувистом. Я вызвал его, он ответил гордо. «Хорошо, — заявил я, — вы проповедуете коммунистические взгляды, чтобы срубить голову командующего в Париже. Это мне не подходит, и я прикажу предать вас военному суду и расстрелять»»). О Н.Бонапарте: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bonp>.

77 В флореале IV г. были произведены аресты Бабефа и руководителей движения. В фрюктидоре того же года шмеля место казни по делу Гренельского лагеря. 18 фрюктидора V г. часть Директории, руководимая Баррасом, напуганная усилением монархистов в результате дополнительных выборов, произвела переворот. Выборы в 49 департаментах были кассированы. 53 депутата были сосланы; Карно и Бартелеми выведены из состава Директории. В числе сосланных были министр полиции Кошон и Доссонвиль, арестовавший Бабефа. В список депутатов, подлежавших ссылке, входили Буасси д'Англа, Кодруа, Анри Ларивьер, Дюмолар, Камилл Жордан, Пасторе, Саладен, Симеон, Порталис, Ровер. После дополнительных выборов VI г., давших перевес левым элементам (в Париже в числе выборщиков оказался ряд лиц, связанных с бабувистами — Антонелль, генерал Фион, К. Фике я Др.), 22 флореаля VI г. было принято решение о Проверке полномочия всех депутатов и к 1 прерииаля VI г. было отстранено несколько десятков вновь избранных депутатов (Р.Ленде, Фион и др.).

78 Закон 27 жерминаля III г. (16 апреля 1796 г.) предусматривал роспуск всех политических собраний, смертную казнь за устные или письменные выступления с требованием роспуска Собрания или Директории, восстановления конституции 1793 или 1791 г., «аграрного закона» и т.д.

79 8 жерминаля III г. (28 марта 1796 г.) депутат Майль внес предложение о закрытии всех политических обществ, насчитывавших свыше 60 членов — в городах с населением свыше 100 тысяч жителей, свыше 40 членов — в городах с 20-тысячным населением и свыше 20 членов — в коммунах, имевших более 5 тысяч жителей.

80 **Марешаль, Сильвен** (1750—1803; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#marech>) — писатель, поэт, драматург; по своим воззрениям атеист и материалист. В 1781 г. выпустил «Французского Лукреция», в 1784 г. — «Книгу, которая спаслась от потопа», в 1788 г. «Альманах честных людей», произведения с резко выраженными атеистическими взглядами. Подвергался за них до революции преследованиям и был отстранен от должности библиотекаря в коллеже Мазарини. После смерти Лустало (1790 г.) главный редактор одной из наиболее левых газет «Парижские революции», в которой выступал с защитой «аграрного закона». Один из инициаторов введения республиканского календаря; написал ряд революционных гимнов, песен и пьес; продолжал активную атеистическую пропаганду в ряде философских и литературных произведений. Благодаря тому что Гризелью осталось неизвестным имя Марешаля, он не был привлечен по вандомскому процессу. Умер в январе 1803 г. в Монруже. Бабеф познакомился с ним еще в 1793 г. В 1794 г. Марешаль принимал активное участие в хлопотах об освобождении Бабефа и прекращении возбужденного против него дела. Философские и атеистические взгляды С. Марешаля оказали на Бабефа несомненное влияние.

81 **Ваннек** — один из организаторов движения 31 мая 1793 г., командовавший отрядом секции Сите. 12 жерминаля III г. выступал с речью в Конвенте от имени демонстрантов. Привлекался по вандомскому процессу, был оправдан. Принимал активное участие в якобинско-бабувистском движении 1799 г. При Наполеоне подвергался ссылке после 18 брюмера и по делу взрыва «адской машины».

82 Газета «Разведчик народа, или защитник 24 миллионов угнетенных» («L'Eclaircur du Peuple ou le Defenseur de 24 millions opprimes»). Вышло семь номеров при участии Бабефа. «Газета свободных людей» («Journal des hommes libres») редактировалась Антонеллем. Под разными названиями продолжала выходить до переворота 18 брюмера.

83 **Тальен, Жан-Ламбар** (1769—1820; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#tl>) — один из самых активных деятелей термидорианского переворота. Участвовал в восстании 10 августа 1792 г.; член Конвента; выступая под личиной крайнего якобинца, еще во время своей миссии в Бордо занимался хищениями, вымогательствами, грабежом в разных формах. Ожидая неизбежной репрессии со стороны Робеспьера, стал одним из самых деятельных организаторов контрреволюционного заговора 9 термидора. Алчный, бесцеремонный в средствах стяжатель, абсолютно беспринципный честолюбец, один из самых типичных представителей новой, хищнической буржуазии, Тальен, естественно, стал одной из главных фигур контрреволюции. **Лежандр, Луи** (1756—1797; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#l-leg>) — мясник по профессии, участник взятия Бастилии, член клуба кордельеров, затем якобинцев, член Конвента, видный дантонист, избежавший казни со своими единомышленниками, активный участник переворота 9 термидора, а затем репрессий против якобинцев. **Фрерон, Луи-Станислав** (1765—1802; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#frer>) — в первый период революции стоял на левых позициях: влиятельный член клуба кордельеров, редактор «Orateur du peuple», участник восстания 10 августа 1792 г., ученик Марата, который еще в августе 1792 г. называл его «достойным товарищем Друга народа», член Конвента, якобинец. Однако подлинная сущность Фрерона раскрылась позднее. Уже в 1793—1794 гг., будучи представителем Конвента в Марселе и Тулоне, Фрерон запятнал себя грабежом, взяточничеством и т.п., прикрываемыми бессмысленными и вредными жестокостями при проведении репрессий. Отозванный Комитетом общественного спасения, Фрерон стал одним из главных организаторов термидорианского переворота. Руководитель банд контрреволюционной «золотой молодежи» после термидора, Фрерон с той же жестокостью и свирепостью стал преследовать своих бывших товарищей-якобинцев и участников революционной борьбы 1793—1794 г. **Мерлен из Тионвиля, Антуан Кристоф** (1762—1833; http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mrl_tn) — член Законодательного собрания и Конвента, якобинец, представитель Конвента в армиях, участник контрреволюционного переворота 9 термидора, беспринципный стяжатель, составивший себе всякими злоупотреблениями большое состояние; вел после термидора беспощадную войну против якобинцев. **Ребель, Жан-Франсуа** (1747—1805) — член Учредительного собрания и Конвента, был якобинцем; во время внутренней борьбы в якобинском блоке — дантонист; затем активный термидорианец. После термидора был введен в Комитет общественной безопасности, направлявший террор против якобинцев; позже председатель Исполнительной директории. О Баррасе см. прим. 53. Поскольку все члены этой группы в той или иной степени участвовали в революционных событиях, были скомпрометированы в глазах роялистов в качестве «цареубийц», наконец, представляли собой новую, разбогатевшую за годы революции буржуазию, не желавшую ничем делиться со старыми собственническими классами, Тальен, Фрерон и другие термидорианцы ревниво следили за происками роялистов и других старых политических группировок, не желая ни уступить им власти, ни, тем более, допустить восстановления старой монархии.

84 **Буасси д'Англа** (1756—1826; http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bs_an) — до 9 термидора примыкал в Конвенте к «болоту»; играл активную роль после переворота; в Законодательном собрании был одним из руководителей монархического большинства; при Наполеоне — сенатор и граф; член палаты пэров при Бурбонах. **Ларивьер, Анри** (1761—1838) — жирондист; вернулся в Конвент после термидора; требовал ареста всех членов правительственных комитетов. В Совете пятисот в 1797 г. был одним из руководителей реакционного большинства; скрылся после переворота 18 фрюктидора; связался с графом д'Артуа и вернулся во Францию только при Бурбонах. **Дюмолар, Жозеф-Винсент** (1766—1819) — гренобльский адвокат; депутат Законодательного собрания; поддерживал Лафайета; член Совета пятисот; после 18 фрюктидора сослан на остров Олерон. Позднее служил империи. **Жордан, Камилл** (1771—1821) — один из участников контрреволюционного восстания в Лионе в 1793 г.; после этого эмигрировал в Швейцарию, затем в Англию; вернулся в 1796 г.; был избран в Совет пятисот. **Ларевейер-Лепо, Луи-Мари** (1753—1824) — депутат Учредительного собрания; член Конвента, голосовал за казнь короля; подписал протест против ареста жирондистов 2 июня 1793 г. и после этого скрывался в течение всего времени якобинской диктатуры; после 9 термидора вернулся в Конвент; в 1795 г. был избран в Исполнительную директорию. **Порталис, Жан-**

Этьенн-Мари (1746—1807) — адвокат по профессии; в период революции значительной роли не играл; в декабре 1793 г. был арестован; освобожден в 1794 г.; избранный в Совет старейшин, выдвинулся в нем; в период консульства и империи служил Наполеону Бонапарту; в 1802 г. был назначен одним из четырех государственных советников; принимал участие в создании гражданского кодекса Наполеона. **Пасторе, Клод-Эммануэль-Жозеф-Пьер** (1756—1840) — граф, затем маркиз; в 1789 г. — прокурор-синдик Парижского департамента, член Законодательного собрания; роялист, после свержения монархии эмигрировал; вернулся во Францию в период термидорианской реакции; член Совета пятисот; во время империи — сенатор; во время Реставрации — пэр Франции. **Симеон, Жозеф-Жером** (1749—1842) — граф; сначала революции занял враждебную ей позицию; принимал участие в федералистском мятеже против якобинского правительства, затем эмигрировал; вернулся во Францию после термидора; член Совета пятисот; позднее служил последовательно империи, Реставрации и Июльской монархии. О Тибодо см. прим.54, о Ланжюинэ — прим.17.

85 **Инар, Максимен** (1750—18254 <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#isnard>) — до революции предприниматель; член Законодательного собрания и Конвента; жирондист, известен своей угрозой уничтожить Париж; вернулся в Конвент при термидорианской контрреволюции; член Совета пятисот; один из организаторов белого террора на юге вместе с депутатом П.Кадруа (1751—1813), высланным после 18 фрюктидора и возвратившимся при Наполеоне. **Ровер де Фонвиель** (1746—1798) — по происхождению маркиз, член Конвента, один из наиболее беспринципных представителей термидорианской контрреволюции; занимался скупкой национальных имущества; член Комитета общественной безопасности термидорианского конвента, преследовал якобинцев и санкюлотов; после 18 фрюктидора выслан в Кайенну, где и умер.

86 Весной 1795 г., после подавления прериальского движения, на юге Франции прошла волна белого террора под руководством вернувшихся жирондистов и эмигрантов. В Лионе, Тулоне, Марселе, Эксе и др. происходила резня в тюрьмах, составлялись списки бывших «террористов» для их уничтожения и т.д. Жирондист Инар призывал в Эксе: «Если у вас нет оружия, берите дубины; если нет дубин, вырывайте кости ваших родных и бейте по террористам».

87 **Рикор, Ж.-Ф.** (1759—1818) — до революции нотариус; представлял в Конvente департамент Вар; вместе с Робеспьером младшим и Саличетти находился при итальянской армии; был близко связан с Буонарроти; на вандомском процессе был оправдан; подвергся аресту при Наполеоне после 18 брюмера и по делу генерала Мале; поддерживал Наполеона во время «ста дней». **Лэньело, Ж.-Ф.** (1752—1829) — депутат Конвента от Парижа; был арестован после прериальского восстания и по делу Бабефа; на вандомском процессе был оправдан; подвергался преследованиям при Наполеоне. **Шудье П.-Р.** (1761— 1838) — член Законодательного собрания и Конвента; был представителем Конвента при армиях; арестовывался после 12 жерминаля и по делу Бабефа; при Наполеоне эмигрировал в Голландию; вернулся во время «ста дней» и был снова изгнан при Реставрации; возвратился во Францию при Июльской монархии. **Юге (Huguet), М.-А.** (1757—1796) — до революции священник; позднее был избран конституционным епископом; депутат Законодательного собрания и Конвента; как комиссар за на собрания арестовал 10 августа Людовика XVI и препроводил его в Тампль; был арестован после 12 жерминаля; освобожден по амнистии; во время столкновения в Гренельском лагере был схвачен в окрестностях Парижа; хотя обвинитель требовал в отношении Юге только ссылки, он был приговорен к смертной казни. **Жавог, Клод** (1759—1796) — депутат Конвента от департамента Соны и Луары; был представителем Конвента в С.-Этьенне, где проводил твердую политику обложения имущих; казнен по делу Гренельского лагеря.

88 По закону 27 жерминаля (16 апреля 1795 г.) была установлена смертная казнь для всех, кто призывает «к восстановлению монархии или конституции 1793 года..., грабежу или разделу частной собственности под именем аграрного закона».

89 Полицейский легион был создан после прериальского восстания (9 мессидора III г.). В его состав входили три батальона пехоты и кавалерийская часть. 4 флореаля Директория получила разрешение на отправку его в армию. 9 флореаля в связи с отказом подчиниться этому приказу произошли волнения. 10 флореаля (30 апреля 1796 г.) был издан приказ о роспуске легиона. Планы бабувистского восстания были связаны с надеждой опереться на полицейский легион, поэтому сейчас же после начала волнений, 11 февраля, произошло заседание Тайной директории с военными агентами.

90 **Россиньоль, Жан-Антуан** (1759—1802; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#rossign>) — парижский рабочий—ювелир. Участник взятия Бастилии и восстания 10 августа 1792 г. В 1793 г. командовал армией в Вандее. Как первый генерал, выдвинувшийся из рядов плебейства, вызвал ожесточенные нападки со стороны умеренного крыла Конвента и был отстранен от командования. После прериала был арестован. Один из руководителей военной организации бабувистов. На вандомском процессе оправдан. В 1801 г. в связи с делом «адской машины» был арестован и погиб в ссылке.

91 **Ленде, Робер** (1746—1827; http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#rb_Ind) — адвокат; депутат Законодательного собрания и Конвента. С апреля 1793 до 1795 г. член Комитета общественного спасения, в котором занимался преимущественно экономическими вопросами. Поддерживал переворот 9 термидора. Был арестован после прериальского восстания. На вандомском процессе оправдан. Перед 18 брюмера был не долгое время министром финансов; отстранен при Наполеоне; до конца жизни занимался только адвокатурой.

92 15 флореаля Гризель сделал устный донос Карно, предложившему ему представить немедленно письменное донесение. 17 флореаля Карно представил Директории список 245 лиц, подлежащих аресту, в том числе Бабефа, Жермена, Друэ, Амара, Р.Ленде, Дюбуа-Крансе, Лепелетье, Буонарроти и др.

93 Буонарроти имеет в виду Тальена и Фрерона. О попытках Барраса использовать бабувистское движение Бабеф писал в № 42 «Трибуна народа»: «Баррас и другие хотят избавиться путем частичного движения от своих политических противников — Роверов, Инаров, Ланжуине, Буасси д'Англа. Они потом повернутся против демократов. Нет, мы не хотим частичного движения! Народ подымется только массой. Мы хотим избавиться от влияния дождей». Бар-рас оказал содействие Друэ в побеге из тюрьмы. Мемуары Карно и Ларевейера-Лепо вполне подтвердили сообщение Буонарроти (см. ст. P.Robiquet. Barras et Babeuf. — «Revue de Paris» за 1896 г.).

94 В одном из документов по делу Бабефа, опубликованных Директорией, указывалось, что после победы восстания предполагалось послать в итальянскую армию полномочия Саличетти «арестовать генералов-изменников». В связи с этим Саличетти представил Директории объяснение.

Из сторонников Бабефа в провинции отметим бывшего депутата Конвента рабочего Армонвилля, раздобывшего весной 1796 г. мандат от Директории, на имя свое и Дарте, на реквизицию зерна и объездившего Реймс, департаменты Арденн и Эн, где он расклеивал и распространял прокламации.

95 В данном вопросе Буонарроти излагает только свою личную точку зрения. Ни Бабеф, ни тем более Сильвен Марешаль, решительный атеист, также входивший в состав бабувистской Директории, этих взглядов Буонарроти совершенно не разделяли.

96 В заметках о причинах 9 термидора и о роли Вадье-Барера Буонарроти целиком солидаризировался с «религиозной доктриной» Робеспьера: «Франция нуждалась... в союзе мудрой религии и хорошего законодательства... Самым мощным противником, которого следовало бы еще низвергнуть, была безнравственность... и единственным способом установления подлинной республики было сохранение чистоты и добродетели Конвента. Именно с этой целью издан был декрет, который освятил существование верховного существа, бессмертие души, утвердил свободу культов и установил национальные праздники. В этом же был смысл декретов против проповедников атеизма и против депутатов, обесчестивших себя постыдными действиями».

97 **Лепелетье де Сен-Фаржо, Луи-Мишель** (1760—1793; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#LSF>) — дворянин, с 1785 — президент Парижского парламента; крупный собственник. С начала революции присоединился к ней. Член Учредительного собрания и Конвента; в 1792 г. примкнул к якобинцам. Выработал план национального воспитания, предусматривающий введение всеобщего обязательного бесплатного обучения детей от 5 до 11—12 лет в общественных школах (уже после гибели Лепелетье его план в рукописи был передан Робеспьеру и вызвал его горячее одобрение; по предложению Робеспьера план Лепелетье был поставлен на обсуждение Конвента). В суде Конвента над королем Лепелетье де Сен-Фаржо голосовал за казнь Людовика XVI и 12 января 1793 г. в отместку за это был убит роялистами. Первая жертва контрреволюционного террора. Лепелетье де Сен-Фаржо стал одним из наиболее чтимых среди якобинцев мучеников революции: память о нем, наряду с погибшими Маратом и Шалье, поддерживалась революционным правительством.

98 При аресте у Бабефа был захвачен весь архив движения. Эти документы были опубликованы Директорией в двух томах накануне вандомского процесса («Copie des pieces saisies dans le local que Baboeuf occupoit lors de son arrestation». Paris, Imp. Nationale. Frimaire-nivose an V, vol.1—2).

99 **Сидней, Алджернон** (1622—1683) — английский республиканец; писатель; участник английской революции, индипендент; казнен во время Реставрации по обвинению в государственной измене 7 декабря 1683 г. **Ольденбарневельт** (1547—1619) — видный деятель нидерландской революции; великий пенсионарий; был связан с голландскими буржуазными кругами; возглавил оппозицию против штатгальтера Мориса Нассауского и был казнен.

100 **Паш, Жан-Никола** (1746—1823; <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#pach>) — до революции занимал видные посты в правительственной администрации, но добровольно покинул службу; после 1789 г. весь свой большой организационный и административный талант отдал на службу революции; после первого назначения Ролана министром внутренних дел был его заместителем; в 1792 г. военный министр, в 1793—1794 гг. — мэр Парижа. Весной 1794 г. был арестован; был судим уже во время термидорианской контрреволюции. Освобожден по амнистии 4 брюмера. После падения Директории отошел от политической деятельности. Pamфлет Паша в защиту бабувистов назывался: «Фракции и партии, конспирации и заговоры; о нынешнем заговоре». Брат Паша преподавал в кадетском корпусе в России.

101 Бабеф в 1796 г., находясь уже в тюрьме, упрекал представителей демократической печати, прежде всего Антонелля, в том, что они недостаточно мужественно и последовательно отстаивали идеи и дело арестованных бабувистов: «...он (Антонелль. — *Ред.*) первым сформулировал теорию о безумии и сумасбродстве дела 22 флореаля (дата ареста бабувистов. — *Ред.*), и притом с таким остроумием, что все остальные простаки, из числа так называемых писателей-патриотов, в том числе в газетах «Ami des lois», «Ami de la Patrie», «Ami du peuple», не преминули повторить их».

102 В архиве Бабефа сохранился ряд списков присяжных заседателей, которые, по наведенным подсудимыми справкам, проявили себя в качестве последовательных республиканцев, в том числе представитель департамента Манш и Изер. Лабрюшоллери, Дюло Дюбарра из департамента Ланд и Готье де Биоза из департамента Пюи-де-Дом (ЦПА ИМЛ, 61 В IX).

103 Пилле, работавший до 9 термидора в Комитете общественной безопасности с Эроном, с первых дней своего ареста проявил малодушие. Он писал из тюрьмы министру полиции 28 флореаля IV года (17 мая 1796 г.): «Всегда, господин министр, я буду говорить правду. Вы уже имели доказательства моего простодушия: я буду продолжать в том же духе. Мое намерение заключалось в том, чтобы присоединиться к нынешнему правительству, с тех пор как оно образовалось, и, если бы не несчастная и такая несвоевременная случайность, я никогда бы здесь не очутился, а жил бы спокойно» (Archives Nationales, W3 563/74). В письме Пийе сообщал подробные сведения о других обвиняемых, находившихся совместно с ним в камере.

104 Антонелль был автором целого ряда брошюр, Посвященных аресту и процессу над бабувистами, в том числе: «L'Hermite et le detenu... soliloque dun nouveau genre... sur la constitution de 93 et la liberte, et sur ce qu'on a fait de son peuple», «Sur la pretendue Conspiration du 21 floreal», «Encore un mot sur le grand acte d'accusation», «Sur la Pretendue Conspiration du 21 floreal. Troisieme declaration que fait le ci-devant hermite des environs de Paris, le jour meme ou les debats doivent souvrir», «Sur la Pretendue Conspiration du 21 floreal. Mon examen de conscience, ou le destenu a Vandome interroge par le ci-devant hermite» и т.д.

105 К числу бывших членов Конвента, обвинявшихся на вандомском процессе, принадлежали Амар, Вадье, Лэньело, Рикор. Не явились на суд Друэ и Р.Ленде.

106 К числу лиц, действительно участвовавших в бабувистском движении, должны быть отнесены Ж. Бодсон, Гилем, Гулар, Дюфур, Дюпле-сын, Ф.Лепелетье, Лэньело, Массар, Менесье, Морель, Парен, Рейс, Филип. Клерк предоставлял свою квартиру, Пийе переписывал все документы; в типографии Ламберте печатались все бабувистские листовки. Кретъен был владельцем «Китайских бань», где чаще всего собирались заговорщики. Возможно, что активное участие в движении принимал также Корда, видный деятель санкюлотского движения, член клуба кордельеров, связанный с группой Шометта, Фурнье-Американца, Рютледжа, участник событий 10 августа, член генерального совета Парижской коммуны и один из администраторов Парижской полиции во время якобинской диктатуры. Парен — участник всех парижских народных выступлений, близкий к Марату и эбертистам, видный деятель революционной армии, стал впоследствии осведомителем Фуше.

107 Обвинителями на процессе были Вейар и Байи. Из числа защитников наиболее активно проявил себя **Пьер-Франсуа Реаль** (1757—1834), бывший заместитель Шометта в Парижской коммуне, Реаль во время термидорианской реакции и в первые годы Директории был наиболее популярным защитником на политических процессах (Каррье, бабувистов и т.д.). Стал одним из виднейших бонапартистов. После 18 брюмера занимал ответственные посты, пользовался особым доверием и расположением Наполеона, поручавшего ему самые сложные дела, в том числе наблюдение за парижской полицией. В 1808 г. получил титул графа; во время «ста дней» — префект полиции в Париже. Наполеон не забыл о нем даже в своем завещании, оставив наследственный дар.

108 «Слова, покрытые чернильным пятном» — фраза «убить пятерых» (tuer les cinq), т.е. членов Директории. Эта фраза фигурировала в одном из документов, изъятых при аресте Бабефа и Буонарроти, и являлась основанием для одного из главных обвинений, выдвинутых против бабувистов,— в покушении на убийство членов Директории.

109 Ошибка — следует читать № 27.

110 Во время процесса в Вандоме издавалась газета «Journal de la Haute Cour de Justice, ou Echo des hommes libres, vrais et sensibles» («Газета Верховного суда, или эхо свободных, честных и чувствительных людей»). Газета выходила через день. Редактором газеты был Пьер-Никола Эзин (Hesine) — до революции преподаватель математики, позднее — активный деятель революции, якобинец, член директории департамента Луары и Шеры, подвергавшийся преследованиям во время термидорианской реакции и Директории. На время процесса Эзин был выслан из Вандома, но, находясь поблизости в Понлеруа, редактировал газету, будучи в постоянной переписке лично с Бабефом. В план газеты, судя по письму Эзина к Бабефу, входило освещение всей истории процесса («арест..., инцидент с Друэ..., мотивы, вызвавшие отправку в Вандом..., вероломство правительства и его агентов, макиавеллизм министра полиции..., история поведения и планов правительства против флореалистов до начала суда») и его «текущей истории», т. е. освещение самого хода процесса (ЦПА ИМЛ, 65 В IX). Всего вышло 73 номера газеты; ее комплект имеется только в библиотеке института Фельтринелли (Милан). В распоряжении Буонарроти, когда он писал свою книгу, этой газеты не было.

111 10 мая 1790 г. агенты графа д'Артуа спровоцировали в Монтобане вооруженное столкновение католического населения с протестантским.

112 По предложению **Мерлена из Дуэ** (http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#merlin_d) 23 термидора II года (10 августа 1794 г.) Конвент принял закон, согласно которому каждый обвиняемый, даже признавший свою вину, мог быть оправдан, если будет установлено, что у него не было никаких контрреволюционных намерений. Верховный суд придавал поэтому особое значение установлению «контр революционных намерений» бабувистов.

113 **Готье де Биоза** (скончался в 1815 г.) — до революции юрист, член Учредительного собрания. В сведениях, собранных Бабефом, был охарактеризован как «честный республиканец; женат на сестре Кутона» (ЦПА ИМЛ, 61 В IX). После вандомского процесса был избран членом Совета пятисот, но Директория аннулировала его избрание. В опубликованном тогда памфлете «Излюбленные дети Бабефа» фигурировало имя Готье де Биоза.

114 **Дюран-Майан, Пьер-Тусен** (1729—1814) — депутат Учредительного собрания и Конвента; член Законодательного комитета; примыкал к «болоту»; активный деятель термидорианской реакции; член Совета старейшин. **Дюко, Жан-Франсуа** (1765—1793) — негоциант из Бордо, член Законодательного собрания и Конвента; по требованию Марата был исключен из списка жирондистов, подлежавших удалению из Конвента. В конце 1793 г. был казнен. **Делакруа, Шарль** (1741—1805) — депутат Конвента, был одно время его секретарем; активный термидорианец; член Совета старейшин, был министром иностранных дел; при Наполеоне — префект. **Госюзен, Константин-Жозеф-Этьен** (1758-1827) — член Законодательного собрания и Конвента; выступал с докладом о конституции 1793 г.; член Совета пятисот; подвергался преследованиям при Реставрации. **Меоль, Жан-Никола** (1757—1826) — до революции юрист; член Конвента, поддерживал якобинцев; член Совета пятисот; при Наполеоне служил в качестве прокурора; умер в изгнании, в Бельгии. **Лалуа, Пьер Антуан** (1749—1846) — юрист, депутат Законодательного собрания и Конвента, где поддерживал якобинцев; член Совета пятисот; при Наполеоне был в трибунале, отказался вернуться во

Францию во время реставрации Бурбонов, мотивировав это тем, что «ваше знамя — это не мое знамя, я боролся за то, чтобы оно было низвергнуто».

ИЗДАНИЯ КНИГИ Ф.БУОНАРРОТИ «ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА»

1. Buonarroti Ph. Conspiration pour l'egalite, dite de Babeuf, suivie du proces auquel elle donna lieu, et des pieces justificatives. T.1—2. Bruxelles, 1828.
2. Buonarroti Ph. Conspiration pour l'egalite, dite de Babeuf... T.1—2 Pans, Baudouin, 1830 (Collection de Memoires relatifs a la Revolution francaise).
3. Buonarroti Ph. Conspiration pour l'egalite, dite de Babeuf... Paris. Au bureau de la «Propagande democratique et sociale». 1849
4. Buonarroti Ph. Conspiration pour l'egalite, dite de Babeuf... Paris, Charavay jeune, 1850.
5. Buonarroti Ph. Gracchus Babeuf et la conjuration des egaux. Pref. et notes par A.Ranc. 1869. (Les grands proces politiques).
6. Buonarroti. Conspiration pour legalite, dite de Babeuf. Preface par G.Lefebvre, prep. par R.Brecy et A.Soboul, bibl. par J.Dautry, t.I—II. Paris, Editions sociales, 1957 («Les Classiques du Peuple»),

ПЕРЕВОДЫ

1. Buonarroti Ph. History of Babeuts Conspiracy for Equality... Transl. from the trench language... by Bronterre. London, 1836.
2. Buonarroti Ph. Babeuf und die Verschwbrung fur die Gleichheit nut dem durch sie veranlassten Prozess und den Belegstucken. Uebers. und eingeleitet von A. und W. Bloss. Stuttgart, Dietz, 1909.
3. Буонарроти. Г.Бабеф и заговор равных. Пер. К.М.Горбач, под редакцией и с предисловием В.В.Святловского. Пг.—М., 1923 (с сокращенного французского издания 1869 г.)
4. Buonarroti F. Congiura per l'Uguaglianza o di Babeuf. Pref. e trad. de Gastone Manacorda. Torino, Einaudi, 1946.

ДОКУМЕНТЫ

Декларация прав человека и гражданина, предложенная Максимилианом Робеспьером

Представители французского народа, собравшиеся в Национальном конвенте, признавая, что людские законы, отнюдь не проистекающие из вечных законов справедливости, представляют собой не что иное, как преступления невежества и деспотизма против человечества; убежденные в том, что единственными причинами преступлений и несчастий в мире являются забвение естественных прав человека и пренебрежение ими, — решили наложить в торжественной декларации эти священные и неотчуждаемые права, дабы все граждане, имея возможность беспрестанно сопоставлять действия правительства с целью всякого социального установления, не дозволяли тирании угнетать и унижать себя; дабы перед глазами народа постоянно находились основы его свободы и счастья, перед глазами должностного лица — правила исполнения им своих обязанностей, перед глазами законодателя — цель его миссии.

Вследствие этого Национальный конвент провозглашает перед лицом всего мира и перед бессмертным законодателем нижеследующую декларацию прав человека и гражданина.

Ст.1. Целью всякой политической ассоциации является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека и развитие всех его способностей.

Ст.2. Основными правами человека являются права на существование и свободу.

Ст.3. Эти права принадлежат в равной мере всем людям, как бы различны ни были их физические и моральные силы.

Ст.4. Свобода есть возможность каждого человека развивать вволю свои способности; она имеет своим правилом справедливость, границами — права других людей, принципом — природу и охраной — закон.

Ст.5. Право мирных собраний, а также право провозглашения своих взглядов, будь то в печати или любым иным путем — являются столь необходимыми следствиями принципа свободы человека, что самая необходимость заявить об этом предполагает наличие деспотизма в настоящем или в недавнем прошлом.

Ст.6. Право собственности есть право всякого гражданина пользоваться и располагать по своей воле частью имущества, которая ему гарантирована законом.

Ст.7. Право собственности, как и все другие права, ограничено обязанностью уважать права других людей.

Ст.8. Это право не может навесить ущерба безопасности, свободе, существованию и собственности нам подобных.

Ст.9. Всякая торговля, нарушающая этот принцип, по существу своему противозаконна и безнравственна.

Ст.10. Общество обязано заботиться о существовании веек своих членов путем предоставления им работы к обеспечения средств существования нетрудоспособным.

Ст.11. Необходимая помощь всякому, кто лишен насущного, — долг того, кто обладает излишком. Закон должен определить способ выполнения этого обязательства.

Ст.12. Граждане, доход которых не превышает необходимого для их существования, освобождаются от участия в общественных расходах; все прочие должны нести их *прогрессивно*, соответственно размерам их состояния.

Ст.13. Общество должно всемерно способствовать прогрессу общественного разума и сделать просвещение доступным для всех граждан.

Ст.14. *Народ является сувереном*; правительство — его творением и его собственностью; общественные должностные лица — его слугами. Народ вправе по своему усмотрению сменить правительство и отозвать своих уполномоченных.

Ст.15. Закон есть свободное и торжественное выражение воли народа.

Ст.16. Закон должен быть одинаков для всех.

Ст.17. Закон не может защищать то, что является вредным для общества; он вправе предписывать лишь то, что для общества полезно.

Ст.18. Всякий закон, нарушающий неотъемлемые права человека, несправедлив и тираничен по существу; он не является законом.

Ст.19. В каждом свободном государстве закон должен защищать главным образом общественную и индивидуальную свободу против власти тех, кто управляет.

Всякое установление, не исходящее из предпосылки, что народ *хорош*, а должностное лицо *подвержено коррупции*, порочно.

Ст.20. Ни одна часть народа не вправе осуществлять власть, принадлежащую всему народу; но пожелание, высказываемое ею, должно быть уважаемо как пожелание части народа, которое должно способствовать формированию общей воли. Каждая часть суверенного народа, собравшись вместе, должна свободно пользоваться правом выражать свою волю; она по существу не зависима ни от каких установленных властей и полновластна в определении своего управления и порядка своих собраний.

Ст.21. Все граждане допускаются к отправлению любой общественной должности без всякого иного различия, кроме различия в добродетелях и талантах, без всякого иного основания, кроме доверия народа.

Ст.22. Все граждане пользуются одинаковым правом участия в назначении народных уполномоченных и созидании законов.

Ст.23. Для того чтобы эти права не были иллюзорными, а равенство несбыточным, общество должно оплачивать своих должностных лиц и устраивать так, чтобы граждане, живущие своим трудом, могли участвовать в народных собраниях, в которые их призывает закон, без ущерба для их существования, как и для существования их семьи.

Ст.24. Каждый гражданин обязан строго повиноваться должностным лицам и правительственным агентам в тех случаях, когда они являются проводниками и исполнителями закона.

Ст.25. Однако всякий акт, направленный против свободы, безопасности или собственности человека, независимо от того, кем этот акт осуществляется, даже если он осуществляется именем закона, за исключением случаев, которые определены законом, и форм, которые им предписаны, является произволом и недействителен; уважение к закону как раз воспрещает подчинение такому акту; и если существует намерение претворить его в жизнь путем насилия, то в таком случае дозволено силою же его отклонить.

Ст.26. Каждому индивиду принадлежит право представления петиций носителям общественной власти. Лица, которым они адресованы, обязаны выносить решения по пунктам, являющимся предметом петиций; но они не вправе запрещать эти петиции, как и не вправе осуждать тех, кто к ним прибегает.

Ст.27. Сопrotивление угнетению проистекает из других прав человека и гражданина.

Ст.28. Угнетение одного из членов социального организма означает угнетение всего социального организма.

Угнетение всего социального организма означает угнетение каждого из его членов.

Ст.29. Когда правительство нарушает права народа, то восстание является для народа, как и для каждой части народа, самым священным из прав и самой необходимой из обязанностей.

Ст.30. В том случае, когда отдельный гражданин лишается социального обеспечения, он приобретает естественное право лично отстаивать все свои права.

Ст.31. В том и в другом случае подчинять сопротивление угнетению легальным формам есть самая утонченная тирания.

Ст.32. Общественные должности должны рассматриваться не как отличия и не как вознаграждения, а как общественные обязанности.

Ст.33. Преступления народных уполномоченных должны быть наказуемы сурово и без промедления. Никто не вправе претендовать на большую неприкосновенность, чем у всех других граждан,

Ст.34. Народ вправе быть осведомленным о всех действиях его уполномоченных; они обязаны давать ему точный отчет о своей деятельности и с уважением подчиняться его приговору.

Ст.35. Люди всех стран являются братьями; различные народы должны по возможности оказывать помощь друг другу, подобно гражданам одного и того же государства.

Ст.36. Тот, кто угнетает одну нацию, объявляет себя врагом всех наций.

Ст.37. Лица, вступающие в войну с народом, чтобы приостановить развитие свободы и уничтожить права человека, должны быть всюду преследуемы не как обычные враги, а как взбунтовавшиеся злодеи и разбойники.

Ст.38. Короли, аристократы, тираны, кто бы они ни были, являются рабами, взбунтовавшимися против властелина земли, которым является людской род, и против законодателя вселенной, которым является природа.

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Торжествующий протест против несправедливости

Вступительная Ст. В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

ДОКУМЕНТЫ

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

**1. КОНСТИТУЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ,
ПРИНЯТАЯ НАЦИОНАЛЬНЫМ КОНВЕНТОМ в 1793 г.**

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА и ГРАЖДАНИНА

Французский народ, убежденный в том, что забвение естественных прав человека и пренебрежение ими являются единственными причинами бедствий на земле, решил изложить в торжественной декларации свои священные и неотъемлемые права для того, чтобы все граждане постоянно имели возможность сравнивать действия правительства с целью, к которой стремится всякое социальное установление, и никогда не позволяли тирании угнетать и унижать себя; чтобы перед взором народа всегда были основы его свободы, его блага; перед взором должностных лиц — правила исполнения ими своих обязанностей; перед взором законодателя — цель его миссии.

Ст.1. Целью общества является всеобщее благо. Правительство установлено для того, чтобы обеспечить человеку пользование его естественными и неотъемлемыми правами.

Ст.2. Такими правами являются: равенство, свобода, безопасность, право собственности.

Ст.3. Все люди равны от природы и перед законом.

Ст.4. Закон есть свободное и торжественное изъявление общей воли. Он одинаков для всех; он равно карает и милует всех граждан; он может предписывать лишь то, что является справедливым и полезным для общества; он может запрещать только то, что наносит вред обществу.

Ст.5. Все граждане одинаково допускаются к занятию общественных должностей. Свободным народам неведомы никакие иные мотивы для предпочтения при избрании, кроме добродетелей и талантов.

Ст. 6. Свобода есть право каждого человека делать все, что не наносит вреда правам других людей. Ее принципом является природа; правилом — справедливость; стражем — закон; ее моральное ограничение выражено в следующем правиле: «Не делай другому того, чего не желаешь себе».

Ст.7. Не могут быть запрещены: право выражать свои мысли и убеждения в печати или каким-либо иным путем, право мирных собраний, свободного отправления культа. Необходимость заявлять об этих правах предполагает наличие деспотизма или свежего воспоминания о нем.

Ст.8. Безопасность состоит в покровительстве, оказываемом обществом каждому из его членов в целях охраны его личности, прав и собственности.

Ст.9. Закон должен охранять общественную и личную свободу от подавления властью имущими.

Ст.10. Никто не может быть обвинен, арестован и лишен свободы иначе, как в случаях, установленных законом, и по форме, им предписанной; каждый гражданин, привлеченный к суду или задержанный на законном основании, обязан немедленно повиноваться; сопротивляясь, он совершает преступление.

Ст.11. Всякий акт, направленный против кого-либо в случаях, не указанных законом и без соблюдения установленных им форм, является актом произвола и тирании. Гражданин, по отношению которому насильственно совершается такой акт, вправе оказать ему сопротивление силой.

Ст.12. Лица, вызвавшие, подготовившие, подписавшие, исполнявшие или заставившие других исполнять акты произвола, являются виновными и подлежат наказанию.

Ст.13. Каждый человек считается невиновным до тех пор, пока виновность его не установлена; если признано нужным его арестовать, то всякие суровые меры, не являющиеся необходимыми для его содержания, строго караются законом.

Ст.14. Никто не может быть осужден и наказан до того, как его выслушали, равно как и до законного вызова его в суд и не иначе как в силу закона, опубликованного до совершения преступления. Закон, карающий преступления, совершенные до его опубликования, является актом тирании; присвоение закону обратной силы является преступлением.

Ст.15. Закон должен устанавливать только строго и явно необходимые наказания. Наказания должны соответствовать размерам преступления и служить на пользу обществу.

Ст.16. Право собственности есть принадлежащее всем гражданам право пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению своим имуществом, доходами, плодами своего труда и своего мастерства.

Ст.17. Никому из граждан не может быть запрещен в качестве занятия ни один вид труда, земледелия или торговли.

Ст.18. Каждый человек вправе сдать внаем свои услуги и свое время, но он не может ни продать себя сам, ни быть проданным кем-либо другим. Его личность является неотчуждаемой собственностью. Закон не признает положения прислуги; между человеком, который трудится, и человеком, который его нанимает, может существовать только добровольное обязательство о заботах, с одной стороны, и о вознаграждении за них — с другой.

Ст.19. Никто не может быть лишен без его согласия хотя бы малейшей доли своей собственности, за исключением случаев, когда этого требует законно установленная общественная необходимость и при условии предварительного справедливого вознаграждения.

Ст.20. Ни один налог не может быть установлен иначе как в целях общественной пользы. Все граждане имеют право участвовать в установлении налогов, следить за их использованием и требовать представления отчета в этом.

Ст.21. Общественное вспомоществование является священным долгом. Общество обязано поддерживать существование неимущих граждан путем предоставления им работы, либо путем обеспечения средств существования тем из них, кто не в состоянии работать.

Ст.22. Образование является всеобщей потребностью. Общество должно всемерно способствовать прогрессу общественного разума и сделать образование доступным для всех граждан.

Ст.23. Общественная гарантия заключается в общем усилении обеспечить каждому осуществление и сохранение его прав; эта гарантия покоится на народном суверенитете.

Ст.24. Не может существовать никакой общественной гарантии, если законом точно не определены рамки государственных должностей и не обеспечена ответственность всех должностных лиц.

Ст.25. Суверенитет пребывает в народе. Он является единым и нераздельным, незыблемым и неотчуждаемым.

Ст.26. Ни одна часть народа не может осуществлять власти, принадлежащей всему народу; однако каждая часть суверенного народа на своем собрании должна пользоваться правом совершенно свободно выражать свою волю.

Ст.27. Каждый индивид, узурпирующий народный суверенитет, должен быть немедленно предан смертной казни свободными людьми.

Ст.28. Народ всегда вправе пересмотреть, переработать свою конституцию и внести в нее изменения; одно поколение не может подчинить своим законам грядущие поколения.

Ст.29. Каждый гражданин имеет равное право на участие в составлении законов и в назначении своих уполномоченных и своих агентов.

Ст.30. Все государственные должности безусловно являются временными; их надлежит рассматривать не как отличия или вознаграждения, а как исполнение обязанностей.

Ст.31. Преступления уполномоченных народа и его агентов никогда не должны оставаться безнаказанными. Никто не вправе претендовать на большую неприкосновенность, чем прочие граждане.

Ст.32. Право подачи петиций носителям государственной власти ни в коем случае не может быть запрещено, приостановлено или ограничено.

Ст.33. Сопrotивление угнетению вытекает из прочих прав человека.

Ст.34. Когда подвергается угнетению один член общественного организма, то тем самым угнетается весь общественный организм. Когда подвергается угнетению весь общественный организм, то тем самым угнетается каждый из его членов.

Ст.35. Когда правительство нарушает права Народа, то восстание является священнейшим правом и необходимейшей обязанностью всего народа и каждой его части.

Подписи: *Колло д'Эрбуа*, председатель,
Дюран-Майан, Дюко, Меоль, Ш.Делакруа, Госюэн, П.А.Лалуа, секретарь¹¹⁴.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

О республике

Ст.1. Французская республика едина и неделима.

О распределении народа

Ст.2. Для осуществления своего суверенитета французский народ распределяется по первичным и кантональным собраниям.

Ст. 3. В административной и судебной областях он распределяется по департаментам, дистриктам, муниципалитетам.

Ст.4. Всякий человек, достигший 21 года, родившийся и проживающий во Франции, всякий иностранец, достигший 21 года и проживающий во Франции в течение года, живущий в ней своим трудом, либо владеющий собственностью, либо женатый на француженке, либо усыновивший ребенка, либо содержащий на свои средства старика; наконец, всякий иностранец, который по признанию Законодательного собрания имеет заслуги перед человечеством, — допускается к пользованию правами французского гражданина.

Ст.5. Лишаются прав гражданства лица: перешедшие в иностранное подданство; принявшие от антинародного правительства должность или пользующиеся его милостями; приговоренные к позорящим или телесным наказаниям — до реабилитации.

Ст.6. Временно лишаются прав гражданства лица: находящиеся под следствием; заочно осужденные — до отмены приговора.

О народном суверенитете

Ст.7. Суверенный народ есть совокупность французских граждан.

Ст.8. Народ сам непосредственно избирает своих депутатов.

Ст.9. Он поручает выборщикам избрание членов администрации и членов третейских, уголовных и кассационных судов.

Ст.10. Он участвует в обсуждении законов.

О первичных собраниях

Ст.11. Первичные собрания составляют из граждан, проживающих в данном кантоне не менее шести месяцев.

Ст.12. Первичные собрания имеют в своем составе не менее 200 и не более 600 голосующих граждан.

Ст.13. Первичные собрания конституируются избранием председателя, секретарей и счетчиков.

Ст.14. Первичные собрания сами устанавливают свой распорядок.

Ст.15. Никто не вправе явиться на первичное собрание при оружии.

Ст.16. Выборы производятся путем закрытого или открытого голосования .по желанию каждого голосующего.

Ст.17. Первичное собрание ни в коем случае не может предписывать одинаковый способ голосования.

Ст.18. Счетчики устанавливают результат голосования граждан, не умеющих писать, но предпочитающих тайное голосование.

Ст.19. Принятие законов производится путем голосования *за* или *против*.

Ст.20. Воля первичного собрания провозглашается следующим образом: *граждане, собравшиеся на первичное собрание от ... в количестве ... голосующих, голосуют за или против большинством в ...*

О национальном представительстве

Ст.21. Численность населения является единственной основой для национального представительства.

Ст.22. От каждых сорока тысяч лиц избирается один депутат.

Ст.23. Совокупность первичных собраний от населения в 39—41 тысячу человек избирает непосредственно одного депутата.

Ст.24. Избрание осуществляется абсолютным большинством голосов.

Ст.25. Каждое собрание производит подсчет голосов и посылает комиссара для участия в общем подсчете голосов в пункт, намеченный как центральный.

Ст.26. Если по первому подсчету никто не получил абсолютного большинства голосов, то производится повторное голосование в отношении двух граждан, собравших наибольшее число голосов.

Ст.27. В случае получения одинакового числа голосов преимущество как в отношении баллотировки, так и в отношении избрания отдается старшему по возрасту. В случае одинакового возраста вопрос решается жребием.

Ст.28. Каждый француз, пользующийся правами гражданства, может быть избран на всей территории республики.

Ст.29. Каждый депутат является представителем всей нации.

Ст.30. В случае отказа, отставки, отстранения или смерти депутата о его замещении должны позаботиться избравшие его первичные собрания.

Ст.31. Депутат, подавший в отставку, может покинуть свой пост только после занятия этого поста его преемником.

Ст.32. Французский народ собирается ежегодно 1 мая для производства выборов.

Ст.33. Он приступает к выборам при любом количестве граждан, пользующихся правом голоса.

Ст.34. Чрезвычайные первичные собрания созываются по требованию одной пятой части граждан, пользующихся правом голоса на этих собраниях.

Ст.35. Созыв первичных собраний в этом случае производится муниципалитетом обычного места собраний.

Ст.36. Эти чрезвычайные собрания приступают к обсуждению только тогда, когда на них присутствует одним человеком больше половины граждан, пользующихся правом голосования.

О выборных собраниях

Ст.37. Граждане, созданные на первичные собрания, избирают одного выборщика от каждых 200 граждан, независимо от их присутствия или отсутствия; двух выборщиков от 301—400 граждан; трех — от 501—600 граждан.

Ст.38. Ведение выборных собраний и способ голосования те же, что на первичных собраниях.

О Законодательном собрании

Ст.39. Законодательное собрание является единым, неделимым и перманентным.

Ст.40. Период его заседаний длится один год.

Ст.41. Оно собирается 1 июля.

Ст.42. Национальное собрание не может быть конституировано, если в него не входит по меньшей мере одним депутатом больше половины его состава.

Ст.43. Депутаты никогда не могут подвергаться судебному преследованию, обвинению и суду за убеждения, высказанные ими в Законодательном собрании.

Ст.44. За уголовное действие депутаты могут быть задержаны на месте преступления; однако постановление об их аресте или приводе может быть вынесено только с разрешения Законодательного собрания.

О порядке заседаний Законодательного собрания

Ст.45. Заседания Национального собрания являются публичными.

Ст.46. Протоколы его заседаний подлежат напечатанию.

Ст.47. Национальное собрание не может приступить к обсуждению, если оно не состоит по меньшей мере из 200 членов.

Ст.48. Оно не вправе отказать в слове своим членам в том порядке, в каком они его просили.

Ст.49. Оно выносит решения большинством голосов присутствующих.

Ст.50. По требованию 50 членов производится поименная перекличка.

Ст.51. Национальное собрание вправе критиковать на заседаниях поведение своих членов.

Ст.52. Оно осуществляет надзор за порядком на месте его заседаний и в установленной им близлежащей полосе.

О функциях Законодательного собрания

Ст.53. Законодательное собрание вносит законопроекты и издает декреты.

Ст.54. Под общим наименованием *закона* подразумеваются акты Законодательного собрания, касающиеся: Гражданского и уголовного законодательства; общего управления обычными доходами и расходами республики; национальных имуществ; пробы, веса, чеканки и наименования денежных знаков; характера и суммы налогов и способов их взимания; объявления войны; общего перераспределения французской территории; народного просвещения; общественных почестей, воздаваемых памяти великих людей.

Ст.55. Особым наименованием *декрета* обозначаются акты Законодательного собрания, касающиеся: Ежегодного установления размеров сухопутных и морских сил; разрешения или запрещения прохода иностранных войск через французскую территорию; допущения иностранных морских сил в порты республики; мер охраны всеобщей безопасности и спокойствия; ежегодного и текущего распределения вспомоществования и общественных работ; порядка изготовления всякого рода денежных знаков; непредусмотренных и чрезвычайных расходов; мер местного и частного характера, касающихся отдельной области управления, отдельной коммуны или отдельного рода общественных работ; обороны территории; ратификации договоров; назначения и смещения главнокомандующих войсками; осуществления ответственности членов совета и государственных служащих; обвинения лиц, уличенных в заговорах против общественной безопасности республики; всякого частичного изменения в распределении французской территории; национальных наград.

О выработке закона

Ст.56. Внесению законопроектов предшествует доклад.

Ст.57. Обсуждение законопроекта и временное принятие закона может последовать только через пятнадцать дней после доклада.

Ст.58. Проект печатается и рассылается во все коммуны республики под наименованием законопроекта.

Ст.59. Если через сорок дней после рассылки законопроекта более (на один департамент) чем в половине департаментов десятая часть первичных собраний каждого из них не выразила против него протеста, то проект принимается? и становится *законом*.

Ст.60. В случае протеста Законодательное собрание созывает первичные собрания.

О заглавной части законов и декретов

Ст.61. Законы, декреты, приговоры и все государственные акты имеют заголовком:

Именем французского народа — год... Французской республики.

Об Исполнительном совете

Ст.62. Учреждается Исполнительный совет, состоящий из 24 членов.

Ст.63. Выборное собрание каждого департамента назначает одного кандидата. Законодательное собрание выбирает членов Совета из общего списка кандидатов.

Ст.64. Половина членов Исполнительного совета обновляется в период каждого созыва Законодательного собрания в последние месяцы законодательной сессии.

Ст.65. Совету поручается руководство и надзор за общим управлением. Он может действовать только во исполнение законов и декретов Законодательного собрания.

Ст.66. Совет назначает, не из своей среды, руководящих должностных лиц общего управления республики.

Ст.67. Законодательное собрание определяет число своих агентов и их функции.

Ст.68. Эти агенты не образуют совета. Они действуют раздельно, без непосредственной связи между собой, и не пользуются никакой личной властью.

Ст.69. Совет назначает не из своей среды представителей республики в других странах.

Ст.70. Совет заключает договоры.

Ст.71. В случаях нарушения членами Совета своего долга. Законодательное собрание возбуждает против них обвинение.

Ст.72. Совет несет ответственность за неисполнение законов и декретов, а также за неразоблаченные им злоупотребления.

Ст.73. Совет смещает и заменяет агентов, которых он назначает.

Ст.74. В случаях надобности он обязан возбудить против них обвинение перед судебными властями.

О взаимоотношениях Исполнительного совета и Законодательного собрания

Ст.75. Исполнительный совет пребывает при Законодательном собрании. Ему предоставляется право присутствия и особое место на заседаниях Законодательного собрания.

Ст.76. Он заслушивается каждый раз, когда ему надлежит отчитаться.

Ст.77. Законодательное собрание вызывает его на свои заседания в полном составе или частично каждый раз, когда оно считает это нужным.

Об административных и муниципальных органах власти

Ст.78. В каждой коммуне республики учреждается муниципальное управление. В каждом дистрикте — промежуточная администрация: в каждом департаменте — центральная администрация.

Ст.79. Муниципальные должностные лица избираются на коммунальных собраниях.

Ст.80. Члены администрации избираются выборными собраниями департаментов и дистриктов.

Ст.81. Половина членов муниципалитетов и администраций ежегодно обновляется.

Ст.82. Должностные лица администраций и муниципалитетов не могут подменять собой собрания представителей. Они ни в коем случае не могут вносить изменения в акты Законодательного собрания или приостанавливать их исполнение.

Ст.83. Законодательное собрание определяет функции должностных лиц муниципалитетов и администраций, порядок их соподчинения и наказания, которым они могут подвергаться.

Ст.84. Заседания муниципальных советов и администраций являются публичными.

О гражданском судопроизводстве

Ст.85. Гражданский и уголовный кодексы законов едины для всей республики.

Ст.86. Не должно быть никакого нарушения права граждан разрешать возникающие между ними споры при помощи третейских судей по их выбору.

Ст.87. Решение этих третейских судей является окончательным, если граждане не оговорили за собой права опротестования.

Ст.88. Учреждается должность мировых судей, избираемых гражданами округов, определяемых законом.

Ст.89. Они примиряют и судят без судебных издержек.

Ст.90. Их число и компетенция определяются Законодательным собранием.

Ст.91. Учреждается должность общественных третейских судей, избираемых выборными собраниями.

Ст.92. Их число и компетенция определяются Законодательным собранием.

Ст.93. Их ведению подлежат спорные вопросы, не решенные окончательно частными третейскими судьями или мировыми судьями.

Ст.94. Они обсуждают вопросы публично. Они высказываются во всеуслышание. Они выносят окончательное решение после устной защиты без делопроизводства, без судебной процедуры и судебных издержек. Они мотивируют свои решения.

Ст.95. Мировые судьи и общественные третейские судьи избираются ежегодно.

Об уголовном судопроизводстве

Ст.96. Ни один гражданин не может быть осужден за уголовное преступление иначе как на основании обвинения, поступившего к присяжным заседателям либо в Законодательное собрание. Обвиняемые имеют защитников по их собственному выбору или по назначению. Судебное разбирательство производится гласно. Факт преступления и его преднамеренность устанавливаются судом присяжных. Мера наказания налагается уголовным судом.

Ст.97. Судьи по уголовным делам избираются ежегодно выборными собраниями.

О кассационном суде

Ст.98. Для всей республики учреждается кассационный суд.

Ст.99. Этот суд не рассматривает дела по существу. Он выносит определения по поводу нарушения форм и явных противоречий закону.

Ст.100. Члены этого суда избираются ежегодно выборными собраниями.

О государственных налогах

Ст.101. Ни один гражданин не освобождается от почетной обязанности участвовать в несении государственных расходов.

О государственном казначействе

Ст.102. Государственное казначейство является центральным пунктом доходов и расходов республики.

Ст.103. Оно управляется подотчетными агентами, назначаемыми Исполнительным советом.

Ст.104. Эти агенты находятся под надзором комиссаров, назначаемых Законодательным собранием. Комиссары не могут состоять членами Законодательного собрания; они несут ответственность за нераскрытые ими злоупотребления.

Об отчетности

Ст.105. Отчеты агентов государственного казначейства и администраторов государственных финансовых учреждений представляются ежегодно ответственным комиссарам, назначаемым Исполнительным советом.

Ст.106. Эти контролирующие лица находятся под надзором комиссаров, назначаемых Законодательным собранием; последние не могут состоять членами Законодательного собрания; они несут ответственность за нераскрытые ими злоупотребления и ошибки. Законодательное собрание выносит постановление по отчетам.

О вооруженных силах республики

Ст.107. Вооруженной силой республики является весь народ.

Ст.108. Республика содержит на свой счет даже в мирное время сухопутную и морскую вооруженную силу.

Ф. БУОНАРРОТИ
ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА
Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная Ст. В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Монтевидео: Издательство Академии наук СССР, 1989. 111 с.

ДОКУМЕНТЫ

Ст.109. Все французы являются солдатами; они обучаются обращению с оружием.

Ст.110 Звание генералиссимуса упраздняется.

Ст.111. Различие в чинах, их отличительные знаки и субординация существуют только в отношении военной службы и на время ее отбывания.

Ст.112. Вооруженные силы, используемые для поддержания порядка и спокойствия внутри страны, действуют только по письменному требованию существующих властей.

Ст.113. Вооруженные силы, используемые против внешних врагов, действуют по приказу Исполнительного совета.

Ст.114. Ни одна воинская часть не может принимать участия в обсуждении законов.

О национальных конвентах

Ст.115. Если да один более чем в половине департаментов десятая часть законно созданных первичных собраний каждого из них потребует пересмотра конституционного акта или изменения некоторых его статей, то Законодательное собрание обязано созвать все первичные собрания республики для выяснения вопроса о необходимости созыва Национального конвента.

Ст.116. Национальный конвент создается тем же путем, что и законодательные органы, и соединяет в себе их полномочия.

Ст.117. Национальный конвент занимается только теми вопросами конституции, которые служили основанием для его созыва.

О взаимоотношениях французской республики с другими нациями

Ст.118. Французский народ является другом и естественным союзником свободных народов.

Ст.119. Французский народ не вмешивается во внутренние дела других наций. Он не потерпит, чтобы и другие нации вмешивались в его дела.

Ст.120. Французский народ предоставляет убежище иностранцам, изгнанным из их отечества за дело свободы; он отказывает в нем тиранам.

Ст.121. Французский народ не заключает мира с неприятелем, оккупирующим его территорию.

О гарантии прав

Ст.122. Конституция гарантирует всем французам равенство, безопасность, собственность, уплату государственного долга, свободу вероисповедания, всеобщее обучение, социальное вспомоществование, неограниченную свободу печати, право петиций, право объединяться в народные общества, пользование всеми правами человека.

Ст.123. Французская республика воздает дань уважения честности, храбрости, преклонному возрасту, почитанию родителей, несчастью. Она вручает охрану конституции попечению всех добродетелей.

Ст.124. Декларация прав и конституционный акт должны быть выгравированы на скрижалях в здании Законодательного собрания и на площадях.

Подписи: *Колло д'Эрбуа*, председатель
Дюран-Майан, *Дюко*, *Меоль*, *Ш.Делакруа*, *Госюзэн*
П.А.Лалуа, секретарь.

2. ПРАВДА, ВЫСКАЗАННАЯ НАРОДУ ПАТРИОТАМИ 89 ГОДА, ЛЮДЬМИ 14 ИЮЛЯ, 10 АВГУСТА и 13 ВАНДЕМЬЕРА

О ты, народ, которого осыпают ласками или угрозами, возвеличивают или унижают в зависимости от честолюбивых замыслов людей, твердящих о твоих правах только для того, чтобы их попирать, о твоём суверенитете, чтобы узурпировать его, послушай великие истины; узнай причину всех бедствий, которые тебя заставили претерпеть с термидора II года до вандемьера IV года.

Некоторые злоупотребления, акты произвола, неизбежно сопутствующие всякой великой революции, наложили отдельные пятна на великие и славные события, происшедшие в первые годы республики. Исправить эти злоупотребления, положить конец всякому временному правлению, дать народу конституцию, которая гарантировала бы ему его права и его суверенитет, вырвать власть из рук людей, которые злоупотребляют ею, лишит тиранию всякой надежды снова поднять свою гнусную голову — вот что должна была совершить термидорианская революция, если бы она подготовлялась в интересах народа, в интересах всеобщего блага. Но она имела пагубные последствия, ибо являлась творением порока, раздоров, ненависти, честолюбия и мести; она обратила все к выгоде роялистов; она кончила тем, что погубила безупречных и мужественных республиканцев и даже людей, которые были использованы для этого дела.

С тех пор клевета стала изливаться свой яд; каждый *патриот*, каждый *друг народа*, каждый, кто *закладывал основы свободы*, обзывался *мошенником*, *злодеем*, *террористом*, *кровопийцей*. Эти клички стали синонимами *республиканцев*; этому вторили продажные газеты; развращенные ораторы оскверняли этими кличками трибуну сената. С этого времени организовали голод, убийство, обесценение ассигнатов, скупку товаров; на народ, совершивший революцию, отныне стали смотреть лишь как на толпу, готовую склонять голову перед золотым тельцом, выдававшим себя за единственного суверена: сокрушались об участии контрреволюционеров, называвших себя жертвами террора; перед ними раскрылись двери тюрем, которые очень быстро заполнились республиканцами, именовавшимися террористами; республиканцев изгнали со всех гражданских и военных постов, доверив эти посты возвратившимся эмигрантам, дворянству, неприсягнувшим священникам, превратившимся вдруг в отличных патриотов. Наши армии были тотчас дезорганизованы, вспыхнули измены; наши арсеналы, незадолго до того переполненные, оказались опустошенными, наши корабли разбитыми, сданными неприятелю, наш флот уничтоженным. Надо было отстранить людей и учинить над ними полицейский надзор, надо было подавить протесты (неотъемлемое право всякого свободного народа). Вот почему новые тираны поспешили уничтожить народные общества, являвшиеся передовыми стражами революции, грозой для Питтов и Кобургов, ибо они служили очагами общественного просвещения, откуда расходились искры, воспламенявшие все сердца и поддерживавшие энтузиазм свободы; ибо они воздвигали мощную плотину против честолюбия и интриги; ибо все они в равной мере являлись маяками, предупреждавшими кормчих о подводных камнях, о которые может разбиться корабль свободы.

К каким только средствам не прибегали для того, чтобы осуществить и упрочить контрреволюцию! Какие губительные для свободы декреты были вырваны у Конвента кликой сообщников иностранцев! Сколько возвратилось эмигрантов, значившихся земледельцами и рабочими! Скольким неприягнувшим священникам дана была возможность беспрепятственно сеять фанатизм! Имущество осужденных роялистов, дававшее солидную гарантию ассигнатам, было возвращено их родственникам, столь же преступным, как и они сами. Это привело в расстройство государственный кредит. Мятежным шуанам и вандейцам была предоставлена амнистия, от которой они отказались, желая вести переговоры как равные с равными. О верх злодеяния! О позор нашего отечества! Вести переговоры о мире с Шареттом, Стоффле, Комартемом, Сапино и со всеми главарями взбунтовавшихся разбойников!¹¹⁵ Позволить им вооружиться! Платить им за то, что они растерзали отечество, загубили тысячи республиканцев, и по секретному соглашению обещать им восстановление алтаря и трона! Уполномоченные народа, заключающие столь позорный договор, который запятнает анналы истории, и французский сенат, ратифицирующий позор первой в мире нации! О грядущие поколения, вы не поверите этому! Ты сам не поверил бы этому, французский народ, если бы не был тому свидетелем. И вот после двух лет блестящих успехов твои уполномоченные заключают позорящее тебя соглашение и облачают в траур твои трофеи! Именно в момент, когда твои увенчанные лаврами войска насаждают древо свободы по ту сторону Рейна, на вершинах Альп и Пиренеев, среди батавских болот, — от твоего имени ратифицируются позорные договоры с деспотами Берлина и Мадрида, над которыми ты одержал победу и которые, не будь термидорианской реакции, пришли бы вместе со своими союзниками просить мира на условиях, какие тебе угодно было бы им предписать!¹¹⁶

Не станем, однако, удивляться тому, что правительственные комитеты превратились в ящик Пандоры; в них заседали Роверы, Буасси, Саладены, Ломоны, Оги, Ларивьеры, Ланжюинэ, Дюмоны¹¹⁷ и им подобные... ярко выраженные роялисты, которые только удушением свободы, новым закабалением народа и массовым избиением наиболее убежденных республиканцев могли отблагодарить тиранов, которым они служили.

Однако кровь все еще недостаточно обильно лилась на эшафотах; тогда во всех концах республики были организованы орды убийц под названием обществ *Иисуса* и *Солнца*. Послали разных Буасси в Лион и в Бург; Кадруа, Шамбонов, Мариетов, Инаров в Экс и Марсель; и именно по их преступному призыву было поставлено в порядок дня избиение патриотов во всем юге¹¹⁸. Под их знаменами выступают убийцы, врывающиеся в тюрьмы, убивающие всех находящихся там патриотов и выходящие оттуда в залитой кровью одежде; они нарушают неприкосновенность жилища, обегают улицы, рубят саблями всех, кто, по их сведениям, высказывался за свободу; ребенка убивают на руках у матери, мужа в объятиях жены, старика на глазах у сына; и воды Роны, неся трупы, сливаются с волнами Средиземного моря, уже окрашенными кровью республиканцев. Все эти ужасающие сцены продолжаются на глазах у людей-тигров, называющих себя уполномоченными народа! А Конвент, пребывающий под пятой людей, продавших за золото иностранцам, отданный во власть проституированных женщин, в продолжение десяти месяцев оставляет Францию погруженной в траур и резню! И он не мог наказать хотя бы одного убийцу! Ровер имел бесстыдство называть эти убийства осуществлением народного правосудия!..

Но недостаточно было оставить убийц безнаказанными, развратить общественное сознание, ослабить энергию, подавить энтузиазм свободы, заменить гимны, ведшие наших воинов к победе, человекоубийственными песнями, звавшими к избиению патриотов¹¹⁹. Надо было довести народ до отчаяния, выдавая ему только две унции скверного хлеба: в то же время Буасси выступил с трибуны Конвента со смехотворным заявлением, что снабжение продовольствием обеспечено.

Да, несомненно, продовольствия было достаточно у объедавшихся богачей, в то время как народ не имел ничего и умирал от истощения.

О, французский народ! в чьих руках твоя участь! Те самые люди, которые морили тебя голодом, предали, разорили и погубили, до сих пор заседают в твоём сенате, и на твоих глазах из него изгоняются, подвергаются преследованиям и посылаются на эшафот те, кто хотел воспротивиться стольким антинародным декретам, вырванным вероломными роялистами у Конвента, который никогда не был более несвободен, чем во время термидорианской реакции. Да, тебе пришлось увидеть их, эти дни траура и злодеяния, эти роковые дни *жержиналя* и *прериала*, когда с тобой обошлись, как с *мятежником*, за то, что ты пришел к решетке Конвента, за которой сидели твои уполномоченные, чтобы *просить хлеба и конституции*, свободно, торжественно и единодушно принятой тобою.

Вы помните, мужественные жители предместий, как вас разогнали, как по приказу правителей вас преследовала банда золотой молодежи, как вы были осажены в собственных домах, обезоружены, заключены в тюрьмы, как наиболее энергичных ваших братьев судили *военным судом* и повели на тот самый эшафот, на котором пролилась кровь единственных депутатов, имевших мужество возвысить голос в сенате, чтобы поддержать ваши справедливые требования!.. Вы поклялись, доблестные Гужон, Ромм, Дюруа, Субрани, Бурбот, Дюкенуа, отстаивать интересы народа, умереть за него и во имя свободы; вы сдержали вашу клятву: ваша благородная самоотверженность заставила побледнеть ваших палачей. Она послужила делу народа; она запечатлена в сердцах республиканцев; она станет достоянием грядущих поколений и будет поставлена рядом с самоотверженностью Гракхов, Курциев и Регулов. Французский народ, ты будешь вспоминать об этих страшных днях лишь для того, чтобы предать гнусных виновников этих дней проклятию, настоящих и будущих поколений. Ты не сможешь забыть того, что в продолжение пятнадцати месяцев, следовавших за термидором II года, правители подвергали тебя всевозможным притеснениям, всевозможным бедствиям, которые никогда не выпадали на долю рабов до времени римского патрициата, на долю крепостных под игом польских вельмож и даже на долю несчастных, которых превращают в предмет позорной торговли на побережьях Африки.

Подлые! Они вопили о терроре, существовавшем лишь против преступления. Они же применяли жестокий террор против добродетели и республиканизма!.. Злодеи! Они заявляли, будто сразили тиранию децемвиров, а между тем никогда еще тирания не тяготела над тобой, народ, в большей мере, чем тирания, которую они сами осуществляли в продолжение пятнадцати месяцев... Лжецы! Они сваливали на людей, которых не было более в живых и о которых будет судить потомство, все бедствия, которые они сами обрушили на тебя. Будучи неспособны продолжать великие дела людей, место которых они заняли, они все запутали и дезорганизовали. Они хотели заставить тебя сожалеть о монархическом режиме. Однако западня была слишком грубо задумана: ты оказался способен гораздо лучше судить о них, как и о событиях; тебе было хорошо известно, что поразившая тебя нищета была делом рук не твоих друзей, а тех, кто стоит у власти; ты был убежден, что в первые два года республики твои права уважались, твоих врагов подавляли, ремесла и искусства поощрялись, твои арсеналы были полны, твои суда хорошо снаряжены, твои флаги развевались на всех морях, четырнадцать твоих армий всюду побеждали, Вандея была сломлена, твои внешние враги обращены в бегство; деспоты на их шатающихся тронах повержены в ужас, готовы пасть к твоим ногам; курс ассигнатов упрочен; алчность откупщиков и спекулянтов обуздана; твои рынки снабжены продовольствием; наградой за бесчисленные жертвы, принесенные тобой во имя завоевания свободы, становилось изобилие.

Что произошло на твоих глазах вслед за столькими преимуществами? Какое душераздирающее зрелище предстало перед тобой во время термидорианской реакции! Твоих прав не признавали — они были попорчены; твои друзья, защитники, братья оклеветаны, подвержены гонениям, заключены в тюрьмы, убиты; самый необузданный ажиотаж, несущий с собой смерть республикам, занял место торговли, дающей им жизнь; твой флот разбит, предан, сдан англичанам; твои склады, арсеналы опустошены; Вандея и шуаны вновь стянули свои силы; энтузиазм республиканских солдат парализован; храбрецы, ведшие их к победе, изгнаны и заменены дворянами, эмигрантами, роялистами. На твоих глазах 30 миллиардов ассигнатов растрачены за десять месяцев; богатый собственник, крупный торговец, биржевик, скупщик сдирали с тебя шкуру, пили твою кровь каплю за каплей. Ты испытывал, голод среди изобилия, крайнюю нужду рядом с самой бесчестной роскошью; ты видел, как была утрачена общественная мораль, как предписывалось и оставалось безнаказанным убийство, как преступление одерживало победу над добродетелью, как была уничтожена демократия, восстановлены ступени трона, и новый Тарквиний готов был на них взойти. Ты видел, наконец, как погибала свобода; ее спасла

храбрость этих мужественных республиканцев, столь оклеветанных и преследуемых, которые не допустили разгрома Национального конвента и в памятные дни 12, 13 и 14 вандемьера спасли республику.

Однако эти дни не привели к решающим для торжества демократии результатам, ибо заговорщики не были наказаны, ибо они продолжают осуществлять свою систему убийств, биржевого ажиотажа, скупки, снижения курса бумажных денег и находят покровителей в самом сенате. Но эти памятные дни не пропали даром для тебя, французский народ, ибо власть была вырвана из нечистых рук, совершавших всевозможные преступления, ибо эти дни вернули к семьям республиканцев, спасшихся от эшафота и от кинжалов роялистских банд; ибо эти дни ведут к созданию государства, управление которым будет доверено незапятнанным людям, республиканцам, уже потрудившимся для всеобщего блага; они сделают еще больше, *если будут облечены доверием патриотов*, которые не умеют поступаться принципами; *если они безжалостно нанесут удар роялистам, эмигрантам, неприсягнувшим священникам*, не прекращающим заговоры против республиканского правительства; *если они примут энергичные меры для снабжения рынков провиантом, снижения цен на съестные припасы* и если они оставят на местах только безупречных, энергичных, просвещенных республиканцев, которые погибнут вместе с ними, если совершится контрреволюция.

Благородный народ, твое спасение — в величественной твердости по отношению к твоим угнетателям; не пренебрегай установлением надзора над ними. Бедствия, которым они не престанно подвергали твоих защитников, позволили тебе достаточно узнать их, чтобы отныне тебя не могли больше вводить в заблуждение их лицемерные гражданские добродетели. Займи свое величавое положение, вооружись своим гневным мщением, раздави им современных Титанов, осмеливающихся покуситься на твой суверенитет. Помни о твоих победах, и если тебе предстоит еще опасности, которых ты должен избежать, то тебя ждут также и победы.

3. СОЛДАТ, ОСТАНОВИСЬ и ПРОЧТИ¹²⁰

Вероломное, порочное правительство, роскошь которого является надругательством над нищетой народа, сбросило, наконец, маску и, атакуя в лоб свободу, осмелилось дерзостно закрыть и бесстыдно оклеветать собрания патриотов. Именно в этих собраниях полные решимости люди 14 июля, 10 августа, 13 вандемьера стояли на страже прав народа и, едва спасшись от тюрем и от кинжалов роялистов, снова посвятили себя революции. Они разоблачали столь чрезмерное количество возвращенных эмигрантов, что перечень исключенных из списков превышает список, в котором эмигрантов предавали человеческому презрению и мщению законов! Собрания патриотов во всеуслышание требовали для наших семейств пособия, столь справедливо гарантированного им законом, и, наконец, для вас — имущества, которым отечество обязано вам за кровь, пролитую вами во имя него в борьбе против королей, и которое было справедливо гарантировано вам со всей торжественностью таким множеством декретов. Исполнительная директория сама поощряла сначала эти собрания, словно неправой, основанной на произволе власти могла нравиться публичность, гласность и правдивость. Доверчивые и добросовестные патриоты массами устремились в эти собрания. Западня была ловко скрыта, они попались в нее: преданность и добросовестность мало расчетливы. Патриоты в этом не раскаиваются — они действовали как свободные люди. Напрасно их обзывают анархистами. Более справедливая, даже в наши дни, Европа различает по этому наименованию друзей равенства; честные люди грядущих поколений подтвердят это суждение.

Откуда истекает, однако, дерзость нескольких человек, облеченных преходящей властью? Граждане воины! Надежды на успех своих преступлений они основывают на вашем мужестве. Они заявляют во всеуслышание: наши воины стоят за нас... Вы их воины!!.. Победители тиранов станут поддерживать тиранию!!!.. Не заблуждайтесь тираны-развратители! Вы хотели бы посредством изысканной одежды, незаконных щедрот, посредством водки и вина обманным путем завербовать сторонников и ввести в заблуждение наших братьев, сердца которых отнюдь не изменили родине и покорны ее голосу. Разве можете вы использовать те же средства, которые раскрыли преступление Капета и погубили этого тирана? Нет! Граждане воины! Вы не станете стрелять в ваших братьев, как вы сделали это в жерминале и прериале... Ваши выстрелы не удастся направить по ложному пути! Направьте их на тиранию — эта славная победа вам еще предстоит. Подобно грекам Азии, вовлеченным в армию Ксеркса, вы услышите призыв нашего общего отечества! Вы прочтете эти строки, которые ваши братья начертали на вашем пути! И если настанет, наконец, день справедливого возмездия, то вы узнаете, кто все еще сопротивляется вашему возвращению к домашнему очагу, где вы вместе с нами заложите основу равенства и всеобщего счастья!

4. ОБРАЗОВАНИЕ ПОВСТАНЧЕСКОЙ ДИРЕКТОРИИ¹²¹

Равенство. Свобода. Всеобщее счастье

Французские демократы, исполненные скорби, глубокого негодования и справедливого возмущения по поводу неслыханной нищеты и гнета, зрелище которых являет собой их несчастная родина;

проникнутые воспоминанием о том, что когда народом была принята данная ему демократическая конституция, то охрана ее была поручена *надзору всех добродетелей*;

принимая во внимание, что, следовательно лишь безукоризненно добродетельным и самым мужественным людям принадлежит инициатива мщения за народ, когда его права, как это происходит теперь, узурпированы, его свобода отнята и самое его существование подвержено опасности;

признавая, что обвинение в трусости, предъявляемое народу, есть несправедливый упрек и что народ откладывал до сих пор осуществление правосудия только за недостатком

хороших руководителей, готовых встать во главе его;

признавая, что превышающие всякую меру преступления узурпаторской власти способствовали тому, что во всех сердцах настолько созрела готовность к революционному взрыву, что в интересах его плодотворности, в интересах обеспечения его успеха необходимо, быть может, скорее умерить, нежели усилить порыв свободолюбивых людей, — приняли следующее решение:

Ст.1. С настоящего момента они организуются в повстанческую директорию под названием Тайной директории общественного спасения. В качестве членов таковой они берут на себя инициативу всех движений, которые должны привести народ к новому завоеванию им своего суверенитета.

Ст.2. Директория состоит из четырех членов¹²².

Ст.3. Директория должна быть тайной; имена ее членов останутся неизвестными даже главным ее агентам. Для поддержания связи между этими главными агентами и членами Директории будут существовать агенты-посредники.

Ст.4. Тайная директория общественного спасения берет на себя выполнение огромного количества обязанностей, налагаемых на нее этим великим званием.

Ст.5. К письменным инструкциям, которыми необходимо будет снабжать главных агентов, будет прилагаться опознавательная печать, и эта печать будет служить для них предостережением против всяких неожиданностей, связанных с ложными инструкциями; несмотря на отсутствие подписей, она будет служить им гарантией подлинности актов, которые они будут получать от Тайной директории.

5. УСТАНОВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТИ ГЛАВНЫХ АГЕНТОВ и АГЕНТОВ-ПОСРЕДНИКОВ. ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ТЕХ и ДРУГИХ

Тайная директория общественного спасения постановила:

Ст.1. Будут назначены двенадцать главных революционных агентов, по одному на каждый округ парижской коммуны.

Ст.2. На каждого из этих агентов возлагается Организация в своем округе одного или нескольких собраний патриотов; они должны давать на них пищу и направление общественному сознанию путем чтения популярных газет, как и путем дискуссий о правах народа и о его настоящем положении.

Ст.3. Эти агенты будут вести ежедневные записи о состоянии общественного мнения. В этих записях они будут давать отчеты о более или менее благоприятных настроениях патриотов; будут указывать лиц, наиболее способных, по их наблюдениям, содействовать движению, которым надлежит руководить; они будут указывать характер использования этих лиц или революционную задачу, которую, по их мнению, каждый из этих лиц способен выполнить. Они будут также указывать интриганов, лицемерных людей, которые попытаются проникнуть на собрания; будут также давать отчеты о препятствиях, чинимых этими лицами, об их противодействии развитию активности, внушению добрых принципов и возрождающих идей.

Ст.4. Для поддержания связей между главными агентами и Тайной директорией будут существовать агенты-посредники.

Ст.5. Двенадцать главных агентов будут вручать одним лишь этим агентам записи их ежедневных наблюдений.

Ст.6. Агенты-посредники будут ежедневно или раз в два дня приходить за этими записями поодиночке на квартиру каждого из главных агентов.

Ст.7. Настоящий документ вместе с документом об образовании Тайной директории, как и нижеследующая инструкция, будут вручены каждому из главных агентов.

6. ПЕРВАЯ ИНСТРУКЦИЯ ТАЙНОЙ ДИРЕКТОРИИ КАЖДОМУ из ГЛАВНЫХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ АГЕНТОВ

Граждане,

Времена кризисов не походят на обычные времена. Когда народ пользуется своими правами, когда торжествуют принципы свободы, никто не имеет власти над другими людьми без их согласия; никто не вправе предпринимать что-либо, касающееся общего интереса, не обратившись ко всему народу и не получив его согласия. Разумеется, тогда господствует наилучший порядок, а наилучший порядок упрочивается лишь путем строгого соблюдения принципов. Тот, кто при таком положении присвоил бы себе какой-либо титул, чтобы во что бы то ни стало выступить в качестве должностного лица под предлогом того, что он желает улучшить положение своих сограждан, явился бы узурпатором, даже если предположить, что в конечном счете его намерения были самые честные. Другой весьма веский довод в этом отношении состоит в том, что когда народ пользуется свободой и может быть опрошен, то нельзя полагать, что другие лучше его способны судить о том, что для него хорошо и полезно.

Иначе обстоит дело, когда народ поработан, когда тирания лишила его возможности изъяснить свою волю по поводу всего, что его интересует; когда по более веской причине для него стало невозможным предписывать репрессивные меры против его тиранов, вырвать из их рук узурпированную ими власть, которой они пользуются для того, чтобы заставить его страдать и томиться, чтобы все более поработать его — до не поддающихся учету размеров.

В этом случае справедливо и необходимо, чтобы наиболее отважные, наиболее способные на самопожертвование люди, считающие себя наделенными высокой энергией, пылом и силой — благородными качествами, охране которых была поручена народная конституция, которую все истинно свободные французы никогда не забывали; справедливо и необходимо, чтобы эти французы, убежденные, к тому же, что внушение их собственного сердца или самой свободы, голос которой сильнее и явственнее до них доносится, дает им достаточное право все предпринимать; справедливо и необходимо, чтобы сами они облекли себя диктатурой в восстании, чтобы они взяли на себя инициативу, возложили на себя славное звание участников заговора во имя свободы и выступили в качестве официальных лиц, спасителей своих сограждан.

Таковы мотивы, которые — как нам казалось — оправдывали наше решение и придавали ему величественный и благородный характер. Признав, таким образом, что взятая нами на себя миссия в высшей степени законна, ибо обстоятельства, делающие эту миссию необходимой для спасения свободы, не позволяют, чтобы ее возложил на нас суверенный народ, мы, кроме того, постигли следующую вдохновляющую истицу, что обвинение в трусости, предъявляемое народу, — сущее оскорбление, что в том, с каким нетерпением он жаждет свергнуть поистине ненавистное иго, нетрудно усмотреть, что если он до сих пор ничего не делал, чтобы сломить это иго, то только потому, что у него не было руководителей; мы отметили также, что он с великим сожалением отодвигает день пресечения многочисленных преступлений, совершаемых против него. Все возвещало нам о том, что он способен был бы совершить, если бы увидел во главе себя руководителей, достойных его полного доверия.

Воодушевленные такими настроениями, мы Тотчас пришли к необходимости обратить наш взор на людей, способных помочь нам в этом славнейшем начинании. На вас, граждане, ввиду вашего последовательного республиканского поведения, многочисленных актов безупречной преданности отечеству на протяжении всего хода революции, ужасных испытаний в дни преследований всех тех, кто являлся патриотом и добродетельным человеком, на вас остановили свой взор люди, выступившие первыми мстителями за преданное отечество, чтобы вас первых облечь своим доверием и возложить на вас первые и главные части операций.

Та часть сокровенного, которую Тайная директория общественного спасения вам сообщает, ценна и важна. Сохранение ее в тайне требует большой скромности, осторожности, активности и любви ко всеобщему благу; оно требует всех человеческих добродетелей, какие Директория в вас предполагает.

Свою основную организацию, как и организацию ее взаимоотношений с вами. Тайная директория взвесила на весах благоразумия и осмотрительности.

Она сочла необходимым установить двенадцать муниципальных агентов в двенадцати округах парижской коммуны, при этом она таким образом скомбинировала способы их связи с нею, что общение будет почти непосредственным, с тем, однако, что «и один из двенадцати главных агентов не сможет узнать, кто входит в состав Директории. Смысл такой предосторожности легко понять.

Каждый сознавал, что самая важная часть тайны предполагаемого восстания, от которой зависит успех всех последующих операций, заключается не столько в том, что существует повстанческий комитет, сколько в осведомленности о людях, его составляющих. В самом деле, если тирания и узнает о существовании такого комитета, то шока его члены останутся неизвестными, никакого вреда для них отсюда последовать не может; никакого вреда не будет от этого и для отечества, разве что деспотизм будет предупрежден о необходимости быть настороже; а он уже давно настороже, ибо ему давно известно, что его преступления неизбежно должны побудить всех безупречных людей вступить в заговор против него. Таким образом, от разглашения существования революционного комитета не будет большой опасности, и мы рассмотрим ниже, не разумно ли будет даже, чтобы в известный период всплыло наружу полупризнание в этом, с тем, чтобы подбодрить неимущее большинство, которое с нетерпением ждет случая и момента избавиться от гнета. С раскрытием же главных участников заговора будет потеряно все: вместе с их гибелью будет уничтожена совокупность разветвлений, исходящих из одного центра. Другим несомненным пагубным последствием этого явится замешательство и ужас, которыми будут охвачены самые отважные граждане.

Таковы, республиканцы, мотивы, побудившие Директорию общественного спасения, несмотря на ее величайшее доверие к вам, поскольку она избрала вас своими главными и первыми агентами, таковы мотивы, побудившие ее скрыть даже от вас, кто именно является ее членами. Опасность от неосторожности или нерешительности, как и опасность, проистекающая из человеческой слабости, весьма часто несущей, как бремя, тяжесть большого секрета и словно находящей себе облегчение, когда она сбрасывает ее с себя в дружеском кругу, либо в кругу, принимаемом за таковой, — все это было также принято во внимание Тайной директорией, которая не хотела отдать спасение отечества на произвол таких случайностей. Кроме того, в отношении надежности крайне трудно быть уверенным в одинаковой ее непоколебимости у двенадцати лиц, назначаемых хранителями в высшей степени важных вещей. Тайная директория считала, что ей безусловно удастся внушить вам самим необходимость этого полного доверия, которого требует благо предпринятого дела, того доверия, которым вы, со своей стороны, облекли ее. Каким образом рассчитывала она на это? Путем убеждения в том, что в смелости, преданности, в запасе добродетелей, которым необходимо обладать, чтобы предпринять такое дело, вы усмотрите мотивы для оказания ей этого доверия.

Она считала также, что другой гарантией явится для вас ее правдивость и чистосердечие, подражать которым недоброжелателям не всегда полностью удастся, и что вы обнаружите это во всех ее действиях.

Вооружаясь всеми предосторожностями, способными сделать нас неуловимыми и исключаящими возможность расстройств наших мероприятий, мы вместе с тем хотели предохранить " вас от неожиданностей и дать вам возможность по особой печати на наших актах всегда распознавать их подлинность, хотя на них и не будет подписей.

Тайная директория довела предусмотрительность до того, что изолировала друг от друга двенадцать главных агентов. Все они будут получать одинаковые инструкции, всем им будет поручаться одно и то же дело, все они будут содействовать одной и той же цели, и тем не менее они не будут знать друг друга. Мы считали, что это взаимное знакомство отнюдь не является необходимым. *Ничего хорошего не может произойти от этого*, поскольку, как это очевидно, достаточно, чтобы Тайная директория получала без промедления от каждого из агентов сведения о ходе движения и поскольку неоспоримо также то, что успех зависит лишь от чрезвычайно пунктуального исполнения. Общение же между двенадцатью агентами может привести лишь к помехам, запозданиям либо изменениям, которые, возможно, не будут входить в намерения и расчеты регулирующей Директории. *Отсюда может произойти величайший вред*, ибо в случае, который, несомненно, должен быть весьма далек от нашего подозрения, если судить по той тщательности, с какой мы отбирали главных агентов (однако, когда дело идет о таких серьезных вещах, надо всего опасаться, рассчитывать на худший случай и все заранее предупредить), может — заявляем мы — произойти величайший вред от взаимного знакомства, взаимного общения главных агентов Тайной директории. В том несчастнейшем случае, когда один из них проговорится либо совершит измену, он может погубить всех своих коллег; в случае же, если он незнаком с ними, повстанцы из-за его неловкости или вероломства могут потерять лишь его одного; он не может ни вовлечь никого в свою измену, ни расстроить предпринятое дело и подвергнуть опасности судьбу свободы.

Такие же предосторожности об изоляции предприняты и в отношении агентов-посредников, при выборе которых была соблюдена такая же тщательность. Но независимо от этого все устроено в отношении их таким образом, что каждый из них в отдельности может навлечь опасность только на самого себя или лишит группу участников заговора только его одного; ему к тому же будет неизвестна ни фактическая роль, которую он будет играть, ни роль главного агента, с которым он войдет в соприкосновение, и одним из средств общения которого с Тайной директорией он является.

Это приведет его к выводу, что его используют для совершенно иной цели. Свои пакеты с корреспонденцией он не будет передавать непосредственно Тайной директории, и все это будет доставляться Директории без необходимости доверить это дело какому бы то ни было посреднику. Таким образом, главным агентам нечего будет опасаться, что их предадут их коллеги или агенты-посредники, ибо и те и другие не будут осведомлены о том, кем они в действительности являются. Главных агентов будут знать только четыре члена Тайной директории. И уж к тому, что от этих агентов поступит, члены Директории не должны, конечно, относиться подозрительно.

Вообще, поскольку Тайная директория приняла великую систему, заключающуюся в том, чтобы всех изолировать, оборвать всякие связи, она подчинит этому распорядку всю свою организацию, так что каждое лицо, используемое ею через посредника или непосредственно, никого не сможет предать и что утрата этого лица лишит революционеров лишь его одного. Такой план, согласно которому каждому придется опасаться исключительно самого себя, выработан, несомненно, для успокоения всех, кто будет содействовать его успеху.

Что касается предосторожностей в отношении вас самих, постоянно диктуемых нам крайней осмотрительностью, чтобы не быть введенными в заблуждение донесениями и сведениями некоторых извне, то это касается только нас. Мы не требуем и не устанавливаем особых знаков или подписей, чтобы гарантировать нам подлинность этих донесений; но мы уверены, что различим их подлинность по недвусмысленным признакам и доказательствам.

После того как мы рассказали вам, граждане, о том, что оправдывает, как нам казалось, принятое нами дело, как и о том, что должно успокоить в отдельности каждого из вас, содействующего этому делу, следует начертать вам, что именно, по мнению Тайной директории, вам надлежит делать в эти первые минуты.

На это вам указывают статьи 2 и 3 организационного устава, предназначенного для вас и предшествующего данной инструкции:

«Организовать в вашем округе одно или несколько собраний патриотов; давать на них пищу и направление общественному сознанию путем чтения популярных газет, как и путем дискуссий о правах народа и о его настоящем положении.

Вести ежедневные записи о состоянии общественного мнения; в этих записях давать отчеты о более или менее благоприятных, более или менее активных настроениях патриотов; указывать лиц, отмеченных вами как наиболее способных содействовать движению, которым надлежит руководить; указывать характер их использования и революционную задачу, выполнить которую вы считаете каждого из них способным; указывать интриганов, лицемерных людей, которые попытаются проникнуть на эти собрания; давать также отчеты о препятствиях и противодействиях, чинимых этими лицами развитию активности, внушению добрых принципов и возрождающих идей».

Статьи 4 и 5 того же организационного устава определяют способы, при помощи которых вы можете передавать Тайной директории эти записи, сведения или донесения, которых она ждет от вас.

Вы будете передавать их агентам-посредникам, которые подучат их непосредственно из ваших рук; точно так же и они будут передавать вам последующие инструкции, которые Тайная директория окажется вынужденной передать вам.

Вот чем определяется, граждане, в этот первый момент ваша задача. Нам остается лишь изложить вам некоторые соображения о деталях, в которые вы сами внесете изменения соответственно тому, как вам подскажет благоразумие.

Понятно, что, призывая вас организовать в вашем округе одно или несколько собраний патриотов, мы считаем, что это надлежит делать без излишней аффектации. Возможно также, что такие собрания будут вами же организованы и что они будут проникнуты вашим образом мыслей; но вы не подадите при этом виду, что являетесь их учредителями и руководителями. Пожертвуем мелким, тщеславным желанием создать видимость ради преимущества действительно совершить нечто реальное. Ничто так не обеспечивает крупные, подлинные успехи, ничто не может дать лучшего внутреннего удовлетворения, как сознание того, что являешься невидимым орудием, при помощи которого приходят в движение великие силы. Мы отдаем в этом случае нашему дарованию дань заслуженного уважения, гораздо большего, чем то, какое приписывает себе поспешное самохвальство всякого, кто хотел бы прослыть главным действующим лицом на политической арене. Достаточно будет еще времени, чтобы пожинать рукоплескания наших братьев, когда мы спасем их.

Нам, следовательно, представляется вполне осуществимым, чтобы главные агенты учредили, организовали и направляли желательные для нас клубы, не подавая виду, что они являются учредителями, организаторами, руководителями чего-либо. Но и тогда, когда мы говорим об организации, мы из тех же соображений осторожности считаем, что следует не столько стараться предпринимать новые начинания, сколько строить наше здание на старых элементах, на старых, уже существующих основах. В ряде округов у вас имеются кафе, в которых уже привыкли собираться патриоты; старайтесь просто привлекать их туда в большем количестве и чаще. В то

же время старайтесь увеличивать число этих сборных пунктов, а не забивать их слишком большим числом людей, которые будут лишены возможности узнать друг друга и внушат подозрение властям. Посещайте по очереди каждое из этих мест; устраивайте собрания лучше в частных домах, нежели в кафе: здесь патриоты будут чувствовать себя более свободно, здесь они будут в меньшей мере объектами *шпионажа* и иметь большую возможность допускать в свою среду только таких братьев, в которых они будут уверены. Вообще, старайтесь не придавать собраниям публичный, выходящий за известные рамки характер, не называйте все это клубами, обществами, собраниями; избегайте всяких пышных названий; говорите попросту: *такое-то* кафе, *такой-то* дом; отправление туда называйте прогулками, посещениями; пусть все в них будет на деле, а не на словах.

Мы говорили вам о другой задаче, которая должна следовать за установлением сборных пунктов, — о задаче, которая состоит в том, чтобы питать и направлять в них общественное мнение. Мы установили, что для этого достаточно будет дискуссий о правах народа и о его настоящем тяжелом положении в соединении с чтением популярных газет. О, особенно с чтением популярных газет! Тайная директория рекомендует вам этот способ как самый могучий рычаг. Выбор этих газет будет для вас нетруден: вы достаточно с ними знакомы. Тайная директория будет передавать их вам для того, чтобы раздавать их не только на ваших собраниях, но и в частности всем лучшим патриотам. Кроме письменных сочинений вам будут предоставляться, когда в этом появится необходимость, и другие средства воздействия. Газеты, о которых шла речь, будут в значительной своей части служить для вас компасом и общей инструкцией: до сих пор они проповедовали наши принципы, как и принципы всех истинных демократов. Полагаем, что они и впредь будут продолжать их проповедовать и что в их доктрине вы всегда сможете распознать нашу доктрину. Поддерживать и приветствовать ее — вот почти все, к чему может свестись ваша видимая роль; а для этого вам незачем выходить за пределы таких проявлений, при которых вы выступаете лишь рядовыми действующими лицами, простыми слушателями и присутствующими, как и все прочие. Кроме того, часть записей и донесений, которые должны быть сделаны лишь в строжайшей тайне, также составляют вашу секретную миссию. Эту последнюю часть вашей миссии мы не станем подвергать детальному рассмотрению; ход ее выполнения в достаточной мере определен статьей 3 организационного устава, как и тем, что сказано нами выше в данной инструкции.

Говоря вам о том, что популярные газеты, которые будут вам доставляться, смогут служить вам компасом и главным образом дополнением к последующим инструкциям, которые мы будем вам давать (не считая противоположных инструкций, которые вы можете получить от вас), достаточно вам указать, что вы не должны доводить энергию до уровня, превышающего уровень, установленный этими самыми газетами; и это замечание содержится в том, что сказано Директорией в акте о ее создании: «Превышающие всякую меру преступления узурпаторской власти способствовали тому, что во всех сердцах настолько созрела готовность к революционному взрыву, что в *интересах его плодотворности, в интересах обеспечения его успеха* необходимо, быть может, скорее умерить, нежели усилить порыв свободолюбивых людей».

Итак, насколько существенно важно удерживать умы в должном напряжении, настолько же бесполезно и даже опасно было бы слишком быстро и до крайности их воспламенить. Необходимо принять во внимание, что если у народа мнение уже сложилось, то у солдата такого мнения еще не существует; он введен в заблуждение лицемерными ласками правительства, желающего использовать его для того, чтобы подавить гражданское население, как и самого солдата. Требуется время, чтобы открыть глаза нашим братьям, находящимся под ружьем. Будем, следовательно, возбуждать умы благоразумно, лишь в строгом соответствии с нарастанием показаний термометра, меняющуюся степень нагрева которого всегда будет указывать Тайная директория. Вот, граждане, почти все, что мы имеем сказать вам для начала. Ваше рвение, ваши знания, ваша гражданская доблесть дополнят все то, что могло быть нами упущено при начертании плана столь возвышенной миссии. Прекрасно зная прежде всего наши гражданские добродетели, мы не сочли нужным изощряться, чтобы воспламенить вашу энергию. Простое изложение дела, признанная справедливость которого хранится в ваших, как и в наших сердцах, казалось нам достаточным, чтобы убедить вас в существенной необходимости начинания, содействовать которому мы побуждаем вас. Французы! Речь идет о вашем и нашем спасении. Речь идет о спасении настоящего и будущих поколений, о спасении нашей республики и всего мира. Пусть наше мужество послужит сигналом к подлинному пробуждению народа! Пусть, воспламененный нами, он высвободится, наконец, из мертвящего сна и заложит основы царства вечного блага, равенства и свободы! Все готово... Законодательное здание, гарантирующее изобилие, равенство, свободу для всех, ждет лишь крушения колосса порабощения, угнетения и смерти, чтобы предстать во всем своем величии и занять его место. Подготовим же эту счастливую катастрофу. Кодекс, который мы установим, будет, наконец, прочным и вечным... ибо он обеспечит всеобщее благо. Он будет создан не для возвышения того или иного человека, а для того, чтобы служить на пользу всем людям, для которых он предназначен. Пора избавиться от

всех честолюбцев, пора уничтожить человеческую гордыню. Пора разрешить, наконец, на деле прекрасную проблему: *чтобы каждый из нас зависел только от учреждений и законов и чтобы никто из нас не держал никого в зависимости от себя.*

7. МАНИФЕСТ РАВНЫХ¹²³

*Действительное равенство —
конечная цель социального искусства.
Кондорсе. Картина человеческого разума.*

Народ Франции!

В течение пятнадцати столетий ты жил рабом и, следовательно, был несчастен. Вот уже шесть лет как ты, затаив дыхание, ждешь независимости, счастья и равенства.

Равенство! Первое требование природы, главная потребность человека, главный узловой пункт всякой законной ассоциации! Народ Франции! Ты не был поставлен в более благоприятные условия, чем другие нации, прозябающие на этой несчастной земле! Всегда и повсюду жалкий род человеческий, отданный во власть более или менее ловких людоедов, служил игрушкой в руках всяких честолюбцев, жертвой всяких видов тирании. Всегда и повсюду людей убаюкивали красивыми словами; никогда и нигде слово не претворялось в дело. С незапамятных времен нам лицемерно повторяют, что *люди равны*; с незапамятных времен над человеческим родом дерзостно тяготеет самое унижительное, самое чудовищное неравенство. С тех пор как существуют гражданские общества, существует единодушное признание того, что такое лучший удел человека, но ни разу еще он не был претворен в действительность: равенство являлось не чем иным, как красивой и бесплодной фикцией закона. Сейчас, когда его требуют более настойчиво, нам отвечают: «Замолчите, несчастные! Фактическое равенство лишь химера; довольствуйтесь условным равенством: все вы равны перед законом. Каналья, чего тебе еще надо?» Чего нам еще надо? Законодатели, правители, богатые собственники, послушайте вы нас, в свою очередь.

Все мы равны, не так ли? Этот принцип неопровержим, ибо, только лишившись рассудка, можно со всей серьезностью назвать день ночью.

Так вот! Отныне мы претендуем на то, чтобы жить и умереть равными, подобно тому, как мы родились равными. Мы хотим действительного равенства или смерти — вот чего нам надо.

И мы будем его иметь, это действительное равенство, чего бы оно нам ни стоило. Горе тем, кто станет между ним и нами! Горе тем, кто будет оказывать сопротивление столь ясно выраженной воле!

Французская революция лишь предвестник другой, более великой, более торжественной революции, которая будет последней.

Народ раздавил королей и священников, объединившихся против него; он поступит точно так же с новыми тиранами, с новыми политическими тартюфами, занявшими место прежних.

Чего нам еще надо, кроме равенства в нравах?

Нам надо, чтобы это равенство было не только записано в Декларации прав человека я гражданина; мы хотим иметь его среди нас, под нашей кровлей. Ради него мы согласны на все; *согласны смести все, чтобы держаться* его одного. Пусть исчезнут, если надо, все искусства, только бы нам осталось подлинное равенство!

Законодатели и правители, не обладающие ни талантом, ни добросовестностью, богатые и бессердечные собственники, напрасно пытаетесь вы лишить силы наше святое начинание, заявляя: они хотят воспроизвести лишь аграрный закон, который не раз требовали до них.

Клеветники, замолчите и вы, в свою очередь, и послушайте в молчаливом смущении наши требования, продиктованные природой и основанные на справедливости.

Аграрный закон, или раздел обрабатываемых земель, был кратковременным требованием некоторых беспринципных солдат, некоторых племен, движимых скорее инстинктом, нежели разумом. Мы же стремимся к чему-то более возвышенному и более справедливому, к общественной собственности или к общности имуществ! Нет более частной собственности на землю, *земля не составляет ничьей собственности*. Мы требуем, мы хотим общего пользования плодами земли: *плоды принадлежат всем*.

Мы заявляем, что не потерпим более, чтобы подавляющее большинство людей в поте лица трудилось в подчинении ради наслаждений ничтожного меньшинства.

Менее миллиона человек слишком долго обладает тем, что принадлежит более чем двадцати миллионам им подобных, равноправных с ними людей.

Пусть будет положен конец этому великому позору, который покажется невероятным нашим потомкам. Пусть исчезнут, наконец, возмутительные различия между богатыми и бедными, большими и малыми, господами и слугами, *правлящими и управляемыми*.

Пусть не существует более между людьми иного различия кроме различий возраста и пола. Поскольку все имеют одни и те же потребности, как и одни и те же способности, то пусть они получают одинаковое образование, одинаковую пищу. Все они довольствуются одним солнцем и одним воздухом; отчего же им не обходиться одинаковым количеством и одинаковым качеством продуктов?

Однако противники самого естественного, какой только можно себе представить, порядка вещей выступают уже против нас в высокопарном тоне.

Дезорганизаторы, мятежники, заявляют они нам, вы хотите лишь бойни и добычи.

Народ Франции,

Мы не станем терять время на то, чтобы возражать им, но мы скажем тебе: святое начинание, организуемое нами, имеет единственной целью положить конец гражданским распрям и нищете народа.

Никогда еще не был задуман и осуществлен более широкий план. Время от времени отдельные гениальные люди, отдельные мудрецы заговаривали об этом едва слышным, неуверенным голосом. Ни у кого из них не нашлось мужества высказать всю правду.

Наступило время великих мероприятий. Зло достигло апогея — оно покрыло лицо земли. В течение многих столетий на ней царит хаос под именем политики. Пусть все будет приведено в порядок и станет на свое место. Пусть по призыву равенства организуются элементы справедливости и счастья. Настал момент для основания *Республики равных*, этого великого прибежища, открытого для всех людей. Настали дни всеобщего возврата к нормальному состоянию. Страждущие семьи, садитесь за общий стол, накрытый природой для всех ее детей.

Народ Франции, тебе уготована величайшая слава! Да, именно ты должен первый представить миру это трогательное зрелище.

Старые привычки, давнишние предубеждения будут снова препятствовать установлению *Республики равных*. Возможно, что организация действительного равенства, единственного, отвечающего всем потребностям, не приносящего никого в жертву и не требующего жертв, на первых порах понравится далеко не всем. Эгоист, честолюбец будет дрожать от бешенства. Люди, несправедливо обладающие

2. Вследствие чего же между людьми могло установиться неравенство в пользовании этим правом, как только они поселились поблизости друг от друга на необработанной земле? Вследствие их природного неравенства? У всех у них одни и те же органы, одни и те же потребности. Вследствие зависимости одних от других? Но ведь никто из них не был достаточно сильным, чтобы поработить своих ближних, которые при малейшем недовольстве могли разбрестись в разные стороны; преимущество же взаимопомощи и общего благожелательства делало для них всех необходимым уважать права других людей, которыми те наделены от природы. Вследствие жестокости их сердец? но сострадание есть непосредственное следствие их организации, и эта жестокость рождается от напряжения страстей. Не вследствие ли врожденной склонности к унижению и порабощению? Но ведь один вид различий является даже для самых диких людей прискорбным ощущением, источником зависти и ненависти.

3. Если семья являлась прообразом общества, то она является также самым разительным обоснованием права, о котором мы ведем речь. Равенство в семье служит залогом нежности родителей, согласия и счастья детей. А когда оно нарушено? Печаль и ревность вносят в дом беспорядок и нарушают покой. Все, вплоть до любви родителей, внушает детям ненависть к пристрастию. Сами родители, прибегая к нему, рискуют внести в семью опасные страсти.

4. Первоначальными договорами безусловно было введено самое строгое равенство, ибо что могло заставить людей, бывших до того противниками всяких различий, согласиться на лишения» на низкий уровень существования?

5. Забвение этого равенства ввело среди людей: ложные представления о счастье; разнузданность страстей; вырождение человеческого рода; насилия, волнения, войны; тиранию одних и угнетенное положение других.

Гражданские, политические и религиозные учреждения, утверждающие несправедливость, в конечном счете разлагают общество, после того как в течение долгого времени они раздирали его на части.

Зрелище различий, роскоши и наслаждений, которыми масса народа не пользуется, служило и будет всегда служить для нее неисчерпаемым источником терзаний и беспокойств. Только небольшому числу разумных людей удастся уберечь себя от коррупции. Отныне умеренность является благом, которое заурядный человек не ценит более, поскольку сам он удалился от нее.

Разве не создают себе немногие граждане новые потребности и не вносят в свои удовольствия утонченность, неведомую массе населения? Простоту больше не любят, не находят больше счастья в деятельном образе жизни, как и в спокойствии души; различия и наслаждения становятся высшим благом; все недовольны своим положением и все тщетно ищут счастья, которому неравенство закрыло доступ в общество.

Чем больше добиваются отличий, тем больше их желают, тем более возбуждают ревность и алчность. Отсюда такое множество сумасбродных начинаний; столь ненасытная и преступная жажда золота и власти; ненависть, насилия, убийства; кровопролитные войны, вызываемые духом завоевания и торговым соперничеством, не дающими ни минуты покоя несчастному человечеству.

Среди этого смятения умов инертность и горести приводят к гибели одну часть человеческого рода, вызывают раздраженное состояние у другой его части и готовят для общества поколения, неспособные его защищать. Привязанность к отличиям рождает меры предосторожности, предпринимаемые для их сохранения, несмотря на зависть и недовольство, вызываемые ими; этими мерами предосторожности являются варварские законы, исключительные формы государственного управления, религиозные измышления, рабская мораль — словом, тирания, с одной стороны, угнетение, с другой. Однако полностью заглушить голос природы невозможно; иной раз она заставляет трепетать ее неблагодарных детей. Своими внезапными проявлениями она мстит за слезы человечества, и если ей редко удастся восстановить человечество в его правах, то она всегда приводит к низвержению обществ, не признававших законов природы.

Поскольку равенство имущественного положения есть следствие одинаковости наших органов и наших потребностей, поскольку общественные и личные невзгоды, общественная разруха составляют необходимое следствие наносимого обществу ущерба, то, следовательно, это равенство составляет естественное право.

Ст.2. Цель общества — защищать это равенство, часто подвергающееся в условиях естественного состояния нападению со стороны сильных и злых, и увеличивать совместным трудом всех общественное благосостояние.

Доказательства

1. В данном случае под *обществом* разумеется ассоциация, регулируемая соглашениями, а под *естественным состоянием* — состояние случайного и несовершенного общества, в котором безусловно пребывали люди до того, как они подчинились законам.

Не вдаваясь в рассмотрение того, могли ли иметь место в естественном состоянии покушения вроде тех, о которых упоминается в данной статье, очевидно, что если неудобства этого состояния привели людей к решению установить законы, то это были неудобства, которые порождало нарушение равенства. Как бы то ни было, целью ассоциации является сохранение равенства, ибо только при его наличии объединенные между собой люди могут быть счастливы.

2. Объединением своих усилий люди, конечно, хотели обеспечить себе при наименьшей затрате труда возможно больше средств потребления, о которых они имели представление. Так вот, изобилие предметов первой необходимости обеспечивает эти потребности;

само же изобилие обеспечивается трудом членов ассоциации, который возможен для каждого из них только тогда, когда этот труд распределяется между всеми.

Ст.3. Природа возложила на каждого человека обязанность трудиться; никто не может избежать труда, не совершая преступления.

Доказательство

1. Труд является для каждого человека предписанием природы: 1) ибо человек, уединившийся в пустыне, не мог бы без всякого труда обеспечить себе средства к существованию; 2) ибо состояние деятельности, которое вызывается умеренным трудом, является для человека источником здоровья и доброго духа.

2. Эта обязанность не может быть уменьшена обществом ни в отношении всех его членов, ни в отношении каждого из них: 1) ибо от этого зависит сохранение самого общества;

2) ибо труд каждого члена общества возможен лишь в том случае, когда в нем участвуют все.

Ст.4. Все виды труда и пользование их плодами должны быть общими.

Разъяснение

Это означает, что все должны нести одинаковую долю труда и в равной мере пользоваться его плодами.

Справедливость этого принципа вытекает из доказательств вышеизложенных статей 1 и 3. Однако, что подразумевается под общностью труда? Хотят ли, чтобы всех граждан заставляли заниматься одним и тем же делом? Нет, хотят лишь такого распределения разнообразных работ, чтобы ни один способный к труду человек не оставался праздным; чтобы увеличение числа трудящихся гарантировало обществу изобилие и в то же время сокращало труд каждого его члена; чтобы каждый человек получал в награду от отечества средства к удовлетворению его естественных потребностей, как и немногих искусственных потребностей, удовлетворение которых доступно всем.

Могут возразить: что станет с произведениями мастерства, требующими времени и дарования? Не следует ли опасаться того, что, будучи вознаграждаемы не лучше других, они придут в упадок во вред обществу? Софизм! Усилия человеческого дарования были во все времена обязаны своим существованием любви к славе, а не жажде богатства. Миллионы бедных солдат обрекают себя каждодневно на смерть во имя чести служить капризам жестокого начальника. Как же можно сомневаться в чудесном воздействии, которое окажут на человеческое сердце

ощущение счастья, любовь к равенству и к отечеству, побуждения мудрой политики? К тому же, разве была бы у нас потребность в бьющем в глаза искусстве и в мишуре роскоши, если бы мы имели счастье жить под сенью законов равенства?

Ст.5. Угнетение имеет место тогда, когда один истощает себя в труде и испытывает нужду во всем, в то время как другой, ничего ни делая, утопает в изобилии.

Доказательства

1. *Неравенство и угнетение являются синонимами:* если угнетать кого-либо значит нарушать в отношении его закон, то те, кого отягощает неравенство, являются угнетаемыми, ибо неравенство ущемляет естественный закон, которому абсурдно противопоставлять человеческие законы.

2. Угнетать — значит либо ограничить возможности того или иного человека, либо увеличить его обязанности. Это как раз и есть то, что творит неравенство, сокращая потребление того, чьи обязанности оно увеличивает.

Ст.6. Никто не может присвоить в свое исключительное владение блага, которые дает земля или промышленность, не совершая тем самым преступления.

Разъяснение и доказательства

Если доказать, что неравенство не имеет иной причины, кроме этого исключительного присвоения в свою пользу, то тем самым будет доказано преступление тех, кто ввел различие между *моим и твоим*.

С того момента, когда земля оказалась поделенной, возникло исключительное право собственности. Тогда каждый человек сделался исключительным обладателем всего, что он мог извлечь из доставшегося ему поля и из своего мастерства.

Возможно, что люди, занявшиеся изготовлением предметов первой необходимости, были в то же время устранены от всякого владения землей, обрабатывать которую у «их не было времени. Таким образом, одни остались обладателями жизненно необходимых вещей, между тем как другие получили право лишь на денежный заработок, который угодно было им платить. Эта перемена тем не менее не привела к заметному изменению в распределении благ, поскольку число лиц наемного труда не превышало число владельцев земли.

Но как только вследствие естественных случайностей — экономии или умения одних, расточительства или неспособности других — земельная собственность оказалась в руках незначительного числа семейств, число лиц наемного труда оказалось гораздо больше числа лиц, пользующихся наемным трудом; они очутились во власти последних, которые в своем высокомерии богачей довели их до весьма скудного существования.

От этого переворота ведут свое происхождение пагубные последствия неравенства, изложенные в первой статье. С этого времени можно видеть праздноголюбца, живущего, вследствие возмутительной несправедливости, за счет тяжкого труда человека, изнуренного бременем утомительной работы и лишений; можно видеть богачей, завладевших государством и, в роли хозяев, диктующих тиранические законы бедняку, скованному нуждой, униженному невежеством и обманутому религией.

Несчастья и рабское положение проистекают от неравенства, а неравенство — от собственности. Собственность, следовательно, есть величайший бич общества; это поистине общественное преступление.

Нам скажут, что право собственности более старо, чем само общество, которое было учреждено для того, чтобы это право защищать. Но каким же образом можно было получить представление о существовании подобного права до того, как собственнику путем договоров были обеспечены плоды его труда? Каким образом общество могло оказаться обязанным своим происхождением институту, подрывающему всякое общественное чувство?

Наконец, пусть не говорят, что справедливо, чтобы человек трудолюбивый и бережливый был вознагражден богатством, а праздный был наказан нищетой. Конечно, справедливо, чтобы деятельный человек, выполнив свой долг, получил от отечества то, что оно в состоянии ему дать без ущерба для себя; справедливо, чтобы он был вознагражден общественным признанием; но он не приобретает тем самым права наносить вред своей стране, точно так же как солдат благодаря своей храбрости не приобретает права поработить свое отечество.

Хотя и существуют дурные люди, которые должны приписать своим собственным порокам нищету, в которую они впали, но это далеко еще не значит, что все неимущие должны быть отнесены к этому классу людей. Множество земледельцев и фабричных рабочих, которых совершенно не жалеют, живут на хлебе и воде для того, чтобы гнусный распутник мирно наслаждался наследством бесчеловечного отца, как и для того, чтобы фабрикант-миллионер отправлял по низкой цене ткани и безделушки в страны, поставляющие нашим праздным сибаритам благовония из Аравии и птиц из Колхиды. Да и разве существовали бы дурные люди, если бы их не втягивали в пороки и безумства социальные учреждения, которые в их лице карают результаты страстей, развитию которых они сами же способствовали.

Ст.7. В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных.

Ст.8. Богачи, не желающие отказаться от своего избытка в пользу неимущих, являются врагами народа.

Ст. 9. Никто не вправе путем накопления всех материальных средств лишать другого просвещения, необходимого для его блага: образование должно быть общим для всех.

Доказательства

1. Это накопление лишает людей труда всего, вплоть до возможности приобретения знаний, необходимых каждому доброму гражданину.

2. Если у народа и нет необходимости в широком образовании, то он все же нуждается в просвещении, чтобы не сделаться жертвой хитрецов и мнимых ученых. Ему важно знать свои права и свои обязанности.

Ст.10. Цель революции — уничтожить неравенство и восстановить всеобщее благо.

Доказательства

Найдется ли такой честный человек, который хотел бы подвергнуть своих сограждан конвульсиям и бедствиям политического переворота, цель которого сделать их еще более несчастными, либо поставить их в такое положение, которое должно привести их к полному разорению? Умело уловить момент для преобразования — далеко не малая задача искусного и добродетельного политического деятеля.

Ст.11. Революция не завершена, так как богачи захватывают все блага и одни пользуются властью, в то время как бедняки трудятся, как настоящие рабы, изнемогают в нищете и не имеют в государстве никакого значения.

Ст.12. Конституция 1793 г. является для французов подлинным законом, ибо народ ее торжественно принял; ибо Конвент не имел права вносить в нее изменения; ибо для того, чтобы добиться этого, он велел расстреливать народ, требовавший ее исполнения; ибо он изгнал и убил депутатов, которые защищали ее, исполняя свой долг^{}; ибо террор против народа и влияние эмигрантов^{***} играли преобладающую роль при выработке и так называемом утверждении конституции 1795 г., не собравшей даже четверти избирательных голосов, полученных конституцией 1793 г.; ибо конституция 1793 г. закрепила неотъемлемые права каждого гражданина давать свое согласие на законы, осуществлять свои политические права, пользоваться правом собраний, требовать того, что он считает полезным, получать образование и не умирать от голода. Эти права открыто и всецело нарушены контрреволюционным актом 1795 г.**

Ст.13. Каждый гражданин обязан восстановить и защищать в конституции 1793 г. волю и благо народа.

Ст.14. Все органы власти, ведущие свое происхождение от мнимой конституции 1795 г., противозаконны и контрреволюционны.

Ст.15. Лица, поднявшие руку на конституцию 1793 г., виновны в оскорблении народного суверенитета.

9. ПИСЬМО СВОБОДНОГО ФРАНКА, СОЛДАТА АРМИИ, РАСПОЛОЖЕННОЙ ВОКРУГ ПАРИЖА, ЕГО ДРУГУ ТЕРРОРУ, СОЛДАТУ РЕЙНСКОЙ АРМИИ

125

Мы..., мой бедный друг Террор; да, мы...^{****} и будем оставаться без средств, если до конца проглотим пилюлю, которую нам положили в рот. Напрасно изломали мы копья свои в борьбе против низких приспешников коронованных хищников; напрасно стояли мы бивуаком, голодали, боролись, трудились до седьмого пота и в продолжение четырех лет били вшей и уничтожали рабов. Мы стреляли по воробьям, и свобода, достойный предмет наших желаний, священная цель наших трудов, так же как и сладостное равенство, ее неразлучный спутник, отныне являются лишь пустыми изображениями, запечатленными на кухонных тряпках наследников К...¹²⁶, лишь пустым дымом, наподобие дыма моей трубки. Под видом порядка и дисциплины *мы и все наши братья санкюлоты привязаны, словно собаки, к цепи на заднем дворе, с той разницей, что псам, когда они лают, бросают кусок, чтобы заткнуть им глотку, а нам не дают рта раскрыть.*

* 1 прериаля III года и в следующие дни.

** Бурбот, Дюруа, Дюкенуа, Гужон, Ромм и Субрани были преданы смерти. Пейсоар был сослан, а Форестье приговорен к лишению свободы.

*** Популярных людей открыто убивали или заполняли ими тюрьмы; множество эмигрантов и в особенности те, кто дезертировал после революции 31 мая, были после 9 термидора II года, возвращены.

**** Пропуск в подлиннике. — Ред.

О, имя трижды мошенника Д...! Мой храбрый Террор, разве покинули бы мы когда-либо свои очаги, своих жен, детей, отцов, матерей, чтобы повергнуть в прах подлецов, угрожавших нашему отечеству, если бы мы предполагали, что пока мы... рот эмигрантам и наступаем на горло королям, *тигры в золоченой шкуре задушат, раздерут на части и сожрут наших родных, друзей, самую свободу?* Да, мой друг, да: как ни странно то, о чем я тебе сообщаю, тем не менее верно и то, что такой... , как ты, стоит больше сотни... таких, как те, кто нами управляет. Когда я набросаю тебе картину, которая уже десять месяцев стоит здесь перед моими глазами, ты в этом убедишься. Я не стану сопровождать ее никакой клятвой для того, чтобы ты поверил в нее, ибо после клятвы верности конституции 1793 г. я видел лишь клятвы бездушных и бесчестных негодяев.

1. Неслыханная спесь двора и бывшей знати вынудила нас сокрушить трон. Мы установили народное правление или, как выражается отец Латюлип, правление, при котором каждый имел право считать себя буржуа. Пока мы отовсюду собирали вокруг себя... , которые считали нужным порицать то, что нам угодно было делать у себя, подлые слуги, которым мы доверили заботу о наших делах, умертвив сначала тех из их среды, кто хотел остаться нам верен, водворили под названием Исполнительной директории *пять львов, которых они нарядили в попоны, на которых надели упряжь и разукрасили, словно провансальских мулов, окружив Скапенами, Скарамушами, Картушами,* и все они вместе взятые умножили впятеро спесь, наглость, тиранию и деспотизм... умершего Капета, их достойного предшественника.

2. Правительство, которое мы оставили в 93 году, использовало даже эгоизм для того, чтобы создать склады вещей и съестных припасов, необходимых для спасения отечества; правительство, которым его заменили наши вероломные слуги, не создало никакого иного государственного склада, кроме Кламарского, набитого тысячами трупов погибших от голода республиканцев, которые вот уже 18 месяцев завозятся во всякое время возами в этот ужасный склад.

3. Дворяне всегда предавали нас, и мы одержали настоящую победу лишь тогда, когда изгнали их из наших армий. Сейчас же... храбрые офицеры из народа, приведшие нас к победе, у которых, как и у нас, все тело покрыто рубцами, недостойным образом отстранены и заменены шуанами из знатных и изысканных сословий.

4. Париж, этот прекрасный Париж 1793 г., в котором свобода, равенство и изобилие создали из всего народа счастливейшую семью, сейчас представляет лишь наводящий ужас лес, полный хищных волков и испускающих дух овец; волки — это правители и богачи; овцы — патриоты, наши родные, наши братья.

5. Наши товарищи по оружию, изувеченные в сражениях, здесь раздавлены или оклеветаны, облиты грязью и презрением властью имущими и их подлыми лакеями; большинство из них доведено до нищеты. Да будет проклята неблагодарность отечества, за которое они проливали свою кровь. «Они неправы, дорогой товарищ», — скажешь ты. Нет, друг мой, это не так. Их скорбные стенания прекратятся лишь тогда, когда мы отомстим за них. И это, надеюсь, будет скоро!..

6. Командующие здесь нами генералы — низкие льстецы, которым, в свою очередь, льстят пятеро разукрашенных мулов, — держат нас, под видом дисциплины, в самом гнусном порабощении. Загнав нас, словно глупое стадо, в военное училище, нас лишили возможности общаться с нашими друзьями, нашими родными. О, они, несомненно, боятся, как бы слезы наших близких не тронули наших сердец и не вдохновили наше мужество справедливой мстостью. Но как бы тираны ни старались... , они скоро узнают, что, хотя нас и считают орудием угнетения, предназначенным главным образом для повинования, мы являемся также мстителями за права каждого человека и всего человечества.

7. Правительство 93 г. в награду за одержанную нами победу обеспечило за нами, мой дорогой товарищ, все, что осталось от врагов отечества. Нынешнее правительство под названием реституции отдает нашим врагам то, что мы отвоевали у них, и что служило гарантией для наших республиканских денежных знаков. Отсюда следует, что правящие нами злодеи, бесстыдно сбросив красный колпак, который они недостойны были носить, надели себе на голову зеленый, и в довершение своего бесчестия они продолжают обещать нам миллиард, а на деле оставляют нам в награду палатки, которых они лишали нас во время трех походов, чтобы изготовить из них для каждого из нас нищенскую суму!

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная Ст. В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

ДОКУМЕНТЫ

Vive Liberta и *Век Просвещения*, 2009

**** Пропуск в подлиннике. — Ред.

***** Пропуск в подлиннике. — Ред.

***** Пропуск в подлиннике. — Ред.

***** Пропуск в подлиннике. — Ред.

***** Пропуск в подлиннике. — Ред.

***** Пропуск в подлиннике. — Ред.

Я никогда не кончил бы, мой милый Террор, если бы взялся изобразить все ужасы, которые я здесь вижу вокруг себя. Но будучи более привычен сражаться, нежели жаловаться, столь же терпеливый в скорби, как и страшный в мщении, я жду лишь, мой дорогой товарищ, вместе с десятью миллионами угнетенных демократов, того момента, когда мир с внешними врагами позволит тебе и твоим товарищам по оружию возвратиться к вашим домашним очагам. Тогда мы все вместе докажем Франции и всему миру, что мы так же хорошо умеем наказывать предателей и сдерживать данную нами в 93 году присягу, как умели одерживать победы над сворой...***** Привет и братство!

Подпись: *Твой брат Свободный франк.*
Париж, 24 жерминаля IV года грядущей демократической республики.

10. ПЕРВАЯ ИНСТРУКЦИЯ ТАЙНОЙ ДИРЕКТОРИИ, НАПРАВЛЕННАЯ КАЖДОМУ ИЗ ГЛАВНЫХ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ¹²⁷

Граждане,

Времена кризисов и т.д. (см. шестой документ от начала, кончая словами: «что он способен был бы совершить, если бы увидел во главе себя руководителей, достойных его полного доверия»).

Воодушевленные такими настроениями, мы тотчас пришли к необходимости обратить взор на людей, способных помочь нам в славнейшем начинании. На вас, граждане, ввиду всего вашего поведения, многочисленных актов безупречной преданности отечеству в продолжение всего хода революции, как и ужасных испытаний в дни преследования всех тех, кто являлся патриотом и добродетельным человеком, — на вас остановили свой взор люди, выступившие первыми мстителями за преданное отечество, чтобы облечь вас своим главным доверием и возложить на вас первые и главные операции.

Та часть сокровенного, которую Тайная директория общественного спасения вам сообщает, весьма ценна и важна. Сохранение ее в тайне требует большой скромности, осторожности, активности и любви к всеобщему благу, оно требует всех человеческих добродетелей, какие Директория в вас предполагает.

Свою основную организацию, как и организацию ее взаимоотношений с вами, Тайная директория взвесила на весах благоразумия и осмотрительности. Она сочла необходимым установить главных агентов при разных воинских частях, расположенных внутри и вокруг парижской коммуны; при этом она таким образом скомбинировала способы их связи с нею, что общение будет почти непосредственным, с тем, однако, что ни один из этих агентов не сможет узнать, кто входит в состав Директории.

Смысл такой предосторожности и т.д. (см. шестой документ, начиная от этих слов, кончая словами: «замешательство и ужас, которыми будут охвачены самые отважные граждане»).

Таковы, республиканцы, и т.д. (см. снова шестой документ, начиная от этих слов, кончая словами: «в одинаковой ее непоколебимости у двенадцати лиц», вместо чего следует читать: «в одинаковой ее непоколебимости у нескольких лиц». См. затем буквально, кончая словами: «вы обнаружите это во всех ее действиях»).

Вооружаясь и т.д. (см. в шестом документе, весь абзац без всяких изменений). Тайная директория довела предусмотрительность и т.д. (см. весь параграф, за исключением двух мест, в которых говорится о *двенадцати агентах*, где надо читать: *агенты*, и продолжать до конца, кончая словами: «подвергнуть опасности судьбу свободы»).

при них играете. Следовательно, вы сами должны будете тщательно соблюдать осторожность и с величайшим вниманием следить за тем, чтобы не выдать себя ни признанием, ни откровенностью с кем бы то ни было: не при нынешних обстоятельствах можно позволить себе давать полное удовлетворение самолюбию. Пожертвуем мелким, тщеславным желанием создать видимость ради преимущества совершить в действительности нечто реальное. Ничто так не обеспечивает крупные и подлинные успехи, ничто не может дать лучшего внутреннего удовлетворения, как сознание того, что являешься невидимым орудием, при помощи которого приходят в движение великие силы. Мы отдаем в этом случае нашему дарованию и нашей скромности дань заслуженного уважения, гораздо большего, чем то, какое приписывает себе поспешное самохвальство всякого, кто хотел бы прослыть главным действующим лицом на политической арене. Достаточно будет еще времени, чтобы пожинать рукоплескания наших братьев, когда мы спасем их. Нам, следовательно, представляется вполне осуществимым, чтобы главные агенты стимулировали, питали и направляли энергию солдата, почти не подавая вида; ибо, поскольку речь идет о том, чтобы только фиксировать его внимание на нарушении всех прав народа и на тяжелом и плачевном положении, до которого доведены сейчас гражданское

***** Пропуск в подлиннике. — Ред.

население и солдаты, то повторяющиеся беседы, частые дискуссии, которые, как мы уже говорили, вы будете вызывать по этому важному предмету, могут вестись исключительно при помощи газет и других популярных сочинений. И вам нетрудно будет передавать эти сочинения, непосредственно или через посредников, но не оставляя следов, незаметным образом и так, чтобы вы везде могли оставаться лишь простыми наблюдателями.

Так как распространение сочинений является главным средством, на которое мы рассчитываем, то для того, чтобы начать серьезные дискуссии, к которым мы хотим приучить солдата, мы и рекомендуем вам это средство. Выбор этих сочинений будет для вас нетруден, и вы легко распознаете те из них, которые являются доброкачественными. К тому же сама Директория общественного спасения будет переправлять их вам для раздачи в достаточном количестве. Кроме сочинений, *вам будут предоставляться, когда в этом явится необходимость, и другие средства воздействия.* Газеты, о которых мы говорили выше, будут значительной мере служить вам компасом и затем в качестве общих инструкций. До сих пор они проповедовали наши принципы, как принципы всех истинных демократов. Полагаем, что они и впредь будут продолжать проповедовать и что в их доктрине вы всегда сможете распознать нашу доктрину. Поддерживать или приветствовать ее — вот почти все, к чему может свестись ваша видимая роль; а для этого вам незачем выходить за пределы таких проявлений, при которых вы выступаете лишь рядовыми действующими лицами, простыми слушателями и присутствующими, как и все прочие. Кроме того, часть записей и донесений, которые должны быть сделаны лишь в строжайшей тайне, составляют вашу секретную миссию. Эту последнюю часть вашей миссии мы не станем подвергать детальному рассмотрению; ход ее выполнения в достаточной степени определен статьей 5 организационного устава, как и тем, что сказано нами выше в данной инструкции.

Говоря вам о том, что популярные газеты и т.д. (читай этот абзац, кончая словами: «порыв свобододоблюбивых людей»). См. шестой документ).

Итак, насколько необходимо удерживать умы в должном напряжении, настолько же бесполезно и даже опасно было бы слишком быстро и до крайности их воспламенять. Мы уверены, что у народа мнение уже сложилось; мы не сомневаемся более и в том, что мнение ряда батальонов также сложилось; но нам точно известно и то, что существуют различные воинские части, которых при помощи коварства и вероломства до сих пор держат в заблуждении. Следовательно, существенно важно для наибольшей верности победы, чтобы все — гражданское население и солдаты — были одинаково настроены. Нельзя, стало быть, побуждать одних к крайним мерам, которые должны непосредственно предшествовать моменту взрыва, в то время как другие будут весьма далеки от такого умонастроения. Итак, нам надо дать время, чтобы вывести из заблуждения хотя бы большинство наших товарищей, предостеречь их от коварных ласк правительства, которое хочет использовать их для того, чтобы их же первых подчинить нету, а вместе с ними и народ. Таким образом, будет благоразумно, как сказано в инструкции, возбуждать наиболее просвещенные умы лишь в строгом соответствии с нарастанием показаний термометра, на меняющуюся степень нагрева которого всегда будет указывать Тайная директория.

Мы отнюдь еще не представили вам самый могучий, с нашей точки зрения, рычаг, способствующий возвышению души и возрастанию мужества солдата. Мы предлагаем его вам. Люди — это давно признанная истина — приходят в сильное движение лишь во имя своих интересов; общий интерес составляется из суммы частных интересов. Эти-то интересы и надлежит удовлетворить, для того чтобы действительно осуществить всеобщее благо, и так как эти интересы являются самой могучей движущей силой, способной заставить людей действовать, то отсюда следует, что когда пускают в ход это великое средство, то этим осуществляют самое правое дело, наиболее способное обеспечить верный успех. Так поговорим же об интересах большинства, т.е. будем добродетельны и справедливы и тем самым овладеем наиболее верным средством успеха.

Революция была предпринята именно в интересах большинства. Она была предпринята потому, что до нее большинство находилось в тяжелом социальном положении и хотело его изменить, чтобы добиться лучшего. Интересы большинства побуждали преклоняться перед революцией до тех пор, пока существовала надежда, что эта перемена к лучшему произойдет в действительности. Интересы большинства побуждали к тому, чтобы возненавидеть революцию, как только стало ясно, что ее конечный результат есть перемена в еще худшую сторону. Те же интересы большинства побуждают нас начать новую революцию, которая, согласно нашему желанию, должна быть последней и конечная цель которой — превратить самое худшее в совершенное благо. Докажем же наибольшему числу людей возможность этой последней перемены. Более того, внушим ему уверенность в этом, и мы увидим, что его интересы побудят его обеспечить эту перемену энергичным и неодолимым воздействием своей воли и силы.

Говорить об интересах и цели людей, защищавших отечество, можно и должно главным образом с двух точек зрения: с точки зрения их интересов в применении к их настоящей участи, а с точки зрения их интересов в применении к их будущей участи.

Разве не правдивую картину нарисуете вы перед глазами солдата, изобразив его настоящее положение так, что он будет представлен неимущим, подобно народу, нагим, как и он, таким же голодным, таким же униженным? Я вижу несчастливца, возвращающегося с границы. В каком он положении? Один его вид вызывает во мне догадку о том, что те, кто им управляет, являются лучшими друзьями деспотов, против которых он сражался. Я вижу его безмерно наказанным ими за то, что он поверг в прах их сателлитов. И действительно, он исхудал, бледен, он падает с ног от изнеможения. Я задаю ему вопросы. Он заявляет мне, что нет ничего удивительного в том плачевном состоянии, в каком я его вижу, если судить по причинам, которые он мне разъясняет. Я узнаю, что ему платят меньше, чем самой мерзкой немецкой солдатне. С тридцатью су бумажными деньгами и двумя су в день звонкой монетой нельзя не умирать от голода. В общем, с ним обращаются хуже, чем с уланом, этим германским рабом, хуже, чем с огрубевшим, опустившимся, почти потерявшим человеческий облик сбиром, входящим в состав легионов, которые почти содержит как наемников Франц Австрийский и жалкий вид которых вызывал во мне такое сострадание в начале революции. Солдат моей страны не только умирает теперь от голода; он разут, раздет, не в состоянии отдать в стирку свою рубашку, так как это стоит тридцать франков, а где ему их взять? Но мало того, что он не имеет ни одежды, ни пищи; надо, чтобы у него были еще огорчения, досады, чтобы его раздирала масса терзаний, которые украшаются наименованием воинской *дисциплины*, являющейся по существу тиранией, более усовершенствованной, чем во времена министров-дворян Людовика XVI. Солдат теперь в гораздо большей степени является автоматом, он гораздо более зависим от своеволия низших чинов. Он всего лишь рабски движущаяся машина, которая не должна ничего знать кроме команды. Рассуждать, говорить и даже думать ему запрещено. К тому же тираническую власть над ним осуществляют не те, кто был вместе с ним в период опасностей военного времени; чинами наделены отнюдь не самые храбрые; почестями вознаграждены вовсе не те, кто наиболее отличился в борьбе против всех врагов свободы. Напротив, те, кто сейчас командует, в большинстве своем трусы, интриганы и даже контрреволюционеры — подлинные военные заслуги преданы забвению и позору. Таким образом, защитник отечества изнемогаем под бременем всевозможных бедствий. Он раздет, голоден, находится под жестоким кнутом презренных начальников, которые отнюдь не сражались за республику, питают к ней ненависть, а вместе с ней ненавидят и тех, кто проливал кровь во имя ее победы. Если среди массы солдат, пребывающих в нищете и лишениях, и существуют некоторые исключения, то это делается умышленно в силу крайнего коварства и низости. Некоторых подкармливают для того, чтобы основательнее поработить всех остальных. Эти раздачи *вина*, *водки* батальонам, наиболее близко расположенным к местам охраны *самого* революционного города (Парижа), от которого постоянно ждут со страхом энергичных порывов во имя свободы; это гораздо более выгодное, даже великолепное жалованье, которым вознаграждаются избранные роты, непосредственно назначаемые для охраны правительства, — все это мед на кончике палки, которая должна опуститься на спину народа. Если несчастные, пользующиеся этими щедротами, платят тем, от кого они их получают, слепым повиновением, которое от них за это требуется, то их можно считать людьми, предающими отечество и свободу.

Такова приблизительно более чем правдивая картина нынешнего положения солдата, которую вы можете часто пытаться изобразить перед ним. С этой первой картиной вы должны сопоставить картины его будущего положения, которое весьма легко предвидеть. Она будет далеко не веселой.

Покажите солдатам, что их ждет, когда они возвратятся к своим очагам. Что найдут они там? Величайшую нужду, во много раз большую, нежели нужда, тяготевшая над их несчастными отцами. Чтобы обеспечить себе успех, революция сулила им вполне заслуженное и законное возвращение за их славные подвиги во имя обеспечения ее успеха; революция сулила им национальные имущества, достаточные для того, чтобы обеспечить каждого из них пропитанием. С получением этого воздаяния, достойного их трудов, они спокойно и счастливо проводили бы в почетной отставке остаток жизни, создали бы множество новых семей, вырастили бы новое поколение в любви к отечеству, в котором — как они с гордостью могли считать — сами они утвердили счастье; тысячу раз, все с новым восторгом, с новой нежностью они рассказывали бы своим восхищенным детям, благодаря какому содействию и каким отважным поступкам им удалось сбросить иго угнетателей и богачей и заложить основы своей независимости. Вместо всего этого кем будут они? Что случилось с собственностью, которая была им торжественно обещана и гарантирована множеством декретов? Она употреблена на обеспечение *миллиарда наличными*, т.е. 300 нынешних *миллиардов бумажными деньгами*. Где они, государственные владения республики, эквивалентные этой сумме? Их вернули изменникам, у которых они справедливо были конфискованы. Возвратившись в свою хижину, защитник отечества не должен был застать ее более во владении наглого мелкопоместного дворянина, который в качестве собственника всей земли заставлял его отца трудиться, подобно рабу, обращался с ним во всех отношениях как с рабом, не кормил его и вполнину и не допуская, чтобы он был обеспечен одеждой. На обширных

владениях, захваченных этим ненасытным чудовищем, защитник отечества должен был найти свою долю, достаточную для того, чтобы собрать с нее необходимое для его пропитания. Ничуть не бывало: он застанет этого чудовищного хищника еще более неистовым, еще более безжалостным, чем когда-либо. В несчастном старом солдате тот увидит человека, который сражался против него, когда он был эмигрантом, который горячо желал его окончательной гибели и которому досадно, что эта гибель все еще не наступила. Человек из сословия сеньоров, заставит его долгое время раскаиваться в этом преступлении. Прежний защитник свободы проведет свою старость в жестоком порабощении и в ужасной нищете. Оскорбляемый в гораздо большей степени, чем его предки, унижаемый более, чем они, поносимый позорными кличками — *босьяк, каналья, чернь*, он должен будет, согласно прекрасному выражению предвидевшего все это автора подлинно народной газеты, пресмыкаться перед наглым владычеством богачей, быть их рабом, трудиться за мизерную плату с раннего утра до позднего вечера; смачивать одним лишь потом свой небольшой кусок черного хлеба, иссушенного зноем... Счастливы еще те, которые смогут таким образом влачить далее свое существование; остальные... пойдут нищенствовать. Калеки на деревянных ногах, люди с раздробленными челюстями, руками и т.д. заполнят улицы и дороги; едва передвигая ноги, они будут направляться к дверям людей, живущих в довольстве и изобилии, обращаться с унижительной просьбой к сотне из них и в девяносто девяти случаях получать оскорбительный отказ, а у сотой двери мелкую монету, тысячную долю стоимости куска хлеба, необходимого чтобы позавтракать.

Таков весьма наглядный, основанный на фактах обзор положения, которое ждет наших защитников, и вы должны приложить все свои усилия к тому, чтобы помочь им увидеть это собственными глазами.

Скажите им далее, что именно от них зависит отвратить эту ужасную перспективу, что для этого надо только помочь народу и его друзьям вновь отвоевать права для всех. Тех из них, кому вы сможете довериться и которые, по вашему мнению, смогут заблаговременно распространять то, о чем мы вам сообщим, *вы сможете даже заверить*, что с того дня, когда они помогут народу снова завладеть властью, они ни в чем не будут нуждаться: они будут иметь в изобилии все необходимое человеку. Скажите им, кроме того, что после этого всем солдатам будет на всю жизнь обеспечено изобилие и самая счастливая участь. Это вовсе не далекие и легковесные обещания с нашей стороны; все это будет одновременно осуществлено в действительности.

Чтобы лучше привести их к единственно подобающему народу и им, солдатам, умонастроению, заставьте их призадуматься над тем, кем они являются сейчас и в кого хотят их превратить; над причиной, по которой их привели к стенам Парижа. Пусть подумают о недостойном применении, которое намерены дать их штыкам, как и их рукам, и о славной роли, которую, напротив, они могут выполнить во имя своего же собственного счастья и блага их сограждан. Изложите им эти соображения приблизительно в том же духе, в каком им излагал это упомянутый уже нами народный журналист, у которого мы заимствуем еще следующие слова:

«Что делают многочисленные отряды войск, собранные вокруг лучшего из городов, города революции, колыбели свободы?.. Зачем их призвали сюда?.. Не подняли ли мятеж его жители?.. Не идет ли речь о том, чтобы их подавить?.. Следовало бы разъяснить все эти вопросы.

Не для защиты подлинного народа солдаты свободы грозно опоясали стены Парижа. С этим подлинным народом, трудовым народом, рабочим народом... здесь обращаются плохо, ему затыкают рот, его презирают, морят голодом, разоряют... биржевики и мошенники. Это-то отродье и подняло совершенно открыто преступнейший мятеж против подлинного народа. Но разве для того, чтобы подавить угнетателей и защитить угнетаемых наши воины выставляют тройной ряд штыков вокруг всего Парижа? Нет, совсем напротив...; их оружие и силу хотят употребить для того, чтобы окончательно закабалить угнетаемого под игом угнетателя, сохранить за последним его ненавистное господство, удерживать и в дальнейшем народ в жалком бессилии! О, если бы именно народ хотели защитить, то тогда незачем было бы отвлекать тех его братьев, назначение которых как раз и состоит в том, чтобы бороться против его внешних врагов. Народ, кроме того, обошелся бы собственными силами. Но когда массу народа хотят принести в жертву одной его части, тогда является нужда в посторонней помощи..., и эту помощь рассчитывают найти в людях, *главной* обязанностью которых считают послушание... Именно тогда, когда правительство и единственно покровительствуемая им порочная каста потеряли всякий стыд; когда бессовестно и неприкрыто в самом гнусном сообщничестве они с помощью свирепых постановлений, которые они смеют называть *законами*, узаконили всякого рода несправедливости, самую ужасающую нищету, возмутительнейшее порабощение; когда мера их преступлений перешла всякие границы и сделалась настолько очевидной, что долготерпению народа пришел конец и от его легковерия не осталось и следа... — тогда именно обращают взор к армии! Тогда для сохранения, для увековечения такой системы угнетения вооружают тех, кто покарал королей! Тогда учреждают *военное правление*, чтобы принудить народ подчиниться режиму, при котором хотят, чтобы он жил... голодный, раздетый, лишенный свободы... и притом чтобы отцы... мужа... сыновья... братья... родственники... сами навязали ему все это и, в случае неудачи, убивали своих же детей,

детей, жен, отцов, братьев, друзей, родственников!!! Солдат, вышедших из народа, являющихся тем же народом, противопоставляют, таким образом, другой части народа; при их помощи хотят упрочить это состояние рабства, унижения и голода... в тысячу раз худшее, чем бывшее рабство, против которого шесть лет назад с таким основанием было поднято восстание.

Нет, французские солдаты не будут гнусными сателлитами, жестоким и слепым орудием в руках врагов народа и, следовательно, их врагов... Только в тех случаях, когда власть стала преступной и хочет продолжать ею оставаться, она окружает себя штыками... Когда власть является справедливой, она неизменно сильна силой народа. К... до 14 июля укрепил себя войсками; известно, каковы были его намерения и какой суммой преступлений он хотел обеспечить себе безнаказанность. Разве преступным является рассмотрение того, не совершают ли то же самое его подражатели, потому что они руководствуются теми же мотивами, что и он?

Наши солдаты вспомнят, что армия К..., хотя и прошла школу монархической дисциплины, вела себя превосходно; она вспомнила, что происходит из народа; французские гвардейцы, опустившие ружья вниз перед санкюлотами¹²⁸, — вот пример, который будет вызывать восхищение в веках...

Нет, нет, никто не скажет, что защитники республики не оказались столь же великими, столь же благородными. Никто не скажет, что они заговорили таким ужасным языком:

Правители! узурпаторы всех прав народа! будьте покойны, не бойтесь, не придавайте значения единодушному воплю, который поднимают против вас и этот негодующий народ и его дерзновенные трибуны; оставайтесь глухи ко всем жалобам; попирайте его назойливые протесты против вашего ига, ибо в конце концов он ведь создан для того, чтобы это иго терпеть. Тираны! Мы ваши солдаты; мы поддержим ваш деспотизм и все ваши разбойничьи дела. Если потребуется, мы раздавим, разгромим наших отцов и наших братьев!! Мы выпустим внутренности из наших сестер и матерей!!! Мы уничтожим наших сыновей... чтобы поддержать ваше нестерпимое и беспримерное господство!!! Мы обязаны помочь вам прочно закабалить отечество! Мы должны собственными руками заковать себя в цепи...

Нет, и снова нет, никто не скажет, что защитники республики согласятся быть лишь одушевленными машинами, живыми паяцами, бездушными марионетками, слепо повинующимися любому побуждению их водителей. Никто не скажет, что они не рассуждают более или что, обманутые лицемерными и пустыми ласками, унижительной раздачей вина, они готовы помочь узурпаторскому и угнетательскому правительству навсегда поработить 24 миллиона их соотечественников».

И для вас, граждане, к которым мы обращаемся с этими первыми инструкциями, после того как мы разъяснили вам приблизительно, каким образом, по нашему мнению, вы должны наставлять на путь истины наших вооруженных братьев, мы не прибавим ничего, чтобы внедрить в вас дух наших принципов и чтобы вы прониклись сознанием крайней важности возлагаемой нами на вас задачи. Мы точно так же ничего не прибавим более, для того чтобы указать вам, какими способами вы можете нам в этом помочь. Ваше рвение, ваши знания, ваша гражданская доблесть дополнят и т.д. (см. шестой документ, начиная от этих последних слов и до конца).

11. СЛЕДУЕТ ЛИ ПОДЧИНЯТЬСЯ КОНСТИТУЦИИ 1795 г.?¹²⁹

Давая клятву защищать свободу и равенство, все мы взаимно обязались никогда не признавать иной власти кроме власти народа и покарать тех, кто захочет, силой или хитростью, нарушить его суверенную волю.

Это торжественное обязательство возлагает на всех нас долг хладнокровно и тщательно рассмотреть, является ли нынешнее правительство Франции подлинно республиканским правительством, как того хотел народ.

Те, кто на наших глазах постоянно сражались в рядах защитников свободы, отвергают акт 1795 г. как контрреволюционный. Напротив, те, кто всегда настойчиво выступал лишь в защиту своих собственных интересов, превозносят этот акт как превосходнейший из законов, запрещают первым все, вплоть до права на его обсуждение, и хотят внушить нам такое же религиозное его почитание, какого пять лет тому назад на Марсовом поле требовали в отношении монархической конституции 1791 г.

В борьбу, исход которой должен успокоить умы честных людей, крайне важно внести пламенность принципов, развитых и применяемых в результате зрелого и независимого суждения о людях и партиях, ибо, в конце концов, если конституция 1795 г. присущи все черты законного акта, то мы обязаны ей повиноваться и защищать ее; но если она не обладает этими чертами, то свободолюбивые люди должны ее низвергнуть и покарать тех, кто поработил народ.

Я знаю, что уже одно желание беспристрастно разобраться в том, что мы так заинтересованы знать, будет названо *анархией*, *бунтом* — излюбленными кличками, употреблявшимися двором до и после 1789 г., Лафайетом, Дюмурье, венецианским сенатом, папой и султаном, кличками, означающими лишь то, что люди, облеченные властью, хотят ее сохранить за собой любой ценой;

но мы, считающие для себя честью быть бунтовщиками и мятежниками по отношению ко всем антинародным властям, каким бы жаргоном они ни пользовались и какую бы маску ни носили, мы всегда будем советовать нашим согражданам обращаться к своему разуму, решительно восставать против всякой власти, идущей против принципов, которые от нее же исходят. До знаменитого доклада комиссии одиннадцати мы пользовались конституцией 1793 г.^{*}, которая была повсеместно признана подлинным законом французского народа, ибо она получила его официальную санкцию, выраженную волей 4800 тысяч голосовавших в первичных собраниях, посланцы которых в количестве 8 тысяч подтвердили эту волю в навсегда памятный день 10 августа 1793 г. Этот закон и принявший его народ делали достойными уважения в глазах человечества предписываемое им равенство в правах, гарантируемое каждому французу, в том числе лицам, находящимся в услужении, без различия между богатым и бедным; необходимое участие народа в выработке закона и свобода действий, которую он сохранял за собой, чтобы заставить прислушиваться к его голосу и уважать его, обстоятельства, которые — что бы ни говорили об этом наши государственные мужи — подрывали корень всяких конвульсий тем, что уничтожали противоречие между волей суверена и волей его уполномоченных. Пусть соизволят посмотреть, как двадцатая часть народа без всяких потрясений пресекает преступления или ошибки своих агентов и поощряет действительное суждение о них всех граждан!

Когда поклонникам нынешнего строя говорят о прекрасных чертах конституции 1793 г., они в ответ ссылаются на последовавшую за этим волю народа, имевшего право — как они заявляют — внести изменения в конституцию, что он якобы и сделал в действительности, приняв конституцию 1795 г.

Не подлежит сомнению, что если бы французский народ свободно принял эту конституцию, то ей обязаны были бы подчиняться вплоть до принятия им другой конституции. Но именно относительно этого, по поводу чего не существует согласованности, необходимо самое строгое суждение.

Весь ли народ или часть народа требовала этого изменения? Отнюдь не весь: народ единодушно и во всеуслышание требовал своей конституции 1793 г., свидетельством чему служат многочисленные обращения коммун, народных обществ и войсковых частей; об этом свидетельствуют сцены, происходившие в прерииале в Париже и почти одновременно на севере и на юге республики; об этом свидетельствуют акты Конвента, который, уважая волю народа и с целью его успокоения, декретом от 1 жерминаля того же года карал ссылкой всякого, кто будет высказываться против конституции 1793 г.

В статье 115 этой конституции народ предписывал, чтобы всякое требование изменения конституции непременно исходило от него и ни в коем случае не могло исходить от Законодательного собрания. Между тем знаменитая комиссия одиннадцати, полномочия которой ограничивались предложением органических законов конституции 1793 г., выступила в Конвенте с разглагольствований, направленными против воли народа, которую она квалифицировала как *тиранию народа*, и даже сам Конвент, позабыв о своих обязанностях и о, данных им клятвах, не уничтожил эту комиссию и, казалось, готов был некоторое время спустя предложить народу ее антинародное творение 1795 г.

Более чем очевидно, что комиссия одиннадцати и члены Конвента, голосовавшие за изменение конституции, превысили свои полномочия и изменили народу, открыто нарушив его волю, ясно выраженную в торжественной форме.

Вместе с тем имели место и такие события, которые преступники называли *утверждением народа*. Они прикрывались им для того, чтобы узаконить свои преступления и избежать кары, которую они со всей очевидностью на себя навлекли.

Конституционный акт 1795 г. был, правда, направлен в первичные собрания и в собрания воинских частей^{**}; протоколами этих собраний, которые обкорнали заинтересованные в этом лица, было установлено, что за его принятие голосовали 900 тысяч граждан. Если такое принятие есть выражение свободной воли народа, то в таком случае берет верх конституция 1795 г., но если это не более как акт насилия... Посмотрим.

За конституцию 1793 г. голосовало 4800 тысяч граждан, акт 1795 г. одобрили только 900 тысяч граждан. Что случилось с остальными 3900 тысячами граждан? Либо их воля не была зафиксирована, либо они не явились на выборные собрания. Если верна первая гипотеза, то очевидно преступление творцов конституции 1795 г.; если принять вторую гипотезу, то понадобится рассмотреть, можно ли на основании молчания 3900 тысяч граждан, которые до этого

^{*} Эта конституция, о которой человек, обладающий чувствительностью, думает с нежностью, являла собой первый пример обеспечения всем гражданам благосостояния и просвещения в силу основного закона государства.

^{**} Конституция 1793 г. не рассылалась по войскам, тем не менее она собрала 4800 тысяч голосов. Какое оправдание можно найти законодателю, который, обратившись к мнению солдат, находящихся в постоянном подчинении у своих начальников, добивается с помощью штыков согласия граждан?!

высказывались, строить предположение об изменении воли и о молчаливом на то согласии: не явилось ли такое воздержание следствием насилия со стороны контрреволюционеров?

Но для того чтобы это молчание могло быть принято за согласие, необходимо, по всем правилам науки о праве, чтобы было доказано:

1. Что эти 3900 тысяч граждан имели возможность принять участие в собраниях и не подверглись бы никакой опасности, в случае если бы они высказались против акта 1795 г.

2. Что этот акт не нарушает естественных и неотъемлемых прав граждан, ибо в противном случае формальное согласие должно быть рассматриваемо лишь как акт безумия и ослепления, отнюдь не носящий обязательный характер; и в этом случае согласие одних будет очевидным актом принуждения по отношению к другим.

Пусть вспомнят, какая участь постигла в Париже, в Тулоне, в Валансьене людей, которые в прериале III года требовали соблюдения конституции 1793 г.; пусть вспомнят, как Конвент приказал расстреливать и избивать народ, который этого требовал; как он, не считаясь с законами и формами, им же предписанными, и самым ужасным образом нарушая правосудие и пренебрегая стыдом, убивал и изгонял тех из своих членов, которые не желали делить с ним позор измены, вина которой ложилась на него; пусть вспомнят о долгом и жестоком преследовании, которому подвергались защитники конституции 1793 г. внутри страны и в войсках, и пусть затем судят о том, пользовались ли свободой граждане, воздержавшиеся на первичных собраниях, чтобы избежать преследований, которые учиняли в то время по всей Франции ее новые тираны^{***}.

О, если такое воздержание, которое так настоятельно диктовалось террором против лучших людей в виде казней и тюремного заключения самых пылких друзей народа, — если такое воздержание может оправдать в наших глазах акт 1795 г., тогда не станем более разглагольствовать насчет восточного деспотизма, покоящегося на такой же основе.

А 200 тысяч граждан, умирающих в темницах, а 100 тысяч других, которым пришлось бежать, чтобы избегнуть меча контрреволюционеров, а все те, кого они лишили права голосования в первичных собраниях, — относительно их вы также скажете, что они дали молчаливое согласие? Разве не правда, что акт 1795 г. отнял у народа неотъемлемое право вносить изменения в свою конституцию и санкционировать законы? Разве не правда, что этот акт лишает прав гражданства французов, которые не в состоянии платить налог, равный трехдневной заработной плате, как и французов, находящихся в услужении?^{****} Разве не правда, что через пять лет люди, не умеющие читать и писать, не смогут пользоваться правами гражданства, тогда как конституция не обеспечивает неимущему классу средств просвещения? Разве не правда, что в городах тот, кто не платит квартирной платы, равной, по меньшей мере, 150-дневному заработку, а в сельских местностях тот, кто не является арендатором или исполщиком, не может быть ни избирателем, ни присяжным заседателем?^{*****} Разве не правда, что представителей, которые — как предполагается — должны провозглашать волю народа, избирает не народ, и что власть свою они получают из рук самого порочного класса нации? Французы, если вы сомневаетесь в этом, откройте акт 1795 г. и вы обнаружите в нем все эти несправедливости, скрепленные кровью наших друзей, принесенных в жертву в прериале прошлого года неистовому властолюбию патрициев.

Вы хотите, тираны, чтобы это воздержание считалось согласием? Но вы, быть может, скажете также, что 24 миллиона человек, лишенных таким образом всяких прав, дали согласие на свое порабощение? Вы, быть может, скажете, что французы, проливавшие свою кровь во имя свободы, сами отказались от всякого участия в осуществлении суверенитета, чтобы, подобно американским неграм, извиваться под ударами беспощадного кнута плантаторов. Скажите лучше, что такова была воля меньшинства, в руках которого ключи к власти и к наслаждениям, и мы ответим вам, что там, где нарушено равенство в правах для каждого члена ассоциации, не существует более общества, там существует лишь угнетение, с одной стороны, и обязанность сопротивления — с другой.

Повторяем:

За конституцию 1793 г. голосовало 4800 тысяч человек.

Позднее конституция 1795 г. собрала 900 тысяч голосов.

В отношении этой конституции воздержалось 3900 тысяч человек.

Воздержание не является молчаливым согласием:

- 1) ибо оно вызывалось длительным террором, угонствами и тюремным заключением патриотов;
- 2) ибо конституционный акт 1795 г. нарушает естественные права человека, из которых никому не может быть отказано.

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

ДОКУМЕНТЫ

^{***} Жертвам террора не мешает напомнить, что в период принятия конституции 1793 г. 8 тысяч посланцев народа не прибегали еще к террору.

^{****} Это исключение распространяется по крайней мере на шестую часть граждан.

^{*****} Условие, исключаящее поденщиков и рабочих,

Следовательно, это воздержание является официальным непризнанием.

Из этого рассуждения, ответить на которое мы призываем всех виновников неравенства, следует:

1. Что конституция 1793 г. является единственным и подлинным законом французского народа.
2. Что акт 1795 г. является результатом насилия и тирании; защита его есть преступление.
3. Что никто не может осуществлять полномочия, исходящие из этого контрреволюционного акта, не совершив тем самым измены по отношению к народу.

Париж, 24 жерминаля IV года.

12. ОБРАЩЕНИЕ «Трибуна Народа» к Внутренним Войскам¹³¹

В республике, стоившей в свое время большего, чем стоит наша нынешняя республика, армия и народ располагали тем, чем мы не располагаем. Рим имел своих народных и военных трибунов. Это были должностные лица, которых закон назначил постоянными защитниками народа и армии. Народные трибуны избирались народом и обязаны были непрестанно заботиться о том, чтобы не было совершено никакого покушения на его права; они должны были непрестанно и внимательно следить за тем, чтобы обуздывались властолюбие и несправедливости сената и патрициев или богачей, и они имели возможность противиться всякому закону, который, как им казалось, находился в противоречии с общими интересами и общим благом. Военные трибуны, точно так же избиравшиеся солдатами, несли такую же обязанность заботиться о них, отстаивать их права, постоянно противодействовать тому, чтобы их притесняли, предавали или обманывали.

Во Франции это высокое звание трибуна не было учреждено в конституционном порядке. Тот, кто обращается к вам, осознал, насколько полезно, чтобы такое звание существовало, по крайней мере морально. Через посредство периодического органа я сделался трибуном народа. Это лишь весьма урезанная форма римского трибуната. Я пользуюсь лишь правом (которое у меня еще оспаривают) наблюдать и следить за деятельностью правительства и предупреждать моих сограждан, когда замечаю такие действия, которые, как мне кажется, нарушают правосудие и противоречат их общим интересам. Правом *оппозиции* я не пользуюсь. Я лишь частично оказываю влияние на общественное мнение, и это частичное влияние измеряется степенью внушаемого мною доверия.

Разительная очевидность, которую мне удалось придать истинам, представленным мною народу, привлекла ко мне, если я сужу правильно, добрую часть этого народа, большую, притом интересную и полезную его часть; ту часть, от которой вы сами происходите, солдаты! Наконец, ту, которую именуют *плебейской*. Так что независимо от конституционного установления это звание трибуна, принятое с согласия народа и его санкции, вовсе не является иллюзорным. Следовательно, во Франции, как и в Риме, у народа в действительности имеется трибунат. Смеем заявить, что французский народ обладает им так же реально, как им обладали римляне во времена лучших трибунов, при Люции-Юнии, при Висцеллине, при Арсе, Дентате, Канулее, Столоне, при Гракхах. Подобно им, я горжусь тем, что заслужил ненависть предателей, доверие и уважение большинства моих сограждан.

При таком доверии право *оппозиции*, которым я не располагаю ввиду отсутствия легального установления, тем не менее в значительной части осуществляется в пользу народа ввиду того, что он вообще разделяет мои осуждения действий правительства, противоречащих, как я доказываю, истинным интересам и правам народа. Осведомленный о всех несправедливостях, которым он подвергается, народ лишает силы решения его преступных уполномоченных. И это широкое и всеобщее выражение недовольства с его стороны стоит *формальной оппозиции*, ибо даже самая ловкая тирания не может долгое время сохранять то, что отвергает народ.

Почему же при наличии преимуществ, почти равных преимуществам трибунов Рима, я до сих пор не добился таких же успехов, каких они обычно добивались? О, братья мои! Вы должны были это предчувствовать. Из сказанного мною вы увидите, что нам еще кое-чего не хватает для того, чтобы равняться с римлянами. Я являюсь лишь трибуном народа. У вас совершенно отсутствуют военные трибуны.

Если обратиться к заявлению некоторых лиц, то легко можно заметить этот пробел. Если верить им, то ваше общественное сознание, ваши революционные познания стоят вообще далеко не на той высоте, на какой стоят познания и общественное сознание других граждан... Они заверяют, что своим поведением вы сумеете оправдать выражение, сорвавшееся с уст некоторых правителей: *наши солдаты защитят нас*. Тем не менее мне известно, что далеко не все вы замкнулись в узком кругу рабских идей и взглядов.

Нельзя, однако, скрывать от себя, что значительная часть простых людей среди вас, вследствие отсутствия должного просвещения, может позволить увлечь себя пагубным за-

***** Выдержка из «Трибуна народа», № 41.

блуждениям. Я предлагаю просветить вас, как и быть вашим военным трибуном. Разве это звание не сливается естественно со званием трибуна народа... Разве вы не являетесь также народом?... Разве ваши интересы отличаются от интересов ваших братьев, составляющих гражданское население?... И разве тот, кто пользуется их доверием... не может внушать и вам доверие?... Прислушайтесь же к нему, послушайте, как он смело защищает ваше дело! Как мужественно он отстаивает ваши лучшие права! Как он указывает вам, что вам надлежит делать... в ваших интересах, как и в интересах народа, часть которого вы составляете и к которому принадлежите...

Что делаете вы, которых собрали в таком большом количестве вокруг лучшего из городов, города революции, колыбели свободы? Зачем вас призвали сюда? Не подняли ли мятеж его жители? Не идет ли речь о том, чтобы их подавить?... Вот вопросы, которые следовало бы разъяснить!!!

Не ради подлинного народа вы грозно опоясали наши стены! С этим подлинным народом, народом трудовым, народом рабочим... здесь обращаются плохо, ему затыкают рот, его презирают, морят голодом, разоряют биржевики и мошенники!.. это-то отродье и подняло здесь преступнейший мятеж против настоящего народа. Но разве вы выставляете тройной ряд штыков вокруг всего Парижа для того, чтобы подавить угнетателей и защитить угнетаемых? Нет! совсем напротив... Ваше оружие и силу хотят употребить на то, чтобы полностью закабалить угнетаемого под игом угнетателей! Сохранить за ними их ненавистное господство, а народ удерживать и далее в страданиях и в жалком бессилии! О, если бы именно народ хотели защитить, незачем было бы отвлекать тех из его братьев, назначение которых как раз и состоит в том, чтобы сражаться против его внешних врагов! Народ, кроме того, обошелся бы своими собственными силами! Но именно тогда, когда массу народа хотят принести в жертву одной части, появляется нужда в помощи посторонних людей, и тогда этих людей находят среди тех, кого считают обязанным быть *главным образом послушными*... Когда правительство и порочная каста, которая одна пользуется его покровительством, потеряли всякий стыд; когда беззастенчиво и неприкрыто, в самом гнусном сообщничестве, они с помощью свирепых постановлений, которые они смеют называть *законами*... ввели в обычай всякого рода несправедливости, самую ужасающую нищету, возмутительнейшее порабощение!.. когда мера их преступлений перешла всякие границы и сделалась настолько очевидной, что долготерпению народа пришел конец и от его легковерия точно так же не осталось и следа... тогда именно обращают взор к вам! Тогда для сохранения, для увековечения такой системы угнетения вооружают вас! Тогда учреждают *военное правление*, чтобы принудить народ подчиниться режиму, при котором стремятся, чтобы он жил голодный, раздетый, лишенный свободы! Притом хотят, чтобы его отцы... мужья... сыновья... братья... родственники... навязали ему этот режим, и, в случае надобности, убивали своих детей, жен, отцов, братьев, сестер... друзей, родственников! И это вас, людей из народа, вас, солдат республики, противопоставляют таким образом другой части народа!.. При вашей помощи хотят упрочить это состояние рабства, унижения и голода, в тысячу раз худшее, нежели бывшее рабство... против которого шесть лет назад мы восстали!

Нет! Вы не станете гнусными сателлитами, жестоким и слепым орудием в руках врагов народа!.. и, следовательно, в руках ваших врагов!.. Повторяю вам, что только в тех случаях, когда власть сделалась преступной... и когда она хочет и в дальнейшем оставаться таковой, она окружает себя штыками... Когда власть справедлива, она неизменно сильна силою народа! К... укреплял себя войсками до 14 июля; известно, каковы были его намерения и какой суммой преступлений он хотел обеспечить себе этим безнаказанность... Разве преступным является рассмотрение того, не совершают ли то же его подражателя, потому что руководствуются теми же мотивами, что и он?

Не забывайте, солдаты, что армия К..., хотя и прошла школу монархической дисциплины, вела себя прекрасно! Она вспомнила, что происходит из народа! Французские гвардейцы... опустившие ружья вниз перед санкюлотами...— вот пример, который будет вызывать восхищение в веках...

Увы, зачем напоминать нам о более близком я менее славном времени? 12 жерминаля и 1 прериала, когда батальоны..., рожденные вместе с республикой... и прославившиеся в боях против сателлитов королей... подчинились двум рабам по имени Пишегрю¹³² и Мену¹³³ и совместно с ними преследовали одетый в лохмотья и умирающий от голода народ, их лавры потускнели!.. О, не будь этого рокового и бесчестного поведения, не существовало бы ни нашего унижения, ни нашей нищеты! Эта битва против народа... причинила ему больше вреда, чем принесли ему пользу все достигнутые во имя его победы. Французским войскам... надо многое сделать, чтобы исправить это зло. Они заслуживают благодарность за 13 вандемьера; ибо если, как правило, оружие воина должно всегда быть опущено вниз перед подлинным народом, то существует исключение в отношении людей из народа, разукрашенных позолотой. Но сколько потребовалось бы таких дней, как 13 вандемьера, чтобы искупить позорные дни прериала? В вандемьере вы одержали победу, вы нанесли поражение патрициям и сторонникам королевской власти. Это, во всяком случае, хорошо... Все, что наносит удар этим двум чудовищным породам, — полезно и заслужено ими. Но

надо еще знать, с каким намерением наносится удар. Достаточно ли одной победы? Нет, надо, кроме того, использовать победу. Этого-то вы и не сделали в вандемьере. Это сказано в недавно появившемся обращении *Солиньяка*, от имени первой дивизии внутренних войск. Люди *13 вандемьера сражались ради интересов правительства*. Это печальная истина и, быть может, единственная, содержащаяся в этом презренном сочинении. Гнусный Солиньяк был столь же достоин ее начертать, как и совершить неслыханный подлог, приписав внутренним войскам свое рабское сочинение. Да! к несчастью... вы сражались и победили в вандемьере только в интересах правительства!.. Вы могли бы сделать победу плодотворной и решающей для народа и для вас; вместо этого, правительство, в интересах которого вы эту победу одержали, отблагодарило вас тем, что еще более поработило народ и вас. Сможете ли вы оказаться более благоразумными, когда к этому представится случай? Будете ли вы на этот раз сражаться в интересах народа?.. Я не могу не верить в это. Гнусный язык, верноподданнические выражения, которые бесчестный Солиньяк вам приписал, не могут служить выражением ваших чувств!.. «Как, — можете вы сказать, — нашими штыками распоряжаются наши начальники!.. Нас вооружают в интересах тех, в чьих руках находится государственная власть!.. Мы являемся защитниками... правительства!..» Боже! Эти рабские слова произносят республиканские солдаты! Они оскверняют свой язык губительным для свободы богохульством. Вы сказали бы так: «Правители, узурпаторы всех прав народа, будьте покойны... Не бойтесь... не придавайте значения единодушному воплю, который поднимают против вас и этот негодующий народ и его дерзновенные трибуны! Оставайтесь глухи ко всем его жалобам; отвергайте его назойливые протесты против вашего ига, ибо в конце концов он создан для того, чтобы терпеть... Тираны, мы ваши солдаты! Мы поддержим ваш деспотизм и весь ваш разбой. Если потребуется, мы раздавим, разгромим наших отцов и братьев!! Мы выпустим внутренности нашим сестрам и матерям! Мы уничтожим наших сыновей, чтобы поддержать ваше нестерпимое и беспримерное господство!!! Мы обязаны помочь вам прочно закабалить отечество! Мы должны собственными руками заковать себя в цепи!.. Что ж! Разве не являемся мы лишь одушевленными машинами, живыми паяцами, бездушными марионетками, обязанными слепо подчиняться любому побуждению наших водителей? *Наши штыки направляют наши начальники!.. Мы являемся защитниками правительства*. К тому же, разве оно не оплачивает нас за это хорошо? Чего же нам жаловаться? Разве нам не выдают с некоторых пор двойную и тройную порцию водки? Что может быть дороже этого? Какое нам дело, что в награду за это неоценимое наслаждение от нас требуют, чтобы мы способствовали порабощению наших современников, как и будущих поколений? Какое нам дело до того, что скоро, через месяц, через неделю, завтра наши семьи и мы сами не будем ее больше получать? Сегодня у нас есть *водка!*.. Нам когда-то обещали и даже гарантировали путем торжественных декретов собственность... землю... пенсии... но разве мы созданы для таких преимуществ? Не глупо ли считать, что революция совершалась ради нас? Она служит на пользу нашим начальникам. Разве не лестно должно быть для нас, что Директория выдает нашему генералу Бонапарту 800 тысяч франков на содержание его Двора? Начальнику нашего генерального штаба Дювиньо она жалует самый прекрасный из выездов бывших Орлеанов^{*****} и т.д.

Все это восхитительно. Все это должно радовать глаз солдата, и, несомненно, с него довольно того, что его глаза вдоволь нагляделись на такое зрелище. Чего же нам надо еще, нам, в большинстве своем нищим крестьянам, сыновьям рабочих и неотесанных простолюдинов? Наши отцы были стадом каналий, которые почитали за высшее счастье возможность благоговейно внимать своим господам и сеньорам. Считалась милостью даже самая возможность лицеизреть людей высшего общества. Счастье наших отцов состояло в том, чтобы трудиться за четверых и лишь наполовину утолять свой голод; оно состояло в том, чтобы с удовлетворением узнать, что плоды их тяжкого труда доставляют лишнее наслаждение немногим погрязшим в пороках бездельникам. Чего нам еще надо? Разве мы не потомки этой *черни*? Разве не она произвела нас на свет *нагими*? Нечего нам, следовательно, претендовать на иные права, нежели те, какими пользовалась она сама. Пусть нам говоря» о земле, о пенсиях в награду за наши подвиги в борьбе против врагов революции. Нет, нет, мы не созданы для этих наград. Хорошо было их обещать тогда, когда надо было побудить нас зачисляться в полки и изгонять тех, кто хотел разжечь пожар по всей Франции, — но мы отнюдь не должны считать, что нам серьезно давали эти обещания. Возвращаясь вновь к нашим нищим отцам, мы должны ожидать, что будем такими же нищими, как

***** Говорят, будто такие же развращающие приемы были предприняты и в отношении Журдана¹³⁴. Добавляют, что, учитывая степень сопротивления этого генерала, которую можно было предвидеть, этим приемам с целью их эффективности был придан еще более соблазнительный характер нежели приемам, применявшимся в отношении всех прочих. Говорили о шести чистокровных лошадях и о полной упряжи; о великолепных празднествах у барона Бенезек¹³⁵; о блестящих балах, устраивавшихся этим любимым министром Директории в честь жены героя Северной армии, об исключительной чести предоставления, кроме того, в распоряжение гражданки Журдан кареты люксембургского двора. Уверяют, однако, что Журдан, весьма мало чувствительный к этому заискиванию, остался таким же, каким был, генералом свободы и что он продолжает заслуженно пользоваться доверием народа и солдат.

они; что, подобно им, мы будем пресмыкаться перед наглым владычеством богачей, будем их рабами; за ничтожную заработную плату будем трудиться с раннего утра до поздней ночи; будем смачивать одним лишь потом небольшой кусок черного хлеба, высохшего под знойными лучами солнца!.. Счастливы еще те из нас, кто сможет таким образом влачить далее свое существование! Остальные... пойдут нищенствовать. На улицах и дорогах будут встречаться калеки на деревянных ногах, люди с раздробленными челюстями, руками и т.д.; едва волоча ноги, они будут направляться к дверям людей, живущих в довольстве, обращаться с унижительной просьбой к сотне из них и в девяносто девяти случаях получать отказ вместе с оскорблениями, а у сотой двери получают мелкую монету, тысячную долю стоимости хлеба, необходимого для того, чтобы позавтракать... Но, солдаты республики, не будем на все это обращать внимание. Правительство дает нам сейчас *водку*, постараемся же забыть, не станем заглядывать в будущее. Не станем даже разбираться в том, почему оно дает нам ее, эту *водку*. Удалим прочь этих жалких проповедников, твердящих нам о том, что ее выдают нам с целью снискать этим наше рабское послушание и привести тем самым революцию к прямо противоположному результату, нежели тот, в расчете на который она была предпринята. Они утверждают, что это делается для того, чтобы побудить нас сдерживать народ, который хочет снова отвоевать свои и наши права в борьбе против правительства, узурпировавшего все эти права. Они заявляют далее, что это делается специально против наших интересов, — для того чтобы упрочить и гарантировать возврат эмигрантам и контрреволюционерам их законно конфискованного имущества, которое предназначалось нам в вознаграждение, — возврат и обратное получение которого вызвали обесценение ассигнатов и разорение народа... Они заявляют, что, поддерживая такие акты правительства, после того как мы содействовали осуществлению революции, мы совершаем контрреволюцию, потому что мы обращаем революцию на пользу ее врагов; поскольку мы помогаем им вновь войти во владение имуществом, которое до этого стало нашей собственностью, и, следовательно, делаем для них больше, чем если бы мы только сами за себя отказались от этого имущества, ибо мы защищаем тех, кто вырывает его из наших *рук*... Вот всё, что утверждают люди, желающие быть более прозорливыми, чем другие. Но не станем их слушать. Нам выдают *водку* — это всё, что нам нужно! Так будем же притеснять народ, наши семьи и себя самих, *будем считаться только с нашими начальниками, прислушиваться только к их голосу; они одни должны направлять наши штывы*. Мы не более как автоматы, грубые и дикие, неспособные ни думать, ни чувствовать, ни рассуждать. *Равнение направо, равнение налево* — вот всё, что нам надлежит знать. *Целься, огонь!* — мы не должны спрашивать, кто стоит перед нами».

Вот какие ужасные, бредовые рассуждения приписывают вам, солдаты республики. Но какое счастье, что вы не рассуждаете так! Нет, вы не станете убийцами отечества и своими собственными палачами. Вы любите народ, так же как и он вас любит; вы всегда будете его защищать, так же как и он защищает вас. Если бы оказалось возможным, чтобы вы забыли себя, чтобы вы не настаивали на ваших неоспоримых правах и не требовали их, то народ настаивал бы на них и потребовал бы их для вас. Вы должны были уже заметить, насколько не безразлично он относится к вашей участи, насколько он братски постоянно озабочен ею. Его заботы о вас, его тревоги за ваше будущее — это образец нежности отца к своим детям. О, разве в действительности это не так? И эта любящая мать-родина, которая никогда не теряет вас из вида; которая беспокойным взором и душой», полной любви, постоянно следит за вами во время ваших удач, полных риска и доблести; которая отдала вам последнюю дань своего сердца, исходя в стенаниях по поводу вашего положения, когда тираническая извращенность, одержавшая верх над ее доброжелательством, обрекла вас на лишения и на дурное во всех отношениях содержание. Эта нежная мать — говорю я — всегда питает к вам неизменный интерес. Нет сомнения, что она не встретит неблагодарности со стороны своих сыновей. Прислушайтесь к тому, о чем она взывает к вам устами народных писателей. Вслушайтесь в последние звуки голосов на патриотических собраниях, разогнанных и преследуемых главным образом за то, что они требовали для вас того, что было обеспечено за вами в лучшие дни республики, в 93 году! Общество Пантеона стало преступным в глазах деспотизма, как только оно осмелилось в обращении к Совету пятисот выразиться следующим образом:

«...Ухудшили общественное благосостояние тем, что вернули всем без различия семьям предателей... справедливо конфискованные у них владения; нацию в некотором роде отдали на произвол и разграбление торговцам, и одни только богачи получили патент на привилегированное существование... Все декреты, исходящие от Законодательного собрания, носят отпечаток системы предшествовавшей сессии; они увеличивают предубеждения и недоверие, вместо того чтобы их уменьшить. Установив различия между звонкой монетой и десигнатами, зафиксировав пропорцию между теми и другими деньгами как один к ста и к ста пятидесяти, вы собственной рукой нанесли денежной системе смертельный удар...

Пантеон! Солдаты отечества..., при этом слове, при слове якобинцы, те из вас, кто одержим предубеждениями, которые сеет аристократия, отшатываются, преисполненные отвращения. Те

же, которые все оценивают правильнее и не подвержены заблуждениям, знают, что эти два наименования тождественны словам *лучшие друзья народа*. И тогда эти люди задают себе вопрос: где они, эти якобинцы и эти люди из общества Пантеона? Успокойтесь, друзья, они живы. Войско, которое отступило, вовсе не потерпело поражения. Каждый из них продолжает втайне работать в интересах народа, составляющего гражданское население, как и народа, находящегося под ружьем. Общество Пантеона существует не в одном только Париже. Оно существует также в различных пунктах республики. Мне, в качестве трибуна всей этой республики, в качестве почетного члена и участника всех этих академий настоящего республиканизма, собирающего результаты их лучших работ, — мне надлежит довести о них до сведения наших братьев, показать им, где находится их самая прочная поддержка. Воины! Отправляйтесь на север; ищите истинных защитников ваших прав в краях, где сам климат создает гораздо более глубокие, нежели блестящие дарования, более упорные в своей непоколебимости, нежели увлекающиеся на короткое время, более смелые в своем ревностном стремлении к добру, нежели способные к поверхностному суждению. Отправляйтесь в город, который был свидетелем рождения героя демократии и где ваш трибун отбывал ссылку¹³⁶. В Аррасе также существует общество Пантеона, не менее плебейское, нежели общество, которое неограниченная власть сочла нужным превратить в руины в центральной коммуне. Вот, республиканские солдаты, те места, где у вас, у народа, имеются еще мужественные, энергичные друзья. Прочитайте же о том, что они для вас сделали, и скажите нам: не служат ли они вам, по крайней мере в своих намерениях, так же хорошо, как если бы вы сами это сделали?

Обращение нижеподписавшихся патриотов Арраса к Совету пятисот

Законодатели!

Национальный конвент, издавая декреты от 4 и 16 июня 93 года, от 16 вандемьера, 5 нивоза, 21 плювиоза, 24 флореаля и 13 прериала II года, несомненно, имел целью обеспечить родственникам мужественных защитников отечества пособия, которые могли бы удовлетворить их настоятельные нужды!.. Чрезвычайная дороговизна съестных припасов, полное обесценение ассигнатов, которыми Приходится за них расплачиваться, отсутствие работы и незначительная заработная плата, которую они получают за свой труд, — все это должно с очевидностью доказать вам, что суммы, которые им до сих пор были предоставлены, не только недостаточны, но и весьма далеки от действительной цели, которая имела в виду!.. Законодатели! Вам-то и надлежит устранить злоупотребления, столь же губительные для человечества, сколь позорные для республики... Именно за вами сохраняется честь осуществления законов, изданных в свое время в интересах отважных и мужественных солдат свободы!.. Один из декретов гласит о том, что будет сохранено на 300 миллионов национальных имуществ, которые будут им розданы частями, как только они окончательно возвратятся из армии! Принятое вами недавно решение определенно гласит, что будут искл^{*****}ючены из продажи и оставлены в резерве имущества на сумму в миллиард франков наличными^{*****}. Эти распоряжения несомненно хороши, но их недостаточно, чтобы успокоить наших солдат и друзей равенства относительно колебаний законодательных органов. Почему же нельзя уже сейчас издать приказ о принятии мер, способных снова поднять дух наших братьев по оружию и помочь им бодро переносить тяготы и опасности войны? Почему их семьи, которые все почти пребывают в ужасающей нищете, не могут до их возвращения пользоваться вознаграждением, пожалованным за заслуги их близким? Почему не могут они заселять и обрабатывать земли, за обладание которыми столько героев пролили и продолжают каждодневно проливать свою кровь на фронтах? Законодатели! Не станем скрывать от вас, мы опасаемся, как бы обманном путем не лишили их преимуществ, доставшегося им столь дорогой ценой! Положите же конец клеветническим выпадам врагов республики! Поскорее докажите *демократам*, что данные нашим солдатам обещания отнюдь не призрачны! Немедленно издайте приказ о раздаче той части национальных имуществ, которая предназначалась вами в награду за их неустранимость! Дайте их неимущим родственникам возможность пользоваться плодами их мужества до их возвращения! Предоставьте всем им возможность возвести на этих местах строения, которые годились бы им для жилья по окончании их славных походов! Пусть им остается только одно — выражать пожелания о процветании государства, увековечению славы которого они в такой большой степени содействовали!

Следуют подписи.

Солдаты! этими словами с вами говорит истинный народ. Не ради его блага вас хотят заинтересовать! Не для того, чтобы побудить вас служить народу, вас осыпают лицемерными ласками, спаивают *вином и водкой*. Это делается для того, чтобы вы решились продаться за ничтожную плату. Они плохо знают вас, эти вероломные люди, которые хотят развратить вас. Они

***** Миллиард наличными! При нынешнем курсе — один к тремстам — это 300 миллиардов ассигнатов. Это стоит того, чтобы заявить протест. Однако где же резервированные на эту сумму национальные имущества?

судят о вас по себе. Именно потому, что они подписали уже столь позорное соглашение, они считают, что вы, подобно им, падете так низко, что подчинитесь ему. Нет, нет. Оставайтесь неизменно людьми из народа. Поклянитесь на ваших штыках умереть только за народ. Вы видели, каков он, вы это и впредь увидите; он точно так же готов умереть за вас и вместе с вами. Я покидаю вас сегодня. Иначе я представил бы вам, вслед за пожеланием демократов Арраса, немало других свидетельств о пожеланиях народа, высказанных в том же духе. Откладывая это до другого раза, мы вместе с тем неизменно предупреждаем деспотизм о том, что повсюду голос свободы и равенства возвышается над всеми человеконенавистническими заговорами. Пусть сейчас деспотизм еще пытается заглушить этот голос при помощи усердия тех, кто является его рупором!.. Наученные несчастьем, взволнованные новым напоминанием о глубоких, утонченных, многообразных изменах, жертвами которых они являлись; предупрежденные о том, что произойдет с ними, если они потерпят неудачу, все они, демократы, в состоянии оказать сопротивление новым попыткам; они знают, какое искусство и силу они должны противопоставить тем, кто посмеет снова вступить в борьбу с ними. И вы, благородные воины, осведомленные, в свою очередь, вы тем более не станете ни сообщниками, ни жертвами обмана приверженцев угнетения! Власть имущие пустили в ход все ухищрения, но ни одно из них не принесет им успеха. Они прибегают к хитрости, часто обновляя внутреннюю армию; они вас отдалают от нас, считая, что, после того как мы открыли вам глаза, вы можете перестать видеть в нас врагов. Колонны, которые держат нас в состоянии осады, ежеминутно сменяются другими колоннами. К чему приведет нас вся эта уловка? К тому, что все французские войска одни за другими пройдут через нашу школу, прочтут наши пламенные писания и постепенно сбросят пелену, мешавшую им познать истину и оценить по достоинству злодеев, обманывающих их и нас.

*Гракх Бабеф, трибун народа
Париж, 10 жерминаля IV года республики.*

13. ГРАКХУ БАБЕФУ, ТРИБУНУ НАРОДА*

Париж, 30 плювиоза IV года

Я также хочу подлинного равенства. Мне скоро исполнится шестьдесят лет, а я не имею никакой или почти никакой собственности. Я обременен шестью детьми, слишком юными еще, чтобы работать. Я имею несчастье не владеть никаким ремеслом; я не коммерсант, не посредник, не биржевик, не банкир, даже не конторский служащий; сколько настоятельных мотивов желать подлинного равенства! Но, увы, разве оно возможно? Какая польза от того, что мне показали это блаженство в таком туманном отдалении, что я не надеюсь когда-либо его достигнуть? Каким образом претворить его в жизнь? Это одни слова.

Я читал о том, что существовал раздел земли, но это продолжалось недолго. А почему? Вот что следует рассмотреть более глубоко. Речь, следовательно, идет не только о разделе, но и о том, чтобы раздел был прочным.

Земля — это не всё, что надлежит разделить, и я нигде не читал о том, чтобы где-либо, кроме как в религиозных или в приближающихся к ним общинах, существовала даже попытка произвести раздел произведений человеческого ума и изобретений. Мы будем разбиты на мелкие общины? Допустим, что это так и будет и что я, например, отношу мою прелестную картину, превосходную машину, прекрасное изобретение, мои открытия в области физики, химии, гидравлики, естествознания, мою поэму, музыкальное произведение, виртуозное исполнение на скрипке, арфе и клавесине, гармоничные звуки моего голоса и т.д., и т.п. в общую сокровищницу подлинного равенства вместе с моим соседом-сапожником, чтобы получить одинаковые с ним боны на мясо, хлеб, вино и т.д., и т.п. Этого еще недостаточно; необходимо, чтобы это было прочно, необходимо, чтобы не был уничтожен вкус, склонность и страсть к красоте, к совершенству в искусствах и ремеслах. Но допустим, что во имя подлинного равенства я окажусь способным на монашеское самоотречение от самых милых мне вкусов и наклонностей в интересах моего соседа-сапожника. Не понадобятся ли в таком случае начальствующие, настоятели, аббаты, исполнительные директории и т.д., и т.п., ибо не в наименованиях дело? Не понадобятся ли законы, т.е. взаимные соглашения? Не понадобится ли доверить абсолютно бескорыстным начальникам власть, равную по силе действия той реакции, на которую следует всегда рассчитывать, и рассчитывать со всей точностью, с точностью приспособлений для вращения вертела или часовой пружины. Какое множество размышлений приходит на ум в данном случае!

Я слышу ссылки на Ж.-Ж.Руссо и Мабли. Первый положительно заявил: чтобы жить в условиях подлинной демократии, людям необходимо быть полубогами. Второй далек от того, чтобы верить в возможность подлинного равенства на таком обширном и многонаселенном пространстве, как наша страна. Когда я размышляю об этом, а я размышляю об этом часто, моя

* Письмо, о котором идет речь в тексте, являлось ответом на это письмо.

голова кругом идет.

Трибун! изложи нам свой план; докажи нам со всей ясностью возможность подлинного равенства; докажи нам, что оно может быть прочным, и дай нам в совершенно положительной форме способ его достижения, т.е. способ не быть годами в состоянии анархии, при котором после прискорбных, бесполезных попыток и жертв мы не оказались бы в еще худшем положении, чем сейчас.

Подпись: М... В.

13 (продолжение). ОТВЕТ НА ПИСЬМО за ПОДПИСЬЮ М.В.,
ОПУБЛИКОВАННОЕ ПРОШЕДШЕГО 30 ПЛЮВИОЗА
и АДРЕСОВАННОЕ ТРИБУНУ НАРОДА ГРАКХУ БАБЕФУ¹³⁷

В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных.

Богачи, не желающие отказаться от своего избытка в пользу неимущих, являются врагами народа.

Цель революции — уничтожить неравенство и восстановить всеобщее благо.

Ст. 7, 8 и 10 Анализа доктрины трибуна, опубликованного и провозглашенного 20 жерминаля сего года.

Надо поскорее опубликовать следующие истины, адресованные в ответ автору письма от 30 плювиоза. Я отнюдь не досажую, что особые соображения заставили меня ждать до сих пор. Тезис, о котором идет речь в этом письме, более чем когда-либо стоит теперь в порядке дня, и я лью себя надеждой, что сейчас я привлеку разумное внимание к самому крупному из всех сюжетов, интересующих людей.

Каждого истинного республиканца должны радовать сомнения относительно осуществимости системы подлинного равенства, выдвинутые гражданином М. В. Если борьба, начатая во имя этой вершины человеческого возрождения, будет вестись друзьями свободы с тем же пылом, с каким они некогда боролись против феодально-монархического здания, то нет сомнения в том, что крушение варварской системы частной собственности приведет в скором времени к счастливым временам золотого века и подлинного братства на земле, совершенно изгнанного из нашего чудовищного общества честолюбием и алчностью.

Благородные души, устремившиеся на поприще революционной борьбы исключительно из любви к человечеству, настала пора атаковать при помощи великой силы разума неизменную причину всех зол, всех видов тирании — частное богатство. Проповедуемую нами доктрину подтверждают трезвые вычисления философии; на ее стороне авторитет великих людей античности и нашего времени. Она одна дает разумное определение революции, которая превратится в преступление, если, изменив форму угнетения, она оставит массу народа в несчастьях и порабощении, усугубленных обманчивой надеждой на облегчение и упроченных ростом числа угнетателей и их развращенности.

Прежде чем в ответ на сомнения гражданина М.В. бросить взгляд на доказательства возможности, справедливости и привлекательности системы подлинного равенства, необходимо снова поставить вопрос, который он, по-видимому, неправильно понимает, когда, сказав о разделе земли, он добавляет: речь идет не только о разделе, но и о том, чтобы этот раздел был прочным.

Ничуть не бывало. Система равенства исключает всякий раздел; именно этому разделу наше общество, плод потребностей, страстей и невежества наших предков, обязано всеми видами тирании и всеми бедствиями, жертвой которых мы являемся.

До того как любой из наших предков мог заявить, что то или иное поле принадлежит ему, за ним должно было быть обеспечено пользование этим полем посредством ясно выраженного, либо молчаливого соглашения. Счастливы были бы люди, если бы этого пагубного соглашения никогда не существовало. Это оно привнесло в общество губительные последствия силы и ловкости, которые вызывают вполне естественные и обоснованные нарекания. Именно оно разобщило людей, возбудило в них алчность и на этом разрушительном пороке построило основу сохранности общества. Это оно предоставило силе, хитрости и развращенности средства для уклонения от естественных условий общественного договора, обрекая на истощение и скорбь слабых, простых и добродетельных людей. Именно оно осудило на всевозможные лишения производителей всех благ и наградило празднолюбцев изобилием наслаждений. Оно способствовало тому, что насильственно удерживаемая в невежестве народная масса попала в сети, расставленные для нее честолюбием и фанатизмом. Именно оно, наконец, является источником всех видов тирании: 1) так как если бы не надежда утопать в удовольствиях, ничего не делая, никто не хотел бы быть монархом, дворянином, правителем; 2) так как нет большего вероломства, чем называть сво-

** Естественное право существенно отличается от того, что называют естественным состоянием. Первое есть результат опыта и размышления; второе — продукт первобытных восприятий и невежества.

бодными людей, осужденных на изнурительный труд без надежды пользоваться его плодами; людей, которые не могут заставить выслушать себя за неимением свободного времени и вследствие вынужденного невежества, в котором они пребывают при нашем социальном строе.

Вот почему ничто не противоречит равенству и счастью в большей мере, чем частная собственность или раздел земли, являющийся ее основным источником.

Более того. Этот раздел земли, к которому, по мнению некоторых, сводится *максимум нашего общественной блага*, усугубит зло тем, что устрасит эгоистов — собственников, на эгоизме которых исключительно и покоится то, что ныне называют общественным процветанием, и предопределяет возврат в близком будущем беспорядков, избавлением от которых — как утверждают — именно и является такой раздел.

Посмотрим теперь, что понимают под действительным равенством. В основе его лежат два существенных условия: *общий труд; общее пользование его плодами*.

Прежде всего, поскольку труд является необходимым условием существования ассоциации, без которого она погибла бы, то никто не мог бы уклониться от него, не совершив несправедливости: тот, кто это сделал бы, уменьшил бы общественное благосостояние или переложил бы свою работу на соседа.

Два веских соображения служат подкреплением этой системы: 1) общий труд увеличил бы благосостояние общества, которое при настоящем положении может рассчитывать на полезный труд лишь небольшой части своих членов; 2) труд, распределенный между всеми работоспособными членами общества, избавил бы от невыносимого бремени тех, кого мы обрекли исключительно на тяжелый труд, и отнял бы у других лишь весьма незначительную долю, которая в скором времени превратилась бы для всех в источник удовольствия и развлечения. Мне непонятно, как могут искренно считать наше положение наилучшим из возможных, когда огромная масса народа живет хуже, чем в первобытном состоянии. Взгляните на дикаря: охотится ли он, занимается ли рыбной ловлей, земледелием плоды его труда целиком принадлежат ему, и он пользуется полным счастьем, доступным ему. Напротив, наши поденные рабочие, наши крестьяне, не сохраняя за собой права пользования произведениями своего труда, как и права на счастье, каким оно представляется им в условиях нашей цивилизации, принуждены всё уступать алчным и праздным собственникам и действительно страдают от голода, жажды и суровой погоды.

Пусть каждый трудится для великой социальной семьи и пусть каждому его труд дает возможность существования, наслаждения и счастья. Таков голос природы; таково состояние, при котором равенство не является химерой, а свобода прочно обеспечена каждому человеку.

Ты говоришь, гражданин М.В., об отречении от всех вкусов, от всех склонностей, о равенстве, которое будет существовать между питанием артиста и питанием сапожника, об упадке изящных искусств как о пагубных последствиях системы действительного равенства, претендуя доказать тем самым абсурдность этого равенства. Это возражение доказывает, что ты не избавлен от наших старых предрассудков. Тот, кто считает, что вернуться к равенству значит стать дикарем и примитивно грубым, не понимает существа этого равенства. Возражать нам указанием на отвратительнейшее самоотречение, в то время как мы хотим положить конец неисчислимым и постоянным лишениям большинства людей, хотим, чтобы труд каждого человека давал ему удобное и приятное существование, — значит либо ничего не понимать, либо показать себя сообщником людей, которых изнеженность и ненависть к труду делают врагами равенства.

Поистине было бы ужасно, господин М.В., если бы вы получали свой хлеб, мясо, вино, одежду из того же склада, что и сапожник, и они были бы в том же вкусе, что и хлеб, мясо, вино, одежда сапожника! Но почему же природа догадалась дать этому грязному животному такой же желудок и чувства, как и вам? Несчастные! Утопая в изобилии, вы разве нуждаетесь для полноты счастья .в том, чтобы иметь перед глазами картину страданий других людей?

Так называемый упадок ремесл и изящных искусств — другое решительное возражение задумывающихся над этим вопросом людей, которые хотят нас уверить, что раз у них отнимают узурпированные ими отличия, привилегии и уважение, то все потеряно. Бесспорно, если бы такой упадок и имел место, народная масса, которая не пользуется преимуществами изящных искусств, и не почувствовала бы неприятной для себя перемены. Но этого нечего опасаться. Очевидно, что в условиях нашей системы равенства возрастет общественная полезность искусства; оно приобретет печать возвышенного, соответственно великим чувствам, которые с необходимостью породит огромная ассоциация счастливых людей. Граждане будут хорошо питаться, хорошо одеваться, усиленно развлекаться при отсутствии всякого неравенства, всякой роскоши: одна лишь республика будет богата, величественна, всемогуща.

Правда, некоторые ремесла, произведения которых служат развлечением для ничтожного числа паразитов, как и средством выкачивания у них огромных денег, уступят место другим ремеслам, которые будут увеличивать благосостояние многочисленной социальной массы. Но какой же человек станет сожалеть об этой счастливой перемене? Когда науки и изящные искусства избавятся от острой, постоянно возобновляющейся, всегда тягостной нужды, то даровитый

человек будет руководствоваться лишь любовью к славе и очень скоро, стряхнув с себя иго лести и эгоизма меценатов, будет видеть свою единственную цель в благоденствии общества.

Место фривольных поэм, пошлой архитектуры, не представляющих интереса картин займут цирки, великолепные храмы и портики, которые суверенный народ, живущий в настоящее время хуже наших животных, будет посещать для того, чтобы в монументах и в философских произведениях черпать правила и пример мудрости, любовь к ней.

В этом пленительном плане, прелести которого я лишь бегло набрасываю, будет найдено решение такой задачи: *отыскать положение, при котором каждый индивид при наименьшей затрате труда сможет пользоваться наибольшими жизненными удобствами.*

Таким образом, самые разнообразные произведения труда всех людей будут принадлежать всей массе народа, которая распределит их затем в интересах наибольшего блага каждого человека. Ты видишь, следовательно, гражданин М.В., что речь идет не о том, чтобы обрекать людей на самоотречение, а о том, чтобы уменьшить лишения народной массы.

Ты не можешь также не видеть, что при таком положении искоренение алчности приведет к исчезновению зависти, хитрости, недоверия, и люди действительно станут братьями, сугубо заинтересованными в сохранении строя, приносящего всем счастье.

Французской революции надлежало претворить в жизнь философские концепции, которые еще незадолго до нее считались несбыточными. Мы начали это дело, завершим же его. Если мы остановимся на том месте, на котором мы сейчас находимся, то человечеству не придется выносить нам большой благодарности.

Для того чтобы от нашего скверного положения перейти к положению, которое я отстаиваю, необходимо:

1. Объединить все ныне существующие богатства в руках республики.
2. Заставить трудиться всех работоспособных граждан, каждого в соответствии с его способностями и свойственными ему сейчас привычками.
3. Утилизировать труд, сблизив те виды его, которые взаимно помогают друг другу, и давая новое направление тем из них, которые являются только следствием нынешнего накопления богатств.
4. Скоплять постоянно в общественных складах все произведения земли и промышленности.
5. Равномерно распределять все виды продукции и развлечения.
6. Искоренить источник всякой собственности, частной торговли и заменить их разумным распределением, осуществление которого вверить общественной власти.
7. Учредить общественные воспитательные дома, в которых каждому человеку будут прививаться навыки к труду, наиболее соответствующему его силам и склонностям.

Таким образом, эгоизм не будет более побудительной причиной деятельности и труда отдельных лиц; эти лица, как бы различны ни были произведения их труда и их применение, будут получать одинаковое вознаграждение питанием, одеждой и т.д.

Из этого вывода наши богачи извлекают следующие два возражения:

1. Потребность в пропитании и надежда на улучшение своего положения являются источниками труда и воспроизводства: как только эта потребность и эта надежда исчезнут, прекратится труд, прекратится воспроизводство, и общество придет в упадок.
2. Раз любой вид труда вознаграждается одинаково, то исчезает побудительный мотив для того, чтобы отдаваться научным изысканиям, приводящим к полезным для общества открытиям.

Я отвечаю:

1. Нетрудно дать всем понять, что кратковременное ежедневное занятие обеспечит каждому более приятную жизнь, свободную от постоянно снedaющих нас тревожений. Тот, кто в настоящее время трудится до истощения ради ничтожного вознаграждения, безусловно согласится трудиться немного и получать много.

К тому же это возражение целиком основано на прискорбном представлении о труде, который в нашей системе при разумном и всеобщем распределении превратится в приятное, привлекательное занятие, уклоняться от которого ни у кого не будет ни желания, ни заинтересованности.

2. Вполне доказано, я полагаю, что науки обязаны своими достижениями скорее любви к славе, чем жажде материальных благ. А в таком случае наше поистине философическое общество, имея в своем распоряжении все средства, чтобы решительно, безоговорочно воздать должное своим благодетелям, будет вправе рассчитывать на них в большей мере, чем наши развращенные общества, в которых дарование и добродетель встречают пренебрежительное отношение и обречены на нищету, меж тем как почти всегда глупость и преступление, обладают чрезмерным богатством.

Я достаточно об этом говорил, чтобы, читая меня, не сомневались сколько-нибудь серьезно в том, что принцип алчности и эгоизма, лежащий в основе всех наших учреждений, отвратителен и что положить конец волнениям, несчастьям и всем видам тирании, разделяющим и угнетающим нас, можно лишь в том случае, если мы снова перейдем в условия такого общественного порядка,

при котором каждый человек, внося равный вклад, сможет извлечь из него равную выгоду. Ибо все рассуждения экономистов никогда не смогут убедить здравомыслящих и добросовестных людей а неоспоримой справедливости того, что люди праздные пользуются всем и поработают, унижают и третируют людей, которые, делая всё, не имеют почти ничего.

Гражданин М.В. выставляет также против нашей системы равенства необходимость правительства и слишком большой размер республики.

Ответить на это нетрудно:

1. Лица, на которых будет возложена охрана этой системы, механизм которой будет крайне прост, должны будут рассматриваться как работники, необходимые для общего блага; поскольку они никогда не смогут получить в свое пользование более того, что будут получать другие граждане, весьма заинтересованные в том, чтобы установить надзор за ними, то нечего будет опасаться, что они попытаются сохранить за собой власть, пренебрегая волей народа.

2. Если среди небольшого племени легко могут быть преодолены все трудности, которые предрассудки выставляют против общего для всех труда и общего пользования его плодами, то ничего не мешает тому, чтобы эти трудности были также преодолены в такой обширной ассоциации, как Франция. Прежде всего, что касается труда, то легко понять, каким образом все граждане смогут ему отдаваться каждый на том месте, на которое он будет поставлен, а также соответственно плодородию почвы. Что же касается равного распределения предметов потребления между всеми коммунами республики, либо между теми из них, которые смогут в этом распределении участвовать сообразно отношению, которое они будут иметь к различным климатическим условиям, то я не вижу, почему мудрое правительство, избавленное от помех, которые в настоящее время вносит в этот род операций алчный эгоизм правителей и тех, кем они управляют, не сможет осуществить такое распределение с большим удовлетворением для граждан, часто обреченных в нынешних условиях на голод вследствие корыстных расчетов спекулянтов. При таком порядке вещей я вижу:

1. Ремесла, насаждаемые благодаря разумным учреждениям в тех местах, где они могут оказаться наиболее полезными. Став ближе к земледельцам, они способствуют исчезновению больших городов, являющихся вместительным пороком, и насаждению во всей Франции сельских местностей, украшенных многочисленным счастливым населением, размножению которого ничто не будет препятствовать.

2. Людей, просвещенных, получивших благодаря общественному воспитанию навыки к труду, любящих родину больше, чем они сейчас любят свои семьи. Обсуждая со знанием дела общественные вопросы, они показывают миру первый образец демократии и доблести, защищаемых многочисленным населением с львиной храбростью.

3. Французов, живущих без денег, без лишений, без огорчений и жадного стремления к накоплению на будущее, с радостью воздающих отечеству общую дань — труд; наслаждающихся природой и проводящих остальное время, участвуя в общественных празднествах, в обсуждении законов и в просвещении молодежи.

4. Общество, избавленное от судебных процессов, от ненависти, зависти, от всех пагубных последствий системы частной собственности.

5. Законодательство, сведенное к крайне простым принципам и являющееся только искусством увеличения познаний и радостей общества.

6. Отечество, в случае опасности находящееся путем удлинения на полчаса рабочего дня больше солдат и ресурсов, чем их могут доставить в настоящее время все финансисты Европы.

О, соотечественники мои, вот они: свобода, мир и счастье! Вот единственное исцеление от стольких раздоров и группировок, которые могут привести к поработанию, либо ко всеобщему благу! Какие же могучие препятствия противостоят тому, чтобы, взявшись, наконец, за ум, мы перестали питать зависть друг к другу, вести борьбу между собой, взаимно уничтожать один другого? Глупость одних, лень других и порочные привычки, сделавшие спесивыми сердца людей, хладнокровно взирающих на нищету их ближних, следствие их пагубного богатства. Дружья отечества! Патриоты-философы! Вам именно надлежит завершить революцию. Именно ваши рассуждения, ваши сочинения должны искоренить эгоизм, источник тирании и несчастья. Именно истина должна сокрушить, наконец, монархизм — следствие и причину величайшего неравенства, — который будет существовать всегда, при любой форме правления до тех пор, пока подлинное равенство и демократия не объединят все интересы, не уничтожат всякое пристрастие и не лишат одних людей возможности, вопреки интересам общества, стеснять, ущемлять, поносить и угнетать всех других.

Если бы власть имущие не были заинтересованы в том, чтобы противиться развитию общения между людьми, то я считал бы успех этого начинания обеспеченным. Ибо если заговорить с народом ясно и искренно, то нет сомнения в том, что он тут же выскажется за равенство. Но стоит только всему этому не понравиться порочным сердцам и расстроенному воображению власть имущих, и люди, которые найдут в себе мужество выполнить свой долг по отношению к массе народа, должны ожидать того, что их будут не только терзать на тысячи ладов,

но и обзывать — как это происходит уже сейчас — злодеями, подстрекателями и роялистами. Правда, едва ли кто поверит, чтобы людям, сокрушившим трон и не выносящим какое бы то ни было неравенство, даже неравенство в кругу праздных и богатых, нравился монархический строй, верх всякого неравенства. Но все же найдутся глупцы, которые поверят этому, и надо, чтобы патриоты великодушно стерпели это новое оскорбление; если они не будут отстаивать ценой своей жизни всеобщее благо, то в глазах потомства революция запятнает философию и станет их преступлением.

Мне остается рассеять последнее сомнение гражданина М.В., опасющегося анархии при переходе от нынешней системы к системе равенства.

Патриоты, воскликните вместе со мною: «О наши сограждане! Бросим наше золото в море, будем все трудиться, будем все пользоваться плодами нашего труда, изгоним праздность и роскошь». И эта ободряющая речь, поддержанная разумными рассуждениями, устранил всякие сомнения в отношении преобразования, всякие внушающие опасения пререкания. Но если и вправду этот переход должен привести к отклонениям в сторону, которые, однако, никогда не сопровождали наши великие национальные движения, то я утверждаю, что это будут последние воздействия умирающей анархии. В сущности говоря, беспорядок и анархия существуют фактически во всех современных обществах Европы, в которых под различными предложениями и различными способами у народа отняты все его права. И конечно, стоит подвергнуться опасности некоторых кратковременных отклонений, только бы была восстановлена система счастья, которая претворит в действительность предсказания философов относительно революции и, по всем признакам, сокрушит, наконец, правительства, которые все еще, не дают нам покоя, вследствие того, что их подданные до сих пор не усмотрели в наших преобразованиях ясную и безусловную печать всеобщего блага, за которое мы так ратовали.

Париж, 28 жерминаля IV года республики.

13 (приложение). НОВАЯ ПЕСНЬ ДЛЯ ПРЕДМЕСТИЙ*

Народ, лишенный прав своих,
Ты, мучим голодом, притих
И только стонешь, бедный,
Меж тем как наглый мироед,
Тобой щадимый столько лет,
Возносит клич победный.
Мощны вабившая орда,
Ни сил не тратя, ни труда,
Жрет мед, забравши улей,
А ты, трудящийся народ,
Попробуй — может, впрок пойдет —
Глотать, как страус, пули.
Тень Гракхов, Брута призови,
Народной баловней любви,
И дрогнут богатей.
Трибун, услышь наш скорбный стон,
Святого *равенства* закон
Нам начертай скорее.
Все Привилегии долой!
Пусть Люксембург** перед тобой
Склонится и Верона.
В стране, где граждане равны,
Султаны пышные смешны*** —
Пусть делят участь трона.
Довольно голодал народ
Под властью тяжкою господ,
Он стал теперь умнее.
Шуанов люксембургских нам
Не надо, как и тех, что там
Бесчинствуют, в Вандее.
Вы, мудрых планов мастера!
Спасти их от огня костра

* Составлена Сильвеном Марешалем.

** Королевский двор и аристократия, верхушка которой находилась в Люксембурге.

*** Султаны служили украшением для членов Директории.

Напрасны все усилья.
Оставьте же в покое нас,
Сумеет *равенство* без вас
Создать в стране обилье.
Нам Директорией писать
Запрещено, на мне печать
Наложена молчанья.
Так в братский заговор молчком
Для блага общего войдем,
Собратья по призванью.
Двойной Совет, ценимый в грош,
Директора, которых в дрожь
Приводит слово «пика»,
Кормимый ласками солдат
И ущемленный демократ —
Вот лик республики великой.
Солдаты! Королевский трон
Был нами вместе сокрушен,
Нам святы ваши раны,
Но — ах! — вас нынче не узнать:
Ужель вы согласитесь стать
Дворцовой охраной?
Когда с войсками шел народ,
Он трона сокрушил оплот, —
И с ним Бастилии узы.
Тираны новые! Солдат
Поймет, что бедняку он брат, —
Страшитесь их союза!
Себе пою я на беду:
За эту песню попаду
В узилище, я знаю;
И все же говорю я: пусть!
Ее зачит наизусть
Народ родного края.
Второе приложение тринадцатому документу
Долой несправедный закон,
Делящий род людской на части!
Раб не на веки обречен
У господина быть во власти.
Внемлите зову моему,
Простые люди из народа!
припев
Покиньте черной ночи тьму,
Всем солнце светит с небосвода.
Природа-мать людей родит
Всех равными между собою, —
Так почему ж теперь царит
Меж них неравенство такое?
Внемлите зову моему, и т.д.
Зачем вокруг нескольких господ
Толпе немых рабов теснится?
Восстань, отважный санкюлот,
Сотри сословные границы.
Внемлите зову моему, и т.д.
Когда был молод род людской,
Не знали войн, не знали злата,
Не знали роскоши лихой,
Не знали нищеты проклятой.
Внемлите зову моему, и т.д.

Тогда повсюду без помех
Святое равенство царило,
И одинаково для всех
Дневное искрилось светило.
Внемлите зову моему, и т.д.
Все жили дружною семьей,
Был дух стяжания неведом;
Чтоб общий оградить покой,
Сосед не ссорился с соседом.
Внемлите зову моему, и т.д.
Но в скорости к господству страсть,
Обманом пользуясь негодным,
Решила взять над миром власть
Наперекор правам природным.
Внемлите зову моему, и т.д.
На свете государи вдруг
И подданные появились,
Хозяева и толпы слуг —
Людские доли разделились.
Внемлите зову моему, и т.д.
Теперь бессовестный грабеж
В наряд закона облакают,
И злодеяние и ложь
Добром и правдой называют
Внемлите зову моему, и т.д.
Не мог, о Гракхи, жизнь спасти
Вам замысел ваш благородный.
Мечи убийц он отвести
Не мог от гордости народной.
Внемлите зову моему, и т.д.
Марат, Сен-Жюст и Робеспьер,
Мы чтим вас, о Ликурги наши!
Ведь жизнь от ваших мудрых мер
Уж становилась легче, краше
Внемлите зову моему, и т.д.
Уже палаты богачей
Ушли под черной ночи оводы.
И клич пошел: для всех людей
Сияет солнце с небосвода.
Внемлите зову моему, и т.д.
К природе вас вернули вы,
Не пожалев на то усилий,
За каждый смелый шаг, увы,
Обильной кровью вы платили.
Внемлите зову моему, и т.д.
Сулят нам новую напасть
Злой крик д'Англа и деньги Питта;
Нам пресмыкаться иль пропасть, —
Лишь преступленью нам защита.
Внемлите зову моему, и т.д.
Народы, спите вы давно,
Пора настала пробужденью, —
Пусть, грозное, подаст оно
Сигнал к благому преступленью.
Внемлите зову моему, и т.д.****

14. НАСТОЯТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПАТРИОТАМ¹³⁸

Друзья! Мне отнюдь не следовало бы говорить с вами сегодня. Я отрываюсь от весьма напряженной работы, чтобы наспех обратиться к вам с несколькими крайне необходимыми словами. Выслушайте же их: они бесконечно интересны для вас.

Истина восторжествовала. Все угнетатели в ужасе. Друзья народа раскрыли ему глаза. Армия также видит все воочию. Никакая плотина не может больше остановить бурного потока энергии. Наши властители увидели все это и принимают новые меры, чтобы предотвратить крушение, ожидание которого служит нам утешением, а их приводит в отчаяние.

Десять-двенадцать дней назад они пришли к заключению, что преследования, поношения лучших граждан не являются более действенным оружием в их руках. Они заменили их коварством и отвратительной лестью. Лютые волки превратились в изворотливых и предупредительных лисиц. Не обманывайтесь на их счет, они и впредь остаются хищными животными; их природа все та же и никогда не изменится. Они лицемерно заигрывают с вами сегодня. Завтра они сожрут вас.

Вот от чего я должен вас предостеречь.

Агенты Тальенов, Лежандров, Баррасов, как и сами эти почтенные люди, суетятся и усиленно трудятся над тем, чтобы попытаться свалить вас в самую ужасную западню; они используют ваше нерасположение ко всем преступным виновникам ваших несчастий, в первых рядах которых они сами фигурировали; они имеют бесстыдство прикидываться, будто это были не они или, по крайней мере, будто сейчас они не имеют ничего общего со сворой преследователей, которая действовала именно по их внушению и согласно их предписаниям; они не смеют заявлять вам о том, что сейчас они готовы стать мстителями за злодеяния, которые они сами совершили и на которые толкали других. Необходимо показать вам, куда простираются их цели, какую глубокую пропасть они снова роют вам. Но до этого необходимо показать вам ход их интриг.

К Фер... и прежней компании они присоединили новых мошенников, полный список которых мы могли бы здесь привести. Но сегодня мы удовольствуемся указанием на двух из них, которые действовали более открыто, чем другие. Риш...* и Сул...* (последний выдает себя за литератора) вот уже несколько дней как получили задание обработать группы в Тюильри. Они превосходно выполняют свою миссию — довести народ до наивысшего возбуждения. Они заявляют тем, кто к ним прислушивается, что оба Совета состоят из одних злодеев; что Баррас и Карно являются прекрасными республиканцами, которые обязательно положат конец бедствиям народа и спасут отечество; что именно поэтому существует гнусный заговор с целью умертвить их; что, следовательно, необходимо сплотиться вокруг них и их друзей, вооружиться без промедления и ударить в набат.

К этим фактам мы должны прибавить следующие обстоятельства:

Истинный демократ, за которого принялся в последние дни на террасе Тюильри агент Риш... **, чтобы вбить ему в голову эти идеи сговора, встретил возражения по поводу странной поспешности, которая, по-видимому, вносится в столь важное дело. В это время их встретил Лежандр, у которого Риш... спросил, нет ли новостей относительно последних дел. Прериальский палач ответил, что ему непонятно, каким образом патриоты могут следовать внушениям трибуна народа, который — как это очевидно — сильнее всего ополчается против лучших республиканцев, таких, как Баррас и Карно; что следует со всей силой обрушиться на тех, о которых он твердо знает, что они причинили много зла, на таких, как *Инар и его клика*; что необходимо, чтобы патриоты сплотились с целью уничтожения этих лиц, но что для этого надо, чтобы и одной и другой стороной были забыты *небольшие промахи*, которые могли быть взаимно допущены, и т.д.

В нескольких шагах от того места другой мерзавец спросил еще у одного демократа, не известен ли ему *такой* человек, который пользуется влиянием в каком-либо из кварталов Парижа, что он может сообщить ему кое-что хорошее от имени Тальена. Интриган добавил: «Ты патриот, ты можешь пригодиться; надо, чтобы через несколько дней бомба разорвалась; надо забить тревогу. Я ищу *такого* человека, чтобы ввести его в курс дела».

Заговор сплетён довольно ловко, приманка подготовлена не хуже многих других, которыми вас одурачивали и жертвой которых вы являлись. Но возможно ли, чтобы вы стали также жертвой и этой приманки?

Ясно, что именно этого хотят люди, которые непрестанно терзают вас, морят голодом, обременяют множеством оков.

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная Ст. В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

ДОКУМЕНТЫ

Vive Liberta и *Век Просвещения*, 2009

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

** Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

Для них прежде всего важно спасти свои головы, так как они видят, что великое правосудие народа, убедившегося в их беспримерных, бесчисленных преступлениях, готово свершить над ними давно вынесенный им ужасный приговор. Они считают, что могут добиться этого, лишь прикинувшись, будто они бросаются в объятия демократов; они тем легче рассчитывают снискать себе хитростью расположение демократов, что воображают, будто им удастся убедить их в том, что народ не может найти себе спасения без помощи некоторых из тех, кто делит с ними власть.

Но каким путем — надо полагать — хотят они добиться того, чтобы спасти свои головы? Неужели патриоты столь простодушно считают, что те добьются этого путем чистосердечного служения демократии в качестве искупления за бесчестное истребление ими этой демократии при помощи самых злодейских способов, с тем, чтобы заслужить этим исправлением их великодушное прощение?

Неужели патриоты столь простодушно допускают, что те откажутся от власти, от верховенства и инициативы в период революционного движения и после него, чтобы жить мирно под сенью простых демократических законов, под сенью священной амнистии снисходительной нации? Нет, нет, не в этом состоит их план. Эти угнетатели увидели, что принципы демократии одерживают верх, что их трон зашатался, что к ним потеряно всякое доверие, что таким доверием вместо них пользуются только защитники народа...^{***} Они сказали себе, что надо придумать какое-нибудь новое движение, которое дало бы им возможность сразу вовлечь всех людей, к которым народ питает доверие, их сторонников и всех тех, кто еще способен играть активную роль в пользу народного дела. Это последний продукт системы массовых избиений, которые хотят совершить; развеять в прах оставшихся патриотов — вот чего они хотят. Они сказали: будем льстить этим патриотам, умасливать их, пообещаем им всё, чего они требуют. Что произойдет? Благодаря своей позиции мы одни непременно завладеем инициативой движения, которое навсегда избавит нас от них, как и от всех других наших врагов. Мы предотвратим какой бы то ни было враждебный акт с их стороны; мы парализуем все благоприятные для их дела результаты их воздействия на умонастроение народа, которое они могли оказать своей работой; мы сделаемся их вожаками и укрепим навсегда нашу власть. Вот каким образом: мы, Баррас, Фрерон, Лежандр и Тальен, встанем во главе. Наши опозоренные имена не соберут вокруг нас всей массы народа; огромное большинство в ужасе отшатнется и откажется идти под наши знамена. Это-то нам и нужно. Мы соберем только подкупленных нами наймитов, а вместе с ними ядро пламенных, но опрометчивых патриотов, которых нашим мерзавцам удастся ввести в заблуждение, ядро таких людей, которые меньше считаются с разумом и правотой, чем с нетерпеливым желанием броситься в любое предприятие, которое, как им кажется, ведет к спасению их дела. Таким путем мы будем иметь только частичное выступление, а это-то нам и нужно. Оно не внушает нам опасения, что мы будем развенчаны, и дает нам возможность провести основную операцию, гарантирующую нам успех всех других. Этого частичного ядра нам будет достаточно, чтобы нанести смертельный удар тем, кто является роялистами в другом роде, чем мы. Эти Роверы, Инары, эти Ланжюинэ, Буасси и прочие хотят королей прежней породы; мы же хотим королей новой фабрикации: мы сами хотим быть ими. Так вместе с нашими безмозглыми демагогами мы станем убивать адвокатов Людовика XVIII, и как только эти главари падут, роялизма, противостоящего нашему, не станет больше; наша власть окрепнет. Демагоги, как это было в вандемьере, потребуют от нас другого результата этой рискованной затеи; но, так же как в вандемьере, нам легко будет заставить их замолчать и оставаться в бездействии. Мы заявим им: довольно, сейчас ничего больше делать не надо, отдохните пока вас не призовут. Мы не позволим им долго спать. Так как нам останется разбить только одну крамольную партию, то мы наверняка *перебьем* эту партию анархистов, которая только на несколько дней переживет партию роялизма. *Мы устроим одно массовое избиение* и затем будем беспрепятственно властвовать над стадом истых рабов.

Друзья! вот в чем состоит их заговор; *вот их исполненная ужасов тайна*. Сможет ли еще кто-либо дать прискорбным образом себя обмануть, после того как эта тайна раскрыта?

Нет, у нас не будет частичного выступления. Масса патриотов и народа, несомненно, не тронется с места в ответ на вероломный призыв какого-нибудь Барраса или Тальена; я льщу себя надеждой, что после моего предостережения они не найдут даже двух человек, которых можно было бы обмануть. Да, да, их антихристы, их фальшивые пророки будут напрасно стараться. Жалкие лакеи! атакуйте повсюду республиканцев; задерживайте их во время прогулки, на улицах; раздражайте их повсюду своими бесстыжими лицами; ваша смертоносная отравка будет бессильна перед нашим неуязвимым противоядием. Они отвергнут вас, вас и ваши коварные речи, со всем презрением, какого вы заслуживаете. Я заявляю вашим хозяевам, что отныне всё, что они дают

^{***} В книге Буонарроти далее сказано: «В экземпляре, которым мы пользуемся, имеется в этом месте большой пропуск; невозможно было найти полный экземпляр».

В настоящем издании мы восполняем по газете «Tribun du Peuple» № 42 текст из статьи Бабефа, недостававший в экземпляре, которым пользовался Буонарроти. Текст этот заключен в квадратные скобки. — *Ред.*

вам, — выброшенные деньги.

Народ поднимается только всей массой, по призыву его подлинных освободителей, сигнал которых он различит по верным признакам. Он останется спокоен до тех пор, когда они ему об этом скажут; он не захочет потерять всё из-за вредной спешки. После стольких страданий он будет ждать немного дольше, чтобы лучше обеспечить свое освобождение; он будет верить своим друзьям, когда бы они ни говорили ему: «Еще не настал момент для спасения отечества».

И мы, мы также хотим освободиться от рокового влияния корифеев роялизма; но мы хотим одновременно избавиться от влияния дождей. Мы не станем выбирать между двумя видами тирании. Мы бесконечно ненавидим истых представителей Людовика XVIII, но мы питаем даже большую ненависть к лицемерным угнетателям, которые налагаемое ими на нас ярмо укрывают розами. Спешите же стать на стороне Фрерона и Лежандра, Барраса и Тальена. Простите же этим людям их *небольшие, ошибки*. Они на деле совершили лишь *мелкие проступки*. Тальен сделал всего лишь то, что открыл великую эпоху наших бедствий, постоянно защищал свое деяние, ревностно руководил всеми реакционными предприятиями, лишившими народ всех его прав, одно за другим, и взвалившими на него всевозможные страдания. Баррас *сделал* всего лишь то, что был диктатором в дни термидора, жерминаля, прериала и вандемьера; в последнюю из этих дат он поступил тем более преступно, что ввел в заблуждение патриотов, которым обещал, что поведет их на отвоевание своих прав после того, как они спасут Конвент. Лежандр сделал всего только то, что при некоторых обстоятельствах он с оружием в руках пошел против народа; и после наступления прекрасной реакции он проявлял особую жестокость как настоящий палач, именно тогда, когда дело шло о том, чтобы всеми способами перебить, перерезать народ. Что касается Фрерона, то о нем не стоит и говорить; он только вкладывал кинжал в руки всех убийц, организовал и руководил с помощью целого ряда официальных приказов, как и просто через посредство ежедневной публичной газеты, множеством убийств самых добродетельных патриотов, кровь которых вот уже восемнадцать месяцев непрерывно заливают французскую землю. После этого вы должны броситься к ногам этих в *высшей степени порядочных людей*, должны просить их быть вашими избавителями и проявлять к ним полнейшее доверие. Поднимайтесь же поскорей, когда эти страшные люди пробьют сбор, чтобы повести вас сокрушить их врагов, после чего они в вознаграждение *устроят вам прериальское избиение*. Немало прискорбных нелепостей совершено за время революции, но эта нелепость не может быть совершена вдобавок к другим; она и не будет совершена. Трибун народа не потерпит этого. Нет, народ ни за что не поднимется, чтобы сражаться под начальством тех, кто постоянно совершает над ним злодеяния. Я запрещаю ему это!!..

Идут разговоры об объединении, о примирении, о забвении ошибок, заблуждений. Пусть так, ошибок и заблуждений, но забыть постоянные преступления, — нет. Мы примем в свои ряды всех обманутых людей, служивших простым орудием, тех, кто провинился, имея чистые намерения, и кто нанес удар отечеству, думая, что служит ему. Но мы не проявим безумной низости и не согласимся на то, чтобы люди, систематически творившие целый ряд преступлений, которые все еще продолжают и губительные последствия которых причиняют нам столь мучительные беды, — мы не проявим безумной низости и не согласимся на то, чтобы эти люди возглавили нас сейчас, когда дело идет о том, чтобы залечить зло, которое они причинили нам. Мы не будем настолько глупы, чтобы поверить им, когда они заявят нам (но они даже не заявляют нам этого), что хотят искупить все свои злодеяния и что они сами пресекут их ужасные последствия. Мы не должны потерпеть даже того, чтобы эти гнусные существа взяли оружие в руки и в качестве простых солдат становились в ряд с нами. Если бы французский народ позволил себе действовать по-иному в отношении их, он был бы самым презренным из народов; он не заслуживал бы более, чтобы хотя бы один сильный и мудрый человек приложил свои силы для того, чтобы восторжествовала свобода.

Граждане, прислушайтесь к этой истине. Не бойтесь так роялистов, засевших в сенате, — они наши слуги. Мы в состоянии бороться со злом, которое они намерены нам причинить; а раз это так, то их борьба с противостоящей им партией для нас полезна. Если все власть имущие будут принадлежать к одной партии, они будут иметь больше силы против народной партии.

Необходимо, чтобы народная партия сумела одна победить роялистскую партию, кумир которой находится в Вероне, и ту, кумиры которой находятся в Люксембурге¹³⁹, не прибегая к помощи ни той, ни другой. Было бы безумием скрывать от них наши враждебные настроения в отношении их обеих, будто бы с целью помешать им принять меры предосторожности против наших настроений. Они давно уже заметили эти настроения и сделали все, что могли, чтобы их пресечь. Они неспособны сделать это силой, как и с помощью общественного мнения, — вот почему они прибегли к хитрости. Мы одержим победу над ними и при применении ими этого их последнего средства. Я выступаю против них совершенно открыто. Простофили, Глупцы из группы осторожных, быть может, еще скажут, что лучше было бы оставаться в тени. Я заявляю, что совершенно необходимо и что настало время для того, чтобы вся масса армии санкюотов увидела поле сражения и чтобы снова ее существование не могло более оставаться скрытым от

врага. Не неожиданным для него образом мы можем и хотим одержать над ним победу, а более достойным народа путем — путем открыто действующей силы. Мы далеки от малодушия, которое заставило бы нас думать, что собственными силами мы ничего не можем сделать и что нам постоянно необходимо иметь властителей. Власть имущие устраивают всегда революции лишь для того, чтобы самим властвовать. Мы же хотим осуществить, наконец, революцию, чтобы навсегда обеспечить счастье народу путем истинной демократии. Санкюлоты! Откажемся от ненависти к известным лицам; ведь мы поднялись во имя хлеба, благосостояния и свободы. Не позволим же вводить нас в заблуждение. Не станем отвлекаться от действительной цели, в которой мы заинтересованы. Я заявляю вам об этом и повторяю: ошибочно думать, будто одни, собственными силами вы не способны ничего сделать. Только сам народ, действуя один, сможет совершить нечто великое и достойное его. Не трогайтесь, следовательно, с места, пока не увидите, что пришли в движение и появились на сцене именно люди из народа. Не попадайтесь в ловушку; не ищите в другом месте своих освободителей; не признавайте никаких других знамен. Ни в коем случае не позволяйте обманывать себя при помощи другого софизма шпионам, истолкователям всех лживых наущений наших врагов: они утверждают, будто у них имеются свои солдаты. Они лгут, солдаты отнюдь не на их стороне, они на нашей стороне. Они наши по самой своей сущности, как и в силу их нынешних настроений. Да, солдат пойдет только с нами и ради нас. Тем лучше, что злодеи, которые на нас наседали, привели к нам большую армию. Они поступят еще лучше, если увеличат ее, и мы будем еще более сильны. Дело сделано, поучение пустило корни среди наших зачисленных в армию братьев, которые, как и мы, вышли из народа и у которых одно общее с нами дело. Тираны все еще обманывают сами себя, когда переводят их ежеминутно с места на место: вновь прибывающих наставляют те, кто пришел раньше их, а переведенные оттуда переносят в другие места догматы, которые мы втолковали им, так что наши *отравляющие* народ обращения действуют повсюду. Нет, нет, ни гражданская, ни военная инквизиция не в силах более помешать тому, чтобы эти обращения зачитывались нашим солдатам и нашим рабочим, которые жадно набрасываются на них и в них черпают ферменты самой действенной и самой упоительной демократической заразы. Народ! тебе достаточно, таким образом, своих собственных людей, либо ты целиком на их стороне; на их стороне и значительная часть солдат-санкюлотов, которых надеялись ввести в заблуждение, чтобы противопоставить их тебе. Итак, когда *настанет день народа*, мы все вместе пойдем к верной победе, вслед за людьми из народа и исключительно под их руководством, как только они укажут нам этот счастливый день.

Грахх Бабеф, трибун народа

15. ОБРАЩЕНИЕ ПОВСТАНЧЕСКОГО КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ К НАРОДУ Акт о восстании

Равенство. Свобода. Всеобщее благо.

Французские демократы, принимая во внимание,
что угнетение народа и его нищета переходят всякие границы; что это состояние тирании и несчастья есть результат существования нынешнего правительства;
что многочисленные преступления правителей вызывали против них повседневные и всегда бесполезные жалобы со стороны управляемых ими;
что народная конституция, которой народ присягнул в 1793 г., была отдана им под охрану всех добродетелей;
что, следовательно, когда народ в целом утратил все возможности гарантии против деспотизма, то самые отважные, самые неустрашимые из добродетельных людей должны взять на себя инициативу восстания, как и руководство освобождением масс;
что признанные в этот же период 93 года права человека вменяют всему народу и каждой его части в качестве священнейшего из прав и необходимейшей обязанности поднять восстание против правительства, нарушающего его права, и что они предписывают каждому свободному человеку немедленно предавать смерти тех, кто узурпирует суверенитет;
что заговорщическая фракция узурпировала суверенитет, подменив своей частной волей общую волю, свободно и законно выраженную в первичных собраниях 1793 года, навязав французскому народу при помощи преследований и убийств всех друзей свободы мерзкий кодекс законов, названный конституцией 95 г., вместо демократического соглашения 1793 г., принятого с таким энтузиазмом;
что тиранический кодекс 95 года нарушает самые драгоценные права в том отношении, что он устанавливает различия между гражданами, воспрещает им санкционировать законы, изменять конституцию и собираться, ограничивает свободу выбора ими общественных уполномоченных и не дает им никакой гарантии против узурпаторских действий правителей;

что творцы этого ужасного кодекса находятся в состоянии постоянного мятежа против народа, так как, пренебрегая его верховной волей, присвоили себе власть, которую один только народ может им доверить; что они создали себе собственными силами либо с помощью горстки мятежников и врагов народа одни — замаскированных королей, другие — независимых от народа законодателей;

что эти угнетатели, после того как они сделали всё для того, чтобы деморализовать народ; после того как они подвергли поношению, унизили и совершенно устранили атрибуты и учреждения свободы и демократии, привели к гибели лучших друзей республики, призвали и взяли под свое покровительство ее жесточайших врагов, расхитили и опустошили государственную казну, выкачали все национальные ресурсы, совершенно обесценили республиканский денежный фонд, совершили позорнейшее банкротство, предоставили алчности богачей все, вплоть до последних отрешившись от неимущего, вот уже около двух лет умирающего каждодневно от голода, и, не довольствуясь столькими преступлениями, хотят путем изощренной тирании лишить народ даже права выражать недовольство;

что они плели заговоры и благоприятствовали им с целью поддержания гражданской войны в западных департаментах; обманули нацию притворным умиротворением, тайные статьи которого содержали условия, противоречившие воле, достоинству, безопасности и интересам французского народа;

что еще недавно они призвали на помощь свору иноземцев и что все главные заговорщики Европы находятся в настоящее время в Париже с целью осуществления последнего контрреволюционного акта;

что они расформировали и недостойным образом обращались с батальонами, доблестно отказавшимися от содействия им в их ужасных замыслах, направленных против народа;

что они посмели предать суду храбрых воинов, наиболее энергично боровшихся против угнетения, и что в добавление к этому бесчестию они назвали роялистским внушением их мужественное сопротивление воле тиранов;

что трудно и слишком долго было бы проследить и полностью обрисовать антинародную деятельность этого преступного правительства, каждая идея, каждое действие которого являются преступлением против нации;

что доказательства всех этих преступных действий кровью начертаны во всей республике;

что из всех департаментов раздаются единодушные вопли о пресечении его деятельности;

что наиболее близко стоящей к угнетателям части граждан надлежит перейти в наступление против угнетения; что эта часть граждан ответственна перед всем государством за сохранение свободы и что слишком долгое молчание сделает ее соучастницей тирании;

принимая, наконец, во внимание готовность всех защитников свободы, —

организовались в Повстанческий комитет общественного спасения и берут на себя ответственность и инициативу восстания, постановив:

Ст.1. Народ находится в состоянии восстания против тирании.

Ст.2. Целью восстания является восстановление конституции 1793 г., свободы, равенства и всеобщего блага.

Ст.3. Сегодня, с раннего утра, граждане и гражданки выступят со всех пунктов, не соблюдая порядка и не дожидаясь движения соседних кварталов, которое они вызовут своим выступлением. Они соберутся при звуке набата и труб под предводительством патриотов, которым Повстанческий комитет вручит флажки со следующей надписью;

Конституция 1793 г. Равенство. Свобода. Всеобщее благо.

На других флажках будут начертаны следующие слова:

«Когда правительство нарушает права народа, то восстание является для всего народа и для каждой его части священнейшим правом и необходимейшей обязанностью.

Лица, узурпирующие суверенитет, должны быть преданы смерти свободными людьми».

Народных генералов можно будет отличить по весьма заметным трехцветным лентам, развевающимся вокруг их головных уборов.

Ст.4. Все граждане с оружием в руках или, за неимением оружия, с другими наступательными орудиями направляются под исключительным предводительством вышеназванных патриотов к административным центрам их округов.

Ст.5. Повстанцы забирают все виды оружия всюду, где они найдут его,

Ст.6. Заставы и водные пути должны строго охраняться: никому не должен быть разрешен выезд из Парижа без официального и специального распоряжения Повстанческого комитета; в город могут иметь доступ лишь курьеры, разносчики и развозчики съестных припасов, которым будет обеспечена защита и безопасность.

Ст.7. Народ захватит государственное казначейство, почту, дома министров, все государственные и частные склады, в которых имеется продовольствие или боеприпасы.

Ст.8. Повстанческий комитет общественного спасения отдает приказ легионам примыкающих к Парижу военных лагерей, поклявшимся умереть во имя равенства, о повсеместной поддержке усилий народа.

Ст.9. Патриоты, проживающие в провинции и бежавшие в Париж, храбрые офицеры, отрешенные от должности, призываются отличиться в этой священной борьбе.

Ст.10. Оба Совета и Директория, являющиеся узурпаторами народной власти, будут низложены. Все входящие в их состав члены будут немедленно преданы суду народа.

Ст.11. Так как любая власть уступает место власти народа, то никакой так называемый депутат, член узурпаторской власти, никакой член Директории, никакое начальствующее лицо, никакой судья, офицер, унтер-офицер национальной гвардии, никакое общественное должностное лицо не вправе осуществлять какую бы то ни было власть или издавать какое-либо предписание; лица, которые нарушат это постановление будут немедленно предаваться смертной казни.

Любой член так называемого Законодательного собрания либо член Директории, застигнутый на улице, должен быть задержан и немедленно отведен к месту его обычного пребывания.

Ст.12. Всякое сопротивление должно быть немедленно подавлено силой. Сопротивляющиеся подлежат истреблению.

Подлежат также смертной казни:

Лица, которые будут сами или заставят других бить сбор;

Иностранцы, к какой бы национальности они ни принадлежали, которые будут застигнуты на улице;

Все председатели, секретари и командиры вандемьерского монархического заговора, которые также посмеют открыто показаться.

Ст.13. Всем посланникам иностранных государств предписывается оставаться дома на время восстания; они находятся под охраной народа.

Ст.14. Съестные припасы всякого рода будут вынесены для раздачи народу на площади.

Ст.15. Все пекари будут мобилизованы для непрерывной выпечки хлеба, который будет бесплатно распределяться среди народа; им будет заплачено согласно их заявкам.

Ст.16. Народ не должен успокаиваться до тех пор, пока тираническое правительство не будет уничтожено.

Ст.17. Все имущества эмигрантов, заговорщиков и других врагов народа будут безотлагательно распределены между защитниками отечества и неимущими.

Неимущие по всей республике будут немедленно вселены в дома заговорщиков и наделены мебелью.

Предметы, принадлежащие народу и заложенные в ломбарде, будут немедленно возвращены ему безвозмездно. Французский народ принимает на свое содержание жен и детей храбрецов, павших в этом священной деле; он будет кормить и содержать их; он поступит точно так же с их отцами и матерями, братьями и сестрами, находившимися на их иждивении.

Сосланным и скитающимся по всей республике патриотам будут оказаны всяческая помощь и содействие с целью их возвращения в лоно их семей. Они будут вознаграждены за понесенные ими утраты.

Так как война против внутренней тирании больше всего мешает общему спокойствию, солдаты из мужественных защитников свободы, которые докажут, что они содействовали окончанию этой войны, получают возможность незамедлительно вернуться к своим очагам с оружием и багажом; по возвращении они, кроме того, получают так давно обещанное им вознаграждение.

Те из них, которые изъявляют желание продолжать служить республике, будут также немедленно вознаграждены достойным образом соответственно щедрости великой, свободной нации.

Ст.18. Общественная и частная собственность ставятся под охрану народа.

Ст.19. Забота о завершении революции и о предоставлении республике свободы, равенства и конституции 1793 г. будет доверена назначенному восставшим народом по представлению Повстанческого комитета Национальному собранию, состоящему из демократов, по одному от каждого департамента.

Ст.20. Повстанческий комитет общественного спасения объявляет свои заседания непрерывными вплоть до полного завершения восстания.

16. НАРОД САНКЮЛОТОВ ПАРИЖА — ПОЛИЦЕЙСКОМУ ЛЕГИОНУ¹⁴⁰

9 флореаля

Отважные братья,

Ваш сигнал услышан, ваш поступок получил одобрение, ваша твердая решимость вызывает в нас восхищение. Неужели настал момент сокрушить новые скипетры? Неужели свобода установила, что в наши дни наступит конец общему угнетению? Народ полон готовности.

Нет, вы не покинете нас. Нет, вы не отправитесь умирать от меча иноземных рабов, сообщников наших. Вот что для вас уготовано. Наши тираны заключили ужасное соглашение с теми, против кого мы боремся в продолжение шести лет: они договорились выдать им на заклятие всех преданных защитников отечества; вы, братья наши, достойны того, чтобы первыми принести себя в жертву: вы взяли на себя защиту интересов народа; вместе с ним вы протестовали против всех покушений его угнетателей; при виде злодейских приготовлений вы показали, что отнюдь не желаете быть в числе его палачей. Париж, осажденный, под угрозой быть преданным огню и мечу за недовольство тем, что его вместе со всей республикой морят голодом, обируют, унижают; наконец, Париж, попавший под иго горстки жестоких узурпаторов, вызвал в вас сострадание и живой интерес. Дорогие товарищи, от вас зависит наше спасение, которое покроет вас славой. Вы можете проявить инициативу среди освободителей народа. Вы проявите ее: ваши друзья, ваши братья, ваши жены, ваши родственники требуют, чтобы, подобно тому, как они не отдали вас на уготованную вам гибель, и вы, со своей стороны, не дали им погибнуть в стенах этого города. Ваши братья, незаконно заточенные в лагерях, уже услышали от вас правду; пример ваш окончательно их убедит. Вопреки всяким запретам и препятствиям к общению с остальными смертными, они узнают, что в борьбе народа против тех, кто им управляет, правым является народ. Они узнают, что не народ надо уничтожать. Обратимся с призывом к этим храбрецам, и они также придут к нам. Что касается народа, то он сам заявляет о своей готовности. Его руководители дадут ему сигнал. Он прислушивается к ним, он на вашей стороне. Его тираны рассеются, свобода вновь вернется; снова будет изобилие и счастье; повсюду восторжествует республика и будут приняты надежные меры к тому, чтобы она не пала больше.

17. ЗАМЕТКА для ПЕРЕДАЧИ¹⁴¹

Убежденный в том, насколько необходимо полностью обмануть роялистов и ввести их в заблуждение относительно наших истинных намерений в подготовляемом движении, для того чтобы не позволить им и правительству применить против нас во время движения их банальные клички — террористов, якобинцев, прериальских мятежников и т.д., я полагаю, что следовало бы с самого начала написать мелом на головных уборах у всех людей: народная *армия*, *долгой тиранов*.

Надо будет выступить также со знаменами трех видов со следующими надписями: *народная армия*; *долгой тиранов*; *народное мщение*. Этот способ представляется мне вполне пригодным, для того чтобы заставить служить нашим замыслам самих наших врагов. Об этом можно судить по аплодисментам, которые вызывают у них в театре слова: «*Трепещите, тираны*» и т.д. Когда успех окажется на стороне народной партии, тогда надо будет показать в театральной форме словно спускающиеся с облаков знамена с надписями: «*Конституция 93 года; всеобщее благо; победа народа*» и т.д.

Вы увидите, как среди аплодисментов и тысячекратного «браво» восстание само собой направится к своей естественной цели.

Только таким путем можно надеяться направить усилия всех людей против общего врага, извлечь верную пользу из народной ненависти и избежать противодействия роялистской фракции, которое может оказаться весьма вредным при начале действия.

18. РЕЧЬ к ПОСЛАНЦУ КОМИТЕТА МОНТАНЬЯРОВ¹⁴²

Вам известно, гражданин, какие усилия приложили некоторые демократы для восстановления прав народа.

Вы знаете, что, несмотря на все преследования и эшафоты, мы находили в себе достаточно мужества и неустранимости, чтобы отстаивать священное дело человечества, и до сих пор продолжали пренебрегать опасностями во имя создания партии оппозиции против тирании.

Из темниц, куда мы были удостоены быть брошенными тиранами, мы вышли в период вандемьера лишь для того, чтобы снова на нее обрушиться. Священный огонь в то время погас; народная масса была роялизирована; часть патриотов, сломленных, усталых, переродившихся в тюрьмах, была весьма счастлива очутиться на свободе; если их не сломила тюрьма, то они готовы были вступить в сделку с жестоким и узурпаторским правительством и даже перейти к нему в услужение, принять его планы. Если некоторые еще достойные свободы люди показывали им, насколько бесчестно и постыдно было это соглашение, то большинство из них находило для себя еще более позорное оправдание; они заявляли, что делают это с задней мыслью и что они братаются со своими врагами лишь для того, чтобы завладеть их доверием и суметь задушить их, когда будут достаточно для этого сильны.

Мы хотели внести больше законности в войну добродетели против преступления. Мы атаковали его в лоб, заставили республиканцев играть роль, более достойную их; мы вернули им их прежнее достоинство; мы отвоевали также у роялизма народ; мы открыли ему глаза на ложное мнение, которое злодеи с целью подстрекательства внушали ему, — мнение о том, будто плачевное состояние, в которое они привели его, есть результат республиканской системы; нам удалось показать народу, что оно, напротив, является результатом жестоких реминисценций роялизма и крушения здания республики и что, если бы это здание было завершено, оно принесло бы максимальное благо.

Нам посчастливилось добиться цели, к которой мы стремились путем этого наставления — настроить патриотов и народную массу на то, чтобы низвергнуть существующее тираническое правительство и поставить на его место правительство, более достойное великой революции, которую французы имели мужество предпринять.

Мы поняли, что революционных газет недостаточно, чтобы привести нас к нашей цели. Мы сочли своим долгом несколько месяцев назад объединиться в комитет, в состав которого входит ряд мужественных демократов, сорганизоваться с целью восстания и организовать вокруг себя все необходимое для успешного осуществления восстания.

Мы многое сделали для этого; считаем, что мы собрали значительную часть материалов и подготовили почти все распоряжения, необходимые для такой цели.

У нас имеются сведения о местах, где хранятся боевые припасы, как и о способах овладения ими. Мы располагаем списками патриотов, людей твердого характера, со всего Парижа; мы располагаем средствами по первому сигналу поднять народ. Мало того, мы располагаем организацией гражданских и военных агентов, готовых к действию. У нас отпечатано полностью воззвание о нашем восстании,

Это восстание должно было уже вспыхнуть, когда нами были получены сведения и нам представлены были соображения, наведшие нас на некоторые серьезные размышления.

Мы должны заявить вам совершенно откровенно: для осуществления этого восстания мы решили обойтись без всех тех, кто входил в состав различных национальных собраний. Не имея ничего общего ни с какими фракциями, действуя только в интересах народа, мы полагали, что лучшее, что мы можем сделать, — это удалить из народного правительства всех, кто мог бы привнести в него былые предрассудки, способные нанести вред полному возрождению народа.

Вам, граждане, придется выслушать от нас несколько резко сказанных истин, их неизменно следует приписать нашей предельной чистосердечности. Мы ставили в укор монтаньярам то, что они не выполнили полностью своего долга, возложенного на них народом; мы ставили им в укор то, что они не отстаивали его прав ценой своей жизни.

Мы опасались также того, что вслед за тем, как мы снова призовем их к кормилу законодательной власти, могут возродиться дрязги и раздоры, естественные плоды былых расхождений, семена которых продолжают существовать в головах большинства из них.

Мы, наконец, были убеждены в том, что можем всё сделать, и сделать лучше без них.

Мы считаем, что в последние дни получили если не доказательство, то, по крайней мере, сильную презумпцию того, что дело обстоит как раз наоборот, и мы не хотели подвергнуть отечество гибели.

Нам было сделано несколько предложений, в которых нам было сказано, что, действуя со своей стороны в тех же целях, что и мы, вы желали бы, чтобы мы объединили наши усилия. Мы решились принять это предложение, тем более что опасались, как бы мероприятия, предпринимаемые вами и нами, не столкнулись и не нанесли вреда друг другу; мы опасались также того — об этом надо сказать, — как бы в решающий момент вы не стали поперек нашим проектам и не вышло так, что различные отряды защитников народа окажутся в разногласии между собой и что ко всем тем войнам, которые приходится вести республике против ее различных врагов, прибавится новая междоусобная война. Такое несчастье и все вытекающие из него последствия привели нас в ужас. Мы решили предупредить все это, объединившись с вами. Мы призвали вас, чтобы передать вам это решение. Нам хотелось бы, чтобы оно оказалось для вас приятным, чтобы мы могли полностью договориться, объединить и сочетать наши возможности во имя спасения народа и его избавления от тирании. Забудем все во имя достижения этой счастливой цели.

19. ДИРЕКТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ — АГЕНТАМ ДВЕНАДЦАТИ ОКРУГОВ¹⁴³

Париж, 18 флореаля IV года республики

Граждане,

Никогда еще заговор по своим мотивам и цели не был столь священным, как наш; никогда не существовало также такого заговора, действующие лица которого показали бы себя столь достойными оказанного им доверия. Никто никогда столь долго и столь удачно, как мы, не действовал тайно против вероломного правительства. Как ни старалось оно в своей беспокойной

бдительности применять пытки и до конца использовать все рычаги самой жестокой инквизиции, ему до сих пор все еще не удалось достигнуть чего-либо положительного.

Этот результат делает честь нашему выбору, павшему на вас. Он дает нам величайшую гарантию для еще большего — если это только возможно — доверия, нежели то, которое мы оказывали вам до сих пор. От таких людей, как вы, у нас не должно быть более никакой затаенной мысли. Вы должны читать в наших сердцах, как читаем мы сами, (и мы обязаны говорить вам всю правду).

Вот уже несколько дней, как наша переписка с вами стала с нашей стороны менее активной; тон ее менее твердый, менее решительный, более неуверенный, чем до сих пор. Наши действия должны были показаться вам отмеченными печатью какой-то небрежности, вялости, неуверенности. И в какой, однако, момент! В момент, когда, казалось, энергия должна была быть удвоена, когда патриоты и народная масса громогласно требовали *сражения* и когда обстоятельства казались им весьма благоприятными для того, чтобы выиграть сражение. Это дает вам возможность высказаться, может ли тем не менее наше поведение быть оправданным; если оно не может быть оправдано, необходимо, чтобы вы первые, а затем все патриоты, умонастроение которых вы направляете, навсегда заклеили и даже покарали тех, кто взялся ими руководить.

Мы могли бы ограничиться заявлением, что когда мы окинули взором имеющиеся у нас средства наступления, то с полным основанием нашли их недостаточными, вследствие чего сочли своим настоящим долгом приостановить патриотический порыв, который мог стать сигналом к истреблению демократов, тем более что ужасные уроки жерминаля и прериала должны быть постоянно перед глазами республиканцев и что достаточно еще лишь одного такого урока, чтобы погубить их навсегда.

Нас остановило не только одно это соображение. Нам известно, что во время восстания необходимо дерзнуть, необходимо, так сказать, быть более чем смелым. Вот в основном то, что вызвало с нашей стороны кажущееся промедление.

Все мы хотим, как вам известно, чтобы это восстание было последним, чтобы оно Принесло, наконец, счастье народу. Нам пришлось принять все предосторожности, способные обеспечить такой результат. Мы хотели, чтобы воззвание, которое объявит это восстание, служило гарантией первого благодеяния, простого вступления в состояние высшего счастья, которое мы намереваемся доставить народу; мы хотели — заявляем мы, — чтобы это воззвание прежде всего гарантировало *раздачу неимущим имущества всех заговорщиков*; чтобы затем было оказано, что *неимущие будут вселены в дома заговорщиков и наделены мебелью* и т.д. и т.п. Для того чтобы эти и другие столь же благие перемены могли быть осуществлены, необходимо быть убежденным в том, что власть, уйдя из рук злодеев, обладающих ею, перейдет в руки истинных, безусловных и абсолютных демократов, людей из народа и самых больших его друзей. Каким же образом передать им эту власть? — вот какое затруднение удерживало нас и все еще продолжает удерживать. Именно обсуждение этого деликатного вопроса и вынудило нас упустить ряд преимуществ, которые могли быть весьма ценными для нас, и установить, в чем состоит успех сражения, которое нам предстоит дать.

Выигрыш сражения — ничто, если мы не обеспечим себе возможность использовать победу.

Вот почему мы отпечатали в количестве 30 тысяч экземпляров первое воззвание, в котором мы установили, что Директория общественного спасения заменит существующую тираническую власть Национальным собранием, состоящим из членов, избранных из числа наиболее деятельных и испытанных демократов, по одному от каждого департамента, список которых будет представлен самой Директорией и одобрен народом. На это Собрание и будет возложено завершить совместно с Повстанческой директорией революцию и обеспечить всеобщее благо.

Множество соображений привело нас затем к выводу, что мы будем сильнее и более уверены в успехе, если призовем преследуемых депутатов бывшей Горы, не участвовавших в нарушении конституции 1793 г. и насильственно изгнанных. Мы установили, что в глазах демократов эти люди составляют законную власть, от которой они отнюдь не были отрешены народом, и, стало быть, она все еще существует. Мы, однако, не скрывали от себя, что эта часть членов Конвента была почти так же виновна и так же нарушила конституцию, как и остальные, прежде всего потому, что с 9 термидора они снова начали действовать и позволяли действовать Другим; что они без сопротивления позволили разрушить камень за камнем здание демократии, что 5 мессидора они не сказали своего слова, когда бесчестный Буасси д'Англа появился на трибуне и заставил принять его Антинародный кодекс законов; что они затем не решились из трусости открыто протестовать против этого мерзкого покушения*; что они, наконец, имели необычайную низость принимать в большинстве случаев поручения от узурпаторского и угнетательского правительства. Однако *сильнейшие доводы, которые мы приведем вам, как и народу*, позднее принудили нас на

* Три последних обвинения, предъявленные в такой общей форме, представляются мне преувеличенными (Примечание автора книги).

на короткое время закрыть глаза на эти обстоятельства и пойти на большие жертвы, чтобы извлечь пользу от людей, без которых, как мы видим, было бы, вероятно, невозможно освободить отечество от нестерпимого порабощения, в котором оно пребывает. Мы решились, таким образом, использовать их; но в то же время мы хотели оградить народ, чтобы он не попал в тиски новой тирании, когда власть окажется в их руках. Мы условились, что восстановим тех из оставшихся членов Конвента, которые были наименее запятнаны, т.е. преследуемую их часть численностью около 68 человек; что мы приставим к ним по одному члену от каждого департамента. Выбор таких людей, сделанный нами совместно с восставшим народом, будет служить против этих членов Конвента оппозиционным фронтом, насчитывающим более 100 самых деятельных и наиболее ярко выраженных демократов, не считая того, что мы сохраним наименование и власть Повстанческого комитета общественного спасения *вплоть до того времени, когда весь народ будет вполне счастлив и спокоен.*

Мы договорились об этом с бывшими монтаньярами. Они приняли все условия и обещали содействовать нам всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Ввиду этого было отпечатано новое воззвание в количестве 50 тысяч, и мы приступили к подготовке восстания.

Поверите ли, граждане? Эти члены Конвента раздумали и заявили нам, что не желают более давать патриотам гарантии против их тирании, которую легко было предвидеть; они заявили нам, что не согласны более на присоединение к ним по одному демократу от каждого департамента, т.е. что они требуют уничтожения насилия с тем, чтобы установить другое насилие; они требуют, чтобы было низвергнуто насилие сегодняшнего дня с тем, чтобы было установлено их собственное насилие.

Свои притязания они подкрепляют самыми жалкими софизмами и почти ни во что не ставят единственный довод, который мы считаем превосходным: довод о том, что мы хотим низвергнуть господство мошенников исключительно для того, чтобы наиболее прочно установить власть народа.

Вот, друзья, совершенно откровенно причина того, что остановило нас. Мы всё еще не сдвинулись с места. Эти добропорядочные монтаньяры чинят нам препятствия; их мало смущает то, что пока они препираются относительно цены, может навсегда погибнуть отечество — только бы удовлетворены были их честолюбие и спесь. Повторяем, обстоятельства, объяснить которые мы вам не можем сейчас, ставят нас, к несчастью, в такое положение, что мы по необходимости не можем обойтись без них.

В заключение этого послания нам хочется сказать вам, что тем не менее, если только сможем, мы обойдемся без них и что если это нам не удастся, то надо будет руководить народом так, чтобы предупредить зло, которое они еще смогут нам причинить, — таким образом, чтобы помимо их воли противопоставить им уравновешивающее начало, которое они отвергают.

Народ обвиняет нас в инертности. Как прискорбно, что мы не можем сказать ему, так же как вам, что служит для нас препятствием! Наши народные писатели не смогут этого сделать, не подвергая опасности самое существенное. При таком крайне досадном для нас положении мы просим вас: выведите, по крайней мере, патриотов из заблуждения, не передавая им, однако, всех частных, которые мы только что изложили исключительно для вас, заверьте их, что их руководители по-прежнему заслуживают доверия, и призовите их к терпению и к сохранению энергии, которую так или иначе придется сдерживать лишь на очень короткий срок.

Надо умереть или победить. Лучше умереть в славном бою, чем ждать гибели от руки наших тиранов, которые убьют нас одним из тысячи способов, которые они применяют и будут применять в дальнейшем.

Ждите же непрестанно решающего момента. никоим образом не беспокойтесь в случае, если увидите, как и в том случае, если не увидите, рядом с нами остатков Горы. Запомните, однако, одну из важнейших для вас инструкций — инструкцию о том, чтобы окружить огромной силой народа Повстанческий комитет в момент, когда он — как это может случиться — отправится на заседание возобновленного Конвента, чтобы предписать ему волю народа и обеспечить счастливые результаты восстания, как и немедленное осуществление того, чего потребует народ, того, что согласно желанию народа должно быть поставлено рядом со скелетом Конвента, гарантировать претворение в жизнь полного возрождения, которое необходимо осуществить.

P.S. Сообщите нам немедленно, приготовлены ли у тебя флажки; это деталь, но существенная.

NB 18-го, 9 часов вечера. Мы только что узнали, что монтаньяры уступают настоятельным аргументам, которые мы повторно выдвинули перед ними. Они окончательно соглашаются на всё, что нам угодно. Таким образом, чрезвычайно дорога каждая минута. Заявляем, что заключение нашего послания, касающегося выступления народных масс во главе с Повстанческим комитетом, остается в силе, и вам особо рекомендуется сдержанность, которую оно требует.

20. АВТОР ПИСЬМА СВОБОДНОГО ФРАНКА БРАТЬЯМ РЕСПУБЛИКАНЦАМ ПОВСТАНЧЕСКОЙ ДИРЕКТОРИИ¹⁴⁴

*Свобода. Равенство. Всеобщее благо или смерть.
26 жерминаля IV года*

С неизъяснимым удовольствием получил я, братья республиканцы, инструкции и свидетельство о присвоении мне звания вспомогательного агента, которое мне пожаловано вашим доверием через посредство брата Д.Т.Г. Надеюсь в скором времени оправдать мнение, составленное вами обо мне, если не своими дарованиями, то, по крайней мере, своим рвением, постоянством, отвагой и главным образом своей скромностью.

Детальное знание Парижа, в котором я проживал в продолжении восьми лет, я соединяю в себе с еще более ценной осведомленностью об умонастроении военных, которое я изучал всесторонне в качестве наблюдателя на протяжении семи лет, а со времени этой войны главным образом во время походов. На основании этих сведений я счел долгом набросать следующие соображения, которые предлагаю на ваше мудрое рассмотрение.

Было бы поистине ошибочно полагать, что те же стимулы, в силу которых было совершено восстание воинских частей в 89 году, могут еще и сейчас эффективно служить целям нового восстания. Машина приобрела другую форму, следовательно, нужна иная комбинация пружин, чтобы привести ее в действие. Я объяснюсь.

При монархическом режиме солдат, право же, был в меньшей степени поработчен, чем в настоящее время. Но он знал, что является рабом, так как от него это не скрывали; его офицеры не упускали случая беспрестанно напоминать ему об этом. Огромная дистанция, отделявшая их от солдата, слишком сильно давала ему чувствовать его унижительное положение.

Отсюда вытекало то, что в 1789 г. солдат принял сторону народа в меньшей степени из любви к свободе и равенству, о которых он в то время мог иметь лишь смутное представление, нежели в силу закоренелой ненависти, которую он питал к своим офицерам, ненависти, взрыв которой был тем более ужасен, что она долгое время подавлялась; эта ненависть, это бродильное семя, была в то время если не единственной, то по крайней мере сильнейшей побудительной причиной, поднявшей на восстание наши войска. Эта истина слишком очевидна, чтобы ее можно было оспаривать.

Сейчас всё обстоит по-иному: за исключением лишь самых высших чинов, почти вся масса офицеров состоит из бывших солдат, источником существования которых является их жалование, сводящееся приблизительно к восьми су звонкой монетой в день для командира батальона. Это обстоятельство вынуждает большинство офицеров, капитанов и прочих есть из общего котла со своими солдатами и, следовательно, вступать в самое тесное общение с ними. Эта одинаковая степень нуждаемости порождает между ними взаимную дружбу, привязанность и доверие, в противоположность тому, что было до 89 года. Отсюда следует, что солдат, привыкший, как все люди, судить о своей участи путем сравнения ее с участью других, глядя на своих офицеров, находит, что между ними и им существует слишком незначительное различие, чтобы питать к ним большую зависть. Офицер же, которого убаюкивают надеждой на лучшую участь в ближайшем будущем, делится этой призрачной надеждой с солдатом; это их утешает и усыпляет обоих летаргическим сном. Кроме того, современное гражданское состояние готовит большинству военных еще худшую участь, чем та, которую они в настоящее время переносят, находясь под ружьем, что в немалой степени способствует тому, чтобы держать их под ярмом, в рабском подчинении.

Но, могут сказать, как же это не находятся среди офицеров, не все из которых являются автоматами, такие, которые раскрыли бы глаза своим товарищам? Как! По очень простой причине: все те, кого заставила взяться за оружие истинная и исключительная любовь к свободе, бросили военную службу, если только они смогли это сделать, после 9 термидора, т.е. после того, как потерпело крушение дело, которое они взялись защищать. Некоторые из них, кому невозможно было отстраниться, вынуждены были еще остаться; но Исполнительная директория, которой угодны только совершенно покорные существа, постановлением от 6-го текущего месяца о новой организации армии назначила им срок для ухода в отставку. Отсюда следует, что офицерами в армии отныне останутся лишь лица, которые, будучи лишены состояния, не обладая дарованиями и ресурсами, состарившись к тому же в рабском подчинении, не смогут де повиноваться из боязни лишиться эполетов, на которое они смотрят как на *вершину* доступного для них счастья; офицерами в армии будут, наконец, лишь такие лица, которые при королях имели честь носить шерстяные нашивки на рукаве и бить солдат наотмашь клинком сабли. Вот именно такие офицеры сейчас нужны нынешнему правительству.

Что касается вообще солдат, то это уже не те пламенные защитники свободы 1792 и 1793 гг.: большинство тех храбрецов полегло на полях славы; масса же оставшихся состоит из завербованных в армию сельских жителей, которые служат свободе так же, как каторжники отбывают службу на галерах. Нередко в батальоне из четырехсот человек можно едва встретить сорок солдат, умеющих кое-как читать и писать. Городская молодежь, получившая некоторое образование, почти вся нашла способы избежать военной службы. Единственным предметом желаний большинства солдат (которых ошибочно все еще называют волонтерами), их желание, говорю я,—поскорее вернуться к своим очагам. И я могу заверить, что среди них имеются тысячи, которые придают революции так мало значения, что они охотно пожертвуют республикой ради одного своего деревенского пирога. Но зато мы имеем среди них около трети, которые, будучи солдатами по профессии и предназначенными для этой профессии при любом режиме, способны на всё, когда их используют умело.

В большинстве своем это настоящие сорвиголовы, которые, пользуясь своим влиянием, постоянно увлекают за собой нерешительных и апатичных. Чтобы привести этих людей в движение, нет надобности в красивых и пространных речах — для этого достаточно вина и видов на грабеж: без этих двух вещей от них нечего ожидать. Конвенту было хорошо известно это средство; 13 вандемьера он сумел найти ему хорошее применение.

Последние, о которых я говорил, — это вообще конные войсковые части, особенно драгуны, гусары, егеря.

Руководствуясь этими общими наблюдениями, я хочу наметить средства, которые, по моему мнению, следует применить для осуществления желанного всеобщего возрождения:

1. В наших письменных и устных выступлениях подрывать всеми силами авторитет генералов и их штабов, но щадить низших офицеров.

2. Провоцировать если не дезорганизацию воинских частей, то, по крайней мере, невозможное неповиновение, для того чтобы в дальнейшем суметь, в случае надобности, расформировать их.

3. Говорить одновременно о разграблении богачей и об окончательном увольнении из армии; в зависимости от обстоятельств можно будет уклониться от выполнения этих обещаний; не следует, однако, слишком много говорить об абсолютном равенстве, ибо начальники, шуаны, уже с давних пор до такой степени восстановили военных против этой системы, что они не только считают ее неосуществимой, но и вообще полагают, что она является верным признаком для опознавания роялистов. Это кажется странным, но тем не менее это так.

И, наконец, 4. Когда приблизится день великого деяния, весьма существенно, на мой взгляд, устроить нечто вроде балов в соседних с казармами харчевнях; туда можно будет привлечь солдат, и там, напоив их, можно будет при известной ловкости поднять их настроение до необходимого уровня.

Предлагаю вам, братья республиканцы, эти соображения с тем, чтобы дать вам совет. Если вы сочтете нужным следовать моим взглядам, то я прошу вас известить меня об этом; в ближайшие дни я займусь работой, которую назову «Диалог между Деревянной ногой и Свободным франком». Этот диалог подробно коснется нынешней нищеты и унижительного положения солдата в сравнении с его положением в 92 году.

За этой работой, написанной в солдатском стиле, последует вскоре (насколько мне позволит свободное время) другая работа под названием: «Ответ Террора Свободному франку».

Я читал и перечитывал инструкцию, и еще буду перечитывать ее, чтобы вникнуть в ее содержание и точно придерживаться ее.

С братским приветом.

21. СВОБОДНЫЙ ФРАНК - ТАЙНОЙ ДИРЕКТОРИИ

17 флореаля

В продолжение трех декад я делал тщетные усилия отыскать брата среди моих товарищей из Гренелльского лагеря. Я уже отчаялся было добиться этого, когда счастливый случай принес мне успех, причем такой, который доставит мне в скором времени другие, более солидные успехи.

Вот как было дело. Вчера я провел часть послеобеденного времени за бутылкой вина с лейтенантом моего батальона по имени Монсьон (человеком с ораторскими и военными способностями, старым солдатом из Фландрии). Я давно подозревал в нем добрые принципы, и именно для того, чтобы прощупать его, я и уединился с ним. После долгого разговора о политике вообще и после того как я достаточно напоил его, чтобы заставить говорить (ибо от природы он весьма сдержан), он признался мне с тем сердечным излиянием, которое служит верным признаком искренности, что он всегда оставался демократом, но, потеряв надежду увидеть в скором

* Это письмо написано предателем Гризелем.

времени республиканцев вновь воспрянувшими, он и некоторые из его старых друзей из Фландрии, превращая необходимость в добродетель, прикинулись сторонниками правительства, я воспользовался случаем, чтобы придать ему мужества, и, заверив его, что разделяю такой же образ мышления, дал ему понять, что мне известно совершенно точно о готовности к восстанию более 40 тысяч санкюлотов, которые сокрушили бы уже тиранов, если бы не опасение, что им придется вступить в борьбу с нами, солдатами правительственных войск.

Я добавил, что всё говорит о том, что это не помешает им в скором времени восстать и что мы наверняка окажемся жертвами, подобно тому, как ими оказались 10 августа швейцарцы. Ничего больше я не сказал, но этого было достаточно, чтобы мы договорились о следующем:

1. Сегодня же он увидится с тремя его давнишними друзьями, которых он хорошо знает, и склонит их подготовить вместе с ним войска к тому, чтобы в решительный момент оказать помощь народу; он познакомит меня со своими друзьями, не назвав им моего имени; он заявит им (что весьма существенно) и уверит их в том, что 300 человек уже завербовано, но что существует договоренность о том, что знакомы между собой могут быть только четыре человека с другими четырьмя — с целью предотвращения предательства; по усмотрению количество их может быть доведено до 15—20 человек, в том числе не более трех офицеров (так как это наименее поддающийся влиянию чин). Когда это небольшое ядро будет сформировано, я вручу каждому из них около тысячи франков ассигнатами для вербовки солдат и распространения среди них идеи о неповиновении. Вот откуда я получу эти деньги (ибо, на мой взгляд, это великий рычаг): 1) у одного из моих братьев в Абевилле хранятся мои 35 тысяч ливров ассигнатами; я попросил прислать их мне, письмо находится уже в пути; 2) у меня имеется двоюродный брат по имени Понтикур, нотариус, проживающий на улице Сент-Круа де ла Бретонери, с которым я вижу редко, так как он очень богат и, следовательно, отъявленный роялист; он часто предлагал мне займы деньги, чтобы приодеться, ибо — говорил он — у меня скорее вид санкюлота, нежели капитана. Я всегда пренебрегал его предложениями, так же как и им самим, однако не ссорился с ним из известного уважения к его отцу и т.д. Я отыщу этого двоюродного брата, скажу ему, что скоро буду назначен чиновником в военном ведомстве, и попрошу его одолжить мне тысяч десять франков, чтобы приодеться; он сделает это с готовностью*.

22. Этот документ совпадает с пятнадцатым, за исключением следующих изменений:

Между 4 и 5-й мотивировкой читайте следующее: «что Национальный конвент никогда не был распущен; что он был лишь разогнан силой по воле тиранической контрреволюционной фракции; что по праву он существует и поныне; что он мог быть заменен лишь Законодательным собранием, свободно избранным народом в соответствии с его демократической конституцией».

Между статьями 10 и 11-й читайте следующую статью, которая становится десятой** : «Конвент немедленно соберется и вновь приступит к своим функциям».

Номера всех последующих статей увеличиваются на одну единицу.

В конце статьи 11-й, которая становится 12-й, добавьте следующие слова: «Члены Конвента будут опознаваться по особому признаку; этим признаком будет красная обшивка вокруг шляпы».

Вместо статьи 19-й, которая становится 20-й, читайте следующее: «Ввиду того, что в результате удаления узурпаторов из органов национальной власти представительство народа будет неполным, а также ввиду невозможности избрать в настоящее время через первичные собрания людей, достойных доверия народа. Национальный конвент включит немедленно в свой состав по одному члену от департамента, отобранному среди наиболее ярко выраженных демократов и главным образом среди лиц, которые наиболее активно будут содействовать свержению тирании. Список этих лиц будет представлен уполномоченными той части народа, которая возьмет на себя инициативу восстания».

23. ПРОЕКТ

Равенство. Свобода. Всеобщее благо.

Повстанческая директория общественного спасения, принимая во внимание, что народ долгое время убаюкивали пустыми обещаниями и что настала, наконец, пора действительно позаботиться о его благе, этой единственной цели революции; принимая во внимание, что величественное восстание настоящего дня должно навсегда уничтожить нищету — этот постоянный источник всякого угнетения; постановляет о нижеследующем:

* Это письмо принадлежит предателю Гризелю, который написал его после того, как сделал донос о попытках демократов.

** Неточность. Следует читать «одиннадцатой» — *Ред.*

Ст.1. По окончании восстания неимущие граждане, находящиеся в настоящее время в плохих помещениях, не возвратятся в их обычные жилища; они будут незамедлительно вселены в дома заговорщиков.

Ст.2. У вышеупомянутых богачей будет изъята мебель, необходимая для того, чтобы с удобствами обставить жилища санкюлотов.

Ст.3. На революционные комитеты Парижа возлагается обязанность принять все меры для быстрого и точного выполнения настоящего постановления.

24. ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О НАРОДНОМ СУДЕ

Фрагмент

Повстанческий комитет общественного спасения, принимая во внимание, что наказание неверных уполномоченных, узурпаторов народного суверенитета, является первым долгом восставших по отношению ко всему народу; принимая во внимание, что это наказание должно налагаться таким образом, чтобы устроить одних лишь предателей и отнять у врагов равенства всякий предлог для клеветы на парижский народ; постановляет о нижеследующем:

Ст.1. Узурпация и тирания членов обоих Советов и Исполнительной директории очевидны.

Закон карает смертью узурпаторов народного суверенитета.

Ст.2. Восставшим народом создается комиссия, состав которой входят вышеуказанные

Ст.3. Эта комиссия действует на глазах у народа: заслушав Повстанческий комитет или назначенного им обвинителя, она объявляет, *имеется ли у народа основание, чтобы помиловать нарушителя своего долга.*

Ст.4. Восставший народ, собравшись по секциям в той форме, в какой это будет указано, удовлетворяет либо отказывает в просимом помиловании.

Ст.5. Граждане...^{**}, члены нынешних обоих Советов, достойны народного доверия; они ставятся под его особое покровительство.

Ст.6. С целью ускорить наказания предателей каждый окружной агент называет и представляет на утверждение собравшегося народа четырех граждан от каждой секции.

Ст.7. Комиссия разделяется на 6 секций; в каждой секции выносят суждение 22 члена; остальные замещают отсутствующих; председательствует старший из членов; состав каждой секции решается жребием.

Ст.8.

25. ДИРЕКТОРИЯ - АГЕНТАМ

Все меры приняты; мера преступлений тиранов перешла границы; *необходимо восстать.*

Вот приказы и инструкции, с которыми мы предписываем вам точно сообразоваться.

1. Завтра в...^{***} часов вы ударите в набат во всех секциях ваших округов и огласите улицы звуками наибольшего числа труб, которые вы сможете раздобыть. Командующий вами генерал снабдит вас ими, когда начнется восстание, если сможет овладеть местом, где они хранятся. Хорошо, если впереди каждого из выступающих взводов или, по крайней мере, впереди выступающих округов будут шествовать трубачи.

2. Одновременно вы расклеите и широко распространите воззвания, которые мы посылаем вам, и с помощью заранее извещенных вами агентов поднимете весь народ.

3. Нижеследующих граждан, а именно... и т.д. Директория назначила народными генералами на время восстания. Обеспечьте, чтобы их признали прежде всего их подчиненные, назначенные нами, а затем весь народ; позаботьтесь также о том, чтобы их приказы точно выполнялись.

4. При сем прилагается список граждан ваших округов, которых на основании представленных вами сведений мы сочли наиболее способными повести народ на завоевание своих прав. Следует разбить народ на взводы; каждый из этих граждан будет командовать взводом; гражданин, назначенный над ними начальником, будет командовать округом; помощники начальника будут командовать секциями.

5. Предупредите немедленно начальников округов и сообщите им имена генералов, которым они должны будут подчиняться. Одновременно прикажите им предупредить помощников начальников о том, чтобы они были наготове, не говоря им ничего более; о том же надлежит сообщить взводным командирам, внушающим вам полное доверие; остальных следует предупредить лишь в нужный момент. Вы свободно можете не использовать взводных командиров, в отношении которых у вас могут быть сомнения.

* Ст.27 Декларации прав 1793 г.

** Пропуск в подлиннике. — Ред.

*** Пропуск в подлиннике. — Ред.

6. Передайте начальникам, Помощникам начальников и взводным командирам указанные в воззвании флажки.

7. Отдайте им приказ, чтобы они любым способом немедленно завладели оружием и боевыми припасами, имеющимися у унтер-офицеров и в секционных центрах.

8. Соберите в воинские части всех явившихся артиллеристов, — с тем, чтобы они были готовы выполнить приказы генералов.

9. Подберите деятельных патриотов, которым вы поручите обратиться с речью к народу и воодушевить его.

Одновременно используйте патетическое и убедительное красноречие женщин. Направьте их, как мы уже сказали вам в наших предыдущих инструкциях, к солдатам, которым они преподнесут венки за гражданскую доблесть и с помощью самых сильных из имеющихся у них доводов призвуют их влиться в ряды народа.

10. Как только начнется брожение, поощряйте его путем распространения слуха о том, что Гренелльский и Венсенский лагеря уже перешли на сторону народа.

Необходимо, чтобы солдаты, начав браться с народом, влились в ряды санкюлотов и не выступали ни все вместе, ни под начальством своих офицеров.

11. Отдайте приказ начальникам и командирам о насильственном приводе или разгоне лиц, которые захотят подчиниться приказаниям правительства и стать под начальство офицеров национальной гвардии. Следует задерживать любой приказ и любого вестового с приказами любого из существующих органов власти.

12. Позаботьтесь о том, чтобы наблюдать за населением вашего округа и сплотить его вокруг себя; покажите пример преданности и мужества; каждые 15 минут будете отчитываться перед нами через нарочных о положении дел.

13. В случае, если генералы отдадут людям вашего округа приказ разбиться на части, вы последуете за самой многочисленной частью и доверите надзор за другой частью ревностному гражданину, имя которого вы немедленно сообщите нам; вы прикажете ему точно так же отчитываться перед нами каждые четверть часа.

14. Все ваши инструкции сообщите наиболее заслуживающему вашего доверия санкюлоту с тем, чтобы он заместил вас в случае, если произойдет что-либо неожиданное.

15. Прикажете от нашего имени, чтобы при первых звуках набата три члена революционного комитета от каждой секции вашего округа, находившиеся на службе 9 термидора и оставшиеся незапятнанными, вернулись к исполнению своих обязанностей. В случае, если таковых не окажется, отберите других патриотов; поручите им принять, по согласованию с вами, все меры к осуществлению акта о восстании; особенно необходимо, чтобы они занялись статьями, касающимися пекарей и продовольствия, которым необходимо снабдить народ.

16. Прикажете им также реквизировать немедленно лошадей, мулов и повозки, необходимые для перевозки продовольствия, боеприпасов и раненых. Завладев мучными складами, позаботьтесь о том, чтобы немедленно установить в них смотрителя и бесперебойно снабжать соседних пекарей.

17. В момент восстания направьте к нам немедленно десять вооруженных и решительно настроенных санкюлотов от вашего округа. Они пригодятся для того, чтобы относить приказы, и в самом крайнем случае мы вместе с ними похороним себя под руинами свободы.

18. Заседания Повстанческой директории будут происходить в...*

19. Национальный конвент будет немедленно после восстания водворен Повстанческой директорией в...**** Вы оповестите о его существовании.

20. Проследите за тем, чтобы точно выполнялись приказы генералов относительно охраны застав, и особенно позаботьтесь об охране мостов, как и о том, чтобы прервать всякое сообщение между органами существующей власти.

21. Используйте первый момент для того, чтобы в каждом округе побудить народ явиться всей массой к нам и помочь нам представить список демократов, которые должны быть введены дополнительно в Национальный конвент, а также для того, чтобы поддержать законы, которые будут тут же предложены нами в интересах народа и его возрождения и построены таким образом, чтобы не оставить более несчастным ни одного гражданина.

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная Ст. В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

ДОКУМЕНТЫ

**** Пропуск в подлиннике. — Ред.

26. ФРАГМЕНТ ПРОЕКТА РЕЧИ к ПОБЕДИВШЕМУ НАРОДУ

Народ-победитель!

Граждане! Если для того, чтобы вызвать интерес слушателей, необходимо, чтобы предметом речи были вещи величайшего значения, то никогда еще ни один оратор не должен был быть выслушан с таким вниманием, как я. Я прошу еще этого внимания, я прошу его у тебя, счастливый народ, и хочу заранее подготовить тебя к тому дню, который ярко светит нам. Я хочу попытаться увеличить его сияние, предупредив тебя о том, что вещи, которые я должен тебе сообщить, имеют для тебя еще большее значение, чем величественная победа, которую ты одержал. Наконец, если доверие к тому, кто обращается с речью, и к тем, от имени которых он с этой речью обращается, может в еще большей степени увеличить внимание слушателей, то я полагаю, что не отдаляюсь от этой цели, заявляя, что в этот момент ты слушаешь голос Повстанческого комитета общественного спасения.

Еще раз, свободный народ, освобожденный от оков, народ-победитель! Отдайся без стеснения восторгу: твоих *господ больше не существует*. Прошло то время, когда они, будучи у власти, говорили о свободе, о твоей жизни, о самых дорогих для тебя интересах и при этом хотели превратить тебя в презренный автомат. Мы же не скажем тебе, чтобы ты не подавал никаких признаков одобрения или неодобрения. Народ-суверен! Если мы изменим тебе, если отныне наши речи также послужат предвестием нашего вероломства и наших преступлений — во имя отечества и свободы не давай нам их закончить: тут же, на месте предай нас позору! покарай нас!

Я считаю также уместным в начале своей речи, здесь же объявить тебе, французский народ, кто является членами Повстанческого комитета общественного спасения, от имени которого я обращаюсь к тебе с речью. Вот их имена...

Франция! Ты вся слышишь меня! И вы, мои слушатели, составляющие вместе с нами ее первых освободителей, я обещал вам, как и ей, сообщить вещи, достойные этого великого дня и представляющие еще больший интерес, нежели выдающаяся победа, которую этот день озарил. Я сообщу и предложу такие вещи, которые дадут народу гарантию того, что он не сможет больше лишиться плодов этой победы.

Я неизменно обращаюсь к народу; я всё еще вижу здесь только его одного. В акте о восстании речь шла о представительстве; оно не существует еще вовсе, поскольку оно еще не признано. Оно не существует еще вовсе, ибо народ, еще пребывающий в состоянии восстания, сам постоянно осуществляет свои права, ибо всякая иная власть исчезла перед его властью. Оно не существует еще вовсе, ибо плоды восстания еще не собраны и даже не гарантированы народу. Граждане, учтите как следует это обстоятельство. Пусть старые авторитеты не вводят вас в заблуждение, здесь находитесь только вы, и я не вижу здесь никакого сената. Следовательно, к вам, только к вам, хочу я обратиться с речью, и, повторяю, полезно, в высшей степени полезно, чтобы вы хорошенько вникли во всё это. Дорог момент, он единственный и больше не представится; от того, как мы используем его, может навсегда зависеть наша участь.

27. ВОЗЗВАНИЕ к СОЛДАТАМ¹⁴⁶

Солдаты! Приближается момент для спасения отечества или для того, чтобы погубить его навсегда. Народ, истомившийся под бременем своих бедствий, возмущенный угнетением, поднимается на борьбу: он хочет уничтожить тиранию или погибнуть вместе со свободой. Нет, нельзя быть патриотом и выносить дальше существование правительства, возникшего против воли народа, ценою гибели самых пламенных его друзей, путем насильственного нарушения прав народа и уничтожения всех законов, изданных в его интересах.

Нищета народа достигла наивысшей степени. У него отняты все средства, способные заставить услышать его голос: у него нет больше ни народного общества, ни публичного собрания, где он мог бы найти поддержку своим жалобам. У обоих Советов и Директории, столь мягких и гуманных по отношению к сильным мира сего и к «порядочным» людям, не существует для народа ни сердца, ни слуха, ни голоса. Всякого, кто говорит или пишет в интересах народа, сажают в тюрьму, убивают. Нет, никогда еще тирания не была более жестокой, более нестерпимой. С народом, в интересах которого была совершена революция, стоящие у власти обращаются, как с низкой чернью, которую ради их собственной безопасности необходимо заковать в цепи, а люди, которых такое чрезмерное варварство возмущает, люди, разрушившие Бастилию и трон, этими же властью имущими обзываются роялистами, для того чтобы обмануть и вооружить против них людей слабых и невежественных. Путем такого коварного макиавеллизма они рассчитывают ввести вас в заблуждение и переколоть вас штыками, подобно тому, как они сделали это в жерминале и перриале III года. Вы сами санкюлоты, и не станете бороться против людей, которые, так же как и

***** Пропуск в подлиннике. — Ред.

и вы, повергли в прах монархию! Слушайте же и не создавайте себе никаких иллюзий.

Народ желает конституцию 1793 г., которую он единодушно принял и которая была у него коварным образом отнята путем истребления и лишения свободы патриотов, получивших кличку террористов.

Народ желает эту конституцию, так как, упраздня всякие отличия для богачей, она делает всех людей равными, так как она гарантирует имущество и помощь защитникам отечества и неимущим и так как, согласно этой конституции, народ вправе протестовать, когда закон противоречит его интересам.

Если вы не друзья королей, дворян и толстосумов, вы будете с нами; вы не станете прислушиваться к лживому голосу ваших штабов, которые, нарушая столько раз повторяемую присягу, бросились, очертя голову, в объятия нынешнего правительства, потому что оно дорого оплачивает их подлость и особенно потому, что оно разрешает им применять к вам нестерпимый деспотизм, который вы свергли в 1789 г.

О! Когда вы проливали кровь на фронтах во имя защиты отечества, вы не подозревали об ужасах, творящихся в стране. Вы воображали, что сражаетесь за свободу, за народ; а ведь ваши победы, ваша кровь послужили лишь для того, чтобы на развалинах старого деспотизма были воздвигнуты новая тирания, новые отличия, новое высокомерие.

Посмотрите на эту Директорию: на ее неслыханную роскошь, на ее великолепные дворцы, многочисленную гвардию, на ее высокомерие, на низкопоклонство ее приближенных — разве не узнаем мы в ней двор Капетов? А наши генералы, столь изысканно одетые, — разве не походят они со своей роскошью и спесью на высокомерную знать, место которой они заняли? О, храбрые солдаты! Как видите, революция, которая должна была восстановить равенство, лишь заменила пока шайку прежних мошенников толпой новых.

Руководители-патриоты направляли революцию к облегчению участи неимущих; начальники, друзья равенства, вели вас к победе; они были смещены с кличкой *террористов*. Террор, спасший отечество, превращен в преступление, а мужественные люди, которые с величайшей самоотверженностью пренебрегали всеми опасностями, отданы контрреволюционерами на заклатие как самые гнусные злодеи.

После двух лет контрреволюции ваши заблуждения должны рассеяться. Террористами называют людей, которые с самого начала революции борются за права народа, непрестанно требуют вознаграждения для вас и помощи для неимущих, людей, нанесших смертельный удар врагам народа, вместе с которыми вы столько раз заставляли бледнеть от страха приспешников тирании. Судите, кто же заслуживает вашего уважения: мы или наши враги?

В Солдаты, откройте глаза: вы люди из народа, разве вы сможете вести вооруженную борьбу против него? Зачем же питать такую вражду к вашим братьям из полицейского легиона? Их разгоняют, потому что они всё хорошо видят, потому что они не желают нас убивать; если завтра вы будете выведены из заблуждения, то с вами поступят точно так же.

Солдаты с красными и белыми воротниками, разве вы все не сыновья защитников отечества! Разве не сражались вы вместе во имя торжества свободы? Друзья, обнимите друг друга и соедините ваше оружие в борьбе против узурпаторов, которые, страшась мщенья народа, рассчитывают найти для себя поддержку в ваших распрях. Родина, ваша общая мать, в гневе за кровь ваших братьев, которую вы прольете, раздавит вас под бременем ее проклятий. Звучит набат.

Вы не солдаты правительства, вы солдаты народа; не правительство, а народ оплачивает вас ценою своего тяжкого труда и лишений. И если вы выступите с оружием против него, как этого требуют тираны, то, каковы бы ни были опасности, мы будем бороться; жребий брошен; молчать было бы величайшим из преступлений; терпеть — значит санкционировать рабство будущих поколений. Мы поднимемся на борьбу и увидим, являетесь ли вы защитниками свободы или рабами тирании. О солдаты! Вы люди из народа, угнетаемые, неимущие, как и мы; вы придете в наши ряды, и мы заставим бледнеть от страха угнетателей отечества.

28. ФРАГМЕНТ ПРОЕКТА ДЕКРЕТА об УПРАВЛЕНИИ

Ст. 1. Лица, ничего не делающие для отечества, не могут пользоваться никакими политическими правами; они — иностранцы, которым республика оказывает гостеприимство.

Ст.2. Ничего не делают для отечества те, кто не служит ему полезным трудом.

Ст. 3. Закон рассматривает как полезный труд: земледелие, скотоводство, рыболовство, судходство; механические и ремесленные мастерства; мелкую торговлю; перевозку людей и вещей; военное дело; преподавательскую и научную деятельность.

Ст.4. Преподавание и научная деятельность не будут, однако, признаваться полезным трудом, если занимающиеся ими лица не представят в течение...* свидетельства о гражданстве, выданного в установленной форме.

Ст.5. За гражданами, полезный труд которых был временно прерван, по болезни или вследствие обстоятельств революционного времени, сохраняются политические права.

Ст.6. Иностранцам воспрещается участие в публичных собраниях.

Ст.7. Иностранцы находятся под непосредственным надзором верховной администрации, которая может выслать их из их постоянного местожительства и отправить в места исправительного труда.

Ст.8. Всякий иностранец, которому разрешено пользоваться гостеприимством, становится кандидатом на пользование правами гражданства, если он вступает в члены национальной общины. Он получает эти права, как только сможет представить свидетельство о гражданстве.

Ст.9. Закон определяет срок, в течение которого никто не вправе пользоваться правами гражданства, не будучи членом национальной общины.

Ст.10. Всем гражданам выдается оружие.

Ст.11. Иностранцы под страхом смертной казни сдают принадлежащее им оружие революционным комитетам.

Ст.12. Граждане должны собраться в первую декаду после обнародования настоящего декрета для реорганизации национальной гвардии.

Ст.13. В окрестностях Тулона, Баланса, Гренобля Макона, Меца, Валансьена, Сент-Омера, Анжера, Ренна, Клермона, Ангулема и Тулузы будут в кратчайший срок созданы военные лагеря, назначение которых — поддерживать спокойствие, защищать республиканцев и способствовать преобразованиям.

Ст.14. Для этой цели революционные комитеты наметят по четыре республиканца от каждой роты национальной гвардии и немедленно направят их в указанные им места в полном вооружении, экипированными и снабженными лагерным имуществом.

Ст.15. Предписания военного декрета распространяются на вышеупомянутые лагеря.

Ст.16. Эти лагеря будут распущены немедленно после того, как в мирной обстановке будут выработаны новые законы.

Ст.17. Острова Маргариты и Онорэ, Гиерские острова, острова Олерон и Ре будут превращены в места исправительного труда, куда будут высылаться для принудительных общественных работ подозрительные иностранцы и лица, арестованные за обращение с воззванием к французам.

Ст.18. Доступ к этим островам будет прекращен. На них будет существовать администрация, подчиняющаяся непосредственно правительству.

Ст.19. Те из заключенных, которые представят доказательства своего исправления, своей активности в работе и доброго поведения, смогут вернуться на территорию республики и приобрести там права гражданства.

29. ФРАГМЕНТ ПРОЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДЕКРЕТА

Ст. 1. В республике будет учреждена большая национальная община.

Ст.2. Национальная община является собственником нижеперечисленного имущества, а именно: имущества, объявленного национальным и не проданного до 9 термидора II года; имущества врагов революции, пожалованного неимущим согласно декретам от 8 и 13 вантоза II года; имущества, доставшегося или подлежащего передаче республике в результате судебных приговоров; зданий, занятых в настоящее время под государственные учреждения; имущества, которым пользовались до издания закона от 10 июня 1793 г.; имущества, предназначенного для госпиталей и учреждений народного просвещения; квартир, занимаемых неимущими гражданами, во исполнение воззвания к французам от...; имущества лиц, отказавшихся от него в пользу республики; имущества, узурпированного лицами, разбогатевшими при отправлении государственных должностей; земельной собственности, оставленной ее владельцами необработанной.

Ст.3. Упраздняется право наследования по закону и по завещанию. Все состояния, являющиеся в настоящее время собственностью частных лиц, после их смерти перейдут в собственность национальной общины.

Ст.4. Сыновья, у которых жив отец и которые по закону не подлежат призыву на военную службу, рассматриваются как самостоятельные собственники.

Ст.5. Французы обоего пола, отказывающиеся в пользу отечества от всего своего состояния и отдающие ему самих себя и труд, на который они способны, являются членами большой национальной общины.

Ст.6. Старики, достигшие шестидесятилетнего возраста, а также инвалиды, лишенные состояния, являются по праву членами национальной общины.

Ст.7. Членами национальной общины являются в равной мере молодые люди, воспитывавшиеся в национальных воспитательных домах.

* Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

Ст.8. Собственностью национальной общины пользуются сообща все трудоспособные ее члены.

Ст.9. Большая национальная община снабжает своих членов всем необходимым, поддерживая среди них равный и умеренный достаток.

Ст.10. Республика призывает добрых граждан содействовать успеху преобразования путем добровольного отказа от своего имущества в пользу общины.

Ст.11. Начиная с... **, никто не сможет занимать гражданскую или военную должность, не будучи членом названной общины.

Ст.12. Большая национальная община управляется местными должностными лицами по выбору ее членов, согласно законам и под руководством верховной администрации.

Ст.13.***

Ст.1. Каждый член национальной общины отдает ей труд, на какой он способен, работая как земледелец или ремесленник.

Ст.2. Исключения допускаются в отношении стариков, начиная с шестидесятилетнего возраста, и инвалидов.

Ст.3. Граждане, которые путем добровольного отказа от своего имущества станут членами национальной общины, не должны подвергаться тяжелому труду, если они достигли сорокалетнего возраста и до опубликования настоящего декрета не занимались ремесленным производством.

Ст.4. Граждане каждой коммуны делятся на классы. Существует столько классов, сколько полезных видов ремесленного труда; каждый класс составляется из совокупности лиц, занимающихся одним и тем же ремеслом.

Ст.5. У каждого класса имеются должностные лица, назначаемые теми, кто составляет этот класс. Эти должностные лица руководят работами, следят за тем, чтобы они равномерно распределялись, выполняют предписания муниципальной администрации, подают пример усердия и активности.

Ст.6. Закон определяет для каждого времени года продолжительность рабочего дня членов национальной общины.

Ст.7. При каждой муниципальной администрации существует совет, состоящий из стариков, делегированных в него каждым классом трудящихся. Этот совет осведомляет администрацию обо всем, касающемся распределения, облегчения и усовершенствования труда.

Ст.8. Верховная администрация введет в употребление национальной общины машины и методы, способные сократить труд людей.

Ст.9. Муниципальная администрация постоянно осведомлена о положении трудящихся каждого класса и о выполняемом ими задании. Она регулярно доводит это до сведения верховной администрации.

Ст.10. Перемещение трудящихся из одной коммуны в другую производится по предписанию верховной администрации на основе сведений о численности и потребностях общины.

Ст.11. Верховная администрация осуждает на принудительные работы, под надзором указываемых ею коммун, лиц обоего пола, подающих обществу вредный пример отсутствия у них Гражданского сознания, пример праздности, роскошного образа жизни и разнузданности.

Ст.12. Должностные лица каждого класса обеспечивают сдачу в хранилища национальной общины плодов земли и произведений ремесла, пригодных к хранению.

Ст.13. Данные учета этих предметов регулярно сообщаются верховной администрации.

Ст.14. Должностные лица, прикрепленные к классу граждан, занимающихся сельским хозяйством, следят за разведением и улучшением качества животных, пригодных для пропитания и одежды, для перевозок и облегчения человеческого труда.

О распределении и использовании имущества общины

Ст.1. Каждый член национальной общины пользуется лишь тем, что предоставляет ему закон через посредство должностных лиц.

Ст.2. Национальная община отныне обеспечивает каждому из своих членов: здоровое, удобное и соответственно меблированное помещение; одежду для работы и для отдыха, бумажную или шерстяную, соответствующую национальному костюму; стирку белья, освещение и отопление; достаточное количество предметов питания: хлеба, мяса, дичи, рыбы, яиц, масла животного и растительного, вина и других напитков, потребляемых в различных районах, овощей, фруктов, приправ и других предметов, совокупность которых дает умеренный и скромный достаток; врачебную помощь.

Ст.3. В каждой коммуне будут в определенное время устраиваться общественные трапезы с обязательным присутствием на них всех членов общины.

Ст.4. Содержание должностных лиц и военных не отличается от содержания членов национальной

** Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

*** Пропуск в подлиннике. — *Ред.*

Ст.5. Член национальной общины, получающий денежное вознаграждение или хранящий у себя деньги, подвергается наказанию.

Ст.6. Члены национальной общины получают обычный рацион только в том округе, в котором они проживают, кроме случаев перемещений с разрешения администрации.

Ст.7. Местожительством нынешних граждан является коммуна, в которой они проживали ко времени опубликования настоящего декрета. Местожительством молодежи, воспитывавшейся в национальных воспитательных домах, является коммуна, где они родились.

Ст.8. В каждой коммуне имеются должностные лица, на обязанности которых лежит распределение между членами национальной общины по месту их жительства продуктов сельского хозяйства и ремесла.

Ст.9. Правила этого распределения устанавливаются законом.

Ст.10.

Об управлении национальной общиной

Ст. 1. Национальная община по закону управляется верховной государственной администрацией.

Ст.2. В отношении управления общиной республика делится на районы.

Ст.3. В район входят все смежные департаменты, продукция которых приблизительно одинакова.

Ст.4. В каждом районе существует промежуточная администрация, которой подчиняются департаментские администрации.

Ст.5. Благодаря телеграфной связи будет ускорено сообщение между департаментскими и промежуточными администрациями, как и между последними и верховной администрацией.

Ст.6. Верховная администрация, в согласии с законом, определяет характер и количество распределяемого между членами общины каждого района.

Ст.7. В соответствии с этим определением департаментские администрации сообщают промежуточным о нехватке или излишках в их округах.

Ст.8. Промежуточные администрации пополняют, если это возможно, нехватку в одном департаменте излишками другого, издают распоряжения о необходимой оплате и перевозке и отчитываются перед верховной администрацией в своих потребностях и излишках.

Ст.9. Верховная администрация заботится о нуждах районов, испытывающих нехватку вследствие излишков в районах, в которых всё в избытке, или вследствие обмена с другими государствами.

Ст.10. По распоряжению верховной администрации ежегодно прежде всего изымается и складывается в военные склады десятая часть урожая общины.

Ст.11. Верховная администрация заботится о том, чтобы излишки, имеющиеся у республики, бережно хранились на случай неурожайных лет.

О торговле

Ст.1. Воспрещается всякая частная торговля с иноземными народами. Товары, прибывающие из-за границы, подлежат конфискации в пользу национальной общины. Нарушители сего подвергаются наказанию.

Ст.2. Республика доставляет национальной общине недостающие ей предметы, обменивая излишки сельскохозяйственного и ремесленного производства на соответствующие излишки иноземных народов.

Ст.3. Для этой цели устраиваются удобные склады на сухопутных и морских границах.

Ст.4. Верховная администрация ведет переговоры с иностранцами через своих уполномоченных; по ее распоряжению излишки, которые она желает обменять, доставляются на склады, где она получает от иностранцев обусловленные предметы.

Ст.5. Уполномоченные верховной администрации при торговых складах часто сменяются; нарушающие свои обязанности строго караются.

О перевозках

Ст.1. В каждой коммуне существуют должностные лица, на которых возлагается руководство перевозками из одной коммуны в другую продуктов, принадлежащих общине.

Ст.2. Каждая коммуна снабжается достаточным количеством перевозочных средств, сухопутных и водных.

Ст.3. Члены национальной общины призываются поочередно сопровождать и осуществлять надзор за предметами, перевозимыми из одной коммуны в другую.

Ст.4. Промежуточные администрации возлагают ежегодно наиболее дальние перевозки на известное число отобранных из всех подведомственных им департаментов молодых людей.

Ст.5. Граждане, на которых возлагается та или иная перевозка, состоят на содержании коммуны, в которой они находятся.

**** Многоточие в подлиннике. — *Ред.*

***** Многоточие в подлиннике. — *Ред.*

***** Многоточие в подлиннике. — *Ред.*

Ст.6. По распоряжению верховной администрации из одной коммуны в другую перевозятся кратчайшим путем, под надзором нижестоящих администраций, предметы, при посредстве которых она покрывает нехватку в районах, испытывающих недостаток в чем-либо.

О налоговых обложениях

Ст.1. Единственными плательщиками налогов являются граждане, не входящие в состав национальной общины.

Ст.2. Эти граждане платят налоги в ранее установленном размере.

Ст.3. Налоги взимаются натурой и доставляются на склады национальной общины.

Ст.4. Общая сумма взносов налогоплательщиков в каждом текущем году вдвое превышает сумму предыдущего года.

Ст.5. Эта сумма распределяется по департаментам между всеми налогоплательщиками соответственно их доходам.

Ст.6. От лиц, не являющихся участниками национальной общины, может в случае необходимости потребоваться доставка на склады национальной общины, в счет будущих налогов, излишков продовольствия или промышленных товаров.

О долгах

Ст.1. Национальный долг погашается в отношении всех французов.

Ст.2. Республика возместит иностранцам стоимость бессрочных государственных ценных бумаг, которую она им должна. Покамест же она выплачивает проценты по этим ценным бумагам и пожизненные ренты, установленные для иностранцев.

Ст.3. Долги любого француза, ставшего членом национальной общины, по отношению ко всякому другому французу аннулируются^{*****}.

Ст.4. Республика берет на себя долги членов общины по отношению к иностранцам.

Ст.5. Всякий обман в этом отношении карается пожизненной каторгой.

О денежных знаках

Ст.1. Республика не изготавливает больше денежных знаков.

Ст.2. Денежные средства, поступающие в распоряжение национальной общины, употребляются на покупку у других народов предметов, в которых она нуждается.

Ст.3. Всякое лицо, не являющееся участником общины, уличенное в даче денежных средств одному из членов общины, строго карается.

Ст.4. Ни золото, ни серебро не будут более ввозиться в пределы республики.

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная Ст. В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

ДОКУМЕНТЫ

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

***** Многоточие в подлиннике. — Ред.

Моей жене и детям

Добрый вечер, друзья мои. Я готов к тому, чтобы погрузиться в вечную ночь. Отправляю другу два письма, которые вы увидите; ему я лучше объясню свое положение для передачи вам, нежели я смог бы это сделать вам самим. Мне кажется, что я потерял чувствительность после всего, что я переживал. Я вручаю ему вашу участь. Увы, я не знаю, окажется ли он в состоянии сделать то, что я от него прошу; не знаю, как вы сможете добраться до него. Ваша любовь ко мне привела вас сюда, несмотря на все препятствия, которые чинила вам наша бедность. Вы не сдавались, несмотря на горести и лишения; со своей неизменной ко мне любовью вы ежеминутно следили за этой долгой и жестокой судебной процедурой, горькую чашу которой вы, как и я, испили до дна. Не знаю, каким образом вам удастся снова вернуться туда, откуда вы прибыли; не знаю, какую память я оставляю по себе, хотя считаю, что вел себя безупречно; не знаю, наконец, что станет со всеми республиканцами, с их семьями и даже с их грудными детьми, среди роялистских ужасов, к каким приведет контрреволюция. О, друзья мои! Как раздирают мне душу эти размышления в последние мои минуты!.. Я легче перенес бы смерть во имя отчизны, прощание навеки с семьей, с детьми, с любимой женой, если бы я не видел в конечном итоге гибели свободы и страшнейших преследований всех искренних республиканцев. О, мои нежные дети, что будет с вами? Тут я не могу устоять, чтобы не дать волю своим чувствам... Не думайте, что я сожалею о том, что пожертвовал собой во имя самого прекрасного дела; если даже все мои усилия оказались бесполезными для этого дела, я выполнил свою задачу...

Если вопреки моему ожиданию вам удастся пережить ужасную грозу, бушующую сейчас над республикой и над всем, что было с нею связано; если вам удастся снова оказаться в спокойной обстановке и отыскать нескольких друзей, которые помогут бы вам одолеть вашу злую участь, то я посоветовал бы вам жить в тесном единении между собой; я посоветовал бы моей жене стараться воспитывать своих детей с большой мягкостью, а детям своим — заслужить доброту своей матери почитанием ее и постоянным послушанием. Семья мученика за свободу должна показать пример всех добродетелей, чтобы снискать уважение и преданность всех честных людей. Мне хотелось бы, чтобы моя жена сделала всё для нее возможное, чтобы дать воспитание своим детям, и побуждала всех своих друзей помочь ей во всем, что для них возможно. Я призываю Эмилия¹⁴⁸ следовать в этом воле отца, которого — как я верю — он Горячо любит и который так его любил; я призываю его пойти по этому пути, не теряя времени, как можно скорее.

Друзья мои, надеюсь, вы будете помнить обо мне и будете часто об этом говорить. Надеюсь, вы поверите, что я всех вас очень любил. Я не видел иного способа сделать вас счастливыми, как путем всеобщего блага. Я потерпел неудачу; я принес себя в жертву; я умираю также ради вас.

Рассказывайте много обо мне Камиллю; скажите ему много и много раз, что я нежно хранил его в моем сердце.

Скажите то же самое Каю¹⁴⁹, когда он станет способен это понять.

Лебуа сообщил, что он издаст отдельно наши защитительные речи. Моей речи надо придать наивозможно широкую огласку. Я советую моей жене, моему доброму другу, не давать ни Бодуэну, ни Лебуа¹⁵⁰, никому другому, рукописи моей защиты, пока у нее не будет в руках другого, вполне исправного экземпляра, чтобы быть уверенной в том, что эта защитительная речь никогда не будет утеряна. Тебе известно, мой дорогой друг, что эта защитительная речь весьма ценна, что она всегда будет дорога добродетельным сердцам и друзьям своей страны. Единственное достоинство, которое тебе останется от меня, это мое доброе имя. И я уверен, что для тебя и твоих детей будет большим утешением пользоваться им. Вам приятно будет слышать, как все отзывчивые и честные сердца будут говорить о вашем муже и отце: он *был в высшей степени добродетелен*.

Прощайте. Меня связывает с землей лишь Тонкая нить, которая завтра оборвется. Это верно, мне это совершенно ясно. Надо идти на жертву. Злые люди оказались сильнее, я уступаю. Приятно, по крайней мере, умирать с такой чистой совестью, как у меня. Самое жестокое, душераздирающее — это то, что меня вырывают из ваших объятий, о, нежно любимые мои друзья, о, самое дорогое, что есть у меня!!! Я вырываюсь из ваших объятий; насилие свершено... Прощайте, прощайте, прощайте, десять миллионов раз прощайте...

...Еще слово. Напишите моей матери и моим сестрам. Пошлите им почтой или иным путем мою защитительную речь, как только она будет напечатана. Расскажите им, как я умер, и постарайтесь объяснить им, *этим добрым людям*, что это славная смерть и что она отнюдь не позорна...

Еще раз прощайте, мои дорогие, нежно любимые друзья. Прощайте навеки. Я погружаюсь в лоно добродетельного сна...

Г.Бабеф

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМО БУОНАРРОТИ БРОНТЕРУ О'БРАЙЕНУ*

Париж, 3 мая 1836 г.

Брат мой,

Будучи еще в живых, я счастлив засвидетельствовать Вам удовлетворение, которое я испытал, узнав из проспекта, распространенного Вами, о рвении, с каким Вы решились опубликовать на английском языке мою историю заговора Бабефа. Примите за это мою самую искреннюю благодарность. Я должен быть благодарен человеку, любовь которого к людям побуждает его презирать оскорбления и преследования,— судьба, всегда уготованная каждому, кто осмелится поднять свой голос против институтов угнетения, — и проложить путь прогрессу истины и справедливости. С подлинной радостью я вижу, что в Англии также имеются искренние друзья чистого равенства, во имя которого я имел счастье присоединить свои слабые усилия к несравненно более славным усилиям моих друзей, которые скрепили их своей кровью.

Хотя множество закоренелых привычек и низких страстей еще затемняет разум и сковывает волю людей, не следует терять надежды на спасение человечества. Оно будет идти вперед — я в этом убежден — по пути человеколюбия и общественного благосостояния; и в более счастливой жизни мы будем наслаждаться благом, которое мы смутно провидели и которым смогут располагать наши преемники, более мудрые, чем их отцы. К сему прилагается список подлинных имен, которыми я прошу Вас заменить анаграммы, употребленные мною по соображениям осторожности во время опубликования моего труда. Эти соображения сейчас утратили значение, и справедливость требует, чтобы стали известны имена людей, разделявших труды и опасности с Бабефом.

В мои намерения, конечно, не входит говорить о себе. Что выиграет человечество от того, что узнает подробности — хорошие или плохие — моей жизни? Ограничусь только предупреждением, что материалы, то которым Вы составили мою биографию, изобилуют анахронизмами и ошибками: мне приписывают вещи, которые я не делал: то, на что я мог бы претендовать, либо искажено, либо плохо изложено; события иной раз смещены, и доброе мнение, которое Вы составили обо мне, диктует Вам похвалы в мой адрес, которых я, к своему стыду, не заслуживаю.

Особый случай, которым я рад воспользоваться, дает мне возможность послать Вам «биографический очерк о Робеспьере, опубликование которого представляется мне полезным; быть может, Вы найдете своевременным использовать его.

Я считаю большой удачей для себя случай, который дал мне возможность познакомиться с Вами. Люди такого склада, каким Вы представляетесь мне, довольно редки в настоящее время, и я с радостью получил достоверные сведения о том, что в Англии существует не только жажда богатства и дух торгашества и что наряду с вашими лордами и вашими жрецами Плутоса у вас имеются глубокие мыслители, преданные друзья народа, и пре" несходные люди, презирающие человеческое безумие.

Верьте, брат мой, что если Вы возьмете на себя труд написать мне, я почту себя счастливым поддержать наше знакомство.

Преданный Вам брат
Филипп Буонарроти, в возрасте 75 лет**

ЖАЛОБА ФРАНЦУЗСКОГО НАРОДА НА ЕГО УГНЕТАТЕЛЕЙ¹⁵¹

Довод тиранов — убийство.

Наглые узурпаторы наших прав! Вы, стало быть, думаете, что мы свергли трон и тирана, его министров и их лакеев, его полицейских и их шпионов, наконец, все, что было связано с его ужасным деспотизмом, только для того, чтобы пресмыкаться у ваших ног и страдать под игом новой тирании?

Позор французской нации! отвечайте... Что делал всемогущий Капет? Разве не делил он общественное достояние со своими лакеями? Разве не проливал он потоки нашей крови внутри страны, как и на фронтах, чтобы увековечить свою тиранию? Мы остановили его в разгар его преступлений. Он был предан суду по нашему велению и поплатился головой за совершенные им злодеяния.

* Это письмо впервые опубликовано Бронтером О'Брайеном в 1836 г. в качестве приложения к английскому переводу книги Ф.Буонарроти «Заговор во имя равенства».

** Buonarroti's History of Babeuf's Conspiracy for Equality. London, 1836, p.430—431.

Нет сомнения в том, что, если бы он одержал победу 10 августа, он разоружил бы нас; он вновь призвал бы эмигрантов, передал бы командование армией Шарету, создал бы по всей Франции сообщества убийц, обращался бы с злодеями, как с друзьями, а с республиканцами, как с злодеями. Он дезорганизовал бы наши армии и сохранил бы только рабов, поставив во главе их своих лакеев; он подверг бы проскрипции, послал бы на эшафот мужественных защитников наших прав, находившихся в Сенате и в других местах; он уничтожил бы народные общества; он превратил бы, наконец, Францию в обширное кладбище для республиканцев. Но он обеспечил бы существование своим рабам; он уничтожил бы ассигнаты и все, что могло напомнить о днях свободы. Он правил бы тогда как тиран, окруженный Советом, от которого исходили бы акты его самовластия, названные им *законами*, и которым каждый обязан был бы подчиняться под страхом смерти. Такова, несомненно, бегло нарисованная картина того, что сотворил бы Капет, если бы он одержал верх над республиканцами.

А вы! Что делали вы со времени 9 термидора, дня, который навсегда будет для нас позором, так как мы позволили умертвить граждан, единственное преступление которых заключалось в том, что они хотели, чтобы вы были справедливы; что делали вы с этого рокового времени? Разве вы не последовали по пути преступления за старыми и новыми тиранами? Разве не превзошли вы всех их в своих преступлениях? Ваше первое средство утвердить свою тиранию заключалось в том, чтобы организовать эту ужасную систему голода, скосившую несколько поколений. Этим именно способом вы заставили каждого гражданина забыть об отечестве и помнить только о себе; этим же способом вы умертвили детей в утробе их матерей и на их высохшей груди. Вы заставили наших плодовитых жен бояться производить на свет детей; банда мошенников, которыми вы окружили себя, живет в радостях и удовольствиях, тогда как народ падает в изнеможении от нищеты, голода, истощения.

Вы уничтожили народные общества, самое прекрасное, как и самое священное наше право; они служили бы непреодолимым препятствием для ваших честолюбивых замыслов и преступных планов, вы же предпочли нашей Дружбе объятия тиранов, объединившихся против нашей свободы.

Оставаясь глухими к голосу тысяч республиканцев, искалеченных, истерзанных, загубленных в Вандее, вы, вопреки нашей воле и нашим интересам, предложили мир злодеям и заключили его с ними. В знак вашего союза с ними вы предоставили деньги и войска их главарю Шарету; статьи этого постыдного договора были настолько позорными, что вы не посмели предать их все гласности и, несмотря на этот договор, который вы так расхваливали, война все же продолжалась.

Вы дезорганизовали наши армии, сместив начальников, заслуживших доверие солдат, и поставив на их место лакеев прежней тирании, чтобы превратить наши войска в автоматических рабов, способных только рабски подчиняться; у них не было ни продовольствия, ни одежды.

Вы вызвали к жизни движения с целью вырвать из наших рук оружие, при помощи которого мы наводили страх на изменников и завоевали нашу свободу.

Вы покрыли всю Францию трауром и вселили ужас во все сердца, предписывая избиения республиканцев, либо относясь терпимо к таким избиениям. Одного палача было недостаточно, чтобы утолить ваше неистовство. Вы создали повсюду в республике целые банды палачей.

В жерминале вы декретировали наказывать ссылкой тех, кто осмелится выступить против священного кодекса наших законов (конституции 1793 г., желанной и принятой нами), а несколькими днями позже вы посылали на смерть тех, кто требовал ее исполнения.

Вы подвергли проскрипции самых неутомимых республиканцев. Вы послали на эшафот самых пылких защитников наших прав. О, если некоторые из них спаслись от вашего неистовства, то они, несомненно, обязаны этим шести современным Катонам^{**}.

Наконец, после того как вы повергли в ужас всю республику, вы добрались до власти по трупам республиканцев, по ступеням пьедестала, достойного тиранов; и здесь, среди потоков крови, среди резни и смерти, порывая с священным кодексом наших законов, вы провозгласили кодекс тирании, организующий нашу власть, удостоверяющий вашу узурпацию и заменяющий свободу угнетением, кодекс, который вы можете называть своей конституцией, но не нашей, ибо конституции тиранов не являются конституциями народов^{***}.

* Казнь этого злодея не отменяет факта бесчестного и пагубного договора, заключенного с ним нашими мерзкими владыками. Он доказывает, что с их стороны было двойное вероломство. Как объяснить то, что они были более последовательны с Комартемом? Это имело под собой мотивы, которые недалекий обыватель, по-видимому, не способен постигнуть.

** Ромму, Гужону, Бурботу, Субрани, Дюкенуа, Дюруа.

*** Следовательно, им все еще принадлежат законы о военном положении от 27 и 28 жерминаля. Народ должен отвергнуть их. Следовательно, мы, люди из народа, мы здесь обязаны это выполнить.

Руссо определил вашу политическую квалификацию и мотивировал ее; он вынес вам приговор; Руссо, возможно, был вашим Макиавелли, когда он описал обычный путь тирании, которому вы тщательно следовали, чтобы добиться нашего порабощения: «Узурпаторы, — говорил он, — постоянно приводят к смутным временам или выбирают их для того, чтобы провести, с целью запугать народ, губительные законы, которые народ никогда не примет равнодушно. Выбор момента — один из наиболее верных признаков, по которым можно отличить труд законодателя от деяния тирана.

Жестоко нарушив, таким образом, наши права, вы созвали выборные собрания. Могли ли мы присутствовать на этих собраниях, которые должны были назвать избирателей, в то время когда наши родные и наши друзья заполняли тюрьмы? когда мы сами подвергались проскрипции по туманным и пустым обвинениям, придуманным в Вене и в Лондоне? Нет. Поэтому почти все эти выборные собрания состояли из лиц, разделявших ваше неистовство и ярость против республиканцев; из этих-то органов контрреволюции и вышли люди, ненависть которых к демократии хорошо известна, и пробрались в так называемое Законодательное собрание. Среди них имеются даже такие, которых вы обязаны прогнать, так как они не смогли скрыть свою приверженность к державам, членам коалиции; наконец, из этих выборных органов вышли все те административные и судебные ведомства, которые должны помочь вам укрепить вашу узурпацию.

Из узурпации наших прав и произошла та исполнительная власть, которую можно назвать королевской властью, директорией или правительством (название не имеет значения, существо — одно и то же); эта-то власть, вышедшая из двух палат, и должна привести в исполнение акты, которые вы смеете называть законами и которые являются лишь плодом ваших представлений, извращенных воспоминанием о ваших несправедливостях или, скорее, о ваших преступлениях. Неужели вы считаете, что имеете дело с народом, состоящим из животных, не понимающих разницы между законом и вашими актами? Руссо следующим образом определил условия, способные составить подлинную отличительную черту законов: «Народ, подчиняющийся законам, должен быть их творцом; только люди, вступающие в ассоциацию, должны устанавливать условия существования общества». Между тем, как бы несправедливы ни были ваши акты, мы должны, заявляете вы, подчиняться им, ибо ваши полицейские, их шпионы и все, кто является орудием былой тирании, тотчас появляются, чтобы наложить на нас руку, если только мы хотим оказать сопротивление.

Между тем как идет борьба против тирании, эмигранты и священники во множестве возвратились во Францию; каждый из них стал добрым гражданином, за исключением строгих республиканцев. В то время как клевета заставляла нас обращать на них, как на воров, наш введенный в заблуждение взор, вы выпустили огромную массу ассигнатов, чтобы развратить возможно большее число людей; таким образом, разоряя общественное достояние и частные состояния, вы делите вместе со всеми мошенниками, вашими лакеями и вашими агентами, нашу кожу и в довершение ваших несправедливостей вы объявили себя банкротами и осуществили банкротство, равного которому не бывало в истории как по огромным размерам суммы, так и по недобросовестности тех, кто его провел в жизнь. Таков, вероломные уполномоченные, подлые узурпаторы наших прав, беглый набросок ваших преступлений. Не совершили ли вы, по примеру Кромвеля, столько преступлений только для того, чтобы заставить нас пожалеть о тирании Бурбонов? Вы ошибаетесь. Мы умеем наказывать тиранов, не сожалея ни о ком из них.

Если бы вы сами не совершили столько преступлений, то как наказывали бы вы за них тех, кто их совершал? Несомненно, лишением их жизни? Так вот! Мы будем более жестоки с вами, мы осудим вас на то, чтобы жить; стыд и угрызания совести, которые вы испытаете (несмотря на вашу испорченность, мы заставим вас быть чувствительными к этому), будут волнениями, во власти которых мы вас оставим.

До чего заблуждается преступление... Как! вы могли поверить хотя бы на минуту, что солдаты, составляющие часть нас самих, наши дети, наши братья, наши друзья, вооруженные для завоевания свободы, будут защищать вашу тиранию? Нет, узурпаторы, перестаньте заблуждаться. Они знают, что если они обагрят свои руки нашей кровью, если они прорвут наши ряды, то пожнут в награду за такую страшную победу ужасное рабство для себя и для своих детей. И если среди их начальников и найдутся такие, которые, вкусив из этого отравленного сосуда, могут забыть, что они являются гражданами, то солдаты расправятся с ними в тот день, когда мы снова вернем себе свои права.

Мошенники и предатели заявляют, будто мы не хотим никакого правительства. Плуты! Они обманывают самих себя. Как? Потому что мы не хотим их правления или, скорее, их самих, они смеют утверждать, что мы вовсе не хотим правительства. Мы хотим его, но хотим такое правительство, которое основывается на принципах вечной справедливости; мы хотим правительство, состоящее из людей, которые, если они и не свободны от ошибок, но и никогда не давали нам доказательств своего обмана, трусости и злодеяния, подобных тем, которые вы нам давали.

Как! смеют утверждать, что мы свободны, а между тем ни один из нас не может публично высказать то, что он говорит у себя дома, то, что вы ежедневно говорите на ухо, храбрые солдаты! Вы спрашиваете ежеминутно: «Что значит кучка узурпаторов по сравнению с французским народом? Они зовут нас к себе; они полагают, что оказывают нам честь, называя нас своими защитниками. Защитниками тиранов являются только их сообщники». Это наш язык, мужественные солдаты! Он и должен быть нашим, ибо у всех у нас одни интересы. Постараемся же вместе обеспечить победу свободе, возвратим себе свои права или мы не будем ни французами, ни свободными людьми.

Прах стольких героев, погибших за свободу! все вы, жертвы ярости тиранов и предателей! успокойтесь. Нет, ваша кровь пролилась не для того, чтобы мы поменяли господ. Мы вновь поклянемся в этом на ваших могилах: мы будем свободными или, так же, как и вы, сойдем в обитель смерти!!!

Да, мы прогоним эту кучку узурпаторов, которые хотят заставить нас сносить бремя их своенравия. Мы прогоним эту банду интриганов, домогающихся создавать для нас законы, которых желают они одни, которые они всячески стараются представить в измененном виде, доводя их до нашего сведения, и которым сами они не подчиняются. Мы заставим убраться этих бесчестных хищников, которые в сущности более опрометчивы, более неуклюже безрассудны, более непристойно бесстыдны, чем искусны в коварстве и изощрены в недобросовестности. О, если нам придется остаться под властью тирании, которая нас угнетает, то, отнюдь не вызывая восхищения народов земли, мы лишь заслужим их презрение и будем посрамлены. Но нет, слишком долго разобщенные вследствие макиавеллизма наших тиранов, мы хотим объединиться, чтобы вновь овладеть своими правами. Опасность грозит всем, все мы чувствуем это; царящее ныне ужасное затишье предвещает, что все готовы подняться против власти, нарушающей наши законы.

Предатели будут кричать об *анархии*; но они нас не обманут больше. Нам известно, • что с помощью этого слова они преследовали и сейчас еще преследуют демократов, самых безупречных, самых бесстрашных защитников свободы.

МНЕНИЕ О ДВУХ НАШИХ КОНСТИТУЦИЯХ, ВЫНЕСЕННЫХ НА РАССМОТРЕНИЕ ЛИЦ, КОТОРЫЕ ДЕКРЕТИРОВАЛИ И ПРЕДСТАВИЛИ ФРАНЦИИ ОДНУ И ДРУГУЮ И ПРИСЯГНУЛИ ОДНОЙ И ДРУГОЙ

В течение целых восьми месяцев Национальный конвент являл французскому народу, Европе, друзьям всемирной свободы, как и ее врагам, зрелище, вселявшее бодрость в одних, отчаяние в других, скандальное для всех,— зрелище того, как храм Равенства внезапно превратился в арену боя, первый в мире Сенат — в настоящее поле битвы.

Защитники народа, слишком часто терпевшие поражение, не могли добиться того, чтобы в Конвенте занялись нуждами народа и его славой.

Между тем со всех концов республики повелительный голос требовал демократическую конституцию; никогда большая потребность не волновала целый народ. И этот голос не был услышан, заглушенный криками партии, которая властвовала, пренебрегая им. Эта большая потребность в *объединении*, это нетерпение, каждодневно обманутое, становившееся с каждым днем все более жгучим, грозило нам большими раздорами, за которыми мог последовать полный развал.

Священный батальон — народная партия, до тех пор бессильная и униженная, вдруг оправилась и одерживает победу в Национальном конвенте, который получает, наконец, возможность дискутировать, совещаться и выполнять одну из главнейших целей своей миссии.

Тотчас появляется демократическая конституция, которую столь терпеливо ожидали, так долго напрасно требовали, и объединяет все умы.

Тотчас одно за другим безудержно и непрерывно умножаются чудесные проявления общественного сознания, и мы увидели, как словно из-под земли появилось все, чего нам не доставало. Снаряжение, оружие, селитра, порох, продовольствие, генералы, солдаты, бесчисленные батальоны, флот, армии и, что было еще более ценно, единая сильная воля, ясное сознание того, что ведется наступление на наши права, священный энтузиазм в пользу свободы, любовь к подлинной славе, породившая повсеместно и во всех видах бесчисленные победы и небывалые успехи.

Ф. БУОНАППОТИ
ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА
Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА
Вступительная Ст. В. П. ВОЛГИНА

* Господа из обеих палат налагают страшные кары на тех, кто не питает доверия к их мандатам (мандаты — денежные единицы, введенные взамен ассигнатов. — *Ред.*), а между тем они заставили выплатить себе жалованье за жерминаль по курсу на 85% ниже номинального.

Все это являлось блестящим и в равной мере благим и неожиданным проявлением народного сознания, которое долго еще в самых важных отношениях оставалось преобладающим и сохраняло чистоту.

Такова достоверная истина о происхождении и удивительных последствиях конституции 1793 г.

К тому же — и никто не возьмется это отрицать — конституция эта была свободно, мирно, единодушно, всенародно и очень торжественно принята перед лицом неба, на глазах у всего народа, к всеобщему великому удовлетворению граждан, вызывая отчаяние у некоторых предателей и наводя ужас на все враждебные государства.

С этого дня славы и братского единения конституция 1793 г. стала священной собственностью целого народа. Никакая земная власть, а еще меньше власть, которая перестала существовать, как только ее миссия была завершена, не могла отнять эту конституцию у народа, не став преступной.

Принятие конституции, о котором я здесь напоминаю, не было основано на немногих двусмысленных расчетах, лишенных общепризнанного основания. В то время, когда она вас объединяла, не видно было, чтобы массу республиканцев изгоняли, чтобы они спасались бегством, чтобы их заключали в тюрьму, убивали, чтобы они были повержены в оцепенение и ужас, удручены горечью и отвращением, приведены в бессилие и ничтожество ужаснейшим декретом и невозможностью заставить выслушать себя. В то время не видно было, чтобы слабый был раздавлен, чтобы угнетенного разоружали, чтобы атрибуты свободы, ее язык, ее принципы, да и она сама, как и те, на кого она опиралась, были отданы на посмешище и вызывали ненависть; не видно было, чтобы деспотизм и все, кто ему служит, были в почете, усиливались, вели против народа и всех приверженцев его дела бесславную, убийственную войну. Не видно было, чтобы народ терпел голод, был обессилен, унижен, лишен народных обществ, коммун, должностных лиц, судей, Военных и гражданских служащих, совершенно не участвовал в выработке правил своего внутреннего распорядка, чтобы он как бы умер для гражданского, политического существования и был полностью лишен своей силы и своих прав.

Не видно было, чтобы общественное сознание старательно отравлялось во всех его каналах непрерывным потоком желчи, яда и лжи, превращающим в грязный сток все источники повседневного просвещения, все средства общения и обращения мысли и слова. Не видно было, чтобы всякого рода недоброжелатели, эгоисты, контрреволюционеры, алчные и надменные враги народа и его прав были в милости, поощрялись, встречали поддержку, вооружались, подстрекались тираническим, развращающим правительством.

В особенности не видно было, немисливо было даже вообразить, чтобы возможно было увидеть среди нас армию введенных в заблуждение легионеров и граждан, которая по призыву разъяренного правительства выступила бы во всеоружии против доброго, терпеливого, преступно угнетаемого народа и направила бы против патриотов предместий свои пушки и ружья, выкованные для защиты свободы и уничтожения всех видов тирании. Не видно было, наконец, да и нельзя было увидеть всеобщего разоружения народа, подготовленного самым ужасным преследованием патриотов, которому предшествовал, которое сопровождал, за которым последовал весьма продуманный, публично организованный и открыто выполненный план уничтожения голодом и убийствами.

Нет, этого отнюдь не было видно, нет, ничего этого еще не существовало и это казалось невозможным даже в самом отдаленном будущем, когда 10 августа 1793 г. вся французская нация, объединенная в лице восьми тысяч депутатов ее первичных собраний, на глазах огромной массы народа этой коммуны и при непрерывных одобрительных возгласах хотела на поле Федерации придать столь трогательный и торжественный характер обязательству, которое она на себя принимала под открытым небом и в присутствии молодого поколения, обязательству неустанно трудиться, чтобы повсеместно обеспечить победу и никогда не потерпеть того, чтобы у нее на глазах нарушались вечные права природы, которыми она, наконец, овладела и сохранить которые навсегда она тогда казалась достойной.

Всякий внимательный читатель сказал уже себе, что в прискорбном изложении, предшествующем последнему абзацу, я начертал точную картину или, скорее, смягченный набросок средств, которые были с тех пор пущены в ход, чтобы вырвать у народа его демократическую конституцию, усовершенствования и сохранения которой он требовал, и навязать ему чуждую конституцию, которая в то самое время, когда составлялся протокол ее принятия, привела, в числе других прекрасных вещей, к памятным дням вандемьера, в результате которых была бы безусловно свергнута республика, если бы не героическая самоотверженность самых верных друзей народа, на помощь которых Национальный конвент, конечно, не имел права рассчитывать.

Да, если роялисты не одержали победу 13 вандемьера, то это произошло потому, что в условиях великой опасности для общественной свободы демократы поняли, что во имя столь священного интереса они обязаны с опасностью для жизни спасти тех самых преследователей, которые так предавали свободу, но гибель которых влекла за собой гибель свободы.

Если роялисты не одержали победы, то произошло это потому, что демократы армии, видя, что демократы коммуны встанут под их знамена, поняли, что удары направлены не против народа и его друзей, и что по крайней мере на этот раз их оружие не будет обесцещено. Одно это должно было заставить их решиться.

Не будь этого обстоятельства, крайне сомнительно, чтобы они решились; и, конечно, надо признать, что Национальный конвент не имел бы основания жаловаться на их нерешительность. Он непрерывно совершал столь серьезные, столь многочисленные несправедливости, он так скандально вступил в сделку с предателями, так упорно подчинялся затеям секционеров, что я не вижу, какой упрек он мог бы сделать солдатам, которые не считали бы контрреволюционерами и тем более отъявленными врагами революционных принципов тех самых людей, которых Конвент в течение тринадцати месяцев превозносил за их рвение и патриотизм, пользовался их внушениями, прислушивался к их мнению, исполнял их волю, помогал им в их неистовой деятельности.

Национальный конвент — об этом надо сказать — даже в то время восставал по существу и по форме против тех, кого сам называл народом; ни на одно мгновение не переставал он быть вызывающе преступным в отношении парижских секций, поскольку он рассматривал их как подлинные первичные собрания и, признавая их таковыми, должен был видеть в них составные части суверенного народа, которые в этом отношении и в выражении своей воли, как и всего, что должно было ее подготовить, осветить, окончательно определить, не обязаны были подчиняться ничьему закону, должны были главным образом держаться независимо от уполномоченных, представивших на их рассмотрение проект конституции. Это неоспоримо и отрицалось только нашими тиранами и теми, кого они одурачивали.

Таким образом, парижские секции, в качестве первичных собраний, были всегда правы в отношении Национального конвента, вплоть до того времени, когда они сами отказались носить тот характер, который согласились им придать, и, превратившись в воинственные фаланги, блокировали Конвент с намерением, по крайней мере видимым, уничтожить его.

Что бы ни думали насчет этого побочного, второстепенного вопроса, по крайней мере всеми признано, для всех ясно, что эти постоянные уполномоченные народа не могли попрасть его конституцию, желанную, торжественно принятую, которую он настойчиво требовал, которую каждодневно скреплял потом и кровью, которой они сами много раз присягали, и принудить его склониться под ярмом нового кодекса, который являлся бы собственным кодексом, не нарушая тем самым открыто всего, что есть здравого и святого на земле.

Сказанное мной было много раз и более чем достаточно доказано.

Но что еще не было сказано и что, однако, не менее очевидно, — это то, что своей последней ошибкой, достойным венцом всех других ошибок, Национальный конвент поставил народ в такое положение, которое чревато постоянным риском гражданской войны.

В самом деле, народ поставлен, с одной стороны, перед своей собственной конституцией, единственно законным и действительно обязательным кодексом, а с другой — перед другим, неведомым, так называемым кодексом, которому Национальный конвент тщетно старается придать по крайней мере такие формы и такую видимость национальной воли, которые смогли бы на короткое время скрыть его порочность и совершенное ничтожество; так что какие бы действия отныне ни предпринимались, Франция и каждая ее коммуна в отдельности будут казаться вследствие этого непостижимого насилия разделенными на две, весьма отличные друг от друга части, ярко выраженные и неизбежно враждебные одна другой. При том положении, в каком мы находимся, представляется лишь один-единственный способ выйти из него. Это — созвать подлинные первичные собрания, которые на сей раз будут состоять, как это и должно быть, из всей совокупности французских граждан.

Именно они и должны будут показать Европе, действительно ли французский народ хотел отказаться от своей конституции, т.е. конституции 1793 г., и пожертвовать ею; ибо она одна является его подлинной конституцией, ибо только она была им принята.

В том случае, если первичные собрания решатся отвергнуть эту конституцию, им останется обсудить, считают ли они, однако, подходящим кодекс 1795 г., который, вполне очевидно, пока еще представляет собой только простой проект.

Этот кодекс останется только проектом, до тех пор пока в результате действительного, суверенного его принятия, обязательного для всех, он не станет признанным законом республики.

Для того чтобы эта конституция была реально принята, необходимо, чтобы она была свободно провозглашена. Для того чтобы ее принятие явилось предписанием к повиновению, надо, чтобы она выражала волю большинства. Для того чтобы ее принятие было обязательным, надо, чтобы эта воля, чистосердечно и торжественно констатированная, могла считаться выражением воли каждого добросовестного человека.

В данном случае эти три главных условия совершенно не были соблюдены, ни одно не было выполнено, вернее, всеми ими играли с самой возмутительной легкостью.

Прежде всего — целый год страшных, жестоких гонений на патриотов с разрешения властей; в течение этого года вожаки Национального конвента находились в явном, постоянном заговоре против народа; они увенчали этот год эксцессами, которые когда-нибудь покажутся невероятными, что свидетельствует о том, чем являлось это так называемое свободное *принятие* конституции, которое, как это вполне очевидно, было лишь триумфом тирании.

В отношении второго пункта, если даже исходить из бесконечно подозрительных расчетов власти, заинтересованной в том, чтобы преувеличить все результаты, то и в этом случае неоспоримо, что она могла одержать верх только с сомнительного согласия жалкого *меньшинства*, которого она должна была стыдиться, и, как казалось, действительно стыдилась.

Что касается третьего пункта, то излишне было бы обсуждать его серьезно. Хорошо известно, что ничто не было *аутентичным*, ничто не являлось *констатацией*, разве только лепет и постоянные затруднения того, кто, получив задание выверить и подсчитать число голосов, никогда сам не знал, что ему надо сказать.

Но я не касаюсь всего этого, хотя это и имеет определяющее и решающее значение, и перейду к еще более решающему возражению и вот к какому:

Были ли у вас подлинные первичные собрания в фрюктидоре III года республики? Сборища, на которых был *принят* или создана видимость *принятия* вашего нового кодекса, являлись ли они действительно первичными собраниями?..

Право занять место на первичном собрании, принять в нем участие и высказать свое мнение, которое должно быть принято и с которым должны считаться, есть первейшее право каждого гражданина республики, разбитой на первичные собрания для пользования политическими правами.

Это право — основа и обеспечение всех других прав, это право, пользование которым как бы приоткрывает политическую сцену, на которой не может произойти ничего строго законного и обязательного, если оно не является следствием того, чего желали и что решили первичные собрания. Это право было заведомо и скандальным образом нарушено в лице огромного числа граждан, незаконно осужденных на невозможность высказать свое мнение и добиться его принятия или даже ознакомления с ним.

Во-первых, в это время в большом количестве коммун бесчисленные тюрьмы, созданные контрреволюцией, были еще заполнены множеством лучших, наиболее ярко выраженных демократов, незаконно в них содержащихся. Но не только этот факт незаконного и тиранического исключения имел место; различные первичные собрания, членами которых являлись эти лица, должны были предварительно, до их окончательного конституирования для того, чтобы обсудить представленный им проект, выполнить свою первейшую обязанность, без чего их последующие решения не могли стать элементами суверенной воли,— они должны были требовать и предписать, чтобы их члены были освобождены, ибо пока они не будут освобождены и не получат возможности участия в первичных собраниях, эти собрания не смогут признать себя в полном составе и имеющими право на существование.

Следовательно, с этой точки зрения еще сомнительно, было ли у вас в фрюктидоре III года республики хоть одно подлинное первичное собрание.

Во-вторых, достаточно большое число граждан в значительном количестве коммун было незаконно отстранено либо изгнано из первичных собраний, необходимыми членами которых они являлись. Таким образом, эти собрания, сами себя извратившие в существенных и основных своих частях, переродившиеся в самой своей сути, вследствие отказа от своих настоящих элементов, никогда не смогли достигнуть подлинного существования; с достоверностью можно сказать, что они его вовсе и не имели. Я вижу в них одни только сборища.

Следовательно, с этой новой точки зрения нелегко было бы с точностью определить тот пункт в республике, где смогло образоваться в фрюктидоре III года подлинное первичное собрание,

Я, следовательно, был прав, предлагая вам разрешить это крайне обоснованное и первое по порядку, как и по значению сомнение в вопросе, который нас занимает. Заканчивая, я повторяю: имели ли вы во Франции в фрюктидоре III года подлинные первичные собрания?.. Являлись ли действительно сборища, принявшие или делавшие вид, что принимают ваш новый кодекс, первичными собраниями? Если вы случайно считаете, так же как и я, что это не были подлинные первичные собрания, то я прошу вас, посмотрите, не считаясь ни с какими другими соображениями, не будет ли разумно и справедливо с вашей стороны обратиться по этому вопросу чистосердечно с призывом к народу, который на этот раз соберется свободно в своих различных первичных собраниях? И тогда он выскажется как суверен; а когда он выскажется, то все добрые граждане повинуются.

Этот способ представляется мне несравненно наилучшим. Я считаю его предпочтительным в этом пункте перед всеми изданными законами, как и теми законами, которые предстоит издать. Таково мое мнение; решение за вами.

Решение за вами, сказал я; и в самом деле, если в тяжелые времена, о которых я напомнил, исключительные и крайние обстоятельства привели в расстройство ваши принципы, поколебали даже ваше мужество, то я считаю вас в действительности слишком справедливыми и преданными святому делу, которое вы Призваны защищать, чтобы в эти дни спокойствия и безопасности, когда вы пришли в себя, можно было опасаться с вашей стороны какого-либо недовольства идеей, которую я излагаю, и сомнением, которое я представляю на ваше рассмотрение.

Вы, напротив, поймете, что по существу и по форме, с точки зрения принципов, как и с точки зрения приличия, наиболее достойных длительного уважения, с точки зрения естественного, как и позитивного права, вечной справедливости, как и святости самых нерушимых обязанностей и договоров, добросовестные сторонники, преданные друзья конституции 1793 г. не должны вызвать порицания за взгляды и пожелания, которые они выражают. Было бы слишком надменно, жестоко, несправедливо питать за это обиду. Они должны вызвать интерес и похвалу у всех партий, если они ограничиваются только этим.

Париж, 23 жерминаля IV года

ПРИМЕЧАНИЯⁱ

115 Термидорианский конвент пошел на ряд уступок руководителям вандейских мятежников. В феврале—мае 1795 г. была предоставлена амнистия руководителям вандейцев — Шаретту, Комартену, Стоффле, Сапино и др. на очень выгодных условиях: отказ от преследований, возвращение конфискованного имущества, сохранение оружия, создание территориальной гвардии из бывших участников вандейских отрядов и т.д. Уже летом 1795 г., после высадки англичан и эмигрантов в Кибероне, руководители контрреволюционной Вандеи возобновили военные действия.

116 5 апреля 1795 г. Пруссия подписала в Базеле сепаратный мир с Францией. Главными из статей Базельского договора были фактическое признание Пруссией (по секретному соглашению) перехода земель по левому берегу Рейна к Франции и обязательство последней вывести свои войска с оккупированной территории правого берега Рейна. 22 июля 1795 г. в Базеле же был подписан мирный договор с Испанией. По этому договору Франция обязывалась возвратить Испании занятые французскими войсками испанские владения, в обмен за что Испания уступала Франции свою часть острова Сан-Доминго и заключала с Францией союзный договор. Базельские договоры означали начало распада коалиции против Франции.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА В ДОКУМЕНТАХ

117 Саладен, Жан-Батист Мишель (1752— 1812) — член Законодательного собрания и Конвента (от деп.Соммы), жирондист; стал играть заметную роль при термидорианской контрреволюции; был докладчиком комиссии по расследованию деятельности Барера, Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа и Вадье, обвинившей их; член Совета пятисот; сослан после 18 фрюктидора. Дюмон Клод-Жан-Батист (1748— 1829) и Оги Пьер-Жан-Батист (1747—1810) — члены Конвента; члены Комитета общественной безопасности в дни термидорианской контрреволюции. Дюмон, Андре — член Конвента от департамента Соммы; лично хорошо известный в первые годы революции Бабефу, относившемуся к Дюмону с недоверием; в период революционного правительства проявил себя ретивым дехристианизатором; позднее — один из активнейших термидорианских заговорщиков, сыгравший значительную роль в день 9 термидора; член Комитетов общественной безопасности и общественного спасения в период термидорианской контрреволюции. Стал супрефектом при Наполеоне.

118 В мае—июне 1795 г., после подавления прериальского восстания, роялистские террористические банды под названием «Общество солнца», «Общество Иисуса» и др. произвели массовые убийства заключенных в тюрьмы якобинцев и санкюлотов в Лионе, Роанне, Эксе и Марселе. Множество республиканцев, заключенных в Тарасконской крепости, было сброшено с вершины башен в Рону. Члены термидорианского конвента Буасси д'Англа, Кадруа, Марьетт, Шамбон, Инар, посланные в качестве комиссаров в провинцию, были соучастниками всех этих преступлений. *А.Матьез. Термидорианская реакция (чч.1, 2)*

119 Буонарроти имеет в виду гимн, получивший распространение после 9 термидора «Le Reveil du Peuple centre les terroristes» («Пробуждение народа против террористов»), который усиленно насаждался контрреволюционными бандами «золотой молодежи» взамен «Карманьолы». (текст см. http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#song1)

120 Воззвание «Солдат, остановись и прочти!» было написано Феликсом Лепелетье и распространялось в Париже весной 1796 г.

121 «Образование повстанческой директории» — первый документ Тайной директории общественного спасения, образовавшейся в составе Бабефа, Антонелля, Сильвена Марешала и Феликса Лепелетье в начале жерминаля IV г.

122 Уже вскоре после формирования, в Тайную директорию были дополнительно введены Буонарроти, Дарте и Дебон.

123 «Манифест равных» написан Сильвеном Марешалем.

ⁱ Сюда вынесены примечания, сделанные редакторами издания к документами. Предыдущие (1-114) относятся к тексту Ф.Буонарроти и помещены в соответствующем разделе. — ред. *Vive Liberta*.

124 Автор «Анализа доктрины Бабефа», по мнению новейшего исследователя А.Сайтта, являлся Буонарроти.

125 «Письмо Свободного франка... его другу Террору» написано предателем Гризелем.

126 Очевидно, речь идет о Капете, бывшем короле Людовике XVI ([подборка материалов о нем http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lxvi](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lxvi)).

127 Первая инструкция Тайной директории главным военным агентам была составлена в жерминале IV г. Сличение этого документа с двенадцатым документом — «Обращением «Трибуна народа» к внутренним войскам», подписанным Бабефом, показывает полное совпадение отдельных фраз и близость текста некоторых мест того и другого документа.

128 Уже во время столкновений 1788—1789 гг. в ряде частей французской армии (в Париже, Ренне, Безансоне и др.) проявилось нежелание стрелять в народ. Накануне 14 июля в Париже особенно сильно недовольство выявилось в полку французской гвардии (Gardes francaises), самом многочисленном из всех гвардейских полков. Часть гвардейцев приняла участие в штурме Бастилии. Из среды унтер-офицеров этого полка вышли виднейшие революционные генералы, в том числе Гош. [P.Роллан. Четырнадцатое июля](#)

129 Воззвание «Следует ли повиноваться конституции 1795 г.» было опубликовано Тайной директорией 25 жерминаля IV г.

130 В окончательный состав Комиссии 11, образованной Конвентом для выработки «законов, необходимых для приведения в действие конституции» 1793 г., вошли Тибодо, Лезаж, Буасси д'Англа, Берлие, Дюран-Майан, Ларевейер-Лепо, Крезе-Латуш, Луве, Дону, Ланжюинэ, Боден; последние шесть — бывшие жирондисты. Комиссия 11, не решавшаяся вначале открыто выступить против конституции 1793 г., после прериальских событий единодушно высказалась за отмену конституции. 5 мессидора III г. Буасси д'Англа от имени Комиссии 11 представил термидорианскому Конвенту соответствующий доклад.

131 Обращение «Трибуна народа» к внутренним войскам было опубликовано 27 жерминаля.

132 Пишегрю, Шарль (1761—1804) — генерал. Выдвинулся в 1793—1794 гг. Командовал северной армией; подавил движение 12 жерминаля; вступил в связь с монархистами; в 1797 г. был избран председателем Совета пятисот. Сослан после переворота 18 фрюктидора. В 1804 г. — участник монархического заговора Кадудаля; был арестован и повешен в камере.

133 Мену (1750—1810) — генерал; член Учредительного собрания; в период термидорианской контрреволюции командовал внутренней армией. Руководил подавлением прериальского восстания. Во время мятежа 13 вандемьера был отстранен из-за своих симпатий к монархистам. Позднее был одним из командующих французской армией в Египте, где и погиб.

134 Журдан, Жан-Батист (1762—1833) — генерал республики; командовал в 1793—1794 гг. важнейшими армиями; одержал победу в битве при Флерюсе (26 июня 1794 г.); позднее — маршал Франции, служил при Наполеоне и Бурбонах.

135 Бенезек, Пьер (1755—1802) — министр внутренних дел Директории с брюмера IV г. по мессидор V г.; при Наполеоне — член Государственного совета; был послан на о.Сан-Доминго вместе с генералом Леклерком, где и умер.

136 В Аррасе родился Максимилиан Робеспьер. Бабеф находился в Аррасской тюрьме во время термидорианской реакции с 25 вантоза III года (15 марта 1795 г.) до 24 фрюктидора (10 сентября 1795 г.).

137 «Ответ на письмо за подписью М. В.» был распространен 29 жерминаля IV г. Его автором был, по-видимому, Буонарроти. Возможно, что под буквами «М.В.» скрывался Марк Вадье. [Позволим себе не согласиться с уважаемыми редакторами. Вадье не относился к той категории французских граждан, которые зарабатывают на жизнь исключительно трудом рук своих; к тому же его старшие дети к тому моменту были уже самостоятельными людьми. Кроме того, Вадье, весьма вероятно, был связан с бабувистами более тесно, и дискуссию о социальной программе Равных мог вести, не прибегая к открытому письму через газету. Более вероятным нам представляется, что за «М.В.» не стоит никакая реальная личность, а само письмо и ответ на него — это литературный публицистический прием. — *ped Vive Liberta*.](#)

138 «Настоятельное слово патриотам» составило содержание № 42 «Трибуна народа». В настоящем издании текст Бабефа воспроизводится впервые полностью, в отличие от всех предшествующих изданий книги Буонарроти.

139 В Вероне жил граф Прованский, провозгласивший себя в июле 1795 г. королем Людовиком XVIII. Люксембургский дворец — резиденция Директории.

140 Обращение к полицейскому легиону было составлено в день приказа правительства (9 флореаля) о выводе из Парижа двух батальонов этого легиона, «наиболее непокорных» властям.

141 «Заметка для передачи» — один из документов, не предназначенных к оглашению, относящийся к первой половине флореаля. Замечание о необходимости «обмануть роялистов» связано с полученным бабувистами предложением использовать для свержения правительства роялистов; это предложение было отвергнуто.

142 В ходе переговоров между Тайной директорией и Комитетом монтаньяров, 15 флореаля, на заседании Тайной директории Жерменом был приведен Рикор, представлявший комитет монтаньяров. В речи, обращенной к Рикору, Тайная директория изложила свою программу, цели и условия объединения с монтаньярами.

143 Обращение Тайной директории к агентам 12 округов 18 флореаля IV г. было ответом на поступившие в это время тревожные запросы агентов о причинах задержки выступления и на их сигналы об опасности промедления.

145 Двадцать второй документ содержит изменения, внесенные в Акт о восстании в результате соглашения Тайной директории с комитетом монтаньяров, касавшиеся, в частности, возобновления, в случае победы восстания, деятельности Конвента, пополненного представителями демократов, по одному от каждого департамента.

146 «Обращение к солдатам» было составлено Буонарроти.

147 Письмо написано Бабефом накануне казни.

148 Старший сын Бабефа Робер-Эмиль воспитывался Феликсом Лепелетье. Работал в книжных магазинах Лиона и Парижа. Активно поддерживал Наполеона во время «ста дней». В 1816—1818 гг., при Реставрации, подвергался преследованиям за издание бонапартистского памфлета «Трехцветный карлик». С 1818 г. владел книжным магазином в Париже. Поддерживал связь с Буонарроти, хотя далеко не отличался политической стойкостью, присущей его отцу. Его сын Луи-Пьер в 1848 г. был назначен супрефектом.

149 Младшие сыновья, Камилл и Кай, воспитывались генералом Тюрро. Кай был убит во время войны 1814 г., Камилл сбросился с Вандомской колонны во время вступления союзных войск в Париж 31 марта 1814 г. Вдова Бабефа еще в 1840 г. жила в Париже, была продавщицей.

150 Лебуа — редактор газеты «Друг народа», выходившей в 1794—1795 гг. Содержался вместе с Бабефом в Аррасской тюрьме. Бабеф критиковал политические колебания Лебуа, его склонность к компромиссу с Директорией. Бодуэн был издателем стенографического отчета вандомского процесса.

151 Эта брошюра сохранилась в следственном деле бабувистов (Archives Nationales, W3 563) и переведена с фотокопии, хранящейся в ЦПА ИМЛ (ф. 223).

152 Эта брошюра, автором которой, по-видимому, был Ф.Лепелетье, сохранилась в следственном деле бабувистов (Archives Nationales, W3 562); переведена с фотокопии, хранящейся в ЦПА ИМЛ (ф. 223).

Ф. БУОНАРРОТИ

ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Под общей редакцией академика В. П. ВОЛГИНА

Вступительная Ст. В. П. ВОЛГИНА

Перевод с французского Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии В. М. ДАЛИНА

Москва: издательство Академии Наук СССР. 1963. Тт. I, II

ДОКУМЕНТЫ

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009